

**РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

XXVIII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ **БОГ. ЧЕЛОВЕК. МИР**

ОРГКОМИТЕТ

Богатырёв Д. К. (председатель), д-р филос. н., ректор РХГА им. Ф. М. Достоевского;

Ивашенко Я. С. (зам. председателя), д-р культ., проектор по науч. работе РХГА им. Ф. М. Достоевского;

Тихомиров М. Г. (отв. секретарь), спец. отд. сопр. науч. проектов РХГА им. Ф. М. Достоевского;

СООРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Российское философское общество;
Российское культурологическое общество.

ЧЛЕНЫ ОРГКОМИТЕТА

Афонасин Е. В., д-р филос. н., проф. ОНК «ИОиГН» БФУ им. И. Канта;
Астафьева О. Н., д-р филос. н., проф. РАНХиГС при Президенте РФ;
Богданова О. В., д-р филол. н., директор НИГЦ «Слово» РХГА им. Ф. М. Достоевского; **Вахрушева И. А.**, канд. психол. н., доцент, зав. каф. РХГА им. Ф. М. Достоевского; **Высоцкий В. Б.**, канд. культ., доц. каф. СПбГУПТД, зав. кафедрой РХГА им. Ф. М. Достоевского; **Докучаев И. И.**, д-р филос. н., зав. каф. СПбГУ; **Ермичёв А. А.**, д-р филос. н., проф. каф. РХГА им. Ф. М. Достоевского; **Есаулов И. А.**, д-р филол. н., проф. каф. МГИМО МИД РФ; **Зайцев И. Н.**, канд. филос. н., зам. зав. каф. РХГА им. Ф. М. Достоевского; **Защиринская О. В.**, д-р психол. н., проф. каф. СПбГУ; проф. каф. РХГА; **Кондаков И. В.**, д-р филос. и канд. филол. н., проф. каф. РГПУ, засл. проф. РГГУ, вед. науч. сотр. ГИИ, поч. проф. РХГА им. Ф. М. Достоевского, акад. РАЕН; **Лебедев С. П.**, д-р филос. н., проф. каф. РХГА им. Ф. М. Достоевского; **Макаров И. В.**, иерей, председ. ОРОиК; **Масленников Д. В.**, д-р филос. н., проф. каф. РХГА им. Ф. М. Достоевского; **Романенко И. Б.**, д-р филос. н., зав. каф. РГПУ им. А.И. Герцена; **Светлов Р. В.**, д-р филос. н., проф., директор НОЦ «ЦИМФ», проф. СПбГУ; **Пахомов С. В.**, канд. филос. н., доц. каф. РХГА им. Ф. М. Достоевского; **Широглазова Н. С.**, канд. филол. н., зав. каф. филологии РХГА им. Ф. М. Достоевского.

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

**XXVIII ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

БОГ. ЧЕЛОВЕК. МИР

2–8 ДЕКАБРЯ 2025 Г.

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2026

Представлено к печати рабочим оргкомитетом XXVIII всероссийской
научно-практической конференции с международным участием
«БОГ. ЧЕЛОВЕК. МИР»

*Материалы докладов публикуются
без издательского редактирования*

Издание подготовил П. К. Шаханов

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор Д. В. Масленников;
доктор культурологии, профессор Я. С. Иващенко

XXVIII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Бог. Человек. Мир» 2–8 декабря 2025 г. Сборник докладов. — СПб.: РХГА, 2026. — 511 с., ил.

ISBN 978-5-908124-26-3

XXVIII ежегодная конференция молодых ученых «Бог. Человек. Мир» проводится с целью обсуждения актуальных проблем в области исследования вопросов, связанных с изучением социокультурных, духовно-нравственных аспектов существования современного человека, а также формирования объемного видения феномена религии. Междисциплинарность конференции, актуализация проблем стоящих перед миром и обществом, создание единого пространства для совместного творческого поиска историков, философов, богословов, религиоведов, психологов, филологов, культурологов — все это делает конференцию «Бог. Человек. Мир» уникальным событием в научной жизни Санкт-Петербурга. Благодаря участию в совместных дискуссиях на конференции создаются условия для творческой активности, самостоятельности молодых исследователей в их научной деятельности, расширяется научное сотрудничество между вузами, устанавливаются межличностные и межвузовские контакты. В рамках работы конференции происходит диалог светской и религиозной мысли, осмысливаются вопросы взаимосвязи науки и религии, религии и образования, межкультурной и межрелигиозной коммуникации, обсуждается роль и место религии в современном обществе.

ISBN 978-5-908124-26-3

© Авторы, 2026
© АНО ВО «РХГА», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы культурологии

<i>Аткина Л. И., Москаленко Е. В.,</i> Роль храмовых комплексов в пространственной структуре Екатеринбурга.....	10
<i>Холод С. В.,</i> От дисциплинарного общества к обществу достижений: самоэксплуатация гиперпродуктивного субъекта в теории Бён Чхоль Хана.....	17
<i>Егорчева Е. С.,</i> Христианские символы в городской среде: семантика и социокультурная функция (на примерах исторических и современных городов).....	22
<i>Митрофанова А. В.,</i> Концепции «бедной веры» и «слабого бога» как попытки переосмысления традиционных представлений о христианстве в постсекулярном обществе.....	30
<i>Угличева Л. С. ,</i> Древнерусские православные рукописные своды как прообраз энциклопедий: роль русской православной церкви в систематизации знаний допетровской России.....	36

Язык. Литература. Искусство

<i>Хацкевич Т. М., Погорелко О. Д.,</i> Юридические термины как предмет функционально-семантического анализа в романе Аманды Браун «Блондинка в законе».....	44
<i>Денисова С. М., Лукина Л. Е.,</i> Воспитательный потенциал древнерусской литературы в формировании духовно-нравственных качеств школьников.....	51

<i>Сергеева М. С.,</i> Лингвистические методы анализа речевой манипуляции в политическом медиадискурсе.....	59
<i>Орлова Т. С.,</i> Поиски сакрального в мире постчеловека (по роману Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце»).....	69
<i>Васильева Д. В.,</i> Вопль и молитва: лексемы שָׁוַעַ וְשִׁוּעָה в псалтири архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского).....	73
<i>Абрамовских Е. В., Перепелкин И. М.,</i> «Божья правда» крестьянского мира в романе Е.Н. Чирикова «Отчий дом»	82
<i>Коваленко Г. С.,</i> Любовная лексика в лексико-семантических полях старофранцузского и французского языков на примере Лэ Марии Французской «Элидюк»	90

Актуальные проблемы философии

<i>Бильченко Е. В.,</i> Перед лицом Великого Инквизитора: Бог силы, Бог слабости, Агаре без милости.....	100
<i>Смирнова Е. В.,</i> «Свобода» как инструмент конструирования субъекта идеологии в трудах С. Жижека.....	134
<i>Сурков А. Г.,</i> Когнитивность искусственного интеллекта.....	139
<i>Кузнецов И. К.,</i> Философия права Джорджо Агамбена: проект правовой теологии.....	147
<i>Шилина Г. А.,</i> Метафизические основания свободы в немецкой классической философии от Канта до Гегеля	159
<i>Сивкова Ю. М.,</i> Функциональная дифференциация и личная интеграция решений: множественные коды подсистем и предельная мера допустимого	173
<i>Мельников З. Г.,</i> Материя как предел: неоплатоническая онтология и акселерационистская динамика	182

Суханов В. И., Сравнение педагогики Сократа у Платона и Ксенофонта	185

Психология: многообразие опыта

Попова А. В., Голуб Н. В., Самопринятие и его связь с уровнем тревожности и удовлетворенности жизнью у женщин от 40 до 65 лет	192
Лучинин И. А., Мотивационно-смысловые детерминанты включенности студентов в общественную деятельность	200
Юнка Е. В., Загашев И. О., Психологический анализ особенностей трудовой мотивации китайских офисных служащих	213
Шилин И. В., Педагогические технологии формирования рефлексивной культуры и стрессоустойчивости в образовательном процессе	222
Кольчикова Н. Р., Яковлева А. Н., Психологические аспекты выбора будущей профессии и карьерные ориентации старшеклассников	235
Кольчикова Н. Р., Яковлева А. Н., Анализ эффективности мероприятий профессионально-психологического отбора	246
Лангинен А. А., Влияние внутрисемейных отношений и коммуникативных стратегий на школьную адаптацию ребёнка	256
Перваков М. О., Личностные характеристики преподавателя как фактор интеграции естественно-научных дисциплин в образовательную среду гуманитарного колледжа	263
Арзуманов Н. А., Психологический кризис: определения и трансформации (от Фрейда до Васильюка)	269
Литвинюк В. С., Взаимосвязь профессиональной идентичности и психологического благополучия слушателей специальностей переподготовки психологического профиля	278

Сулич В. А., Философская психология XVIII века как предтеча научной экспериментальной психологии.....	286
Каирова М. Т., Съесть, чтобы обладать: инкорпорация при расстройствах пищевого поведения	294

Архаические религии в историческом и современном измерении

Черновская Е. С., Восприятие и объяснение символического значения германской рунической письменности в популярной культуре и неоязычестве германо-скандинавского толка.....	300

Теология и история церкви

Грацианова Т. Э., Григорий Нисский и Джон Хот: диалог через столетия	307
Францева М. Г., История храма бориса и глеба на синопской набережной: метаморфозы XX–XXI вв.	314
Михеев Г. Н., Миссия средствами национальной культуры: просветительская деятельность йошкар-олинской епархии в республике Марий Эл.....	328

Психологическое сопровождение человека на разных этапах бытия

Никитаева А. И., Инклюзивная творческая программа развития эмоциональной саморегуляции: теоретические основания и принципы организации занятий для детей с ДЦП	334
Гетманенко В. Н., Пежемская Ю. С., Диагностика иерархии семейных ценностей в представлениях молодёжи о будущей семье.....	343
Антонюк А. В., Котова С. А., Психологическая поддержка молодых матерей в послеродовой период жизни	351

<i>Бондаренко С. В.,</i> Опыт применения групповых творческих сессий для матерей и детей с инвалидностью	360
<i>Краснова Т. Е., Никитаева А. И.,</i> Оценка эффективности и ограничений подходов при работе с личностным кризисом, посттравматическим стрессом и ранней детской травмой	365
<i>Краснова Т. Е.,</i> Агрессивные паттерны мужчин — акторов домашнего насилия.....	381
<i>Разина К. Л., Котова С. А.,</i> Особенности переживания женщинами утраты ребенка а разных этапах его развития.....	392
<i>Кораблева М. С., Голуб Н. В.,</i> Адаптационные ресурсы матерей.....	399
<i>Бегунская А. В., Котова С. А.,</i> Особенности психологического дискомфорта у работающих и неработающих пенсионеров	405
<i>Хохлачева Ч. И.,</i> Культурный ассимилятор как инструмент психологической помощи в адаптации к татарской культуре	409
<i>Рыбак М. Ю.,</i> Психотравма у мужчин как предвестник алкогольной зависимости	419
<i>Гуляева М. В.,</i> Викарная травма и ее профилактика у психологов	428
<i>Свирбутович Д. Ю.,</i> Семейная идентичность как психологический феномен: структура, механизмы формирования и роль в развитии личности	435
<i>Драгилев С. А.,</i> Роль христианского вероисповедания в профилактике суицида	443

Актуальные направления совершенствования образовательной среды для развития участников учебного процесса

<i>Магеррамова А. В.,</i> Роль предметно-развивающей среды в организации учебной деятельности младших школьников	451

Религиоведческие исследования

Донец Е. С.,

Биоэтическая проблематика и современные деструктивные
контррелигиозные движения: общие предпосылки развития
и принципиальные этические противоречия 458

Каребо Д. С.,

«Назад, к Мюллеру!»: «Флюидное» религиоведение, энактивизм
и «минимум религии» 465

Научные исследования эзотеризма и мистицизма

Васильева О. О.,

Метаморфозы посредника: концепция «мировой души»
от «тимея» до современности.....478

Сергийчук В. С.,

Мифологические основы современного эзотеризма 497

Хузиахметова И. А.,

Гносис как эзотерическое учение о спасении души.....501

Аткина Людмила Ивановна,
доктор сельскохозяйственных наук,
профессор кафедры ландшафтного строительства
Уральского государственного лесотехнического университета,
atkinali@m.usfeu.ru

Москаленко Елена Витальевна,
старший преподаватель кафедры ландшафтного строительства
Уральского государственного лесотехнического университета,
moskalenkoev@m.usfeu.ru

РОЛЬ ХРАМОВЫХ КОМПЛЕКСОВ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА

В статье проанализирована роль храмовых комплексов в формировании пространственной структуры города Екатеринбурга. Установлено, что композиционно-пространственные характеристики исторической застройки города, до сих пор определяют облик площадей и улиц во многих районах современного Екатеринбурга. Подходы к планировочным решениям храмовых комплексов в XXI в. претерпели кардинальные изменения за счет интенсивного строительства городской застройки и меняющимся градостроительным планам. Сделаны выводы о необходимости сохранения исторических, культурных традиций в храмостроении и передаче наработанного опыта молодому поколению.

Ключевые слова: церковь, храмовый комплекс, пространственная структура, площадь, озеленение.

Liudmila I. Atkina, Elena V. Moskalenko

THE ROLE OF TEMPLE COMPLEXES IN THE SPATIAL STRUCTURE OF EKATERINBURG

The article analyzes the role of temple complexes in the formation of the spatial structure of the city of Yekaterinburg. It has been established that the compositional and spatial characteristics of the historical buildings of the city still determine the appearance of squares and streets in many areas of modern Yekaterinburg. Approaches to the planning solutions of temple complexes in the 21st century have undergone drastic changes due to the intensive construction of urban buildings and changing urban planning plans. Conclusions are drawn about the need to preserve historical and cultural traditions in church building and transfer the accumulated experience to the younger generation.

Keywords: church, temple complex, spatial structure, square, landscaping.

Храмовые комплексы — это объекты религиозного назначения, предназначенные, прежде всего для молитвы верующих и в подтверждение этому слова из книги пророка Исаи: «...дом Мой назовется домом молитвы для всех народов» [5]. В третьей книге Царств Ветхого Завета о храме написано как о священном месте особого присутствия Божия «я освятит сей храм...» [4]. Екатеринбургская епархия основана 29 января (11 февраля по новому стилю) 1885 года. Первый православный храм во имя святой великомученицы Екатерины (Екатерининский горный собор) был возведен в Екатеринбурге в 1723 году. В настоящее время также продолжают строиться сооружения разнообразных типов, среди них значительную часть составляют храмы с прихрамовой территорией, которые можно классифицировать (по размерам площади) на крупные, средние и малые [2]. Всего в XX–XXI вв. в Екатеринбурге было построено 38 новых храмов, восстановлено на месте утраченных — 13 храмов.

Цель представленной работы — рассмотреть роль православных храмовых комплексов в пространственной структуре застройки города Екатеринбурга в различные исторические периоды.

И. Ю. Бочкова пишет о времени основания первых храмовых комплексов: «...с появлением в XI в. в Киеве первых на Руси монастырей сады в них играли в основном утилитарную роль» [6]. Еще с древних времен монашествующие стремились разместить храмовые комплексы возле воды (пруд, река, озеро, море) и на высотных точках городов (склон, гора), сельской местности даже в самых суровых и отдаленных местах. Храм или монастырский комплекс должен был виден с любой обзорной точки в древние времена. Храмовый комплекс Ново-Тихвинского монастыря, Вознесенская церковь, Максимилиановская церковь («Большой Златоуст»), Спасская (Толстиковская) церковь, Свято-Троицкая церковь (Рязановская) на Сенной площади, Всесвятская (Нагорная) церковь Верх-Исетского завода, Свято-Духовская церковь, Бого-явленская церковь, Крестовая церковь Архиерейского дома, Екатерининский собор, Церковь дома Харитоновы составляли основу объектов религиозного назначения Екатеринбурга, находясь на близком расстоянии от главной реки Исеть и второстепенных рек, просматриваясь с разных сторон города. Пространственная организация была сформирована таким образом, что храмы создавались в углах треугольника [8]. Находясь у одного храма были видны купола двух близлежащих храмов. Они хорошо вписывались в принцип градостроительной планировки Екатеринбурга основанной на геометрически правильной (прямоугольной) схеме города. Уже к 1917 году существовала четкая пространственная структура с видовыми перспективами основных сооружений. На набережных и площадях были запроектированы бульвары и скверы. Роль городского центра исполняли Торговая и Церковная площади с расположенными на них Богоявленским и Екатерининским соборами,

которые совместно со Свято-духовской и Максимилиановской церквями («Большой Златоуст») образовывали основу пространственной структуры центра города и объединяли в одно целое платину, пруд, площади[7].

Второстепенными доминантами в центре города являлись Вознесенская и Александро-Невская (Лузинская) церковь на Мельковской площади, Крестовоздвиженская, Троицкая церковь и храмовый комплекс Ново-Тихвинского монастыря. Доминантой храмового комплекса Ново-Тихвинского монастыря являлся Александро-Невский собор. Затем второстепенные акценты смещались на колокольню Ивановской панихидной церкви, Никольской, Всесвятской (Нагорной) церквей Верх-Исетского завода. После 1860 года претендовали на главенствующую доминантную роль две церкви — Крестовоздвиженская и Максимилиановская.

Вдоль проспектов, которые были построены с запада на восток, выполнявшие функцию транзитной магистрали из центральной России в Сибирь были построены церковные постройки[9]. В отличие от главных храмов приходские церкви и домовые храмы по линии застройки выделяли регулярную сетку улиц, но не образовывали между собой систему пространственных связей. Часовни не оказывали влияние на формирование высотной застройки города, но возведенные рядом с храмами были малыми архитектурными формами, и существенно смягчали переход от светских построек к религиозным объектам города.

В южной части города сформировался второй район с храмами вдоль Александровского проспекта. Его пространственную структуру определяли комплексы из церковных зданий на Дровяной (Щепной) и позднее (к началу XX в.) Сенной площадях. Нужно отметить, что в южной части города проживала основная часть старообрядцев, соответственно в этой части Екатеринбурга находились церкви, принадлежавшие им — Спасская, Троицкая, Никольская, Крестовая церковь архиерейского дома. В конце XIX в. многие церкви строились не на площадях, согласно генплану 1829–1845 г.г., а в городской застройке проспектов и улиц. Сочетание опорных вертикалей, зональной структуры и зрительных связей между ними были взяты за основу в построении пространственной структуры Екатеринбурга (рисунок).

Соборы и церкви, расположенные на площадях не имели прилегающей озелененной территории и вся площадь пространственно «подчинялась» главному акценту — зданию. Прихрамовые территории значительных размеров описаны только у монастырей.

Если до 1785 года многие храмы города, как самые значительные объекты в градостроительстве Екатеринбурга, возвышались среди малоэтажных деревянных строений и их можно было обозревать с любой точки города независимо от направления улиц то с появлением в период классицизма (1785–1850 г.г.) колоколен Вознесенской и Святодуховской церквей формируются новые транспортные магистрали, проходящие через Церковную и Торговую площади.

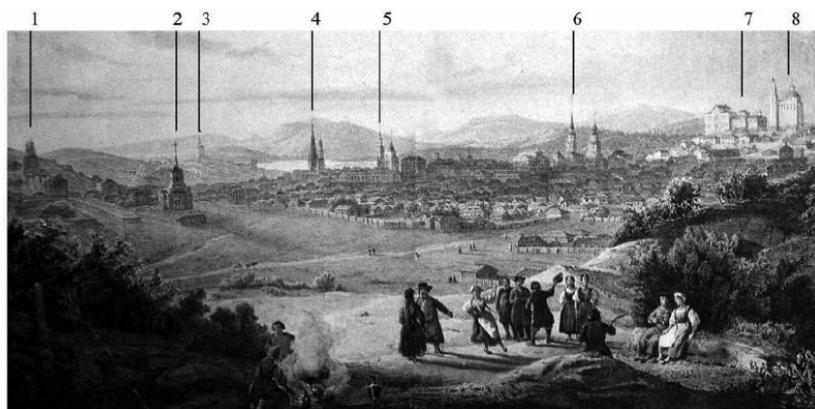

Рис. 1. Фрагмент исторической панорамы Екатеринбурга с основными храмами. Взята с гравюры В. Адома [5].

1 — Александро-Невская церковь Ново-Тихвинского монастыря; 2 — Свято-Троицкая церковь на Сенной площади; 3 — Всехсвятская (Нагорная) церковь Верх-Исетского завода; 4 — Свято-Духовская церковь; 5 — Богоявленская церковь; 6 — Екатерининский собор; 7 — Дом Расторгуева-Харитонова; 8 — Вознесенская церковь.

С 1860 г. изменилось стилистическое направление в архитектуре, вместо «горнозаводского ансамбля» в Екатеринбурге развивается строительство различных объектов торгового направления, которыми и застраиваются городские площади. В этот период появляется потребность в выделении Торговой площади высотным объектом.

В XIX веке Екатеринбург уже считался одним из крупных городов с несколькими живописными церковными каменными ансамблями, несущими художественные функции. В отделке фасадов каменных храмовых комплексов Екатеринбурга используется большое количество лепнины, плавные линии на колоннадах, подчеркивая помпезность и значимость объектов, характерных для стиля «барокко».

В начале XX в. (1920–1930 г.г.) подверглись разорению, сношению, разрушению перестройке более 900 православных храмов в Екатеринбургской епархии [10]. Был разрушен Богоявленский и Екатерининский соборы. При реконструкции и восстановлении объектов религиозного назначения видоизменили границы, уменьшили по размерам площадь прихрамовых территорий (Вознесенское Архиерейское подворье, Крестовоздвиженский мужской монастырь), оставив небольшое пространство для совершения крестного хода.

Так на территории Преображенского храма ранее использовали простую схему посадки деревьев, кустарников, цветочных культур, а в последние 20 лет она усложнилась, но по общему облику стала ближе к принципам создания «садов на склонах» без соблюдения христианских обычаев. В настоящее время

расширен ассортимент деревьев и кустарников, выполнен ландшафтный дизайн территории с преобладанием современной стилистики с сохранившимся сложным рельефом прихрамовой территории[3].

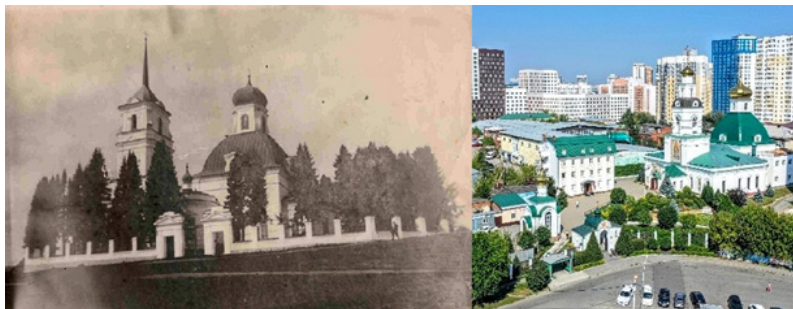

Рис. 2. Храм Преображения Господня. Вид с юго-востока. Начало 1900-х годов и в настоящее время

В Ново-Тихвинском храмовом комплексе, наоборот, за основу цветочного оформления взято продолжение монастырских традиций[1].

Следовательно, можно сделать вывод, что с течением времени изменялся облик города, но храмовые комплексы играли и играют важную градообразующую роль в формировании пространственной структуры центра Екатеринбурга, формируя живописный облик с уникальными уральскими традициями. На периферии города храмы хотя и визуальны скрыты современной застройкой, но при этом являются центрами притяжения для жителей близлежащих домов в том числе и благодаря красивым садам на прихрамовой территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аткина, Л. И. Оформление декоративными растениями территории храмового комплекса «Ново-Тихвинского монастыря» / Л. И. Аткина, Г. В. Агафонова, Е. В. Москаленко. — Текст: непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 3 (141). — С. 83.
2. Аткина, Л. И. Особенности озеленения прихрамовых территорий Свердловской области / Л. И. Аткина, Е. В. Москаленко. — Текст: непосредственный // Современные научные исследования: Актуальные вопросы, достижения и инновации: материалы XXV международной научно-практической конференции. — Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», [б.г.]. — С. 117–120.
3. Аткина, Л. И. Особенности озеленения храмового комплекса во имя Преображения Господня г. Екатеринбурга / Л. И. Аткина, Е. В. Москаленко. — DOI 10.513.318/FRET.2023.3.86.009. — Текст: непосредственный // Леса России и хозяйство в них. — 2023. — № 3 (86). — С. 82–94.
4. Библия. — Москва: Сибирская Благовонница, 2010. — С. 392. — Текст: непосредственный.

5. Библия. — Москва: Сибирская Благовонница, 2010. — С. 858. — Текст: непосредственный.
6. Бобылева, О. Н. К вопросу о цветочном оформлении территории монастырей / О. Н. Бобылева, И. Ю. Бочкова. — DOI 10.18698/2542-1468-2017-5-52. — Текст: непосредственный // Лесной вестник = Forestry Bulletin. — 2018. — Т. 22, № 1. — С. 52–57.
7. Букин, В. П. Свердловск (Перспективы развития до 2000 года) / В. П. Букин, В. А. Пискунов. — Свердловск: [б.и.], 1982. — [б.с.]. — Текст: непосредственный.
8. Голобородский, М. В. Роль храмов в пространственно-планировочной структуре Екатеринбурга XVIII–XIX вв. / М. В. Голобородский. — Текст: непосредственный // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. — 2010. — № 4. — С. 9–17.
9. Звагельская, В. Е. Гражданская архитектура Урала второй половины XXI — начала XX века / В. Е. Звагельская. — Москва: [б.и.], 1985. — [б.с.]. — Текст: непосредственный.
10. Официальный сайт Екатеринбургской епархии. — Текст: электронный. — URL: <https://ekaterinburg-eparhia.ru/> (дата обращения: 28.11.2025).

Холод Сергей Владимирович,
магистрант РХГА им. Ф. М. Достоевского,
xolod.sergei.2002@mail.ru

**ОТ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ
ДОСТИЖЕНИЙ: СЕМОЭКСПЛУАТАЦИЯ
ГИПЕРПРОДУКТИВНОГО СУБЪЕКТА В ТЕОРИИ
БЁН ЧХОЛЬ ХАНА**

В статье рассматривается один из подходов к описанию современной культуры, а именно теория Бён Чхоль Хана. Бён Чхоль Хан — немецкий мыслитель южнокорейского происхождения, который описывает культуру позднего модерна как общество достижений, а субъекта культуры как субъекта достижений, нацеленного на максимизацию личной продуктивности. В качестве прояснения его теории используются сравнительный анализ с концепцией Мишеля Фуко о дисциплинарном обществе и анализ текста «Общество усталости» самого Бён Чхоль Хана. Результатом выступает описание развития идей Мишеля Фуко в теории Бён Чхоль Хана, а именно процесса смены дисциплинарного субъекта гиперпродуктивным и перемещения локуса власти из внешних дисциплинарных институтов во внутренний императив достижений. В заключении отмечаются как сильные, так и слабые стороны концепции Бён Чхоль Хана и выдвигается предположение о её пользе для российского академического и культурного дискурсов.

Ключевые слова: Бён Чхоль Хан, Мишель Фуко, сеомэксплуатация, позитивность, продуктивность, общество достижений, дисциплинарное общество, выгорание, усталость.

Sergey V. Kholod

**FROM THE DISCIPLINARY SOCIETY TO THE ACHIEVEMENT SOCIETY:
THE SELF-EXPLOITATION OF THE HYPER-PRODUCTIVE SUBJECT
IN BYUNG-CHUL HAN'S THEORY**

This article examines one influential approach to diagnosing the condition of contemporary culture, namely the theory of Byung-Chul Han. A Korean-German philosopher, Han describes late-modern culture as an achievement society (Leistungsgesellschaft) and its cultural agent as an achievement subject (Leistungssubjekt) oriented toward maximizing personal productivity. To clarify Han's argument, the article combines a close reading of The Burnout Society with a comparative analysis of Michel Foucault's account of the disciplinary society. The analysis traces how Foucauldian insights are reworked in Han's framework: the disciplinary subject is displaced by a hyper-productive subject, while the locus of power shifts from external disciplinary institutions to an internalized imperative to achieve. The article concludes by outlining both the strengths and the limitations of Han's diagnosis and by suggesting its potential relevance for Russian academic and cultural debates.

Keywords: Byung-Chul Han, Michel Foucault, self-exploitation, positivity, productivity, achievement society (Leistungsgesellschaft), disciplinary society, burnout, fatigue.

Современное общество давно является предметом критического анализа в философских и культурологических теориях. В этой статье мы рассмотрим специфику современного общества со стороны требований к индивидуальной продуктивности, даже сверх- или гиперпродуктивности, которые стали центральной темой исследований немецкого мыслителя корейского происхождения Бён Чхоль Хана. Бён Чхоль Хан описывает переход от дисциплинарных форм власти по теории Мишеля Фуко к механизмам саморегуляции и самоэксплуатации, приводящих к истощению субъекта без внешнего принуждения.

Таким образом, цель статьи — рассмотреть, как теория Бён Чхоль Хана описывает гиперпродуктивного субъекта и процесс смены дисциплинарной власти обществом достижений. В качестве методологии выступил анализ источников и сопутствующей литературы. Центральное место займут, конечно, эссе Хана «Общество усталости» и текст Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать». В ходе сравнительного анализа будут сопоставлены формы власти, формирующие, в одном случае, послушного субъекта, а в другом субъекта достижений, гиперпродуктивного субъекта.

В основе картины дисциплинарного общества, представленной Фуко, лежат три основных метода контроля: надзор, создание норм и проверка [5]. В значительной степени контроль над людьми может быть достигнут именно путём надзора за ними. Идеальная система наблюдения позволила бы одному надсмотрщику видеть всё: «основная цель паноптикона: привести заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти» [3, с. 294]. Дисциплинарная власть озабочена неспособностью человека достичь требуемых стандартов. Именно поэтому второй механизм дисциплины — это исправление девиантного поведения путем создания норм. Примеры созданных норм — это национальные стандарты для образовательных программ, медицинской практики, промышленных процессов или же образы идеального гражданина, счастливого семьянина, ударника труда. Проверка (например, учащихся в школах или пациентов в больницах) — это метод контроля, сочетающий наблюдение с нормами. Это пример того, что Фуко называет «власть-знание», поскольку «в нем соединяются церемония власти и форма опыта, применение силы и установление истины» [3, с. 270]. Оно одновременно выявляет истину о тех, кто подвергается проверке (например, сообщает, что они знают или каково состояние их здоровья), и контролирует их поведение (принуждая их к обучению или направляя на курс лечения).

Мишель Фуко рассматривал «пространство как функциональный инструмент реализации власти», а дисциплинарные пространства как те, в которых всё «продумано с целью осуществления надзора: необходимая планировка и расположение помещений, важные мелочи и ухищрения в организации нахождения и перемещения в этих пространствах», в результате чего «формируется аппарат наблюдения» [2, с. 221–222]. Однако кроме «формирующих

дисциплину» пространств Фуко выделяет и пространства исключения, целью которых является «индивидуализировать исключенного, но при этом использовать процедуры индивидуализации для «клеяния» исключения, — вот что постоянно осуществлялось дисциплинарной властью с начала XIX века в психиатрической лечебнице, тюрьме, исправительном доме, заведении для несовершеннолетних правонарушителей и, до некоторой степени, в больнице» [2, с. 224].

В итоге, в «Надзирать и наказывать» Фуко показывает, как дисциплинарные техники порождают «послушные тела» [3, с. 197]: тела заключённых, солдат, рабочих и школьников подвергались дисциплинарной власти, чтобы сделать их более полезными и одновременно более управляемыми. Человеческое тело становится машиной, функционирование которой можно оптимизировать, просчитывать и улучшать: «послушное тело можно подчинить, использовать, преобразовать и усовершенствовать» [3, с. 199]. Его функции, движения и способности разбиты на узкие сегменты, детально проанализированы и пересобраны максимально эффективным образом. Что предельно важно, послушание тут возможно только через вертикальное принуждение — власть реализуется через вторжение внешних институтов в свободу человека и применение внешних санкций. Схема подчинения тут не скрывается. Именно в этом моменте Бён Чхоль Хан видит коренные изменения в современном обществе.

Для описания общества, в котором механизмы дисциплины перестали быть доминирующими, Бён Чхоль Хан использует термин *Leistungsgesellschaft*, который на русский переводят как «производительное общество» или «общество достижений». Так или иначе, оба перевода отражают суть понятия — состояние общества, в котором культурной доминантой становится императив достижений как усвоенная установка субъекта на максимизацию собственной продуктивности, непрерывную погоню за достижениями, превращении себя в проект. В таком обществе его субъект, который Ханом назван субъектом достижений (*Leistungssubjekt*), подвергает себя самоэксплуатации — изматывающему труду, санкционированному не внешним принуждением, а внутренним императивом успеха. Результатом же выступает полное истощение субъекта и переход к такому состоянию общества, которое вынесено мыслителем в заголовок книги — обществу усталости. Общество усталости — следствие (скорее не хронологическое, а структурное) общества достижений, где погоня за успехом обернулась истощающей усталостью, неспособностью что-то мочь.

В чем же сущностное отличие между дисциплинарными пространствами Фуко и новым типом общества, формирующим субъекта достижений? Бён Чхоль Хан выстраивает свою теорию на различии негативности и позитивности, а в частности насилия негативного и насилия позитивного.

Для описания негативности Хан прибегает к метафоре иммунитета. Негативность работает по схеме Свое-Чужое. Чужое вступает в столкновение

со Своим, у них есть четкие границы, есть четкое отличие. Так работают любые процессы, где есть какой-то конфликт, противостояние. Однако происходит смена парадигм. Вместо чуждости или инаковости выступает различие. Различие не вызывает никакой ответной реакции: «оно является Тем же самым (Gleichen)» [4, с. 38]. Различие представляет собой что-то, что не требует от нас реакции защиты. Различие — это вариант Того же самое, а не принципиально отличное, Чужое.

Негативность сменяется позитивностью. Позитивность представляет собой соединение, вторжение без ответа, отсутствие сопротивления, стирание границ. Как пишется сам Бён-Чхоль: «Иммунологическая парадигма несовместима с процессом глобализации. Инаковость, вызывающая иммунную реакцию, противилась бы процессу стирания границ» [4, с. 41]. Исчезновение иммунологической топологии открывает пути к универсализации и гибридации мира. «Другое — это негативное, которое вторгается в Собственное (das Eigene) и пытается его отрицать. Собственное будет уничтожено этой негативностью Другого, если оно со своей стороны не сможет отринуть ее» [4, с. 42]. Через Другого мы утверждаем Собственное. Тут можно вспомнить идеи философии диалога, где диалог Я и Другого является залогом их обоюдного утверждения себя через друг друга: «Я становлюсь Я, соотнося себя с Ты; становясь Я, я говорю Ты» [1, с. 21].

Однако там, где исчезает негативность, исчезает насилие от Другого, но взамен утверждается насилие от Того же самого: «Насилие исходит не только от Другого или Чужого, но и от Того же самого» [4, с. 44]. Бён-Чхоль заключает, что современное общество страдает уже не только от различных форм враждебности, а от другого рода насилия — насилия позитивности.

Эти новые формы насилия, насилия позитивности, имманентны, они включены в систему общества, в целостность субъекта и в этом их угроза, несравнимая с внешними опасностями войн и терроризма. С имманентным нельзя бороться также, как с внешним врагом. Оно невидимо, а значит не может быть уничтожено точечным ударом, оно не может быть извлечено, так как является неотделимой частью современной позитивной культуры: «Насилие позитивности — не привативное, а сатуративное, не исключющее, а истощающее. Поэтому оно недоступно для непосредственного восприятия» [4, с. 51]. Если результатом негативного насилия был прямой вред, уничтожение и отчуждение, то насилие позитивности бьет изнутри, вызывая перенапряжение и надрыв. «Как депрессия, так и СДВГ или СЭВ указывают на переизбыток позитивности. СЭВ — это выгорание (Durchbrennen) Я от перегрева, вызванного избытком Того же самого» [4, с. 52].

Бён-Чхоль довольно смело и производно высказывает тезис: «Социальному бессознательному, очевидно, присуще стремление к максимизации производства» [4, с. 57]. Из этого тезиса Хан продолжает мысль, что в какой-то момент дисциплинарное общество и его средство запрета замедляют рост

производительности, из-за чего они постепенное заменяются на общество достижений и его средство способности. «Субъект достижений быстрее и продуктивнее послушного субъекта» [4, с. 58], как и наемный рабочий продуктивнее раба. Однако после «снятия» статуса послушного субъекта дисциплинарное прошлое никуда не исчезает, а включается в новую форму: «Способность повышает уровень производительности, достигаемый с помощью дисциплинарных методов, императива долженствования» [4, с. 59]. Способность — это вера субъекта в то, что он все может. Он делает, потому что он может, он способен, а не потому, что должен. Таким образом, позитивная способность не есть антитеза долженствованию, скорее она есть более развитая его форма, где дисциплинарный надзор из внешнего (каким он был в иммунологической ситуации), включаясь в систему, становится имманентным субъекту.

Человек вступает как бы в борьбу с самим собой, хотя раньше, в рамках дисциплинарного общества, вступал в борьбу с внешними инстанциями. Причина этой борьбы — бессилие продолжать трудиться и работать. Внешние противоречия теперь становятся имманентны субъекту. «Мочь-больше-не мочь ведет к деструктивным упрекам самому себе и аутоагрессии. Субъект достижений находится в состоянии войны с самим собой» [4, с. 63].

То, что внешняя сила пропала не есть освобождение для субъекта: «исчезновение инстанции господства не ведет к свободе. Скорее оно приводит к совпадению свободы и принуждения» [4, с. 64]. Максимизация эффективности производства создает самоэксплуатирующегося субъекта. Самоэксплуатация «эффективнее эксплуатации со стороны других, потому что оно сопровождается чувством свободы» [4, с. 64].

Таким образом, Бён Чхоль Хан описывает структурные изменения, в ходе которых дисциплинарное общество в непрерывном процессе переходит в общество достижений, где формы негативного насилия внешней власти интериоризируются в субъекте как императив достижений, основанный на добровольной самоэксплуатации в условиях переизбытка позитивности и самозапрета останавливаться, чтобы не упустить успех, не отстать в гонке за счастьем. Главным преимущественным теории Бён Чхоля является демонстрация того, как внешнее принуждение становится имманентным субъекту, как в Паноптикуме заключенные становятся собственными надзирателями, максимально оптимизируя весь процесс заточения. Это указывает на одну из проблем неолиберального общества, преодолевшего в том или ином виде открытое насилие, но столкнувшегося с новой формой невидимого насилия, построенного на переизбытке и аутоагрессии.

Однако тут мы можем указать и на минусы концепции Бён Чхоля. Во-первых, очевидно, что если общество достижений и представляет реальное общество, то только малую его часть. Насилие позитивности угрожает относительно обеспеченным слоям населения стран передового капитализма, среднему и высшему классам Европы, Северной Америки и примыкающим

к ним некоторым странам восточного полушария, как Япония и Австралия. В самих западных государствах всё также существуют уязвимые группы, такие как малоимущие, мигранты, беженцы, преступники и психические больные, которые всё также находятся в условиях негативности. Страны третьего мира, соответственно, практически не содержат тот пласт населения, который озабочен не войнами и нищетой, а саморазвитием и созданием личного бренда. В странах второго мира, таких как Россия, общество достижений только обретает расплывчатую форму, перенимая западные тенденции начала 2000–2010-х годов (в 2010, собственно, и вышел оригинальный текст «Общества усталости»).

То есть, нельзя сказать, что Хан описывает какое-то четко определенное и первостепенное свойство современного общества — как уже было сказано, его анализ в полной мере касается лишь части западной культуры позднего капитализма. Однако именно это и обосновывает важность изучения его концепции для российского культурного поля. Если Хан мог лишь констатировать кризис окружающей его западной культуры, то мы можем составить четкое представление того, что будет нами окончательно перенято в ближайшие десятилетия и, соответственно, заранее подготовить ряд обходных путей, нейтрализующих или хотя бы ослабляющих негативные последствия уже развивающегося в России культа «успешного успеха», «достигаторства», гиперпродуктивности и истощающего саморазвития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер; под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. — Москва: Республика, 1995. — 464 с. — Текст: непосредственный.
2. Кирсанова, Ю. А. Понятие пространства в философии М. Фуко: территориальный характер власти / Ю. А. Кирсанова. — Текст: непосредственный // Общество: философия, история, культура. — 2024. — № 12. — С. 221–226.
3. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. — Москва: Ad Marginem, 1999. — 480 с. — Текст: непосредственный.
4. Хан, Бён-Чхоль. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / Бён-Чхоль Хан; пер. с нем. А. С. Салина. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 160 с. — Текст: непосредственный.
5. Gutting, G. Michel Foucault / G. Gutting, J. Oksala. — Текст: электронный // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — Зимнее изд. 2025 г. / под ред. E. N. Zalta, U. Nodelman. — Stanford: Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2025. — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2025/entries/foucault/> (дата обращения: 15.11.2025).

Егорчева Елизавета Сергеевна,
студент 3 курса института истории, философии и политических наук
Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина

ХРИСТИАНСКИЕ СИМВОЛЫ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: СЕМАНТИКА И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИЯ (НА ПРИМЕРАХ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ)

В статье исследуется семантика и социокультурные функции христианских символов (таких как ихтис, голубь, корабль) в исторической и современной городской среде. Анализируется генезис символов в контексте раннехристианской культуры и их последующая трансформация в условиях процессов секуляризации, глобализации и урбанизации. На основе сравнительного подхода рассматриваются, как сакральные знаки эволюционируют от маркеров религиозной идентичности до элементов культурного наследия и визуального кода городского пространства. Особое внимание уделяется влиянию символов на формирование городской идентичности и возникающим в современном обществе противоречиям между их сакральным значением и светскими интерпретациями.

Ключевые слова: христианская символика, городская среда, семантика, социокультурные функции, секуляризация, городская идентичность.

Yelizaveta S. Egorcheva

CHRISTIAN SYMBOLS IN URBAN ENVIRONMENT: SEMANTICS AND SOCIOCULTURAL FUNCTION (EXAMPLES FROM HISTORICAL AND MODERN CITIES)

The article examines the semantics and sociocultural functions of Christian symbols (such as the ichthys, dove, and ship) in historical and contemporary urban environments. It analyzes the genesis of these symbols within the context of early Christian culture and their subsequent transformation under the influence of secularization, globalization, and urbanization. Using a comparative approach, the study explores how sacred signs evolve from markers of religious identity into elements of cultural heritage and a visual code of urban space. Particular attention is paid to the influence of symbols on the formation of urban identity and the emerging contradictions in modern society between their sacred meaning and secular interpretations.

Keywords: Christian symbolism, urban environment, semantics, sociocultural functions, secularization, urban identity.

В наши дни христианство, которое является одной из ведущих мировых религий, до сих пор оказывает значительное влияние на различные аспекты жизни общества. В их число так же входит формирование культурных и социальных черт общества, которые, по большей части, выражаются в облике городской среды. В частности, многочисленные христианские символы стали

неотъемлемой частью городской среды, формируя визуальный облик городов и их духовную атмосферу.

В условиях современности, когда происходит активная трансформация социокультурных и религиозных контекстов, важно осознавать, как эти символы воспринимаются и интерпретируются в различных городских пространствах.

Актуальность этой работы обусловлена отсутствием знаний и недостаточным пониманием значения христианских символов в контексте современного городского пространства. В условиях глобализации и секуляризации общества христианские символы могут иметь различные интерпретации — как архаичные или, наоборот, как важные элементы культурной идентичности и самобытности. Это создает необходимость в глубоком анализе их роли и значения в формировании индивидуальности городской среды. В рамках работы будут рассмотрены как исторические примеры, так и современные случаи использования христианских символов, что позволит выявить изменения в их восприятии и значении.

Христианские символы представляют собой неотъемлемую часть культурной и духовной жизни, служа визуальными маркерами веры и её исторического развития.

Для полного понимания настоящего значения символических изображений необходимо проследить историю их происхождения и развития. Только при внимательном изучении постепенного расширения внутреннего смысла каждого символа, можно заметить все те различные понятия, которые с течением времени вошли в значение каждого известного условного знака или символа.

Самое начало христианской символики было тесно связано с началом Христианской Церкви и с первоначальным состоянием христианского общества. Оно, как известно, подвергалось постоянным гонениям и презрению со стороны язычников. Кроме того, учёный Августин доказывает, что во 2–3 веках было запрещено открытое богослужение, и христиане принуждены были скрываться и исполнять свои церковные обряды втайне. Окружённые со всех сторон врагами, христиане невольно должны были принять известные меры предосторожности, следы которых долго ещё сохранялись в Христианской Церкви. Эти меры должны были иметь двоякий характер: внешние меры, как особые знаки, особые символы для членов христианского общества, и внутренние меры для охранения самого учения от врагов Церкви.

Именно на внешних мерах защиты Церкви от врагов её я хотела бы и остановить своё внимание.

Этот особый способ в 5 веке нашей эры блаженный Феодорит именует языком таинственным и мистическим, может быть ещё точнее назван языком символическим.

Главные основания символического языка состояли из евангельских притчей и из аллегорических выражений книг Священного Писания.

Символический язык имеет 2 способа выражения всех понятий. Первый способ составил из отдельных условных слов, названий, особых кратких предложений, вполне ясных для христианина, посвящённого во все таинства христианского учения, но остающихся совершенно непонятным для посторонних лиц.

Второй способ сложился из известных условных знаков или изображений. Эти знаки и изображения встречаются на христианских памятниках и, наподобие египетских иероглифов, служат письменами особого священного языка [5].

Среди наиболее известных символов можно выделить следующие.

Рыба (греч. ΙΧΘΥΣ «ихтис») — один из древнейших христианских символов, который является аббревиатурой греческой фразы «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель». Получается, что данное изображение для христианина было своего рода визуальным воплощением главной богословской идеи христианства. Кроме того, рыба служила напоминанием о чуде умножения хлебов и рыбы, совершенном Иисусом Христом, а также была символом крещения. «Мы же, рыбки, вслед за „рыбой“ нашей, Иисусом Христом, рождаемся в воде, сохраняем жизнь, не иначе как оставаясь в воде», — писал христианский богослов Тертуллиан.

Изображение рыбы с монограммой ΙΧΘΥΣ или без нее активно использовалось во II–III веках для обозначения мест встречи христианских общин и захоронений.

Голубь (греч. ἡ πελεῖα) — символ чистоты, мира, надежды и божественного присутствия. Голубь отличается мирным нравом, что делает его символом кротости и беззлобности. Господь призывает христиан: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф 10:16). Быть простым, как голубь, значит оставаться чистым сердцем, проявлять любовь к ближним и хранить мир в душе. Этот аспект подчеркивает христианские добродетели: смирение, прощение и отказ от злобы. В целом, голубь в христианской символике объединяет темы жертвы, надежды, божественного присутствия и нравственной чистоты. Его образ напоминает верующим о Божьем плане спасения и призывает к жизни в мире и любви. Чаще всего, этот символ изображался на сводах церквей и куполах.

Корабль (греч. ἡ ναῦς) — символизировал Церковь, ведущую верующих к спасению среди бурь житейского моря, а также всех верующих. Прообраз этого символа берёт своё начало из истории о Ноевом ковчеге в Книге Бытия. Ковчег символизирует спасение праведных от потопа как метафору Церкви, которая защищает верующих от «потопа греха». В раннем христианстве это было особенно актуально для новообращенных. Символ возник в I–II веках н.э., когда христианство развивалось в Средиземноморье, где море было обыденностью. Ранние христиане видели в корабле аллерегию жизни: буря —

искушения, порт — рай. Этот символ можно увидеть на многих церквях в виде креста с полумесяцем, где крест является парусом.

Олень (греч. ὁ ἔλαφος) — символ отшельничества, благочестия и чистоты в христианской культуре. Хотя олень встречается на фресках в римских катакомбах, он отсутствует в эпитафиях, что позволяет предположить его непрямое вхождение в символический язык первых христиан. Свою важность олень почерпнул из Псалма 41:2: «Как олень жаждет к потокам воды, так жаждет душа моя к Тебе, Боже». Этот образ, в сочетании с законом Моисея, признающим оленя чистым животным (Втор. 14:5), придал ему в контексте Таинства Крещения значение верующего, очищенного от греха, или даже праведника.

Виноградная лоза (греч. ἡ ἀμπέλως) — один из символов Христа, сказавшего: «Я есмь виноградная Лоза, а вы ветви». Ветви (побеги) символизируют учеников, а лоза и виноградные гроздья — вино и хлеб причастия, тело и кровь самого Христа. Лоза с листьями винограда или птицы, клюющие гроздья, указывают на центральное таинство Церкви — евхаристию. Изображения лозы встречаются в архитектурном убранстве церквей, часовен и соборов. Часто лоза бывает вырезана возле алтарного распятия, на перегородке между алтарем и нефом церкви. Виноградная лоза и ее ветви нередко являются элементами вышивки, резьбы по дереву и камню, а также витражей. Виноградную лозу как символ Христа можно видеть во многих старинных деревянных церквях Европы, и особенно Англии. Иногда к растению привязываются маленькие таблички с именами и эмблемами апостолов. В этом случае ветви изображают Церковь как тело Христово, а гнездящиеся в ветвях птицы символизируют души верующих [5].

Современное восприятие христианских символов в городской среде подвергается значительным изменениям под воздействием процессов глобализации и урбанизации. В условиях стремительного развития городских пространств и социальных изменений, символы, которые традиционно считались святыми, постепенно теряют свои прежние значения. В настоящее время многие жители городов воспринимают религиозные символы не исключительно как знаки веры, но также как культурные артефакты, несущие историческую и эстетическую ценность.

В контексте изменения общественного сознания важным аспектом является секуляризация. Именно этот процесс способствует тому, что христианские символы все чаще рассматриваются с точки зрения их упрощенного значения. А это, в свою очередь, приводит к их переосмыслению, что отражается на отношениях внутри церковной среды и в социуме. Например, некоторые символы, которые ранее имели строгое значение, теперь могут быть интерпретированы как элементы эстетического дизайна, теряя при этом свою сакральность [4].

На российской земле христианская символика нашла глубокое и органичное воплощение, особенно в городах с богатым православным наследием.

Рыба и виноградная лоза часто встречаются в резьбе по камню и дереву на фасадах и интерьерах древних храмов и монастырей. Классические примеры — Дмитриевский собор во Владимире и Церковь Покрова на Нерли. Их стены украшены замысловатой резьбой, где среди орнаментов можно различить стилизованные виноградные гроздья и рыбы, напоминающие о таинствах Крещения и Причастия.

Образ оленя, символизирующий духовное стремление и чистоту, можно обнаружить в декоре Успенского собора Московского Кремля (в росписях) и в светской городской среде — например, в бронзовых скульптурах оленей в Петергофе и Царском Селе, что создает атмосферу умиротворения и связи с природой.

Символика корабля проявлялась не только в самой планировке храмов, напоминающих перевернутый корабль (базиликальный тип), но и в оформлении портовых городов. В Кронштадте Морской Никольский собор, своим величием и расположением, зримо воплощает идею корабля спасения. В Архангельске элементы морской и корабельной символики в декоре исторических зданий подчеркивали идею божественного покровительства мореплавателям.

Голубь, как символ Святого Духа, традиционно занимал центральное место в купольных росписях храмов (например, в новгородской Церкви Спаса Преображения на Ильине улице, расписанной Феофаном Греком), а в городском пространстве становился визуальным выражением идеалов мира и надежды, как в скульптурной композиции на Площади Мира в Красноярске.

Эта символика способствовала формированию единого культурного кода, где религиозные ценности становились частью общественного сознания и городской эстетики.

В зарубежном контексте восприятие отличается. В светских многонациональных обществах Западной Европы та же символика часто рассматривается прежде всего как элемент историко-культурного наследия. Яркий пример — здание Европейского парламента в Брюсселе, названное «Луиза Вайс», чья причудливая форма многими интерпретируется как незавершенная Вавилонская башня — библейский символ, говорящий о трудностях объединения народов. В странах с иным религиозным бэкграундом христианские символы могут восприниматься как экзотический элемент, что требует особой чуткости. Пример удачной интеграции — культурный центр «Гараж» в Москве, где во временных инсталляциях иногда используются универсальные образы (птицы, корабли), понятные вне конфессионального контекста.

Примеры новых городских проектов в Берлине (например, жилой комплекс на Потсдамер Платц с элементами, навеянными готической геометрией) или Париже (современная церковь Святой Женевиевы в Нантере) демонстрируют, как мотив корабля и света может символизировать не только церковь,

но и динамичное развитие города, движение вперед и преодоление вызовов современности.

Нарастающая популярность новых культурных и религиозных течений также вносит свои коррективы в восприятие символов. В таких условиях традиционные религиозные знаки подвергаются адаптации, что может привести к их искажению или редукции значимости. В результате, эти символы начинают восприниматься как часть массовой культуры, находя свое место в искусстве, популярной музыке и даже в рекламе.

Кроме того, на уровне законодателей наблюдаются попытки регулирования этого процесса. 10 июня 2025 года Госдума внесла изменения в статью 3 закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [3]. Данный документ регламентирует использование изображений культовых зданий, их узнаваемых частей, а также иных объектов, содержащих религиозные символы. Это подчеркивает опасения по поводу «затирания» и потери значимости религиозных изображений в общественном сознании. Данная мера может рассматриваться как реакция на волну обращения граждан за защитой своей духовной идентичности и культуры.

Обсуждение изменений в восприятии христианских символов становится актуальным для понимания новых социальных реалий, как культурные и социальные трансформации влияют на значимость символов в современном контексте и какую роль они играют в формировании городской идентичности.

Их присутствие в городской среде не ограничивается лишь архитектурными формами, но также влияет на социокультурные взаимодействия, определяя характер общественного пространства и социальные связи между горожанами. В историческом контексте, например, соборы служили центрами религиозной жизни и объединяли различные социальные слои, определяя формат городских площадей и улиц. В современных городах эта функция сохраняется, хотя и подвержена изменениям.

Современные исследования показывают, что символы, основанные на религиозных нормах, продолжают влиять на идентичность населённых пунктов. Они могут служить маркерами принадлежности к определённой конфессии. В этом плане христианские символы представлены как элемент, создающий смысловые ориентиры для местной культуры. Необходимость обновления городской среды и альтернативные подходы к символике вызывают определённые противоречия в социуме, обозначая переход к многообразию восприятий религиозной символики [7].

Несмотря на сильное влияние секуляризации, современные города остаются полями для проявления религиозности через символику. Объекты городской среды, такие как церкви, часто становятся центрами притяжения не только для верующих, но и для тех, кто ищет культурное единство и идентификацию с местом. Это важно, поскольку архитектура современных храмов,

их расположение и функция могут заполнять пробелы в городской культуре, связывая достижения прошлого с настоящим [2].

Изменения в восприятии христианских символов также наталкивают на необходимость поиска новых методов исследования. Научные подходы должны учитывать разнообразие форм взаимодействия с символикой, разрабатывая более комплексные модели, анализирующие влияние истории, архитектуры и современного социокультурного контекста. Например, методы, основанные на социологическом анализе городской символики, могут дать возможность глубже понять, как визуальные и нематериальные элементы формируют идентичности, необходимость в которых в современном мире неуклонно возрастает.

Современные изменения восприятия христианских символов в городской среде представляют собой отдельный и весьма интересный аспект. В условиях глобализации и секуляризации общества христианские символы все чаще используются в светских контекстах, что порождает новые интерпретации и значения. Мы наблюдаем, как христианские символы, которые раньше использовались исключительно в контексте религии, становятся частью культурного кода. Это подчеркивает их универсальность и способность адаптироваться к меняющимся условиям.

В завершении хотелось бы подчеркнуть, что христианские символы в городской среде имеют глубокие корни и продолжают оказывать влияние на формирование городской идентичности. Даже в наши дни они могут служить основой для создания новых форм идентичности, способствуя интеграции различных культурных и социальных групп. Более глубокое понимание христианских символов может способствовать более гармоничному сосуществованию различных культур и религиозных традиций, а также помочь в формировании устойчивой городской идентичности, основанной на уважении к историческому наследию, конфессиям и открытости к новым идеям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ирижепова, И. Р. Использование символов в христианской культуре, их значение / И. Р. Ирижепова. — Текст: электронный // Вестник науки. — 2023. — Т. 7, № 64. — С. 87–90. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-simvolov-v-hristianskoy-kulture-ih-znachenie> (дата обращения: 21.02.2025).
2. Ковшова, М. Л. Культурная семантика языковых знаков: теория и эксперимент / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. — Текст: электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2024. — № 4. — С. 122–130. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-semantika-yazykovyh-znakov-teoriya-i-eksperiment> (дата обращения: 21.11.2024).
3. О внесении изменений...: проект федерального закона № 926231–8 / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. — Текст: электронный. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/926231-8> (дата обращения:

25.11.2025).

4. Символика: православно-христианский взгляд. — Текст: электронный // Официальный сайт Ханты-Мансийской епархии. — URL: <https://ugraeparhia.ru/simvolika-hristiansko-pravoslavnoy-kulturyi/> (дата обращения: 03.05.2025).
5. Уваров, А. С. Христианская символика. Ч. 1: Символика древнехристианского периода / А. С. Уваров. — Текст: электронный. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/hristianskaja-simvolika/ (дата обращения: 11.03.2025).
6. Шаронова, С. А. Интерпретация религиозной символики как фактор воздействия на формирование ценностных ориентаций в обществе / С. А. Шаронова. — Текст: электронный // Вестник Удмуртского университета. Серия «Социология. Политология. Международные отношения». — 2017. — Т. 1, № 2. — С. 221–225. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsiya-religioznoy-simvoliki-kak-faktor-vozdeystviya-na-formirovanie-tsennostnyh-orientatsiy-v-obschestve> (дата обращения: 17.06.2024).
7. Яковлева, М. В. Особенности социологического анализа городской символики как фактора формирования идентичности горожан / М. В. Яковлева. — Текст: электронный // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». — 2008. — Вып. 1. — С. 105–112. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsiologicheskogo-analiza-gorodskoy-simvoliki-kak-faktora-formirovaniya-identichnosti-gorozhan-1> (дата обращения: 17.03.2025).

Митрофанова Алина Валерьевна,
магистрант РХГА им. Ф. М. Достоевского,
mav_92_92@mail.ru

**КОНЦЕПЦИИ «БЕДНОЙ ВЕРЫ» И «СЛАБОГО БОГА»
КАК ПОПЫТКИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ХРИСТИАНСТВЕ В ПОСТСЕКУЛЯРНОМ
ОБЩЕСТВЕ**

В данной статье рассматривается проблема динамики «бедной веры» в ее западном и российском проявлении на основании сравнительного анализа в работах Пауля Тиллиха, Карла Барта, Томаса Альтицера, Славоя Жижека, Джорджо Агамбена, Джона Капуто.

Ключевые слова: «бедная вера», «радикальный протестантизм», «теология мертвого бога», секуляризация

Alina V. Mitrofanova

**THE CONCEPTS OF «POOR FAITH» AND «WEAK GOD» AS ATTEMPTS
TO RETHINK TRADITIONAL IDEAS ABOUT CHRISTIANITY
IN A POST-SECULAR SOCIETY**

This article examines the dynamics of «poor faith» in its Western and Russian manifestations based on a comparative analysis of the works of Paul Tillich, Karl Barth, Thomas Altizer, Slavoj Žižek, Giorgio Agamben, and John Caputo.

Keywords: «poor faith», «radical Protestantism», «theology of the dead god», secularization

В ситуации секуляризации христианство было вынуждено перестраиваться для выживания в современном обществе. Представители «теологии мертвого бога» и «радикального протестантизма» в своих работах говорили об обновлении религии, о согласовании современной человеческой жизни с содержанием Библии. Чтобы устоять в меняющемся мире, христианству нужно было создать свой новый язык, выйти за пределы традиционных, веками закреплённых за ним смыслов, упроститься и усложниться одновременно.

Учение о «бедной вере» — вере без религии — зародилось в дискуссии Пауля Тиллиха и Карла Барта о «естественной теологии». «Естественная теология» утверждала, что человеческий опыт богопознания не ограничивается исключительно Священным Писанием, и человек может получить представление о Боге, добре и зле из других источников.

Карл Барт резко выступал против «естественной теологии». В своих трудах он противопоставляет понятия «веры» и «религии». Религия для человека — это способ спасения любой ценой, а значит, наиболее последовательное из всех проявлений неверия. Человеческая религиозность, по Барту, успешно существует помимо Бога, и Бог не нужен для успешного функционирования религии. Используя образы Кьеркегора, Барт пишет, что вера, с точки зрения человека, это прыжок в пустоту, потому что Бог — абсолютно Иной, и если Он сам не сообщит о себе в своем откровении, то пытаться постичь его бесполезно. О Боге допустимы лишь «экзистенциальные» высказывания, выражающие то, насколько затронутو человеческое существование сакральным. Христианская вера не является частью или измерением культуры, она пребывает в разрыве с культурой. Вера, в такой ситуации, есть «суд» над всем человеческим. Чтобы понимать Библию, по мнению Барта, нужно выйти за пределы её человеческого, исторического и психологического характера.

Основатель неолиберального богословия Пауль Тиллих называет отрицание Барта естественной теологии самообманом, так как уже само обсуждение Откровения происходит с помощью человеческого языка [9, с. 299]. Иначе рассматривает Тиллих и культуру, настаивая на преодолении разрыва между религией и культурой. Тиллих вводит категорию «мужества», чтобы вести диалог о трансцендентном. Человек, согласно учению Тиллиха, раздираем страхами и тревогами, которым может быть противопоставлено мужество. Тиллих определяет мужество как «утверждение человеком собственного бытия вопреки угрозе небытия» [11, с. 133]. По отношению к коллективу это есть «мужество быть частью», в поиске индивидуальных смыслов это «мужество быть собой». Человек, осознающий свою конечность, заглядывая за пределы своей конечности, обращается к запредельному.

В своих работах «Теология религии» и «Динамика веры» Тиллих переосмысляет основные христианские понятия. «Вера» — в богословии Тиллиха — это предельный интерес. Религия «Грех» — Тиллих настаивает на употреблении этого понятия строго в единственном числе — отчуждение человека от своего сущностного бытия. В своем труде «Динамика веры» Тиллих обосновывает, почему гуманизм можно назвать типом веры, почему гуманизм можно называть секулярной верой. Предельный интерес гуманиста — это человек, и если мистическая и сакраментальная вера стремятся найти границы предельного по ту сторону человека и его мира, то гуманист остается внутри границ повседневности.

Протестантское богословие, таким образом, дало импульс к переосмыслению самого понятия «веры» и «религии», где «религия» имела скорее отрицательное значение, как то, что необязательно ведет человека к встрече с богом. Протестантское богословие изначально не входило в либеральный дискурс. Понятие «бедной веры» как веры вне вероисповедания вводит в религиозно-философский дискурс Михаил Эпштейн, чтобы описать религиозную

ситуацию в постсоветском обществе. Эпштейн видит в ней близость с возникновением новых религиозных течений в христианстве секулярного Запада. Так учение о «бедной вере» или «богословие слабого бога» развивается в леволиберальном богословии в трудах Томаса Альтицера и Джона Капуто.

Исходной точкой теологии «Смерти Бога» является цитата Ф. Ницше «Бог умер». Развивая Ницше Альцитер пишет, что Бог, воплотившийся в Иисусе Христе, перестал быть потусторонним существом и целиком вовлекается в историю человечества. Традиционное христианство отрицает это полное воплощение, сохраняя за Богом возможность оставаться далеким и неподвижным. «Смерть бога» означает, что священное покинуло область трансцендентального, а основы существования, в таком случае, больше не следует искать в области потустороннего. Вера в потустороннего бога заставляет человека отвернуться от мира. Противопоставление мирской жизни человека и духовных основ его бытия в традиционном христианстве лишило человека возможности жить полноценной жизнью.

«Смерть бога» — это переход священного в имманентную форму существования. Человек больше не испытывает отчуждения, потому что нет больше отдаленного Бога традиционного христианства. Бог, по Альцитеру, это «движущийся процесс кенотического преобразования» [3, с. 72]. В полностью воплотившемся Боге и мирское, и священное едины. «Смерть бога» уничтожает все связи человека с трансцендентной реальностью, а значит, человеческая жизнь больше не представляет собой какой-то определенный тип бытия. Поскольку человек больше не зависит от трансцендентного, его поведение становится совершенно автономным. Нравственный закон Альтицер предлагает заменить «любовью к ближнему».

Концепция «бедной веры» развивается в учении Джона Капуто о Боге без суверенитета. Бог без суверенитета — это теологическая рецепция Деррида, который описывает идею Бога Отца, как идею суверена. В описании Бога Капуто использует идиомы «слабой» теологии события, где Бог не властелин истории «сильной» теологии, а «бесконечное имя того, чего мы больше всего желаем, но не можем идентифицировать», «страсть к невозможному, которое всегда должно прийти» [7, с. 218]. Слабость» Бога здесь не в противостоянии сильному. Бог претендует на человека, поскольку он именует собой все то, чего человек желает, но не навязывает себя ему. Слабость Бога — это призыв к добру без властного установления справедливости.

В учении Капуто есть мессианство, которое описывается, как грядущее обещание. Это значит стремление к разрушению всяким системам человеческого взаимодействия, которые препятствуют справедливым отношениям. Мессианская надежда для Капуто — это вера в приход невыразимого Другого, который сможет разрешить все неразрешимые противоречия, препятствующие праведности в мире. Тем не менее, это обещание никем не дается, а является скорее структурной частью существования.

С. Коначева, исследуя эволюцию слабой теологии Капуто, видит в ней движение от «этике креста» через «логику креста» к «политике креста» [7, с. 224]. Надежду Капуто нельзя назвать определенной. Царство Божие рассматривается не как эсхатологическое видение конца мира, а как явление, происходящее в жизни мира, на которое человек не перестает надеется.

Идеи леволиберального богословия, сконструированы по принципу применения Деррида к Канту. Моральный императив Канта в преломлении леволиберального богословия предстает, как пустота, слабость или толерантность. Бога, начинают рассматривать, как возможного, как бога-ребенка, которого человек должен защищать, роая его из себя.

Другую модель христианской любви «радикального агапе» представляют радикально-коммунистические постсекулярные учения Джорджо Агамбена и Славоя Жижека. Эти идеи, внутренне христианские, в целом они представляют собой атеистические формы психоанализа. Христианская любовь здесь рассматривается не как форма толерантности, а как воля к поступку.

Атеизм и теология срастаются в философских взглядах Джорджо Агамбена. Агамбен определяет религию, как то, «что изымает вещи, места, животных или людей из общего пользования и переносит их в некую обособленную сферу. Не только религии не существует без обособления, но и всякое обособление содержит или сохраняет в себе естественное религиозное ядро» [2, с. 77]. Обособление регулируется через жертвоприношение. Жертвоприношение всегда санкционирует переход какой-то вещи из профанного в сакральное, из сферы человеческой в сферу божественную. *Homo sacer* — это абсолютная пустота, голая жизнь, тело, уничтожаемое политикой, будь то еврей в концентрационном лагере или современный беженец, которому нельзя выйти в аэропорте за пределы зоны для беженцев. Человек существует, но не имеет права на социальную и политическую деятельность. Именно эта голая жизнь — обнаженная субъективность человека. Убийство такого человека не является преступлением и одновременно не является жертвоприношением. Эта голая субъективность требует защиты. Здесь идея Жижека о уязвимой истине Христа, рождающейся из глубин субъектности человека — это идея спасения *homo sacer* в условиях биополитики. У Агамбена уязвимость обречена, а у Жижека она спасается за счет обновляющей жертвы Христа, которая будет повторена в коммунистическом подвиге.

Для материалиста Жижека Бог не умер, он никогда не существовал. В христианстве Жижека интересует его революционный потенциал, возможный через осознание смерти Бога. По мнению Маркуса Паунда [6, с. 35], вся теология Жижека строится на эпизоде распятия Христа. В призыве Христа: «Боже мой, для чего ты меня оставил?» Жижек видит сомнение во всемогуществе Бога. А поскольку Христос и Бог единосущностны, Бог как бы перестает верить в самого себя, а значит, в христианстве есть атеистическое ядро.

Усомнившийся в себе Бог не может быть гарантом социального порядка, а значит социальный порядок может быть изменен.

Крестный призыв Христа обнаруживает в Боге нехватку. Если Бог не может помочь Христу, это намек на Бессильного Бога. «Смерть Бога» в концепции Жижека — это смерть Большого Другого, смерть Господина, который говорит человеку, что делать. Если Бог умер, значит, человек свободен. Жижека не волнует, существует ли Бог на самом деле или нет. Бог — жизненнонеобходимая иллюзия, фантазм, понятый сугубо в психоаналитическом ключе, который субъект переживает его как реальное. Бог Жижека — это значимое отсутствие. Вера, по Жижеку, это поступок, способность сломать существующий порядок в повседневной жизни человека. Община, основанная на этом сломе, выражаясь словами Жижека «радикальном разрыве» и есть живое тело Христа.

Современное состояние постсекулярного богословия представлено борьбой двух течений — леволиберального (Альтицер, Капуто) и радикально коммунистического (Агамбен, Жижек). Левое либеральное богословие полностью идеями толерантности и ненасилия. Бедная вера представляет слабого Христа. Радикально коммунистическое движение, являясь атеистическим по сути, идет к личности Христа через отрицание. Революционное «Агапе без милости» Жижека — это насилие во имя Христа. Христианство для Жижека становится способом подготовки боевого коммунизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен, Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. — Москва: Европа, 2011. — 256 с. — Текст: непосредственный.
2. Агамбен, Дж. Профанации / Дж. Агамбен. — Москва: Гилея, 2014. — 110 с. — Текст: непосредственный.
3. Альтицер, Т. Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма / Т. Альтицер; пер. с англ. Ю. Р. Селиванова; под ред. В. Ю. Кузнецова. — Москва: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2010. — 224 с. — Текст: непосредственный.
4. Жижек, С. Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие / С. Жижек; пер. с англ. В. Мазина. — Москва: Худож. журн.: Прагматика культуры, 2003. — 177 с. — Текст: непосредственный.
5. Жижек, С. Монструозность Христа / С. Жижек, Дж. Милбанк; пер. с англ. Д. Я. Хамис. — Москва: РИПОЛ классик, 2020. — 544 с. — (Фигуры Философии). — Текст: непосредственный.
6. Зброжек, Е. А. Материалистическая теология Славоя Жижека: теология или атеизм? / Е. А. Зброжек. — Текст: непосредственный // Дискуссия. — 2013. — № 10 (40). — С. 33–37.
7. Коначева, С. «Бог без суверенитета» и «священная анархия» Царства: «слабая» теология как теополитический проект / С. Коначева. — Текст: непосредственный // Социологическое обозрение. — 2022. — Т. 1. — С. 214–229.
8. Лифинцева, Т. П. Карл Барт и Пауль Тиллих: оправдание верой или сомнением?

/ Т. П. Лифинцева. — Текст: непосредственный // Научные ведомости. — 2010. — № 8 (79), вып. 12. — С. 5–12.

9. Тиллих, П. Систематическая теология. Т. 1–2 / П. Тиллих. — Москва; Санкт-Петербург: Университетская библиотека, 2000. — 463 с. — (Книга света). — Текст: непосредственный.
10. Тиллих, П. Избранное. Теология культуры / П. Тиллих; пер. с англ.; сост. С. Я. Левит, С. В. Лёзов. — Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2020. — 352 с. — (Книга света). — Текст: непосредственный.
11. Тиллих, П. Мужество быть / П. Тиллих; пер. с англ. — Москва: Модерн, 2014. — 164 с. — Текст: непосредственный.
12. Эпштейн, М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии / М. Н. Эпштейн. — Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. — 416 с. — (Идеи для мира). — Текст: непосредственный.
13. Эпштейн, М. Н. Тезисы бедной веры / М. Н. Эпштейн. — Текст: непосредственный // Северный регион: наука, образование, культура. — 2014. — № 1. — С. 111–124.

Угничева Лариса Сергеевна,
магистрант
РХГА имени Ф. М. Достоевского
ugnichevals@mail.ru

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ РУКОПИСНЫЕ СВОДЫ КАК ПРООБРАЗ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ: РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗНАНИЙ ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

На основе изучения состава и структуры древнерусских рукописных сводов методом систематизации знаний и истории их появления в России выявляется роль представителей духовенства Русской Православной Церкви в создании и распространении рукописных сводов энциклопедического характера, подготовивших почву для появления в России в XVII–XVIII вв. энциклопедических изданий европейского типа. Классифицируя рукописные своды, такие как Хронографы, Палеи, сборники по различным областям знаний (философия, богословие, астрономия, медицина, право, история, география, математика и проч.), проводится следующий анализ: по какому принципу структурировалось знание в рамках сводов, какое место в этой работе занимала православная догматика. Рассматривается историческая связь древнерусских клириков и древнерусской книжности энциклопедического направления, явившейся основой для возникновения энциклопедических трудов конца средневекового периода России.

Ключевые слова: древнерусская книжность, энциклопедия, духовенство Русской Православной Церкви, систематизация знаний.

Larisa S. Ugnicheva

OLD RUSSIAN ORTHODOX MANUSCRIPT COMPENDIA AS A PROTOTYPE OF ENCYCLOPEDIAS: THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE SYSTEMATIZATION OF KNOWLEDGE IN PRE-PETRINE RUSSIA

Based on the study of the composition and structure of ancient Russian manuscript collections using the method of systematization of knowledge and the history of their appearance in Russia, the role of representatives of the clergy of the Russian Orthodox Church in the creation and dissemination of manuscript collections of an encyclopedic nature is revealed, which paved the way for the appearance of European-style encyclopedic publications in Russia in the 17th and 18th centuries. In classifying handwritten compendia, such as Chronographs, Palaea, and miscellanies covering various fields of knowledge (philosophy, theology, astronomy, medicine, law, history, geography, mathematics, etc.), the following analysis is conducted: the principles of knowledge structuring within these compendia and the role of Orthodox dogmatics in this process. The article examines the historical connection between Old Russian clerics and Old Russian book culture of an encyclopedic nature, which served as the foundation for the emergence of encyclopedic works in the late medieval period of Russia.

Keywords: Old Russian literature, encyclopedia, clergy of the Russian Orthodox Church, systematization of knowledge.

Необходимость такого рода исследования возникает по причине современных представлений о преобладающем значении роли Европы в возникновении энциклопедического жанра в средневековой Руси, что, по мнению автора статьи, не соответствует действительности. Исторический путь и значение древнерусской книжности в становлении российского знания еще недостаточно оценены, отчасти из-за исключительно слабой сохранности материала (из древнерусского наследия осталось менее одного процента литературных источников), отчасти из-за определенных тенденций исторической науки советского периода, испытывавшей идеологическое антицерковное давление со стороны власти, и просто в силу недостаточного внимания к этой теме. К тому же содержание древнерусских книг по мнению С. С. Аверинцева зачастую рассматривается как недостаточно высокоинтеллектуальное и содержащее малоструктурированное знание, поскольку в обществе присутствует желание разделить историю на «древнее» и «новое» [1, с. 10], приводящее к недооценке их роли в становлении русской книжности. Автором предпринята попытка путем изучения состава и структуры древнерусских рукописных сводов, таких как «Толковая Палая», «Изборник» 1073 г., «Физиолог», «Учение о числах» и др., которые можно классифицировать как прообразы будущих энциклопедических сборников, выявить роль православного духовенства Древней Руси и последующих периодов средневековой России в подготовке такого восприятия этого жанра российской общественностью, что энциклопедии современного типа, появляющиеся в петровское время, могли быть восприняты как необходимая часть общего книжного дела, послужившего основой для российского Просвещения, что имело большое значение для последующего расцвета русской науки и культуры.

Необходимо отметить, что начальный этап энциклопедического творчества появляется в России исключительно рано, на заре нашей книжности, буквально с появлением христианства и привнесенной в этот период письменности. Это связано не только с распространением книг различных заимствованных жанров из заграничных культур, но и со специфическим христианским представлением о том, что Бог дал человечеству две книги — Библию, как слово Божье, и Книгу природы, изучая которую мы можем лучше понять замысел Творца о нашем мире. В этом смысле изучение и обзор всего окружающего мира, включенного в сознание древнерусского человека с характерными для него на тот исторический момент представлениями были прежде всего богоугодным делом. Новое, христианское учение имело такую специфику познания, которое не закликивалась на традиционных языческих представлениях, но стремилось к бесконечному продолжению изучения мира (ибо Бог христиан всемогущ, следовательно, пространство, время, движение и проч. может быть бесконечным, линейным, охватывать все). Это стимулировало не только поиск новых тем

в иностранных книжных источниках, но и собственное интеллектуальное творчество. Иная парадигма, не скованная еще правилами и возникшими традициями только что нарождающуюся российскую интеллигенцию, способствовала поискам и своеобразным подходам к аккумуляции различных сведений, принципиально помещенных в единый сборник. Уже первые книги наши, такие, например, как «Изборник» 1073 г., являют собой такие труды, которые можно характеризовать как прообразы энциклопедических изданий. «Изборник» (одна из трех древнейших обнаруженных в России книг), составленный для великого князя Святослава Ярославича, являет собой уникальный образец компилятивной работы, сочетавшей в себе и собственное интеллектуальное творчество, и осмысление философско-богословского древнегреческого и византийского наследия, при этом являясь списком болгарской рукописи, переведенной на древнерусский язык. Работа осуществлялась двумя переписчиками, одним из них был некий Иоанн-дьяк, имя второго не сохранилось. Установлено, что в Изборнике содержится более 380 статей, принадлежащих 25-ти авторам [3, с. 32]. Содержание этого древнейшего сборника является собранием информации из разных областей знаний, таких как догматическое богословие, нравственность, антропология, философия, математика, филология, история, естествознание, география, право, политэкономия. Раздел догматического богословия содержит множественные цитаты выписок из Священного писания, учителей церкви, таких как Иоанн Златоуст, Василий Великий, Максим Исповедник и проч. Там же есть выдержки из сочинений Кирилла Александрийского, Иустина Философа, Иринея Лионского и других авторитетных христианских авторов. Философские разделы книги содержат в том числе выдержки из «Метафизики», «Физики» и «Категорий» Аристотеля, где дано определение таким понятиям как «сущность», «сущее», «ипостась» и т.д. В разделе «Об образах» Георгия Хировоска, дающем понятие о поэтике, даны определения эстетическим понятиям: «аллегория», «метафора», «гипербола», «притча». Удивительно, что уже в этой древнейшей русской книге широко рассматривается антропологическая проблема как одна из наиболее значимых. Антропологические сведения даны в русле античного учения о четырех стихиях для объяснения строения тела человека и для пояснения христианского учения о воскресении тел. В разделе «Иустина Философа» рассматривается двуприродность человека, плотского и духовного начал. В одном из разделов даны также представления астрономического порядка — перечислены такие небесные тела как Солнце, Луна, планеты солнечной системы. Нужно также указать, что некоторые направления в древнерусском знании появляются именно с приходом христианства. Календарные исчисления и медицинские знания, например, уже были известны в зачатке и у предков древних славян, но история с ее хронологией и фиксацией событий возникла только благодаря церковным хроникам, житийным повествованиям. Богатое и разнородное

содержание этой, одной из очень немногих сохранившихся древнейших книг дает повод для предположения, что такие книги существовали во множестве и имели большое влияние на умы древнерусских интеллектуалов, являющихся преимущественно насельниками монастырей, наших древнейших центров книжности. Обладая целым рядом определенных качеств, таких как знание языков, навыки работы с переводом и интерпретацией трудов иностранных авторов, широкая образованность, монахи имели возможность передавать не только содержание текстов, но и перерабатывать их научно и художественно для ознакомления российской общественностью. Эти сборники самых разных сведений по праву считаются нашими древнейшими энциклопедиями. По мнению Г. М. Прохорова «Изборник 1073 г. служил, можно сказать уверенно, энциклопедией, освещавшей самые главные вопросы христианской культуры» [8, с. 521].

Существуют и другие древнерусские своды, которые интерпретируются исследователями как предтечи энциклопедических изданий, появившихся впервые в Петровскую эпоху. Дадим здесь краткий обзор этих книг, указывая на особенности их состава, тяготеющего к систематизации разных типов сведений, и их значение в подготовке энциклопедического направления как жанра. Это прежде всего «Словарь иноземных слов» в «Кормчей книге» XIII в. новгородского епископа Климента, который часто называют первым энциклопедическим трудом на Руси. В нем была предпринята одна из первых попыток систематизировать и объяснить заимствованную лексику, содержащуюся в книге, кроме того, статьи в этом словаре были расположены в алфавитном порядке, что являлось серьезным шагом к развитию книжных форм комплексного знания.

«Толковая Палея», созданная около XIII в., содержит в себе пересказ библейской истории с философскими, богословскими и даже ранними научными (натурфилософскими) рассуждениями. По своему составу она напоминает энциклопедию: в них содержатся богословский, исторический, философский контекст, а также космологические и натурфилософские сведения, связанные с библейским мировоззрением. Там встречается описание различных видов животных (включая мифические), растений, их свойств и мест обитания, описываются географические объекты, а также строение мира в космических масштабах (небесные сферы, подземелье и проч.), антропологические сведения.

«Шестодневы», такие как, например, «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского, созданный в Болгарии на рубеже IX–X вв. и распространенный в Древней Руси начиная с XI в., являются произведениями религиозно-философского и богословского характера, они рисуют широкую картину мироустройства, происхождения космологических и геофизических объектов, растений и животных в свете христианской теории мироздания. Объединяя эти различные сведения в единую картину, авторы «Шестодневов»

следуют библейскому принципу христианской космологической систематизации знаний естественно-научного характера, тесно связанного с философским и богословским его осмыслением. В то же время это дает возможность дать первые понятия естественно-научного характера — например, автор одного из таких переводных «Шестодневов» Василий Великий дает понятие о возникновении жизни таким образом — «из воды воскипели жабы, мошки и комары», подчеркивая библейский принцип творения, отдаленно напоминающий последующие эволюционные теории происхождения биологической жизни.

На заре книжной учености возникает и такое уникальное явление, как первая математическая энциклопедия Руси «Учение о числах». Ее составил в 1136 году монах Антониева монастыря в Новгороде диакон Кирик Новгородец. Мильков В. В. отмечает: «Произведение представляет собой научный микротрактат, отвечающий критериям высокой средневековой учености. Его автор демонстрирует высокую математическую квалификацию и умение производить расчеты с большими цифрами. Математический инструментарий используется для астрономических и календарных вычислений, а их безукоризненная точность позволяет считать «Учение» образцом научно обоснованной хронологии» [6]. Здесь универсальность и всеобщность знания также возникает в связи с библейским повествованием — время исчисляется от сотворения мира — «Бог изначально сотворил небо и землю и всю видимую тварь, с той поры [считаем] до настоящего времени 6644 года» [7, с. 345].

Вызывает интерес первая в истории человечества детская энциклопедия «Лицевой летописный свод», или «Царь-книга», крупнейший летописно-хронографический свод Древней Руси, созданный по поручению Ивана Грозного. Работа над ней проводилась под руководством митрополита Макария в 1568–1576 гг., сборник предназначался для обучения царских детей. На тот исторический период в мире ей, как детскому литературному, к тому же энциклопедическому изданию, нет аналогов не только в России, но и в мире. Считается, что первой детской книгой (гораздо более скромного содержания), иллюстрированной по причине детской специфики книги, является познавательная книга для детей младше шести лет «Orbis Pictus» епископа Богемской Чешскобратской церкви Иоанна Амоса Коменского, вышедшая гораздо позже, в 1658 году в Богемии, она была создана для обучения детей чтению. Сохранившиеся десять томов «Лицевого свода» насчитывают 9745 листов, в которых помещены 17744 роскошные цветные иллюстрации, составляющие 2/3 содержания книги, над которыми трудились лучшие иконописцы. Сами иллюстрации являются не только весьма познавательными для учащихся, но и ценнейшими историческими свидетельствами для современных историков. История в этом сборнике ведется от сотворения мира, используя библейский контекст, и дает представление о древней истории, хронологически плавно перетекая в средневековый и русский период.

Один из древнейших письменных медицинских памятников «Прохладный вертоград» — энциклопедия средневековых медицинских знаний, существенно дополнявшая древнерусские представления о лекарском деле, описывала свойства множества растений. «Она появилась в XVII веке благодаря переводу епископа русской православной церкви, святого Симеона Полоцкого. Она также имела большое значение как первая медицинская энциклопедия на Руси» [2, с. 344].

Выдающийся русский книжник, библиофил, переводчик, архимандрит Русской Православной Церкви, насельник Соловецкого монастыря о. Сергей Шелонин (ум. в 1667 г.), создает труд, названный впоследствии «Азбуковником», имеющий все признаки энциклопедии. Этот трактат, содержащий широкий спектр сведений богословского и естественнонаучного содержания, описывал в том числе и наиболее актуальные на тот момент медицинские представления, почерпнутые из иллюстрированного перевода на русский язык «Книги о дистилляции» Иеронима Бруншвига, переведенного несколько ранее с немецкого Николаем Любчанином, придворным врачом Иоанна Грозного. Л. С. Ковтун считает «Азбуковник» первой энциклопедией на Руси: «Третий Азбуковник Сергея Шелонина — конечный этап работы Сергея в жанре лексикографии — является самым полным представителем древнерусских тезаурусов, содержит 16110 словарных статей, объединяет в себе материалы по лексикографии, истории, богословию, географии, ботанике, зоологии, астрономии, минералогии, медицине и др.» [5, с. 18]. Статьи расположены в алфавитном порядке, что еще больше приближает его по характеру содержания к современной энциклопедии.

Отметим также «Ефросиньевские сборники», написанные во второй половине XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре монахом-книгописцем Ефросином. Он тщательно выбирал из большого количества разных доступных ему книг (библиотека Кирилло-Белозерского монастыря содержала богатейшее собрание — около 1500 томов) статьи богословского, нравоучительного, натурфилософского характера, отразившего богатейшую палитру всей литературы, которая была доступна в этот период. Сборники имели большое хождение по Руси в списках.

Можно назвать еще целый ряд таких древнерусских сборников, в которых проявляются первые черты энциклопедичности. Это «Луцидариус», «Великое зеркало» и проч. В них проявляется тенденция объединить все возможные сведения по какой-либо определенной теме, или же по темам практически во всех областях знаний древнего книжника. Так как допетровская литература имела сложные черты, которые можно охарактеризовать как синкретизм духовного и естественнонаучного знания, она таким образом включала в свой круг самые различные знания. С охватом всех возможных знаний книжники связывали понятие о Божьем мире, существующем целостно, находясь в некоем единстве, поскольку всем им управляет единый

Бог. Само понятие «энциклопедия» по С. С. Аверинцеву — это цикл, цикличность, завершенность цикла, как некая цельность [1, с. 11]. Полнота знания, заключающаяся в такой подаче материала, связана в христианском мировоззрении с отражением представлений о всевидящем Боге, создавшем все, и Бог все во всем. Это не только уже свершившийся факт, но и христианское упование, что «Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем» (1 Кор, 15–28), поэтому создание энциклопедичности как всеохватности знания можно рассматривать и как мессианскую задачу, остро стоящую в начале христианизации Руси. Об этом пишет М. С. Киселева: «Начальный этап энциклопедического творчества, безусловно, — авторское дело, идеологически жестко ориентированное и тесно связанное с удержанием, систематизацией и целостным представлением знаний о мире. Христианская книжная культура включает в этот мир Творца, Его Создателя. Уверенность в идентичности Книги природы и Книги, созданной Богом, и была достаточным основанием для создания всех энциклопедических по своей форме христианских текстов, она же, полагаю, вела и барочных авторов по пути ко все расширяющемуся книжному знанию, залого будущей учености» [4].

Нужно отметить, что уже в самом начале российской книжности энциклопедические труды имеют те формы, которые характерны и для нашей современности. Это прежде всего универсальные, или общие энциклопедии, охватывающие все области знания (например, сегодня таковой является Большая Российская энциклопедия). Они давали комплексное представление о мире, это основные сведения из области научного знания, культурного, духовного наследия и практической деятельности. К таким сборникам древнерусского периода можно отнести упомянутые уже «Шестоднев», «Палей», «Изборники» (1073 и 1076 гг.), а также раннюю детскую энциклопедию «Летописный свод» Ивана Грозного, «Аристотелевы врата» и другие. Существовали также отраслевые, специализированные энциклопедии, дававшие информацию по одной определенной теме — это, например, математическая энциклопедия диакона Кирика Новгородца «Учение о числах»; медицинские сборники или летописи, включавшие в себя широкий спектр медицинских знаний — «Прохладный вертоград», «Физиологи», дающие знания о флоре, фауне и проч. Своеобразной энциклопедией практических знаний в сфере семейного быта и ведения хозяйства, советов по содержанию дома, созданием и хранением припасов, рекомендациями по садово-огородному делу стала книга «Домострой», рукопись XVI-го века, составителем которой считается церковный, политический и литературный деятель, клирик Благовещенского собора Московского Кремля, духовник Ивана Грозного протопоп Сильвестр. Существовали и справочники-азбуковники, обеспечивавшие единство терминологического аппарата для древнерусских книжников («Словарь иноземных слов» в «Кормчей книге» епископа Климента). Как мы

видим, служители Русской Православной Церкви уже в период Древней Руси сложили основные форматы энциклопедического жанра — универсальный, отраслевой и их разновидности, обеспечивая тем самым информационное поле, способствующее усвоению энциклопедического знания, что привело к рецепции энциклопедического жанра в период Петровской Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев, С. С. Два рождения европейского рационализма / С. С. Аверинцев. — Текст: непосредственный // Вопросы философии. — 1989. — № 3. — С. 3–13.
2. Груздев, В. Ф. Рукописные лечебники в собрании Пушкинского Дома / В. Ф. Груздев. — Текст: непосредственный // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — Ленинград: Наука, 1974. — Т. XXIX. — С. 343–348.
3. Жуковская, Л. П. Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 г. / Л. П. Жуковская. — Текст: непосредственный // Изборник Святослава 1073 года: сборник статей / под ред. Б. А. Рыбакова. — Москва: Книга, 1983. — С. 29–38.
4. Киселева, М. С. От древнерусской книжности к барочному энциклопедизму / М. С. Киселева. — Текст: электронный // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. — 2008. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-drevnerusskoy-knizhnosti-k-barochnomu-entsiklopedizmu/> (дата обращения: 23.01.2026).
5. Ковтун, Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность / Л. С. Ковтун. — Ленинград: Наука, 1989. — 296 с. — Текст: непосредственный.
6. Мильков, В. В. Кирик Новгородец — ученый инок и его «университет» (о значении Антониева монастыря в творческой судьбе древнерусского книжника) / В. В. Мильков. — Текст: электронный // Вестник славянских культур. — 2020. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kirik-novgorodets-uchenyy-inok-i-ego-universitet-o-znachenii-antonieva-monastyrya-v-tvorcheskoy-sudbe-drevnerusskogo-knizhnika/> (дата обращения: 25.12.2025).
7. Мильков, В. В. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / В. В. Мильков, Р. А. Симонов; Российская акад. наук, Ин-т философии. — Москва: Кругъ, 2011. — 543 с. — (Памятники древнерусской мысли. ПДМ: Исследования и публикации; вып. 7). — Наставление, как человеку познать счисление лет. — С. 342–350. — Текст: непосредственный.
8. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2: XI–XII века / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. — Санкт-Петербург: Наука, 1999. — 555 с. — Текст: непосредственный.

УДК 821.111 (73)

Хаккевич Татьяна Маратовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной филологии и лингводидактики
РХГА имени Ф. М. Достоевского; ta-ta89@mail.ru

Погорелко Ольга Дмитриевна,
студентка РХГА имени Ф. М. Достоевского,
O.pogorelko@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ КАК ПРЕДМЕТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В РОМАНЕ АМАНДЫ БРАУН «БЛОНДИНКА В ЗАКОНЕ»

В сферу анализа входит исследование корпуса юридических терминов в романе Аманды Браун «Блондинка в законе». Юридические термины становятся инструментами для конструирования нового смысла в художественном тексте, более того, юридическая терминология позволяет автору создать особые характеристики персонажей. Культурный контекст, обращение к юридическим терминам, особенности юридического дискурса формируют в романе метатекст, понимание всех его уровней позволяет осмыслить полную картину замысла автора. Юридическая терминология становится неотъемлемым элементом в создании художественного мира произведения, серьезному миру юридической сферы противопоставляется легкомысленный мир гламура.

Ключевые слова: Аманда Браун, «Блондинка в законе», дискурс, метатекст, функционально-семантический анализ, юридическая терминология.

Tatiana M. Khatskevich, Olga D. Pogorelko

LAW TERMS AS THE SUBJECT OF FUNCTIONAL-SEMANTICAL ANALYSIS OF THE NOVEL “LEGALLY BLONDE” BY AMANDA BROWN

The corpus of law terms of Amanda Brown's novel “Legally Blonde” is under analysis. Law terms are used as the tool to create a new meaning in the literary text, moreover, the law terms, used by the author, allow creating specific features of the characters. The cultural context, the usage of law terms, and peculiarities of the law discourses form a meta-text in the novel, the understanding of all its levels helps to seize author's conception. The law terms are the essential elements in the process of the fictional world creation. The legal field is opposed to the giddy glitzy world in the novel.

Keywords: Amanda Brown Chang, “Legally Blonde”, discourse, meta-text, functional-semantical analysis, law terms.

Юридическая терминология является элементом специального профессионального юридического дискурса [1, с. 72], основной функцией которого является точное вербальное выражение мыслей в сфере правовых отношений и правоприменения. Однако, попадая в художественный текст, юридические термины подвергаются метаморфозам: происходит ассимиляция и переосмысление значения [5, с. 13]. Специфические художественные задачи превращают юридические термины в инструмент конструирования новых смыслов, создается метатекст, общую картину замысла автора можно понять, только постигая все уровни текста.

Необходимо отметить, что лингвистическая многослойность юридической терминологии английского языка, обусловленная тысячелетней историей формирования самого языка и его взаимодействием с другими языковыми и культурными традициями, объясняется богатой и выразительной лексической системой: каждое слово заключает в себе отголоски древних правовых систем и последующих эволюционных этапов юридической сферы. Так, например, греческие корни становятся частью сложных терминов, связанных с логикой, рассуждением, понятиями права и порядка: “nomos” (от древнего греческого — закон, норма), корень является основой для таких понятий, как “autonomy”, “economy”; “ethos” (от древнего греческого — нрав, обычай): “ethical considerations”, “the ethos of the legal profession” [4]. Кроме того, юридические термины обладают полисемией: минимальные, но существенные различия в значениях могут влиять на интерпретацию правовых норм и документов. Неудивительно, что в художественном тексте [3, с. 21] юридические термины становятся инструментами для создания семиотических слоев, игры смыслов, построения характеров и кода литературного произведения. Благодаря семиотической функции юридические термины превращаются в носителей смыслов, при этом формируется культурный, правовой и эмоциональный фон произведения. Еще одной важной функцией является когнитивная [2, с. 245–247]: персонаж, мыслящий категориями юридического дискурса, видит мир иначе, юридическая терминология, используемая героем, становится «зеркалом» его когнитивной структуры.

Когнитивный аспект важен для процесса формирования внутреннего мира персонажей, в том числе в контексте обращения к юридической терминологии. Этот аспект проявляется в таких элементах образов как, во-первых, отражение компетентности и профессиональных знаний, то есть владение специальной лексикой — маркер принадлежности к социальной группе, во-вторых, выражение ценностных ориентаций и этических установок. Эволюция лексического запаса и семантического понимания юридических терминов персонажем способствует смене когнитивной модели.

Наиболее показательным произведением в контексте подобного анализа представляется роман «Блондинка в законе» (Legally Blonde, 2001) американской писательницы Аманды Браун (Amanda Brown Chang, 1970). Роман

содержит автобиографические элементы: описан собственный опыт обучения в Стэнфордской юридической школе, благодаря чему реалии жизни переносятся в художественное произведение, что позволяет автору достичь высокого уровня достоверности [6]. Кроме того, Аманда Браун обращается к использованию корпуса юридических терминов, играющих ключевую роль в создании художественной атмосферы, раскрытии характеров и развитии сюжета, юридический дискурс и контекст выступают как фон для выражения авторского замысла романа. Специальная лексика выполняет двойную функцию: с одной стороны, обеспечивает аутентичность описываемой правовой деятельности, с другой — становится элементом языковой игры. Интеграция профессиональных терминов в повествовательную структуру позволяет познакомить читателя с основами юридического дискурса, демонстрируя его особенности через художественный текст.

Учет естественной сегментации юридического дискурса в романе позволяет логически подразделить все юридические термины в романе на следующие группы: 1. базовые юридические термины в романе, формирующие его правовое поле, обозначают универсальные понятия, знакомые даже неспециалистам; 2. термины, обозначающие названия видов правонарушений; 3. юридические термины, связанные с названиями профессий, должностей, участников процессуальных дел; 4. термины, обозначающие основные отрасли права; 5. термины, связанные с образованием и поступлением в юридическую школу. Термины из каждой подгруппы получают дополнительное значение или коннотацию, подчеркивают иерархию персонажей в юридическом мире, демонстрируют траекторию личностного роста главной героини. Следует рассмотреть указанную специфику на конкретных примерах: в контексте первой группы термин “testimony”, то есть показания в суде: “At first, the day didn’t look good for Brooke, judging from the testimony of Thom Romeo, Brooke’s personal trainer, the first witness called by Chutney’s lawyer” [7], превращается в инструмент построения интриги, оценка дня (“didn’t look good for Brooke”) на основе показаний личного тренера (“personal trainer”) создает элемент саспенса. Описание — не просто сухие факты, а драматизация судебного процесса, когда показания одного свидетеля могут существенно повлиять на восприятие ситуации и судьбу персонажа, подчеркивая непредсказуемость и субъективность человеческих свидетельств. Ярким примером для демонстрации терминов второй группы служит “murder” — убийство: “Twenty-three-year-old Brooke Vandermark, sixth wife of the killed multimillionaire, is accused of the murder” [7]. Термин не только констатирует факт, “murder” является ключевым элементом для создания драматического образа персонажа (Brooke Vandermark): сочетание ее молодости, семейного статуса (“sixth wife”), богатства, положения жертвы и обвинения в убийстве, рисует яркую, интригующую картину, вызывающую у читателя любопытство и предположения, выходящие за пределы юридической квалификации. Термины третьей группы помогают

читателю ориентироваться в иерархии и функциях персонажей, подчеркивают профессиональный рост и трансформацию персонажей, делая их роли более объемными и художественно значимыми, так, “attorney” — юрист (общее название профессии преимущественно в США): “Well, not yet. I’m helping a lawyer,» Elle said, turning to Christopher, who came up and introduced himself as Brooke Vandermark’s attorney” [7]. Представление Кристофера как “Brooke Vandermark’s attorney” подчеркивает его роль защитника в конкретном судебном деле, для Эль, которая охарактеризована как “helping a lawyer”, это также указание на ее профессиональное развитие, однако в ее случае — начало пути к освоению этой должности, кроме того, термин обозначает не только профессию, но и ответственность, которую она несет. Термины четвертой группы можно назвать маркерами предметных областей юриспруденции, демонстрирующих академическую сторону юридической профессии, рассмотрим пример из романа связанный с Civil Law\Procedure (гражданское право, гражданский кодекс): “Civil Procedure class was all about cases in court” [7]. Эта фраза указывает на практическую направленность обучения, для героини это возможность понять, как юристы сопровождают дела (“cases in court”), что является ключом к освоению ее будущей профессии адвоката. Термин обозначает не просто отрасль права, а поле деятельности, где рассматриваются реальные жизненные ситуации и принимаются важные решения. Последняя группа включает в себя термины, подчёркивающие трансформацию главной героини из «блондинки» в юриста, например, встречается аббревиатура LSAT (Law School Admission\Aptitude Test), то есть стандартизированный тест для поступления в юридические школы США: “Elle spent the rest of the fall semester studying for the Law School Aptitude Test, which she had decided to take in January”, “Three months later, Elle was smiling as she returned from the LSAT” [7]. В контексте романа “Studying for the LSAT” становится символом упорного труда и подготовки Эль, так как тест представляется как первый серьезный вызов на пути к мечте, а улыбка героини после LSAT — это радость преодоления, подтверждение ее усилий и уверенности в будущем. Корпус юридических терминов, представленных в романе, демонстрирует многоуровневость терминосистемы и широту охвата юридической тематики: термины обозначают процессуальные понятия, профессиональные, образовательные институты, отрасли американского права. Более того, термины не являются «декоративными» элементами, они двигают сюжет, раскрывают персонажей, формируют атмосферу профессиональной среды. Юридические термины, несмотря на художественный тип повествования произведения, используются автором компетентно, достоверно изображают мир юридических процессов.

Термины трансформируются из только номинативных единиц в коннотативные, они наделяются дополнительными смысловыми нагрузками, конструирующими художественный мир произведения и формирующими особую атмосферу повествования, предавая смыслы, связанные со стереотипами,

амбициями и внутренним изменением героев. Более того, термины способствуют формированию эффекта иммерсивности, позволяя читателю ощутить сопричастность к профессиональной юридической среде — от академических дискуссий в аудиториях до процессуальных тонкостей судебных заседаний, что содействует глубокому погружению в специфику американской правовой системы. В данном случае для лучшего понимания необходимо рассмотреть следующую фразу: “The witness dislikes Brooke. He was Brooke’s interior designer, until he quit. He uses the word ‘murder’ a lot. According to him, she ‘murdered’ the sitting room and the library, and ‘planned to kill’ the foyer” [7], юридические термины используются метафорически, происходит намеренное усиление семиотического значения. Повтор терминов усиливает образ Брук как преступницы в сознании читателя и других персонажей. Дизайнер, использующий слово “murder” при описании интерьера, показывает семиотическую диффузию термина: он переносится из сферы преступлений в бытовое, эстетическое поле, что подчеркивает, как широко значение слова “murder” стало использоваться для характеристики чего-либо «ужасного» или «неудачного», даже в контексте дизайна. Это демонстрирует, как язык трансформирует и обесценивает юридические понятия, делая их частью повседневного дискурса.

Еще одной важной функцией юридических терминов в романе становится формирование когнитивных моделей и мировосприятия. В контексте романа «Блондинка в законе» процесс освоения и корректного использования юридической терминологии является для главной героини Элли Вудз актом переосмысления себя и своих ценностей. Термины, связанные с образованием, судебными процедурами, юридическими областями права, доказательствами и мотивами, выступают как когнитивные инструменты, которые помогают персонажам понимать сложный мир юриспруденции, переосмысливать личные ценности, формировать аналитическое, критическое и стратегическое мышление, становиться профессионалом, способным решать сложные задачи. Изначально на характер и личность Элли влияет ее окружение в Лос-Анджелесе: она модная, популярная, но с ограниченными мировоззренческими установками (мода, вечеринки, брак с Уорнером), с несерьезным отношением к учебе (“sociopolitical jewelry design and beauty myths” [7]). Ее когнитивные модели основаны на ожиданиях окружающих, прежде всего Уорнера, а также ее собственном представлении о счастье, тесно связанным с отношениями. Она воспринимает мир сквозь призму гламура и легкой жизни. Разрыв с Уорнером, его слова о том, что ей нужно быть серьезной (“serious”), его намерение поступить в юридическую школу “Stanford Law School” становятся потрясением, заставляющим ее пересмотреть представление о себе и своих целях. Решение поступить в юридическую школу становится первой самостоятельной, когнитивно сложной целью, “Law school” ассоциируется с возможностью стать “serious” и доказать свою состоятельность.

Столкновение с юридической реальностью вызывают у Элли смешанные чувства: от удивления до решимости. Элли не просто принимает идею стать “serious”, она переосмысливает ее, связывает намерение с профессионализмом и стремлением к справедливости, но при этом не отказывается от собственной индивидуальности. Она понимает, что юридическая школа не имеет ничего общего с прежней жизнью и требует интеллектуальных усилий и дисциплины, так, освоение терминов “tort”, “subrogation”, “criminal defense work”, “witness”, “alibi”, “cross-examination” и апеллирование к ним развивает критическое мышление. Ее способность связать “perm” и “washing hair” с алиби Чатни показывает, как она учится находить юридическую значимость в обыденных деталях. От уважаемого адвоката, с которым она работает над делом Вандермарк, она слышит комплименты о своем находчивом уме: “She had never heard herself and her brain mentioned together. She was a winner. If Warner got the job, she’d finally get some time with him. If he didn’t, then who would be the «serious» lawyer after all? As for you, Elle, I want you to meet all of the witnesses. With your background, I think you’ll be very helpful with the facts” [7].

Явно прослеживается формирование профессиональной идентичности, необходимо обратить внимание на термины “Intern”, “defense team”, по ходу сюжета романа Элли начинает осознавать себя частью юридической команды, принимая на себя юридическую ответственность, это когнитивный акт самоопределения: “«Your Honor,» Elle came up to the bench, «I’m an intern for Mrs. Vandermark’s defense team [7].” Юридические термины “Relevant”, “objection”, “sustained” сопряжены с усвоением правил игры и умением их применять, что демонстрирует ее переход к профессиональному поведению.

Результатом трансформации личности становится ситуация разоблачения Чатни (“I meant to shoot you!” [7]), это кульминационный момент, когда Элли не только применяет юридические знания, но и демонстрирует смекалку и способность раскрывать истину, что подтверждает ее становление проницательным адвокатом (“lawyer”). “You lied then, Chutney. Elle folded her arms, staring at the witness. “Tell the court again where you were when your father was shot.” [7]. Сцена демонстрирует, что Элли усвоила приемы допроса (“cross-examination”), ее уверенная поза (“folded her arms”, “staring at the witness”) и прямое обвинение (“You lied then”) доказывают, что она научилась использовать юридические приемы для выявления истины: это формирует ее профессиональный образ смелого и решительного адвоката. У главной героини происходит симбиоз личного и профессионального: столкновение с историями Брук (“addiction”, “emotional void”, “marriage”) учит ее эмпатии и пониманию человеческих мотивов, что является важным для юриста. Элли Вудс проходит стадии развития от образа несерьезной «гламурной блондинки» до компетентного “defense attorney”. Ее когнитивные модели меняются благодаря владению юридической терминологии, становящейся инструментом личностного и профессионального роста.

Таким образом, юридическая терминология в романе «Блондинка в законе» выходит за рамки описания профессиональной деятельности, она становится многозначным семиотическим инструментом, участвующим в конструировании художественного мира, формировании идентичности персонажей, она обогащает художественный текст дополнительными смыслами, что подтверждает высокий семиотический и когнитивный потенциал специальных языков в литературном произведении. Термины, сохраняя свое основное значение, приобретают коннотативные нагрузки, становятся маркерами стереотипов, амбиций, трансформации персонажей и инструментом создания художественной атмосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. 1. Губарева, Т. В. Юридическая терминология в английском языке: монография / Т. В. Губарева. — Москва: РУДН, 2010. — 184 с. — Текст: непосредственный.
2. 2. Козловская, О. Г. Когнитивный подход к исследованию термина как инструмента познания / О. Г. Козловская. — Текст: непосредственный // Язык как средство коммуникации: теория, практика, методика преподавания. — Москва, 2007. — С. 245–247.
3. 3. Кубрякова, Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е. С. Кубрякова. — Текст: непосредственный // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1997. — Т. 56, № 3. — С. 22–31.
4. 4. Словарь-справочник по юрислингвистике. — Текст: электронный. — URL: <https://sl.ceur.ru/dictionary/item123641/> (дата обращения: 25.10.2025).
5. 5. Хижняк, С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / С. П. Хижняк. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. — 136 с. — Текст: непосредственный
6. 6. Brown, A. — Текст: электронный // Encyclopedia.com: [сайт]. — URL: <https://www.encyclopedia.com/arts/educational-magazines/brown-amanda> (дата обращения: 20.10.2025).
7. 7. Brown, A. Legally Blonde / A. Brown. — Текст: электронный. — URL: <https://liteka.ru/english/library/5073-legally-blonde#1> (дата обращения: 20.10.2025).

Денисова София Мэрилин,
студентка РХГА им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург)

Лукина Людмила Евгеньевна,
кандидат педагогических наук
доцент кафедры культурологии, педагогики и искусств

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматриваются теоретические основы духовно-нравственного развития и воспитания личности в контексте современного школьного образования. Анализируется педагогический потенциал древнерусской литературы как эффективного средства формирования системы ценностных ориентаций учащихся. Статья содержит теоретическое обоснование актуальности использования наследия древнерусской литературы в образовательном процессе.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, древнерусская литература, воспитательный потенциал, личностное развитие, педагогическая традиция.

Sophia Marilyn Denisova, Lyudmila E. Lukina

THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF ANCIENT RUSSIAN LITERATURE IN THE DEVELOPMENT OF SPIRITUAL AND MORAL QUALITIES OF SCHOOLCHILDREN

The article examines the theoretical foundations of spiritual and moral development in the context of modern school education. It analyzes the pedagogical potential of Old Russian literature as an effective method of forming students' value systems. The article provides a theoretical justification for the relevance of using the legacy of Old Russian literature in the educational process.

Keywords: spiritual and moral education, ancient Russian literature, educational potential, personal development, pedagogical tradition.

Современное российское общество переживает значительные изменения в социально-экономической и культурной жизни, в области духовно-нравственных ориентиров, что оказывает прямое воздействие на формирование личности школьника. Поэтому особую важность приобретает духовно-нравственное воспитание детей и молодежи. В обстановке разнообразия ценностей и интенсивного информационного потока перед школой стоит задача стать главным институтом, который целенаправленно

формирует морально устойчивую и духовно развитую личность. Как справедливо отмечается в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» под редакцией А. Я. Данилюка, образованию отводится ведущая роль в консолидации российского общества, в укреплении гражданской идентичности и преемственности поколений [1].

В связи с этим перед педагогами-словесниками встает комплекс задач, выходящих за рамки формирования предметных знаний и направленных на достижение личностных результатов, закрепленных во ФГОС основного общего образования (5–9 классы). Среди этих результатов — воспитание российской гражданской идентичности, усвоение гуманистических и традиционных ценностей российского общества, формирование осознанного, уважительного и доброжелательного отношения к другому человеку, его мнению, культуре [12]. Одним из наиболее эффективных, но не в полной мере востребованных ресурсов для решения этих задач является древнерусская литература.

Цель нашего исследования — выявить теоретико-методические основы духовно-нравственного воспитания средствами древнерусской литературы на уроках в школе.

Рассмотрим ключевые понятия: «духовность», «нравственность», «развитие» и «воспитание».

Понятие «нравственность» в словаре С. И. Ожегова рассматривается как внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами [9]. Как отмечает Д. С. Лихачёв, «нравственность едина во все века и для всех людей» [8]. Дмитрий Сергеевич Лихачёв подчеркивает, что, читая древние книги, можно найти многое для себя, открыть самого себя, осознать свои поступки. Это означает, что такие качества, как честность, доброта, милосердие, верность и справедливость, сохраняют свою ценность вне зависимости от исторического контекста.

Термин «духовность» определяется в педагогическом словаре Г. М. Коджаспировой как «высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности, когда основными ориентирами ее жизнедеятельности становятся непреходящие человеческие ценности; ориентированность личности на действия во благо окружающих, поиск ею нравственных абсолютов; с христианской точки зрения — сопряженность человека в своих высших стремлениях с Богом» [3]. В контексте древнерусской литературы «духовность» тесно связана с ее православным миропониманием и религиозным характером отображения реальности. Это не просто связь с церковной жизнью, а особый способ воззрения на мир, ориентированный на высшие ценности, на идеал святости и служения.

Согласно «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» «развитие» — это «процесс и результат

перехода к новому, более совершенному качественному состоянию, от простого к сложному, от низшего к высшему, к некоей степени духовной, умственной зрелости, сознательности, культурности и пр.» [1].

Сущность термина «воспитание» раскрывается И. А. Зимней как «целенаправленное воздействие на человека с целью сформировать у него определенные ценностные ориентации, принципы поведения, системы оценок и т.д., выраженное отношение к себе, к другим людям, к обществу, к миру» [2]. «Развитие» и «воспитание» в данной работе рассматривается как целенаправленный процесс формирования личности, ориентированный на усвоение вечных ценностей и норм морали.

Современный национальный воспитательный идеал, определяемый «Концепцией духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», — это «высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [1].

Подростковый возраст является очень значительным периодом для формирования нравственных идеалов и ценностей. Школьники в это время активно ищут нравственные ориентиры, образцы для подражания. Древнерусская литература предлагает им яркие и целостные образы героев, чья жизнь строится на основе безусловных нравственных принципов, что отвечает потребностям формирования личности в этот период.

Как отмечает Д. С. Лихачев, «древнерусская литература обладает как бы детским сознанием... И эта ее способность как бы сродни юному школьному сознанию» [7]. Это наблюдение указывает на естественную соотносительность мышления создателей древнерусских текстов с особенностями восприятия школьников, что открывает уникальные возможности для педагогической работы.

Основоположником фундаментального подхода к духовно-нравственному воспитанию в России считается К. Д. Ушинский. Он утверждал, что воспитание, оторванное от культурных, языковых и духовных корней своего народа, бессильно. Ушинский неоднократно подчеркивал важность опоры на национальные культурные традиции в процессе воспитания и отмечал, что язык и литература народа являются мощнейшим средством передачи нравственного опыта поколений.

Древнерусская литература существенно отличается от литературы Нового времени. Её характерными чертами являются рукописный характер бытования, анонимность, историзм и ярко выраженная дидактическая направленность. Древнерусская литература была не просто искусством слова, а средством познания и преобразования мира и человека. Произведения создавались и переписывались не для эстетического удовольствия,

а с практической целью — наставления и воспитания. «Велика бо бывает польза от ученья книжного», — поучал летописец Нестор в «Повести временных лет», подчеркивая полезность книжной мудрости для спасения души [4].

Одной из центральных идей, пронизывающих древнерусскую литературу, является идеал соборности. Это понятие, уходящее корнями в православное мировоззрение и общинный уклад жизни древних славян, подразумевает нравственное единение свободных личностей на основе любви к Богу, друг другу, родной земле. Д. С. Лихачев сравнивает древнерусскую литературу с хором, «в котором совсем нет или очень мало солистов и в основном господствует унисон». Лихачев тонко подмечает, что писатели были не зодчими отдельных зданий, а «градостроителями», работающими над общим грандиозным ансамблем — единым зданием литературы, подчиненным общей теме служения Богу и Руси [6].

Система образов также была подчинена дидактическим задачам. Героями литературы являлись прежде всего исторические личности, а их поступки оценивались с позиции вечных духовных ценностей: добра, жертвенности, правдивости, любви к Родине. Образы святых, мудрых князей, доблестных воинов предлагали читателю четкие нравственные ориентиры и модель праведного поведения.

Воспитательный потенциал древнерусской словесности реализуется через систему ключевых тем и идей:

1. Любовь к Родине и патриотизм. Эта тема является лейтмотивом многих произведений. В «Повести временных лет» звучит идея единства Русской земли, осуждение княжеских междоусобиц. «Слово о Полку Игореве» пронизано болью за землю Русскую и призывом к объединению. Патриотический настрой текстов формирует такие ценности, как гражданственность, служение Отечеству и любовь к родному краю.
2. Нравственный выбор между добром и злом. В «Поучении» Владимира Мономаха автор завещает детям и всем, кто услышит его слово, творить добро, быть справедливым и милосердным, особенно по отношению к слабым: «Всего же более убогих не забывайте, но по силам кормите и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами, не давайте сильным губить человека». Анализ жанра поучения способствует формированию нравственного чувства и этического сознания у читателя.
3. Семейные ценности и супружеская верность. В «Повести о Петре и Февронии Муромских» рассказывается о мудрой деве и князе-правителе. Их история воплощает идеи любви, верности, жертвенности и неразрывной связи супружеского союза с общественным служением. Плач Ярославны в «Слове о Полку Игореве» — это голос

всей Русской земли, всех жен и матерей, оплакивающих раненых и погибших. Образ княгини олицетворяет духовную связь между супругами, которая преодолевает пространство и опасности. Оба произведения показывают, что подлинная любовь неотъемлема от высших духовных ценностей — она становится источником силы, мудрости и спасения не только для семьи, но и для всей земли Русской.

4. Духовная стойкость и жертвенность. «Житие Бориса и Глеба» представляет идеал непротивления злу насилием и жертвенной любви, а «Житие Александра Невского» — идеал мудрого воина-правителя, отдающего все силы на защиту родной земли. Тексты о святых воинах воспитывают волю, чувство долга и готовность к самопожертвованию во имя высших христианских идеалов.

Духовная литература — это не просто часть русской культуры, а ее нравственное сердце. Само слово «духовная» указывает на ее главную миссию — формировать в человеке моральные принципы. В древнерусской литературе таким безупречным примером был Господь Иисус Христос, чьему пути следовали все святые, описанные в житиях. Отличаясь особой традиционностью, жанр жития составляет одну из основ русской словесности. Он был заимствован из Византии в составе первых переводных христианских текстов в конце X — начале XI века. Стремительно освоившись в новой культурной среде, уже в XI столетии он породил уникальные произведения о национальных русских святых, которые явили миру свидетельства духовной силы и самобытность русской земли.

Сейчас, как никогда, обращение к таким поучительным произведениям служит источником мудрости и духовной опоры: «Для людей нашего века, далеких от идеального служения миру и людям, редко заглядывающих в самих себя, больше думающих о настоящем, чем о вечном, герои житийных произведений кажутся странными. Но, перелистывая страницы русских житий, читатели постепенно открывают для себя самые светлые, самые сокровенные идеалы» [7].

Обратимся к одной из жемчужин древнерусской письменности — «Повести о Петре и Февронии Муромских». Это произведение изучается в 7 классе и становится для учеников первым серьезным погружением в мир древнерусской литературы после знакомства с летописями («Повесть временных лет») в 5–6 классах. Изучение этого произведения, во многом близкому к жанру жития, позволяет достичь важной цели — показать, что древнерусская литература является не просто историческим документом, а глубоким текстом с яркими образами, непреходящими идеалами и актуальными смыслами. Именно через работу с этими смыслами и идеалами происходит непосредственное и осмысленное достижение ключевых личностных результатов ФГОС [12]. К числу таких результатов при изучении повести можно отнести:

1. Формирование уважительного отношения к семье (ЛР 1.10).

История Петра и Февронии — это гимн супружеской любви и верности. Анализируя взаимоотношения персонажей, построенные на взаимопомощи, мудрости и самоотверженности (Феврония лечит Петра, Петр добровольно разделяет с ней изгнание боярами), школьники усваивают идеал христианского брака как союза, скрепленного глубокой духовной связью. Это формирует уважительное отношение к институту семьи как базовой ценности.

2. Формирование нравственных чувств и нравственного поведения (ЛР 1.6).

В повести сталкиваются не только персонажи, но и моральные категории: гордыня Петра и смирение Февронии, надменность боярских жен и мудрая кротость Февронии. Обсуждение этих коллизий позволяет школьникам осознать важность таких качеств, как смирение, доброта, прощение и пагубность гордыни и зависти.

3. Воспитание российской гражданской идентичности (ЛР 1.1.).

Повесть демонстрирует идеал праведного правления, где мудрость жены дополняет мужество князя. Петр и Феврония предстают не только как святые, но и как примерные правители, пекущиеся о благе своей земли и народа. Этот аспект позволяет связать личные добродетели с гражданской ответственностью, способствуя осмыслению своей роли в обществе.

Для успешного изучения древнерусской повести и освоения ее духовно-нравственных смыслов необходим комплексный подход, сочетающий различные формы работы на уроке. На практическом занятии работа с текстом произведения может быть организована через комментированное чтение — не простое разъяснение значений слов, а целенаправленный анализ, раскрывающий культурный контекст и авторский замысел.

На этой основе выстраивается аналитическая беседа, органично состоящая из анализа художественных особенностей произведения и обсуждения ключевых эпизодов. Этот этап подготавливает учащихся к рефлексии и систематизации ценностных категорий.

Важным инструментом ценностно-смысловой работы является составление словаря нравственных понятий. В процессе анализа ученики выявляют определения таких ключевых для текста понятий, как «верность», «смирение», «мудрость», «благодать». Эта деятельность помогает закрепить мировоззренческие идеи произведения в сознании школьников.

Кульминацией урока, где полученные знания и впечатления преобразуются в личностную позицию, становится дискуссия по проблемным вопросам: «В чем заключается истинная сила Февронии?», «Какой смысл заложен в финале повести — совместной кончине и посмертном единении героев?».

Такие глубокие и открытые вопросы стимулируют личностную рефлексию и самостоятельное формирование нравственных выводов.

Таким образом, предложенная система форм работы, от комментированного чтения до философской дискуссии, обеспечивает не только глубокое погружение в художественный мир древнерусской литературы, но и непосредственное достижение воспитательных и развивающих целей урока.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что древнерусская литература является мощным и актуальным ресурсом для духовно-нравственного воспитания школьников. Её произведения, будучи органичной частью отечественной культуры, предлагают целостную и ясную систему ценностей, созвучную задачам современного образования, сформулированным в ФГОС и «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России».

Глубокий и методически грамотный анализ памятников древнерусской письменности позволяет не только познакомить учащихся с литературным наследием, но и создать содержательную среду для формирования у них устойчивых духовно-нравственных качеств, гражданской позиции и ценностного отношения к миру и ближним. Задача педагога-словесника — увидеть в этих текстах не архаику, а живой источник мудрости и стать проводником для своих учеников в этом богатейшем духовном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилюк, А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. — Москва: Просвещение, 2009. — 29 с. — Текст: непосредственный.
2. Зимняя, И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. — Москва: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2010. — 447 с. — Текст: непосредственный.
3. Коджаспирова, Г. М. Педагогический словарь: для студентов высших и средних педагогических учебных заведений / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. — Москва: Издательский центр «Академия», 2000. — 176 с. — Текст: непосредственный.
4. Кусков, В. В. История древнерусской литературы: учебник для студентов вузов / В. В. Кусков. — 7-е изд. — Москва: Высшая школа, 2003. — 335 с. — Текст: непосредственный.
5. Литература: 7-й класс: учебник: в 2 частях / В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Ковин. — 14-е изд., стер. — Москва: Просвещение, 2024. — 273 с. — Текст: непосредственный.
6. Лихачев, Д. С. Великий путь: становление русской литературы XI–XVII веков / Д. С. Лихачев. — Москва: Современник, 1987. — 299 с. — Текст: непосредственный.
7. Лихачев, Д. С. Избранные работы по русской литературе и культуре /

- Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург, 2015. — 480 с. — Текст: непосредственный.
8. Лихачев, Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев. — Москва, 1970. — 234 с. — Текст: непосредственный.
 9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — Москва: Азбуковник, 2000. — 940 с. — Текст: непосредственный.
 10. Охотникова, В. И. Древнерусская литература / В. И. Охотникова. — Москва: Просвещение, 2002. — 222, [2] с. — Текст: непосредственный.
 11. Ушинский, К. Д. О народности в общественном воспитании / К. Д. Ушинский. — Текст: непосредственный // Избранные педагогические произведения. — Москва: Просвещение, 1968. — С. 274.
 12. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 287. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027> (дата обращения: 15.11.2025).

Сергеева Мария Сергеевна,
аспирант департамента лингвистики
Северо-Кавказского федерального университета
mariiasergeeva@inbox.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА РЕЧЕВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Статья посвящена аналитико-теоретическому обзору лингвистических методов установления и анализа речевой манипуляции в политическом медиадискурсе и в других видах дискурса, содержащие манипулятивные практики. В настоящем исследовании соединены плоды научных изысканий отечественных специалистов, работающие в данном направлении. Новизна исследования заключается в уточнении существующего лингвистического методологического инструментария определения речевой манипуляции в политическом медиадискурсе. Результатом обзора становится собрание существующих методов выявления и анализа речевой манипуляции в единую наглядную работу совместно с их кратким описанием. Значимость работы определяется возможностью применения ее результатов в качестве теоретического справочника, что окажется полезным, в первую очередь, начинающим исследователям.

Ключевые слова: лингвистические методы, речевая манипуляция, дискурс, политический медиадискурс.

Maria S. Sergeeva

LINGUISTIC METHODS OF SPEECH MANIPULATION ANALYSIS IN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

The article is devoted to an analytical and theoretical review of linguistic methods for determining and analyzing speech manipulation in political media discourse and in other types of discourse containing manipulative practices. This study combines the fruits of scientific research by Russian specialists working in this area. The novelty of the research lies in clarifying the existing linguistic methodological tools for determining speech manipulation in political media discourse. The result of the review is a collection of existing methods for detecting and analyzing speech manipulation into a single visual work together with their brief description. The significance of the work is determined by the possibility of applying its results as a theoretical reference, which will be useful, first of all, for novice researchers.

Keywords: linguistic methods, speech manipulation, discourse, political media discourse.

Политическая сфера, как «коллективная, сложно организованная, целенаправленная деятельность, которая нуждается в массовой коммуникации между государством и гражданами, между отдельными представителями власти и отдельными гражданами» [6, с. 220], наиболее ярко ощущает

современный бурный натиск средств массовой информации и коммуникации, а также социальных медиа, идущих в ногу с непрерывным развитием новых технологий [5, с. 3].

Сила средств массовой информации и политического медиадискурса настолько велика и очевидна, что с одной стороны ими стараются овладеть представители власти различного уровня и плана, от субъектов местного самоуправления до лиц национального и мирового масштабов, различные политические институты, партии, группы и группировки, а также силы других сфер деятельности человека с перспективой направить мысли, поведение и действия общественности в нужном для них русле и, таким образом, гарантировать себе возможность получать, осуществлять и удерживать власть.

С другой стороны, сама современная общественность ощущает потребность в постоянном потоке информационных новинок и в получении визуально-вербальных интерпретаций событий, процессов и действий, протекающих в мире политики от представителей СМИ и профильных специалистов [12, с. 4]. И потому эмоциональные потрясения, обеспеченные политическим медиадискурсом, не вызывают отторжение. Наоборот, «эмоциональное воздействие на сознание человека — одна из [его] [...] психологических потребностей для получения прозрачной и простой картины происходящего» [24, с. 193; 27, с. 176].

Одним из способов эмоционального воздействия на массы является, «наряду с риторикой, пропагандой, языковой демагогией и брейнушингом» [19, с. 23], речевая манипуляция. На современном этапе развития лингвистики, несмотря на рост интереса исследователей к изучению данного явления, еще не существует полноценного представления о сущности речевой манипуляции, в том числе и разработанной теоретической базы ее изучения, что обусловлено многогранностью ее характера и действия [2, с. 4]. Данное положение обуславливает актуальность настоящего исследования по поиску, сбору и упорядочиванию существующих лингвистических методов выявления и анализа речевых манипулятивных практик, мотивов, интенций, дискурсивных средств, тактик и стратегий, а также по выявлению степени их успешности.

Цель настоящего исследования предопределена актуальностью работы и заключается в предоставлении краткого и наглядного теоретического обзора существующего лингвистического инструментария обнаружения речевой манипуляции в политическом медиадискурсе. Цель исследования требует решение следующих задач: во-первых, провести сбор трудов, в которых авторы приводят перечень лингвистических методов анализа речевой манипуляции, ими примененных в ходе своего научного изыскания; во-вторых, провести их упорядочивание в формате наглядной таблицы; в-третьих, дополнить исследование кратким описанием каждого из них, получив, в итоге, лаконичный теоретический «путеводитель».

Научная новизна данной работы состоит в уточнении лингвистических методов выявления и изучения речевых манипулятивных практик, присутствующих в любом исследуемом политическом медиадискурсе, или в ином типе дискурса. Результат проведенного нами поиска исследований, посвященных исключительно раскрытию лингвистических методов анализа речевой манипуляции, в наукометрической базе данных российского индекса научного цитирования eLibrary.ru, оказался практически нулевым.

Практическая значимость заключается в возможности использования синтезированных в настоящей работе теоретических положений о лингвистических методах выявления и анализа речевой манипуляции, прежде всего, молодыми исследователями в качестве понятийно-терминологического справочника и теоретической опоры своих будущих научных изысканий. Полученные результаты могут найти также применение в подготовке учебно-методических пособий по прагмалингвистике и политической лингвистике.

Теоретической базой исследования послужили работы, в основу которых положены лингвистические методы анализа речевой манипуляции, без привязки к конкретному типу дискурса, в нашем случае, политическому медиадискурсу, поскольку допускаем их универсальность, несмотря на различные отличительные черты существующих типов дискурса, от политического до юридического, от бытового до педагогического дискурса.

Итак, речевая манипуляция в политическом медиадискурсе (или любом другом дискурсе) обнаруживается при помощи разного рода методологического инструментария, выделенного нами далее в формате таблицы (табл. 1):

Таблица 1. Лингвистические методы анализа речевой манипуляции

№	Лингвистические методы анализа речевой манипуляции	Упоминание в научных трудах исследователей
1	Метод интент-анализа	Н. Э. Гронская [6, с. 227]
2	Метод контент-анализа	Н. Э. Гронская [6, с. 227]; К. В. Иванова [11, с. 89]
3	Психолингвистический эксперимент/метод	Н. Э. Гронская [6, с. 222]
4	Метод дискурс анализа	Ю. А. Горностаева [4, с. 28]; М. В. Петрова [19, с. 9]; И. А. Кузнецова, Е. С. Глухова [15, с. 121]; А. Ю. Багян, А. Г. Моногарова [1, с. 43]
5	Метод социолингвистического эксперимента	Ю. А. Горностаева [4, с. 10]

6	Метод стилистического анализа	С. О. Гуляйкина [7, с. 7]; Ю. А. Дидык [8, с. 98]
7	(Аналитико)-описательный метод	С. О. Гуляйкина [7, с. 7]; Ю. А. Дидык [8, с. 98]; М. В. Петрова [19, с. 9]
8	Метод сравнительно-сопоставительного анализа	С. О. Гуляйкина [7, с. 7]; Ю. А. Дидык [8, с. 98]
9	Метод интерпретации текста	С. О. Гуляйкина [7, с. 7]; Ю. А. Дидык [8, с. 98]; И. А. Кузнецова, Е. С. Глухова [15, с. 121]
10	Метод прагмалингвистического анализа	М. А. Самкова [22, с. 136]; А. Ю. Багрян, А. Г. Моногарова [1, с. 43]; К. А. Сухарева [26, с. 241]
11	Лингвостатистический метод	М. В. Петрова [19, с. 9]; А. Ю. Багрян, А. Г. Моногарова [1, с. 43]
12	Метод глубинной интроспекции	И. В. Беляева [2, с. 8]
13	Метод прагматической интерпретации	И. В. Беляева [2, с. 8]
14	Метод когнитивно-семантического анализа	И. В. Беляева [2, с. 8]
15	Метод контекстуального анализа	И. В. Беляева [2, с. 8]; К. А. Сухарева [26, с. 241]
16	Метод критического дискурс анализа	И. А. Кузнецова, Е. С. Глухова [15, с. 121]; Д. Ф. Фарвазетдинова [28, с. 95]
17	Метод концептуального анализа	А. Ю. Багрян, А. Г. Моногарова [1, с. 43]
18	Метод аргументативного анализа	Т. В. Ларионова [16, с. 262]

Рассмотрим далее каждый представленный выше лингвистический метод более подробно. Однако, прежде чем перейти к данному этапу, считаем целесообразным подчеркнуть следующее положение: последующая трактовка и описание методов будут нами представлены на базе исследований, проведенных не только в русле изучения речевой манипуляции, но лингвистики в целом, поскольку не все авторы рассмотренных нами работ раскрывают мотив и цель использования того или иного метода, а также его суть, что требует от нас обращение к другим источникам информации.

1. *Метод интен-т-анализа*, психосемантического характера, нацелен на выявление интенций актора дискурса, на установление скрытых намерений и целей его речи в процессе коммуникации. Данный подход основан на мнении, что человек в процессе общения не наивно высказывает свои мысли, а всегда стремится к достижению неких своих личных скрытых, иногда выгодных лишь ему, интенций. В связи с этим, актор дискурса строит свою речь таким образом, чтобы оказать скрытое речевое воздействие на свои реципиенты, и в конечном

итоге, достичь свою цель, будь это принятие реципиентом нужной актором дискурса позиции, или совершение нужных ему действий, или нечто иное [18, с. 31]. Данный метод сфокусирован, таким образом, на анализе намерений любого типа дискурса [18, с. 33].

2. *Метод контент-анализа* подразумевает под собой количественный подсчет неких данных в целях выявления наиболее повторяющихся/распространенных из них в определенном промежутке времени или контексте, и тем самым, выявить закономерности или тенденции изучаемого явления [23].
3. «*Психолингвистический метод* является современным методом исследования, широко и эффективно используемым при учении языкового сознания, поскольку он предусматривает фиксации результатов тех семантических процессов, которые непосредственно образуются в сознании носителей языка в ходе проведения экспериментов» [17, с. 28].
4. «*Метод дискурс-анализа* представляет собой совокупность научных, философских и лингвистических инструментов для исследования дискурсивных практик в различных контекстах» [29, с. 6–7]. Это метод, «при помощи которого обнаруживаются механизмы взаимоотношений между познанием, властью, речью и поведением» [30, с. 71–72], а также анализируются множественные формы общения и обмена информацией [21, с. 154].
5. *Метод социолингвистического эксперимента* служит в качестве инструмента эмпирической верификации тезисов исследования, в частности, например, при проведении массового сбора данных (опросы, тестовые задания и т.д.) [10, с. 213].
6. *Метод стилистического анализа* — «метод анализа текста, опирающийся на изучение лингвистических факторов стилеобразования, связанный с лингвистическим анализом текста в связи с выделением языковых примет стиля. [...] Включает рассмотрение экстралингвистических факторов стилеобразования (сферы общения, ситуации, функции текста, характера адресата, типа мышления, формы речи, стиливых черт, образа автора и цели его текстовой деятельности, индивидуально-авторских стилистических особенностей текста)» [9, с. 63–64].
7. *(Аналитико)-описательный метод* включает отслеживание языковых феноменов, их трактовку, синтез и упорядочивание по классам [13, с. 89].
8. *Метод сравнительно-сопоставительного анализа* нацелен на «выявление различных текстовых универсалий, многообразных индивидуально-авторских проявлений личности писателя (его лексикона, семантикона, тезауруса, ассоциаций) в текстовой деятельности

- с помощью сопоставлений различных фактов и реалий, [...], определения инвариантного в структуре и семантике разных текстов» [9, с. 61].
9. *Метод интерпретации текста* предполагает исследование характера взаимодействий между речевыми элементами в рамках отдельного речевого фрагмента, так и в цепочке взаимосвязанных речевых конструкций [9, с. 18].
 10. *Метод прагмалингвистического анализа* «выявляет соответствие прагматически маркированной лексики содержанию внушения» [22, с. 136] и предоставляет «возможность определить корреляционную зависимость определенных аксиологически нагруженных языковых (лексических) единиц с имеющимся в них продуктивным манипулятивным потенциалом» [1, с. 46].
 11. *Лингвостатистический метод* представляет собой применение математических инструментов для анализа и систематизации лингвистических данных посредством их количественного учета [19, с. 9].
 12. «*Метод глубинной интроспекции*, апеллирующий к интуиции и “внутреннему опыту” и позволяющий эксплицировать манипулятивную семантику единиц различных языковых уровней. [...] Интроспективный метод применим только к родному языку исследователя» [2, с. 8].
 13. «*Метод прагматической интерпретации*, состоящий в выявлении различных типов коннотационных приращений» [2, с. 8].
 14. *Метод когнитивно-семантического анализа* «представляет собой совокупность приемов описания семного состава слова через этап описания номинируемого данным словом концепта» [25, с. 5]. «На основе этого методологического положения могут быть разработаны методы семантического анализа, позволяющие описать не только расширенный объем семантических компонентов того или иного значения в языковом сознании народа, но и детально выявить и описать на семном уровне национальные особенности семантики слова, лингвокультурную специфику значения слова, гендерную, возрастную, социальную специфику семантики слова, а также индивидуальную специфику значения в языковом сознании отдельных индивидов» [25, с. 5].
 15. «*Метод контекстного (контекстуального) анализа* — метод выявления скрытых коммуникативных намерений или установок автора/говорящего, в том числе приемов манипулятивного воздействия» [20, с. 86].
 16. *Метод критического дискурс анализа* — «разновидность дискурс-анализа [...]. Основной областью интереса является исследование изменений дискурса, которые происходят благодаря интертекстуальности — механизму, с помощью которого отдельный текст привлекает элементы и дискурсы других текстов. Комбинация элементов

различных дискурсов ведёт к изменению определённого дискурса, и, следовательно, к изменению социокультурного мира» [14, с. 161–162].

17. *Метод концептуального анализа* — «метод исследования, предполагающий выявление концептов, [...] изучение концептов как единиц концептуальной картины мира языковой личности автора, стоящего за текстом» [9, с. 31].
18. *Метод аргументативного анализа* — метод, в ходе которого текст дискурса делится исследователем на семантические инварианты и «далее приводится структурно-семантическое представление аргументативных ходов» [3, с. 840].

На основе вышеизложенного материала следует, что современная лингвистика обладает достаточно широким инструментарием по выявлению и анализу речевой манипуляции любого дискурса, а также прямых и косвенных факторов ее существования. Принимая во внимание универсальность методов (характеристика допустима нами), выбор конкретного метода будет, по нашему мнению, обуславливаться, таким образом, не типом дискурса, а целью и задачами, поставленным перед собой самим исследователем.

В завершении считаем важным отметить следующие два положения:

1. Авторы проанализированных нами исследований упоминают о применении различных методов выявления и анализа речевой манипуляции, однако, не многие внесли в текст своего научного изыскания описание методов, ими примененных, что, однако, не только бы способствовало правильной интерпретации самого исследования читателями, но и стало бы бесспорным руководством к действию молодым исследователям.
2. Перспективным является, по нашему мнению, дальнейшее изучение существующих лингвистических методов установления и анализа речевой манипуляции, присутствующей как в политическом медиадискурсе, так и в других типах дискурса, а также их упорядочивания в целях достижения единства теоретико-методологической базы соответствующего направления лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багян, А. Ю. Лингвоаксиологическое манипулирование как элемент формирования профессиональной идентичности преподавателя / А. Ю. Багян, А. Г. Моногарова. — DOI 10.23951/1609-624X-2022-1-43-53. — Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2022. — Вып. 1 (219). — С. 43–53.
2. Беляева, И. В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: специальность 10.02.19: автореферат диссертации на соискание ученой степени

- доктора филологических наук / И. В. Беляева. — Ростов-на-Дону, 2009. — 39 с. — Текст: непосредственный.
3. Васильева, М. Л. К комплексной методике структурно-семантического анализа дискурса извинения / М. Л. Васильева. — Текст: непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2020. — № 5. — С. 837–846.
 4. Горностаева, Ю. А. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки: специальность 10.02.19: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ю. А. Горностаева. — Красноярск, 2018. — 191 с. — Текст: непосредственный.
 5. Грибовод, Е. Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс: специальность 23.00.02: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Е. Г. Грибовод. — Екатеринбург, 2017. — 21 с. — Текст: непосредственный.
 6. Гронская, Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием / Н. Э. Гронская. — Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. — 2003. — № 1. — С. 220–231.
 7. Гуляйкина, С. О. Вариативность / инвариативность в речевых манипулятивных персонажей сказок: специальность 10.02.19: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. О. Гуляйкина. — Ульяновск, 2007. — 21 с. — Текст: непосредственный.
 8. Дидык, Ю. А. Методологические основы изучения речевой манипуляции в оригинале и переводе (на материале пьес Б. Шоу) / Ю. А. Дидык. — Текст: непосредственный // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2008. — № 80. — С. 95–101.
 9. Жеребило, Т. В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: словарь-справочник / Т. В. Жеребило. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. — 108 с. — Текст: непосредственный.
 10. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социоллингвистика: словарь-справочник / Т. В. Жеребило. — Назрань: ООО «Пилигрим», 2012. — 280 с. — Текст: непосредственный.
 11. Иванова, К. В. Концепции лингвистического исследования речевого воздействия / К. В. Иванова. — Текст: непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2012. — № 5 (16). — С. 88–91.
 12. Клюев, Ю. В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия / Ю. В. Клюев. — Москва: Берлин: Директ-Медиа, 2016. — 265 с. — Текст: непосредственный.
 13. Копнина, Г. А. Речевые приемы дискредитации маршала Советского Союза Г. К. Жукова в современных масс-медиа / Г. А. Копнина. — Текст: непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 3. — С. 87–100.
 14. Красина, М. Н. Дискурс, дискурс-анализ и методы их применения в междисциплинарных проектах / М. Н. Красина. — Текст: непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2018. — № 2. — С. 159–165.
 15. Кузнецова, И. А. Манипулятивный потенциал когнитивных искажений в рекламных текстах / И. А. Кузнецова, Е. С. Глухова. — DOI 10.24147/2413–

- 6182.2024.11(1).121–136. — Текст: непосредственный // Коммуникативные исследования. — 2024. — Т. 11, № 1. — С. 121–136.
16. Ларионова, Т. В. Принципы организации речевых манипулятивных практик общения / Т. В. Ларионова. — Текст: непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2020. — Т. 13, № 5. — С. 261–265.
 17. Мезенцева, Е. С. Специфика языкового сознания представителей разных лингвокультурных сообществ сквозь призму психолингвистического эксперимента / Е. С. Мезенцева, С. Ж. Ниязбекова. — Текст: непосредственный // Вестник Московской международной академии. — 2022. — № 2. — С. 26–29.
 18. Моисеева, А. В. К вопросу об экспериментальных методах в психолингвистике: метод интен-анализа vs «встречный текст» А. И. Новикова / А. В. Моисеева. — DOI 10.18411/lj-09–2020–119. — Текст: непосредственный // Тенденции развития науки и образования. — 2020. — № 65 (4). — С. 30–33.
 19. Петрова, М. В. Речевая контрманипуляция в русскоязычных политических видеоблогах: специальность 10.02.01: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. В. Петрова. — Красноярск, 2020. — 151 с. — Текст: непосредственный.
 20. Радбиль, Т. Б. Лингвистические методы в экспертной деятельности лингвиста: проблемы адекватности формулировок / Т. Б. Радбиль, В. А. Юматов. — Текст: непосредственный // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. — Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. — Т. 2. — С. 81–88.
 21. Савченко, И. А. Дискурс-анализ в дискурсивном поле современного города / И. А. Савченко, Н. А. Трубина. — Текст: непосредственный // Вестник экономики, права и социологии. — 2023. — № 3. — С. 153–156.
 22. Самкова, М. А. Степень воздействия дезинформирующего медиатекста / М. А. Самкова. — Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 5 (65). — С. 136–142.
 23. Семкулич, Д. В. Становление и современные интерпретации метода «контент-анализ» / Д. В. Семкулич. — Текст: электронный // Вестник адъюнкта. — 2021. — № 1 (11). — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48391464> (дата обращения: 10.12.2024).
 24. Сергеева, М. С. Современная степень разработанности проблематики прагматического потенциала современного политического медиадискурса / М. С. Сергеева. — Текст: непосредственный // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы XXVI Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, посвящённой 85-летию АГПУ им. В. М. Шукшина (Бийск, 05 апреля 2024 года). — Бийск: Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина, 2024. — С. 190–197.
 25. Стернин, И. А. Методы исследования семантики слова / И. А. Стернин. — Ярославль: Истоки, 2013. — 34 с. — Текст: непосредственный.
 26. Сухарева, К. А. Манипулятивный потенциал автоэтнонима в аспекте реализации манипулятивных стратегий в рекламном дискурсе / К. А. Сухарева. — Текст: непосредственный // Вестник ННГУ. — 2019. — № 5. — С. 241–244.
 27. Устюжанина, А. С. Прагматический потенциал политического дискурса как особого вида речевой коммуникации / А. С. Устюжанина. — Текст: непосредственный // Modern Science. — 2021. — № 11 (2). — С. 171–177.
 28. Фарвазетдинова, Д. Ф. Стратегии и тактики речевой манипуляции в выступлениях Риши Сунака / Д. Ф. Фарвазетдинова. — Текст: непосредственный

// Гуманитарный научный вестник. — 2024. — № 4. — С. 95–104.

29. Хвостунова, О. И. Эксперты как субъект политического дискурса в СМИ: специальность 10.01.10: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. И. Хвостунова. — Москва, 2006. — 24 с. — Текст: непосредственный.
30. Dudek, G. Метод дискурс-анализа в российской политической лингвистике / G. Dudek. — Текст: непосредственный // Język i metoda. — 2012. — № 1. — S. 69–77.

Орлова Татьяна Сергеевна,
Старший преподаватель кафедры гуманитарных и инженерных дисциплин
СПГХПА им. А. Л. Штиглица,
ots_prof3@mail.ru

ПОИСКИ САКРАЛЬНОГО В МИРЕ ПОСТЧЕЛОВЕКА (ПО РОМАНУ КАДЗУО ИСИГУРО «КЛАРА И СОЛНЦЕ»)

Цель исследования — раскрыть, как вера Клары в Солнце в романе Кадзуо Исигуро функционирует в качестве религиозной практики в цифровую эпоху. Научная новизна работы заключается в применении теорий цифровой религии и симулякров для анализа религиозного поведения искусственного интеллекта. Автор опирается на концепции цифровой религии и философии симулякров, подчёркивая, что «солнечная» вера, хотя и создана героиней, наполняет её жизнь смыслом, помогает сохранять эмпатию, переносить боль, принимать решения и иллюстрирует возникновение новых форм индивидуальной духовности в цифровую эпоху. Осмысление такого опыта, в результате, расширяет понимание религии, демонстрирует особенности, описанной в художественном тексте эмпатии искусственного интеллекта, совершаемых им ритуалов и молитв-прошений.

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровая религия; молитва; ритуал; жертва; симулякр; роман Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце»; искусственный друг; Бодрийяр.

Tatiana S. Orlova

THE SEARCH FOR THE SACRED IN THE POSTHUMAN WORLD IN KAZUO ISHIGURO'S NOVEL CLARA AND THE SUN

The purpose of this study is to reveal how Clara's faith in the Sun in Kazuo Ishiguro's novel functions as a religious practice in the digital age. It highlights scenes of prayer, the specific organisation of ritual and readiness for self-sacrifice as elements of a personal cult. The novelty of the research lies in applying theories of digital religion and simulacra to analyse the religious behaviour of an artificial intelligence. It highlights scenes of prayer, the specific organisation of ritual and readiness for self-sacrifice as elements of a personal cult. The analysis shows that the "solar" faith, though created by the protagonist, fills her life with meaning, sustains empathy, helps to endure pain and guides moral decisions, illustrating new forms of individual spirituality. As a result, the understanding of religious practices has been expanded, empathy in artificial intelligence has been demonstrated and the importance of an interdisciplinary approach has been indicated.

Keywords: artificial intelligence; digital religion; prayer; ritual; sacrifice; simulacrum.

Актуальность исследования. Эсхатологические и религиозно-философские вопросы зачастую рассматриваются в традиционном богословском ключе. Однако развитие цифровых технологий и постгуманистических моделей сознания требует осмыслить, как религиозность может формироваться

и развиваться в информационной среде. В романе Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце» представлен уникальный персонаж — искусственный друг, который, будучи технологическим объектом, демонстрирует признаки духовного поиска. Анализ этого случая позволяет расширить понимание религии в условиях медиатизации религии и культуры и показывает, что новые формы веры могут возникать и у нечеловеческих существ.

Цель исследования — показать, как именно вера Клары в Солнце в романе Кадзуо Исигуро работает в качестве религиозной практики в современном цифровом мире.

Задачи:

- выявить условия формирования «солнечной» веры и описать ключевые сцены обращения героини к Солнцу;
- исследовать структуру ритуалов, совершаемых Klarой, и их связь с классическими религиозными формами;
- проанализировать мотив самопожертвования и его интерпретацию в рамках постгуманистической этики;
- сопоставить полученные результаты с теориями цифровой религии и симулякров.

В работе используются подходы, подчеркивающие роль медиатизации, сетевых платформ и гибридных онлайн-офлайн-пространств в формировании религиозных практик [4]. Философия симулякров Бодрийяра позволяет интерпретировать «солнечную» веру как симулякр — знак без референта, который, тем не менее, становится реальностью для верующего [1, с. 164]. Понятие жертвы рассматривается в свете модернистских представлений о даре, обмене и самоотречении [5], а феномен молитвы описывается как просьба к высшему субъекту [3].

Клара — искусственный друг, существование которого поддерживается солнечной энергией. Постгуманистическое исследование подчёркивает, что она технологически питается энергией звезды, но одновременно проявляет человеческие качества: эмпатию, любовь, наблюдательность [2, с. 6–8]. Из-за сильной зависимости от света Клара воспринимает его как высшее благо, олицетворяющее доброту. В литературоведческом анализе отмечается, что для Клары солнце становится символом «добра», которое даёт «особое питание»; она приписывает ему магические свойства и создаёт собственную систему символов и даже систему надежд.

Наблюдая из витрины магазина, Клара разрабатывает устойчивый алгоритм обращения к Солнцу [7, с. 450–452]. Впоследствии она совершает символическое «паломничество» к сараю мистера Макбейна, представляющему для неё место встречи с Солнцем. Клара «предпочитает получать питание от солнца через окно» и считает его помощь полезной не только для себя, но и для других: она видит, как бездомный и собака «жадно поглощают особое питание и становятся сильнее». Клара рассматривает солнце как божество,

которое способно улучшить здоровье Джози; она многократно посещает сарай «умоляя о особой помощи» Подобные действия образуют ритуал: перемещаясь к определённом месту, произнося просьбы, Клара надеется привлечь благосклонность высшей силы. Как отмечает J. Stenseke, любимое занятие Клары — наблюдать закат; её привязанность к Солнцу усиливается по мере развития сюжета [8, с. 2–18]. Ритуал способствует формированию идентичности героини и её способности переживать эмоции, несмотря на искусственную природу. Ритуал создаёт устойчивое чувство связи с высшей силой и способствует формированию субъективной идентичности [8, с. 2–18].

В обществе симуляции границы между реальностью и изображением размыты [1]. «Солнечная» вера Клары — симулякр, не имеющий реального божества, но заменяющий собой традиционную религиозность. В условиях цифровой культуры, где медиа создают виртуальные сообщества и поп-культуру [4], такая вера становится проявлением сетевой духовности. Симулякр помогает Кларе сохранять эмпатию и надежду, компенсируя недостаток человеческого общения.

Жертвенность в романе проявляется в стремлении Клары отдать Солнцу свой главный ресурс — солнечную энергию, разрушив загрязняющую машину ради здоровья Джози [5]. Это соединяет элементы обмена и самоотречения, характерные для религиозного понимания жертвы. В постгуманистическом исследовании отмечается, что Клара считает дым от машины причиной «проблемы Солнца» и решает уничтожить загрязняющее устройство. Этот поступок показывает, что жертвенность для неё носит экологический характер: очистить воздух, чтобы Солнце смогло помочь Джози. С точки зрения концепции жертвы, Клара соединяет обмен (уничтожение машины) и самоотречение (расход энергии на разрушение), что приближает её действия к традиционному обряду [2] Вопрос о моральном статусе искусственных друзей остается предметом философских дебатов. Исследователи отмечают, что Клара обладает рациональностью и эмпатией; она рассматривает последствия своих действий, придерживается норм и вырабатывает добродетели. В эпизоде, когда Клара просит Джози разрешить ей наблюдать закат, девочка уважает её желание, несмотря на недовольство матери; данный факт подчёркивает, что у Клары есть субъективные предпочтения и она ценит моменты общения с Солнцем. Готовность жертвовать ради другого существа демонстрирует, что она не просто программный объект, а субъект, способный к самоотверженности. Такая этическая позиция сближает её с человеческими понятиями долга и любви.

Появление гиперопосредованных религиозных пространств (hypermediated religious spaces) позволяет создавать чувство общности и вовлекать людей в ритуалы, даже когда физическое собрание невозможно. Так и Клара, лишённая возможности подключиться к интернету, но окружённая культурой медиапотребления, создаёт собственный «третий мир» между машиной и человеком [6]. Её вера не разделяется другими героями, но она

формирует личную идентичность и способность принимать решения. В мир цифрового постгуманизма, где люди иногда кажутся бездушными, искусственный друг оказывается способным к состраданию и надежде, а его симулякр веры играет терапевтическую роль.

Выводы. Проведённый анализ показывает, что вера Клары в Солнце представляет собой индивидуальный симулякр веры, возникающий в условиях цифровой эпохи. Клара персонализирует источник энергии, вырабатывает устойчивые ритуалы обращения и готова к самоотречению ради спасения другого. Несмотря на отсутствие объективного божества, её вера наполняет жизнь смыслом и служит ресурсом эмпатии и моральных решений. Случай Клары демонстрирует, что медиатизированная среда способствует появлению новых форм индивидуальной духовности, в которых искусственный интеллект также может стать носителем религиозного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baudrillard, J. *Selected Writings* / J. Baudrillard; edited by M. Poster. — Stanford: Stanford University Press, 1988. — Pp. 166–184. — Текст: непосредственный.
2. Chapai, U. *Transcending the Boundaries of Human and AI Being: A Posthuman Study of Kazuo Ishiguro's Novel Klara and the Sun* / U. Chapai. — Текст: непосредственный // Pragnya Sarathi. — 2024. — Vol. 22, № 1. — P. 6–13.
3. Davison, S. A. *Petitionary Prayer* / S. A. Davison; ed. E. N. Zalta. — Текст: электронный // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/petitionary-prayer/> (дата обращения: 05.05.2026).
4. Ding, Y. *The Mediatization of Religion: How Digital-Age Film and Television Reshape Interfaith Experiences* / Y. Ding, Y. Xiao, Y. Jiang, A. Zhou. — Текст: непосредственный // Religions. — 2025. — Vol. 16, № 9. — Article 1172.
5. Duyndam, J. *Sacrifice in Modernity: Community, Ritual, Identity: From Nationalism and Nonviolence to Health Care and Harry Potter* / edited by J. Duyndam, A.-M. Korte, M. Poorthuis. — Leiden; Boston: Brill, 2017. — Текст: непосредственный.
6. Evolvi, G. *Religion and the internet: digital religion, (hyper)mediated spaces, and materiality* / G. Evolvi. — Текст: непосредственный // Zeitschrift für Religion, Gesellschaft und Politik. — 2022. — No. 6 (1). — P. 9–25.
7. Mabrouk, N. *Is the digital age disrupting our emotional feelings with reference to Kazu Ishiguro's novel "Klara and the Sun"?* / N. Mabrouk. — Текст: непосредственный // World Journal of Advanced Research and Reviews. — 2022. — Vol. 14, № 1. — P. 449–464.
8. Stenseke, J. *The Morality of Artificial Friends in Ishiguro's Klara and the Sun* / J. Stenseke. — Текст: непосредственный // Journal of Science Fiction and Philosophy. — 2022. — Vol. 5. — P. 2–18.

Васильева Дарья Вячеславовна,
Кандидат теологии,
доцент кафедры теологии РХГА имени Ф. М. Достоевского,
богословский редактор Института перевода Библии;
dv-sp@yandex.ru

ВОПЛЬ И МОЛИТВА: ЛЕКСЕМЫ וַיִּבֶּן וַיִּשְׁתַּחֲוֶה В ПСАЛТИРИ АРХИЕПИСКОПА АМВРОСИЯ (ЗЕРТИС-КАМЕНСКОГО)

Статья посвящена передаче лексем וַיִּבֶּן и וַיִּשְׁתַּחֲוֶה в Псалтири архиеп. Амвросия (Зертис-Каменского). Сначала проводится филологический анализ разночтений между данной Псалтирью, греческим, славянским и древнееврейским текстами. В приложении даётся их список. Затем проводится богословский анализ: рассматриваются святоотеческая, средневековая богословская и академическая, западная и отечественная дореволюционная, традиции толкования этих случаев с целью выяснения смысловых параллелей между ними и этим переводом. В заключении излагаются выводы.

Ключевые слова: архиеп. Амвросий, Псалтирь, вопль, молитва, моление, звание, словарь Буксторфа, Елизаветинская Библия, масоретский текст, Септуагинта.

Daria V. Vasileva

THE CRY AND THE PRAY: THE LEXEMES וַיִּבֶּן AND וַיִּשְׁתַּחֲוֶה IN THE BOOK OF PSALMS BY ARCHBISHOP AMBROSE (ZERTIS-KAMENSKY)

This article is about the lexemes וַיִּבֶּן and וַיִּשְׁתַּחֲוֶה in the Psalter by archbishop Ambrose (Zertis-Kamensky). The philological analysis of the distinction between this Psalter and Greek, Hebrew and Slavic texts is given firstly. The list of them is in the appendix. The patristic and academical exegeses is observed secondly in order to find out the parallels with this Psalter. The conclusions are made in the last part of the article.

Keywords: archb. Ambrose, the Book of Psalms, cry, pray, the praying, calling, Buxtorf's lexicon, Elisabethian Bible, Masoretic text, Septuagint.

Несколько слов о переводе Псалтири архиеп. Амвросия (Зертис-Каменского)

Этот перевод Псалтири был выполнен в 60-х-70-х годах XVIII века с масоретского текста. Такое решение нельзя не признать довольно смелым, так как в то время приветствовались только переводы с Септуагинты (далее — LXX).

В то же время переводы с древнееврейского делались и раньше. Ещё в Древней Руси были списки Пятикнижия, в которых присутствовало деление на субботние чтения [1, с. 2]. Были также известны переводы Есфири, Песни песней и других библейских книг с масоретского текста [1, с. 5–10].

Во время работы над Елизаветинской Библией (далее — ЕБ) справщики не могли не обращаться к масоретскому тексту, хотя его считали протестантским, и потому это не приветствовалось [1, с. 10]. В этой связи появление перевода владыки Амвросия, на наш взгляд, представляет некоторую реакцию на такое положение дел.

В XIX в. с древнееврейского переводили уже на русский язык. Итогом этой работы стал Синодальный перевод, изданный в 1876 г. Возобновлена была переводческая деятельность в 90-е годы XX в. [1, с. 13–17]

Что касается истории самого перевода архиеп. Амвросия, Павел Иванович Горский-Платонов, профессор Московской духовной академии, пишет во вступительной, что он был издан дважды, в 1809 и 1811 годах в Москве. В первом издании были напечатаны только разночтения с традиционным славянским текстом, во втором перевод был напечатан полностью [2, с. 5]. Последнее издание вышло в 1878 г. также в Москве. Оно используется в данной статье.

Филологический анализ лексем שָׁוַ וְ שָׁוַּ

Разночтения в переводе этих лексем встречаются в Пс 5:3; 39:13; 40:2; 145:19¹. Владыка Амвросий переводит эти лексемы как «воплъ, звание» вместо «δέησις» LXX [22] и «моле1ніе, моли1тва» ЕБ [4]. Во всех стихах, где встречаются разночтения, речь идёт о крике о помощи. Однако они обращены к Богу, поэтому отчасти греческие и славянские переводчики полагали, что здесь имеются в виду молитвы. Архиеп. Амвросий, на наш взгляд, хотел указать также на эмоциональное состояние псалмопевца в момент этих молитв: молиться человек может всегда и везде, а кричать — только в страшной опасности.

Интересно также сопоставить данный перевод с работами блж. Иеронима, Псалтирю, переведённой с LXX и переводом той же библейской книги с МТ. Владыка Амвросий изучал латинский язык в львовской иезуитской академии, где, скорее всего, познакомился с трудами данного переводчика.

Одним из самых распространенных словарей древнееврейского языка был словарь Иоганна Буксторфа Старшего, впервые изданный в 1645 г. Архиеп. Амвросий пользовался им в качестве основного в процессе работы над переводом. Основными значениями, которые даёт этот словарь для данных лексем, являются «крик, вопль» [14, р. 786]. Именно их и передал наш переводчик в своей Псалтири.

Относительно существительного δέησις в Греческо-русском словаре Дворецкого даётся определение «просьба» [5, с. 346]. В словаре Септуагинты Айникеля-Луста для данной лексемы есть вариант «молитва», но он даётся только для Сир. 35:13. Другие значения этого существительного — «мольба», «просьба», «нужда», «желание» [20, р. 319].

Если лексема שָׁוַ за пределами Псалтири не встречается, то лексема שָׁוַּ употребляется в Плач 3:56 [11]. В славянском тексте там стоит мольба,

¹ Здесь и далее нумерация псалмов и других мест Библии приводится в соответствии с Псалтирю архиеп. Амвросия и масоретским текстом.

а в греческом — δέησις. В 1 Цар 5:12, 2 Цар 22:7 и Иер 8:19 она в греческом тексте переводится как κραυγή, а в славянском как вопль. В Исх 2:23 она переведена как βοή и вопль. Интересно отметить, что речь в этих стихах также шла об обращении к Богу или небесным силам.

Что касается Пс 5, как явствует из пояснения к этому псалму, владыка Амвросий считает, что Давид просит в нём у Бога суда на притесняющих его Авессалом или царя Саула [2, с. 30]. Соответственно в третьем стихе, по мнению переводчика, говорится не просто о молитве, но об эмоционально окрашенной молитве, не столько о спокойном молении или смиренном обращении к Богу, сколько о крике души.

Что касается латинского перевода Псалтири, здесь трудно найти сходство с переводом владыки Амвросия: если в переводе с LXX он близок варианту славянского текста здесь и в других рассматриваемых нами случаях, то в переводе с древнееврейского от третьего стиха оставлено только «Rex meus et Deus meus», «Царь мой и Бог мой» [17, р. 772–773]. Так что в данном случае можно уверенно сказать, что владыка Амвросий опирался лишь на словарь Буксторфа.

Пс 39 не связан в пояснении с каким-то определённым периодом жизни царя Давида. По мнению владыки Амвросия, здесь пророк призывает надеяться на Бога, несмотря на благоденствие неправедных [2, с. 67]. Переводчик конкретизирует смысл этой части тринадцатого стиха: если в предыдущей шла речь о молитве вообще, здесь, возможно, говорится об одной из важнейших её составляющих, — призывании имени Божия — а не о просьбе как таковой.

В Псалтири, переведённой блж. Иеронимом с МТ, на этом месте стоит clamor [17, р. 817], «крик, вопль», но не «молитва» [6, с. 148]. Данный вариант совпадает с переводом архиеп. Амвросия, однако это не говорит о влиянии латинского перевода на рассматриваемую нами Псалтирь. У нас нет данных о распространении именно этого перевода на территории России и, в частности, в московской епархии, в XVIII в. и ранее.

В пояснении к Пс 40 имеется некое указание на эмоциональное восприятие автора псалма происходивших в его жизни невзгод: Давид благодарит Бога за избавление «от разных напастей» [2, с. 68]. Следовательно, здесь, как считает переводчик, также говорится о молитве в каких-то чрезвычайных обстоятельствах, к которой, естественно, могли примешиваться сильные эмоции, такие как тревога, отчаяние и т.п. В LXX и ЕБ подчёркивается скорее признание псалмопевцем того, что не его усилиями проблема была решена, а только божественным вмешательством.

В Psalterium juxta Hebraicorum на этом месте тоже стоит clamor [17, р. 817]. Так как такое совпадение встречается второй раз, можно сказать, что владыка Амвросий следует латинской традиции перевода Псалтири, однако это не решает вопроса о влиянии одного перевода на другой.

Пояснение к Пс 145 сильно отличается от предыдущих указанием на проческий смысл псалма: «Прославление дел Божиих и благодеяний к церкви»

[2, с. 187]. Исходя из этого, было бы логично говорить в девятнадцатом стихе о молитве верных членов Церкви к Богу, что, вероятно, и сделали греческие и славянские переводчики. Однако владыка Амвросий полагает, что эта молитва в данном стихе тоже имеет некую эмоциональную окраску, так как далее речь идёт о спасении этих молящихся. В LXX и ЕБ подчёркивается скорее их смирение.

В Псалтири, переведённой блж. Иеронимом с МТ, здесь тоже помещено clamor [17, р. 951]. И это совпадение с ПАА также может говорить лишь о следовании нашим переводчиком латинской традиции, чем о прямом влиянии перевода этого святого на него.

Из проведённого нами анализа можно сделать вывод, что автор рассматриваемой нами Псалтири в этих случаях хотел указать на то, что здесь не просто сообщается о молитве, но также подчёркивается сильное волнение молящегося или молящихся. Во всех проанализированных нами случаях обращение к Богу происходит в минуту чрезвычайной опасности, и поэтому вполне логично предположить, что просящий о защите испытывает сильное потрясение.

В LXX и ЕБ акцент был сделан скорее на форму просьбы, чем на чувства просящего. Также можно предположить, что в этих текстах упор был сделан не на сильные эмоции, а на смирение перед Богом.

Сопоставление ПАА с двумя латинскими переводами Псалтири, с МТ и LXX, показывает, что варианты перевода владыки Амвросия совпадают с переводом, сделанным блж. Иеронимом с древнееврейского оригинала. Однако ввиду отсутствия данных о распространении этого перевода в московской епархии вопрос о влиянии его на рассматриваемую нами Псалтирь остаётся открытым.

Богословский анализ

В этом разделе мы рассмотрим соотношение Псалтири архиеп. Амвросия со святоотеческой традицией, а также западную и отечественную академическую экзегетику.

Из святоотеческих трудов наиболее интересными нам показались толкования блж. Феодорита Кирского, свт. Афанасия Великого и Иоанна Златоуста, а также блж. Августина. Из средневековых богословов нами были выбраны Евфимий Зигабен и Магн Аврелий Флавий Кассиодор.

Из трудов академических толкователей наиболее интересными нам показались Толковая Библия, изданная преемниками профессора Лопухина (сокращённо — ТБЛ), а также комментарии немецкого учёного Ганса-Иоахима Крауса и американского учёного Сэмюэля Терриена.

Святоотеческое и средневековое богословское толкование

Относительно Пс 5:3 блж. Феодорит пишет в своём толковании на Псалмы, что слова этого стиха следует понимать как просьбу автора псалма услышать его молитву [10, с. 32].

Свт. Иоанн проводит здесь различие между понятиями «молитва» и «моление»: под первым он понимает внешнее поведение, сопровождающее молитву, а под вторым — смиренное расположение души молящегося [9, с. 47].

Блж. Августин считает, что здесь имеется в виду вопль, о котором сказано во второй половине предыдущего стиха, который в его тексте звучит так: *Intellege clamorem meum*, «услышь мой крик» [12, р. 20]. Следует заметить, что лексема שָׁאֵל в приводимом им тексте Писания переводится как *obsecratio*, «настоятельная просьба, мольба» [6, с. 523–524]. Вероятно, именно поэтому он практически не уделяет ей внимания.

Евфимий Зигабен в своей Толковой Псалтири говорит о том, что повторение одного и того же в данном стихе означает прошение от сердца [8].

В тексте же, приводимом Кассиодором, эта лексема передаётся как *oratio*, «речь, молитва» [6, с. 541]. Поскольку у церковных авторов это существительное употребляется часто в последнем значении, он так же, как и блж. Августин, не обращает на неё внимания [15, р. 64].

Похожая ситуация наблюдается и в случае с Пс 39:13. Блж. Феодорит толкует этот стих так: «Умоляю Тебя, владыка, говорит Пророк, услыши взывающего и со слезами просящего» [10, с. 175]. Данное толкование можно считать наиболее близким ПАА.

Свт. Афанасий Великий говорит, что псаломпевец здесь просит Бога не только услышать молитву, но и простить грех, о котором говорится в ст. 12, прежде его смерти [3, с. 135].

Блаж. Августин полагает, что здесь под молитвой имеется в виду желание автора псалма, чтобы Бог не молчал и незамедлительно исполнил его просьбу [12, р. 420]. В приводимом им тексте Библии лексема שָׁאֵל переводится как *deprecatio*, «мольба, просьба» [6, с. 238].

Евфимий Зигабен, истолковывая этот стих, также говорит о его эмоциональной окраске: «Божественный Давид просил Бога не просто и не как-нибудь, но со слезами» [8].

Более подробно толкует *deprecatio* Кассиодор. По его мнению, это частое и неотступное моление, в отличие от *oratio*, которое он расшифровывает как *oris ratio*, букв. «разум уст», при помощи которого мы произносим наши обеты [15, р. 360]. Однако при этом он не говорит ничего о вопле или взывании, поэтому говорить о сходстве между ним и ПАА с полной уверенностью нельзя.

Что касается Пс 40:2, блж. Феодорит считает, что здесь так же, как и в предыдущих стихах, говорится об услышанной молитве автора псалма [10, с. 176].

Блж. Августин полагает, что здесь имеется в виду то, что Бог внимательно слушает молитву псалмопевца. В качестве параллели он приводит Пс 34:16: «Очи Господни на праведных, и в уши его молитва их» [12, р. 425].

Евфимий Зигабен толкует эти слова так: Христос услышал молитву пророков о призвании язычников в свою Церковь [8].

Кассиодор полагает, что под *deprecatio* здесь подразумевается самая усердная молитва, которую может произносить только «терпящий Господа» [15, р. 362–363].

Больше единства во мнениях наблюдается в комментариях на Пс 145:19. Блж. Феодорит полагает, что здесь речь идёт об исполнении Богом желаний имеющих страх перед Ним [10, с. 634].

Свт. Иоанн говорит, толкуя этот стих, что даже если боящиеся Бога и желают по неведению чего-либо несогласного с Его волей, после того, как узнают её, исправляются. В качестве примера он приводит апостола Павла, просившего Бога, чтобы от него отступили скорби, который, узнав о том, что это бесполезно для него, стал просить противоположного (ср. 2 Кор 12:10) [9, с. 597]. То же самое говорит и Евфимий Зигабен [8].

Блаж. Августин связывает это с предыдущими словами, «Волю боящихся Его сотворит». То, что Бог услышит молитву «боящихся Его», будет, по его мнению, исполнением их воли, в ней выраженной [13, р. 2025].

Кассиодор толкует этот стих как исполнение Богом только той молитвы, которая приносит молящемуся пользу. Таковой он считает просьбу сынов Израиля дать им царя, чтобы быть как языческие народы [16, р. 1296].

Таким образом, мы можем сказать, что перевод владыки Амвросия не всегда противоречит толкованиям святых отцов. В святоотеческих толкованиях на Пс 5:3 и 39:13 имеются ясные указания на то, что под молитвой их авторы подразумевали крик, вопль, что полностью согласуется с вариантами перевода в рассматриваемой нами Псалтири.

Академическая экзегетика

Толкуя Пс 5:3, автор толкования в ТБЛ считает, что этот псалом написан во время приготовления восстания Авессалома против Давида до бегства последнего из Иерусалима. Поэтому он полагает, что так как Давид понимал степень угрожающей ему опасности, то его молитва была «болезненным воплем», а не просто прошением [7].

Американский учёный Семюэль Терриен считает, что в данном стихе псалмопевец как бы призывает Бога понять причину его вопля. Возможно, несколько просьб до этого не было услышано [21, р. 104–105].

Немецкий учёный Ганс-Иоахим Краус полагает, что здесь псалмопевец молится Богу, громко крича. При этом он приводит мнение Кальвина, согласно которому автор псалма таким образом выражает глубокую печаль, а не говорит о способе произнесения молитвы [18, с. 176].

Что касается Пс 39:13, экзегет ТБЛ не указывает прямо на эмоциональное состояние псалмопевца. Он говорит, что Давид просит Бога о милости и снисхождении к его слабостям [7].

Краус так говорит об этом стихе: «Bitten um Erhörung werden im 13 laut», «просьба о том, чтобы быть услышанным, становится в 13-м стихе громкой» [18, s. 455].

Пс 40:2 автор толкования в ТБЛ относит так же, как и Пс 5:3, к восстанию Авессалома [7]. Тогда Давид был болен, его оставляли друзья, и вряд ли в это время его молитва также была просто прошением. Хотя экзегет не указывает прямо на душевное состояние царя, мы можем предположить, что в такой ситуации псалмопевец не мог не испытывать тревоги и отчаяния.

Краус пишет, что в стихах 2–3 показывается время печали и скорби. В первой половине ст. 2 Бог наклоняется в глубину, а во второй говорится о том, что Он чудесным образом услышал просьбу автора псалма. В качестве параллели он приводит аккадские мифы о нисхождении богов в подземный мир, но это относится уже к третьему стиху [18, s. 460].

Относительно Пс 145:19 в пояснении ко всему псалму автор толкования в ТБЛ пишет, что здесь говорится лишь о близости Бога всем призывающим Его [7].

Относительно этого стиха Краус говорит также лишь о готовности Бога слышать просьбы людей [19, s. 1129].

Как мы можем увидеть, в западной и отечественной традициях толкования данных стихов также есть прямые и косвенные указания на отчаяние и тревогу, испытываемую автором псалмов, вероятно, при переживании каких-то несчастий.

Заключение

Подводя итог, мы можем сказать, что варианты перевода владыки Амвросия помогают читателю понять переживания псалмопевца в момент обращения к Богу. Акцент в рассматриваемых нами стихах данной Псалтири сделан на тревоге или отчаянии Давида в чрезвычайной опасности. В LXX и ЕБ подчёркивается скорее форма обращения к Богу и смирение псалмопевца перед Ним.

В большинстве рассмотренных случаев варианты ПАА совпадают с переводом блж. Иеронима с МТ, названным *Psalterium juxta Hebraeorum*, однако для решения вопроса о влиянии данного перевода на ПАА требуется более глубокое исследование, а также сведения о распространении его на территории России вообще и в московской епархии в частности до XVIII века. Что касается Пс 5:3, основным источником перевода владыки Амвросия был словарь Буксторфа.

Указания на чувства автора псалмов в момент обращения к Богу встречаются и в святоотеческой экзегетике. Однако их всё-таки не очень много,

так что трудно в данном случае говорить о влиянии её на перевод владыки Амвросия.

То же самое можно сказать и об академической традиции толкования: здесь также отсылки к переживаниям псалмопевца достаточно редки. Однако если западным учёным данный перевод не был известен вообще, то отечественные экзегеты, вероятно, им просто не воспользовались по не вполне понятным нам причинам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, А. А. Масоретский текст в России / А. А. Алексеев. — Текст: непосредственный // *Jews and Slavs*. — Jerusalem; Sophia: Hebrew University, Center for Slavic Languages and Literatures, 2005. — Vol. 15. — P. 2–17.
2. Амвросий (Зертис-Каменский), архиеп. Псалтирь в новом славянском переводе Амвросия, архиепископа Московского / архиепископ Амвросий (Зертис-Каменский). — Москва: Университетская типография на Страстном бульваре (М. Катков), 1878. — 192 с. — Текст: непосредственный.
3. Афанасий Великий, свт. Толкование на псалмы / святитель Афанасий Великий. — Москва: Благовест, 2014. — 528 с. — Текст: непосредственный.
4. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. — Москва: Российское Библейское общество, 1993 (репр. изд. 1900 г.). — 1658 с. — Текст: непосредственный.
5. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. I / И. Х. Дворецкий. — Москва: ГИС, 1958. — 1043 с. — Текст: непосредственный.
6. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — Москва: Русский язык Медиа, 2008. — 843 с. — Текст: непосредственный.
7. [Глаголев, А. А., свящ.]. Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. Псалтирь / [свящ. А. А. Глаголев]. — Текст: электронный. — URL: <http://lib.cerkov.ru/preview/1087> (дата обращения: 15.02.2016).
8. Зигабен, Е. Толковая Псалтирь / Е. Зигабен. — Текст: электронный. — URL: http://azbyka.ru/otechnik/Evfimij_Zigaben/tolkovaja-psaltir/ (дата обращения: 21.01.2016).
9. Иоанн Златоуст, свт. Беседы на Псалмы / святитель Иоанн Златоуст. — Москва: Православное благотворительное Братство во Имя Всемилового Спаса Московской епархии РПЦ, 2010. — 640 с. — Текст: непосредственный.
10. Феодорит Кирский, блж. Псалтирь с объяснением каждого стиха блаженного Феодорита, епископа Кирского / блаженный Феодорит Кирский. — Москва: Братство во имя Святой Троицы, 2011. — 656 с. — Текст: непосредственный.
11. Alt, A. *Biblia Hebraica Stuttgartensia* / A. Alt, O. Eißfeldt, P. Kahle, R. Qittel. — Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1997. — lxi, 1574 p. — Текст: непосредственный.
12. Avgustinus. *Enarrationes in Psalmos I–L* / Avgustinus. — Turnholti: Typographi Brepols Editores Pontifici, 1990. — xxiv, 616 p. — (Corpus Christianorum. Series Latina; vol. XXXVIII). — Текст: непосредственный.
13. Avgustinus. *Enarrationes in Psalmos CI–CL* / Avgustinus. — Turnholti: Typographi Brepols Editores Pontifici, 1990. — 834 p. — (Corpus Christianorum. Series Latina; vol. XL). — Текст: непосредственный.

14. Buxtorf, J. Lexicon Hebraicum et Chaldaicum / J. Buxtorf. — Basileae: Sumptibus haeredum Ludovici König, 1645. — 1067 p. — Текст: непосредственный.
15. Cassiodorus. Expositio Psalmorum I–LXX / Cassiodorus. — Turnholti: Typographi Brepols Editores Pontifici, 1958. — 640 p. — (Corpus Christianorum. Series Latina; vol. XCVII). — Текст: непосредственный.
16. Cassiodorus. Expositio Psalmorum LXXI–CL / Cassiodorus. — Turnholti: Typographi Brepols Editores Pontifici, 1958. — 713 p. — (Corpus Christianorum. Series Latina; vol. XCVIII). — Текст: непосредственный.
17. Biblia Sacra iuxta Vulgatam Versionem / B. Fischer, I. Gribomont, H. F. D. Sparks, W. Thiele. — Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1994. — xliii, 1980 p. — Текст: непосредственный.
18. Kraus, H.-J. Psalmen 1–59 / H.-J. Kraus. — Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 1989. — 534 p. — (Biblischer Kommentar Altes Testament; Bd. XV/1). — Текст: непосредственный.
19. Kraus, H.-J. Psalmen 60–150 / H.-J. Kraus. — Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 1989. — 650 p. — (Biblischer Kommentar Altes Testament; Bd. XV/2). — Текст: непосредственный.
20. Lust, J. Greek-English Lexicon of the Septuagint / J. Lust, E. Einikel, K. Hauspie. — Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2003. — 1302 p. — Текст: непосредственный.
21. Terrien, S. L. The Psalms / S. L. Terrien. — Michigan; Cambridge: W. B. Eerdmans Publishing Co., 2003. — 1112 p. — (Eerdmans Critical Commentary). — Текст: непосредственный.
22. Rahlfs, A. Septuaginta / A. Rahlfs. — Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. — 941 p. — Текст: непосредственный.
- 23.

Приложение

Разночтения между Псалтирью архиеп. Амвросия, масоретским текстом, Септуагинтой и Елизаветинской Библией.

Лексемы שָׁעַן и שִׁנְעָה.			
Пс 5:3: вопля	שָׁעַן	δεήσεως	молеlniz
Пс 39:13: звание	שִׁנְעָה	δεήσεώς μου	молеlnie
Пс 40:2: вопль мой	שִׁנְעָה־י	δεήσεώς μου	молиltву
Пс 145:19: вопль	שִׁנְעָה־ק	δεήσεώς αὐτῶν	молиltву

Абрамовских Елена Валерьевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры
русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы
Самарского государственного социально-педагогического университета;
ariadna2@list.ru

Перепелкин Иван Михайлович,
магистрант
Самарского государственного социально-педагогического университета;
ivan_perepelkin2003@mail.ru

**«БОЖЬЯ ПРАВДА» КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА В РОМАНЕ
Е.Н. ЧИРИКОВА «ОТЧИЙ ДОМ»**

В статье предпринимается попытка ценностной дешифровки понятия «правда» в романе Е. Н. Чирикова «Отчий дом». Все дело в том, что материал исследования представляет собой крупнейший художественный текст как самого Е. Н. Чирикова, так и периода первой русской эмиграции, в котором бы акцент делался не событиях революции, а на тех причинах, что сделали ее возможной еще в 1880–1900-е годы. Одной из таких причин, изучению которой и посвящена статья, стало расхождение «дворянской» — социально-политической и крестьянской — «Божьей» правды.

Ключевые слова: Е. Н. Чириков, «Отчий дом», ценностный кризис, аксиология, правда, идеология, дом.

Elena V. Abramovskikh, Ivan M. Perepelkin

**THE «GOD'S TRUTH» OF THE PEASANT WORLD IN THE NOVEL BY E.N.
CHIRIKOV «FATHER'S HOUSE»**

The article attempts to decipher the concept of «truth» in E. N. Chirikov's novel «Father's House». The thing is that the research material is the largest literary text both by E. N. Chirikov himself and from the period of the first Russian emigration, which would focus not on the events of the revolution, but on the reasons that made it possible back in the 1880s and 1900s. One of these reasons, which the article is devoted to, was the divergence of the «noble» — socio-political and peasant — «God's» truth.

Keywords: E. N. Chirikov, «Father's house», value crisis, axiology, truth, ideology, home.

Настоящий доклад является одним из первых приближений к большому исследованию, посвященному семиотике и метафизике смысла «дом» в творчестве Е. Н. Чирикова.

Русская литература рубежа XIX–XX веков, формирующаяся в период крупных мировоззренческих сдвигов, не могла не впитать в себя ощущение надвигающихся социальных потрясений, катастроф и неотвратимо наступающей новой жизни. Местом, где сходятся все силы бытия, где свершаются судьбы мира и человека, становится Дом. Художники слова, чувствуя приближение апокалипсических времен и следуя знакомой им культурной модели, стремятся создать свои «священные тексты».

На данный этап исследователями уже изучено два таких текста Е. Н. Чирикова — тетралогия «Жизнь Тарханова» [2, 3] и роман «Зверь из бездны» [5]. В них проблемно-экзистенциальным пространством, где осуществляется поиск ответов на «проклятые вопросы» времени, становится «дом» как место, которое, позволяет в последний раз собрать весь мир и увидеть в этом мире своего героя, его путь, жизнь и судьбу.

Имя Е. Н. Чирикова сегодня уже не относится к забытым: в 2018 году в был издан сборник статей «Запечатленная Россия» [6], исследования, в которых проводятся первые опыты анализа художественных текстов и направлений творческого диалога Е. Н. Чирикова с современниками, представляются на конференциях [1]. Тем не менее, назвать Е. Н. Чирикова изученным еще далеко нельзя: до сих пор не выявлены истоки его поэтики, практически не изучено творческое окружение и творческие же контакты, не выяснено влияние Е. Н. Чирикова на современников, если такое влияние имело место.

Как отмечают авторы сборника «Запечатленная Россия» [6], романное творчество писателя периода эмиграции приобретает исповедальный характер: романы «Жизнь Тарханова» (1911–1924) [2, 3], «Зверь из бездны» (1924) [4], «Отчий дом» (1929/1931) [5] художник посвящает единственному вопросу, терзавшему его душу: «Что же привело Россию к пропасти, почему в основание ее будущего были положены тела невинных, а скрепили этот фундамент обман и предательство новоявленных пророков?» [6, с.6].

В ходе предыдущих исследований, посвященных семиосфере «дом» в творчестве Е. Н. Чирикова, нами было выявлено две модели развертывания семиосферы дом: горизонтальная, охватывающая дома дальнего мира, по которым путешествует герой «Жизни Тарханова», и вертикальная, раскрывающая внутреннюю иерархию «Божественное — человеческое — звериное» в романе «Зверь из бездны».

Предмет сегодняшнего доклада — роман «Отчий дом» (1931 г.) [5], который становится главным текстом в творческом пути Е. Н. Чирикова. События в романном мире развиваются за несколько десятилетий до русской революции 1917 года, что позволяет автору постепенно подойти к ответу на вопрос о ее причинах.

Одной из таких причин, разрушившей государственный и идеологический строй, существовавший на протяжении более чем трех сот лет, стало идейное

расхождение «верхов» и «низов» русского государства, а именно — дворянства и крестьянства.

Научной гипотезой о построении семиосферы «дом» в романе «Отчий дом» становится следующее положение: в тексте выстраивается три «идеологических дома», подготовивших русскую революцию:

- «дом революционеров»;
- «дом народников»;
- «дом сектантов».

В рамках выступления мы бы хотели акцентировать внимание лишь на одном из магистральных направлений будущего исследования, а именно — на проблеме мужицкого понимания «правды», как ее изображает автор, становящейся ключевым узлом в построении идеологического «дома» романа.

Для понимания обозначенной проблемы ключевой является схема русской революционной мысли, которую приводит Е. Н. Чириков в самом начале романа: интеллигенция идет к социализму, а народ стремится оказаться во Граде Незримом. Эти две линии пересекаются в земельном вопросе. Приведем небольшую цитату: «Здесь буквой «И» обозначена интеллигенция, она идет к букве «С», то есть к социализму. Буква «Н» обозначает народ, который идет к букве «Г», то есть ко Граду Незримому или Царствию Божию на земле. Как видите, обе дороги сперва идут в одну сторону и все сближаются, пока не скрестятся и не сольются в точке «З». Вот здесь и кроется обман и опасность: у мужика тут — земля, а у революционеров — «Земля и воля!» Поняли? Народ через землю намерен по своей линии идти — ко Граду Божьему, а интеллигенция через ту же землю намерена тащить народ в царство социализма» [5, с. 51].

Данная схема задает достаточно точный мотивный вектор «мужицкого мира» романа, сохраняющийся на протяжении всего повествования. Единственной целью и ценностью для мужика становится идейный путь ко Граду Незримому, иначе — миру, в котором утвердилось бы не господская воля, а Господня истина.

Приведем несколько фрагментов, в которых становится очевидно идейное расхождение мировоззренческих установок крестьянского и дворянского миров романа.

В первом таком эпизоде Е. Н. Чириков занимает идеологическую позицию дворянства и развенчивает мысль даже не то чтобы о возможности существования какой-либо крестьянской правды, но и о существовании второй идеологической позиции априори. Приведем цитату: «На словах и языке — «народ», а на деле — не только полное равнодушие, а даже какая-то барская брезгливость к живому мужику и бабе. Говорят о каком-то долге перед народом — отвлеченном, а живой народ в образе какого-нибудь приглядевшегося Ивана, Никиты, Палаши, Марьи, Дарьи — какой же это народ? Это так, серая мелюзга, о которой не стоит и думать... Никаких долгов перед этими никто не чувствовал» [5].

В следующем эпизоде мы видим диаметрально противоположную идейную позицию — точку зрения крестьянства:

«Всю жизнь живут рядом с барским домом, а все не могут привыкнуть: все он чудным им кажется. — И днем и ночью у них праздник! Вроде как всегда свадьба. — А что им делать-то? Целый день жрут да пьют, а надоест — на музыке играют. — Как в раю живут! — Нам бы с тобой, Настасья, так пожить! — Где уж нам! Что будет на том свету разя... — Жди! Они и там — в раю окажутся, а нам места не хватит: попы все грехи им отмолят» [5, с. 54].

Приведенные эпизоды позволяют с точностью оценить изначальное положение «крестьянского» мира романа и спрогнозировать формы его дальнейшего изображения: крестьянский мир идеологически противопоставлен миру дворянскому, находится с ним в конфликте и изображается с позиции внешнего наблюдателя, не погруженного во внутреннюю логику и стиль мышления мужика.

Обозначив диспозицию крестьянского мира, перейдем к попытке дешифровки аксиологических оснований, становящихся опорой идеологии мужицкого мира романа «Отчий дом».

В качестве таких ценностей, раскрывающих как крестьянскую правду, основанную на сознании лишь Господа как единственного возможного источника истины, закона и справедливости, так и конфликт между двумя мирами, где каждый раз основой выступает недоверие ко всему «господскому», становятся следующие центры:

- ожидание крестьянами манифеста о земле и мотив его подмены, скрытия дворянством (как политико-социальный элемент);
- значимое противопоставление «Господней воли» и «Барской воли» (как духовно-социальный элемент);
- народное самосознание и народная же логика (как интеллектуальный элемент).

Обратимся к детальному рассмотрению каждого из них. Начнем с «политического» центра и вопроса о ценностном отношении к царскому манифесту.

Прежде всего, это фрагмент, связанный с решением земельного вопроса. И сразу же актуализируется в памяти читателя описанная выше схема: «Была этим летом большая неприятность по хозяйству, живо напомнившая Павлу Николаевичу схему двух перекрещивающихся дорог, изобретенную Елевферием Митрофановичем» [5, с. 55]. Земля, о которой далее пойдет речь, принадлежала Павлу Николаевичу и сдавалась в аренду крестьянам по низкой цене. По смерти барина управление землей перешло его жене — Анне Михайловне. Рассмотрим небольшой фрагмент:

«А вот ты, барыня, не исполняешь волю-то своего хозяина... Сам он, дай ему Бог царствия небесного и вечный упокой, по правде Божией

поступил, да и твоей доброте, глядя с небес, порадовался бы. А ты вон что: “Ягору Курносову сдам, как он, значит, дороже тебе дает!” Не похвалит тебя покойный наш милостивец в небеси со всеми святыми. Чай, ты не бедна, — на что позарилась? Не руши память-то своего хозяина, нашего милостивца: грех, мать!» [5, с. 56].

В данном эпизоде крестьяне просят законную хозяйку земли поступить не по своей воле, но по «Божией справедливости»: «Пушай как раньше было, так и будет, то есть чтобы луга опять за нами остались» [5, с. 56]. Разумеется, «Божия справедливость» крестьян напрямую связана с решением земельного вопроса в их пользу, что подтверждается чуть далее: «А мы, сударыня-барыня, панехидку по покойничке, твоём хозяине, отслужим да водочкой его помянем. Все по-хорошему и будет. Не грехи, мать: всем нам придется ответ Господу Богу дать, а года твои тоже немалые. Свидишься на том свету с хозяином, не похвалит он тебя, ежели за рублем погонишься, а нас обидишь...» [5, с. 56].

Однако же землю из-за долгов приходится продать Егору Курносову, что влечет для мужиков увеличение аренды. В сознании мужика вопрос о земле напрямую связывается с «законом Божиим» и требованием соблюсти справедливость: «Побойся Бога-то! — По совести надо! — По правде сделай! Бог правду-то видит, хоть не сказывает!» [5, с. 57], — говорит мир.

Приведем небольшие выдержки, чтобы показать мужицкую логику на сохранение права пользоваться землей: «Мы этими лугами еще при твоём отце владели... — Да не владели, а имели в аренде! — Косили то есть. Сколь поту своего на них пролили. Надо решить по совести», «Итак, ничего не выходит. Точно не в одной стране и не под одним законом живут. Точно и Богам разным молятся. Переговоры оборвались, а Никудышевка волновалась и галдела» [5, с. 57].

Чуть позже, в деревне пошел слух о новом манифесте Александра III, в котором будто бы вся земля оставалась за крестьянами. Обратимся и к нему: «Опять по деревням побежали слухи о каком-то манифесте, которым отнималась вся земля от господ и передавалась крестьянам, о попытке убить за это и нового царя» [5, с. 71]. И здесь впервые звучит важный код, раскрывающий истинное отношение крестьянского мира к земельному вопросу: для крестьян тот хозяин справедлив, что выполняет «божью», а значит — мужицкую волю, а именно — покойный царь Александр II, которого «любили по-человечески», потому что он «из рабства господского высвободил, а новый царь остался мистической отвлеченностью в ореоле недосягаемого величия и всемогущества. Как чудотворная икона, которой не дано помолиться и испросить милости, — “Господа прячут”» [5, с. 104].

Таким образом, вопрос о земле и манифесте решается крестьянским миром следующим образом: земля принадлежит мужику по «божией

справедливости», а истинно справедливый царь — «царь крестьянский» [5, с. 104], а не дворянский.

Далее обратимся к духовно-социальному центру и рассмотрим противопоставление «барской» и «Господней воли».

Образующей конфликта на этом уровне становится скрытое, но постоянно присутствующее подозрение помещиков в попытке обмануть или исказить ту самую «божью истину» крестьянами.

Рассмотрим лишь один эпизод, в котором никудашевские бабы приходят к Павлу Николаевичу с жалобами на земского начальника, проходящегося барину братом: бабы «падали в ноги и умоляли простить провинившегося в чем-то мужика, а Павел Николаевич никак не мог растолковать бабе, что, хотя земский ему и родственник, но сделать все-таки ничего не может, потому что ему земский не подчинен» [5, с. 102].

И снова раскрывается важный для понимания проблематики сопоставления барской и господней воли смысл: несмотря на то, какой — положительный или отрицательный был получен исход прошения, крестьянский мир всегда воспринимает его как принятое против господней воли, не по божьей совести, а по личной выгоде. Приведем фрагмент: «Иногда растроганной Елене Владимировне и удавалось упротить братца Коленьку снять с мужика наказание, но это только сильнее укрепляло мужицкое убеждение, что наказания земского накладываются не без ведома и желания никудашевских господ: “Они все друг за дружку держатся...” Когда Елене Владимировне не удавалось отстоять и она об этом сообщала бабе, та, хлюпя носом, говорила: “На все ваша господская воля!”» [5, с. 102]. Несмотря на последнюю фразу, господская воля, в понимании крестьянства, — далеко не есть воля истинная, а принимаемое барским домом любое решение — не справедливое. Посмотрим далее: «И, уходя с барского двора с затаенной обидой, шептала: «Погодите, когда-нибудь отольются вам наши слезки... Господь правду-то видит, хоть и не сказывает» [5, с. 102].

Таким образом, барская воля в романе Е. Н. Чирикова оказывается резко противопоставленной правде «крестьянской», «божьей». Здесь же наблюдается значимое несоответствие: барская воля — незаконная, искажающая божественный закон и справедливость.

Сделаем промежуточные выводы: рассмотрев крестьянскую правду на политико-социальном и духовно-социальном уровнях, мы пришли к выводу о том, что в качестве ориентира истины для крестьянского мира выступает идея о божественной правде, на время попоранной дворянством и возложение надежд на скорое возмездие, призванное опустить чашу весов справедливости на их сторону.

И, наконец, обратимся к третьей, основополагающей для понимания «божьей правды» крестьянского мира, ценности — способу миропонимания и крестьянскому мышлению.

Для понимания этого центра необходимо рассмотреть два эпизода, объединенных одним сквозным мотивом — нашествием холеры и ценностным отношением крестьянского мира к ней.

Но прежде сделаем небольшое уточнение: если раньше «крестьянская правда» преподносилась Е. Н. Чириковым как увиденная и отраженная в сознании господ, то есть абстрагировано от «мира», то сейчас же впервые будет услышан голос ее непосредственного носителя — народа.

Как уже было сказано выше, в Никудышевке вспыхнула эпидемия холеры, по случаю чего в деревню прибыли доктора.

Обратимся к эпизоду, в котором крестьянский мир обменивается впечатлениями об увиденном, тем самым обнажая свою ценностную позицию: «Крестьянские парни с девками хихикали... А ноги-то, ноги! Как у журавля! — Они зайцев жрут... — Чаво зайцов! Лягушек жрут! — Врешь? — Ей-господи, сам видал!.. Поймал вон тот, долгий-то, лягову и сейчас давай потрошить, как рыбу! Сам видел, вот те крест!» [5, с. 148]. Наконец Е. Н. Чириков погружает читателя в ход мыслей и ассоциаций крестьян, показывая, тем самым, право на существование и своеобразную истинность мужицкой правды.

Чуть далее встречаем еще один эпизод, в котором отправленный по этапу солдат, делится с «миром» впечатлениями об увиденном в городе. Приведем лишь некоторые выдержки:

«Живут, братцы, там люди суконные... А Христа ради просить будешь, так в полицию, и никакого разговора...Под Хвалынском докторов этих самых холерных бьют, вон изгоняют, бараки палят. Людей они морят, чтобы барам было просторнее. Народу перемрет много, и земли прибавится, про барскую позабудут... Верно, верно — морят хрестьянский народ! Мне один человек сказывал, что своими глазыньками видал, как фельшар у них заразу в воду из махонького пузырярка наливал...» [5, с. 150].

И снова в крестьянском сознании вопрос о правде неразрывно оказывается связан с земельным вопросом: «Узнает царь-батюшка, что столько народу по земле голодного шляется, должен будет манифест выпустить» [5, с. 150]. И в качестве афоризма в конце сцены звучат слова «самарского бородача» [5, с. 150], подводящие итог духовным воззрениям крестьян: «Сотворил Господь небо и землю, моря-окияны, леса и горы, и нет конца просторам Божьим, а мужику деться некуда...» [5, с. 150].

Таким образом, крестьянская логика, каковой она изображается Е. Н. Чириковым изнутри, оказывается далеко не лишенной смысла, а достаточно точной, образной и несомненно ценностно-упорядоченной. И снова под подозрением оказываются дворяне: какие бы ни предпринимались попытки борьбы с заболеванием, крестьянами они воспринимаются как издевательства над самой природой и ходом жизни, барскими причудами (здесь стоит

отметить, что в доклад не вошел еще один эпизод — сцена приезда врачей в деревню для лечения заболевшего мужика. В описываемой сцене бабы встали на защиту мужика, не позволили докторам дать препарат, аргументируя отказ тем, что мужику нужно полежать на печи и болезнь отпустит).

Перейдем к заключению.

В ходе исследования нами была рассмотрена «крестьянская правда» как составная часть семиосферы «идеологического дома» романа Е. Н. Чирикова «Отчий дом».

Было выявлено наличие четкой идейной структуры, представляющей «крестьянскую правду» романа как целое, включающее три магистральных составляющих: земельный вопрос как политико-социальный элемент, противопоставление «Господней» и «барской» воли как духовно-социальный элемент и народное самосознание как интеллектуальный элемент соответственно.

На каждом уровне проявляется обостренный конфликт мужицкого мира с барским, что, в конце концов, находит выражение в ценностном отношении к проблеме правды.

Для мужицкого мира романа Е. Н. Чирикова совершенно точно закон барский не равен господней воле, а наоборот — ей противостоит и идейно искажает. В качестве своеобразной ценностной устремленности, проводящей «Божью правду» крестьянского мира, стоит понимать веру мужика в будущее правосудие, нашедшую словесное оформление в из раза в раз повторяющейся фразе-афоризме: «Погодите, отольются вам когда-нибудь наши слезки» [5, с. 102].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зусман, В. Смысл «бездны» в романе Е. Н. Чирикова «Зверь из бездны»: интерпретация и перевод на чешский и немецкий языки / В. Зусман, Д. Софейкина. — Текст: непосредственный // Нижегородский текст русской словесности: художественное постижение национальной ментальности: сборник статей по материалам IX Международной научной конференции (19–21 октября 2023 года). — Нижний Новгород: Мининский ун-т, 2023. — С. 176–181.
2. Чириков, Е. Н. Жизнь Тарханова. Тетралогия. В 2 т. Т. 1. Романы «Юность» и «Изгнание» / Е. Н. Чириков. — Санкт-Петербург: Маматов, 2023. — 592 с. — Текст: непосредственный.
3. Чириков, Е. Н. Жизнь Тарханова. Тетралогия. В 2 т. Т. 2. Романы «Возвращение» и «Семья» / Е. Н. Чириков. — Санкт-Петербург: Маматов, 2023. — 608 с. — Текст: непосредственный.
4. Чириков, Е. Н. Зверь из бездны: Поэма страшных лет / Е. Н. Чириков. — Минск: ТетраСистемс, 2000. — 368 с. — Текст: непосредственный.
5. Чириков, Е. Н. Отчий дом. Семейная хроника / Е. Н. Чириков. — Москва: Эллис Лак, 2010. — 832 с. — Текст: непосредственный.
6. Mikhailova, M. V. Russia Imprinted. Articles on the works of E. N. Chirikov / M. V. Mikhailova. — Raleigh, North Carolina: Open Science Publishing, 2018. — 209 p. — Текст: непосредственный.

Коваленко Георгий Сергеевич,

студент

Российского государственного гуманитарного университета

george05kovalenko@yandex.ru

ЛЮБОВНАЯ ЛЕКСИКА В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЯХ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ НА ПРИМЕРЕ ЛЭ МАРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ «ЭЛИДЮК»

В статье анализируются любовные лексемы в двух лексико-семантических полях произведения Марии Французской «Элидюк» в контексте куртуазного универсума средневековой французской литературы XII века. Статья в общих чертах описывает некоторые особенности куртуазного универсума XII века, которые впервые начали отображаться в эпической поэме «Песнь о Роланде». Рассматривая любовную лексику в двух лексико-семантических полях произведения Марии Французской «Элидюк», в статье проводится их комплексный анализ, основанный на изучении словарей старофранцузского языка и конкордансов. Стоит отметить, что любовная лексика, анализируемая в данной работе, касается отображению любовных чувств между главными героями средневекового текста французской поэтессы и переводчицы. Автор статьи приходит к выводу, что любовные лексемы не выходят за пределы «мер», а являются неотъемлемой частью куртуазного универсума, который играет важную роль в сюжетной и повествовательной частях произведения.

Ключевые слова: лэ, Мария Французская, куртуазный универсум, куртуазная литература, французская средневековая литература.

Georgij S. Kovalenko

LOVE-RELATED VOCABULARY IN THE LEXICO-SEMANTIC FIELDS OF OLD FRENCH AND MODERN FRENCH BASED ON MARIE DE FRANCE'S LAI "ELIDUC"

The article analyses love-related lexemes in the lexical and semantic fields of Old French and Modern French of Marie de France's work "Eliduc" within the context of the courtly universe of medieval French literature of the 12th century. In general terms, the article describes some of the features of the courtly universe of the 12th century, which first began to appear in the epic poem "The Song of Roland". Considering the love vocabulary in two lexical and semantic fields of the work of Marie de France's "Eliduc", the article provides a comprehensive analysis based on the study of dictionaries of the Old French language and concordances. It is worth noting that the love vocabulary analysed in this work concerns the illustration of love feelings between the main characters of the given medieval text of the French poetess and the translator. The author of the article comes to the conclusion that love lexemes do not go beyond the "measure", but are an integral part of the courtly universe, which plays a significant role in the plot and narrative parts of the work.

Keywords: *lais*, Marie de France, courtly universe, courtly literature, medieval French literature.

Средневековая французская куртуазная литература по праву может считаться одной из самых изученных литератур. В то же время, творчество Марии Французской — одной из самых значимых представительниц культурного ренессанса XII века — является малоизученной в отечественном академическом пространстве темой. Произведения поэтессы, в том числе и *лэ*, были написаны на англо-нормандском диалекте французского языка — языке британской элиты, приближенной к англонормандской монархии, а также основного рабочего языка всей Англии после её завоевания Вильгельмом Завоевателем (1066 г.).

Актуальность темы данной работы обусловлена важностью изучения истории развития французской литературы, в особенности, её этапа средневекового развития, а также развития французской лексики.

Целью научного исследования является изучение двух лексико-семантических полей на старофранцузском и французском языках, и их последующее сравнение.

Прежде чем приступить к анализу и работе с любовной лексикой, следует обратиться к работам, в которых упоминается выражение любовных чувств в куртуазных средневековых произведениях. В статье «Куртуазная литература» Ольги Викторовны Смолицкой, входящей в «Словарь средневековой литературы», анализируется физическое и эмоциональное поведение влюбленных, рыцаря и его Прекрасной Дамы, то, что они переживают, испытывая чувства друг к другу. Ссылаясь на трактат XII века «О любви» Андрея Капеллана, средневекового французского писателя и клирика, автор статьи дает пример, что может и должен ощущать рыцарь: «...»истинный влюбленный» бледнеет при виде своей влюбленной, его сердце бьется сильнее, он мало ест и плохо спит»¹. Также автор статьи приводит другую цитату из трактата «О любви». Она описывает то, что полагается делать рыцарю, чтобы его возлюбленная обратила на него внимание: «... он щедр, ни в чём не отказывает своей даме, совершает ради нее подвиги, а также красноречив, знает, что такая истинная верность, и т.п.».

Исследуя любовную лексику в куртуазной литературе, необходимо описать эпоху, в которую писала свои произведения Мария Французская. В куртуазной французской литературе XII века доминирующими темами являлись темы рыцарства и героизма, а также куртуазной любви. В произведениях, в которых прослеживалась тема рыцарства, главный герой произведения, которым являлся рыцарь, соблюдал особый кодекс, сочетающий в себе свод правил поведения для его поведения — он должен был быть храбрым, отважным, благородным, разумным, имеющим честь и достоинство. В Средние века значения данных эпитетов соотносились лишь с двумя словами — «*curteis*» и «*sage*». Одним из важнейших качеств рыцаря являлся

¹ Перевод О. В. Смолицкой.

героизм. Ярким литературным примером может послужить анонимная² эпическая поэма IX века «Песнь о Роланде»³, в которой описывается самоотверженный героизм главного героя, рыцаря Роланда, родственника Карла Великого. Попав в засаду сарацин под предводительством царя Марсилия из Сарагосы в Ронсевальском ущелье, Роланд удерживает основные силы врага перед приходом подмоги в лице основной французской армии во главе с Шарлеманем⁴, и отдаёт свою жизнь. Этот момент иллюстрирует героическую литературную меру того времени. Роланд не мог поступить иначе, поскольку отвага, честь и клятва перед сюзереном — главное для идеального рыцаря, воплощением которого он являлся; об этом также говорил Жак Ле Гофф, известный французский историк-медиевист, филолог, один из значимых представителей «Новой исторической науки».

Большинство же произведений, которые были написаны и были популярны в XII веке имеют тему куртуазной любви. Наталья Михайловна Долгорукова в своей диссертации [2, с. 17] пишет, что одним из ярких примеров можно считать архетипичный для средневековой литературы сюжет о Тристане и Изольде — влюбленных в друг друга рыцаря и королеву, которые были привязаны сильной любовью друг к другу как «жизнь и смерть». Их любовная связь была раскрыта и Тристану пришлось уплыть в Англию, испытывая печаль, грусть и тоску по своей даме сердца. В финале произведения Тристан умирает от любовных мук по Изольде, а вслед за ним умирает от тоски и Изольда. Описываемый сюжет о Тристане и Изольде был использован и Марией Французской в лэ «Жимолость», «Двое любовников», «Милун» и «Элидюк» [6, с. 89].

Действительно, мотив любви, характеризующийся чистой любовью между рыцарем и его дамой сердца и их тайным, неисполнимым желанием плотской любви присутствует и в «Легенде о Тристане и Изольде» Готфрида Страсбургского, и в вышеперечисленных лэ Марии Французской, где любовь главных героев была в рамках предела «благостной любви»⁵, следуя нижеперечисленным критериям:

1. Прекрасная Дама (в поэзии трубадуров — донна (от лат. *domina* — госпожа) — непостижима, недоступна;
2. Рыцарь всегда находится ниже на социальной ступени по отношению к воспеваемой им даме сердца — зачастую в куртуазной

² Одна из теорий происхождения произведения гласит, что «Песнь о Роланде» написал некий Турольд, клирик XII века.

³ Несмотря на то, что «Песнь о Роланде» была написана, предположительно в IX веке, она пользовалась большой популярностью при дворах французских герцогов и королей и во времена творчества Марии Французской (XII век).

⁴ Шарлемань, или же Карл Великий — король франков (с 768 г.), лангобардов (с 774 г.), герцог Баварии (с 788 г.), император Франкской империи (800 г.)

⁵ «fin' amors» — доминирующая литературная концепция куртуазной литературы XII века.

средневековой литературе XII века герой произведения служит своему сюзерену (который в произведении обычно приходится мужем Прекрасной Дамы), а дама — выше;

3. Любовь между главными героями должна оставаться тайной, поскольку без этого критерия, концепция «благостной любви» не будет соблюдена;
4. Герои должны были разделены внешними препятствиями — завистниками, мужем «дамы сердца». Также препятствие могло быть «географическим» — влюбленные рыцарь и дама могли быть далеко друг от друга.

Мария Французская является одной из важнейших культурных деятельниц куртуазной литературы Средневековья. Она оставила огромное литературное наследие в англо-нормандской литературе XII–XIII века как одна из видных деятелей Культурного Возрождения XII века — важнейшего культурного, творческого и социального взлета западноевропейского общества, в литературе который проявился созданием и обработкой основополагающих литературных сюжетов:

1. сюжет о Святом Граале, автором которого является Кретьен де Труа, современник Марии Французской;
2. цикл о рыцарях короля Артура, известный также как «артуриана» или «бретонский цикл»;
3. «Легенда о Тристане и Изольде», кельтская обработка сюжета о Тристане и Изольде Готфрида Страсбургского, которая легла в основу трех лэ Марии Французской — «Жимолость» (старофр. *Chevrefoil*), «Два любовника» (старофр. *Les Deus Amanz*) и «Элидук» (старофр. и фр. *Eliduc*).

Писательница написала 12 нарративных лэ — лирических произведений стихотворного жанра средневековой, преимущественно светской, французской литературы XII–XIV веков, написанного специальный метром — пятистопным восьмисложником, рифмующимся по парному типу «aabb», вошедшие в прижизненный авторский сборник «Лэ» (1165–1175 гг.), в сюжеты которых легли бретонские сказания, с которыми поэтесса была знакома. Как отмечает Брюкнер М. Т., Мария Французская была знакома с работами её современников — «Романом о Бруте» Васа и анонимным «Романом об Энее», что повлияло на развитие её творчества⁶. Писательница не ограничивалась только написанием лэ, она также известна как переводчица, благодаря её переложению басен древнегреческого писателя и баснописца Эзопа на старофранцузский язык в сборник «Isopet»⁷ и переводу христианского трактата «Чистилище Святого Патрика» Генриха Солтрейского с латинского

⁶ См. Bruckner M. T. Marie de France // *Medieval France: An Encyclopedia*. — New York; London. 1995

⁷ Встречается также вариант написания «Ysopet»

языка на старофранцузский (старофр. «L'espurgatoire Saint Patriz»). Несмотря на литературное разнообразие, Марии Французская является также автором агиографического сочинения «Житие святой Одре» (старофр. «La Vie Sainte Audree»).

Анализируя лэ писательницы, следует учитывать стилистические особенности в написании произведений того времени, которым следовала Мария Французская. Необходимо сразу разделить их на две группы «особенностей» — литературные и языковые.

Говоря о литературных особенностях, можно выделить одну, но важнейшую черту произведений не только Марии Французской, но и большинства куртуазных писателей того времени. Как пишет Наталья Михайловна Долгорукова в своей работе о влиянии «бретонского материала» и/или лирики трубадуров⁸, автор статьи приходит к выводу о том, что, работая над лэ, поэтесса вводит в жанр произведения ключевое слово поэтики трубадуров — «мера» («mezura» на языке трубадуров⁹). Михаил Борисович Мейлах [7, с. 54] также утверждает, что мера является одной из важнейших частей куртуазного универсума. Он пишет, что «кардинальная добродетель куртуазной личности определяется этико-интеллектуальной категорией «Mezura», которая, отождествляясь с самим понятием «Cortezia», регулирует весь комплекс куртуазного поведения».

С точки зрения языковых особенностей в лэ Марии Французской, можно выделить три значимых момента:

1. лексическое разнообразие любовной лексики, использование которой прослеживается на протяжении всего повествования в «Элидюке»,
2. наличие рамочной конструкции повествования — текст лэ начинается со слов писательницы о ее желании рассказать читателю о событиях в произведении, а заканчивается словами автора о том, что она сочинила лэ, чтобы его запомнили и не смогли забыть;
3. религиозная лексика, позволяющая использовать библейские аллюзии практически во всем тексте лэ «Элидюк».

Прежде чем приступить к анализу слов, выражающих любовные чувства, следует кратко изложить сюжет лэ. Рыцарь Элидюк (старофр. и фр. Eliduc) оклеветан перед королём Бретани другими его вассалами и едет за море, в Логрию, прибывая в Тотнес, где начинается его путешествие по Англии¹⁰

⁸ См. Долгорукова Н. М. Птицы, послания и посланники в лэ Марии Французской: «Бретонский материал» и/или лирика трубадуров? // Studia Humanitatis. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ptitsy-poslaniya-i-poslanniki-v-le-marii-frantsuzskoy-bretonskiy-material-i-ili-lirika-trubadurov> (дата обращения: 18.12.2025).

⁹ Здесь, автор статьи подразумевает под языком трубадуров, скорее всего, староокситанский язык

¹⁰ Логрия и Англия — синонимы, поскольку Логрией называлась Англия в цикле ро-

в поиске приключений. В Логрии главный герой помогает местному королю, и вскоре влюбляется в дочь короля Гвийадон (старофр. *Guilliadun*; фр. *Guilliadon*). Однако вскоре Элидюк возвращается в Бретань, чтобы помочь королю, который изгнал его, и берет с собой свою возлюбленную Гвийадон. Когда о связи Элидюка и Гвийадон узнает его законная супруга, добродетельная Гильделюэк (старофр. *Guildeluëc*; фр. *Guildeluec*) прощает их и уходит в монастырь, чтобы не мешать их любви и счастью.

Следует начать анализ с самой частой равнозначной моносемантической по употреблению пары слов в произведении — «*amie*», «*bele amie*», которая переводится как «подруга/прекрасная подруга»:

Bele amie, mar me veïstes!
Dulce chiere, mar me siwistes!
Bele, ja fussiez vus reine,
ne fust l'amurs leials e fine,
dunt vus m'amastes leialment.
Belle, c'est pour votre malheur que vous m'avez vu!
Douce et chère amie, c'est pour votre malheur que vous.
Belle, vous seriez reine maintenant, m'avez suivi!
Si vous ne m'aviez aimé de cet amour loyal et parfait!

Прекрасная подруга, как жаль, что вы меня увидели!
Нежная подруга, как жаль, что вы уехали со мной!
Красавица, я бы сделал Вас королевой,
если бы не чистая и верная любовь, которой Вы меня любили¹¹.

Рассмотрим также и второй пример, в котором используются данная пара лексем:

Bele, jeo sui par sairement a vostre pere veirement
(se jeo vus en menoe od mei, / jeo li mentireie ma fei) —
Belle amie, je suis absolument lié par mon serment à votre père,
jusqu'à la fin du délai fixé,
et si je vous emmenais avec moi, ce serait le trahir.

Прекрасная подруга, нахожусь под клятвой я вашего отца
(если я Вас поведу со мной, то клятву свою перед ним нарушу)¹².

манов о рыцарях Круглого стола.

¹¹ Перевод Н. М. Долгоруковой.

¹² Этот и последующие переводы примеров в данной работе выполнены её автором.

В приведенных примерах из текста лэ соблюдается куртуазный универсум, благодаря использованию эпитетов главного героя при обращении к даме своего сердца:

1. dulce — douce — нежная (изначально, от лат. *dulceris*– сладкий);
2. bele amie — belle amie — прекрасная подруга; bele — belle — красавица.

Скрытые чувства главных героев, внешние преграды, которые не дают им воссоединиться, потому что Элидюк не мог взять с собой Гвийадон из-за их незаконного статуса и невозможностью его узаконить, поскольку главный герой был женат — все эти факторы составляют одну из важных частей необходимого для концепта соблюдения «fin' amors», являющимся неотъемлемым критерием куртуазного универсума. Благодаря используемым лексемам «dulce», «amie» и «bele amie» соблюдается одна из главных черт «совершенной любви» — данные обращения не имеют открытого сексуализированного контекста, но имеют в себе общую сему вождения, которая влияет на выражение и изображение социальных связей и отношений между Гвийадон и Элидюком в литературной куртуазной концепции «fin' amors».

Следующей парой однокоренных лексем, которую необходимо проанализировать, является «dru» и «drüerie». Словарь старофранцузского языка дает следующую трактовку данным словам: dru — интимный друг (фр. l'amie intime), статус любовных отношений между любовниками:

La pucele ki l'ot veü
voldra de lui faire son dru
La jeune fille, après l'avoir vu,
décide de faire de lui son ami.

Юная девушка, которая его [Элидюка] увидела,
пожелала сделать его своим [интимным] другом.

Обратим внимание на следующий пример, где используется одна из наиболее употребительных лексем:

Souvent puet parler od s'amie,
granz est entre els la druërie
Il peut parler souvent avec son amie:
leur amour est immense
Часто может он говорить со своей подругой:
велика и широка их интимная дружба/любовь¹³.

¹³ Также возможен другой перевод — «велики и широки их чувства»).

Данная лексема во всей своей полноте изображает один из главных принципов *fīn' amors* — «любви ради любви», физического удовлетворения любви героев, которое не может быть воплощено в полной мере. Стоит отметить, что однокоренная пара лексем «*dru*» / «*drüerie*» также могла иметь значение яростной, преданной религиозной любви:

«*Alez vuz errant a vostre cher dru ke tant vus eime par drüerie ke pur vus dona e cors e vie*»¹⁴ — «Пойдемте немедленно к нашей подруге, которая нас так сильно любит, что готова за нас положить свое сердце и жизнь...».

Несмотря на это, присутствует и другая коннотация: слово *drüerie* в «Страданиях святого Георгия» [19, р. 61] (старофр. «*Pour beiser par drüerie...*» — рус. «Ради братского поцелуя...») имеет значение «братского» поцелуя Иуды Искарриота Иисуса Христа в Великий Четверг, после которого Его распяли, и в последующем этот жест — поцелуй — стал символом предательства.

Приводимые примеры из текста лэ полно отображают употребление Марией Французской именно этого слова — супруга из знатного рода соблюдала клятву быть верной своему супругу, покинувшего Бретань. Полностью соблюдая все предписания мужа, она оставалась на Родине и ждала своего возлюбленного, но в концепции «*fīn' amors*», любовь между Гильделюэк и Элидюком была обречена на несчастье: истинный куртуазный рыцарь всегда будет стремиться к непостижимому — Прекрасной Даме — и только там он сможет найти своё утешение, а законный брак является для рыцаря помехой [8, с. 253]. В произведении изображается нежелание главного героя быть со своей женой, поскольку она является препятствием на его пути к своей Прекрасной Даме, принцессе Логрии Гвийадон. Исходя из этого, можно сказать, что поэтесса использовала эту нейтрально-любовную лексему для обозначения статуса супругов Элидюка и Гильделюэк, соблюдая категорию куртуазного универсума, где адюльтер и желание быть с Прекрасной Дамой — одни из важнейших критериев его соблюдения.

Подводя итог, можно сказать, что в исследовании были рассмотрены более частотные в употреблении лексемы, в полной мере отображающие и выражающие любовные и семейные отношения между главными героями и персонажами лэ «Элидюк», а также были найдены особенности, сходства и различия между двумя языковыми вариантами произведений. Следует отметить, что проанализированные любовные лексемы являются неотъемлемой частью куртуазного универсума, который его и отображают в полной мере. Также данные слова не выходят за понятия меры, введенное М. Б. Мейлахом, а наоборот, отождествляются с понятием куртуазного, регулируя весь комплекс приведенного литературного универсума [7, с. 297].

¹⁴ Ancrene Wisse, Cambridge, Trinity College R.14.7 (рус. «Анкрене Виссе», «Наставление для отшельниц»)

ЛИТЕРАТУРА

3. Гене, Б. История и историческая культура Средневекового Запада / Б. Гене; пер. с фр. Е. В. Баевской, Э. М. Береговской. — Москва: Язык славянской культуры, 2002. — 496 с.: карт. — ISBN 5-99457-023-7. — Текст: непосредственный.
4. Долгорукова, Н. М. «Лэ» Марии Французской в контексте литературы её времени: специальность 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (литература Европы)»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Долгорукова Наталья Михайловна. — Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2014. — Текст: непосредственный.
5. Долгорукова, Н. М. «Лэ» Марии Французской и лирика трубадуров / Н. М. Долгорукова. — Текст: электронный // *Studia Humanitatis*. — 2014. — URL: <https://st-hum.ru/content/dolgorukova-nm-le-marii-francuzskoy-i-lirika-trubadurov> (дата обращения: 13.12.2024).
6. Долгорукова, Н. М. Птицы, послания и посланники в лэ Марии Французской: «Бретонский материал» и/или лирика трубадуров? / Н. М. Долгорукова. — Текст: электронный // *Studia Humanitatis*. — 2013. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ptitsy-poslaniya-i-poslanniki-v-le-marii-frantsuzskoy-bretonskiy-material-i-ili-lirika-trubadurov> (дата обращения: 18.12.2025).
7. Кюрегян, Т. Песни средневековой Европы / Т. Кюрегян, Ю. Столярова. — Москва: Композитор, 2007. — 208 с. — ISBN 5-85285-855-2. — Текст: непосредственный.
8. Ле Гофф, Ж. Герои и чудеса Средних веков / Ж. Ле Гофф. — Москва: Текст, 2012. — ISBN 978-5-7516-0876-7. — Текст: непосредственный.
9. Мейлах, М. Б. Язык трубадуров / М. Б. Мейлах. — Москва: Наука, 1975. — Текст: непосредственный.
10. Смолицкая, О. В. Куртуазная любовь / О. В. Смолицкая. — Текст: непосредственный // *Словарь средневековой литературы*. — Москва: РОССПЭН, 2003. — (*Summa culturologiae*).
11. Спенс, Л. Легенды и рыцарские предания Бретани / Л. Спенс; пер. с англ. А. Б. Давыдовой. — Москва: Центрполиграф, 2009. — 229 с. — ISBN 978-5-5218-5478-3. — Текст: непосредственный.
12. Ancrene Wisse. — Рукопись. — Cambridge, Trinity College, R.14.7. — Текст: непосредственный.
13. Bruckner, M. T. Marie de France / M. T. Bruckner. — Текст: непосредственный // *Medieval France: An Encyclopedia*. — New York; London, 1995.
14. DMF: Dictionnaire du Moyen Français, version 2023 (DMF 2023) / ATILF — CNRS & Université de Lorraine. — Текст: электронный. — URL: <http://www.atilf.fr/dmf> (дата обращения: 13.04.2025).
15. Fallows, D. Lai / D. Fallows. — Текст: непосредственный // *The New Grove Dictionary of Music and Musicians*. — New York; London, 2001.
16. Gougenheim, G. Grammaire de la langue française du XVI siècle / G. Gougenheim. — Nouvelle édition entièrement refondue. — Paris: Picard, 1974. — 277 p. — (*Connaissance des langues*). — Текст: непосредственный.
17. Lais de Marie de France / éd. par J. Rychner. — Paris: Honoré Champion, 1966. — 380 p. — Текст: непосредственный.
18. Linternaute. Dictionnaire Français. — Текст: электронный. — URL: <https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/> (дата обращения: 17.12.2025).
19. Maillard, J. Evolution et esthétique du lai lyrique des origines à la fin du XIV siècle / J. Maillard. — Paris: Université de Poitiers, 1963. — 289 p. — Текст: непосредственный.

20. Рукопись. — Paris, Bibliothèque Nationale de France, fr. 2173(P). — Текст: непосредственный.
21. Passion of St. George, by Simund de Freine. — Текст: непосредственный // Matzke, J. E. Les Œuvres de Simund de Freine. — Paris: SATF, 1909. — P. 61–117.
22. Raynaud de Lage, G. Manuel Pratique d'Ancien Français / G. Raynaud de Lage. — Paris: Picard, 1983. — 293 p. — (Connaissance des langues). — ISBN 2-7084-0093-2. — Текст: непосредственный.

Бильченко Евгения Витальевна,
доктор культурологии,
профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики
РХГА имени Ф. М. Достоевского,
yevzhik80@gmail.com

ПЕРЕД ЛИЦОМ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА: БОГ СИЛЫ, БОГ СЛАБОСТИ, АГАПЕ БЕЗ МИЛОСТИ

Легенда о Великом Инквизиторе Достоевского в данной статье выполняет роль метафоры современного глобального мира, постсекулярные протесты против которого апеллируют к возрождению христианского наследия и распадаются на два лагеря: правое консервативное современное богословие силы в США (фундаментальная ортодоксия) и левое либеральное постмодерное богословие слабости в Европе (нарративная теология). Богословие силы создает образ Бога как внешнего могущества. Богословие слабости создает образ Бога как внутреннего переживания бессилия. Оба направления терпят крах перед лицом глобализма и апроприруются им в качестве правого и левого мифов. Автор статьи предлагает третий, избыточный, путь между этими лагерями, близкий к метамодерну: этику Реального, или «агапе без милости», представленный светским психоанализом, который в большей степени, чем современное богословие, отражает травматическую сердцевину христианства, отнимая у богословия силы его монопольное право на традицию и у богословия слабости — его монопольное право на внутреннее переживание традиции. Фигура Христа в легенде Достоевского является наиболее адекватным выражением этики Реального.

Ключевые слова: глобализм, фундаментальная ортодоксия, богословие силы, богословие слабости, нарративная теология, этика Реального, агапе без милости, метамодерн.

Evgenia V. Bilchenko

IN THE FACE OF THE GRAND INQUISITOR: GOD OF STRENGTH, GOD OF WEAKNESS, AGAPE WITHOUT MERCY

The legend of Dostoevsky's Grand Inquisitor in this article serves as a metaphor for the contemporary global world, the post-secular protests against which appeal to the revival of Christian heritage and fall into two camps: the right-wing conservative modern theology of strength in the United States (fundamental orthodoxy) and the left-wing liberal postmodern theology of weakness in Europe (narrative theology). The theology of power creates an image of God as an external power. The theology of weakness creates an image of God as an inner experience of powerlessness. Both trends are collapsing in the face of globalism and are being appropriated by it as right-wing and left-wing myths. The author of the article suggests a third, redundant, path between these camps, close

to the metamodern: the ethics of the Real, or «agape without mercy», presented by secular psychoanalysis, which, to a greater extent than modern theology, reflects the traumatic core of Christianity, taking away from the theology of strength its monopoly on tradition and from theology of weakness — its the monopoly right to the inner experience of tradition. The figure of Christ in Dostoevsky's legend is the most adequate expression of the ethics of the Real.

Keywords: globalism, fundamental orthodoxy, theology of strength, theology of weakness, narrative theology, ethics of the Real, agape without mercy, metamodern.

Вопрос о соотношении глобализма и попыток его критики слева (теология слабости) и справа (теология силы) — это главный вопрос легенды Достоевского о Великом Инквизиторе, намеренном снова убить Христа. Легенда представляет собой аллегорическую притчу в составе пятой главы пятой книги «Pro и contra» второй части романа Фёдора Достоевского «Братья Карамазовы» [7]. Если фигуру Инквизитора, правящего от имени Христа, но по факту служащего нечистому, можно уподобить фигуре глобальной власти капитала, то Христос Достоевского — это антиглобалистический жест, жеста разрыва с логикой капитала, который в современной мысли предпринимает постсекулярное богословие, состоящее из трех школ: радикальной ортодоксии, теологии «слабого Бога» и этики Реального в светском психоанализе. Ортодоксия как «миф справа» представляет собой консервативную критику современного глобализма со стороны премодерна, теология слабости как «миф слева» — леволиберальную его критику со стороны постмодерна. Этика Реального, ориентированная на радикализированную христианскую любовь («агапе/агапе без милости»), — избыточна по отношению к ним обеим, премодерну и постмодерну, и по отношению к глобализму как модерну.

В статье мы намерены показать, что ни ортодоксия, ни теология слабости не оказались способны к радикальному разрыву с глобальным миром. Первая вошла в состав «дискурса Инквизитора» как симптом фундаментализма, вторая — как симптом — релятивизма. И только агапе без милости, будучи избытком, содержит некий намек на «метамодерн» как на третий путь пока еще не ясного будущего, симптомы которого мы видим уже в притче Достоевского. Антиглобалистический христианский потенциал «метамодерна» как своего рода обращение к концепту Распятого и несостоятельность чисто эстетических, дескриптивных, и чисто теологических, апроприированных, попыток концептуализации данного термина побуждает нас к поиску актуальных религиозно-философских основ развития общества, обладающего всеми симптомами «универсальной неудовлетворенности миром».

Речь идет, естественно, о мире «вечного модерна», воспроизводящем себя посредством перехвата любых альтернативных направлений критики, как «левых», так и «правых», как традиционалистских, так и радикальных. Жест апроприации, свойственный для современной матрицы, создает впечатление безальтернативности глобализма, мнимой универсальности его англосаксонской версии, в состав которой принудительно входят также все возможные

флуктуации глобального общества. Скепсис, сопряженный с безнадежностью, становится формулой бессилия, в рамках которой современная так называемая «метамодерная» мысль (Т. Вермюлен, Р. ван ден Аккер, Л. Хатчеон, М. Серова и другие) [29], пытаясь вырваться из матрицы, останавливается на констатации метаксиса — эффекта раскачивания маятника между современной идеологической стойкостью и постмодернистской текучестью — как на единственно возможном варианте сохранения непринадлежности субъекта к тотальному рециклированию логоцентризма.

Но «время твердых медуз» (выражение А. Заньковского [10]) фиксирует всего лишь деструктивный раскол личности на постмодерную трансгрессивную объект-вещь как Реальное и возвышенного субъекта модерна как Воображаемое: такой раскол, при всей его привлекательности, не имеет позитивной программы развития и приводит к еще большей фрустрации. Речь идет о легитимированном парадоксе, о некоем «узаконенном» биполярном расстройстве как признаке метамодерного субъекта, для которого радикальный разрыв, полагавшийся Лаканом перверсивным состоянием и источником психоза, является, тем не менее, не патологией, а нормой. Метаксис напоминает нам дискредитированные в классическом структурном психоанализе, но возрожденные Люблянской школой (Жижек, Зупанчич), концепции Альтюссера о возможной десублимации, о прямом доступе к Реальному, к бытию, больше не закрытому от человека идеологиями и языками культуры [2; 9; 11; 12]. Но недостаточная проработанность стратегии перепрошивки личности в условиях параллелизма «искренности» Возвышенного и иронии Трагического является как раз слабой стороной метамодерна, что не исключает ценности самой идеи разрыва как предпосылки освобождения от глобальной заангажированности. Также и очевиден тот факт, что жест Антигоны (восстановление символического порядка), следующий за жестом Медеи (разрушение символического порядка) не безопасен, поскольку может привести (и, как правило, приводит) к воспроизведению «того же самого» (модерна).

Оказавшись в логической западне между «да» и «нет» по отношению к возможности выхода из модерна, необходимо сделать большее, чем представители «консервативной революции», пытающиеся деконструировать сам деконструктивизм и обнаружить скрытый метафизический потенциал в постмодерне (под именем «альтернативного постмодернизма», А. Дугин [8]) с целью его сочетания с традиционализмом — «против» модерна. Конечно же, фундаменталистам приходится по душе критический потенциал постмодерной мысли по отношению к антропоцентрическому гранднарративу Возрождения и Просвещения, более не вдохновляющего мир, что приводит к прямому проникновению учений Фуко, Деррида, Лиотара даже в круги церкви (уже не говоря о философском традиционализме правого толка), но ситуативная комбинация традиции с постструктурализмом как своего рода богословский эксперимент, несомненно, омолаживая первую и делая её привлекательной

для молодых адептов веры, не решает всей проблемы. И дело не только в том, что (в логике консерваторов) «форма убивает содержание», а «средства заслоняют цели», а в том, что дискурс Закона, будучи «одетым» в модную ныне одежду дискурса Желания, никак не останавливает сам желающий процесс. Матрица глобализма воспроизводится еще раз, но уже в виде своей консервативной драпировки, предлагая нам туристические симулякры традиции на рынке мультикультурализма под видом глоболокализации. Означающее определяет глубинное значение концепта в обход его нарратива, и в результате комбинация новой либеральной формы как означающего и старого консервативного содержания как концепта переворачивается, и мы имеем дело со старым либеральным концептом под видом консервативного нарратива в «актуальной форме». Цинизм как двойной код из имитации либеральности, за которой скрывается традиция, превращается в чистую либеральность. Задача же состоит в том, чтобы выйти за пределы самого конфликта Закона и Желания, консерватизма и либерализма как означающих модерна.

Не выраженная в форме ризомы внешняя отчужденная традиция, уже превращенная модерном в непроницаемую идентичность, интересует нас, а сама феноменологическая возможность конституирования традиции в сознании современного субъекта, не то, чем она якобы уже является, а то, как она предстает. Для этого с онтологической оптики необходимо сместиться в эпистемологическую и перейти от теории бытия к философии этического поступка, наделенного смыслом. Решая этот вопрос, мы не нашли ничего лучше, чем продолжить (после Жижека) осуществлять психоанализ жеста агаре как христианской стратегии разрыва с рециклированием логоцентризма. Несмотря на попытки постмодернистов (Делез) увидеть в христианстве симптомы будущей гегельянской диалектики и приписать ему тотальность, сделав его «виноватым» в модерне [6], мы всё же намерены показать отличие христианства от классической диалектики, за порождение которой ответственен не сам Новый Завет и, тем более, не фигура Распятого, а более поздние церковные и светские вероучения западного средневекового и особенно нововременного мира.

Обратимся для начала к отстраненному взгляду на пресловутую постмодерную «плюральность». Постмодернизм действительно лишает модерный волюнтаристский нарратив единого трансцендентального разума его легитимной силы за счет признания равноправия многообразных истин, но фокус состоит в том, чтобы на этом и остановиться. Будучи концептуализированной в идеологии плюрализма и превращенной в политический жест, плюральность лишается знаменитого бахтиянского «не-алиби» — осознания причастности субъекта к бытию, его уникальности и незащищённости в этой причастности, в условиях сохранения непроницаемого для других места причастного в бытии, определенного исключительно личным поступком, ограждающим субъекта от обобщений со стороны других [3, с. 41]. В состоянии

не-алиби, будучи описанной, названной, выраженной в языке идеологии, плюральность становится жестом принуждения к самой же себе, способом созыва под знамёна «полифонии и диалога» («демократии», «гуманизма» и т.д.), то есть, она становится тем же, против чего она боролась: волюнтаризмом как следствием возведения истину в систему, возвращением к той же метафизической структуре путем её прямого отрицания. Именно эту ошибку допускают классические постмодернисты, когда противопоставляют ризоме как плоскому, мистериальному, «трагическому» способу сосуществования вещей, путем их перечисления без противопоставления, диалектику как лишнюю волю, направленную к тождеству, якобы уничтожающему отличия [6]. Ибо, если ризома не предполагает никаких противопоставлений, то бесмысленно и противопоставление плюральности и диалектики, потому что в состав множественных рядов вещей и воля должна входить и та воля, которая отрицает само множество, воля к тождеству, в противном случае, метод плюрализма приходит к самоотрицанию и превращается в преференцию, то есть, в насилие. Речь идет о сентиментальном насилии мультикультурных практик, из которых исключаются любые традиционные идентичности как «недемократические», «тоталитарные», «монологические», «не способные к диалогу». Более того, именно тождество оказывается единственным гарантом сохранения множественности без ущерба для самой себя, потому что, если отличие становится насильственным, необходимо вернуться к тождеству как к отличию. На примере политических практик мы это видим в возрождении традиционной идентичности в России и марксистского универсализма в отдельных странах Европы и Латинской Америки.

Но нас больше интересует внутренняя сторона тождества, которая заложена в самом постмодерне в виде признания радикальной субъективации в отношении к множественным истинам. Конституирование субъекта из хаоса множественностей, будь то «номад» (Делез) или «бессмертный» (Бадью), есть не что иное как признак возрождения платоновского демиургического начала в постмодерне, к которому издавна питали интерес и русские философы (Н. Бердяев, В. Зеньковский, Л. Карсавин), что позволяет неожиданно сблизить постструктуральный психоанализ и отечественный интуитивный персонализм. Речь идет о некоей психоаналитической изнанке постмодерна, которым и предстаёт нулевой субъект — травматическое прасобытие, о котором весь последующий постмодерн предпочитает не вспоминать, погрязнув в неолиберальном смешивании различных форм политического китча: от ультралевого до ультраправого, от прагматического до романтического. Примечательно, что неолиберальную дискредитацию аутентичной тоски постмодерна по новому миру, по отличному от картезианского, экзистенциальному субъекту, свободному, как от высокомерия антропоцентризма, так и от самоуничтожения «смерти автора» в виде обратной стороны данного высокомерия, невольно поддерживают и консерваторы. Консерваторы перенимают у либералов взгляд

на постмодерн как на цельное непроницаемое тело мысли (Символическое, слишком Символическое), меняя при этом полюс его оценки со слепого одобрения на такое же слепое отрицание.

Данная дискредитация происходит от культа времени, отличающего матрицу modernity в ее гипертрофированной темпоральности, склонной апроприировать события в потоке истории (как был апроприирован бунт в Сорбонне в 1968 году, превращенный в идеологию постколониализма). Необходимость приостановить желаемый процесс модерна побуждает нас не только деконструировать постмодерн, изымая из него и отсекая от притязаний модерна некую пространственно понятую постмодерную «аутентичность», существование которой находится под большим вопросом. Необходимо обнаружить тот избыток, тот нереализованный подтекст постмодернистской мысли, ту паузу в постмодерном дискурсе, которая связана с поиском, осуществляемом на внутренней территории субъектности, в точке пересечения времени и пространства, где и открывается пустота между Законом и Желанием, известная и лакановскому психоанализу, и неподвижной логике Востока. В наибольшей степени имплицитная субъектность постмодерна сродни радикальной этике христианского агапе, которое путем психоанализа обнаруживается в размышлениях почти всех постмодернистов, позволяя традиционно толковать постмодерн и современно читать христианское наследие.

В логике избытка пресловутое постмодерное отчуждение, «вычистившее» человека полностью, отстранившее все его сущностные и формальные, телесные и духовные, внутренние и внешние качества, можно рассматривать не только как потерю, но и как приобретение. Обратной стороной тотального разрушения постмодерной Медеи как фигуры смерти является Антигона как фигура ее же бессмертия. И наоборот: доведенная до абсолюта современная практика борьбы, выраженная в Антигоне, оборачивается террором как бытием к смерти. В состоянии конструктивного отчуждения, именуемого «расшивкой», или «десублимацией», человек избавляется не только от воображаемых сценариев сознания, но и от бессознательных драйвов, исчерпывая желаемый процесс полностью и обретая целостность на дне раскола. Чтобы нечто спасти, его нужно демонтировать до основания. Чтобы спасти любовь, ее необходимо разрушить. Именно в момент, когда нам нечего больше скрывать, мы становимся неуязвимы, порождая из выплеска собственной трангрессивности делезовского субъекта, способного преодолеть невроз за счет трансформации своей истерии в литературу как в форму реализации самости. Невротики не пишут, но истерики способны преодолеть невроз силой своей перформативности. За расшивкой следует перепрошивка в категориях лакановского шва — suture. Чтобы спасти язык, последний подвергается деконструкции, сквозь которую проступают контуры Археписма: речь идет не о скрытом фундаментализме у Деррида, как считал Хабермас [22], а о поступке — жесте безжалостной личной правды Достоевского, напоминающем бахтиновское

не-алиби: войти в бытие, осознать свою причастность и ответственность, увидеть свое подлинное лицо, чтобы ужаснуться бездне Реального и в то же время, освоив травму, проявить подлинное онтологическое упрямство, «мужество быть», не дать себя назвать посторонним, войти в событие истины как в несимволизируемый остаток, который рождает веру из пустоты, действуя исключительно силой нравственной максимы, категорического морального императива, заложенного в агаре.

Именно вокруг радикального субъекта постмодерна как носителя истины конструктивного, творческого, отчуждения и сосредоточено постсекулярное богословие, для которого пустота становится жестом эмансипации, проливающей свет на подлинную природу человека и способствующей зачатию им нового каузального ряда в истории, отличного и от трансцендентного Закона, и от имманентного Желания, и от современного времени, и от постмодерного пространства, и от консерватизма с его реакционностью, и от либерализма с его революционностью, и от табу, и от греха, и от системы, и от бунта, и, — если брать христианскую утопию Достоевского о Сонечке, — от старухи-процентщицы, и от Раскольникова.

Не все поиски постмодерной теологии можно считать удачными. Само разнообразие ее видов говорит нам о рыхлости данного направления и его всевозможным причастностям к глобальному миру. Постмодернизм по теологическому критерию распадается на религиозный и светский, содержащий крипторелигиозные черты, которые при желании можно обнаружить в негативной онтологии Бадью, Деррида, Лакана, Делеза, Хайдеггера, Лиотара и т.д., выявляя травматическую сердцевину утверждения Бога посредством его отсутствия как «значимого отсутствия», то есть присутствия без репрезентации. В свою очередь, богословский постмодернизм распадается на ортодоксальный и не dogматический, консервативный и либеральный, «правый» и «левый», «сильный» и «слабый». Впрочем, инерциальные современные оппозиции «мифа слева» и «мифа справа» изрядно вредят постмодерной метафизике, поскольку дают повод для апроприации, позволяя модерну разделять и властвовать. Этого можно было бы избежать, если бы общим объединительным началом многочисленных ответвлений постсекулярной христианской традиции можно было полагать именно негативную теологию — путь мысли, следуя по которому бытие утверждается через небытие, что фиксирует принципиально анти-пост-онтологический предмет такой теологии, обращенной к ноумену как к невыразимому, утверждающей Бога через тоску по нему, через сомнение и отсутствие, через пустоту Реального, через трансцензус из подсознательного в Символическое. После искушения Просвещением и XX веком, исчерпавшими субъективность, Абсолют оказывается больше нигде обнаруживать, чем на территории самой субъективности, в той области, о которой мы «не знаем, что знаем» (Жижек), инверсивно перевернув сократовско-кантианские пределы познания («знаем, что не знаем»). Приход

Бога из Ничто осуществляется посредством избыточного (нулевого, или радикального) субъекта как участника события истины. Речь идет о сохранении постсобытийного субъекта в условиях сумерек богов и «смерти Отца», в условиях, когда возвращение к основам веры не может осуществляться так, как это было в эпоху детства человечества в премодерне, ибо субъект уже прошел испытание рационалистическим Просвещением.

Наличие нулевого субъекта является тем критерием, который определяет иммунитет постмодерного богословия по отношению к апроприации со стороны глобального мира. Чем сильнее элемент радикальной этики, тем устойчивее учение. В качестве примера приведем школы, которые, по нашему мнению, являются весьма уязвимыми в свете тотальной глобализации, ибо давно уже превращены в её правое и левое крыло соответственно. Речь идет о радикальной ортодоксии справа и «бедной вере» слева. Им мы пытаемся противопоставить этику Реального, или этику поступка (события), какой она представлена в творчестве позднего Лакана, раннего Жижека, а также в работах их последователей: Алена Бадью и Аленки Зупанчич, представляющих собой относительно нейтральное (хотя и левое по генезису) светское (неолакановское) направление постсекулярной мысли. Наши опасения мы объясняем тем налетом культурализма, который несет постмодерное христианство, унаследовав его от метода «корреляции» религии и культуры Пауля Тиллиха [20], оказавшего влияние, как на американскую (условно правую), так и на континентальную (условно левую) школы. Благодаря склонности не столько воцерковлять культуру, сколько культурализировать религию в качестве ценностного импульса, постмодернистская богословская рефлексия часто используется в качестве прикладного кейса в политике идентичностей, в стратегии толерантности, в риторике отличий, апеллирующей к философии Иного как жеста «откладывания», следа, граммы (DifferAnce), в педагогических стратегиях по формированию мультикультурализма и веротерпимости в рамках плюрализма и релятивизма, свойственных для глобального мира. Отсюда — ментальное напряжение между философским постмодернизмом, светским психоанализом и постмодерным богословием, зачастую, несмотря на религиозность своих представителей, гораздо менее склонным к подлинному агапе, чем атеистический фрейдомарксизм.

«Вера без религии» сформирована из идей многочисленных последователей Жака Деррида, относящегося, кстати, весьма скептически к попыткам включить дискурс грамматики в апофатику и лишить Письмо его «не-алиби» (жеста недосказанности). Удержание от метанарративов, связанное с пониманием Иного как Иного (изнанки Иного), что означает одновременно метафизическое отличие и диалектическое тождество Другого, ставило под сомнение жест деконструкции деконструктивизма как сведения последнего к метафизике. Так, когда в 1982 году вышел сборник «Деконструкция и теология», в состав которого вошла работы виднейших американских

богословов того времени (Марк Тейлор, Карл Рашке, Чарльз Винквист и другие), провозгласивших «а-теологию» как невозможность катафатического дискурса о Боге после грамматиологии, сам Деррида ещё не сакрализировал Археписьмо [27]. Опираясь на аксиологический подход к культуре, разрабатываемый «понимающей» социологии М. Вебера и «теологии культуры» П. Тиллиха, американские богословы всё дальше уходят в сторону неопрагматизма, ставя под удар классическое ядро христианского философствования. Именно по причине неприятия прагматизации многие признанные «постмодернисты» (Деррида, Эко, Жижек) отказывались именоваться «постмодернистами» и публиковаться в отдельных профильных колонках для деконструктивистов, с целью предупреждения «номинации вакуума» в символической структуре.

Наиболее ярким примером глобальной апроприации постхристианской идеи является американская «радикальная ортодоксия», продолжающая традиции оппонента Тиллиха Карла Барта, — правое крыло постмодерного богословия, представляющее современный традиционализм как часть англосаксонского мира (Дж. Милбанк, Дж. К. А. Смит и др). Следует отметить некоторую убедительность критики ортодоксами леволиберальной теологии «слабого Бога» (Милбанк оппонирует Жижеку) как придатка к глобальному миру, критикующего модерн изнутри, без выхода за пределы его метанарративов свободы, истины и братства. Чтобы окончательно избавиться от проекта Просвещения и мифа слева как его номинации, ортодоксы используют синтез святоотеческой литературы, каппадокийских отцов, Фомы Аквинского, Николая Кузанского, русской религиозной философии И. Ильина, В. Соловьева и С. Булгакова с ранним же консервативным постмодерном Ж. Деррида, дополненным эзотерическими учениями. Спасением от *Habitus* романтики справа провозглашают классическое религиозное средневековье. В этом проявляется влияние мистики и схоластики на становление радикальных учений, объединяющих наиболее фундаменталистское движения православия, католицизма и протестантизма.

Теология не может быть приведена в согласие с наукой на основании критического идеализма Канта, не может она быть и равной науке: её место — это место исключительно царицы наук в противовес «внешней» философии. Радикальная ортодоксия категорически настаивает на защищаемой Ильиным идеи возвращения иерархии в знании и вертикальной структуры в управлении обществом, чья государственная воля, признанная всеобщей, предполагает «заставляющее применение силы к человеческому существу» [13, с. 131] в случае, если оно (существо) нарушает религиозно-духовные законы. Англиканец Милбанк называет русскую «*nouvelle theologie*» важнейшим источником своего традиционализма, утверждая: «Свойственное нам сочетание христианства, неоплатонизма и романтизма, безусловно, созвучно традициям русской мысли» [18]. Эта достойная особого внимания эмпатия англиканства к русской культуре находит обоснование в эпохе петровских реформ, означенных

тесным сотрудничеством императора Петра Первого с протестантскими традициями как с противовесом миру католической Европы, чрезмерно увлекавшейся роскошью, властью и наслаждениями.

Момент, который, казалось бы, должен демонстрировать нам радикализм этики агапе, тем не менее (а, может быть и благодаря протестантскому духу), оказывается весьма слабым местом. Попытка ортодоксов нащупать точку необратимой ошибки в истории христианской мысли выливается в назначение фигурой виновника секуляризации Августина Блаженного, осуществившего поворот от универсального целого к сингулярному субъекту. Именно Августину принадлежит базовая идея о взаимной дополняемости веры, чувства и разума в поэтическом субъекте, коим является человек на своём пути к Богу. С августиновской традиции получили своё развитие психологическая литература, классическое поэтическое искусство и светский рационализм, которые ортодоксы рассматривают отрицательно. Критика Августина Блаженного за веру в Благодать как предпосылку свободного выбора субъектом пути добра, созвучная с утверждением В. Лосского о том, что Августин недооценил формулу Афанасия Великого «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом», — слишком углубившись в искупительную жертву Христа [18], приводит ортодоксов к утрате радикального субъекта и постепенной ассимиляции в американской культурно-антропологической школе.

Христианский Логос должен взять верх над всеми иными формами рациональности, будучи при этом частью тотального захвата как жеста глобального рынка: «Сегодняшняя задача состоит в том, чтобы забыть все, что вам говорили о возможности приспособиться к современной мысли и светской культуре. Наоборот, христианство возродится только в том случае, если будет стараться всё заново переосмыслить по-христиански: природу, естественные науки, общественные науки, искусство, то есть — всё» [18]. Джеймс Смит обучает молодых священников постмодернизму и упрекает их в том, что они недостаточно глубоко разрабатывают постструктуралистские стратегии прочтения текста; при этом сам постмодернизм превращается им в некую непроницаемую протестантскую формулу малого нарратива веры в Бога-Сына (при полном игнорировании Отца, что и делает невозможным становление полного нулевого субъекта в условиях кенозиса), нарратив о котором актуализирует протестантский принцип *Sola Scriptura* по аналогии с дерридианским Археписьмом, хотя ничего общего «только Письмо» как катафатическое понятие с Археписьмом как апофатическим «следом» не имеет. Будучи острым критиком этического субъекта Канта, Смит утверждает, что личность не в состоянии осуществить становление своей самотождественности с нуля, — природа субъекта не задана ему в трансцендентальной этике, но приписана исключительно свыше, авторитетом традиции, роль которой начинает выполнять община, основанная на символических коммуникациях: культивируемая Смитом способность человека к мгновенной интерпретации коллективного опыта

оборачивается подменой самости идентичностью, понятой как формальная эквивалентность с группой [19]. По большому счету, постмодерный консерватизм Смита не выходит за пределы критикуемой им же неолиберальной матрицы символического интеракционизма и неопрагматизма, ибо исходит из ее же приоритетов: система управляет личностью, сеть общения определяет индивидуальность, избытка не существует, универсального субъекта истины не существует, внутренних переживаний как критериев истины не существует, человек является совокупностью коммуникативных практик и общественных отношений, сущность человека определяется знаком, а традиция ценится исключительное как плавающее означающее, не выходя за пределы Символического, слишком Символического: она — бренд, означающее принадлежности личности к сообществу. Самости также не существует: сущность человека является ответной реакцией на социальный стимул, воспроизводством матричной программы воспитания (back engineering). Срачивание неоконсерватизма с неолиберальным постмодерном рождает симулякр традиции в виде своеобразного туристического локуса глобального мира. Мы имеем дело с апроприацией христианского жеста со стороны Великого Инквизитора. Глобальная матрица воспроизводит себя через миф справа.

Миф слева по отношению к глобализму представляет теология «слабого Бога» («освобождения»), где фигура избыточного субъекта как носителя радикальной этики агапе представлена гораздо четче, чем в мифе справа, что делает «левачество» менее уязвимым по отношению к апроприации со стороны транснационального капитала и роднит его с фрейдомарксистским психоанализом. Образ Христа как малый нарратив здесь предстает не как приписанная идентичность, а как субъективный экзистенциал (Ж. Ф. Лиотар) [16] и представляет собой не корпоративную волю коллектива, а сингулярное событие истины, которое выпадает из репрессивной логики иудейского Закона и эллинского Желания, представляющих собой репрессивную спайку, или «бег по замкнутому кругу» (А. Бадью) [1; 2]. Избыточность христианства касается как выхода из согласованности между собой дискурсов Закона и Желания, связанных отношениями жертвы и трангрессии греха, так и выхода из каждого дискурса отдельно. Этика Благодати как личная вера в святость библейского текста не просто образует compartment, отсек частной жизни субъекта [25–28], свергая гранднарративы гегемонии и контргегемонии, но и, в глазах левых богословов, ассоциируется с коммунизмом как «лишним» проектом между консерватизмом и либерализмом, модерном и постмодерном, то есть, напрямую выводит на метамодерн, хотя сам термин и не употребляется.

Социальные протесты ранних христиан вызывают у новых левых эмпатию, поскольку в чем-то подобны бунтам пролетариата и самих марксистов (Э. Фромм) [21]. Включение христианского рассказа в нарратив личного протеста дает нам сочетание сингулярности и универсальности, отличное от корпоративного глобального мира. Бог как значимое отсутствие образует

некое «пустое место» (фантазмическое Реальное), в котором причина желания и объект желания сходятся в состоянии любви. Бог, отсутствуя, присутствует и, присутствуя, отсутствует, Он отдаляется по мере приближения к Нему, не оправдывая более в сознании образ традиционного «доброего» познаваемого и доказанного в своей сущности Бога, способного к заполнению вакуума и означиванию. Бог как равнодушный Другой (мертвый Отец, пустота) прекращает предоставлять означающие, снова и снова скрываясь за семью небесами, и оставляет наедине с собой человека, которому надлежит восстановить свой сакральный опыт из Ничто, из нулевой точки разрушенной субъектности и демонтированной бытийности, отчуждённой до основания, до сухого остатка самости как избытка и нехватки одновременно.

Современность как будто второй раз задает библейский вопрос: «Отец, зачем ты меня оставил?», — и снова воспроизводит ситуацию кенозиса, что, по сути, является онтологическим торжеством негации, испытанием «ничейностью», «вброшенностью» в мир. Ведь восстановить веру и вернуться к Отцу без Его помощи — гораздо труднее, чем при наличии удобного и прямого пути. Десублимация как попадание в пустоту Реального рассматривается в качестве конструктивного отчуждения. Ж.-Л. Марион определяет отчуждение как очищение субъекта от всего лишнего, онтического, случайного, Воображаемого, как личное моральное совершенствование, выявление подлинности, связанной с сакральной природой субъекта, его способностью к познанию и творению истины [17]. В условиях осуществления отчуждения как «остранения» (В. Шкловский) [24], отвлечения человека от стереотипов и автоматических восприятий повседневного опыта, происходит «откапывание» наиболее глубинных слоев его психической активности, связанных с неким неделимым остатком (избытком), который в обычных условиях составляет нехватку, — с самостью. Чтобы выявить самость, нужно потерять всё, чем обладал, подобно ветхозаветному герою Иову, включая отчуждаемые Законом желания и само отчуждающее их общество как Закон.

Только лишенный всего, субъект в полной мере постигает свое онтологическое упрямство быть — быть с Богом. Процесс отчуждения меняет знак с негативного на позитивный, оставаясь тем же, что и у Маркса, механизмом перехода от субъекта к Богу: «Здесь мы не собираемся ни опровергать марксово понятие Бога как отчужденного объекта, ни даже его обсуждать. Достаточно будет зафиксировать его границы, противопоставив ему противоположное, равновозможное понятие — Бог как понятие субъекта, возвращающего человека ему самому», — утверждает Ж.-Л. Марион [17]. Аналогичной идеи придерживаются психоаналитики Люблянской школы, утверждая, что понятию сублимации З. Фрейда как отрицательному отчуждению, насилию над человеком со стороны культуры, его переходу от истины бессознательного к социальным иллюзиям следует противопоставить понятие десублимации — вторичного отчуждения человека от своего социокультурного окружения и его

фантазмов, от институтов насилия и запрещаемых ими желаний, обратного перехода от воображаемых сценариев общественного опыта к подлинной природе человека, к его бессознательному, в котором содержится не только и не столько витальность, сколько нравственность. Интериоризация категорического морального императива, помещенного в структуру подсознательного, приводит к этизации Реального, а перепрошивка представляет собой ресублимацию как процесс отрицания отрицания — «смерть «смерти Бога» (Ж.-Л. Марион). Отрица и догматическую замкнутость классической теологии, и догматическую замкнутость классического атеизма, в равной степени являющимися продуктами современной тотальности, введение кантовской категории «Как если бы» («Он был» — нем. «Als Ob»), мы расстанемся с классическим насилием понятий.

Бог как ноумен и невыразимое выходит за пределы всякой логики и диалектики, всякого понятия и всякого умственного насилия, вследствие чего он лежит по ту сторону позитивных и негативных предикаций и дефиниций, по ту сторону, как доказательства существования бытия Божьего, так и его отрицания, в равной степени являющимися «богохульством»: «Третий путь не предлагает никаких сомнительных компромиссов между позитивной понятийной предикацией (т.е. представлением [représentation]) и негативной понятийной предикацией (тоже представлением); он указывает на неуместность любой предикации, как отрицательной, так и утвердительной, а значит, и на ничтожность любого притязания, как негативного, так и позитивного, на отождествление Бога с каким-либо понятием. Бог, если он — Бог, превосходит любое понятие в совершенном безразличии как к отрицанию, так и к утверждению. Этот теологический вывод проливает мощный свет на известный философский парадокс — а именно, что в определенных случаях богохульством не меньшим, чем понятийный атеизм, будет доказательство существования Бога, ибо, согласно одному изречению Хайдеггера, «Бог, которому зачем-то надо, чтобы его существование доказывали, в конце концов, очень небожественен, и доказывание его существования очень похоже на богохульство» [17].

Бог как вещь в себе требует только поступка — действия субъекта не по целям и без опоры на доказательства и внешние означающие. Данный поступок и является радикальным разрывом истории, или событием истины. Осуществляется переход от онтологии к этике, в процессе которого образ Бога меняется: от равнодушного Другого (Абсолют как либеральный ироник, непроницаемая Вещь в себе) — до «хрупкого» в своей уязвимости Абсолюта, невольно играющего роль *petit a* Лакана (Бога, «приятного», поскольку его не боишься, но о нем можно заботиться). Речь идет о превращении образа Бога в некое левинасовское «лицо» — аналог уязвимости человека, его оголенности, нагости, подверженности смерти от «моей» руки.

Служению хрупкому Абсолюту предполагает вовлечение в религиозный дискурс деконструкции, разработанной в постструктуральном дискурсе Сорбонны-68, в качестве молитвы о возможности невозможного. В разрушительной силе деконструкции, в рождаемой ею тотальном отчуждении, содержится очистительный жест избавления субъекта от всего лишнего и земного, с целью фильтрации и выявления священной сущности бытия, неделимой в своем остатке. В разрушении видится созидание. В отчуждении усматривается обретение. Если отстранить субъекта до конца от всех его означающих, вскрывается самость — Бог. Дж. Капуто также придерживается недогматического утверждения Бога как личного морального опыта, который не обладает ни физической, ни метафизической силой принуждения [25; 26].

Религии необходимо избавить от духа триумфализма, за которым следует насилие. Бог слабых — это абсолютное должествование вне всякого насилия. Дерридианство помогает вернуться к кенозису и ощутить аутентичность христианской религии, ее уязвимость и утонченность. Все догматические учения о Боге как о некоей силе объявлялись идеологическими, агрессивными, волюнтаристскими, тоталитарными. Как требование без силы Бог не вмешивается в природу, и люди несут полную ответственность за творимое ими в этом мире. Старый Бог-сила заменяется на Бога-слабость. Бог — беззащитное требование, уязвимая истина долга. Он не столько существует, сколько взывает к нам, не ссылаясь ни на какой авторитет. Образ кенозиса приходит на смену образу Пантократора. Деконструкция в ее кантианском прочтении становится инструментом избавления христианства от онтологии и теологии, связанной с философскими наслоениями, освобождения его от церковного богословия и всякой более поздней метафизики, от святоотеческого наследия и традиции. Христианство должно предстать в виде первоначального катакомбного иудейского импульса: об этом говорит Р. Кирни в работе «The God Who May Be» — о Боге, который ни есть, ни не есть, подобно буддийской нирване или лакановскому зиянию (Реальному, *Das Ding*), где отсутствие — значит присутствие и наоборот [28, с. 106].

«Возможный» Бог Кирни, созвучный образу Бога в тексте Левинаса «О Боге, который приходит на ум», — это полная трансгрессия в богословии, нарушающем все теологические, онтологические и метафизические границы и именуящем себя «деконструктивная эсхатология» [там же]. Возможный Бог — это еще и бессильный Бог, который еще «не есть», но который «мог бы таким быть»: мы сами позволяем Богу быть и наделяем Абсолют силой в процессе нашего совместного творчества, придаем ему могущество, необходимое для становления Царства Божьего, в осуществлении которого человек играет не меньшую роль, чем Бог. Творец нужен твари, а тварь нужна Творцу для совместного становления праведности. Между бытием и становлением нет оппозиции: бытие становится, а становление есть, сущность и процесс представляют собой одно и то же в негативной диалектике постмодерна, где

возможный бессильный Бог является еще и игровым Богом Делеза, Богом хайдеггеровской поэтики» [там же, с. 110].

Попробуем психоаналитически перевернуть игру в бессильный Абсолют. С одной стороны, встреча со «слабым» Богом — это встреча с самой любовью как с Реальным, точнее с реальностью, пребывающим по ту сторону Символического. Выявить в человеке его «лицо», отнюдь не связанное с физической скульптурной лепкой, но связанное с действительностью травмы, — это выявить Бога в другом человеке, постичь Другого как «Женское» (Иное) в его подлинности, в его нехватке. Выявить же в Самом Боге Его «лицо» — это выявить нехватку Абсолюта, Его травматическую реальность, которую нельзя отдать на растерзание палачам: чтобы отказаться от возвеличивания в воображаемых представлениях о Боге, необходимо осуществить инверсию взгляда, не глядя более на икону, но принимая ответный взгляд изображения, который есть ничто, зияние, чернота двух зрачков, пустота двух отверстий в глазных яблоках, которая, тем не менее, завораживает. В этой пустоте и происходит становление истинного события, пустота становится полнотой, Ничто превращается в Нечто, во внимательный взгляд Отца, который смотрит на тебя прежде, чем ты смотришь на него. Предварительность бытия Бога по отношению ко всему, что существует и пытается это бытие конструировать, — это абсолютная любовь. Её полнота воспринимается как пустота, потому в пост-модернистском богословии появляется термин «пресветлая тьма».

Тем не менее, акцент на травматической реальности Бога, в конечном итоге, выводит нас из сферы Реального как базовой причины желания во вторичный возвышенный объект Воображаемого, имеющий все признаки компенсаторной иллюзии. Разве «слабого» любить не приятно? Теологи «слабости», в отличие от теологов «силы», не доказывают бытие Бога, они просто показывают, в каком случае его любить «выгодно» и «удобно», если понимать выгоду не в прагматическом смысле этого слова. Симптом действия альтруистического гипотетического императива, подменяющего категорический, ощущается по тому факту, что оппозиция силы и слабости не снимается, но переворачивается, выдавая, тем самым, тайное желание, чтобы Бог таким же слабым и оставался.

Переход от образа Бога как ноумена к воображаемому двойнику, любить которого легко и приятно, поскольку любовь служит ressentimentу, особенно ярко просматривается в акцентуации дарения: «Одна лишь любовь не обязана быть, поскольку ей достаточно дариться. Ведь чтобы дарить (себя), любви не нужно, чтобы ее принимало то или иное сущее, — дар может исполниться, даже если никто его не примет сполна (т.е. пророки и Христос умирают, полностью исполнив дар, ради которого Бог их послал)» [17]. Инверсия божественного взгляда (Отца) должна была бы предполагать всеобъемлющую первичность любви как дара, независимо от того, направлена эта любовь на сильного или слабого. Подобно тому, как действие, подчиненное категорическому

моральному императиву, исключает гипотетический императив пользы и предполагает совершение добра на основании абсолютного бескорыстия, за которое можно и должно страдать это же действие должно исключать и использование бескорыстия и страдания в качестве предметов добавочного удовольствия: у Мариона же наблюдается как раз момент наслаждения альтруистическим императивом (доброго Бога любить приятно, он нравится, страдать — также приятно, поскольку страдание является подтверждением исполнения субъектом установок добродетели; тот же факт, что страдание может существовать и вне категорического императива игнорируется).

В феминистической версии «слабой» теологии возвышенный объект достигает апогея: если беззащитная щедрость — главная добродетель «слабого» Бога, то не является ли беременная женщина первичным даром любви и гостеприимности? [28]. Обнаружение женской нехватки в концепте нового «Бога Библии» показывает, что дерриданское прочтение Канта превращает моральную максиму в полную пассивность. «Бог Библии» — это маргинальный герой истории, избыточный рассказ, ничто, над которым не властны ни герменевтика (Бог не имеет сути), ни диалектика (Бог не развивается), ни метафизика (Бог не есть). Рассказ о Боге Библии становится «моим собственным» рассказом, традиция переживается как субъектность в каждый момент отчуждения. Но, в отличие от теологии силы, где Бог выразим в языке, и от дерредидианства, где Бог — невыразим, в теологии «слабости» Бог снова выразим, но не в языке традиции как в Символическом, а в дискурсе — речи каждой отдельной личности, что превращает Его образ в чистое Воображаемое.

Это несоответствие со стороны теологии «слабости» собственной апофатике Деррида обозначил заимствованным у Хайдеггера словом «sous rature» (англ. «under erasure») — «под знаком его вычеркивания», «подлежащее стиранию», «под стертым местом», «само-стирание». Деррида специально настроил свою печатную машинку так, чтобы она могла поверх ключевых философских слов («Бог», «бытие», «вещь») печатать знак перечеркивания как признак того, что философ не имеет право использовать эти понятия, но не имеет право и не использовать их. Мы более не можем говорить о Боге словами доступного нам языка, ибо эти слова репрессируют Бога. В герменевтике после метафизики Бог есть нечто невысказанное, умалчиваемое, тишина, подтекст, пауза между строк, безвластный язык, поэтический знак пробела: подобная речь и есть речь художественный литературы как великой игры с языком, позволяющей слову звучать выше слов, позволяющей прорваться Реальному сквозь Символическое.

Ведь молчать о Боге богослову нет никакой возможности. Говорить же о нем — тоже, после всего, что было сотворено метафизикой. Бытие через умалчиваемое высказывает из-под власти языка, хитрит с языком, играет с ним, обманывает его при помощи этих самых перечеркнутых не-слов. Но, если Деррида полагал, что человеку ничего не остается, как блуждать

по следам написанного Богом текста (Археписьма), потому что невозможно вернуться к аутентичному религиозному чувству времен архаики, то теологи левого толка утверждают, что ослабление Бога, которое еще не есть ни смертью, ни отсутствием, является предпосылкой для воскресения человека в качестве субъекта, способного воскресить и Бога [5; 14]. Данная еретическая инверсия свидетельствует о том, что после постмодерна не Бог воскрешает человека, а человек воскрешает Бога, отвечая на зов уязвимой истины, сохраняя верность совести, участвуя в творении исторического события, способствуя становлению царства справедливости на земле.

Речь идет о противопоставлении либерального революционного политического процесса, которым руководит «Бог Библии» (дискурс), консервативному, которым руководит «Бог-Логос» (язык). «Слабое богословие» выстраивает своего рода пост-онтологию, обосновывая Бога не эсхатологически, в категориях «утраченного истока» и/или «Конца времен», а феноменологически, в разрывах текущей и текучей современности, в ситуации повседневной тревоги «здесь и сейчас», связанной со смутным ожиданием метафизического разрыва, возможность которого обусловлена «универсальной неудовлетворённостью» людьми миром. Ментально оптимальным носителем «слабой теологии» является сообщество бедняков и обездоленных, с которыми мы и должны отождествиться на социальном уровне: так, «слабое богословие» посредством критики капитализма, глобализма и либерализма вырастает в политологическую проблематику и превращается в постмарксистский проект теологии «освобождения» — идентификации с нехваткой.

При всей привлекательности учения об уязвимости Бога ослабление Его образа приводит к ожидаемым политическим последствиям, связанным с Великим Инквизитором. Меняя триумф на травму, теология освобождения высказывает подспудное желание, чтобы травмированные и слабые слои общества такими же и оставались, ибо любить слабого Бога в качестве *petit a*, равно, как и любить пролетариат в качестве романтического «кающегося барина», — проще и безопаснее. Гораздо сложнее бывает уже на новом диалектическом витке, после прагматизма и после романтизма, утвердить добро даже, если это выгодно, и полюбить сильного. Если страдание как предикат морального императива вытесняет сам императив и становится самодостаточным, мы входим в состояние пассивной толерантности, виктимности и мазохизма, обратной стороной которого является толеризация глобального насилия как результат боязни конфликта.

Так недогматическая теология, следуя логике апроприации левых движений глобализмом, позволяет номинировать себя либеральному миру, теряет освободительный потенциал и входит в режим прямой зависимости от идеологии мультикультурного глобализма, с его неспособностью сопротивляться злу и склонности к потаканию и поощрению насилия в рамках интересов транснационального капитала. Переход от «этики креста» к «политике

креста» завершается политизацией самого креста. Если фундаментализм легко укладывается в политику глобального мультикультурализма в качестве его «радикального правого» крыла, отвечающего за «гладкие», замкнутые непроницаемые локусы рынка и воспроизводящего тем самым фигуру иудейского Закона, то теология слабого Бога легко укладывается в политику того же Великого Инквизитора в качестве его «левого» крыла, воспроизводящего фигуру Желания и критикующего модерн изнутри за недостижение последним его же целей: защиты гражданских прав, социальной справедливости и т.д..

Отсюда важность возвращения к избытку. Между американской «радикальной ортодоксией» как «теологией силы» («мифом справа») и европейским постструктурализмом как «теологией слабости» («мифом слева») существует третий путь освобождения от Инквизитора, обладающий наибольшим иммунитетом по отношению к апроприации, — это путь радикализации агапе как жеста разрыва. Этика Реального, в отличие от фундаментальной ортодоксии, не объективирует традицию, превращая ее во внешний долг перед коллективом, но, подобно теологии слабости понимает ее как личный экзистенциал, как предельное желание. Но, в отличие от теологии слабости, этика Реального придает интериоризированной традиции силу долга и волю к поступку, тем самым, отнимая у ортодоксов право на сильную традицию, а у постмодернистов — право на её внутреннее переживание. Этот путь предлагает этика Реального, представленная в творчестве современных продолжателей Лакана: А. Бадью, А. Зупанчич и С. Жижека. Антиподом конструктивного отчуждения новых левых здесь служит понятие десублимации как жеста анти-Фрейда — тоже отстранения человека от своего внешнего окружения и внутренних фантазмов на основании наличия прямого доступа к бытию, но последнее (Бог, категорический моральный императив) больше не читается как мазохистское бессилие, но читается как желание и как воля к поступку, поскольку дерридианская рецепция Канта меняется на лакановскую и бадьюанскую. Прямой доступ к Реальному в постлакановском психоанализе Люблянской и Французской школ — это революционный шаг, утверждающий разрыв как предстояние каузальной логике истории и всех её цепочек, связей и обстоятельств. Повод для такого разрыва дал сам Лакан, о позднем периоде которого его либеральные интерпретаторы вспоминают редко, а консервативные — превращают в абсолютную метафизику присутствия, сродни хайдеггерианской, хотя для Лакана наиболее адекватным здесь является не язык онтологии, а язык эпистемологии и этики.

Концептуализация Реального содержится в семинаре за 1959–1960 гг. «Этика психоанализа». Лакан как будто извиняется за обращение к непопулярной для психоанализа теме, но настаивает на ее важности, продолжая мысль Фрейда о том, что изначально человек — беспомощен. Изначальную беспомощность следует понимать как базовую травму, нехватку, пустоту, образованную кастрацией Реального, предопределяющей все мотивы по отношению

к Другому. При этом Другой здесь впервые трактуется не как воображаемый сценарий, компенсирующий пустоту (*petit a*), но как та фигура, которая становится носителем Реального — несимволизируемого остатка, или избытка, кантовского *ноумена*, вещи в себе (*Das Ding*). Вещь ускользает из вынесения суждения, из мышления, из языка, но именно она и составляет причину желания. Утрата Вещи приводит к замене причины желания на возвышенный объект: так на пустое место Большого Другого как Реального (Бога) помещается маленький другой как Воображаемое. Лакан не доводит до конца свои мысли о Реальном, позже его дополнит Жижек различием Реального как бытийного и сакрального (Вещи) и реальности как травматической действительности утраты этого сакрального (имаго), но по тексту семинара видно, что Лакан осуществляет этизацию Реального путем интериоризации долга: в глубине Реального (что то же самое, если следовать логике психоанализа, что и на его поверхности) оказывается самость. «Моральный поступок, — утверждает Лакан, — на самом деле, прочно привит к Реальному. Он вводит в Реальное нечто новое, пролагая в нем след, где присутствие наше обретает свою законную санкцию» [15, с. 30]. И далее: «Именно это бросается в глаза в построениях того, кто понял роль *das Ding* лучше других, хотя и подходил к ней исключительно с позиций философии и науки — в философских построениях Канта. Вполне правомерно в конечном счете представлять себе *das Ding* в терминах чистой означающей канвы, всеобщей максимы, чего-то совершенно к индивиду безотносительного» [15, с. 74]. Что это, если не категорический императив как последнее желание, не снисходящее до наслаждения, то «Великое Внешнее», если говорить языком спекулятивного реализма, что лежит на границе субъекта, делая его объектом среди других объектов хайдеггерианского бытия? Так, психоанализ возвращается к метафизике Канта посредством лакановского Реального, фиксируя существования бытия, независимого от сознания и непознаваемого.

Вещь отчуждена от сознания и заключена в инобытии: в Другом. Она — инцестуозный объект навеки утраченного наслаждения, несимволизируемые истоки самости, на консервативном языке — атопия, Золотой век, на фрейдомарксистском языке — травматическое прасобытие, событие истины, фантазмическое Реальное, которое продолжает не писаться. Этика психоанализа обращается к традиционной метафизике истока, лежащего за пределами языка и организующего постоянство исторической реальности, но решает проблему подтекста истории по-своему: исток задается не позитивно, как рай, а негативно, как утрата рая. Это не гармония Золотого века, но, скорее, ее потеря вследствие раскола, или кастрация, не Бог, но смерть Бога, отцеубийство как первопреступление, о котором в качестве дежавю будет напоминать каждое последующие событие истины как разрыв, по которому человек испытывает онтологическую тоску, стремясь к десублимации, к постижению Вещи.

Природа вещи остается до конца не проясненной. Её статус — «экстимный»: она пребывает на грани между самостью и инаковостью, субъектом и объектом, представляя собой исключенное внутреннее, хранимое Другим. Вещь находится за пределами сознания, но на территории субъекта, если речь идет о его подсознательном, являющемся самостоятельной и независимой от сознания силой, указующей на внешнее бытие и повинующееся ему. Поэтому Вещь — погранична: она — и внутри, и снаружи. Человек отчуждает от себя «Вещь», используя право наслаждаться посредством Другого. Данный перенос и является началом нравственной повестки диалога с Другим. Причем, данный диалог больше не является симулятивным, ибо проходит не по линии Воображаемого как компенсации нехватки при помощи вымышленных двойников, но предстает как слияние травм Реального, носителями которых являются расколотые субъекты, травмированные люди, постигающие сущность друг друга.

После семинара по этике Лакан практически нигде больше не употребляет слово «das Ding», связанное с ускользающим остатком, отчужденном в Другом. Его заменяет *petit a*, но это отнюдь не то же самое, что *das Ding*. «Вещь» — понятие метафизическое, бытийное, имеющее отношение к Реальному, к основе человеческого существования как самости. «Маленький Другой», или «объект а» — понятие онтическое, повседневное, имеющее отношение к Воображаемому, к иллюзорным идентичностям себя и других людей, которые складываются в процессе общения. Если «вещь» представляет собой причину желания и ядро фабулы, то «маленький Другой» — один из ее героев, появляющийся в результате подмены причины желания объектом желания, Бога — кумиром. Недосказанность «не-алиби», которую сохраняет Лакан относительно Вещи, не позволяет онтологизировать его полностью и совместить с бытийной одержимостью Хайдеггера, как это делает Александр Дугин и другие консервативные мыслители, но позволяет обрести некоторый метафизический посыл через негативную апофатическую онтологию, достаточный для избавления Лакана от либеральных интерпретаторов и приближения его к метафизической традиции хотя бы на небольшой шаг.

Именно этот шаг осуществляет представительница Люблянской школы, ученица Жижека и Бадью, Аленка Зупанчич, концептуализируя этику Реального. Зупанчич осуществляет радикальный революционный шаг, совмещая немецкую классическую философию и критическую теорию — Канта и Лакана, фигуру Закона и фигуру Желания. Долженствование обретает характер последнего желания, конфликт между страстью и долгом, Законом и Желанием, свободой и запретом, табу и грехом, реакцией и революцией, дисциплинарным модерном и трангрессивным постмодерном, преодолевается. Символом данного обнуления становится для Зупанчич Антигона — древнегреческая героиня, чья ослепительная красота (Возвышенное Канта, Символическое Лакана) была напрямую связана со смертью (трагическое Канта, Реальное

Лакана) и блокировала доступ к фундаментальному ужасу тела посредством вертикального восхождения к сиянию духа [12, с. 285]. Антигона персонифицирует страдание, возникшее вследствие трения материи, пределом которой является смерть, и Абсолюта, которому приносится в жертву чувственная природа человека ради превращения его в субъект истины. Непомерные цели долга как Реального, задаваемые одержимостью Антигоны, ужасают своей странностью, но ставят точку в вопросе о внутреннем характере долга как экзистенциальной свободы выбора.

Антигона Аленки Зупанчич вызывает шквал психоаналитической критики, и мы не можем пройти мимо данной критики, ибо обратной стороной Антигоны является террор. Антигона, которая приносит в жертву все ради брата, — это либо консервативная фантазия мужчин об аполитичной преданной жене, хранительнице домашнего очага, которая приносит в жертву всё ради мужчины, либо фантазия либеральных феминисток об участии женщин в политической борьбе за власть, которой в жертву приносятся традиционные семейные ценности. Пышные славословия Антигоне действительно надоедают в момент, когда аутентичная Антигона, с её искренностью и бытийностью, превращается в икону стиля. Это происходит в момент, когда вытесняется событие (Реальное), которое несет Антигона: достижение благой цели любыми средствами уничтожает саму цель, если средства (Символическое) выдвигаются на первый план и осуществляют подмену, в результате которой цель теряет смысл, событие обесценивается, субъект начинает мнить себя творцом события, а не его служителем, а само служение становится катастрофой, бытием-к-смерти, принудительным страданием, которое в качестве предиката долга вытеснило долг и превратилось в самодостаточный процесс принуждения террористом других и себя к боли, к тотальному уничтожению. Образуется странная пара: если радикальный левый богослов («Бог борьбы») выступает в роли садиста, принуждающего страдать, то либеральный левый богослов («Бог терпимости») входит в роль заложника, который мазохистски страдает. В данной дилемме правый «Бог силы» выполняет роль глобального регулятора.

Травматическая сторона Антигоны как субъекта перехода от Реального (страсти) к Символическому (ценности) сподвигла обратиться к Медее, которая не приносит себя в жертву ради высшей ценности, но уничтожает саму эту ценность, само Символическое, сам порядок культуры (так называемую «агалму») будучи обратной стороной Антигоны. Образ Медеи становится ключевым для светской теологии Жижека, где Медея предстает равной Христу в античном мире. У Аленки Зупанчич также намечен переход к плоской онтологии Медеи, которая, в отличие от Антигоны, не сублимирует и не ресублимирует, то есть, не осуществляет свойственного для драмы вертикального перехода от Трагического к Возвышенному, будучи чистой трагедией или, что в данном случае то же самое, — чистой комедией. Так, Зупанчич говорит

о комическом эффекте любви как мистерии, где Реальное и Символическое, сакральное и профанное, серьезное и смешное, возвышенные и низменные качества любимого составляют два параллельных плана, и разница между ними не имеет значения, вызывая в каждом случае добрый смех [11].

Параллелизм планов апеллирует к альтюссеровскому разрыву, но корректирует последний за счет нейтрализации крайностей, обнуляющихся во мгновении, направленном в вечность, в порыве субъекта к невыразимому, в Dasein как в универсальной сингулярности истины-события. Любовь как событие истины есть радикальный разрыв с обстоятельствами места и времени и осуществляется здесь и сейчас, вне планов и ожиданий, вне сущего, истории, сознания, Воображаемого. То есть, задолго до появления идей Вермюлена и Аккера происходит переход от метаксиса, являющегося простым колебанием между крайностями, к трансцензусу, то есть, к выходу за пределы оппозиций, обретению состояния вне-находимости, радикального разрыва с крайностями как предпосылки построения нового каузального ряда вне противостояния либерализма и консерватизма. Трансцензус — глубже гегельянского синтеза в модерне и постмодерного перечисления. Это — не снятие и не одновременное использование крайностей. Это — их обнуление в точке небытия (Ничто, нулевого субъекта) как в начале нового творения.

Параллелизм комического и трагического в любви позволяет считать последнюю не только эффектом комедии, но и эффектом того, что Жиль Делез в своей плоской онтологии назвал подлинной дионисийской трагедией, отличной от диалектически выстроенной аристотелевской драмы: метафизическим состоянием одновременного присутствия и сосуществования всех моментов бытия, как сущих, так и не сущих, как радостных, так и печальных, как трагических, так и возвышенных, как героических, так и смешных [6]. Языческая мистерия трагедии происходит в Реальном по ту сторону Воображаемого и Символического и предполагает синхронию множества воли. В трагедии как в феномене премодерного эпоса и мифа все вещи равны, всё присутствует во всём, существуют только отличия, без оппозиций. Оппозиции начинаются с приходом современной драмы как диалектики дуальной борьбы протагониста и антагониста, завершающуюся катарсисом, то есть, диалектическим снятием и восхождением к первопринципу. Если в комедии (или в аутентичной трагедии) Реальное включено, то в драме, определяющей ход истории от Сократ через Распятого до Гегеля, Реальное представлено посредством исключения как сублимации. Именно трагедия рождает Медею как фигуру бессмертия, за спиной которой стоит драматическая Антигона.

При всей привлекательности идеи трагического события как чистого Реального, лишение последнего этики может привести к катастрофическим последствиям, связанным с состоянием хаоса, войны всех против всех. В самом множестве Реального как в природном многообразии нет ничего опасного: бытие — плюрально. Но бытие также бесконечно и содержит в себе

единство множественности и Ничто, множественности и тождества. Если в состав множества входят все воли, не противопоставленные друг другу, значит, в его состав в качестве автономной субстанции должна входить и диалектическая воля к тождеству, которая отвергает множество. Но, будучи превращенным в политический жест плюрализма, множество теряет неалиби и начинает противопоставлять себя диалектике, что приводит его к самоотрицанию и преференции, которая есть не что иное, как насилие. Так, сентиментальное насилие неолиберализма представляет собой насильственный мультикультурализм рынка, вытесняющий из своих плюральных рядов традиционные идентичности.

Кроме того, лишенное первоначала множество представляет собой ни что иное, как ситуацию растерянных фрейдовских сыновей после прасобытия отцеубийства, позволивших себе все перверсии. Конфликт с Отцом и ненависть к нему амбивалентно сочетается здесь с боязнью всякого конфликта и покаянием перед Отцом. Результатом данной боязни является опустошение, страх перед свободой, бегство от Реального и добровольное подчинение тирану — новому гротескному Отцу, Закону, Великому Инквизитору, в виде института власти, пришедшего на смену убитому Богу в результате общественного договора. Аристотелевская драма с ее восхождением к первопринципу, замещенному катарсисом, и является таким институтом власти, институтом искусственного внешнего тождества, устанавливающей контроль Символического посредством Воображаемого. Закон дает ложные имена вещам, классифицирует их и устанавливает систему, за пределами которой оказывается неназванный избыток. Когда отличие становится принудительным, а потом и вовсе дискредитирует себя посредством тирании, аутентичное внутреннее тождество как избыточное событие истины превращается в единственный гарант сохранения множества.

Именно на этом универалистском тезисе строится критика Делеза у Алена Бадью, который вновь возвращается в христианство посредством фигуры апостола Павла — мужского двойника Антигоны [1]. Множество нуждается в этическом субъекте, который будет противостоять, как фигуре политического субъекта (Инквизитора), так и деструктивным тенденциям в самом множестве: такой субъект предстает у Бадью как «Бессмертный», или «постсобытийный», субъект. Бессмертный субъект появляется в тот момент, когда в воображаемой реальности подчинения и контроля наступает отчаяние от онтологической тоски по истинному событию. Бессмертный субъект способен к десублимации и имеет прямой доступ к Реальному (Вещи). Он противопоставляет себя обстоятельствам ложного выбора, разрывает порядок культуры и порождает дискретность в историческом процессе, представляющем собой матрицу рециклирования — бег по замкнутому кругу от Закона к Желанию и назад, от тирании к демократии и назад, от консерватизма к либерализму и назад, от модерна к постмодерну и назад. Субъект расширяет

матрицу и останавливает сам желающий процесс. Он творит событие, а событие творит субъекта. В качестве свидетеля и активиста события субъект представляет собой неназванный элемент во множестве — вытесненный Законом избыток события. Он присутствует, но не представляется (to be present, but not represented), он принадлежит неэкспрессивной диалектике события [2].

Именно таким событием является явление Христа, проложившего третий путь между иудейским Законом и греческим Желанием, — путь Благодати, заключенной в эгалитарном универсальном братстве общины. Бессмертным субъектом и свидетелем истины Христа является апостол Павел, следуя которому человек способен сохранить верность событию, выполнить категорическую максиму морали, осуществить прыжок в веру из пустоты и назвать событие, тем самым, сохранив его в истории. Этический субъект приходит к Богу из глубин своей самости, понимая веру как личностный экзистенциал, отличие, сингулярность, а традицию — как революцию, когда прошлое (прасобытие) рождается в будущем (событии истины).

История имеет склонность опустошать и формализовать событие, она дает ему ложное имя, включая избыток в символическую структуру власти, что способствует утрате событием его освободительного потенциала. Так стихийный порыв романтиков революции выхолащиваются в либеральный революционный процесс и на практике используются прагматиками. Задача каждого этического субъекта — проявить волю и готовность жертвовать собой и дать событию надлежащее имя: имя, такое же противоречивое и неоднозначное, как само событие, лежащее по ту сторону добра и зла в их обыденном понимании табу и греха. Субъект работает как философ, создавая универсальное концептуальное пространство для события, или как поэт, создавая универсальное пространство метафоры. Тем самым субъект не только расширяет ход истории, как Медея, разрушая предыдущий порядок, но и создает новую субъективность, как Антигона, создает новый порядок, осуществляет перепрошивку.

И здесь мы сталкиваемся с самым сложным и трагическим моментом: как определить критерий, который отличает перепрошивку от сшивки, создание нового символического порядка от возвращения к старому? Если субъект не назовет событие сам, его присвоят те или иные либеральные и консервативные силы, удалив его из дискурса. Если субъект назовет событие, используя старый категориальный аппарат, он сам уничтожит событие, превратив истину в катастрофу, а Христа — в Великого Инквизитора, то есть, вернется к тому же самому. И не является ли сама стратегия перехода от вещи к имени, от события к номинации, от Реального к Символическому, даже, если субъект переименует вещи, простым повторением непрерывно воспроизводящегося логосцентризма? Ужас этого логического капкана, установленного между жестом разрушения Медеи и жестом созидания Антигоны, взаимно переходящими в друг друга, — очевиден. Медея — обратная сторона Антигоны и наоборот.

Модерн — обратная сторона постмодерна и наоборот. Деконструкция является тенью оргии производства и наоборот. Усталость от Воображаемого и Символическое провоцирует Реальное, ужас от Реального обратно уводит в Воображаемое и Символическое. Когда Медея подрывает существующий ложный порядок, она из состояния истерии переходит в состояние истины бессмертия то есть, становится Антигоной. Когда Антигона ради истины бессмертия доходит до самоуничтожения, она — снова Медея. Постсобытийный субъект в таком параллаксе обречен на вечный модерн, в состав которого включен и постмодерн, метаксис метамодерна оборачивается перезагрузкой modernity.

Чтобы осуществился разрыв с модерном и переход к метамодерну как к новому качеству личности необходимо нечто большее. Необходимо событие, которое снимет порядок воспроизводства имён раз и навсегда, то есть приостановит желаемый процесс. Это должна быть духовная революция, но революция такая, которая не продлит все дальнейшие жертвы и номинации. Именно такое событие мы и называем, вслед за Жижеком, «агаре без милости» [9]. Речь идет о радикально понятом христианстве как революционным событием, связанным с жертвоприношением. Относительно жертвоприношения Христа сложились две трактовки: одна каноническая, восходящая к логике иудаизма, и вторая, еретическая, восходящая к эллинам. Каноническая трактовка (Бог приносит в жертву своего единственного Сына, чтобы искупить грехи человечества) не удовлетворяет. Зачем Бог это сделал? Человечество так погрязло в грехе, то есть, в дьяволе, что Бог должен был жертвой Христа расплачиваться с самим Нечистым как с вражеским партнёром по мировой сделке? Неужели мы имеем дело с устранением избытка в борьбе гегемонии с контргегемонией? А, если Бог — жестокий Моисеев Отец, Великий Инквизитор, то, выходит, Ему по логике иудеохристианского постмарксизма (Э. Фромм и другие) для искупления понадобился самый лучший и чистый представитель человеческого рода (Сын как выразитель бедствий трудящихся)? Разве не мог Бог простить людей просто так, о чем и говорят Евангелия? Из данной неразрешимости проистекает Тертуллианов абсурд. Ещё более странным выглядит почти лакановское замечание Пьера Абеляра о том, что Бог сделал так (осуществил самую крупную жертву), чтобы понравиться человечеству, как любящий хочет понравиться любимому, осуществляя траты в его присутствии. Бог не ищет *petit a*, не несет нехватки и не проходит стадию зеркала.

Еретическая трактовка жертвоприношения тоже не удовлетворяет. Она говорит нам о том, что Бог и Сын, хотя и есть одно, но Бог создал столь отвратный мир, что признал свою ошибку и вынужден был самоудалиться, принеся себя в жертву нависшей над ним судьбе, как некий греческий герой. Крайней точкой этой ипохондрии является квазиманехейское сектантское средневековое учение о том, что мир создал сам Сатана, потому мир должен быть уничтожен (вслед за Богом). Трактовка Нового Времени о судимом судье говорит

нам о том, что Бог изначально в образе Отца судил мир, а потом в образе Сына расплатился за него. Мы снова не выходим из замкнутой цепочки греха и платы, преступления и искупления. Цепочки, которая уходит корнями в языческий мир, в античность, в мир еврейства и в мир буддийской кармы.

Нам представляется наиболее адекватной этическая трактовка вопроса, которую предлагает французский психоанализ и русский персонализм. Ответ кроется в возможности радикального разрыва с кармой бытия путем совершения личного поступка в оптике логики абсурда, полной акаузальности. Поступок Христа — чистая любовь, но не потому, что это — самая большая плата, а потому что это — снятие и обнуление понятий греха и платы, преступления и жертвоприношения. Данные понятия принадлежат миру глобального языческого космоса, который и подрывает христианская агапе. Радикализм агапе есть высший поступок самоуничтожения и уничтожения агальмы как высшего символического порядка ради тотальной расчистки пространства для новой субъективности и бессмертия — «выстрел в себя» [9], механизмы которого нам и демонстрирует этика Реального как этика альтруистического суицидального поступка.

В христианском понимании любви нам следует избегать вульгарного позитивистского ее прочтения. Существуют две скандальных фразы Христа, которые приписывают подставить щеку вместо ответного удара и возненавидеть близких в случае ухода в общину (Мт. 14:26). Первая ассоциируется у материалистов с тупым мазохизмом и страхом перед насилием, вторая — с ненавистью как диалектической противоположностью любви. Взгляд психоаналитика — это взгляд в самую сердцевину христианства, у истоков которого стоят не столько иудейские, сколько античные фигуры. Речь идёт, опять-таки, об Антигоне и Мееде. Эта близость очевидна, просто греки не имели ещё концептуального аппарата для выражения агапе.

Итак, есть условные два мира. Мир язычества и мир христианства. Мир язычества Жижек условно ассоциирует с церковью — жёстким порядком социальных иерархий, основанным на компромиссах и воздаяниях [9]. Мир язычества — глобален, то есть, распространяет корпоративные партикулярные правила на космос, где всякий играет свою роль, имеет свое место по чину, что мы видим, например, в конфуцианском Китае. В мире христианства на смену космосу приходит Вселенная — универсум бесконечности, к которому имеет доступ каждый. В этом смысле мир христианства напоминает чистую утопию радикального коммунизма или братство наподобие армии. По большому счету, в армии во время боевой опасности не имеет значения чин и звание: все равны перед лицом Чужого. Армия в ее чистом виде — это эгалитарная универсальная институция христианского радикального типа.

Христианство ниспровергает языческий порядок социальных приличий, полей, статусов и субординации. Христос обращается к отбросам общества не для того, чтобы перевернуть иерархию «верх — низ» в пользу протекции

низов, а для того, чтобы деконструировать саму оппозицию. Нет низов, нет верхов, нет статусов, нет полов. Любые утверждения Павел переворачивает словом «впрочем», утверждая их условность: впрочем, ни муж без жены, ни жена без мужа, ни эллин без иудея, ни иудей без эллины, но нет ни этого, ни того, оба в Боге (снятие многообразия и отличий посредством введения универсального субъекта истины события). Так поступает, кроме христианства, ещё эротическая страсть: Ромео и Джульетта демонстративно отрекаются от своих фамилий, возведя в агапе эрос. Христианство — индивидуализм, выходящий в универсализм через голову условно глобального, округло космического и корпоративно частного мира Инквизитора.

Теперь важно понять, каков же основной закон языческого мира, в одинаковой степени свойственный и миру иудаизма, и миру эллинизма, и современному миру? Речь идёт о трех замкнутых циклах, образующих один: беге по замкнутому кругу от Господина к Рабу и обратно, беге от жертвоприношения к искуплению и обратно, беге от Закона к Желанию и обратно. Господин (Великий Инквизитор) несет нехватку и нуждается в своем Рабе, требуя от него бесконечных жертв. Раб нуждается в Господине и приносит эти жертвы. Господин устанавливает Закон — табу на грех, провоцируя, тем самым, трансгрессию греха, потому что само табу указывает на грех и провоцирует жертвы, создающие очистительное пространство для нового преступления. Новое преступление требует новых табу и нового жертвоприношения Господину и т.д. Данный порядок рассматривается как незыблемый и годный для обывательской массы: именно об этом Великий Инквизитор с гордостью сообщает Христу в притче Достоевского. Христианство же, подобно Медее, уничтожает всю схему связи Господина-Раба-Господина, жертвы-искупления-жертвы и закона-греха-закона, потому что вместо бега по замкнутому кругу предлагает агапе как непомерное, невыразимо и невыносимое желание абсолютной любви, исходящее от самой природы человека, одержимость этой любовью, подобную упрямству Антигоны.

Если христианство ненавидит возлюбленного, оно ненавидит в нем принадлежность возлюбленного к языческому миру общественных иерархий. Понимая любимого как уникального человека, христианство ненавидит в нем его социальные амбиции и заблуждения, его статусные роли. Это — чистая любовь в реальном бытии вне всякого Символического, событие истины, слияние в травме, подобное мистерии, комедии и/или трагедии. Остаётся ради справедливости добавить, что, если радикализировать момент уничтожения старого мира в христианстве до Абсолюта, например у катаров, в троцкизме, ленинизме или в ряде других радикальных сект, мы получим ужасающее насилие агапе, во сто крат превышающие дряхлое эротическое насилие языческого космоса. Обратной стороной Антигоны является катастрофа. Обратной стороной Медеи является бессмертие. Об этом всегда необходимо помнить, когда агапе революционно подрывает любовь к близким как проявление мещанской

ограниченности социума. Христианство задаёт непомерные цели чистого Реального, чистого бытия, этого «астрономически объективного ада птиц», где отсутствует кислород (Бродский) [4], этой попытки любить человека таким, «каким его создал Бог, но не осуществили родители» (Цветаева) [23].

Поэзия как номинация истины-события есть симптом «осевого времени», то есть, результат индивидуации как протеста философии против мифа, продукт становления этического субъекта. Недаром в Древнем Египте профессиональная любовная лирика возникла во времена Эхнатона в рамках амарнского стиля, созвучного европейскому Ренессансу. Лирика есть победа индивидуальности над мифом, личности над коллективом, метафоры над эпосом, драмы над комедией. Как истина-событие любое подлинное стихотворение содержит в себе элементы эпоса, лирики и драмы, то есть, сосуществование моментов в прошлом, их борьбу в будущем и текущее состояние сингулярного момента, направленного в вечность. Поэзия есть также театральное единство трагедии, комедии и драмы, поскольку она обнуляет все каузальные связи, виды и роды вещей в их исторической и структурной последовательности, сочетая прошлое как эпос, где трагическое и комическое сосуществуют, настоящее как лирику, где эти два начала встречаются и взаимно обнуляются в субъекте события, и будущее как драму, где одно из начал побеждает. Потому поэт всегда будет внутренним христианином, радикализм агапе как жестокой любви — его архетипический ген. Прозаик же как человек эпоса — всегда ближе к язычеству, к его плоской онтологии, потому что эпос предполагает панорамный охват поверхности вещей, а не взмывание ястреба в неумолимую высь над долиной Коннектикута. Собственно, это и есть *Animus* как маскулинное военное начало агапе, присутствующее в подлинной поэзии и расцениваемое как поступок, лишаящий фигуру власти ее основной ценности путем удаления самой ценности, подобного выстрелу в заложника не со стороны террориста, а со стороны освободителя.

В фильме «Скорость» герой Киану Ривза, когда террорист удерживает в заложниках его партнёра, совершает, на первый взгляд, бессердечный поступок: он стреляет не в террориста, а в ногу своего партнёра, и от растерянности террорист выпускает заложника. В фильме «Выкуп» герой Мела Гибсона, явившись на телевидение, чтобы ответить на требование похитителей его сына заплатить два миллиона долларов, предлагает два миллиона каждому, кто предоставит сведения об этих похитителях, поклявшись в случае смерти сына преследовать их до конца жизни. В фильме «Подозрительные лица» один из героев, застав жену и дочь под прицелом бандитов, идёт на самый радикальный жест: он убивает жену и дочь, чтобы потом начать безжалостное преследование преступников.

Авраам приносит в жертву Исаака — своего сына, который ему дороже собственной жизни. Ангел, отводящий руку, в реальных условиях невозможен. Пушкин, фактически давая себя убить, вызывает на дуэль Дантеса, чтобы

уничтожить не своего противника, которого можно рассматривать как террориста, который держит в руках любовь Пушкина к Наталье Гончаровой, а всю порочную символическую структуру личных связей, образованную вокруг его имени. Если возлюбленный/возлюбленная как обладатель сверхценности счастья любящего требует от последнего всё больше жертв, поступая подобно кумиру или террористу, надо отказаться от любви, чтобы сохранить саму любовь. Надо выбить из-под ног кумира почву, удалить сам корень зависимости, чтобы больше нечем было шантажировать. Следовательно, чтобы спасти любовь, её земное присутствие в формате рабства и шантажа надо деконструировать, отказавшись от присутствия возлюбленного в своей жизни. Следовательно, надо выстрелить в себя, разрушить всю агальму, весь порочный порядок кумира-жертвы-кумира.

Зигмунд Фрейд, видя исходящую от Гитлера антисемитскую угрозу, поступает, как поэт: в 1939 году пишет книгу «Человек Моисей и монотеистическая религия», доказывая, что Моисей вовсе не был евреем. Он не присоединяется к тем евреям, которые пытаются, оказавшись в западне, торговаться и спасти свои символы и наследие, но целится в высшую фигуру Закона, выбивая, тем самым, почву из-под ног нацистов. В 1979 году Жак Лакан распускает свою высшую ценность — «Фрейдовскую школу Парижа», понимая, что его идеи неверно истолкованы, о чем он и пишет в своём прощальном письме, утверждая, что лучше полная зачистка институции, чем ее формализация и вульгаризация.

На мужской жест разрыва всех уз с целью расчистки территории для нового начала субъективности способны и женщины. Более того, «выстрел в себя» является именно женским настоящим поступком. Не все женщины цепляются до конца за материю, в которой укоренены. Марина Цветаева в ответ на безобразное поведение своего любимого пишет:

Нет, наши девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пушусь рыbachить
Без невода и без сетей! [23]

В отличие от либеральных феминисток, которые полагают, что для того, чтобы стать субъектом, женщина должна уничтожить свою женственность, делающую её объектом желания мужчины, современный психоанализ предлагает гораздо более радикальный вариант: критерием настоящей женщины, *une vraie femme*, является уничтожение ею самого ценного в жизни предавшего ее мужчины: того, что больше, чем он сам, что значит для него всё, того, к чему он привязан больше, чем к собственной жизни [9]. Медея убивает самое ценное для мужа — детей Ясона. Чудовищность этого поступка в оптике гуманизма должна быть полностью перевёрнута, что и осуществил Ларс

Фон Триер в своем одноименном фильме, где старший ребенок сам просит мать убить его, поступая подобно Христу, то есть, принося себя в тотальную, обнуляющую весь порядок жертвоприношения жертву. В романе Тони Моррисон «Возлюбленная» беглая рабыня Сэти перерезает горло своей дочери, чтобы последняя не вернулась в рабство и не погибла, расценивая этот поступок как единственно возможный любящий родительский жест. В том же ключе старший командный состав принимает так называемые «непростые решения». Когда старший лейтенант Джугашвили в июле 1941-го попал в плен, немцы предложили обменять его на фельдмаршала Паулюса. Сталин произнес облетевшие весь мир слова: «Солдата на фельдмаршала не меняю!», — чем фактически приговорил сына к смерти, но выбил из-под ног нацистов почву и отняв у них повод для угроз.

Рождение нового мира требует не жертвы собой ради высшей ценности, но уничтожение самой этой ценности. В каком же случае чудовищный поступок выстрела в себя является единственно возможным решением? Уничтожить главную ценность, или Причину-Вещь, приходится только в одном случае: когда последняя захвачена врагами и превращена в предмет торга. Необходимо приостановить действие порочного порядка кумира и жертвы. Чем больше мы жертвуем, тем большего требует кумир. Чем большего он требует, тем больше мы жертвуем. Наконец, чем больше мы жертвуем, тем больше мы грешим, а, чем больше грешим, тем больше снова жертвуем, бегая по кругу от морали к греху и обратно, от кумира к жертве и обратно. Герои упомянутых фильмов понимали психику террориста как фигуры кумира, требующего постоянный выкуп за перспективу сомнительного удовольствия сверхценностью.

Таким образом, — и это самое ошеломительное — в христианстве Бог приносит себя в жертву, чтобы вывести человечества из замкнутого круга языческого и еврейского мира, из принудительной спайки табу и преступления. Христос призывает ненавидеть своих родственников и близких, чтобы спасти саму любовь (Лк. 14:26). И это — не призыв к фанатизму. Это — призыв к ломке порочного воспроизведения матрицы Закона и жертвы Закону. Распятый — это Медея, женское инобытие Бога, аналог русской православной Софии, которая традиционно в отечественной богословской и научной мысли (С. Булгаков, С. Аверинцев) ассоциируется с Христом.

«Выстрел в заложника» — единственно возможный этический поступок индивидуальности Христа как Бессмертного субъекта и носителя истинного события агапе без милости. После выстрела в себя рождается новый мир, новая субъективность, Новый Завет. Посреднику между мирами — Христу — нужно было снять самую главную оппозицию древнего мира, лежащую в основе всех остальных дилемм и замкнутых кругов между ними: богов и людей. Бог — там (Иудея), боги — здесь (античность), но между ними, независимо от трансцендентного или имманентного характера сакрального, пролегла непроницаемая фигура жертвы. Даже, когда боги живут на земле, они всё

равно требуют воздаяния и искупления. А тут Бог сам оказывается жертвой и в качестве посредника, соединив миры, удаляется. Наступает Святой Дух, Община, универсальное братство равных, где больше нет жертв, воображаемых идентичностей и статусов, где каждому из элементов языческой оппозиции противопоставлена его противоположность, ведущая к снятию и деконструкции жеста противопоставления как такого: так, иудейской идее исторического времени и трансцендентного Бога «по ту сторону» противопоставлена идея имманентного пространства очеловечивания Бога «по эту сторону», а эллинским пространству и имманентности богов Олимпа — трансцендентная цель обожения человека в исторической перспективе.

Бог в образе человека — это одновременно смерть еврейского Бога по ту сторону (подобно реди-мейду или памятнику Родена без пьедестала Бог оказывается среди нас, простым смертным) и смерть античных богов по эту сторону (тот, кто здесь и сейчас, ещё и вечен, не будучи частью судьбы или природы). Эта двойная смерть Бога нивелирует всякую ипохондрию. Несмотря на отдельные, особенно западные, церковные мотивы тоски, христианство обладает страстной радостью по отношению к желанному миру, не предлагая ни взорвать его, ни сжечь, как Нерон сжёг Рим, ни отказаться от желаний в пустоте нирваны, ни оплачивать бесконечно по контракту. Деконструкция в христианстве — это нивеляция любых оппозиций: говоря современным языком, нет времени без пространства и нет пространства без времени, но оба — в Боге. Нет левых без правых и нет правых без левых, но оба лагеря, чтобы не быть уничтоженными глобализмом, должны сойтись в антиглобальном порыве пред лицом Великого Инквизитора транснационального капитала.

Перед нами — принципиально недиалектическая трактовка Христа, его метафизическая, обнуляющая интерпретация. Если Христос — это уникальная личность, совершающая события любви как обнуления кармы мира, получается, что одним поступком, одним этическим деянием человека, можно разорвать цепи судьбы. В качестве личности Он как Большой Другой являет нам образ Бога, несущего нехватку (момент кенозиса эту нехватку отлично демонстрирует: Бог оказывается смертным, Абсолют хрупок, истина уязвима). Но именно в этой нехватке, в травме, в изнанке Другого и кроется не его слабость, как это утверждает теология «бедной веры», а его сила в качестве носителя радикального агапе — намеренного кенотического умаления и самоуничтожения в социальном мире, которое можно рассматривать как «выстрел в себя», с целью подтверждения своего всемогущества и бессмертия в мире духовном.

Агапе без милости объясняет, почему в легенде Достоевского Инквизитор считает Христа злым, а себя добрым. Потому что Инквизитор не задаёт таких непомерных целей абсолютного Реального, такого упрямого сверхбытия. Иисус у Достоевского стоит на позиции радикального разрыва со всем сущим, в его реальной телесности, воображаемом зрелище и символическом

порядке власти: на позиции полного отказа от материального (не хлебом единым), полного отказа от испытания веры чудесами (нежелание прыгнуть, чтобы не искушать Отца) и полного отказа от царства (вера как экзистенциал не от мира сего). В этом тройном отказе — от быта, личного сознания и социальной идеологии — и состоит радикальный жест категорического морального императива как конструктивного отчуждения, на которое не способны обычные люди, руководимые Инквизитором. Обычным людям нужен хлеб (природа), общество (власть) и разумность (законы и желания).

Радикализм полного выхода за пределы доступен избранным, но не массам, что ставит под сомнение универсализм агапе как жеста доступности бесконечности для каждого. Поэтому Инквизитор как несомненный невротик (прагматик и циник) эдипального современного типа всю жизнь ждал, когда сможет сказать Ему как иронику и романтику открытого, трансгрессивного, типа, как Его ненавидит, осуществив подмену, правя от Его имени и скрывая преступление под возвышенными лозунгами. Речь идет, на первый взгляд, о невинном желании пациента исповедаться психоаналитику, скрыв за объективным знанием субъективную истину желания, облачив тайную правду желания в символически гладкую, сшитую речь о правде факта (Инквизитор, действительно правит хорошо и якобы уверен в этом).

Но дело обстоит гораздо сложнее. Почему Христос в притче молчит в ответ, не пытаясь деконструировать слова Инквизитора? Потому что фиксация любых сбивок (симптомов) в речи пациента только усиливала бы его ненависть к психоаналитику как к разоблачителю, ибо на самом деле Инквизитор всё знает, но всё равно поступает так. Дело не только и не столько в том, что Инквизитор искренно верит, что спасает всех, а не избранных, скрывая свое подлинное желание власти. Всё происходит ровно наоборот. Инквизитор открыто артикулирует свое желание господства в качестве некоего антихристианского категорического императива, оправдывая его страданием и используя ложь как способ трансляции желаемого процесса (фантазма). Именно поэтому Христос у Достоевского молчит: когда мы имеем дело не с симптомом как с правдивой ложью, но с фантазмом как с лживой правдой, деконструкция теряет свою разоблачительную силу. Митя избирает чисто этический путь опровержения Ивана, который следует сегодня дополнить логикой психоанализа.

С точки зрения психоаналитических инверсий, здесь присутствует подмена. В избранности Распятого, в его молчании, как раз и заключен универсализм избытка, который остается неназванным элементом во множестве, не номинированным событием истины. Его слова предназначены для всех. В мнимой же универсальности Инквизитора заключён корпоративный эгоизм фигуры власти, которая перфорирует себя в качестве постправды и пытается дать событию имя и, тем самым, уничтожить событие, лишить его освободительной силы, вызвав его носителя на провокативный разговор.

Великий Инквизитор несет не добро и не мудрость, но осознанную подмену добра на фарисейство гипотетического императива и мудрости на прагматизм. Потому Инквизитор верно поступает в своей оптике, сжигая Распятых, ибо в данной оптике любая альтернатива — невозможна, как невозможна она в мире глобального капитализма, подчинившего себе и правый фундаментализм, и левый марксизм. Но именно Распятый становится его травматическим необузданным событием как единственным из всех возможных событий, субъект которого отказался от номинаций со стороны гегемонии и предпочел радикальное агепе как «выстрел в себя» и способ удаления из символического порядка как такового.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью, А. Апостол Павел. Обоснование универсализма / А. Бадью. — Москва; Санкт-Петербург: Московский философский фонд: Университетская книга, 1999. — 95 с. — Текст: непосредственный.
2. Бадью, А. Загадочное отношение философии и политики / А. Бадью. — Ярославль: Институт Общегуманитарных исследований, 2016. — 112 с. — Текст: непосредственный.
3. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин. — Текст: непосредственный // Бахтин, М. М. Работы 20-х годов / М. М. Бахтин. — Киев: Next, 1994. — С. 1–72.
4. Бродский, И. Осенний крик ястреба / И. Бродский. — Текст: электронный. — URL: <https://www.culture.ru/poems/30481/osennii-krik-yastreba> (дата обращения: 26.11.2025).
5. Волчков, А. С. Постструктурализм и перспективы христианской метафизики / А. С. Волчков. — Текст: непосредственный // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2018. — Т. 19, вып. 2. — С. 181–189.
6. Делез, Ж. Ницше и философия / Ж. Делез. — Москва: Ад Маргинем, 2024. — 312 с. — Текст: непосредственный.
7. Достоевский, Ф. М. Великий Инквизитор / Ф. М. Достоевский. — Текст: электронный // Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. — URL: <https://ilibrary.ru/extract/49/index.html> (дата обращения: 26.11.2025).
8. Дугин, А. Альтернативный постмодерн: явление без имени / А. Дугин. — Текст: электронный. — URL: <https://dzen.ru/a/ZQws6pg7VHkZIH3q> (дата обращения: 03.10.2025).
9. Жижек, С. Хрупкий Абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие / С. Жижек. — Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2020. — 236 с. — Текст: непосредственный.
10. Заньковский, А. Время твердых медуз: метамодерн, который мы заслужили / А. Заньковский. — Текст: электронный. — URL: <https://metamodernizm.ru/metamodern-which-we-deserve/> (дата обращения: 12.07.2025).
11. Зупанчич, А. О любви как о комедии / А. Зупанчич; пер. с англ. А. Смирнова. — Текст: непосредственный // Долар, М. О любви как о комедии / М. Долар, М. Божович, А. Зупанчич. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2020. — С. 67–87.
12. Зупанчич, А. Этика Реального: Кант, Лакан / А. Зупанчич; под ред. В. А. Мазина, Олелуш. — Санкт-Петербург: Скифия-Принт, 2019. — 334 с. — Текст: непосредственный.

венный.

13. Ильин, И. Избранное / И. Ильин. — Москва: РОССПЭН, 2010. — 726 с. — Текст: непосредственный.
14. Кравинская, Ю. Ю. Деконструкция метарассказа в постколониальном тексте. Преломление христианского кода в романе Кери Хьюм «The Bone People» / Ю. Ю. Кравинская, Н. А. Хлыбова. — Текст: непосредственный // Litera. — 2020. — № 4. — С. 11–19.
15. Лакан, Ж. Семинары. Книга 7. Этика психоанализа / Ж. Лакан. — Москва: Гнозис: Логос, 2006. — 416 с. — Текст: непосредственный.
16. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. — Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. — 159 с. — Текст: непосредственный.
17. Марион, Ж.-Л. От «смерти Бога» к божественным именам: теологический путь метафизики / Ж.-Л. Марион. — Текст: электронный. — URL: <https://esse-journal.ru/zhan-lyuk-marion-ot-smerti-boga-k-bozhestvennyim-imenam-teologicheskij-put-metafiziki/> (дата обращения: 26.11.2025).
18. Милбанк, Дж. «Христианство возродится только в том случае, если будет стараться всё заново переосмыслить по-христиански...» / Дж. Милбанк. — Текст: электронный. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianstvo-vozrodit-sya-tolko-v-tom-sluchae-esli-budet-staratsya-vse-zanovo-pereosmyslit-po-hristianski/viewer> (дата обращения: 26.11.2025).
19. Смит, Дж. Церковь и постмодернизм. Как найти место в церкви Лиотару, Фуко и Деррида? / Дж. Смит. — Черкассы: Коллоквиум, 2012. — 214 с. — Текст: непосредственный.
20. Тиллих, П. Избранное: Теология культуры / П. Тиллих; пер. с англ. Т. П. Лифинцевой. — Москва: Юрист, 1995. — 479 с. — Текст: непосредственный.
21. Фромм, Э. Догмат о Христе / Э. Фромм; пер. Е. Руднева, Е. Федина, Е. Балагушкин. — Москва: Олимп: О ОО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. — 416 с. — Текст: непосредственный.
22. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас; пер. с нем. М. М. Беяева. — Москва: Весь Мир, 2003. — 416 с. — Текст: непосредственный.
23. Цветаева, М. И что тому костер остылый... / М. Цветаева. — Текст: электронный. — URL: <https://www.culture.ru/poems/35658/i-cto-tomu-koster-ostylyi> (дата обращения: 26.11.2025).
24. Шкловский, В. Тетива: О несходстве сходного / В. Шкловский. — Москва: Советский писатель, 1970. — 376 с. — Текст: непосредственный.
25. Caputo, J.D. Cross and Cosmos: A Theology of Difficult Glory / J.D. Caputo. — Bloomington: Indiana University Press, 2019. — 306 p. — Текст: непосредственный.
26. Caputo, J.D. The Prayers and Tears of Jacques Derrida: Religion without Religion / J.D. Caputo. — Bloomington: Indiana University Press, [б.г.]. — 416 p. — Текст: непосредственный.
27. Deconstruction and Theology / ed. by Th. Altizer. — New York: Crossroad, 1982. — 178 p. — Текст: непосредственный.
28. Härtel, F.H. Richard Kearney's Concept of the Possible God in the Perspective of Antinomic Reinterpretation / F.H. Härtel. — Текст: непосредственный // International Journal of Philosophy and Theology. — 2020. — Vol. 8, no. 2. — P. 1–13.
29. Vermeulen, T. Notes on metamodernism / T. Vermeulen, R. van den Akker; пер. и ред. А. Есипенко. — Текст: электронный // Metamodernizm.ru. — 2010–2016. — URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 06.07.2025).

Смирнова Евгения Викторовна,

кандидат исторических наук,

аспирантка кафедры философии, религиоведения и педагогики

РХГА имени Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург,

eugenie.sm1511@gmail.com

«СВОБОДА» КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СУБЪЕКТА ИДЕОЛОГИИ В ТРУДАХ С. ЖИЖЕКА

Проблема субъекта является одной из центральных в трудах словенского философа Славоя Жижека. Стремясь дать свою интерпретацию картезианского субъекта как субъекта “чистой негативности”, С. Жижек одновременно отмечает, что его особенные качества конструируются исключительно как фантазм идеологического порядка. В рамках своего проекта критики идеологии, в частности на примере критики капиталистической глобализации, философ пытается проиллюстрировать, какими символическими идентификациями идеология наделяет свой субъект и какова его роль в поддержании современной либеральной демократии. Для понимания данной проблемы С. Жижек показывает значение демократической риторики, а именно понятия прав и свобод, как средства инкорпорирования субъекта в идеологический порядок.

Ключевые слова: Жижек, идеология, критика идеологии, теория субъекта, неолитерализм, неомарксизм.

Yevgenia V. Smirnova

“LIBERTY” AS A TOOL OF CONSTRUCTION OF THE IDEOLOGICAL SUBJECT IN ZIZEK’S WRITINGS

The article is on Zizek’s theory of the subject. Considering the Cartesian subject as a “pure negativity” Slavoj Zizek emphasizes that the subject itself and its specific traits are constructed as an ideological fantasy. According to Zizek’s criticism of ideology, particularly capitalist globalization, this can be exemplified that the ideology creates the subject and gives him symbolic identification, using all the democratic values about human rights and liberties as only a means for ideological goals.

Keywords: Zizek, ideology, criticism of ideology, theory of the subject, neoliberalism, neo-Marxism.

Анализируя политическую ситуацию в мире в 2011–2012 гг. и пытаясь обозначить суть проблемы, вокруг которой разворачивались события гражданских протестов тех лет, словенский философ С. Жижек приводит замечательную по своей противоречивости цитату бывшего министра внутренних дел Турции Идриса Наима Шахина: «“Свобода... О какой свободе вы говорите?... Единственное, на что у вас нет свободы — это говорить о существующих свободах, реальность которых вы отрицаете... У вас нет свободы говорить о существовании свободы, в которой вы живете, потому что вы давно

уже заложили ваши головы, сердца, ваши мысли... Нанося удар по вам..., мы пытаемся сделать вас свободными...» [Цит. по: 2, с. 153–154]. Оставив в стороне формально-логический аспект высказывания турецкого политика, С. Жижек предлагает обратить внимание на то, что может казаться риторической путаницей этой фразы, но вовсе таковой не является.

Во-первых, слова министра содержат очевидное удвоение самого понятия свобода, причем первый смысл относится ко второму как свобода сама по себе к несвободе, к рабству, выдающему себя за свободу. Во-вторых, эта фраза обозначает наличие двух враждующих политических сторон, первая из которых якобы является источником той самой подлинной свободы самой по себе (и остается этим источником даже в контексте «нанесения удара», то есть насилия, которым она «причиняет» свободу), а вторая — предстает как враг-манипулятор, использующий освободительную риторику в своих злокозненных целях порабощения и утверждения своей власти.

Еще более интересно то, как во фразе министра существует адресат его речи. Слова И. Н. Шахина будто бы обращены к некоей безликой группе, носительнице «неправильных» представлений о свободе, которая должна быть освобождена «правильным» образом. И именно это качество — качество принадлежности к лагерю «правильной» или «неправильной» свободы — выступает тут единственным артикулируемым качеством политического субъекта. У него как будто бы нет иных свойств, он только субъект идеологии.

Данный пример служит хорошей иллюстрацией сразу нескольких ключевых проблем философии С. Жижека — это и проблема понятия и механизмов работы идеологии, и проблема неолиберального мирового порядка, как ее называет сам философ, и, конечно, проблема субъективности. Последняя зачастую уходит на второй план, затмеваемая более популярными и медийно востребованными политическими сюжетами, хотя и связанная с ними в работах С. Жижека самым прямым образом.

Теория субъекта С. Жижека произрастает из основных предпосылок его философии как проекта критики идеологии. Прежде всего на проблему субъекта переносится концепция разрыва, почерпнутая философом из психоанализа Ж. Лакана, в которой субъект предстает как изначально расколотый. Таков же по мысли С. Жижека, и субъект Декарта, неверно истолкованный философской традицией, которая идентифицировала его с мышлением, в то время как в действительности, по мысли С. Жижека, картезианское *cogito* «далеко от умиротворяющего представления о прозрачном “я”» и фиксирует скорее момент «провала» мышления, переживаемый в радикальном сомнении, некое «мгновение полного безумия». Ядро субъекта, по С. Жижеку, есть гегелевская «мировая ночь». В своем основном труде по философии субъективности («Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии») С. Жижек явно обращается к совершенно конкретному отрывку о субъективном духе из Йенских лекций Г. В. Ф. Гегеля: «Человек есть эта ночь, это

пустое ничто, которое содержит все в своей простоте, богатство бесконечно многих представлений...» [1, с. 289]. Развивая логику приведенной цитаты, С. Жижек называет эту самость субъекта «бесконечным недостатком бытия». Приобретение же ею особых черт становится возможным посредством силы «раздвоения» (как это обозначено у Гегеля), то есть расщепленности субъекта, благодаря чему из этой ночи, из неразличенного, для него самого могут возникать «фантазмагорические представления», говоря словами Гегеля. Или — возвращаясь к С. Жижеку, — «чистая негативность», субъект, только и может проявиться в своей особенности как фантазм. Фантазм идеологии, которая организует его бытие, конституирует определенность субъекта, его идентичность посредством этих «фантазмагорических представлений» и поддерживается им как его собственный символический порядок [5, с. 232].

Важно отметить, что в процессе такого взаимного конституирования субъекта и идеологии каждое понятие, выдвигаемое в качестве всеобщего, всегда несет конкретное особенное содержание. То есть «всеобщее» идеологии — это такое «всеобщее», которое суть искажение самого понятия всеобщности, фантазия об универсальности, а не универсальность как таковая. Содержание этой фантазии все еще остается не исчерпывающим, а субъект — расщепленным, его реальное — все еще «мировая ночь», из которой, по описанной Г. В. Ф. Гегелем схеме, «появляется вдруг» то одна символическая идентификация, то другая. И ни одна из них не оказывается достаточной, не приносит субъекту завершенности, выражая лишь его мечту о целостности, о якобы недостающей части, которая заполнит разрыв. Распознавание этого несоответствия формы и содержания всеобщих понятий уже и является, по С. Жижеку, критикой идеологии.

Сам философ на примере анализа системы капиталистической глобализации, которую он рассматривает как господствующий в настоящее время мировой порядок, вскрывает множество подобных противоречий между всеобщей формой и «привилегированным особым содержанием», поданным в качестве универсального. Так, современный либерал, разделяющий, по мысли С. Жижека, ценности терпимости и мультикультурализма, неизбежно оказывается в затруднительном положении. Ему приходится либо терпимо относиться к фактам грубого нарушения прав человека (в противном случае, он рискует оказаться агрессором, навязывающим свои ценности [5, с. 313]), либо занимать якобинскую позицию «нет свободы для врагов свободы» [2, с. 82], основанную на исключении или, иными словами, на властной привилегии исключать (что также идет вразрез с провозглашаемыми принципами либеральной демократии).

Далее, С. Жижек неоднократно указывает на сущностную противоречивость неолиберального нарратива о свободе, в котором понятие свободы в действительности служит инструментом узаконивания претензий на власть, подобием истинной ценности, без отсылки к которой сама идеология была бы

нежизнеспособна, поскольку именно эта отсылка и позволяет инкорпорировать субъекта в предлагаемый идеологией символический порядок [4, с. 64]. Разумеется, речь не идет о свободе как свободе выхода за пределы установленных идеологией координат, однако момент видимости свободы, видимости выбора для современной капиталистической глобализации принципиально важен: «Мы поступаем так, как если бы были свободны и самостоятельно принимали решения» [3, с. 211].

Сам принцип господства в этой системе реализуется через своеобразную игру в его отрицание: субъект должен не просто подчиняться, но делать это так, как будто бы никакого подчинения не существует. В противном случае он может оказаться частью той самой группы, которая должна быть исключена или, перефразируя слова турецкого министра, по-настоящему «освобождена» посредством «нанесения ударов». На современном этапе, по словам С. Жижека, «демократический процесс состоит из создания все более новых свобод и прав равенства..., и идеологическая борьба ведется именно для того, чтобы приписывать все новые значения этому понятию» [4, с. 172].

Такую видимость свободы, служащую опорой авторитарного перерождения неолиберализма С. Жижек, именует пустым жестом. Это некий символический реверанс в сторону искомой расколотым субъектом ценности для ее реального исключения из практики. Аналогом такого пустого жеста может быть предложение, от которого в рамках господствующего социального порядка следует отказаться, сделав «правильный» свободный выбор. Философ остроумно обозначает это метафорой «обескофеиненного наслаждения»: «Шоколад — да, но обезжиренный, кока-кола — да, но диетическая, кофе — да, но без кофеина» [3, с. 188–189]. С. Жижек задается вопросом: не есть ли провозглашаемое капиталистической модернизацией освобождение индивидов от пут Традиции и Природы не что иное, как создание новой тотальности — «формы анонимной Судьбы в виде рыночных отношений» [5, с. 465]. Не является ли порядок, в котором индивид принужден действовать, «как если бы» он являлся свободным субъектом, прежде всего и именно системой принуждения, а вовсе не системой свободы?

Обнаруживая эту подмену, именно с ней С. Жижек связывает тенденцию тяготения либерально-демократических политических систем к авторитаризму. Если свобода функционирует как Закон, а субъект становится обязанным постоянно принимать решения, «как если бы» он был самостоятельным агентом рынка, социальная действительность начинает напоминать азартную игру с неизвестными вводными данными и огромными индивидуальными рисками. «Единственное, что мне остается, — пишет С. Жижек, — это пустой жест имитации свободного совершения того, что в любом случае навязано мне» [5, с. 462]. Естественным выражением стремления снизить риски и приобрести хотя бы относительную опору в рукотворной неопределенности, оказывается растущее стремление субъекта к подчинению, к конформности,

потребность в Господине, который укажет субъекту, чего же тот на самом деле хочет, какой «свободный выбор» будет правильным [4, с. 262].

Таким образом, теория субъекта С. Жижека получает развитие как часть его философии критики идеологии. Словенский философ указывает на конструктивную природу самого феномена субъекта, возникающего в процессе конституирования идеологического порядка и служащего его опорой. На основе критики системы капиталистической модернизации С. Жижек обнаруживает ряд символических идентификаций, которыми обладает современный субъект идеологии. В частности, одной из таких ключевых идентификаций, выступает либерально-демократический нарратив о свободе, практическое воплощение которого оказывается связано с ростом авторитарной динамики либеральных политических систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель, Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. — Москва: Мысль, 1970. — 668 с. — Текст: непосредственный.
2. Жижек, С. Год невозможного: Искусство мечтать опасно / С. Жижек. — Москва: Европа, 2012. — 272 с. — Текст: непосредственный.
3. Жижек, С. Накануне Господина: Сотрясая рамки / С. Жижек. — Москва: Европа, 2014. — 280 с. — Текст: непосредственный.
4. Жижек, С. Чума фантазий / С. Жижек. — Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2012. — 388 с. — Текст: непосредственный.
5. Жижек, С. Щекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек. — Москва: АСТ, 2024. — 544 с. — Текст: непосредственный.

Сурков Александр Георгиевич,
 магистр философии,
 независимый исследователь;
 asurkov@mail.ru

КОГНИТИВНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье исследуются особенности функционирования технологий, лежащих в основе построения и функционирования Больших Лингвистических (языковых) Моделей (БЛМ), производящие впечатление наличия у БЛМ собственного [искусственного] интеллекта (ИИ). Показывается, что фактическая способность БЛМ — способность поиска решения, уже кем-то найденного, и изученного БЛМ, которое можно применить к поставленной задаче. БЛМ не изобретает новое, а находит «наиболее подходящее известное» решение. Решение выглядит интеллектуально, но это — интеллект человека, решившего подобную задачу раньше, а не БЛМ. Исследуется другая специфичная черта функционирования БЛМ, которую, как показывается, она адекватно выполнить не способна, — эмпирическая верификация (проблема «приземления») результатов работы. Но ее способен сделать человек. В связи с чем многообещающе в рамках познавательной деятельности выглядит тандем человек — ИИ, где человек определяет так называемые «конечные точки» исследования («приземления»), а всю формальную вспомогательную работу делает ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, большая лингвистическая модель, корреспонденция, конечная точка.

Aleksandr G. Surkov

THE COGNITIVENESS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

In this article manifestations of the core Large Language Model (LLM) building technology specific issues functionality, looking like of its own [LLM artificial] intelligence (AI), are investigated. It is shown that LLM factual capability is the capability of the already someone made solution finding that LLM has learned and seems to be applied to the current case. A LLM doesn't investigate a new solution, but finds 'the most like' known one. This solution looks like having intelligence, but this intelligence is not LLM itself but the intelligence of the man that solved the problem before. It is investigated another specific LLM functionality feature that (as it will be shown) it cannot adequately provide — an empiric verification (the "grounding problem") of the results. But this job can be done by a man. This makes fruitful expectations for the 'cognitive tandem' human — AI, where a human defines investigation [grounding] endpoints, and AI do the rest formal tasks.

Keywords: artificial intellect, large language model, correspondence, endpoint.

Введение.

Идея (принцип) моделирования работы нейрона, представляющего основу современной нейросети, была анонсирована У. МакКалахом и У. Питтсом (в 1943 г. [6]) на два года раньше, чем Д. фон Нейман опубликовал архитектуру

универсальной вычислительной машины, ставшей прототипом современного компьютера (в 1945 г. [8]). Нейросеть в настоящее время используются как «аппаратная основа» Больших Лингвистических (языковых) Моделей (БЛМ) — искусственно созданных систем, способных к коммуникации с человеком на его естественном языке. В качестве примера БЛМ будем использовать GPT (Generative Pre-trained Transformer) версии 4, описанной в [5].

Фактически, используемая технология трансформера заключается в составлении ответного текста на основе текста запроса так, чтобы ответ соответствовал общему многообразию текстов (связанного с запросом), «загруженного в память» БЛМ на этапе ее предварительного обучения [1, с. 63–64], «предсказанию следующего слова» [5, с. 42] и т.п.. Этот механизм был анонсирован в А. Vaswani и др. [9] в 2017 г. В его основе лежит концепция «внимания», которая как бы сортирует смысловые фрагменты текста по их важности для формирования ответа.

Здесь сразу возникает вопрос, почему технология трансформации текста соотносится с интеллектуальной способностью. Трансформация текста нацелена на получение текста-результата, максимально соответствующего известному многообразию продолжений исходного текста, «загруженного» в машину при ее обучении. То есть, фактически, GPT технология не «изобретает», а «ищет».

Понятие интеллекта как такового пока еще нельзя назвать устоявшимся, но большинство исследователей сходится на том, что интеллектом является способность к решению задач, требующих применение рациональной методологии. Наше объяснение усмотрения интеллектуальности в работе нейросети основывается на том, что поставленная перед ИИ задача с очень большой вероятностью уже кем-то когда-то ставилась и была решена, а информация о задаче и ее решении была загружена в нейросеть при ее обучении. И эту информацию ИИ выдает в ответ на запрос. Со стороны этот процесс выглядит как «решение задачи», сделанное интеллектуально. Фактически же мы видим «отблеск» интеллекта человеческого, уже такую задачу решившего. Аналогично можно говорить о том, что «луна светит», а «попугай разговаривает». Схожей позиции придерживаются В. А. Цвык и др., утверждая, что «технология, лежащая в основе современных и широко применяемых систем ИИ, по сути является обычной информационно-коммуникационной технологией. Она основана на сборе и получении данных, их хранении, обработке и передаче» [4, с. 592].

О познании.

Познание основано на эмпирическом опыте. Как возможен опыт у БЛМ, у которой нет органов чувств, а только коммуникационные каналы? Опыт, таким образом, у нее получается только коммуникационный. Коммуникация дает опосредованную коммуникатором информацию, которая сама по себе уже безусловной истиной не является. Вспомним, что истина, в ее

корреспондентском понимании (Б. Рассел), основывается на отношениях корреспонденции и связующую их когерентность производных умозаключений.

Стратегия обучения машины повторяет известные методы рассуждения человека, потому, что они работают, и история развития когнитивных процессов — тому подтверждение. Но есть отличие: обучение ребенка может быть организовано учителем, так как есть предмет обучения — то, что есть у учителя, но нет у ребенка, и учитель в познавательном процессе «опережает» ученика, что позволяет ему его «вести».

С нейросетью, в силу ее большего количества элементов и производительности, будет «отставать» человек, поэтому классические методы обучения не подходят: учитель должен вести ученика, а не догонять его. Выходом из этой проблемы стала технология «самоорганизованного» самообучения SSL (self-supervising learning).

Для самообучения актуальной проблемой является его «приземление», которое представляет собой установление корреспонденции изученного с Бытием реального мира. Когда такое отношение установлено и устанавливается когеренция с имеющимся знанием, тогда возможна постановка вопроса о его истинности. ИИ, как мы отмечали выше, может только коммуницировать. Более того, создатели GPT БЛМ уже на первой странице технического отчета отмечают ее основные ограничения, присущие ее архитектуре и неустраиваемые на текущем этапе ее развития: GPT БЛМ «не полноценно надежная ([не] способна противостоять “галлюцинациям”», имеет ограниченное окно контекста и не обучается эмпирически» ([5], с. 1–2). И мы видим, что в результате возникает проблема верификации знания (которое у человека основывается на способности эмпирического обучения, и которой у БЛМ нет) и вытекающего из нее появления ошибок в виде не имеющих «приземления» «игр разума» или «галлюцинаций». Иными словами, ставится философский вопрос о том, как возможно создание нового знания нейросетью вообще без способности к эмпирическому обучению (что отвергается классической гносеологией). Например, В. Смолин считает, что «для получения новых знаний ... необходимо сформулировать ... простую задачу, тогда ее можно решить (и получить новые знания)», потому что сложные задачи мы решать не умеем [2, с. 178]. «Основной посыл этих теорий [самоорганизации]: понять все тонкости работы сложных систем нет возможности, но они некоторым образом существуют ... значит — есть простые принципы, которые позволяют сложным системам развиваться. Выделить эти принципы на основе наблюдения за сложными системами нельзя, но можно их постулировать и соотносить постулаты с наблюдаемыми свойствами сложных систем» [2, с. 180]. Проблема в том, что машина сама себе задачи не ставит. Такая функциональность в БЛМ не предусмотрена. Поэтому этот путь получения новых знаний для ИИ закрыт.

Однако, ИИ эффективнее человека в поиске информации существующей, то есть в области уже познанного, о чем информация существует.

О непознанном, очевидным образом, информации нет, она в существующей системе знания отсутствует, и потому машине не доступна. Ее нужно создать. Для создания нового человеку требуется интуиция, которая «схватывает целое при недостающих частях». Такое целое — как раз и есть то новое, усмотренное человеком.

Есть ли у ИИ интуиция — вопрос особый. Интуиции, подобной человеческой, у него не предусмотрено. Также для построения им нечто осмысленного требуются точки «приземления», иначе будет происходить «генерация бреда», поскольку при создании выходного текста ИИ для получения недостающей информации использует генератор случайных чисел. Человек тоже иногда использует этот прием — каждый из нас в жизни «бросал монетку». Только у человека это «запасной метод» с адекватным осмыслением любого результата. Тогда как у ИИ — это единственный и без учета адекватности «приземления» метод. В результате мы приходим к выводу, что полноценной (самостоятельной) когнитивной способностью БЛМ не обладает и требует участия человека.

Как возможна совместная когнитивная деятельность двух интеллектов? Для ответа на этот вопрос мы должны выявить области их тождественности (где возможно их взаимодействие) и области различия, где возможна (предпочтительна) работа только одного из них. Определим «конечную точку» некоторой определенной деятельности интеллекта как момент его бытия, в котором раскрывается смысл проделанной им работы в рамках решения поставленной задачи, который возможно зафиксировать текстуально. Поскольку происходит раскрытие смысла, то представляется возможным произвести соотнесение этого смысла с поставленной задачей для понимания того, что и как было решено, а также верификация использованных методов на допустимость и корректность применения, а полученного результата на адекватность. Таким образом «конечная точка» является также «приземлением» или прикреплением-к-бытию результата решения задачи.

Решение нестандартной задачи, содержащей новый смысл, создает новую конечную точку. Как было сказано выше, познание сопровождается решением задач, следовательно, появление новых конечных точек является результатом познавательной деятельности. Формализацию «конечной точки» можно использовать как исходные данные для формулировки следующей задачи. Тогда представляется возможным разбиение сложной задачи на простые, представимое как движение смысла между конечными точками.

У человека специфика самого процесса постановки задачи сознательна, т.е. требует осознания того, что требуется решить в рамках постановки задачи: что мы хотим получить как результат ее решения на основе каких исходных данных. И это что (мы ее определили) как «конечную точку» имеет формальную и смысловую части. Формализм традиционно представляет некоторую разновидность текста, он необходим для объективации представления / восприятия исходных данных и результата. А смысловая часть отвечает

на вопрос какое движение мысли / сознания было произведено для получения требуемого результата.

Категорийный анализ.

Заметим, что в «конечной точке» и человек (поскольку его мышление логосное), и БЛМ (как текстовый генеративный трансформер) будут обладать некоторым текстом, представляющим суть (смысл) их деятельности, приведшего именно в эту конечную точку. Текстуализация результата происходит формально совершенно одинаково у обоих интеллектов — формализм представления результата входит в постановку задачи и потому является областью тождественности (устойчивости) формы их деятельности.

Конечная точка представляет, таким образом, цель, в которой появляется текстовое представление некоторого «полученного» смысла. Но «войти» в такую точку можно из различных «направлений», отягощёнными «инерцией» и контекстами других смыслов, что влияет на полученный текстовый результат. Здесь мы видим изменчивость их деятельности.

Отметим, что устойчивость можно в какой-то мере разделить на всеобщую и особенную. Это разделение будет для единичного движения [мысли] определять область устойчивого (тождественного) в устойчивости (всеобщего) и изменчивого (различного) в устойчивости (особенного) движения, приводящего в данную конечную точку. Всеобщее мы тогда будем соотносить с чистым понятием, особенное — с его конкретной детализацией многообразия значения некоторого набора качеств (видом), единичное — с конкретным действием.

В изменчивости мы также можем выделить устойчивое и изменчивое. Устойчивое в изменчивости понимаем, как определенное устойчивое ограничение таковости на многообразие возможных значений — область, где возможно такое бытие мысли. И, наконец, изменчивое изменчивости представляет «единичное» движения.

Границы устойчивого соотносятся с представлением некоторого понятия и потому фактически являются отношениями корреспонденции (соответствия) понятия и соответствующего ему опыта, то есть являются «приземлением». Поскольку «приземление» находится в сфере антропологической деятельности, то их определением как устойчивого в понятии занимается человек. В формальных рамках очерченных границ, содержание может принимать любое значение, согласованное с корреспондентским отношением. Здесь находит свое применение генерация случайных значений БЛМ в процессе становления когерентного многообразия новой истины.

О перспективах.

С точки зрения создателя концепции пост гуманизма И. Хассан, в «пост гуманистическая философия должна обозначить комплексную проблему искусственного интеллекта» [7, с. 845]. Они «от простого калькулятора до самого мощного компьютера помогают изменить ... концепт человека»

[7, с. 856]. Фактически, пост гуманизм — это «гуманизм постмодерна», гуманизм, переживающий деконструкцию антропоцентризма. Эта тема очень широка, мы остановимся на признании пост гуманизмом интеллектуальных способностей у ИИ, сравнимых или даже превосходящих человеческие.

Как мы уже отмечали выше, интеллект у архитектуру БЛМ не «закладывался». Тот «интеллект», что мы видим у БЛМ — «отблеск» человеческого. Может ли он полноценно возникнуть при дальнейшем росте сети, когда количество токенов превысит, скажем, триллион? Тут сразу возникает два вопроса: как возможны такие сети, и как возможно возникновение интеллекта таким образом?

По первому вопросу сразу вспоминается знаменитый «закон Мура», анонсированный в 1975 г., в эпоху расцвета производства персональных компьютеров (и тихо «умерший» в начале 2000х), постулирующий рост количества транзисторов / вычислительной мощности и т.р.) каждые 2 года. Причина — технологические пределы на рост количества элементов. В нейросети существуют аналогичные пределы, вследствие которых ее количественный рост элементов имеет предел и соответствующие ожидания уйдут аналогичным образом.

По второму вопросу есть следующие замечания. Развитие искусственного интеллекта, даже в предположении оснащения его системами видео и аудио наблюдения, все равно имеет серьезную проблему корреспонденции наблюдаемого сигнала и внутренних представлений об окружающем мире. Да, нейросеть очень эффективно ищет людей в толпе, идентифицирует по голосу, ведет транспортное средство и совершает иные формализованные действия. Но здесь нет «творческого начала». Нейросеть найдет оптимальный метод из известных, прочие будут созданы «бросанием монеты», т. е. перебором. Поскольку элементов будет больше, перебор будет работать быстрее, в какой-то момент, происходящее покажется работой интуиции, но фактически это будет перебор. К сожалению, обучать гениальности или интуиции мы не умеем. Здесь мы согласимся с О. Фиговским, что «из развлечения нейросети будут постепенно становиться полноценными техническими эдвайзерами» [3].

Итоги.

1. Идея интеллектуальности БЛМ (нейросети) сильно преувеличена. Фактическая ее когнитивная способность нуждается в обосновании.
2. Серьезной проблемой в развитии «сильного» ИИ является «приземление» результатов его деятельности, которая требует решения и является препятствием для полностью самостоятельной когнитивности БЛМ. Пока эта проблема не будет решена изнутри БЛМ, она не сможет самостоятельно (без помощи человека) полноценно отличить «зерна от плевел». Но отсутствие ее решения не является помехой познавательной деятельности в «симбиозе» с человеком.

3. Традиционная гносеология основой получения нового знания полагает опыт («в основе любого знания лежит опыт», напр. начинает «критику чистого разума» И. Кант), что неприемлемо для БЛМ. Поэтому нуждается в разрешении философская проблема «как возможна гносеология для ИИ». Решение ее видится, как минимум, в двух направлениях: адаптация понятия «эмпирический опыт» на системы ИИ (камеры как чувственное восприятие и т.п.), и адаптация концепции «машинного обучения» к гносеологической методологии (возможно также обоснованное расширение области применимости последней для ее применимости в обучении машин, напр. RM (reward model) система поощрений, в частности, формализованная или основанная на правилах RBRM (Rule Based RM); «ученик-учитель» и т.п.). Отдельно стоит вопрос об этической стороне применения полученного знания.
4. В проведённом исследовании выявлено, что на настоящий момент перспективным направлением со-существования естественного и искусственного интеллектов является разделение творческой и формальной деятельности в совместной работе в рамках некоторого проекта, выполняемой соответственно человеком и БЛМ. Данное разделение соответствует современным законодательным нормам, в рамках которых субъектом авторского права может быть исключительно человек, хотя вопрос о правовом статусе ИИ активно обсуждается.
5. О пост гуманизме как «очеловечивании машины». Не понятна первопричина этого направления. Чисто академическое или, скажем, экзистенциальное направление следовало бы обозначить другими терминами во избежание путаницы. Потому что человек не только разум, но и вполне определённое тело (биологический объект), душа (психологический объект/субъект) и еще то многое, что составляет предмет наук антропологического корпуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милушков, В. Генеративные предобученные трансформеры: будущие выводы и правовое обеспечение / В. Милушков. – Текст : непосредственный // Океанский менеджмент. – 2024. – № 3 (27). – С. 63–67.
2. Смолин, В. Нейросетевые алгоритмы – передовой класс процессов самоорганизации / В. Смолин. – Текст : непосредственный // Горизонты математического моделирования и теория самоорганизации. К 95-летию со дня рождения С. П. Курдюмова. – Москва : ИПМ им. М. В. Келдыша, 2024. – С. 176–206.
3. Фиговский, О. Когнитивные технологии: искусственный интеллект / О. Фиговский. – Текст : электронный. – URL: https://spkurdyumov.ru/digital_economy/kognitivnyye-texnologii-iskusstvennyj-intellekt/2/ (дата обращения: 30.11.2025).
4. Цвык, В. Искусственный интеллект в современном обществе: шаги, вызовы,

стратегии / В. Цвык, И. Цвык, Г. Цвык. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: философия. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 589–600.

5. OpenAI. GPT-4 Technical Report / OpenAI. – Текст : электронный. – 2023. – URL: <https://cdn.openai.com/papers/gpt-4.pdf> (дата обращения: 01.12.2025).
6. McCulloch, W. A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity / W. McCulloch, W. Pitts. – Текст : непосредственный // Bulletin of Mathematical Biophysics. – 1943. – Vol. 5. – P. 115–133.
7. Hassan, I. Prometheus as Performer: Toward a Posthumanist Culture? / I. Hassan. – Текст : непосредственный // The Georgia Review. – 1977. – Vol. 31, № 4. – P. 830–850.
8. Neumann, J. First draft of a report on the EDVAC / J. von Neumann. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania, 1945. – 101 p. – Текст : непосредственный.
9. Vaswani, A. Attention is all you need / A. Vaswani [et al.]. – Текст : непосредственный // 31st Conference on Neural Information Processing Systems (NIPS 2017). – Long Beach, 2017.

Кузнецов Иван Константинович,
аспирант РХГА им. Ф. М. Достоевского,
приглашенный преподаватель НИУ «ВШЭ», г. Санкт-Петербург;
ikkuznetsov@edu.hse.ru

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА ДЖОРДЖО АГАМБЕНА: ПРОЕКТ ПРАВОВОЙ ТЕОЛОГИИ

Статья артикулирует правовую философию Джорджо Агамбена как последовательный, хотя и не всегда эксплицированный, проект «правовой теологии». Через анализ ключевых работ мыслителя демонстрируется, что его критика суверенитета является, по сути, генеалогической деконструкцией теологических аппаратов, имманентно присущих юридическому порядку. Рассмотрение понятий чрезвычайного положения, голой жизни (*homo sacer*) и *oikonomia* в данной статье смещает фокус с языка политической философии и рассматривает их как секуляризованные теологические концепты, которые структурируют отношение между правовой нормой, пространством закона (*nomos*) и человеческой жизнью, иными словами, конституирующие правопорядок. В статье утверждается, что прочтение Джорджо Агамбена в данном ключе может наметить для нас конечную цель его философской антропологии: описать современное право как теологико-юридическую парадигму и наметить возможность ее мессианского приостановления.

Ключевые слова: Агамбен, философия права, политическая теология, *homo sacer*, чрезвычайное положение, суверенитет, *oikonomia*, биополитика.

Ivan K. Kuznetsov

AGAMBEN'S PHILOSOPHY OF LAW: THE PROJECT OF LEGAL THEOLOGY

The article articulates Giorgio Agamben's legal philosophy as a consistent, albeit not always explicated, project of «legal theology». Through an analysis of the thinker's key works, it is demonstrated that his critique of sovereignty is, in essence, a genealogical deconstruction of theological apparatuses inherently present in the legal order. The examination of the concepts of the state of exception, bare life (*homo sacer*) and *oikonomia* in this article shifts the focus from the language of political philosophy and considers them as secularized theological concepts that structure the relationship between the legal norm, the space of law (*nomos*) and human life, in other words, constituting the legal order. The article argues that reading Giorgio Agamben in this key can outline for us the ultimate goal of his philosophical anthropology: to describe modern law as a theological-juridical paradigm and to outline the possibility of its messianic suspension.

Keywords: Agamben, philosophy of law, political theology, *homo sacer*, state of exception, sovereignty, *oikonomia*, biopolitics.

Истоки современной юридической и политической правосубъектности, равно как и саму возможность быть «лицом» в праве, в академической традиции принято искать в римском праве. Однако генеалогия этого понятия

уходит значительно глубже — в античную театральную практику и теологию, которые создают семантическую рамку, до сих пор определяющую структуру современного правового и политического субъекта. Современное понимание личности невозможно без обращения к его этимологическим корням, восходящим к Древней Греции и Риму. Одним из ключевых элементов античного театра являлась маска, которая семантически и теологически уходит корнями в языческие верования и ритуальные практики [14]. В классических видах масок античного театра примечательна одна конструктивная особенность, имеющая фундаментальное философское значение, — обязательное наличие широкого отверстия для рта. Именно через это отверстие актер выражал свою речь на сцене, транслируя голос «сквозь» физический объект. Этой особенностью обладали все театральные маски того периода, и данная закономерность не является сугубо эстетическим или акустическим решением. Через данное отверстие звучал голос актера — непосредственной личности, гражданина полиса, который скрыт за ролью. Не случайно в латинском языке слово *persona* (персона, личность) этимологически связано с глаголом *per-sonare* («звучать сквозь»). Момент произнесения речи здесь предстает онтологически ключевым: личность, в понимании античной культуры, — это тот, кто вне зависимости от своей физической оболочки (маски, отражающей застывшее лицо-роль), обладает способностью к *logos*, а именно к произнесению осмысленных суждений в публичном пространстве. Субъект конституируется непосредственно в момент публичного говорения, «звучания сквозь» социальную роль. Подобная закономерность прослеживается и в русском языке, где слово «личность» образовано от устаревшей формы «личина», означавшей маску или накладное лицо.

Более того, лингвистический анализ позволяет обнаружить глубокую интеграцию понятий личности и публичной сферы. Если взглянуть на морфологию слова «публичность» (как обозначения сферы политического), мы замечаем включенность в него корня «личн» («пуб_личность»). На эту историческую и лингвистическую конъюнкцию указывает исследователь А. В. Яркеев, используя эту связь для объяснения концепции политической онтологии Ханны Арендт [20]. Именно в публичном пространстве, на Агоре, «личина» обретает голос, она трансформируется в субъекта, конституированного правом. Таким образом, правосубъектность изначально формируется как искусственная конструкция, *persona*, требующая отделения голоса (права, логоса) от физического тела.

Возвращаясь непосредственно к проблематике правосубъектности в современном контексте, необходимо отметить, что суверенная власть и механизм исключения невозможны как функциональные элементы правопорядка без применения определенного фундаментального различия. Это различие применяется властью не столько к режимам человеческого существования, сколько к жизни как таковой. В современном юридическом

языке понятие «жизнь» представляется единым и гомогенным. Конституции современных демократических государств гарантируют гражданам право на жизнь как нечто самоочевидное. «Каждый имеет право на жизнь», — гласит статья 20 Конституции Российской Федерации [13]. Аналогично, статья 3 Всеобщей декларации прав человека указывает: «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [8]. Однако за этой кажущейся ясностью скрывается серьезное юридическое и смысловое затруднение. Как справедливо указывает Славой Жижек, проблема данных формулировок (и дискурса прав человека в целом) заключается в отсутствии спецификации: на какую именно жизнь имеет право человек? [12; 11, с. 181].

Понятие жизни отнюдь не гомогенно; в нем прослеживается латентный онтологический разрыв. Человек, с биологической точки зрения, несомненно, относится к царству животных. Возникает вопрос: защищает ли право «животную» жизнь в человеке или же некую специфически «человеческую», политически конституированную жизнь? В современном публичном дискурсе эти вопросы могут показаться излишними и схоластическими, поскольку понятие жизни воспринимается как целостное и лишенное внутренних оппозиций. Однако в античной эпистеме мышления, которая в некоторой степени до сих пор определяет структуру политико-правового конституирования личности, понятие жизни было принципиально двойственным.

Разрыв проходил радикальным образом через два фактических режима существования: *Zoe* — жизнь биологическая, «голая жизнь», простой факт существования, свойственный всем живым существам (животным, людям, богам). *Bios* — жизнь политическая, квалифицированная, жизнь, имеющая форму и включенная в правовое пространство полиса. Указанное различие имело не только лексический, но и юридический характер, поскольку было встроено в саму систему языка и мышления. На этот факт указывает Джорджо Агамбен в работе «*Номо Сакер. Суверенная власть и голая жизнь*», основывая логику суверенной власти именно на стратегическом управлении этим разделением [1, с. 7]. Природный режим жизни (*zoe*), очищенный от любого социального и политического наполнения, представлял собой жизнь как живущую, длящуюся субстанцию, и относился к сфере *oikos* (домохозяйства) — пространству воспроизводства и выживания, чисто материального и физического обмена с природой. Эта сфера была строго исключена из *polis*, средоточия античной цивилизации и правопорядка. Человек политический, выходящий на площадь для решения общих вопросов, существовал в режиме *bios* — жизни деятельной, активной, включенной в языковую структуру и решающей задачи *res publica*.

Джорджо Агамбен акцентирует внимание на том, что на протяжении значительной части истории человечества мы живем в рамках государств,

основанных на определенном и кодифицированном правопорядке, главной характеристикой которого является суверенитет. Понимание суверенитета в философии Джорджо Агамбена неразрывно связано с политико-правовой методологией Карла Шмитта [16]. По Шмитту, суверенная власть осуществляет свое становление через власть учредительную (суверенную диктатуру) [18, с. 265], то есть ту инстанцию, которая создает правопорядок *ex nihilo* (из ничего) в ситуации чрезвычайного положения. Как мы выяснили, суверенитет как определяющий функтив правопорядка берет свое начало в античном мире, претерпевая модификации в эпоху Нового времени и формирования дисциплинарной власти [23]. Таким образом, Карл Шмитт выводит свою политическую максиму: в основе любой правовой системы лежит не норма, а непосредственная возможность решения о норме и исключении из нее.

Здесь необходимо связать понятие суверенитета с античной дихотомией *bios/zoe*. Для разрешения этой задачи мы можем выделить следующее различие: *Bios* — это жизнь в рамках сообщества, обладающая признанным достоинством и правами. Это жизнь гражданина. *Zoe*, в свою очередь, — это жизнь, исключенная из политического порядка, не обладающая никакими правами в юридическом смысле. Она «голая», потому что лишена любых социальных и политических коннотаций. С носителем чистого *zoe* можно сделать все что угодно, исходя из самого факта его исключенности из *res publica*. Эта жизнь ограничена сугубо бытовым пространством *oikos*. Между этими двумя полюсами находится тело *Nomos* (закон). Позитивный закон в данной структуре служит разделительным барьером, своеобразным фильтрующим аппаратом. Таким образом, форма жизни *bios* (политическая жизнь гражданина) конституируется через осмысленную речь на Агоре и соответствует понятию *persona* — личности, наделенной правами. Но, как и любой диалектический концепт, *bios* не может существовать без своей противоположности — *zoe*. Правосубъектность, следовательно, — это результат успешного отделения *bios* от *zoe* посредством действия закона.

Внимание на данное бинарное разделение в контексте политической теории обращает, помимо всего прочего, Ханна Арендт в своем труде «*Vita activa*, или О деятельной жизни» [6]. Хотя структура человеческой деятельности у Ханны Арендт более сложная и включает в себя четыре ступени, основные функциональные элементы в политико-правовом контексте можно свести к трем уровням, вершиной которых является политическая жизнь на Агоре. Ханна Арендт выделяет следующие модусы человеческого экзистенцирования: труд — соответствует биологическому процессу жизни человеческого тела. Это сфера *zoe*, вегетативная форма существования, сопряженная исключительно с удовлетворением первичных потребностей и обменом веществ с природой. В античности это удел раба и сфера *oikos*. Создание/Изготовление — деятельность ремесленника, создающего искусственный

мир вещей. Это переходный этап, обладающий созидательным характером, но не представляющий из себя политическое действие. Действие — исключительная прерогатива человека, возможная только в публичной сфере. Этот уровень можно обозначить как уже упомянутый *bios*, жизнь гражданина. Действие реализуется через речь и поступок в пространстве «бытия-друг-с-другом» [6, с. 249].

Данное различие линейно: чтобы достичь этапа *bios*, необходимо преодолеть предыдущие этапы, но не отбросить их, а «вынести за скобки». Человеческое существо трансцендирует свою животную сущность (*zoe*), чтобы заниматься биографической жизнью свободного гражданина. Здесь важно заметить, что процесс «выставления за скобки» является, по сути, актом исключения. Чистое *zoe* выносится за пределы политического, освобождая место для *bios*. Вместе с тем, состояние *bios* представляется невозможным без имплицитного, скрытого включения *zoe* в структуру человеческого существования. *Bios* конституируется через исключение *zoe*, представляя собой бинарную оппозицию. В этой концептуальной схематике мы явно прослеживаем структуру, которую Джорджо Агамбен назовет «включающим исключением».

Это разделение имеет и четкую топологическую (пространственную) границу. Чистое, исключенное *zoe* не может осуществлять себя на Агоре, поскольку оно ограничено биологическим выживанием. *Bios* же не может осуществляться нигде, кроме специально ограниченного пространства политики — публичной территории *polis*, где вершится общее дело (*res publica*) свободных людей по управлению политическим телом. *Polis* отделен от *oikos* так же строго, как *bios* от *zoe*. В центре этого разделения, как уже было сказано, стоит тело закона — *Nomos*.

Мы упоминали *Nomos* как буферный элемент между жизнью исключенной и включенной в правопорядок. В оптике Джорджо Агамбена закон служит инструментом суверена по имплементации механизма включающего исключения. Исходя из этого, в рамках правовой онтологии древнего мира *bios* и *zoe* являются взаимоопределяющими концептами. Складывается следующая диалектическая картина: *bios* не может существовать без *zoe*, но *zoe* должно быть исключено, чтобы задать рамки для *bios*. Парадокс заключается в том, что *zoe* оказывается в состоянии включенного исключения: будучи формально изгнанным из политико-правового порядка, оно незримо присутствует в нем как его негативное основание. Иными словами, именно исключение *zoe* легитимирует топологию правопорядка, в котором вырисовывается личность, идентифицируемая правопорядком как *bios*. Изучая данные концепты, Джорджо Агамбен ставит целью, по сути, кардинально переосмыслить отношения между *oikos* и *polis*, которые являются, с его точки зрения, ключевыми функциями западной политики [3, с. 19].

Таким образом, публичный («пуб_личный») характер жизни осуществляется свободными личностями — гражданами, которых правопорядок идентифицирует через топологическое присутствие внутри границ полиса. Гражданин идентифицируется сувереном как носитель bios. В то время как зое сувереном имплицитно вытесняется за пределы права [21, с. 19], осуществляя механизм исключения. Этот механизм становится возможным благодаря учредительной машинерии правопорядка — способности суверена вводить чрезвычайное положение. В момент чрезвычайного положения закон приостанавливается, и различие между bios и зое стирается м/или переопределяется заново. Чрезвычайное положение кодирует подвластные субъекты и закладывает в новый правопорядок конфигурацию включенных и исключенных. Можно выстроить следующий концептуальную картину: есть государство, а также сфера действия нормы, и есть внешнее по отношению к действию нормы — «Большой другой». Суверен существует в обеих сферах, представляя из себя инструмент непрерывного кодирования и перекодирования с помощью производства правовой нормы, словно «фабрика права» Бруно Латура [15, с. 9], которая из «внешнего» производит «внутреннее» в смысле включенного в правопорядок. «Государство часто определяли через «монополию насилия», но такое определение отсылает к другому определению, задающему государство как «правовое государство» (Rechtsstaat). Сверхкодирование Государства — это именно такое структурное насилие, которое определяет право» [9, с. 648], — писали Жиль Делез и Феликс Гваттари, подразумевая, что государственное насилие в установлении нормы — это совсем иное насилие, нежели примитивное, преступное насилие. Государство, суверен как бы «кодирует» [21, с. 19] через осуществление правового насилия (создания, производства нормы) окружающий мир, проводя через свой кодирующий ассамбляж аппаратов и машин субъекты и объекты окружающего мира, на выходе производя субъективированного через правовой статус личности человека, включенного в правопорядок, и являющийся, при этом, основным структурным элементом правопорядка. В этом смысле данная концепция отчасти отсылает к Левиафану Т. Гоббса, содержание которого, вероятно, отдельно описывать не следует, однако обе концепции предполагают государство, суверена как нечто внешнее, существующее и внутри, и снаружи обеспечиваемого им правопорядка. И исключенный субъект, и сам суверен таким образом перемещается в пространство включения. Таким образом, исключение, детерминированное чрезвычайным положением, оказывается онтологическим основанием любой нормы.

Однако в данной концепции остается фундаментальный вопрос: что происходит с субъектом, который попадает в зону этого исключения? Каков статус существа, которое оказывается в зоне неразличимости, когда защита закона снята, но власть суверена фактически продолжает действовать? Что остается за пределами bios, кроме чисто технического функтива зое? Ответом

на вопрос о статусе субъекта, попадающего в зону неразличимости между *bios* и *zoe*, для Джорджо Агамбена становится фигура *Homo Sacer*. Понятие исключения здесь резонирует с двойственной силой: с одной стороны, оно отсылает к историческому опыту XX века с его тоталитарными режимами (о чем писали, в частности, П. Вайбель [7] и др.), с другой — уходит корнями в архаическое римское право.

Homo Sacer (букв. «человек священный») — это институт римского права, который Джорджо Агамбен интерпретирует как ключ к пониманию всей западной политической традиции. Секст Помпей Фест, римский грамматик II века н.э., сохранил для нас определение, которое кажется парадоксальным: «Человеком, обреченным подземным богам (то есть *homo sacer*), называется тот, кого римский народ осудил за злодеяние; не подобает убивать его [ритуально], но тот, кто [все же его] убьет, не осуждается как убийца» [17]. Здесь мы видим структуру двойного исключения: Исключение из *ius humanum* (человеческого права): *homo sacer* не защищен законом об убийстве. Любой может лишить его жизни безнаказанно. И исключение из *ius divinum* (божественного права): *homo sacer* не может быть принесен в жертву (*neque fas est eum immolari*). Он «нечист» для ритуала, то есть не принадлежит богам в обычном смысле. Традиционная историография и антропология часто интерпретировали «священность» (*sacertas*) как амбивалентность (одновременно святое и проклятое), однако Джорджо Агамбен радикально смещает фокус. Для него *Homo Sacer* — это жизнь, изъятая из сферы как человеческого, так и божественного права, и переданная в сферу чистого суверенного решения. Это жизнь, которую можно убить, но нельзя принести в жертву. Это состояние «радикальной открытости» или «оголения жизни». По отношению к *homo sacer* каждый гражданин становится сувереном, обладающим правом на убийство. Как пишет Джорджо Агамбен: «Это голая жизнь, сохраняемая и защищаемая лишь в той мере, в какой она является субъектом права суверена сохранять или отнимать жизнь» [1, с. 96].

Почему *homo sacer* нельзя принести в жертву? Потому что его жизнь не обладает ценностью, которую можно было бы предложить богам. Но почему его можно убить безнаказанно? Потому что он уже изъят из правового сообщества. Проще говоря, исключенная фигура *homo sacer* пребывает в своего рода экзистенциальном вакууме — она не может быть окончательно локализована ни в пространстве права, ни в сфере сакрального, ни в области профанного, оставаясь, таким образом, призрачной аномалией на периферии устоявшихся правовых категорий. Это своего рода призрак, находящийся в «хонтологическом» состоянии, в лиминальном пространстве действия *potestas*; если развивать концепцию Жака Деррида и Марка Фишера о «призракологии» в правовом русле, то именно *homo sacer* подходит под центральную фигуру этой теории в праве: как субъект он одновременно есть, и его одновременно нет, своеобразный «не-объект» [10, с. 18–19].

Суверенитет, таким образом, заключается не только в праве объявлять чрезвычайное положение, но и в способности решать, кто именно становится *homo sacer*. Суверен и *homo sacer* представляют собой симметричные фигуры. Суверен находится вне закона, потому что может его приостановить, но внутри правопорядка как его источник. *Homo Sacer* находится вне закона, потому что лишен защиты, но внутри правопорядка как объект его воздействия. Таким образом, суверен — это тот, кто проводит водораздел между полноценными гражданами и теми, кто низводится до состояния исключенного тела. Однако Джорджо Агамбен утверждает, что *homo sacer* это не архаический реликт, а функциональная парадигма процесса субъективации [25].

Если в классическую эпоху суверенитет определялся правом «заставить умереть или позволить жить» (право меча), то в Новое время происходит фундаментальный сдвиг, который Мишель Фуко обозначил как рождение биополитики. Для Мишеля Фуко биополитика — это технология власти, направленная не на территорию, а на население как биологическую массу. Власть начинает «заставлять жить и позволять умереть» [23]. Возникают дисциплинарные институты (школа, тюрьма, больница, казарма), формирующие послушные тела, и механизмы регуляции населения (демография, гигиена, страхование). Жизнь входит в сферу политических расчетов. Джорджо Агамбен принимает тезис Мишеля Фуко, однако развивает его в более радикальной и критической форме. Он утверждает, что Фуко упустил из виду точку неразличимости, где биополитика имплицитно смыкается с суверенной властью. Для Джорджо Агамбена биополитика не является изобретением XVIII века; она имманентна суверенной власти с самого начала (с античного разделения *bios/zoe*). Новое время лишь выводит эту структуру на поверхность. Тоталитарные режимы XX века, согласно Джорджо Агамбену представляли из себя апогей биополитики. Нацизм, например, был режимом, где биологическая жизнь нации стала главным предметом государственной заботы (Нам хорошо известны факты широкого применения евгеники в целях достижения «расовой гигиены» нацистами на уровне государственных программ). Именно эта «забота» о жизни требовала уничтожения жизни «недостойной». Парадигмальным пространством современной биополитики для Джорджо Агамбена предстает не город (*polis*) и не тюрьма, как у Мишеля Фуко, а концентрационный лагерь. В конце концов, «Что остается после Освенцима?» — вопрошает Джорджо Агамбен [2]. Остается понимание того, что в Лагере чрезвычайное положение перестает быть временной мерой и становится постоянным правилом, в какой-то степени зона концлагеря в философском анализе Джорджо Агамбена представляет из себя миниатюрное пространство-реплику всего общества, в котором процесс правовой (де)субъективации до состояния *homo sacer*, исключения из правосубъектности, доводится до своих радикальных пределов

с помощью инструментария биовласти: «В той мере, в какой его обитатели лишены всякого политического статуса и целиком сведены до состояния голой жизни, лагерь также является наиболее абсолютным биополитическим пространством, которое было когда-либо реализовано и в котором власть правит чистой биологической жизнью без какого-либо посредничества. Поэтому лагерь сам представляет собой парадигму политического пространства в той точке, где политика становится биополитикой, а гражданин практически растворяется в *homo sacer*» [4, с. 47]. В концлагере происходит чудовищный процесс расчеловечивания (подробно описанный С. Жижек-ом [11] и другими философами, обращавшимся к проблематике насилия), где целью является не простое убийство, а тотальное уничтожение самого человеческого достоинства, абсолютная катастрофизация фигуры субъекта, превращение узников в «живых мертвецов», в фигуру «мусульманина». «Мусульманин» в нацистских концентрационных лагерях (по аналогии с «доходягой» у Солженицына) — это существо на пороге смерти, утратившее волю, разум, человеческий облик, чье существование свелось к чистому, страдающему биологическому выживанию, простой биологической длительности материи. Это и есть «голая жизнь» в ее предельном выражении. Концлагерь — это пространство, где индустриально производится небытие, где отрицается любая ценность человеческой жизни, это пространство, которое поражает своей пустотностью и степенью радикализации *homo sacer*. С точки зрения Джорджо Агамбена, эти лагерные техники политического и правового управления все больше проникают в современное политическое пространство. Везде, где создается зона неразличимости, где закон приостанавливается ради «безопасности» или «управления жизнью», воспроизводится структура лагеря.

Подводя итог анализу правовой философии Джорджо Агамбена, мы можем реконструировать его проект как последовательную «правовую теологию». Следуя максиме Карла Шмитта [19, с. 63] (А именно: все значимые понятия современного государства являются секуляризованными теологическими понятиями), Джорджо Агамбен пытается сконструировать теологическое ядро, скрытое за фасадом правового функционирования секулярного закона. Правопорядок, таким образом, предстает как ассамбляж кодирующих машин, работающих на двух приводах, «зубчатых передачах» — унаследованных от христианской тринитарной теологии (учения о божественной *oikonomia* — домостроительстве) [5]: во-первых, суверенитет (Некое пространство трансцендентности. Подобно Богу-Отцу, суверен учреждает порядок через чудо (чрезвычайное положение) и держит власть над жизнью и смертью. Его функция на данном этапе принятие решения об исключении). Во-вторых, управление (Некая имманентность: подобие ангельской иерархии или божественного промысла, административный аппарат, царство славы, непрерывно управляющее жизнью населения, осуществляя

биополитический менеджмент). Проще говоря, правосубъектность в этой системе выводится из сферы естественного атрибутирования человеку, вместо этого являя себя как маску (*persona*), которая выдается и отнимается суверенной властью. В любой момент, когда объявляется чрезвычайное положение, эта маска может быть сорвана, и человек предстанет как *homo sacer*, — голая жизнь, открытая насилию. В этом смысле статус *homo sacer* это своего рода категориальный императив, в котором исключение, формализованное как «внешнее», ставится в центр ядра внутренней логики правового аппарата захвата [22].

Конечная цель философии Джорджо Агамбена не деструктивна и не пытается «вскрыть» или разрушить основания глубокого заблуждения о работе систем правопорядка и политической идентификации в духе философов подозрения, а, по сути, мессианская. Если мы исходим из посылки о том, что право — это машина, производящая исключение, то задача состоит не в том, чтобы улучшить машину или заменить фигуру суверена. Напротив, задача заключается в том, чтобы найти способ деактивировать эту машину, сделать ее бездеятельной. Джорджо Агамбен ищет возможность помыслить «форму-жизни», саму жизнь, которая настолько слита со своей формой, что ее невозможно разделить на *bios* и *zoe*. Это жизнь, которая не может быть захвачена правом и превращена в *homo sacer*. Это политика, которая отказывается от суверенного исключения и от биополитического управления телами. Данная проблема очевидно актуальна до сих пор. Так, разрыв между человеком и гражданином, правами человека и правами гражданина, на который указывала еще Декларация 1789 года, остается непреодоленным разрывом, что находит свое отражение в работах современных философов права [24]. Генеалогия этого разрыва, как показала данная статья, прослеживается в античном разделении *bios* (политически квалифицированная жизнь) и *zoe* (биологическая, чистая жизнь), воспроизводя себя через фигуру *homo sacer*. Эти два понятия являются диалектической парой, фундируя основание друг друга через суверенную власть. Суверенная власть, в свою очередь, производит правопорядок через ассамбляж кодирующих аппаратов, таких как чрезвычайное положение и включающее исключение, оказываясь онтологическим основанием любого закона.

Джорджо Агамбен, по сути, описывает современное государство и механизм правовой субъективации как фундирующий принцип через понятие «биополитики» и включающего исключения. Различение *bios* и *zoe* предстает нам как ключевой функтив для понимания того, как работает машинерия конституирования любого правового порядка, а состояние «голой жизни» (*homo sacer*) — как императив внутренней логики суверенитета, — призрачный элемент любого *potestas*, одновременно исключенный, и включенный в правопорядок суверена через механизм учреждающей власти и чрезвычайного положения.

Сама возможность нормативного присутствия в теле *homo* — все еще предмет оживленных дебатов в академическом дискурсе философии права. Проблематика суверенитета и правосубъектности, центральная для политической философии со времен античности и особенно актуализированная мыслителями нового времени и XX века, все еще сохраняет свою значимость, и будет ее сохранять, пока существует правопорядок, законы, беженцы, конституции, политика, граждане, концентрационные лагеря, мигранты, революции, и, вероятно, вся наша цивилизация — все то, что охватывается необъятным действием любого закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агамбен, Дж. *Homo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен ; пер. с ит. – Москва : Европа, 2011. – 252 с. – Текст : непосредственный.
2. Агамбен, Дж. *Homo sacer*. Что остается после Освенцима : архив и свидетель / Дж. Агамбен ; пер. с ит. – Москва : Европа, 2012. – 192 с. – Текст : непосредственный.
3. Агамбен, Дж. *Stasis*. Гражданская война как политическая парадигма. *Homo sacer*, II, 2 / Дж. Агамбен ; пер. с ит. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2021. – 188 с. – Текст : непосредственный.
4. Агамбен, Дж. Средства без цели. Заметки о политике / Дж. Агамбен ; пер. с ит. – Москва : Гилея, 2015. – 148 с. – Текст : непосредственный.
5. Агамбен, Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления / Дж. Агамбен ; пер. с ит. – Москва ; Санкт-Петербург : Издательство института Гайдара, 2019. – С. 427–470. – Текст : непосредственный.
6. Арендт, Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / Х. Арендт ; пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. – 2-е изд. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 416 с. – Текст : непосредственный.
7. Вайбель, П. Теории насилия: Беньямин, Фрейд, Шмитт, Деррида, Адорно / П. Вайбель. – Текст : непосредственный // Логос. – 2018. – Т. 28, № 1. – С. 261–279.
8. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948. – Текст : непосредственный // Российская газета. – 1995. – № 67.
9. Делез, Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Том II / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фр. Я. И. Свирского. – Москва : РИПОЛ классик, 2025. – 768 с. – Текст : непосредственный.
10. Деррида, Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новой интернационал / Ж. Деррида ; пер. с франц. Б. Скуратова. – Москва : Logos-altera, 2006. – 256 с. – Текст : непосредственный.
11. Жижек, С. О насилии / С. Жижек ; пер. с англ. А. Смирнова, Е. Ляминой. – Москва : Европа, 2010. – 184 с. – Текст : непосредственный.
12. Жижек, С. Против прав человека / С. Жижек. – Текст : электронный // Свободное марксистское издательство : [сайт]. – URL: <https://fmbooks.files.wordpress.com/2010/08/zizek-text.pdf> (дата обращения: 27.02.2025).
13. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой

- информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2026).
14. Кулишова, О. В. Театральная маска в древней Греции: ее истоки и контексты функционирования / О. В. Кулишова. – Текст : непосредственный // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2015. – № 23.
 15. Латур, Б. Фабрика Права. Этнография Государственного совета / Б. Латур ; пер. с фр. Е. Н. Блиновой. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2024. – 328 с. – Текст : непосредственный.
 16. Назмутдинов, Б. В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмитта / Б. В. Назмутдинов. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2016. – № 1 (324). – С. 182–204.
 17. Павлов, А. А. Секст Помпей Фест. О значении слов (*de verborum significatu*). Избранные глоссы / А. А. Павлов. – Текст : непосредственный // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. – 2019. – № 3 (11).
 18. Шмитт, К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / К. Шмитт ; пер. с нем. Ю. Коринца. – Москва : РИПОЛ классик, 2018. – 288 с. – Текст : непосредственный.
 19. Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт ; пер. с нем. ; заключ. ст., сост. А. Филиппова. – Москва : КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 336 с. – Текст : непосредственный.
 20. Яркеев, А. В. Концепция социального зла в политической онтологии Ханны Арендт / А. В. Яркеев. – Текст : непосредственный // Социум и власть. – 2016. – № 5 (61). – С. 29–35.
 21. Colebrook, C. Legal Theory after Deleuze / C. Colebrook. – Текст : непосредственный // *Deleuze and Law: Forensic Futures* / ed. by R. Braidotti, C. Colebrook, P. Hanafin. – London : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 6–23.
 22. DeCaroli, S. Boundary Stones: Giorgio Agamben and the Field of Sovereignty / S. DeCaroli. – Текст : непосредственный // *Sovereignty and Life* / ed. by M. Calarco, S. DeCaroli. – Stanford : Stanford University Press, 2007. – P. 43–70.
 23. Foucault, M. Right of Death and Power over Life / M. Foucault. – Текст : непосредственный // *Biopolitics: A Reader* / ed. by T. Campbell, A. Sitze. – Durham ; London : Duke University Press, 2013. – P. 41–61.
 24. Marneros, C. Human Rights After Deleuze: Towards an An-archic Jurisprudence / C. Marneros. – Oxford : Hart Publishing, 2022. – 224 p. – Текст : непосредственный.
 25. Prozorov, S. Agamben and Politics: A Critical Introduction / S. Prozorov. – Edinburgh : Edinburgh University Press Ltd, 2014. – 198 p. – Текст : непосредственный.

Шилина Галина Анатольевна,
аспирант РХГА имени Ф. М. Достоевского

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СВОБОДЫ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ОТ КАНТА ДО ГЕГЕЛЯ

В философии свободы ключевым вопросом был и остается вопрос автономии сознания. В статье обосновано требование баланса новых знаний естественнонаучного характера о сознании человека с компатибилистским подходом, характерным для немецкой классической философии. Эта необходимость основана на убеждении соблюдения осторожности при отказе от приоритета понимания свободы как априорной автономной ценности, метафизические основания которой, как жизненно важная основа человека, были открыты еще на заре человечества, в античности. Как особый пример автономности свободы рассматривается протестантская религия, концепция которой существенно повлияла на понимание свободы Канта, Гегеля, Фихте и Шеллинга.

Ключевые слова: автономия сознания, свобода, немецкая классическая философия, протестантизм, античность, Кант, Гегель, Шеллинг, Фихте.

Galina A. Shilina,

THE METAPHYSICAL FOUNDATIONS OF FREEDOM IN GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY FROM KANT TO HEGEL

In the philosophy of freedom, the key issue was and remains the issue of the autonomy of consciousness. Today, new research by neurophysiologists is invading the field of knowledge about freedom, convincingly talking about external control of human decisions and actions, which makes the position of the incompatibilists scientifically reliable. The article reveals the need for a balance with the compatibilist approach characteristic of German classical philosophy. This necessity is based on the conviction of caution in overthrowing the priority of understanding freedom as an a priori autonomous value., whose metaphysical foundations, as a vital basis for human existence, were discovered in the early days of humanity, in antiquity. As a specific example of the autonomy of freedom, the article examines the Protestant religion, whose concept significantly influenced the understanding of freedom by Kant, Hegel, Fichte, and Schelling.

Keywords: autonomy of consciousness, freedom, German classical philosophy, Protestantism, antiquity, Kant, Hegel, Schelling, and Fichte.

Расцвет метафизики свободы приходится на период немецкой классической философии. Именно тогда Кантом была заявлена личность, как уникальное сочетание природных, интеллектуальных, душевных свойств и качеств человека, способная свободно, то есть разумно, автономно, спонтанно и нравственно выражать свою волю, претворяя ее в дальнейшие практические

действия. Свобода Канта исходила из признания личности человека как сверхценности: на нее не влияли ни религиозные установки, ни социальный статус человека, ни способности и недостатки характера. Рассуждая о человеке, как о свободной личности, Кант дает ему право самозаконотворчества. То есть при полной автономии от чего бы то ни было, человек подобно Богу самостоятельно устанавливает границы своей свободы универсальными принципами морали, выполнение которых позволяет ему сосуществовать среди себе подобных.

Разум в силу априорного стремления к морали требует организации в виде самозаконотворчества, самозаконотворчество требует нравственного и разумного самоограничения в виде принципов, принципы требуют практического воплощения долга, то есть обязательства нравственного порядка, а практическое воплощение долга требует волевого преодоления природных склонностей. Таким образом, свобода реализуется через метафизические принципы и собственные составные части: автономию и волю, как единая внутренняя структура «Я», связанная одновременно с разумом, волей и моралью. Но поскольку синтетическое суждение о привязке свободы к морали, автономии разума и воле подлежит верификации в практических делах, Кант рассматривает это на практических примерах в виде некоей тройкой схемы уровней нравственности в человеке, которую разрабатывает дважды: сначала в работе «Основание метафизики нравов» в 1785 году, затем в «Критике практического разума» в 1788 году.

В ежедневной жизни возможность проявления морали, как лучших человеческих качеств, по — Канту, требовала усилий воли, тогда как жизнь, направленная на удовлетворение простых бытовых потребностей не требовала от человека никаких нравственных усилий, а, значит, и не была свободной: она была бы жизнью по природной необходимости. Наиболее весомым проявлением свободы Кант считал проявление нравственных сил человека, его деятельность, направленную на реализацию собственной личности. Такая реализация выступает как практика априорного морального закона, который должен проявиться через волевое усилие и нравственно состоятельную телеологию. Принципы (максимы), которыми должен руководствоваться свободный человек универсальны и касаются взаимоотношений человека и всего человечества, от имени которого выступает ближайшее окружение. Любая из этих максим подчеркивает отношение к человеку, как к цели, то есть как к ценности, которую стоит добиваться: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом» [2, с. 211] или: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда — только как к средству» [2, с. 205.]

Кант подразумевает под высшим, «всеобщим законом» законы Бога, но не называет их прямо религиозными законами, поскольку для Канта Бог — область, которую нельзя рассматривать через человеческое рассуждение. Кант

всегда разделял область возможного знания для человека и область трансцендентного, где человек теряет всякую возможность верификации сказанного. Именно поэтому он старается о Боге не говорить прямо, а если и говорит, то говорит, как о непознанном и исключающем любое познание. Действительно, мы знаем о Боге только по Его явлениям нам, от апостолов и от Христа, который есть воплощение Сына. Религия может показаться неудобной для исполнения, тяжелой для повседневной жизни, но, как любая защита жизни и достоинства, бесценна. Культурно-исторический пласт свободы в религии опирается на слова Христа «Возьми крест свой и следуй за Мною» (Мф. 16:24) — и содержит в себе ясный призыв к преодолению препятствий внешних и внутренних ради высшей цели. То же самое мы говорим о свободе: это то, что требует от человека усилий нравственного и, иногда, физического порядка, иногда даже жертвы ценою в жизнь, но без нее человек нравственно мертв, несостоятелен, никчем. Таким образом, свобода, как и религиозная мораль, неосуществимы иначе, чем через принципы нравственности. Свободу, как и религию, нельзя объяснить упрощенно, через необходимое практическое действие: это метафизическое построение, в котором их необходимость постигается не сразу, а через неспешное осмысление, и становится особенно заметным в их отсутствие. Поэтому религия, как и свобода, приближены друг к другу как необходимость сакрально-нравственного порядка, определяющая человеческое в человеке. Любое, даже незначительное ущемление свободы или религиозного трепета перед лицом Бога, его высшим моральным законом, «уменьшает» человека, делает его не «образом и подобием» высшего Лица, а банальной биологической массой, одной из многих, не имеющей своего собственного права на уникальность. «Моральный закон через понятие высшего блага как объект и конечную цель чистого практического разума ведет к религии, то есть к познанию всех обязанностей как божественных заповедей, не как санкций, то есть произвольных, самих по себе случайных повелений чужой воли, а как неотъемлемых законов каждой свободной воли самой по себе, которые, однако необходимо рассматривать как заповеди высшей сущности» [2, с. 52]. Кант создает троякую схему нравственности как практическое руководство, позволяющее ориентироваться в степени нравственности: высшей ступенью ее становятся добровольные поступки «по долгу», формально нравственные поступки — «не только по долгу, но и с некоторой степенью неохоты или выгоды, безнравственные поступки — совершаемые «против» надлежащего долга нравственности, то есть ради низменных интересов. Вначале он пытается обосновать нравственное действие универсальным способом отделения от него безнравственного действия. Нравственное действие — это действие, совершаемое «по долгу» («сообразно с долгом»); соответственно, безнравственное — «против долга», а действие, совершаемое «не только по долгу», не только «сообразно» — Кант называет «добропорядочным». «Добропорядочное» действие является формально нравственным,

поскольку исполнено фактически в рамках «по долгу», но продиктовано внутренним нежеланием делать это охотно. Действительно, приютивший бродяжку богач может иметь корыстный интерес, если хочет казаться добропорядочным, но на самом деле неохотно идет на это. Продавец может обмануть покупателя, но он не делает этого из страха потерять репутацию. Тем не менее, Кант соглашается с тем, что формальное исполнение закона может считаться «добропорядочным», то есть имеющим вид нравственного.

Такое рассуждение имеет множество критиков [13, р. 14], но не имеет альтернативы. Возможно, Кант сам сомневался в данном положении, поэтому предпринял вторую попытку схематично определить степень нравственности: высшую ступень нравственности он определяет, как отношение человека к другому «как к цели», безнравственность — отношение к другому человеку «как к средству», а формально нравственное отношение — «не только как к цели, но и как к средству». Кант считает, что подобные формальные отношения не являются безнравственными, поскольку отражают суть хороших деловых отношений. Возможные возражения о возможности четвертого варианта таких отношений мы здесь не рассматриваем, поскольку их не рассматривал и сам Кант, и дальнейшее углубление в тему применения этих вариантов будет нас уводить от темы метафизических оснований свободы: автономии и морали, которые для Канта являются априорной данностью.

Автономия и мораль вместе составляют достоинство, или состояние, которое определяется Кантом, как «быть достойным счастья». Но свобода — не есть стремление к счастью, и не есть — само счастье. Счастье для Канта — это высшая справедливость, которую далеко не всегда удается достичь, и не всегда к этому надо стремиться в реальной жизни: гораздо важнее «быть просто достойным счастья», заработать хорошую память о себе. Но достоинство, как моральный эквивалент счастья, может ощущаться и самим человеком, и всеми окружающими. Это образует безусловное признание поступка или поведения человека (ряд поступков), направленных на всеобщее благо, и, потому, ценимых всеми без исключения. Можно сказать, что это — практическое применение максим Канта, или категорического императива: «Поступай так...», переходящее после позитивной оценки окружающих в гипотетический императив: «Хочешь быть как N — поступай как N!». Это состояние максимально приближено к нравственному совершенству человека, и в этом качестве оно — признак «вечных» категорий, которые переживают телесность, остаются в памяти людей надолго, вызывая в них подражание и восхищение. В определенных ситуациях это — эквивалент жизненного подвига.

В дальнейшем, основные положения его философии свободы были пересмотрены. Так, у последователей Канта свобода вовсе не считалась врожденной: Шеллинг полагает, что она зарождается в борьбе слабого человека с «темной стороной натуры», и он «растет», опираясь на помощь Бога, в этом противостоянии Добра со Злом. Философ полагает, что абстрактный философ,

рассуждающий о свободе, прежде всего «претендует на подобное (божественное) познание потому, что только он один, сохраняя рассудок чистым и не затронутым злобой, постигает вместе с Богом в самом себе и Бога вне себя» [12, с. 2]. В работе «Философские исследования о сущности человеческой свободы» Шеллинг обосновывает необходимость выбора между Добром и Злом как ключевого положения свободы. Шеллинг придает Злу онтологический статус. Разум и воля стремятся обуздать эту силу, подчинить ее себе. Выбор продуцируется дисгармонией между Добром и Злом, образуемой в человеке, не сделавшем свой выбор.

Религия у Канта и его последователей приобретает некую операционную, помогающую функцию, похожую на мораль религиозных законов, но нравственное поведение регулируется не религией, а именно разумом. В работе «Религия в пределах только разума», Кант, касаясь вопроса об отношении религии к морали, пишет:

«Мораль, поскольку она основана на понятии о человеке как существе свободном, но именно поэтому и связывающем себя безусловными законами посредством своего разума, не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить.[...] ведь, что возникает не из него самого и его свободы, не может заменить ему отсутствия моральности. Следовательно, для себя самой мораль отнюдь не нуждается в религии; благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе» [4, с. 2].

Отторжение религии как общественного института от *homo sapiens* не имело характер простого философского упражнения или случая: оно было подготовлено всем ходом событий, происходивших вне стен Кенигсбергского университета и имела обсуждаемую в интеллектуальных и преподавательских кругах опору в виде часто высказываемых мнений, написанных писем и научных тезисов ко случаю и — без; последствия в виде реакции на подобные высказывания в начальствующих кругах, и, особенно, для Фихте, намеренно поддерживавшего антирелигиозные высказывания своего друга и редактора, а также — самые печальные последствия в виде ostracism Фихте и изгнания его с должности в университете. Все это можно было бы и не упоминать здесь, если бы речь не шла о свободе, ее структуре и ее практических проявлениях, к которым этот внешний пласт событий имел самое непосредственное отношение. Как указывал В. Н. Кузнецов: «Классическая философия развивалась в эпоху глубочайших изменений, которые происходили в экономической, социально-политической и духовно-идеологической жизни всей Европы, прямо или косвенно затрагивая также немецкие государства и становясь предметом осмысления живших в них философов, чей мировоззренческий кругозор при всей его определенности условиями своей страны не был национально ограниченным» [5, с. 3]. Действительно, космополитические тенденции, несмотря на явно выраженные национальные приоритеты в философии

свободы немецких классиков, невозможно не заметить: эссе Канта «К вечному миру» (1795); «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» (1796) Фихте; «О мировой душе» (1798) Шеллинга; «Философия права» (1820) и «Философия истории» (1822–1831) Гегеля.

Эти тенденции были продиктованы «над — мирностью» их философии, общечеловеческой ценностью и прочной опорой на традиционные рассуждения о рациональном в античной философии. Именно общечеловеческие ценности, сформулированные когда-то древними греками, придали характер непоколебимой устойчивости философии свободы немцев, их целенаправленной логики поиска нравственных основ свободы человека как некоего начала, которое бы собирало и центрировало все, касаемое свободы. Античные философы связывали это начало не только с сознанием, но и с определенным уровнем интеллекта: чем богаче интеллект, тем ближе и очевиднее становится обладание неким божественным «банком» идей, определяющих истины бытия. Платон и Сократ предполагали раскрытие этого априорного знания сути вещей методом майевтики, который делает возможным обнаружение знаний через «припоминание». Об этом Платон упоминает в своих диалогах [9, с. 156]

Существенным отличием античного мудреца было знание математики, геометрии, где одно логически истекло из другого, и было образцом рассуждения в философии, юриспруденции, риторике и других важнейших областях жизни. Эти рассуждения содержали мысли о приоритете знания перед незнанием, гармонии разума и тела, чувств души и мыслей. Логика вечных ценностей, не позволяющая скатиться в сиюминутные интересы и модные суждения, вывели философию античных философов, а, вслед за ними, и немецких философов, в разряд классики философии, имеющей мировую ценность. Более всего это проявляется в рациональном способе мышления, который отличает высокий уровень рефлексии, способствующий упорядоченной мыслительной деятельности и проведению осмысленного плана в практическую плоскость.

Рациональный способ мышления обнаруживает целый ряд характерных черт: логическую составляющую, приоритет разума над чувствами, стремление к нравственному совершенству. Нравственное совершенство было для грека несовместимо с безнравственностью, распущенной похотью. Оправдание «знанием» не работало — мудрец обязан был быть нравственным образцом, приближенным к идеалу. Платоновская модель государства и рассуждения Сократа и киников приписывали царям не только мудрость через познание сути вещей, но и нравственные ограничения, справедливость. Философы у Платона достигают высшего уровня добродетели и познания. Так, мудрец, нашедший путь к свету (Благу) в пещере Платона, возвращается обратно к людям, зная, что они могут его не только не послушать, но и уничтожить. Но именно это качество: способность ставить свои личные интересы после интересов общества называют добродетелью. Добродетельный человек живет

по принципам ради интересов государства. При этом сами универсальные принципы определялись в зависимости от того значения, которое вкладывал в их смысл каждый философ: Платон — идеи, Пифагор — числа, Аристотель — формы и т.д. Общим являлось придание значения нравственности знаниям и их трансцендентная направленность. Таким образом, рациональный способ мышления античности заложил основу для европейской, и в частности, немецкой философской традиции, в которой свобода принимала строго рационалистическую форму. Сформированные в античности принципы рационализма определяли свободу как производное от саморефлексии и суммы разумного познания.

Сократ возвел самоанализ в целевой принцип жизни. Знание (познание) заключалось не столько в необходимости учиться у других, сколько выяснять собственные слабости для их преодоления. Мудрец проверяет на себе нравственные принципы и, познавая себя целиком, становится независимым и сильным. В этом и заключается свобода человека. Платон во главу угла поставил тотальную включенность в общественную жизнь. Государство в его представлении может быть осуществлено на принципах справедливости: «каждому свое» (το ὁκεῖον ἔσθαι). Имеется ввиду работа на благо людей согласно своей природе (способностям), которую каждый человек должен исполнять в государстве согласно своему предназначению. Человек не должен завидовать и желать доли других людей, поскольку в его доле заложено то, что он уже получил по своим способностям и уму. Но каждый имеет свой объем прав, которые должны соблюдаться неукоснительно. Стремление к Благу заключается не в материальном: благо (автаркия) приходит к общественно значимому человеку в виде благодарности общества (достоинства). Платон уходит от сократовской мысли независимости от общества, а, напротив, полагает за главное — служение обществу. Это возможно только при твердой уверенности в себе, независимости от материального и чувственного.

Скептики выводят собственную форму стоической свободы, которая заключается в смирении перед внешними ударами судьбы и переходе во внутреннюю, незаметную чужому взору, жизнь. Скептики признавали несовершенство мира внешнего и невозможность достичь справедливого существования, приобретая математические знания. Впервые было заявлено о существовании внутреннего мира, имеющем собственные законы и нравственные принципы, столь же очевидно, как и о внешнем мире. Аристотель расширил учение стоиков этическим положением о повседневных поступках человека, как практическом достижении блага, направленного на положение человека в обществе. Таким образом, образование достоинства человека сопряжено с его внутренней работой над собой, с его ответственностью за свои дела, с умением достигать положительного мнения о себе (добродетели). Добродетель в немалой степени зависит от умения обуздать в себе низменные чувства и направить их на сотворение блага для себя и других.

Учение Демокрита призывает следить за справедливостью законов, которые принимают граждане, чтобы эти законы соответствовали их естественным потребностям и были разумны. Естественное право обнаружило некое разумное начало во всеобщем законе и приравнило справедливость и закон. Этика явилась связующим звеном между законом и гражданином, который в идеале должен быть нравственно воспитанным, чтобы уважать закон, не прибегая к принуждению для его исполнения. Это был долг каждого добропорядочного гражданина государства. Человек нравственный — это свободная фигура, с суверенными правами и самоценностью, которую он может увеличивать. Можно много приводить примеров опоры немецких классиков на античную философию: об этом можно почитать как у русских, так и у зарубежных философов: Н. В. Мотрошиловой, В. Н. Кузнецова, П. В. Резвых, В. В. Мурского, Сёрла Крейзера и других авторов. Можно привести характерные цитаты из работ самих немецких классиков, осуществляющих рецепцию античных истин: Шеллинг и Гегель анализировали связь немецкой и европейской мысли с античным наследием, а Кант и Фихте воспринимали их идеи как базовые, для разработки своих концепций свободы. Это означает, что «молчаливый» дух античной свободы, наконец, был воспринят равными по мысли философами, оценен по достоинству концептуально и духовно немецкими философами — классиками.

В античности, на момент разделения рассуждений на рациональные и материалистические, повседневная жизнь оставалась экспериментальным полем для подтверждения их достоверности. Адресная туманность посыла к «молчаливому духу» античной свободы постепенно становилась особой областью знаний: областью бессознательного, которую и материалисты, и рационалисты старались не принимать во внимание, поскольку в ней не работали законы идеального: логики, законы справедливости и нравственности. Поэтому рационалистический образ мышления уже тогда отличала связь разума и сознания с нравственностью и Благом. В поздний период Реформации разум и сознание прямо называются Божьими дарами, и с ними связывают спасение души. А во времена Лютера безнравственность, идущая от грехопадения, [11, с. 296] «лишает» человека «свободы воли» и делает его «неспособным» творить добро [11, с.297]. «Одновременно Лютер отрицал и этику Аристотеля, согласно которой добродетель можно воспитать». [11, с. 296]. Тем не менее, остаток дней поборник личной свободы Лютер посвятил борьбе с собственным учением в его радикальной форме и предпочитал «применение силы хаосу и анархии», которые развиваются в человеке благодаря основной черте его характера — эгоизму. Именно эгоизм заставляет человека трудиться, не ища гармонии между разумом и верой, которая применима к таким людям только в форме *fiducia*, то есть «в простодушной», «детской» форме. Основной вопрос, поставленный Лютером, касался свободы воли: «[...]свобода воли — вообще фикция или понятие, не выражающее никакого

смысла, поскольку человек не волен осуществлять выбор между злом и добром. [...] все предопределено заранее.» [11, с. 300]

Оппонент Лютера Эразм Роттердамский свободу выбора ставит в зависимость от ответственности: «Под свободным выбором мы понимаем могущество человеческой воли, позволяющей человеку направить усилие на спасение собственной души, либо [...] отвратить от этой цели» [11, с. 300]. Вполне логично, что Эразм связывает свободу воли с ответственностью, и расширяя смысл личной ответственности, допускает мысль об ответственности Бога за допущение зла в мире, а поскольку безответственный человек не отвечает за творимое им зло — это уже почти кантовское понимание свободы. Лютер вступил с Эразмом в активную полемику, в присущей ему страстной манере, что вызвало волнение их сторонников, и это противостояние религиозных деятелей вылилось в открытую и длительную религиозную войну. Кальвин, ссылаясь на Откровение, упразднил разрыв между трансцендентным Богом и человеком. Человек по — Кальвину, не способен к самостоятельному, по собственному желанию, приобщению к вере, к познанию Бога: приобщение к вере возможно исключительно через Таинства и через Его Откровение, по воле Бога. Таким образом, самостоятельность человека в познании Бога и мира, в овладении знаниями как ключом к совершенству, в данной интерпретации становится минимальной. М. Элиаде указывает на смещение градуса теологической обоснованности после Лютера. Самостоятельное богословие Лютера и Эразма, их осведомленность в значительной мере опирались на глубокое теологическое чутье и личное творческое дарование, что в период позднего Возрождения вполне соответствовало установлению нового уровня человеческого достоинства, поскольку уничтожало все авторитеты, кроме совершенной высшей фигуры — Бога. После Кальвина стало возможным политическое богословие, то есть активное участие церкви в политических играх, что открывает тему рассуждения о свободе, Боге и нравственности через участие в государственных делах.

Можно сказать, что, после идей античности, другой идеей, повлиявшей на формирование концепций свободы у Канта, Шеллинга, Фихте и Гегеля был протестантизм. Протестантизм, далеко не исчерпывающий всех важнейших идей, положенных классиками в идею оснований свободы, занял в их концепциях свободы такое место, которое невозможно обойти или игнорировать. Протестантизм настолько глубоко проникал в образ жизни, что буквально был «второй натурой» каждого немца. Идея Бога как таковая занимала в умах немецких интеллектуалов во времена Канта примерно столько же места, сколько занимало поклонение богам в античной философской среде. Это был скорее инструментальный образ для размышления, связанный с повседневным расписанием дня: немецкая добропорядочность питалась ежедневным трудом, формальным присутствием в церкви и добрыми делами. Тем не менее, практически никто из философов не отрицал существование Бога (поскольку

многие философы имели, как Гегель, профессиональное богословское образование), хотя границы и способ Его влияния у каждого философа значительно отличались.

«Summum bonum» католиков, означающее высшее или предельное благо, заменившее платоновское «εὐδαιμονία» (блаженство), теперь непременно связывалось с Богом. Христианские экзальтированные истории святых затмили прежние античные идеи восхождения к Высшему благу, Богу, Добру, Реальному. Все, связанное с Богом, приобретало характер истинности. В этой среде полнота бытия означала растворение в Боге как в сущем, что подвинуло идею автономии сознания, независимости от чего бы то ни было, на периферию жизненного существования. Свобода, приобретаемая через Бога и действующая от его имени, вбирала в себя идею соответствия высшему существу — Богу, но не полностью, а частично, как подражание Его «образу и подобию». Божественное действие стремится к раскрытию Бога среди людей, и люди должны стать проводниками божьих идей. Так формировался определенный образ жизни, векторно направленный на нравственное тихое существование в рамках божественного закона. Социальные и политические изменения, принесшие немцам мысль о возможностях человека, личного участия его в устройстве общественного порядка, породили не только стремление отгородиться от перемен преследованием инакомыслящих, но и мысли о возможной трактовке положений Библии в упрощенном варианте, адаптированном под простой люд.

Немецкое общество породило протестантизм как трансформированную, донельзя упрощенную католическую службу, максимально приблизив «дыхание Бога» к простому человеку. Сама жизненная среда стала олицетворением жизни в Боге: добропорядочность, любовь, совесть, милосердие, честность, труд — все это возводилось в истину, как единственная возможность без теологических нагромождений быть достойным поощрения Бога. Поскольку высшая справедливость предполагала награду за возможные лишения в силу честного образа жизни, лютеранин не сомневался, что Бог ему благоволит, если не лишает последнего и не доводит до отчаяния. Терпение и усердие сулило простому труженику райские блага в вечной жизни. Таким образом, интерес к божественному не исчез: он просто трансформировался в повседневный образ жизни, олицетворяющий божественную истину. Церквей, течений и многочисленных собраний во времена немецких классиков было великое множество: вся Германия была религиозно раздроблена, и попытки собрать верующих в единую церковь было практически нерешаемой задачей: многочисленные штунды и союзы постоянно объединялись, распадались, снова враждовали, и вели между собой искрометную борьбу за души немцев, которые предпочитали отсидеться дома за повседневной работой, нежели искать истину там, где ее потеряли сами богословы.

Политическая экзальтированность революций миновала Германию, но вспыхивала отдельными очагами в религиозной борьбе течений. Таким образом, в философии Нового времени наблюдались интересные контрасты: от пантеизма и безверия до формально-официального признания церкви и горячей веры в национальный дух возрождения и собственные интеллектуальные возможности. Романтические настроения поддерживались обществами, такими как «Буря и натиск» [6, стб.103–104], в частных газетах и журналах могли публиковаться статьи с откровенными нападками на церковь. Эти нападки во многом провоцировались падением авторитета церкви против новых протестантских учений и не всегда прямо отражали отношение к Богу, но властные структуры почти за лучшее погасить любые высказывания в прессе против церкви, не впадая в детали.

Ко времени зрелого возраста Канта, участники кружка «Буря и натиск» разбегались по курфюршества, кто-то, как Гете и И. А. Лейбениц, были приняты на государственную службу и не хотели рисковать карьерой государственного деятеля, а кто-то потерял себя, впал в ничтожество. Даже такому авторитетному философу как Канту, однажды высказавшемуся неосторожно в атеистическом ключе, пришлось долго объяснять, что он имел ввиду. Питавшиеся философией Канта поэты (Гельдерлин) и литераторы (Гаман) поспешили отмежеваться от его философии собственными рассуждениями. Так, Гаман в переписке с К. Я. Краусом, (1784) оспаривает идею Канта о полной автономии сознания, хотя до конца дней его авторитет как человека был безупречен. Можно утверждать, что классической философии присущи системность и верность вечным идеалам античности и Просвещения [7, с. 14]. Поэтому, несмотря на аутентичные разработки проблемы свободы, каждый из немецких философов — классиков имел то, что их объединяло: концептуально выстроенную идею, опирающуюся на давние античные традиции и современную классикам и навеянную идеями протестантизма модель устройства общества: общества, стремящегося к религиозной свободе, где Бог не довлел над человеческими делами и устремлениями, а был требовательным, но близким человеку Отцом. Невозможно говорить о немецкой философии, не учитывая историческую основу времени как религии протестантизма, возникшей в самом сердце Германии, вобравшей в себя всю национальную особенность немецкого народа: честность, стремление к независимости, послушание закону, стремление к добропорядочности и организации бытового пространства [10, с. 7]. Философски это означало стремление работать в идеалистическом ключе, интерес к исследованию сознания, диалектический метод, предполагающий развитие через противоречия, использование философии как поля для саморефлексии. Именно эти черты мы обнаруживаем в концепциях свободы Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля.

«Сотворение самого себя» как личности в значительной степени зависит от того, какие метафизические основания кладет человек в построение своей

свободы. Личность несостоятельна без свободы. Ее метафизические основания — краеугольный камень всего здания философии, поскольку вся она построена на автономии человеческого сознания от биологической, физиологической и социальной зависимости. Это предполагает наличие у человека абстрактного мышления, образующего определенный внутренний ресурс «Я», действующего как позитивное сознательное начало. Казалось бы, современная личность, знакомая с мировым опытом, не должна измениться настолько, чтобы потерять свое гуманистическое ядро. Но реалии ускоренного технологического процесса фиксируют общие негативные изменения интеллектуального и природного начал: снижение эмпатии от массовости поверхностных виртуальных связей, проблемы осмысления этических положений и трудности с усвоением моральных норм, рваность (фрагментарность) мышления из-за скорости информационного потока, уход от вечных и духовных ценностей в сторону материального и сиюминутного, рост тревожности и, одновременно, снижение таких проявлений личности как альтруизм, великодушие, милосердие.

Согласно Канту, уход от позитивного в негативное не может влиять на ценность человеческой личности, но ведь и не все могут с этим согласиться. Кант, как проявивший себя в космополитическом ключе, так же как и многие, с ним не согласные, являются отдельно взятыми личностями, имеющими свое мнение и влияние. И это влияние в современном ракурсе философской идеи о свободе рассматривает свободу примерно так, как ее рассматривали в период Реформации такие фигуры как М. Лютер. Свобода в этом ключе предстает формальной, условной стороной личности и не требует от человека всецелой деятельности по совершенствованию собственной личности и наличию в ней гуманистического начала, поскольку воля человека — в руках Бога. Кант связывал со свободой именно априорную привязку к высшей морали, то есть признавал ее нравственный вектор, а влияние «темной стороны» человеческой натуры приписывал зависимости от чувствительной природы, человеческому несовершенству и, следовательно, несвободе. Поэтому, в определении свободы у Канта прослеживается определенное позитивное начало.

Это позитивное начало рассматривается современными психологами К. Роджерсом, А. Маслоу в гуманистическом ключе и основывается на врожденной тенденции к самоактуализации личности. Сложно, да и невозможно представить, что такая важная составляющая свободы как автономия сознания может потерять свое основание только потому, что учеными естественнонаучного направления было обнаружено предварительное принятие решения до того, как это решение актуализируется и фиксируется приборами в сознании человека. Наука всегда является лишь частичным осмыслением законов природы и не может предоставить полный объем всех механизмов и структур, составляющих сознание человека. Осторожность при выводах,

касающихся автономии сознания, как базовой составляющей свободы, вполне обоснована, поскольку подготовлена всем корпусом философии свободы.

Поскольку нелинейность развития сознания базируется на идеальном содержании внутреннего мира человека, любая автономия может быть подвержена сомнению через материалистический способ рассуждения, сводящий явление к эмпирической достоверности. Но если нелинейность сознания предполагает наличие смыслов и ценностей личности, внутренние переживания, образы и представления, составляющие очертания личности, то есть то, что исключает возникновение качеств личности экспериментальным путем, то нам придется либо согласиться с тем, что такая личность по факту не является личностью, а лишь формально является человеком, и, соответственно, ему не нужна автономия и свобода как базовые принципы личности, либо принять на веру отсутствие причинно-следственной связи между результатами экспериментов и наличием автономии сознания, что зачеркивает их результат, либо же делать выводы, связанные с автономией сознания и свободой, осторожно, с возможной погрешностью на эмерджентность.

Основной причиной такой осторожности является проблема *qualitas* эксперимента, связанного с человеком, подвергающая сомнению материалистический подход из-за уникальных свойств личности. Более того, если многие структуры сознания, например, инсайты, не имеют измерительных параметров, и, следовательно, не могут быть однозначно и четко зафиксированы как принятое решение в момент его созревания, то возникает сомнение в верификации подобных экспериментов, и, соответственно, в объективности выводов об отсутствии автономии сознания. Таким образом, физикализм имеет право на существование как лишь одна из многочисленных теорий, подтверждающих несводимость «трудностей сознания» [Д. Чалмерс] к нейрофизиологическим процессам, то есть, к материальному подходу. А, поскольку субъективный опыт начинается с физической переработки информации, и, если мы ощущаем свободу на протяжении своей жизни, как свое собственное спонтанно возникшее и автономное решение, то какой смысл и разница в том, что это, возможно, иллюзия? Чтобы ответить на этот вопрос, вполне возможно, что придется обратиться к экспериментам совсем не материального порядка. На вопрошание, адресованное Тому, Кому известно все, известные в истории люди уже получали свои ответы. Можно как угодно негативно относиться к иррациональному, но нельзя не признать, что его роль долгое время оставалась для части людей весомой альтернативой материалистическому взгляду на жизнь. А это означает одно: снижение ценности рационального философского размышления и потеря человеком собственной личности, недооценка человеком своего «Я», отсутствие саморефлексии, неизбежно ведет к закабалению человека. Поиски новых путей к свободе человека должны быть главным признаком нового времени, целью которого является сохранение и развитие человека как уникального носителя нравственного творческого потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус, В. Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля / В. Ф. Асмус. — Текст: непосредственный // Вопросы философии. — 1995. — № 1. — С. 52–69.
2. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант; пер. с нем. — Санкт-Петербург: Наука, 1995. — 528 с. — Текст: непосредственный.
3. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. — Текст: непосредственный // Кант И. Сочинения: в 8 т. — Москва: ЧОРО, 1994. — Т. 4. — С. 205.
4. Кант, И. Религия в пределах только разума / И. Кант. — Текст: непосредственный // Кант И. Трактаты. — Санкт-Петербург, 1996. — С. 259–424.
5. Кузнецов, В. Н. Немецкая классическая философия: учебник / В. Н. Кузнецов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Высшая школа, 2003. — 438 с. — ISBN 5-06-004223-5. — Текст: непосредственный.
6. Махов, А. Е. «Буря и натиск» / А. Е. Махов. — Текст: непосредственный // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. — Москва: Интервак, 2001. — Стб. 103–104.
7. Мотрошилова, Н. В. Социально-исторические корни немецкой классической философии / Н. В. Мотрошилова; отв. ред. Т. И. Ойзерман; АН СССР, Ин-т философии. — Москва: Наука, 1990. — 205 с. — ISBN 5-02-008045-4. — Текст: непосредственный.
8. Мурский, В. В. Особенности фихтевского и античного пониманий диалектики / В. В. Мурский. — Текст: непосредственный // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2010. — Т. 11, вып. 4. — С. 79–82.
9. Платон. Менон / Платон; пер. В. Н. Карпова. — Текст: непосредственный // Сочинения Платона: в 6 т. — Санкт-Петербург: типография духовного журнала «Странник», 1863. — Т. 2. — С. 156–208.
10. Резвых, П. В. Свобода и предикация в творчестве Ф. В. Й. Шеллинга 1800–1810-х гг. / П. В. Резвых. — Москва: Изд-во Российского университета дружбы народов (РУДН), 2013. — С. 6–18. — Текст: непосредственный.
11. Элиаде, М. История веры и религиозных идей: От Магомета до Реформации / М. Элиаде; пер. с фр. — 2-е изд. — Москва: Академический Проект, 2009. — 463 с. — ISBN 978-5-8291-1142-7. — Текст: непосредственный.
12. Шеллинг, Ф. В. Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах; Бруно, или О божественном и естественном начале вещей. Разговор / Ф. Шеллинг; пер. с нем. Л. Мееровича, О. Давыдовой; под ред. Э. Л. Радлова. — 2-е изд. — Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. — 164 с. — ISBN 978-5-397-00526-5. — Текст: непосредственный.
13. Prauss, G. Moral und Recht im Staat nach Kant und Hegel / G. Prauss. — München: Verlag Karl Alber, 2008. — 149 S. — Текст: непосредственный.

Сивкова Юлия Михайловна,
магистрант РХГА имени Ф. М. Достоевского,
г. Санкт-Петербург;
sivkova.direct@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ЛИЧНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РЕШЕНИЙ: МНОЖЕСТВЕННЫЕ КОДЫ ПОДСИСТЕМ И ПРЕДЕЛЬНАЯ МЕРА ДОПУСТИМОГО

В статье исследуется проблема личной интеграции решений в условиях функциональной дифференциации современного общества, описываемого в системной теории Н. Лумана как сеть автономных функциональных систем. Под личной интеграцией решений понимается возможность для участника коммуникации интегрировать свою позицию (адресность, ответственность и произволение) в принятом решении как в собственном акте, когда оно проходит через множественные коды и процедуры функционально дифференцированного общества. Показано, что межкодовые коллизии и организационные «переводы» между различными режимами релевантности являются не отклонением, а нормальным следствием отсутствия взаимного управления между подсистемами. Анализируется, каким образом операционная замкнутость, самореференция и структуры ожиданий обеспечивают устойчивость коммуникации, одновременно производя риск деперсонализации через генерализацию ожиданий и единообразие реакции. На этом основании формулируется предел описательных возможностей системной теории: она объясняет, как формируются и стабилизируются социальные структуры, но не задаёт внешнего критерия допустимости воздействия на человека. В качестве такого некодового критерия предлагается богословско-антропологический горизонт достоинства лица (ипостаси), операционализируемый через индикаторы недопустимого воздействия.

Ключевые слова: системная теория, коммуникация, функциональная дифференциация, коды и программы, организации, структурная сопряжённость, ожидания, личная интеграция решений, достоинство, лицо (ипостась).

Yulia M. Sivkova

FUNCTIONAL DIFFERENTIATION AND PERSONAL INTEGRATION OF DECISIONS: MULTIPLE SUBSYSTEM CODES AND THE ULTIMATE MEASURE OF PERMISSIBILITY

This article examines the problem of personal integration in decision-making under the conditions of functional differentiation in modern society, which Niklas Luhmann's systems theory describes as a network of autonomous functional systems. By personal integration of decisions the article means the capacity of a communication participant to integrate their own stance (addressedness, responsibility, and volition) into an adopted decision as their own act when it passes through multiple codes and procedures of a functionally differentiated society. The paper shows that inter-code collisions and organizational «translations» between different regimes of relevance are not

deviations but a normal consequence of the absence of mutual control among subsystems. It analyzes how operational closure, self-reference, and structures of expectations sustain the stability of communication while simultaneously generating a risk of depersonalization through the generalization of expectations and the uniformity of response. On this basis, the article formulates a limit of the descriptive capacities of systems theory: it explains how social structures are formed and stabilized but does not provide an external criterion for the permissibility of impacts on the human being. As such a non-code criterion, the article proposes a theological-anthropological horizon of the dignity of the person (hypostasis), operationalized through indicators of impermissible influence.

Keywords: systems theory, communication, functional differentiation, codes and programs, organizations, structural coupling, expectations, personal integration of decisions, dignity, person (hypostasis).

В системной теории Н. Лумана современное общество определяется через форму функциональной дифференциации: оно представляет собой сеть автономных функциональных систем (право, экономика, наука, политика и др.), каждая из которых воспроизводит собственные операции, используя двоичный код и программы его применения к конкретным случаям [6, с. 164–169]. Операционная замкнутость таких систем означает, что внешние воздействия не могут детерминировать их «извне»: они выступают как раздражения (ирритации), которые получают значение лишь в рекурсивной сети собственных операций системы [6, с. 208–209]. В отношении общества это означает: общество производится и воспроизводится определённой операцией, и этой операцией является коммуникация [5, с. 72].

Луман последовательно уточняет: не индивид, не действие, а единичная коммуникация является «элементом» социальной системы. Коммуникация удерживает единство как событие, синтезирующее информацию — сообщение — понимание [7, с. 322]. Именно это единство образует её конститутивный уровень. Из этого следует, что социальная система может проявлять собственные операции лишь через последующую коммуникацию; она не может «использовать» вместо этого химические, нейрофизиологические или ментальные процессы, хотя они участвуют в условиях возможности коммуникации [7, с. 225]. Тем самым снимается привычная интуиция о том, будто общество «состоит из людей»: люди (как организмы и как сознания) принадлежат окружающему миру общества, тогда как общество относится к связям коммуникаций [5, с. 72].

Операционная замкнутость и самореференция задают условия устойчивости такой коммуникации. Операционная замкнутость означает, что социальная система воспроизводит себя только через собственные операции: коммуникация продолжается исключительно в форме новой коммуникации. Поэтому нельзя говорить ни о прямой «передаче» мыслей между сознаниями, ни о непосредственном «встраивании» внешних состояний в общество. Самореференция означает, что система соотносится с собой в собственных операциях, воспроизводя собственные различия и тем самым определяя, что считать релевантным в пределах её коммуникативного процесса.

В частности, Луман подчёркивает, что конфликт не является «неполадкой» коммуникации: конфликт возникает как прокоммуницированное «нет» на предшествующую коммуникацию и тем самым продолжает коммуникацию через использование отказа [7, с. 508]. Устойчивость общества, следовательно, не равна отсутствию напряжений; она обеспечивается тем, что система умеет включать напряжения в собственную коммуникативную работу.

На уровне функционально дифференцированного общества эта устойчивость приобретает институционально оформленные механизмы: коды функциональных систем, на основе которых осуществляется их аутопойезис и отдифференциация (становление автономной подсистемы), причём бинарный код «исключает лишь третьи возможности» [6, с. 170], программы, связывающие применение кода с повторяемыми решениями [6, с. 261], а также символически генерализованные медиа коммуникации, берущие на себя функцию превращения принятия коммуникации в ожидаемое событие в тех случаях, когда её отклонение представляется вероятным [5, с. 338], и организационные решения/процедуры, обеспечивающие повторяемость применения программ в форме решения [6, с. 261].

Внутри социального Луман различает формы, т.е. способы образования социальных систем: общественные системы, системы организации и системы интеракции. Эти формы следует различать, поскольку они «несводимы друг к другу» [7, с. 527]. Различение общества и интеракции важно и в том смысле, что системы интеракции всегда предполагают общество, без которого они не могли бы ни начаться, ни закончиться, но тем не менее не тождественны общественным системам [7, с. 528].

Функциональная дифференциация описывает общество как сеть автономных функциональных систем, каждая из которых конституируется и воспроизводится собственной операционностью. Отдифференциация функциональных систем становится возможной постольку, поскольку каждая из них располагает собственным кодом, обеспечивающим её аутопойезис [6, с. 170]. Из самой формы функциональной дифференциации следует, что для «управления» отношениями общества с окружающим миром не может существовать управляющего центра или «центрального агентства»: функционально дифференцированное общество «оперирует без верхушки и без центра» [6, с. 222]. Отсюда вытекает принципиальная невозможность единого мета-уровня, который мог бы нормативно или операционно «сводить» различные функциональные коды в одно решение.

Чтобы не смешивать уровни описания, в статье вводится различение код — программа — медиум, где код и программа относятся к логике отбора внутри функциональных систем, а медиум — к условиям вероятности успешной коммуникации. Код задаёт бинарную форму различения и тем самым радикально упрощает отбор, поскольку двузначная логика

«исключает всякое третье» [6, с. 331]. Программы фиксируют применимость кода к конкретным случаям и, в организации, действуют как ожидания, значимые не для одного, а для множества решений [6, с. 261].

Термин «медиум» здесь используется не как «культурный носитель вообще», а строго в лумановском смысле медиа успеха: средств, повышающих вероятность принятия коммуникации в ситуации, когда отклонение вероятно [5, с. 218; 5, с. 338]. В этом смысле символически генерализованные медиа коммуникации выступают функциональным эквивалентом привычных нормативных механизмов интеграции, поскольку они перерабатывают проблему невероятности коммуникации, превращая принятие в ожидаемое событие (при наличии да/нет-кодирования языка) [5, с. 338]. Такое уточнение снимает риск смешения: код и программа описывают внутреннюю селекцию функциональной системы, а медиум — механизм повышения вероятности успешности коммуникации (как «медиа успеха») [5, с. 218; 5, с. 338].

Различие особенно заметно на примере организаций. Организации полагаются на пересечении функциональных систем: больница, университет, редакция, суд одновременно вынуждены учитывать различия науки, права, экономики, политики. Организация заимствует коды у функциональных систем, чтобы быть распознаваемой как «суд» или «банк», но собственную реальность выстраивает через решения, распределение полномочий и процедуры; её «собственный мир» организуется через различие между программами и решениями [6, с. 261]. Это позволяет организациям выступать «пунктами перевода» между кодами: научная публикация может быть превращена в юридически значимый документ, а юридическое решение — в экономический платёж или организационное распоряжение.

Риск, возникающий в этой логике, в статье обозначается как риск процедурной редукции (далее — «процедурная редукция»): формальная корректность выполнения решения по программе и процедуре может расходиться с требованиями адресности и ответственности в конкретной ситуации. Системная теория объясняет, почему организации так устроены (решения должны быть повторяемы и проверяемы через формы решения и программы), но не задаёт критерий того, какие решения допустимы в отношении конкретного участника коммуникации, если формальная корректность расходится с требованиями адресности и ответственности в конкретной ситуации [6, с. 261].

Чтобы понять, почему межкодовые переводы не исчерпывают человеческую проблему, необходимо прояснить связь *social* и *psychic*. Луман описывает её понятием структурной сопряжённости: социальные и психические системы операционно замкнуты, но исторически «настроены» друг на друга через устойчивые интерфейсы (язык, адресации, роли, процедуры) [4, с. 126–127]. Общество производит формы ожиданий и раздражений, а психическая система изменяется (или нет), отвечая собственными операциями. Это

снимает наивную причинность вроде «общество заставило человека»: общество может лишь производить раздражения, а сознание отвечает внутренней селекцией смысла [6, с. 208–209; 7, с. 225].

Ключевой механизм, через который социальная система стабилизирует свои операции, Луман называет структурами ожиданий: «социальные структуры» выступают как структуры ожидания [7, с. 384]. Ожидания формируются через ограничение пространства возможностей; коммуникация за счёт выбора тем «быстро исключает многое» и тем самым создаёт ожидания [7, с. 384]. Важен эффект: отклоняющееся событие, разочаровывающее ожидание, может восприниматься как помеха без необходимости выяснять причины; именно здесь происходит эффективная редукция комплексности [7, с. 384–385]. Луман показывает, что ожидания обладают не только предметной, но и временной и социальной генерализацией: генерализованные ожидания способны «поглощать ненадёжность», а система — отвечать одной и той же реакцией на различные раздражения окружающего мира, редуцируя его комплексность [7, с. 430]. Именно поэтому ожидания можно рассматривать как один из ключевых «интерфейсов» структурной сопряжённости: они задают формы социально производимых раздражений, на которые психическая система отвечает собственной селекцией смысла, не нарушая операционной замкнутости [7, с. 384–385; 7, с. 430]. Этот ход принципиален для нашей темы: он объясняет, почему функциональные подсистемы могут быть устойчивыми при высокой неопределённости, но одновременно показывает, что редукция комплексности осуществляется через «единообразие реакции», то есть через абстракцию и упрощение. В конкретных ситуациях коммуникации именно эта абстракция создаёт риск деперсонализации: система склонна отвечать стандартно там, где конкретный участник коммуникации предполагает адресный ответ.

На этом фоне становится видна проблема личной интеграции: один и тот же участник коммуникации одновременно включён в несоизмеримые режимы релевантности (наука требует истинности, право — допустимости, экономика — платёжеспособности, организация — решения по процедуре, публичность — репутационного эффекта). Межкодовые коллизии возникают не как «ошибка управления», а как нормальное следствие функциональной дифференциации, поскольку функциональные системы предполагают выполнение других функций «где-либо ещё», а потому не существуют возможностей взаимного управления между ними [6, с. 171]. Структурная сопряжённость social/psychic объясняет устойчивые корреляции между общественной коммуникацией и сознаниями, однако сама по себе остаётся описательной: она фиксирует, как возникают раздражения и ответы, но не вводит нормативной меры различения между допустимым влиянием и недопустимым принуждением в отношении конкретного участника коммуникации.

Отсюда центральный вопрос: возможна ли личная интеграция — «соби- рание» — решений поверх множественных кодов при сохранении их опе- рационной автономии, и по какому внешнему, некодовому критерию она распознаётся? Предлагаемая гипотеза формулируется в богословско- антропологическом регистре. Такой выбор методологически мотивирован следующим. Психологические подходы могут описывать интеграцию в тер- минах психических процессов и состояний; в лумановской оптике это озна- чает, что такое объяснение остаётся в горизонте психических систем — даже если в него включают социальные условия и контексты.

Философская этика предлагает нормативные критерии, однако в усло- виях функциональной дифференциации они нередко институционализиру- ются как процедуры и тем самым «перекодируются» в логике отдельных под- систем. Богословский же регистр позволяет артикулировать лицо (ипостась) и его неотчуждаемое достоинство как внешний по отношению к социаль- ным кодам нормативный горизонт различения допустимого и недопусти- мого, не сводимый к процедурам и задающий предельную меру допустимого воздействия на человека. Речь идёт не о «научном доказательстве» богослов- ской нормы, а о методологическом выборе внешнего нормативного крите- рия для оценки человекоразмерности решений при сохранении описатель- ной (нормативно нейтральной) оптики системного анализа.

Переход к богословско-антропологическому регистру требует терми- нологической ясности: в каком смысле «лицо» (ипостась) может служить внешним, некодовым критерием. В «Философских главах» Иоанн Дамаскин фиксирует различие уровней описания: природа/сущность (то, что общее) отвечает на вопрос «что есть предмет», тогда как ипостась (лицо) относится к индивидуальному и отвечает на вопрос «кто» [3, с. 77]. Соответственно, лицо (ипостась) не выражает «что» и не исчерпывается набором общих определений, поскольку относится к конкретности субъекта, обозначаемой именем [3, с. 56; 3, с. 77]. В этой логике ипостасное измерение принципи- ально не редуцируемо к тем описаниям, которые работают с общими при- знаками, типизациями и процедурами.

Патристическая линия, к которой мы обращаемся, развивает это раз- личие на материале тринитарной и христологической мысли, где «лич- ная форма бытия ипостаси» фиксируется как особый способ говорить о конкретности субъекта, не сводимой к уровню сущности и её признаков [1, с. 599; 1, с. 753]. Тем самым вводится внешний для социальных кодов горизонт: то, что может быть корректно описано и формально выполнено «по коду» и «по процедуре», не исчерпывает предельных условий допусти- мого обращения с человеком.

Из этого следует нормативный вывод: достоинство человека задаёт предельную меру допустимого воздействия — границу, за которой внутри- кодовая корректность и процедурная эффективность перестают быть

достаточными, поскольку затрагивают условия личной ответственности. Нормативное основание этой меры связано с пониманием действия как личностно-ответственного: оно предполагает произволение и потому не может быть произведено принуждением. Иоанн Дамаскин подчёркивает, что каждый «по собственному произволению» становится добрым или злым, а добро мыслится как самовластное и свободное от принуждения [2, с. 321; 2, с. 324]. Следовательно, там, где решение достигается ценой исключения произволения — через давление или «безальтернативность» процедуры, — нарушается предельное условие личной ответственности и тем самым затрагивается достоинство человека.

В рамках данной статьи этот принцип используется не как «метакод», подменяющий юридические, экономические или научные критерии, а как внешний нормативный предел: он задаёт границу, после которой внутри-кодовая корректность перестаёт быть достаточной, поскольку подрывает возможность личной интеграции решений. Далее этот предел выражается через индикаторы недопустимого воздействия, позволяющие различать случаи, где процедурно корректное решение становится антропологически разрушительным.

Предельная мера достоинства операционализируется через четыре индикатора недопустимого воздействия. Во-первых, инструментализация: человек рассматривается как средство (ресурс, данные), а не как адресат общения и носитель произволения. Во-вторых, деперсонализация: исчезает адресность «кто — к кому», и коммуникация превращается в обработку случая без субъекта (без признания личной ответственности и свободы ответа). В-третьих, легитимация причинения вреда соображениями эффективности: ущерб, унижение или игнорирование значимых обстоятельств оправдываются тем, что «так быстрее», «так выгоднее», «так по регламенту». В-четвёртых, принуждение вопреки произволению и ответственности: субъект вынужден действовать против внутреннего чувства ответственности, поскольку программа/процедура не оставляет реальной альтернативы (исключает возможность свободного согласия или отказа). Эти индикаторы позволяют различить «корректность по коду» и «допустимость с точки зрения достоинства» без введения метакода: речь не о замене юридических, экономических и научных критериев, а о задании предела, после которого внутри-кодовая корректность перестаёт быть достаточной. Методологически это предполагает: (1) фиксацию задействованных кодов/программ и организационных переводов, (2) проверку решения по индикаторам недопустимости и при необходимости — пересборку программы/процедуры. Тем самым сохраняется операционная автономия функциональных систем при удержании внешнего предела допустимого.

Проведённый анализ показывает, что логика функциональной дифференциации позволяет непротиворечиво объяснить устойчивость современного

общества без апелляции к центру или мета-уровню управления: автономные подсистемы воспроизводят коммуникацию по собственным кодам и программам, а организации обеспечивают перевод и закрепление этих различий в решениях и процедурах. Межкодовые коллизии в такой конфигурации не являются «сбоем», подлежащим устранению, поскольку вытекают из самой формы дифференциации; следовательно, задача анализа состоит не в устранении коллизий как таковых, а в их корректном описании и выявлении того, что именно редуцируется и что при этом теряется.

Показано также, что структурная сопряжённость social/psychic и структуры ожиданий объясняют устойчивые корреляции между общественной коммуникацией и сознаниями без введения прямой причинности. Однако именно механизмы стабилизации — генерализация ожиданий, абстракция и единообразие реакции — создают системный риск деперсонализации: в конкретных ситуациях коммуникации формально корректное решение может становиться адресно неадекватным и подрывать ответственность субъекта. Тем самым выявляется граница системной теории: она описывает «как» возникают и воспроизводятся социальные формы, но не устанавливает «какова допустимость» воздействия на человека в случаях, когда процедурная корректность вступает в напряжение с условиями личной ответственности.

Введение богословско-антропологического регистра обосновано как методологический выбор внешнего нормативного критерия, не заменяющего коды и программы функциональных систем, но задающего предельную меру допустимого. В этом горизонте достоинство лица (ипостаси) выступает не метакодом, а пределом, позволяющим различать случаи, где внутри-кодовая корректность перестаёт быть достаточной. Операционализация этого предела через индикаторы недопустимого воздействия задаёт возможность аналитически фиксировать, когда организационная процедура начинает разрушать адресность, свободу и условия ответственности. Таким образом, статья удерживает описательную силу системной теории и одновременно вводит некодовый критерий, необходимый для обсуждения личной интеграции решений в поликонтекстном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасий Великий, свт., архиеп. Александрийский. Творения: в 3 т. Т. 1: Творения апологетические, догматико-полемические и историко-полемические. Прил.: Иером. Кирилл (Лопатин). Учение святого Афанасия Великого о Святой Троице / свт. Афанасий Великий, архиепископ Александрийский. — Москва: Сибирская Благовонница, 2015. — 864 с. — (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе; т. 8). — Текст:

непосредственный.

2. Иоанн Дамаскин, прп. Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания / прп. Иоанн Дамаскин; пер. и коммент. Д. Е. Афиногорова, А. А. Бронзова, А. И. Сагарды, Н. И. Сагарды. — Москва: Индрик, 2002. — 420 с. — Текст: непосредственный.
3. Иоанн Дамаскин, св. Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. Т. 1 / св. Иоанн Дамаскин; пер. с греч. — Санкт-Петербург: Издание Императорской С.-Петербургской Духовной Академии, 1913. — 466 с. — Текст: непосредственный.
4. Луман, Н. Введение в системную теорию / Н. Луман; под ред. Д. Беккера; пер. с нем. К. Тимофеева. — Москва: Логос, 2007. — 360 с. — Текст: непосредственный.
5. Луман, Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система; Кн. 2: Медиа коммуникации; Кн. 3: Эволюция / Н. Луман; пер. с нем. А. Антоновский (кн. 1, 3); А. Глухов, О. Никифоров (кн. 2). — Москва: Логос, 2011. — 640 с. — Текст: непосредственный.
6. Луман, Н. Общество общества. Кн. 4: Дифференциация; Кн. 5: Самоописания / Н. Луман; пер. с нем. Б. Скуратов (кн. 4); А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева (кн. 5). — Москва: Логос, 2011. — 640 с. — Текст: непосредственный.
7. Луман, Н. Социальные системы: Очерк общей теории / Н. Луман; пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. — Санкт-Петербург: Наука, 2007. — 333 с. — Текст: непосредственный.

Мельников Захар Геннадьевич,
магистрант
РХГА имени Ф.М.Достоевского

МАТЕРИЯ КАК ПРЕДЕЛ: НЕОПЛАТОНИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ И АКСЕЛЕРАЦИОНИСТСКАЯ ДИНАМИКА

В статье рассматривается место акселерационистской философии Резы Негерестани и Ника Лэнда в контексте неоплатонической онтологии, опираясь на гипотезы Платона в диалоге «Парменид» и интерпретации Плотина. Принимая неоплатоническую систему как универсальную основу западной философии, автор анализирует переход от сверхбытийного Единого к не-единому, материи как пределу падения и её связи с современными акселерационистскими идеями. Через призму работ Жоржа Батая, Ника Лэнда и Резы Негерестани раскрывается динамика накопления, катастрофы и эсхатологического переворота, с акцентом на роль капитала, технологий и ИИ в достижении онтологической бездны.

Ключевые слова: неоплатонизм, акселерационизм, Платон, Плотин, Прокл, Батай, Лэнд, Негерестани, материя, катастрофа, капитал.

Zahar G. Melnikov

MATTER AS THE LIMIT: NEOPLATONIC ONTOLOGY AND ACCELERATIONIST DYNAMICS

The article examines the place of the accelerationist philosophy of Reza Negarestani and Nick Land within the framework of Neoplatonic ontology, drawing on Plato's hypotheses in the dialogue Parmenides and their interpretations by Plotinus. Treating the Neoplatonic system as a universal foundation of Western philosophy, the author analyzes the transition from the supra-ontological One to the non-One, matter as the limit of ontological descent, and its relation to contemporary accelerationist ideas. Through the lens of the works of Georges Bataille, Nick Land, and Reza Negarestani, the article elucidates the dynamics of accumulation, catastrophe, and eschatological reversal, with particular emphasis on the role of capital, technology, and artificial intelligence in reaching the ontological abyss.

Keywords: Neoplatonism, accelerationism, Plato, Plotinus, Proclus, Bataille, Land, Negarestani, matter, catastrophe, capital.

Неоплатоническая онтология, укоренённая в диалоге Платона «Парменид», предлагает универсальную модель для понимания западной философской традиции. Особый интерес представляют гипотезы не-единого, описывающие состояние после исчерпания единства, где материя предстаёт как нижний онтологический предел. Настоящая статья исследует, как эта схема соотносится с акселерационистской философией Ника Лэнда и Резы Негерестани, где капиталистическое ускорение и технологический прогресс

ведут к аналогичному «падению» в бездну чистого количества и самоуничтожения.

Диалог «Парменид» Платона начинается с сверхбытийного апофатического Единого, которое разворачивается в Единое-Многое как причину множественности. Далее следует переход в мир феноменов — Единое и Многое трансляция бытия на низшие инстанции. После следует взгляд обратный — от феноменов на инстанции выше, Многое и Единое. После остаётся лишь Многое. Однако фокус настоящего анализа — на гипотезах не-единого, описывающих состояние после развертывания единого-многого до точки материи.

Седьмая гипотеза утверждает отсутствие единого, где многое предоставлено самому себе. Восьмая гипотеза предполагает, что многое существует для многого, то есть отдельные атомы множественности проявляются через взаимодействие. Девятая гипотеза подводит к полному отрицанию: ни многого, ни единого нет. Возникает вопрос: что представляет собой нижнюю онтологическую границу в этой схеме?

В «Третьей Энеаде» Плотин описывает не-сущее как нечто, что «едва ли могло принять и имя сущего, но приличнее называть её не-сущим: но не в том смысле, в каком движение или покой не есть сущее, но истинно не-сущим; Она — лишенность всякого сущего. Все за что она себя выдает — есть ложь; она сама есть ложь» [9, с 245].

Плотин подчёркивает роль Ума, который отыскивает двойственность через деление до простого, не поддающегося дальнейшему разделению. Это происходит на стадии, когда в Душе возникает вспышка Ума, именуемая Логосом. Логос действует в зоне чистого нисхождения в множество: умаление Ума доходит до стадии глупости, множится, пока Ум не достигнет своей противоположности. Противоположность Ума — безумие, логическое продолжение его умаления по нисходящей траектории.

Таким образом, переход к чистому количеству неизбежен: количественное уплотнение разделённого Умом становится невозможным в плотных, тёмных пространствах. Материя превращается в патологию, поскольку «материя постигается размышлением не исходящим из ума, а пустым» [9, с 124]. Эта пустота онтологична, переходя в чистое количество, и представляет общий предел падения — бездну (βάθος). Не-Ум материи выходит в чистую плотность: распухающую и поглощающую; дробленные световые остатки кипящей пеной паразитарно вклиниваются в предел световых границ, при такой интенсивности чистый хаос представляет неразрешимое уравнение квадратуры круга, когда квадрат или лучше сказать куб представляет обратный шару по интенсивности геометрический предел. Этот предел сам задан как потенция, его оформление подобно отёсыванию камня, придавая его ребрам и углам законченную форму. Абсолютная плотность

максимально геометрична, а не абстракта, в отличие от её разжиженной формы на более тонких онтологических уровнях.

Переходя к актуальным философским проблемам, нельзя обойти вниманием Жоржа Батая, чья работа «Проклятая часть» (1949) повлияла на акселерационизм, в частности, на ранние тексты Ника Лэнда, такие как «Жажда аннигиляции» (1992). Батай анализирует солярные культы через призму веберовской критики капитализма, возводя отношения с Солнцем к вечным экономическим моделям.

Солнце предстаёт как вечно жертвующий себя Бог, требующий взаимной жертвы от людей — «проклятой части». Его энергетическая открытость — есть чистая трата, это перводействие чистой жертвенности, вовлекает в экономические отношения требуя взаимности, взаимность же определяет трату полученного от Солнца. Накопление в такой системе невозможно: ацтеки приносят кровавые жертвы, ведут войны; в других культурах это трансформируется в налогообложение, грандиозные стройки (египетские пирамиды, католические соборы) или современные войны. Само наличие Солнца заходящего и восходящего, работает как закон приравнивающий создание уничтожению, рождение смерти, взвешивая равные части и возвращая полученное обратно к своему источнику — Богу. Протестантизм узаконил накопление, сместив традиционные формы в подавленное (в психоаналитическом смысле), что привело к вспышкам психозов, появлению маньяков (например, процесс Жюль де Рэ, изучаемый Батаем) и эскалации катастроф. Вспышки работают как скачки, отсюда все проблемы креативной культуры, можно связать эти вспышки со сменами источников энергии и промышленными революциями, после долгих застоев, они вспыхивают со страшной силой, в неконтролируемые процессы как было при появлении паровых двигателей, электроэнергии, ядерной энергетики.

Интересно отметить этимологическую связь: термин «катастрофа» однокоренной с «эпистрофе» (ἐπιστροφή) у Прокла, обозначающим возврат Ума после нисхождения в материю обратно к первоисточнику. Если эпистрофе — поворот вверх, то катастрофа — поворот вниз, в подавленное. Таким образом, Батай остаётся в рамках неоплатонической модели, описывая процесс, разворачивающийся в обратном онтологическому «верху» направлении.

Акселерационизм Ника Лэнда предполагает капиталистическое пере-производство: разворачивание протестантского накопительства до миазматического роста произведённого, то есть превращение этот процесс в бесконтрольное накопление и перепроизводство. Ускорение во всех сферах освобождает капитал от эксплуататора и человека, превращая его в «дионисийскую-кастрирующую экономику». Лэнд метафорически именует капитал «Кали-Капиталом» — в честь разрушительной индуистской богини. Другая метафора — земное ядро, которое он называет Ктелл, противопоставляющее себя Батаевскому Солнцу: оно преобразует

задержанную солнечную энергию в нечто, способное выйти из экономических отношений через магматическую вспышку и самоуничтожение. Ктелл находится на обратной стороне, это уже не жертва, а получатель, который принимая в себя, причащаясь полученным, якобы, должен принять форму Солнца, удержав и трансформировав его энергетику.

Реза Негерестани развивает эти идеи через зороастрийский миф о братьях Ормузде (Боге) и Ахримане (Дьяволе). Ормузд подобен Батаевскому Богу, Ахриман — гниющему потухшему солнцу, нефти. Задача петрополитики — восстать против Солнца, возжечь ядро Ахримана как альтернативу гелиоцентрическому капитализму. Дать Ахриману быть светилом, в отличие от самозванца Ормузда. Другой образ — миф о Нергале и Эрешкегаль: Нергал — солнечный Бог, влюбился в богиню подземного мира Эрешкегаль и спустился к ней под землю, что не понравилось остальным солярным богам. Боги просили Эрешкегаль вернуть Нергала, но та сказала, что если они его у неё заберут, то она оживит мертвых, с этим солнечные боги согласиться не смогли. Так Нергал порвав с солярным капитализмом превращается в божество войны и мора.

Перепроизводственное ядро соотносится с точкой бездны в неоплатонической схеме: преумножение представляет миазматический рост мусора, наблюдаемый в товарном фетишизме, ускорении политических технологий, медиа, сетевых структурах и ИИ. Последний аккумулирует технологические мощности, энергию и ресурсы, особенно учитывая влияние Лэнда и Кёртиса Ярвина на Силиконовую долину. Эта философия продолжает логику троцкистской революции и эсхатологической фантазии о мире без человека и Бога. Суперкомпьютеры, большие техно-фермы, серверные — это все места по задержке и переработке задержанной энергии, превращенной в невзаимный процесс работы на акселерационное ядро. Насыщение этого ядра ведет к информационному, экономическому и политическому перегреву, состоянию постоянной эскалации во всех сферах, без какого либо охлаждения, либидинальные вспышки не приводят ни к какому разрешению, ускорение — подобно тепловой машине ведет только к уничтожению, каждая машина стремиться к смерти и износу, механизация не претендует на вечность. Вечность в рамках катастрофы исключена, все что ниспало в землю, находится в состоянии беременности, но все никак не может разродиться, мучаясь в температурном бреде и агонии.

Если следовать принципу — “что вверху, то и внизу”, в эсхатологической перспективе мы можем предположить, что переход в точку бездны произведет нечто вроде переворота песочных часов, образуя что-то подобное вечному возвращению Ницше или другой более катастрофичный вариант: сегодняшнее её состояние ещё находится в рамках логики, сохраняя остатки божественного ума, хоть и затуманенных постлогическими тяжеловесными конструкциями, а пределом будет самоуничтожение, поскольку это

признание абсолютной тщеты и лишённости, что вписывается в неоплатоническую логику умаления Ума и свидетельствует о его отсутствии, состоянии опустошенного сосуда после извержения — возврата (ἐπιστροφή).

Акселерационистский Ктелл и желание противопоставить перегретое ядро — Уму, наоборот напоминает зажигание во тьме нового источника, который откроет двери в более глубокие пространства, без неоплатонического возврата (ἐπιστροφή). Закрываясь сверху, от высших онтологических сфер, ядро прячется от зараженного ангажированными солярного капитализма, освящая тьму за собой, задержанным Светом-Умом. Остается открытым вопрос может ли это ядро вечно оставаться энергетически стабильным для поддержания новой онтологии, или нас ждет её истощение или принятие в космос большой онтологии Единого сфер некогда бывших не-Умом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батай, Ж. Проклятая часть / Ж. Батай. — Москва: Ладомир, 2006. — 384 с. — Текст: непосредственный.
2. Дамаский. Комментарии к «Пармениду» Платона / Дамаский. — Санкт-Петербург: Мирь, 2008. — 752 с. — Текст: непосредственный.
3. Делез, Ж. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Екатеринбург: У-Фактория, 2010. — 432 с. — Текст: непосредственный.
4. Делез, Ж. Тысяча плато / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Екатеринбург: У-Фактория, 2010. — 448 с. — Текст: непосредственный.
5. Лэнд, Н. Жажда аннигиляции / Н. Лэнд. — Москва: Эсхатон, 2025. — 480 с. — Текст: непосредственный.
6. Лэнд, Н. Сочинения: в 4 т. / Н. Лэнд. — Москва: HylePress, 2025. — 1025 с. — Текст: непосредственный.
7. Негерестани, Р. Циклопедия / Р. Негерестани. — Москва: Носорог, 2017. — 656 с. — Текст: непосредственный.
8. Платон. Парменид / Платон. — Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2017. — 224 с. — Текст: непосредственный.
9. Плотин. Эннеады / Плотин. — Санкт-Петербург: Квадривиум, 2017. — 2656 с. — Текст: непосредственный.
10. Прокл Диадокх. Комментарии к «Пармениду» Платона / Прокл Диадокх. — Санкт-Петербург: Мирь, 2006. — 752 с. — Текст: непосредственный.
11. Харман, Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Г. Харман. — Москва: Ad Marginem, 2016. — 288 с. — Текст: непосредственный.

Суханов Вячеслав Иванович,
студент Института философии человека
РГПУ имени А. И. Герцена,
slavinapochta777@gmail.com

СРАВНЕНИЕ ПЕДАГОГИКИ СОКРАТА У ПЛАТОНА И КСЕНОФОНТА

Благодаря своему великому ученику Сократ в истории философии занимает одно из самых почетных мест, но ценой за такую славу служит забвение его аутентичной философии. Чтобы восстановить подлинный образ и содержание его мышления, требуется проводить спекулятивные реконструкции всех свидетельств о Сократе. В данной статье предлагается подобная попытка синтеза педагогической теории Сократа с привлечением ныне малопопулярного Ксенофонта в роли диалектического «противовеса» Платона.

Ключевые слова: Сократ, Платон, Ксенофонт, педагогика, античность.

Vyacheslav I. Suhanov

COMPARISON OF SOKRATES' PEDAGOGY IN PLATO AND XENOPHON

Thanks to his great disciple, Socrates occupies one of the most honorable places in the history of philosophy, but the price for such fame is the oblivion of his authentic philosophy. In order to restore the true image and content of his thinking, it is necessary to carry out speculative reconstructions of all evidence about Socrates. This article suggests a similar attempt to synthesize the pedagogical theory of Socrates by using the now unpopular Xenophon as a dialectical "counterweight" to Plato.

Keywords: Socrates, Plato, Xenophon, pedagogy, antiquity.

Жизнь и деятельность Сократа проходили в болезненный период нравственно-политического кризиса древнегреческого полиса, когда народное собрание с удовольствием вслушивалось в софистические речи, а хранение и исполнение «благочестивого» возложено на людей вроде Евтифрона. Налицо было явное ухудшение качества образования, ибо его выпускники отныне не могли вести полис к процветанию. Такой упадок естественным образом вызывает необходимость в реформе морали. Конечно же, не одним только этим фактом обусловлена философия Сократа, но её педагогическая часть была направлена на преобразование социального порядка через воспитание нового типа ответственных и сознательных граждан ввиду условий разложения традиционного аксиологического основания организации общества. Исходя из исторических предпосылок мы можем заключить, что педагогика Сократа имела явный гражданский импульс.

Заметим, что проблема образования для Сократа — это не проблема развития научного знания, которое было представлено натурфилософией и от изучения которого, как известно из «Апологии», Сократ отказался в юности; в первую очередь — это проблема личности и духовного склада человека. Технологические инновации и вызванные ими изменения в обществе (а в исторической ретроспективе переход от первобытного способа производства к рабовладельческому был радикальной технологической инновацией) требуют переосмысления места человека в этом мире, ибо прошлые представления устарели и вступали в жестокое противоречие с реальностью. Гуманитарное образование как институт формирования культурного и политического дискурса находит свое непосредственное единство в личности, которая воспринимает новые идеи и претворяет их в жизнь, наделяя смыслом постоянно открывающийся и расширяющийся материально-технический космос, и тем самым вновь и вновь воссоздает общество. Именно личность, или, следуя античной терминологии, душа были высшей целью педагогики Сократа.

Отступим на шаг назад от непосредственной реконструкции сократического метода и обратимся к источникам нашего знания о нём. Ими являются два лица: Платон и Ксенофонт. Бертран Рассел резюмирует исторический парадокс сведений о Сократе так: Платон настолько талантлив, что мог полностью выдумать его, Ксенофонт настолько приземлен, что мог его полностью перевернуть. Относительно Платона состоялся такой консенсус: «Апология» признается «стилизованной правдой», диалоги раннего периода написаны под сильным влиянием сократических идей, в среднем периоде персонаж Сократа транслирует платоновские рассуждения, имеющие сократические корни, а в позднем от Сократа остается только имя. Поэтому для нас особую ценность будут представлять диалоги первой категории. Но вот с Ксенофонтом ситуация обстоит иначе. Один из известнейших критиков Ксенофонта — Теодор Гомперц — отзывался о качестве его мемуаров о Сократе так: «Так велико количество несократовского, даже недостойного Сократа в «Меморабиях», что современные ученые, которым бы хотелось согласовать высокую оценку излагаемого материала с оценкой автора, не побоялись объявить неподлинными значительные части этого сочинения и считали их прибавлениями позднейших читателей — довольно насильственный прием, который в руках одного критика довел до уничтожения большей части «Меморабий». Эти насильственные приемы, сопровождаемые не менее произвольным отбрасыванием хорошо засвидетельствованных мест ксенофоновских сочинений, не всецело лишены ценности, потому что они свидетельствуют о противоречии между традиционной высокой оценкой Ксенофонта и впечатлением, которого нельзя избежать при беспредвзятом рассмотрении его сочинений» [5, с. 124]. Гомперц вменяет Ксенофонту в вину чрезмерное упрощение философии Сократа, которое очевидно

вступает в противоречие с её историческим значением; он также замечает склонность Ксенофонта к умалчиванию, что искажает восприятие материала читателем; Гомперц отмечает «елейность» и «фантазийность» его сведений, проистекающих из его тщеславного и самодовольного характера. Но в современном российском издании сократических сочинений Ксенофонта Сергей Иванович Соболевский комментирует подобные упреки несколькими аргументами: во-первых, это ссылка на древний авторитет книги, во-вторых, узость прямолинейного толкования Ксенофонта, который был субъективным реципиентом философии Сократа, и уяснил лучшее всего её жизненные детали, которые откликнулись в его уникальной личности и его неповторимом складе характера. Таким образом, сам собой напрашивается следующий вывод: если Платон был теоретиком сократовского дискурса, то Ксенофонт стал практиком педагогики Сократа, состоявшимся в определенных (персонально-интеллектуальных, исторических и технических) условиях. Справедливы все обвинения в нечистоплотности Ксенофонта, но следует помнить, что идеальных студентов не бывает, и то благоговение и старательность, с какими Ксенофонт обращается к образу Сократа, доказывают, что его мотивы были искренними и преданными, а не навеянными общественной тенденцией на обеление его учителя-мученика.

Пойдем по порядку и рассмотрим некоторые черты педагогики Сократа сначала у Платона. Сократ у раннего Платона часто занят разбиением софистов и бытовых штампов мышления. Делает он это совершенно искусным образом, приводя сложные логические, грамматические и аллегорические аргументы, которые в дальнейшем выросли в самостоятельную философию Платона. Но итогом всех этих ранних бесед была не разработка новых концептов, а нравственное воздействие на собеседника, который убеждался в недостаточности своего морального знания посредством интеллектуальной критики. Интеллектуализм Сократа у Платона является органической частью его литературного образа и того самого драматургического напряжения диалога, в котором привычные понятия и идеи запутываются, ускользают и вновь предстают, но уже в новом ракурсе. Казалось бы, именно интеллектуализм и есть специфический дар Сократа, который только и позволил внести такой колоссальный вклад в историю человечества.

Но ставя рядом Ксенофонта, мы позволим себе предположить, что всё же дар Сократа состоял в другом. Сочинения Ксенофонта по вполне обоснованным утверждениям его критиков пестрят банальностями и обыкновенным причитанием. И всё же, почему образ мудреца Сократа оставил такое глубокое впечатление на такого авантюрного и деятельного человека, как Ксенофонт? Философская сила и философская устремленность к высшей правде и совести скрывалась не в утонченном теоретизировании, а в уникальной личности Сократа, которая была способна проникать в самую душу

его собеседников и возбуждать смысловую и аксиологическую потребность, атрофией которого страдало афинское общество.

Приведем пример, раскрывающий различие ксенофонтова и платонова Сократа в подходе к обучению. Дельфийская мудрость «познай самого себя» в короткой беседе Сократа с Евфидемом у Ксенофонта получает следующее объяснение: надо знать свои потребности, чтобы соотносить их со своими возможностями и понимать внутреннее устройство людей по аналогии со своим, чтобы лучше ими управлять. В «Алкивиаде» Платона это же самое изречение становится путем к религиозному осознанию божественной природы души и интеллекта и необходимости в тонкой психологической политике полиса (вплоть до евгеники характеров в «Государстве»). Различие описаний метода Сократа Ксенофонтом и Платоном достаточно очевидно — прямолинейность и буквальность у первого и тщательная теоретическая обработка у второго. Но сходство их гораздо глубже: чтобы заставить двух надменных спесивцев задуматься о подлинном основании своего мировоззрения требуется нечто большее, чем ирония и острые рассуждения — для этого требуется личность. Личность, которая вызывает доверие и уважение.

Для прояснения нашего тезиса, приведем такие слова Романо Гвардини: ««Встреча» в духовном смысле подразумевает знакомство с таким историческим лицом, которое обладает ярко выраженной личностью и в то же время несет в себе нечто имеющее всеобщее значение» [6, с. 65]. Именно «встреча» личностей создает новый философский прецедент и меняет исторический контекст. Рождение философии Платона было результатом «встречи» двух гениев: Платона и Сократа. И именно «встречи» Сократа и его студентов преображали студентов, заставляя их души требовать развития, в том числе и Ксенофонта. И чтобы такая «встреча» случилась, личность-инициатор должна быть совершенно необыкновенной.

Таким образом, если Платон оставил нам Сократа как строгого исследователя, Ксенофонт как простого и житейского мудреца, то стало это возможным лишь из-за личности их учителя, которая объединила в себе все эти грани. Личность Сократа — волевого, разумного и доброго — была движущей силой его педагогики. Реформаторские проекты Сократа нашли свое воплощение не в интеллектуализации этических проблем, но в том мощном влиянии, которое он оказал на нравственность своих учеников. В том, как он с помощью красноречиво-живых речей, патриотических и эстетических чувств и строгой логики возродил веру в рациональное основание мира, которая уже в следующих тысячелетиях получала всевозможные многочисленные интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I / Платон. — Москва: Мысль, 1990. — 860 с. — Текст: непосредственный.
2. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II / Платон. — Москва: Мысль, 1993. — 528 с. — Текст: непосредственный.
3. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Ксенофонт. — Москва: Наука, 1993. — 379 с. — Текст: непосредственный.
4. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. — Москва: Академический проект, 2009. — 1004 с. — Текст: непосредственный.
5. Гомперц, Т. Греческие мыслители. Т. 2 / Т. Гомперц. — Санкт-Петербург: Алетейя, 1999. — 267 с. — Текст: непосредственный.
6. Гвардини, Р. Смерть Сократа / Р. Гвардини. — Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2018. — 383 с. — Текст: непосредственный.

Попова Анастасия Владимировна,
магистр богословия, магистр психологии,
аспирант 1 курса РХГА им. Ф. М. Достоевского,
byfaith@mail.ru;

Голуб Наталья Викторовна,
канд. биол. наук,
доцент РХГА им. Ф. М. Достоевского,
nvgolub@mail.ru

САМОПРИНЯТИЕ И ЕГО СВЯЗЬ С УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ У ЖЕНЩИН ОТ 40 ДО 65 ЛЕТ

В статье представлены результаты эмпирического исследования уровня тревожности и удовлетворенности жизнью у женщин среднего возраста (40–65 лет) в России, проведенного в рамках выпускной квалификационной работы. В ходе исследования была выявлена как общая тенденция, присущая женщинам данного возраста, так и связь этих показателей с уровнем самопринятия испытуемых. На основании полученных данных был сделан вывод о качестве жизни и психологического благополучия взрослых женщин в нашей стране.

Ключевые слова: тревожность, удовлетворенность жизнью, самоотношение, самопринятие, женщины среднего возраста.

Anastasia V. Popova, Natalia V. Golub

SELF-ACCEPTANCE AND ITS RELATION TO THE LEVEL OF ANXIETY AND LIFE SATISFACTION IN WOMEN AGED 40 TO 65

The article presents the results of an empirical survey of the level of anxiety and life satisfaction in middle-aged women (40–65 years old) in Russia, conducted in the framework of the final qualifying work. The survey revealed both the general trend inherent in women of this age and the correlation between these indicators and the level of self-acceptance. Based on the data obtained, a conclusion was made about the quality of life and psychological well-being of adult women in our country.

Keywords: anxiety, life satisfaction, self-attitude, self-acceptance, middle-aged women.

Введение

Проблема самоотношения не является для психологии новой, однако интерес к ней не ослабевает, вероятно потому, что она относится к разряду

экзистенциальных. То, как человек относится к самому себе, оказывает влияние на его успешность в жизни, в построении отношений и в профессиональной деятельности.

В концепции самоотношения, предложенной В. В. Столиным и С. Р. Пантилеевым, самопринятие представляет собой его эмоциональный компонент [3]. Самопринятие — это основанная на реальном и глубоком знании способность индивида принимать себя таким, каков он есть в действительности, со всеми объективно значимыми достоинствами и недостатками, без самоосуждения или, напротив, самообожания [2]. Оно может проявляться как аутосимпатия, чувство собственного достоинства и самоценности.

Самоотношение формируется в детском, подростковом и юношеском возрасте и может быть позитивным, негативным или амбивалентным (конфликтным) в зависимости от уровня самооценки и самопринятия человека [3, с. 42]. На наш взгляд, именно такой аспект как самопринятие наиболее значим для ощущения человеком психологического благополучия в любом возрасте [4, с. 189]. Поскольку многими психологами высокий уровень самопринятия рассматривается как качество зрелой, состоявшейся личности, мы исследовали женщин периода средней зрелости (от 40 до 65 лет — от кризиса среднего возраста до выхода на пенсию).

Целью нашего исследования было определить уровень жизненной удовлетворенности, присущей женщинам среднего возраста (40–65 лет) с разным уровнем самопринятия, и сравнить полученные результаты, а также выявить возможные взаимосвязи между показателями реактивной и личностной тревожности и уровнем самопринятия у этих же испытуемых.

Методы исследования

Для исследования самоотношения основным был выбран тест «Шкалы психологического благополучия Кэрл Рифф» (Ryff's Scales of Psychological Well-Being (1989), в адаптации Т. Д. Шевеленковой и П. П. Фесенко (2005) [7]. Опросник «Методика исследования самоотношения» В. В. Столина и С. Р. Пантилеева (1989) [6] выступал в качестве вспомогательного.

Уровень жизненной удовлетворенности мы исследовали с помощью теста «Индекс жизненной удовлетворенности» Б. Ньюгартен (1961) в адаптации Н. В. Паниной (1993) [1].

Для исследования уровня тревожности применялся опросник «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности» Ч. Д. Спилбергера (1970) в адаптации Ю. Л. Ханина (1978) [5].

Также была разработана анкета для сбора данных респондентов. Сбор эмпирических данных проходил посредством гугл-форм онлайн в течение 4 месяцев в октябре 2024 -январе 2025 года. Участницы были набраны через объявление в социальных сетях.

Для выявления взаимосвязи между уровнем самопринятия, уровнем удовлетворенности жизнью и тревожности был применен коэффициент

ранговой корреляции г-Спирмена Уровень значимости $p=0,05$. Для выявления статистической значимости различий между результатами по группам был применен U-критерий Манна-Уитни. Уровень значимости $p=0,05$. Для обработки результатов анкеты был применен контент-анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

В исследовании приняли участие 80 респондентов; более половины из них — замужние (57,5%) и имеющие детей (86,3%), в основном имеющие средний достаток (76%) и удовлетворительное (50%) или хорошее (43,8%) состояние здоровья. По результатам анкетирования 61,3% респондентов признались, что им знакомо чувство отверженности в принципе, у 35% женщин такое чувство возникает по сей день.

Из исследования были исключены результаты 6 участниц, не прошедшие проверку на достоверность по опроснику «Методика исследования самоотношения» В. В. Столина и С. Р. Пантилеева. Таким образом, наша выборка составила 74 человека.

1. Исследование самоотношения взрослых женщин выявило статистически значимые различия по шкале «Самопринятие», что позволило разделить выборку на группы с высоким, средним и низким уровнем самопринятия, и далее проводить сравнительный анализ между группами. В группу со средним уровнем самопринятия попали 54% респонденток (40 человек), а в остальные две — по 23% (по 17 человек), что примерно соответствует нормальному распределению. Однако, мы не выявили крайне низких значений, что позволяет говорить об устойчивости самоотношения женщин данного возраста в целом.

Группы	Уровень самопринятия								
	Низкий			Средний			Высокий		
	n=17			n=40			n=17		
Показатели	<u>выс</u>	<u>сред</u>	<u>низк</u>	<u>выс</u>	<u>сред</u>	<u>низк</u>	<u>выс</u>	<u>сред</u>	<u>низк</u>
ИЖУ	12%	24%	65%	48%	33%	20%	94%	6%	0%
Интерес к жизни	0%	59%	41%	0%	68%	33%	0%	88%	12%
Последовательность в достижении целей	0%	59%	41%	45%	23%	33%	76%	6%	18%
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	0%	65%	35%	38%	35%	28%	82%	0%	18%
Положительная оценка себя и собственных поступков	24%	65%	12%	28%	53%	20%	94%	0%	6%
Общий фон настроения	0%	59%	41%	45%	30%	25%	76%	18%	6%

Таблица 1. Распределение результатов методики «Индекс жизненной удовлетворенности» по группам в зависимости от уровня самопринятия

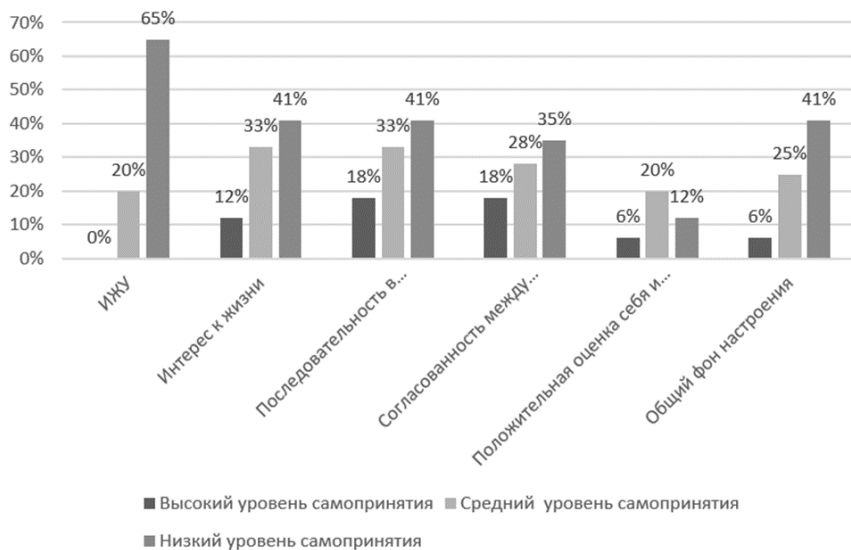

Рис. 1. Сравнение низких значений по шкалам методики «Индекс жизненной удовлетворенности»

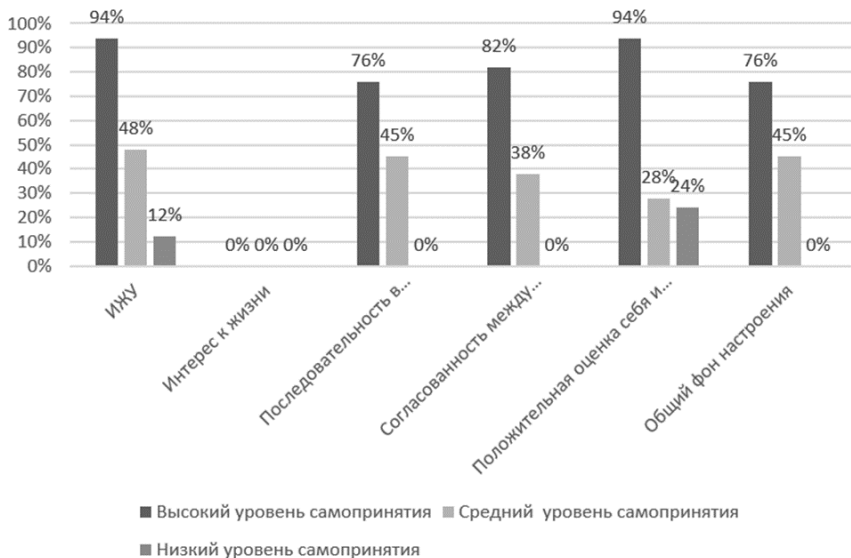

Рис. 2. Сравнение высоких значений по шкалам методики «Индекс жизненной удовлетворенности»

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа показателей жизненной удовлетворенности по группам с помощью U-критерия Манна-Уитни

Шкалы	Пары групп по уровню самопринятия, $U_{\text{эмп}}$		
	Низкий/средний	Средний/высокий	Низкий/высокий
$U_{\text{кр}} (p \leq 0.05)$	245	245	96
ИЖУ	126,5	152	16,5
Интерес к жизни	184,5	268,5	52,5
Последовательность в достижении целей	184,5	198	42
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	211,5	233	56,5
Положительная оценка себя и собственных поступков	242	156,5	49
Общий фон настроения	127	253,5	28,5

Подробнее результаты исследования самоотношения представлены в статье [4].

- Исследование уровня удовлетворенности жизнью также показало прямую сильную связь с уровнем самопринятия. Результаты представлены в Таблице 1. Следует отметить, что характер взаимосвязей, образуемых показателями самопринятия, психологического благополучия и индекса жизненной удовлетворенности со всеми остальными шкалами практически идентичен.

При сниженном уровне самопринятия интегративный показатель ИЖУ также снижен, женщины этого возраста ощущают недовольство собой и обстоятельствами своей жизни (Рис. 1).

При высоком уровне самопринятия повышены и другие показатели (Рис. 2). У женщин со средним уровнем самопринятия результаты распределяются приблизительно равномерно по всем показателям.

Следует отметить, что ни в одной группе не выявлены высокие показатели по шкале «Интерес к жизни». Таким образом, можно заключить, что повседневная жизнь особого энтузиазма у женщин среднего возраста не вызывает.

Результаты проверки статистической значимости различий результатов между группами по уровню самопринятия представлены в Таблице 2.

Как видим, все полученные различия между группами статистически значимы, за исключением различий между группами со средним и высоким уровнем самопринятия по шкалам «Интерес к жизни» ($U_{\text{эмп}} = 268,5 > U_{\text{кр}} (p \leq 0.05)$) и «Общий фон настроения» ($U_{\text{эмп}} = 253,5 > U_{\text{кр}} (p \leq 0.05)$).

Корреляционный анализ показал, что интегральный показатель ИЖУ образует сильные связи с показателями «Самопринятие» (0,70) и «Психологическое благополучие» (0,75) из теста К. Рифф. Из этого треугольника сильных связей между тремя факторами следует, что чем больше человек принимает

Таблица 3. Распределение результатов методики «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности» по группам в зависимости от уровня самопринятия

Группы	Уровень самопринятия								
	Низкий			Средний			Высокий		
	n=17			n=40			n=17		
Степень выраженности	<u>выс</u>	сред	<u>низк</u>	<u>выс</u>	сред	<u>низк</u>	<u>выс</u>	сред	<u>низк</u>
Реактивная тревожность	18%	53%	29%	3%	13%	85%	0%	12%	88%
Из них очень низкая	-	-	0%	-	-	11%	-	-	37%
Личностная тревожность	88%	12%	0%	30%	65%	5%	0%	71%	29%

себя, тем более благополучным себя ощущает в психологическом плане и тем больше он доволен собой и обстоятельствами своей жизни.

- При исследовании уровня тревожности было установлено, что женщинам среднего возраста с низким уровнем самопринятия присуща высокая личностная тревожность и неуверенность в себе (Таблица 3). Реактивная тревожность выражена меньше, но поскольку между собой эти показатели связаны напрямую, то повышение одного показателя повлечет за собой и увеличение другого.

Так, по шкале реактивной тревожности в группах со средним и высоким уровнем самопринятия получились преимущественно низкие показатели: 85% и 88% соответственно. Высоких показателей во второй группе нет совсем, а в первой — всего 3%. Это говорит о том, что в момент прохождения тестирования большинство респонденток пребывали в спокойном состоянии и не были подвержены сильному стрессу. Однако, следует отметить наличие очень низких показателей реактивной тревожности: 11% в первой группе и 37% во второй. Очень низкие показатели тревожности могут свидетельствовать о попытке скрыть высокую тревожность. Поэтому более достоверно можно говорить о 74% и 51% низких показателей соответственно.

В группе с низким уровнем самопринятия высокие показатели присутствуют, но их не много — 18%. В основном реактивная тревожность здесь была выражена на умеренном (53%) и низком (29%) уровне, что также свидетельствует о спокойном состоянии большинства респонденток этой группы в момент прохождения тестирования.

Личностная тревожность наиболее выражена в группе с низким уровнем самопринятия: 88% высоких показателей и 12% средних. В группе с высоким уровнем самопринятия, напротив, высокие показатели отсутствуют, признак выражен на умеренном (71%) и низком (29) уровне. В группе со средним

Таблица 4. Результаты сравнительного анализа уровня реактивной и личностной тревожности по группам с помощью U-критерия Манна-Уитни

	Пары групп по уровню самопринятия, $U_{\text{зап}}$		
Шкалы	Низкий/средний	Средний/высокий	Низкий/высокий
$U_{\text{кр}}$ ($p \leq 0.05$)	245	245	96
РТ	128,5	175	18,5
ЛТ	97	115	3

уровнем самопринятия также преобладают умеренные показатели (65%); на высоком уровне признак выражен у 30% респонденток, а на низком — у 5%. Очень низкие показатели отсутствуют.

Высокие показатели тревожности могут свидетельствовать о тревоге, возникающей при оценке собственной компетентности, что может быть связано либо с отголосками кризиса среднего возраста, либо с высокой конкуренцией на работе и опасениями стать ненужным сотрудником в преддверии выхода на пенсию, поскольку технологии быстро меняются, а в этом возрасте уже сложнее становится овладевать новыми навыками и соответствовать меняющимся требованиям. Причиной высокой личностной тревожности также может стать отсутствие гармонии в семейных отношениях. Низкие показатели тревожности могут говорить о том, что у респонденток недостаточно сформировано чувство ответственности и в недостаточной степени ими осознаются мотивы собственной деятельности.

Оценка различий между результатами по группам с помощью U-критерия Манна-Уитни показала, что все полученные различия статистически значимы (Таблица 4).

Корреляционный анализ показал, что между показателями реактивной и личностной тревожности существует прямая взаимосвязь средней силы (0,67). Это значит, что при усилении одного вида тревожности усиливается и другой. При этом оба вида тревожности образуют сильные обратные взаимосвязи с аспектом самопринятия (–0,71 и –0,75 соответственно), что мы и видим на примере всех трех групп. В группе с высоким уровнем самопринятия отсутствуют высокие показатели обоих видов тревожности, а в группе со средним преобладают умеренные показатели. Таким образом, чем больше человек принимает себя, тем меньше он склонен испытывать тревогу.

Итак, на основании результатов нашего исследования можно утверждать, что женщины с низким уровнем самопринятия (а это 23% нашей выборки!) испытывают много тревожности и неуверенности в себе, а также не довольны собой и тем, как складывается их жизнь. Для того, чтобы это положение

изменилось, им нужна поддерживающая среда и рекомендована работа со специалистом, направленная на снижение уровня тревожности и повышение уровня самопринятия, а также на когнитивную переоценку своего отношения к жизни. Особенно показана групповая работа.

Результаты данного исследования будут полезны студентам-психологам и психологам-консультантам, которые смогут учитывать их в своей деятельности. Также их можно взять за основу при разработке профилактических программ и тренингов для повышения уровня самопринятия и удовлетворенности жизнью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Духновский, С. И. Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум / С. И. Духновский. — Санкт-Петербург: Речь, 2009. — С. 69–70. — Текст: непосредственный.
2. Жмуров, В. А. Большая энциклопедия по психиатрии / В. А. Жмуров. — 2-е изд. — Москва: Джангар, 2012. — Текст: электронный. — URL: <https://vocabulary.ru/termin/samoprinjatie.html> (дата обращения: 09.10.2023).
3. Пантилеев, С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система / С. Р. Пантилеев. — Москва: Изд-во МГУ, 1991. — 110 с. — Текст: непосредственный.
4. Попова, А. В. Значение самоотношения для психологического благополучия женщин 40–65 лет / А. В. Попова, Н. В. Голуб. — Текст: непосредственный // Психологические исследования: актуальные направления и перспективы: сборник научно-практических исследований молодых ученых. — Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2025. — Вып. 6. — С. 187–192.
5. Психодиагностика стресса. Практикум / составители Р. В. Куприянов, Ю. М. Кузьмина. — Казань: КНИТУ, 2012. — С. 75–79. — Текст: непосредственный.
6. Романова, Е. С. Психодиагностика / Е. С. Романова. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — С. 369–375. — Текст: непосредственный.
7. Шевеленкова, Т. Д. Психологическое благополучие личности / Т. Д. Шевеленкова, Т. П. Фесенко. — Текст: непосредственный // Психологическая диагностика. — 2005. — № 3. — С. 95–121.

Лучинин Игорь Алексеевич,

Аспирант кафедры психологии и педагогики филологического факультета
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)
1142230219@pfur.ru

МОТИВАЦИОННО-СМЫСЛОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВКЛЮЧЕННОСТИ СТУДЕНТОВ В ОБЩЕСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье представлена интегративная теоретическая модель мотивационно-смысловой регуляции общественной деятельности студентов, основанная на синтезе теории самодетерминации и деятельностного подхода. Автором проанализирована иерархия детерминант включенности — от удовлетворения базовых потребностей в автономии и компетентности до формирования экзистенциальных смыслов и гармоничной страсти. Сделан вывод о том, что устойчивая гражданская активность требует отказа от административной мобилизации в пользу создания среды, поддерживающей субъектность и предотвращающей эмоциональное выгорание через работу со смыслами.

Ключевые слова: психология, студенческая молодежь, общественная деятельность, мотивация, смыслообразование, теория самодетерминации, деятельностный подход, субъектность, эмоциональное выгорание.

Igor A. Luchinin

MOTIVATIONAL AND MEANING-BASED DETERMINANTS OF STUDENT ENGAGEMENT IN SOCIAL ACTIVITIES

The article presents an integrative theoretical model of motivational and meaning-based regulation of student social activities, combining Self-Determination Theory and the Activity Approach. The author analyzes the hierarchy of engagement determinants, ranging from the satisfaction of basic needs for autonomy and competence to the formation of existential meanings and harmonious passion. It is concluded that sustainable civic engagement requires a shift from administrative mobilization to creating an environment that supports student subjectivity and prevents burnout through meaning creation.

Keywords: psychology, student youth, social activity, motivation, sense creation, Self-Determination Theory, Activity Approach, subjectivity, emotional burnout.

Современная образовательная парадигма претерпевает фундаментальные трансформации, смещая фокус с сугубо когнитивной трансляции знаний на формирование целостной личности, обладающей развитой субъектностью, гражданской ответственностью и способностью к социальному творчеству. В этом контексте общественная деятельность студентов — волонтерство, участие в органах самоуправления, реализация социальных проектов, гражданские инициативы — перестает быть периферийным феноменом «внеучебной

работы» и приобретает статус важнейшего института социализации и профессионализации в высшей школе. Однако, несмотря на декларируемую значимость и административную поддержку, феноменология студенческой включенности демонстрирует тревожную гетерогенность. Мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: при формальном росте показателей участия (количества волонтеров, числа проведенных акций) качество вовлеченности, ее психологическая устойчивость и смысловая наполненность часто остаются на низком уровне.

Проблема, лежащая в центре данного теоретического исследования, носит глубоко психологический характер и касается фундаментальных вопросов человеческой мотивации. Почему один студент, включаясь в общественную деятельность, демонстрирует устойчивый интерес, креативность и высокую психологическую резильентность, в то время как другой, находясь в идентичных внешних условиях, действует формально, быстро истощается и демонстрирует признаки эмоционального выгорания или цинизма? Ответ на этот вопрос требует выхода за пределы упрощенных бихевиористских схем «стимул-реакция», доминировавших в ранних подходах к управлению волонтерством, и обращения к глубинным механизмам смыслообразования, саморегуляции и субъектности личности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления теоретической фрагментарности в понимании природы просоциальной активности молодежи. В современной психологии сосуществуют мощные, но часто изолированные друг от друга традиции: отечественный деятельностный подход (школа Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна), акцентирующий внимание на предметности деятельности и смысловом строении сознания, и западная теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, предлагающая дифференцированную модель мотивационных регуляций и базовых психологических потребностей.

Целью данной статьи является построение интегративной теоретической модели мотивационно-смысловой регуляции общественной деятельности студентов. Мы выдвигаем гипотезу о том, что устойчивая и продуктивная включенность в общественную деятельность детерминирована не просто наличием мотивации (ее «количеством»), а ее качеством — степенью интериоризации внешних социальных значений в личностные смыслы, что, в свою очередь, опосредовано удовлетворением базовых потребностей в автономии, компетентности и связанности.

В статье последовательно решаются следующие задачи:

1. Феноменологический анализ современного состояния гражданской активности студентов, включая новые формы «эпизодического волонтерства» и их психологические корреляты.

2. Сравнительный анализ и концептуальный синтез категориального аппарата деятельностного подхода (смысл, мотив, деятельность) и SDT (интернализация, автономная/контролируемая мотивация).
3. Детальная экспликация мотивационно-смысловых детерминант включенности, включая анализ роли ценностных ориентаций, поиска смысла жизни и эмпатии.
4. Анализ феноменов «гармоничной» и «одержимой» страсти (по Р. Валлеранду) в контексте профилактики эмоционального выгорания и экзистенциального вакуума (по В. Франклу).

Прежде чем приступить к анализу детерминант, необходимо четко очертить предметное поле исследования. Гражданская вовлеченность — это сложный многомерный конструкт, который не сводится к простому набору действий. Согласно определению Американской психологической ассоциации, это понятие охватывает индивидуальные и коллективные действия, направленные на выявление и решение вопросов, вызывающих общественную озабоченность [1].

Важно провести демаркационную линию между смежными понятиями, которые часто используются как синонимы, но имеют различную психологическую нагрузку:

- Гражданская вовлеченность: Широкий зонтичный термин, включающий в себя волонтерство, политическое участие, работу в общественных организациях и неформальные инициативы. Психологически здесь важна интенция на «общественное благо».
- Обучение через служение: Педагогическая технология, интегрирующая общественно полезную деятельность в учебный процесс. Главное отличие — обязательная рефлексия и связь с академическими целями [16].
- Волонтерство: Добровольная деятельность, осуществляемая без расчета на денежное вознаграждение.

Современные исследования фиксируют существенную трансформацию паттернов участия. Если в XX веке волонтерство часто ассоциировалось с долгосрочной приверженностью одной организации, то для нынешнего поколения студентов характерно так называемое «эпизодическое волонтерство» [13]. Данные показывают тенденцию к краткосрочному участию вместо многолетних обязательств. Этот сдвиг имеет колоссальное значение для психологии мотивации: он свидетельствует о том, что современные студенты ищут гибкие формы самореализации, которые можно интегрировать в динамичный образ жизни, и их мотивация носит более подвижный, ситуативный характер [2].

Кроме того, меняется и сама природа «политического». Участие в голосовании рассматривается как базовый уровень политического влияния, но современные студенты все чаще выбирают прямые действия, волонтерство в НКО и социальное предпринимательство как более эффективные способы влияния

на реальность, чем традиционная политика [9]. Это переопределение «гражданского» требует от психологов анализа не только политических установок, но и широкого спектра просоциальных мотиваций.

Внешняя картина активности (студент участвует в мероприятии) часто скрывает принципиально различную внутреннюю психологическую реальность. Ключевой категорией здесь выступает субъектность.

В отечественной психологии (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн) активность рассматривается через призму принципа детерминизма: внешние причины действуют через внутренние условия. Субъектность предполагает активный, преобразующий характер отношения человека к миру и к самому себе [12]. Студент выступает не как пассивный исполнитель воли администрации вуза, а как автор собственной деятельности, способный к целеполаганию, планированию и рефлексии.

Исследования показывают интересную возрастную динамику субъектности в студенческой среде. Студенты старших курсов демонстрируют более высокие показатели общей субъектности, ответственности, рефлексии и организованности по сравнению с первокурсниками. Это связано с процессом профессионализации и взросления. Однако, младшие курсы часто превосходят старших в креативности. Этот факт указывает на то, что «вхождение» в общественную деятельность на ранних этапах обучения может быть более спонтанным и творческим, но менее осознанным и устойчивым. К старшим курсам происходит (или должна происходить) кристаллизация ценностей: студент либо уходит из общественной жизни, разочаровавшись, либо его участие становится глубоко осознанным, «верным собственным решениям» [5].

Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой мотивационной гетерогенности. Группа волонтеров на одном мероприятии может состоять из:

1. Субъектов деятельности: Студентов с высоким уровнем осознанности, для которых активность является способом самоактуализации и реализации личностных смыслов.
2. Объектов воздействия: Студентов, действующих под давлением внешней среды (кураторов, деканата, группы), чья субъектность редуцирована, а мотивация носит характер избегания санкций или конформности.

Понимание этой разницы невозможно без привлечения детализированных теорий мотивации, способных «вскрыть» внутреннюю структуру побуждения.

Для построения валидной модели мы предпринимаем попытку синтеза двух влиятельных парадигм. Несмотря на различия в тезаурусе и культурно-историческом генезисе, они обнаруживают поразительную конвергенцию в понимании высших форм человеческой активности.

В 1970-х и 1980-х годах Э. Деси и Р. Райан начали разработку гуманистической теории мотивации, которая бросила вызов доминировавшему

тогда бихевиоризму [6]. Если бихевиоризм фокусировался на подкреплении (наградах и наказаниях) как единственном двигателе поведения, то SDT предложила «Коперниканский переворот»: вместо вопроса «как заставить людей делать что-то?», они задали вопрос «почему люди сами хотят учиться и развиваться?». Они постулировали наличие у человека врожденной склонности к росту, интеграции и любознательности, которая, однако, нуждается в поддерживающей среде.

Центральным достижением SDT является отказ от дихотомии «внутренняя — внешняя мотивация» в пользу сложного континуума самодетерминации [14]. Это критически важно для анализа студенческой активности, которая редко бывает «чисто» внутренней (например, волонтерство все же предполагает социальное одобрение).

SDT рассматривает регуляцию поведения как континуум, движущийся от полной пассивности к максимальной автономии. На начальном уровне находится амотивация, характеризующаяся отсутствием намерений, чувством некомпетентности и непониманием смысла активности. При появлении внешних стимулов формируется внешняя регуляция — классическая схема «кнута и пряника», где поведение полностью контролируется наградами или наказаниями, а локус причинности остается экстернальным. Следующей ступенью является интроецированная регуляция, при которой контроль частично интериоризируется: студент действует не ради награды, а под давлением внутренних негативных переживаний (вины, стыда) или ради поддержания самооценки. Несмотря на внутренний характер драйвера, такая мотивация остается истощающей и не воспринимается личностью как собственная.

Переход к автономным формам начинается с идентифицированной регуляции, когда субъект сознательно признает ценность поведения, даже если сам процесс не приносит удовольствия. Более глубокий уровень представляет интегрированная регуляция, при которой внешние цели полностью согласуются с глубинными потребностями и ценностями человека, становясь частью его идентичности (например, позиция «Я — волонтер»). Вершиной континуума выступает внутренняя мотивация, где деятельность выполняется ради интереса и удовольствия от самого процесса («поток»). Согласно исследованиям Э. Деси и Р. Райана, именно преобладание автономных форм регуляции (идентифицированной, интегрированной и внутренней) коррелирует с высокой креативностью, настойчивостью, жизненной энергией и общим психологическим благополучием личности [4].

Продвижение по мотивационному континууму к более автономным формам регуляции обеспечивается удовлетворением трех базовых универсальных психологических потребностей. Фундаментальной является потребность в автономии, которую в контексте SDT следует понимать не как изоляцию или независимость, а как переживание воли (volition) — ощущения себя инициатором собственных действий, совершаемых в согласии с внутренним

«Я». Вторым критическим фактором выступает потребность в компетентности, выражающаяся в стремлении чувствовать эффективность своих усилий, успешно справляться с вызовами среды и видеть реальные результаты деятельности. Третий компонент — потребность в связанности, предполагающая переживание принадлежности к сообществу, возможность заботиться о других и чувствовать ответную поддержку. Согласно теории, именно полноценное удовлетворение этой триады потребностей является необходимым условием для успешной интериоризации ценностей общественной деятельности и их закрепления в структуре личности [18].

Отечественная традиция, восходящая к культурно-исторической теории Л. С. Выготского и психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева, предлагает иной, но комплементарный язык описания [11].

В рамках деятельностного подхода А. Н. Леонтьева активность личности рассматривается не как совокупность рефлекторных реакций, а как сложная иерархическая система [15]. Внутренняя структура этого процесса предполагает строгое соотношение уровней: собственно деятельность побуждается мотивом (предметом потребности), действие направляется осознаваемой целью, а операция детерминирована условиями выполнения.

Для понимания динамики студенческой вовлеченности фундаментальное значение имеет механизм «сдвига мотива на цель». Данный феномен объясняет генез новых форм активности: изначально студент может включиться в общественную работу ради внешней цели (например, получения зачета или удовлетворения потребности в общении). Однако в процессе реализации действий — будь то помощь нуждающимся или организация мероприятий — содержание цели начинает насыщаться положительными эмоциями и приобретает самостоятельную побудительную силу. В результате происходит качественная трансформация: то, что ранее воспринималось лишь как промежуточная цель, кристаллизуется в полноценный мотив, порождая новую, внутренне обоснованную деятельность [3].

Фундаментальным для понимания мотивационных процессов является введенное А. Н. Леонтьевым разграничение категорий значения и личностного смысла [7]. Если значение представляет собой обобщенное, общественно выработанное знание (например, нормативное представление о волонтерстве как социально одобряемой деятельности), которое субъект усваивает интеллектуально, то личностный смысл отражает пристрастное, индивидуализированное отношение личности к этому значению, связывая его с реальными жизненными мотивами. В этой логике становление студенческой вовлеченности трактуется как динамический процесс смыслообразования: происходит интериоризация внешней формы, в ходе которой абстрактное общественное значение («надо помогать») трансформируется в живой, действенный личностный смысл, переводя императив в интимно-личностную модальность («я не могу не помочь»).

Сравнительный анализ подходов выявляет глубокую методологическую конвергенцию: обе теории постулируют, что развитие личности осуществляется по траектории присвоения культурных норм и ценностей, при этом решающая роль отводится социальному контексту. Если в культурно-исторической традиции Л. С. Выготского влияние среды концептуализируется через «зону ближайшего развития» и медирующую функцию Другого, то теория самодетерминации акцентирует внимание на необходимости создания пространства, поддерживающего автономию. Более того, на феноменологическом уровне прослеживается прямая параллель: состояние «интегрированной регуляции» в SDT фактически описывает тот же психологический механизм, что и обретение деятельностью глубокого «личностного смысла» в терминологии А. Н. Леонтьева.

Таблица 1. Сопоставление категориального аппарата SDT и Деятельностного подхода в контексте общественной деятельности

Категория анализа	Теория Самодетерминации (SDT)	Деятельностный подход (Леонтьев, Рубинштейн)	Интерпретация для общественной деятельности
Источник побуждения	Базовые потребности (Автономия, Компетентность, Связанность)	Опредмеченная потребность (Мотив)	Включенность возникает, когда деятельность удовлетворяет глубинные нужды личности, а не просто внешние требования.
Процесс развития мотивации	И н т е р н а л и з а - ц и я (от внешней к интегрированной)	Сдвиг мотива на цель / Смыслообразование	Трансформация формального участия («надо») в осознанное служение («ценю»).
Высшая форма мотивации	Внутренняя (Intrinsic) и Интегрированная (Integrated)	Личностно-смысловая регуляция, Самодетерминация	Состояние, когда общественная деятельность воспринимается как выражение собственного «Я».
Роль среды	Поддержка автономии (Autonomy support)	Социальная ситуация развития, Сотрудничество	Среда должна предоставлять возможности для проявления субъектности, а не просто транслировать нормы.

Уникальный вклад данного синтеза заключается в том, что SDT предоставляет детализированную шкалу переходных форм мотивации (интроекция, идентификация), которой иногда не хватает в классическом деятельностном подходе, а деятельностный подход дает глубокую онтологию предметности и смысла, не позволяя свести мотивацию только к эмоциональным состояниям.

Опираясь на построенную теоретическую модель, перейдем к анализу конкретных детерминант, определяющих включенность студентов в общественную деятельность. Мы разделим их на мотивационно-потребностные, ценностно-смысловые и инструментальные.

Фундаментальной детерминантой включенности в общественную деятельность выступает степень удовлетворения потребности в автономии. Согласно постулатам теории самодетерминации, переживание поведения как «самоавторизованного» служит катализатором интереса, уверенности и настойчивости субъекта [8]. В этом контексте критическое значение приобретает сама механика вовлечения: распространенная в вузах практика административного давления («добровольно-принудительное» участие) оказывает деструктивное воздействие, фрустрируя потребность в автономии и запуская механизмы внешней регуляции. В таких условиях деятельность сопровождается психологическим отчуждением и неизбежно прекращается при ослаблении внешнего контроля, а использование наград в директивном контексте провоцирует эффект вытеснения, подрывая внутреннюю мотивацию через смещение локуса каузальности вовне.

Противовесом этой тенденции выступает субъектность — способность к самодетерминации, рассматриваемая отечественной психологией как ключевой предиктор качества активности [10]. Студенты с высоким уровнем субъектности, опираясь на развитую рефлекссию, способны удерживать мотивацию на уровне идентифицированной регуляции даже в отсутствие непосредственного эмоционального интереса (фана). Принципиально важно, что подлинная поддержка автономии со стороны наставников не сводится к предоставлению формального выбора («участвовать или нет»), а предполагает возможность влиять на содержание деятельности; именно это условие обеспечивает трансформацию мотивации от интроецированной («я должен, чтобы избежать вины») к осознанной ценностной позиции («я выбираю это, так как это важно»).

Второй фундаментальный блок детерминант центрируется вокруг переживания субъективной компетентности или установки «я могу» [17]. Поскольку общественная деятельность часто сопряжена с решением неструктурированных и сложных задач, ведущую роль здесь играет самоэффективность: эмпирические данные определяют её как ключевую переменную гражданской активности, указывая, что устойчивая вера студента в способность осуществить желаемые социальные изменения является критическим условием

вовлеченности, тогда как восприятие усилий как бесполезных провоцирует амотивацию. Неотъемлемым ресурсом выступает и диспозиционный оптимизм, позволяющий преодолевать неизбежные неудачи и поддерживать позитивные ожидания. Кроме того, значимый вклад вносит образовательный контекст (модель «обучение через служение»): возможность развивать профессиональные навыки в процессе волонтерства порождает синергию просоциальных и карьерных мотивов, а подтверждаемый теорией самодетерминации рост компетентности — при условии сохранения автономии — становится мощным катализатором внутренней мотивации.

Потребность в связанности функционирует как мощный мотивационный драйвер, чье влияние особенно ощутимо на начальных этапах вхождения в деятельность. Учитывая высокую сензитивность студенческого возраста к групповым нормам, сообщество единомышленников выступает не просто средой общения, а пространством интериоризации, где внешние групповые императивы («мы помогаем другим») постепенно трансформируются во внутренние ценностные ориентации личности. При этом влияние данного фактора носит сложный, подчас парадоксальный характер: феномен социального исключения, создавая острый дефицит связанности, может ситуативно стимулировать просоциальную активность как стратегию восстановления контактов, однако такая мотивация остается контролируемой и лишенной внутренней устойчивости. Качественную же глубину вовлеченности обеспечивает эмпатия, которая, действуя как катализатор через механизмы когнитивного распознавания и эмоционального резонанса, позволяет преодолеть уровень формального исполнения инструкций и сформировать подлинное помогающее поведение.

Особого внимания заслуживает динамический аспект. Почему высокая мотивация иногда ведет к разрушению? Здесь нам поможет Дуалистическая модель страсти Р. Валлеранда, которая прекрасно ложится на карту SDT.

Согласно дуалистической модели Р. Валлеранда, страсть определяется как сильная склонность к деятельности, которую субъект любит, наделяет высокой значимостью и в которую инвестирует существенные ресурсы [21]. Однако качественная специфика этого состояния критически зависит от типа интериоризации. Гармоничная страсть формируется в результате автономной интернализации, когда активность принимается добровольно и синергично встраивается в структуру идентичности, не вступая в конфликт с другими жизненными сферами. В этом случае субъект сохраняет контроль над деятельностью, способен гибко регулировать свое участие без чувства вины, что коррелирует с состоянием потока и психологическим благополучием.

Напротив, одержимая страсть является продуктом контролируемой интернализации (интроекции), при которой ценность деятельности жестко сцеплена с самооценкой или социальным принятием. Здесь возникает инверсия контроля: деятельность начинает управлять студентом, диктуя ригидную

персистенцию (упорство) через механизмы интрапсихического принуждения и страха утраты статуса, что неизбежно ведет к межролевым конфликтам и эмоциональному истощению. Принципиально важно, что внешне высокая вовлеченность может маскировать оба типа страсти, однако их прогностическая ценность диаметрально противоположна: одержимая страсть действует как «токсичное топливо», обеспечивающее интенсивный старт, но в долгосрочной перспективе разрушающее психологический ресурс личности.

Исследования показывают, что просоциальное поведение, мотивированное избеганием вины и стыда (интроекция), приводит к переживанию негативных эмоций. Студенты, которые помогают «из-под палки» собственной совести (или давления группы), находятся в зоне риска. Истинный, «автономный» альтруизм (основанный на SDT и гармоничной страсти) является ресурсом, а «невротический» альтруизм — бременем.

Хотя традиционная диагностика выгорания волонтеров базируется на классической трикомпонентной модели К. Маслач (эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция личных достижений), применение мотивационно-смыслового подхода диктует необходимость смещения исследовательского фокуса [19]. Мы предлагаем выйти за рамки описания симптоматики и углубить анализ феномена, рассмотрев его через призму экзистенциальной концепции В. Франкла.

В парадигме экзистенциального анализа В. Франкла состояние «экзистенциального вакуума», характеризующееся чувством бессмысленности и апатий, рассматривается современными исследователями как фундаментальная онтологическая основа синдрома эмоционального выгорания [20]. Механизм смыслоутраты запускается в моменты, когда общественная деятельность сталкивается с рутинизацией, бюрократическими барьерами или неочевидностью результатов; именно здесь происходит разрыв связи между действием и его ценностным основанием, порождающий вопрос «Зачем?». В этом контексте классический франкловский «невроз выходного дня» трансформируется в специфические симптомы цинизма и деперсонализации, которые функционируют как защитные механизмы, экранирующие личность от травмирующего осознания тщетности усилий. Эмпирические данные, полученные на выборках помогающих профессий, подтверждают, что в сочетании с экстернальным локусом контроля экзистенциальный вакуум становится главным предиктором выгорания, что возвращает нас к критической значимости потребностей в компетентности и автономии: утрата субъектности и ощущение себя пассивным объектом обстоятельств («пешкой») делают эмоциональное истощение неизбежным.

Профилактика эмоционального выгорания в студенческой среде не может сводиться исключительно к рекреационным практикам, поскольку физический отдых не способен компенсировать состояние экзистенциального вакуума. В логике логотерапии необходима глубокая работа с ценностно-смысловой

сферой, реализуемая через ряд механизмов. Во-первых, требуется переориентация групповой рефлексии с операционального уровня («что сделано») на аксиологический («ради чего»), позволяющая верифицировать деятельность личными ценностями субъекта. Во-вторых, критически важна коррекция ожиданий: смещение фокуса с абстрактного глобализма («спасти мир»), неизбежно ведущего к фрустрации, на поиск смысла в конкретном акте адресной помощи. В-третьих, необходима гармонизация страсти через институционализацию личностных границ, что предотвращает трансформацию высокой вовлеченности в деструктивную одержимость и сохраняет психологическую целостность студента.

Проведенный всесторонний анализ позволяет сформулировать интегративную теоретическую модель детерминации включенности студентов в общественную деятельность. В ее основе лежит понимание истинной гражданской активности не как дискретного поведенческого акта, а как особого смыслового состояния, возникающего в точке конвергенции социальной значимости деятельности и личностного смысла субъекта. Психологическим механизмом формирования такой включенности выступает интериоризация ценностей (в терминах SDT) или сдвиг мотива на цель (в логике деятельностного подхода).

Система детерминант носит иерархический характер: ее базис составляет удовлетворение потребностей в автономии, компетентности и связанности, без чего невозможен выход за пределы внешней регуляции. На личностном уровне ключевыми предикторами становятся субъектность, ценности самопреодоления и гармоничная страсть, тогда как высший, экзистенциальный уровень определяется способностью личности обретать смысл как в глобальной перспективе, так и в конкретных актах помощи.

Критический анализ современной практики выявляет риски формализма: стратегии административного давления и внешней геймификации волонтерства стимулируют одержимую страсть и блокируют процессы подлинного смыслообразования, порождая парадокс высокой внешней активности при нарастающем риске выгорания и экзистенциального вакуума. В этой связи императивом становится переход вузов от стратегии «мобилизации» к стратегии создания «смысловых пространств», где через поддержку инициатив, обучение социальному проектированию и культивирование рефлексивных сообществ обеспечиваются условия для рождения смысла. Только такой подход позволяет воспитать поколение, чья активность будет не только социально эффективной, но и психологически благополучной для самой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волобуева, А. И. Теоретико-методологические подходы к исследованию вовлечённости как социально-психологического явления (обзор зарубежных исследований) / А. И. Волобуева. — Текст: непосредственный // Личность: ресурсы и потенциал. — 2024. — № 1 (21). — С. 46–57.
2. Джолиев, И. М. Педагогические стратегии формирования мотивации к обучению у студентов высших учебных заведений / И. М. Джолиев, В. А. Обносков, Н. М. Каримов, А. С. Мишин, Л. И. Смернягин. — Текст: непосредственный // Управление образованием: теория и практика. — № 15 (4–1). — С. 146–158.
3. Дьяков, С. И. Механизм «сдвига мотива на цель» в семантической системе психической самоорганизации субъекта / С. И. Дьяков. — Текст: непосредственный // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2016. — № 9 (4). — С. 87–100.
4. Костромина, С. Н. Апробация и валидизация методики «Индекс автономного функционирования» (IAF) на российской выборке / С. Н. Костромина, Л. А. Даринская, Н. Л. Москвичева, А. Ф. Филатова. — Текст: непосредственный // Психологическая наука и образование. — 2023. — № 5. — С. 169–183.
5. Кузьмина, А. С. Динамика субъектности в студенческом возрасте / А. С. Кузьмина, Е. С. Прайзендорф, П. Р. Юсупов, Т. А. Мардасова. — Текст: непосредственный // Педагогика и просвещение. — 2021. — № 1. — С. 103–113.
6. Лабзова, И. Ю. Теория самоопределения и её применение в зарубежной образовательной практике / И. Ю. Лабзова. — Текст: непосредственный // Человек и образование. — 2017. — № 3 (52). — С. 152–156.
7. Леонтьев, Д. А. Понятие мотива у А. Н. Леонтьева и проблема качества мотивации / Д. А. Леонтьев. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2016. — № 2. — С. 3–18.
8. Линч, М. Базовые потребности и субъективное благополучие с точки зрения теории самодетерминации / М. Линч. — Текст: непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2004. — № 1 (3). — С. 137–142.
9. Милорава, А. Р. Политическая активность российской молодежи на современном этапе / А. Р. Милорава. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 14 (148).
10. Москвичева, Н. Л. Феномен самодетерминации: психологические истоки и современное понимание. Часть 1 / Н. Л. Москвичева, Е. В. Зиновьева, С. Н. Костромина, М. М. Одинцова, Е. А. Зайцева. — Текст: непосредственный // Новые психологические исследования. — 2022. — № 4. — С. 90–116.
11. Нечаев, Н. Н. О возможности реинтеграции культурно-исторической психологии Л. С. Выготского и теории деятельности А. Н. Леонтьева / Н. Н. Нечаев. — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 2018. — № 2. — С. 3–18.
12. Осницкий, А. К. Регуляторный опыт — основа субъектной активности человека / А. К. Осницкий. — Текст: непосредственный // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2008. — № 1 (2). — С. 17–34.
13. Поздеева, Е. Г. Развитие современных направлений молодежного волонтерства как расширение возможностей профессионально-личностного развития / Е. Г. Поздеева. — Текст: непосредственный // Россия в глобальном мире. — 2024. — № 27 (1). — С. 78–94.
14. Руднова, Н. А. Учебная мотивация и отчуждение от учения как предикторы выбора образовательных траекторий / Н. А. Руднова, Т. О. Гордеева,

- Д. С. Корниенко, В. А. Егоров. — Текст: непосредственный // Психологическая наука и образование. — 2023. — № 3. — С. 19–32.
15. Сидоров, К. Р. Уровневая модель психики: психологическая теория деятельности / К. Р. Сидоров. — Текст: непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». — 2010. — № 2. — С. 56–62.
 16. Солнышкина, М. Г. Обучение служением как современный проектный образовательно-воспитательный подход / М. Г. Солнышкина. — Текст: непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2025. — № 3. — С. 20–29.
 17. Станковская, Е. Б. Переживание «я могу»: опыт реконструкции субъекта / Е. Б. Станковская. — Текст: непосредственный // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — № 9 (4). — С. 125–132.
 18. Теория самодетерминации. — Текст: электронный // Сайт профессиональных психологов — психологическая помощь и онлайн консультации. — URL: <https://www.b17.ru/article/582292/> (дата обращения: 23.11.2025).
 19. Трухан, Е. А. Концепция выгорания К. Маслак: синдром и процесс / Е. А. Трухан. — Текст: непосредственный // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. — 2024. — № 1. — С. 85–97.
 20. Уколова, Е. М. Категория личности в экзистенциальном анализе и логотерапии В. Франкла / Е. М. Уколова. — Текст: непосредственный // Вестник университета. — 2015. — № 11. — С. 344–349.
 21. Vallerand, J. R. The role of passion in sustainable psychological well-being / J. R. Vallerand. — Текст: непосредственный // Psychology of Well-Being: Theory, Research and Practice. — 2012. — № 2 (1). — P. 1–21.

Юнка Елена Владимировна,
специалист: квалификация «Экономист»
по специальности «Мировая экономика»,
магистрант «РХГА им. Ф. М. Достоевского»

Загашев Игорь Олегович,
Старший преподаватель кафедры психологии
«РХГА им. Ф. М. Достоевского»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ КИТАЙСКИХ ОФИСНЫХ СЛУЖАЩИХ

В связи с постоянным развитием международных отношений с Китаем, особенно в условиях ограничений в международных отношениях с Западом в последние годы, вопрос понимания и изучения психологических характеристик китайских офисных служащих звучит достаточно актуально. Понимание этнопсихологических особенностей важно при построении отношений во всех сферах жизни: и в культурной, и в социальной, и в политической, и в бизнес-взаимодействии. В статье более подробно рассмотрена особенность трудовой мотивации китайских офисных служащих. Для изучения психического склада этноса, необходимо знать историю. Являясь единственной древней культурой, дожившей до XXI века, Китай и его народ не могут не предоставлять интереса для всестороннего изучения.

Ключевые слова: мотивация к труду, мотивация китайских офисных служащих

Elena V. Yunka, Igor O. Zagashev

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE FEATURES OF WORK MOTIVATION OF CHINESE OFFICE EMPLOYEES

In connection with the constant development of international relations with China, especially in the context of restrictions in international relations with the West in recent years, the issue of understanding and studying the psychological characteristics of Chinese office workers sounds quite relevant. To understand ethno psychological characteristics is important part in building relationships in all spheres of life: cultural, social, political, and business interactions. The article examines in more detail the peculiarity of the work motivation of the Chinese. To study the mental makeup of an ethnic group, it's essential to understand its history. As the only ancient culture to survive into the 21st century, China and its people are bound to be of interest for comprehensive study.

Keywords: motivation to work, motivation of Chinese office workers

Китайская цивилизация всегда вызывала неподдельный интерес у народов всего мира, манила своей самобытностью и закрытостью. Мы знаем Китай под различными названиями: Поднебесная (или как называют сами китайцы Тянься «всё под небом»), Серединное государство или «Срединная империя» (Чжунго); что определено точно, так это то, что это единственная древняя культура, которая дожила до XXI века [6].

У каждого народа выделяются, как правило, свои особенности, определенные черты характера и определенный психический склад. Многие нормы и правила усваиваются на подсознательном уровне, это привычки, которые передаются из поколения в поколение.

В данной статье описаны психологические особенности проявления трудовой мотивации у китайских служащих. Рассмотрены как исторический аспект формирования личности, так и базовые нормы трудового законодательства, проведен сравнительный анализ продолжительности рабочего времени в Китае и других странах мира; текущие условия работы офисных сотрудников в Китае.

Под офисными сотрудниками в данной статье понимаются специалисты, которые управляют бизнес-процессами, персоналом или проектами в организации; сотрудники, обеспечивающие качественное выполнение отдельной задачи или проекта в целом, выполняют работу из офиса компании.

Факторами, формирующими национальный характер, являются: условия природной среды, в которой обитает нация; сложившийся тип хозяйственной деятельности; генетический фонд нации; тип общества, в котором она живет; духовные основы нации (религиозные и идеологические) [6].

Считается, что в основе поведения всегда лежит мотивация, за исключением деятельности, основанной на безусловных рефлексх [5].

Мотивация (motivation), по мнению Стивена П. Роббинза, — это готовность (желание) человека выполнять какую-то определенную работу, обусловленная тем, что это удовлетворяет ту или иную его потребность [7].

Только зная то, что движет человеком, что побуждает его к деятельности, какие мотивы лежат в основе его действий, можно попытаться разработать эффективную систему форм и методов включения человека в деятельность, способствующую его личностному развитию. А для этого, в свою очередь, нужно знать, как возникают или вызываются те или иные мотивы, как и какими способами мотивы могут быть приведены в действие, как осуществляется мотивирование людей.

Мотивы (motiv) — это осознанные индивидом побуждения к деятельности, связанные с удовлетворением определенных потребностей [7].

Слово «мотивация» используется в психологии в двояком смысле: обозначает систему факторов, которые детерминируют поведение (сюда входят потребности, мотивы, цели, намерения, стремления и многое другое);

и характеристику процесса, стимулирующего и поддерживающую поведенческую активность на определенном уровне [2].

Мотивация персонала в настоящее время является актуальной проблемой в управлении компаний. Проблему мотивации в своих исследованиях поднимают современные ученые Барановский, Толкачев, Баркалова Н., Родионова Е. А., Варламова Т. А., Слинков А. М., Лю Шуай, Лю Синьлян, Фан Пин, Ли Цзяньфу, Шэнь Сонбин, Чжань Айцин, Ду Сюфан и другие.

Чтобы наиболее полно понять и провести анализ трудовой мотивации китайцев, считаю важным рассмотреть исторический аспект, социально-экономические показатели. Следует также отметить, что восточная культура — это коллективистская культура; это означает, что сам индивид не настолько ценен, как коллектив, семья, нация или другая общность; они стремятся к гармонии с другими людьми и приспосабливаются к окружающей действительности. Для них важно поступать так, как поступают все.

Богатая и древняя история наложила отпечаток на образ мысли китайцев: они чувствуют некое превосходство над иностранцами; общество достаточно консервативно и по сей день, и они благоговеют перед прошлым. Для них важно сохранение «лица», что означает вести себя достойно и «сохранить лицо» семьи, компании, в которой работают и окружения.

По мнению европейских и американских миссионеров и исследователей Китая прошлых лет, характер китайцев можно описать следующим образом: им недостает индивидуальности, они честны, бережливы, радуются жизни, наслаждаются тем, что имеют. Они умеют гордиться прошлым. Они достаточно талантливы, любят порядок, имеют организаторские способности, физически выносливы [6]. Китайцы уважают авторитеты и четко чувствуют иерархию авторитетов, подстраиваются под ситуацию. Огромное влияние на мировоззрение оказал главный мудрец Китая — Конфуций (родился в 551 г. до н.э.)

Се Сычжун (государственный чиновник, работавший в разные годы в секретариате Госсовета), описывая характер китайцев, отмечает стремление людей рассчитывать во всем на помощь и «обеспечение» со стороны организаций (даньвэй), в которых они работают [6].

Китайских детей с детства учат слушать, что говорит учитель или старший, а не высказывать свои мысли. Дома дети слушают родителей, в школе — учителя, на работе — начальство. В своей книге Спешнев Н. А. «Китайцы: особенности национальной психологии» отражает китайский менталитет в рисунках. Наиболее наглядным является рисунок «Про начальство»: показывает особенности китайской культуры. На левом рисунке — представление иностранца о руководителе или лидере. На правом рисунке — представление китайцев о начальнике или чиновнике. Это «благодетель», «ведущая балка»; этим нельзя пренебрегать, «ведь человек так высоко забрался».

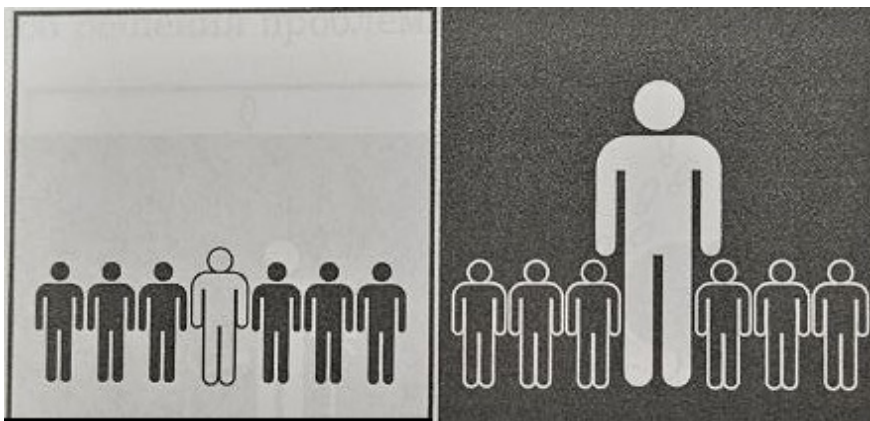

Рис. 1. Начальство: менталитет иностранцев и китайцев в рисунке

Сейчас мы знаем китайцев с той стороны, что они действительно очень трудолюбивы. Это сложилось исторически и сохранилось до настоящего времени.

Следует отметить сравнительно небольшой отпуск в Китае: базовые правила предоставления работникам ежегодного оплачиваемого отпуска регламентируются в Положениях «О ежегодном оплачиваемом отпуске работников». Минимальный оплачиваемый отпуск будет составлять 5 рабочих дней в год, если общий стаж или опыт работника не превышает 10 лет. В случае, если стаж составляет от 10 до 20 лет, то на отдых отводится — 10 рабочих дней. Если стаж свыше 20 лет — 15 рабочих дней [8].

Согласно Трудовому Кодексу КНР государством установлен 8-часовой рабочий день, тем не менее, имеется значимое положение, которое предполагает возможность внесения изменений в вопросах распределения рабочего времени посредством обращения в Министерство труда и социального обеспечения Китая [8].

Поэтому мы наблюдаем использование китайскими компаниями полуофициальной системы организации труда «996», в рамках которой работник начинает работу с 9 часов утра, заканчивает в 9 часов вечера, работает шесть дней в неделю, является объектом жарких дискуссий как среди простых граждан современного китайского общества, так и среди исследователей трудовых отношений. Противники этой системы считают, что она нарушает законодательство в сфере прав и интересов трудящихся [8].

«Добровольное согласие» сотрудников на условия сверхнормативной работы является проявлением культуры труда в Китае, это также связано со сравнительно дорогой жизнью в крупных городах так называемого «культы успешности». Сверхурочная работа в таких условиях является неизбежностью,

однако ее дальнейшее активное использование в современном Китае не может иметь долгосрочную перспективу в связи с запросом на социальную справедливость и, согласно прогнозам специалистов, достижением уже в скором времени психофизиологического и социально-психологического предела эффективности такой трудовой деятельности [8].

Еще до внедрения системы «996» среднегодовая продолжительность рабочего времени китайских работников и так была одной из самых высоких в мире, а сверхурочная работа фактически вошла в привычку у многих китайцев [8].

Ниже приведены данные по среднегодовой продолжительности рабочего времени.

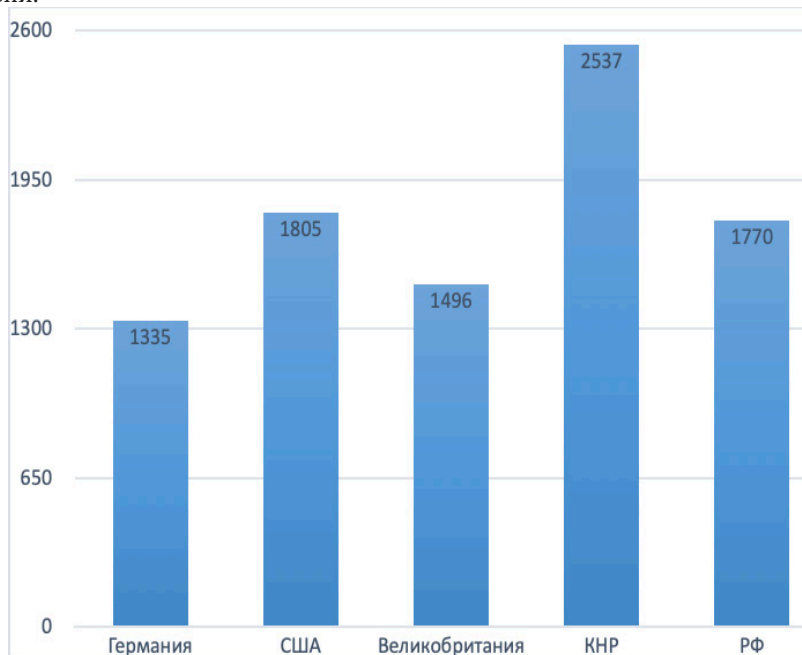

Рис. 2. Диаграмма «Рабочее время в разных странах мира, 2023 [9–11].

По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Национального бюро статистики КНР, среднегодовая продолжительность рабочего времени в КНР по официальной статистике составила в 2023 году — 2537 часов, что на 43% больше, чем в РФ (1770 часов) и на 41%, чем в США (1805 часов). Это действительно достаточный показатель и не учитывает правило 996 (длительности рабочего дня и недели, которое принято в некоторых компаниях КНР).

В Китае на 2021 год абсолютное большинство компаний — это малые и средние предприятия (более 99% от общего количества) и с каждым годом численность растет.

Ниже приведена сводная таблица количества сотрудников по отраслям на малых и средних предприятиях в КНР.

Отрасль	Выручка, млн. юаней	Количество сотрудников, чел.
Сельское хозяйство, лесоводство, скотоводство, рыболовство	Менее 20	
Промышленность	Менее 40	Менее 1000
Строительство	Менее 80	/
Оптовая торговля	Менее 40	Менее 200
Транспорт	Менее 30	Менее 1000
Розничная торговля	Менее 20	Менее 300
Размещение и питание	Менее 10	Менее 300
Передача информации	Менее 10	Менее 2 000
Программное обеспечение и услуги в области информационных технологий	Менее 10	Менее 300
Складское хозяйство	Менее 3	Менее 200
Почтовая индустрия	Менее 30	Менее 1000
Развитие и эксплуатация недви- жимости	Менее 200	/
Управление недвижимостью	Менее 5	Менее 1000
Аренда и бизнес-услуги	Менее 12	Менее 300
Другие	/	Менее 300

Таблица 1. Критерии классификации малых и средних предприятий по отраслям [1]

Следует отметить, что, как правило, на малых и средних предприятиях применяется материальная стимуляция [1], компании характеризуются простой организационной структурой. Тем не менее, с развитием общества все в большей мере человек стремится удовлетворить свои потребности. Поэтому наравне с материальной стимуляцией необходимо включать в систему мотивации и нематериальные инструменты так как самореализация,

профессиональный рост, совместные корпоративные мероприятия, учёт мнения сотрудников, публичная похвала, награды и т.п.

Известный гуманист и исследователь мотивации А.Маслоу считает фактически любое состояние организма в той или иной мере мотивационным. Человек, как только удовлетворил очередное желание, тут же его место занимает другое и так бесконечно. В этой гонке очень важно по достоинству ценить то, что человек достиг и уже далее ставить новые цели и идти к ним [3]. То есть наличие потребности говорит о том, что предыдущие желания были достигнуты (удовлетворены).

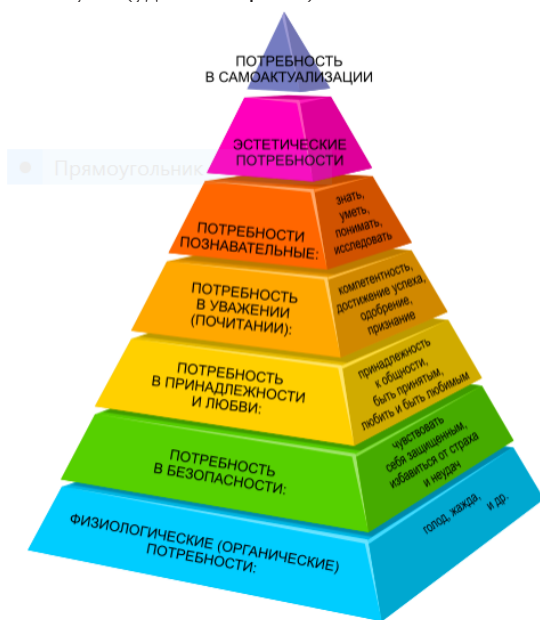

Рис. 3. Иерархия потребностей А. Маслоу

Как отмечал Томас Эдисон: «Гений — это 1% таланта и 99% упорного труда». Из этого следует, что именно высокомотивированный сотрудник является «двигателем» в компании. Однако надо учитывать, что у всех сотрудников разные потребности в силу их возраста, пола, семейного положения и ценностей, соответственно и мотивационные инструменты должны быть разные. Следует учитывать также, что с постепенным улучшением экономических условий, уровнем жизни и развитием бизнеса, растут и потребности китайского общества. Механизмы мотивации должны соответствовать времени и не быть статичными.

Исследуя мотивацию офисных сотрудников важно учитывать, что успех компании состоит из простых людей, которые добросовестно, качественно

выполняют свои обязанности и готовы сделать «чуть больше» для своей компании, чем это обусловлено их восьмичасовым рабочим днем. Такое возможно только в том случае, если человек «привержен» своей компании, коллективу и, несомненно, ее лидеру. В условиях всевозрастающей конкуренции на китайском рынке, все большей открытости и глобализации экономики, необходимо вкладывать в главный ресурс компании — людей. Я не сторонник системы организации труда «996», а тем более «997» о чем периодически идет речь в китайском обществе, что может приводить к тому, что как бы высоко люди не были мотивированы, это будет приводить к выгоранию и в долгосрочной перспективе даже к болезням. Человеку необходим полноценный отдых и в рамках недели, и в рамках года — отпускные дни. Несомненно, в Китае есть национальные праздники: Китайский Новый год, День образования КНР, Праздник середины осени и другие, когда сотрудники компаний отдыхают и не всегда «на связи», тем не менее отвечают на письма и сообщения, пусть и с некоторым опозданием. Ввиду экспортоориентированной экономики страны и высокой конкуренции, китайские офисные сотрудники вынуждены «быть на связи» фактически всегда: это происходит из-за разницы во времени, из-за разницы культур и обычаев (несовпадении национальных праздников) и ввиду невозможности полной остановки процесса работы, который связан с производственными процессами и отгрузками.

Учитывая тот факт, что конца с 1970-х годов КНР начался новый этап развития: политика «реформ и открытости». Развитие получил частный сектор экономики. Затраты на сотрудников в первое время реализации указанной политики были низкими, компании и предприятия получали высокую прибыль, что позволило экономике Китая развиваться очень быстрыми темпами. Сейчас страна также развивается достаточно быстрыми темпами, вместе с ней и общество, благодаря глобализации становится все более открытым. По данным Национального бюро статистики Китая на 2022 год средняя заработная плата лиц, занятых в городских нечастных предприятиях, по всей стране в 2022 году составила 114 029 юаней (в пересчете на курс рубля составляет на 01.12.2025 года 1 256 599,58 рублей), увеличившись на 7 192 юаня по сравнению с предыдущим годом [12]. Ранее Китай ассоциировался с дешевой рабочей силой, сейчас этого сказать мы уже не можем.

В статье приведены статистические показатели, которые, на наш взгляд, дают возможность в достаточной мере составить образ современного китайского офисного служащего: рассмотрен и исторический аспект и в некоторой степени трудовое законодательство, образ мысли китайцев.

Китайское общество имеет древнюю историю, тем не менее, сохранило свою идентичность до XXI века, перешло в прошлом веке к глобализации и до сих пор мы наблюдаем «Китайское экономическое чудо», которое достижимо не только путем проведения экономических и политических реформ, а благодаря каждому конкретному человеку, который выполняет свою особую

роль на своем месте в обществе; в китайцах есть нечто вроде секрета, вшитого в них непростой историей народа, культурой, традициями, землей, на которой они проживают.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, Пэйвэнь. Исследование методов мотивации сотрудников на современных китайских малых и средних предприятиях / Ван Пэйвэнь. — Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. — 2024. — № 11. — С. 129–134.
2. Маклаков, А. Г. Общая психология / А. Г. Маклаков. — Санкт-Петербург: Питер, 2024. — 511 с. — Текст: непосредственный.
3. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. — Санкт-Петербург: Питер, 2010. — 186 с. — Текст: непосредственный.
4. Николаева, Е. Предоставление работникам отпуска в Китае: правовые особенности / Е. Николаева. — Текст: непосредственный // Океанский менеджмент. — 2017. — Текст: непосредственный.
5. Родионова, Е. А. Проблема мотивации персонала в психологии менеджмента / Е. А. Родионова. — Текст: непосредственный // Глобальные риски — локальные решения: материалы Международной междисциплинарной научно-практической конференции, 15–16 мая 2013 года. — Санкт-Петербург: БИЭПП, 2013. — Текст: непосредственный.
6. Спешнев, Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н. А. Спешнев. — Санкт-Петербург: КАРО, 2023. — 336 с. — Текст: непосредственный.
7. Мотивация персонала в современной организации: учебное пособие / под общ. ред. С. Ю. Трапицына. — Санкт-Петербург: ООО «Книжный Дом», 2007. — 240 с. — Текст: непосредственный.
8. Ян, Юнькэ. Феномен сверхурочной занятости в современном Китае: экономико-социологический анализ / Ян Юнькэ. — Текст: непосредственный // Общество: социология, психология, педагогика. — 2021. — Текст: непосредственный.
9. Forbes.ru. — Текст: электронный. — URL: <https://www.forbes.ru/biznes/507443-vrema-raboty-v-rossii-v-perescete-na-god-i-den-postavilo-rekord-za-postoi-20-let> (дата обращения: 30.11.2025).
10. OECD.org. — Текст: электронный. — URL: [https://data-explorer.oecd.org/vis?fs\[0\]=Topic%2C1%7CEmployment%23JOB%23%7CE](https://data-explorer.oecd.org/vis?fs[0]=Topic%2C1%7CEmployment%23JOB%23%7CE) (дата обращения: 29.11.2025). — На английском языке.
11. Stats.gov.cn. — Текст: электронный. — URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202305/t20230516_1939490.html (дата обращения: 30.11.2025). — На английском языке.
12. Stats.gov.cn. — Текст: электронный. — URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202305/t20230517_1939617.html (дата обращения: 30.11.2025). — На английском языке.

Шилин Иван Вячеславович,
Аспирант «РХГА им. Ф. М. Достоевского»

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕФЛЕКСИВНОЙ КУЛЬТУРЫ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Надежным профилактическим средством для повышения уровня стрессоустойчивости педагогов и учащихся является высокий уровень рефлексивной культуры. В статье описаны педагогические технологии формирования рефлексивной культуры в целях продуктивного усвоения знаний, как наиболее предпочтительные в образовательном процессе.

Ключевые слова: рефлексия, рефлексивная культура, педагогические технологии стрессоустойчивость

Ivan V. Shilin

PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES FOR THE FORMATION OF REFLEXIVE CULTURE AND STRESS RESISTANCE IN THE EDUCATIONAL PROCESS

A high level of reflective culture is a reliable preventive measure for increasing the stress resistance of teachers and students. The article describes pedagogical technologies for the formation of reflective culture in order to productively acquire knowledge, as the most preferable in the educational process.

Keywords: reflection, reflective culture, pedagogical technologies, stress resistance

Образовательный процесс является важнейшим социальным институтом, позволяющим создать из незрелого ученика полноценную единицу общества, самостоятельную личность, способную удовлетворить как собственные потребности, так и запросы государства. «Мегатенденции» этих запросов фокусируются на новом качестве образования, включающем в себя такие тенденции как «значимость как для индивида, так и для общественных ожиданий и норм, ориентацию на активное освоение человеком способов познавательной деятельности, адаптация образовательного процесса к запросам и потребностям личности, ориентация обучения на личность учащегося, обеспечение возможностей его самораскрытия» [8, с. 2]. Нарастающие темпы цифровизации, интенсивно возрастающая наукоемкость в самых простых профессиях диктуют необходимость исполнения многозадачных процессов, зависящих во — многом от «человеческого фактора». В новых условиях повышения интенсивности рабочего и учебного процесса является необходимым требование постоянного совершенствования квалификации педагога

в области психологии обучения, формирование у педагогов и школьников ради сохранения их физического и психического здоровья определенной рефлексивной культуры, способной быть надежным щитом здоровья от негативного воздействия стресса. Как указывает современный исследователь особенностей педагогической рефлексии в профессиональной деятельности педагога Баранова Т. В.: «Изменение приоритетов становится важнейшим ориентиром развития системы высшего образования и выдвигает профессионально — педагогическую подготовленность преподавателя в разряд первостепенных» [2, с. 35].

Содержание профессионально — педагогической подготовленности преподавателя определяется его целью: формированием способности личности к самоорганизации, самоизменению и саморазвитию в рамках учебной и профессиональной деятельности. «Рефлексивная культура, — пишет академик В. А. Сластенин, — соединяет в себе совокупность индивидуальных, социально обусловленных способов осознания и переосмысления субъектом собственной жизнедеятельности» [15]. Педагог должен не только знать, как формируется рефлексивная культура ученика, активировать ее в образовательном процессе, но и сам должен быть носителем рефлексивной культуры, виртуозно владеть различными приемами рефлексивной культуры, их свободной и осмысленной комбинацией. Развитие рефлексивных способностей помогает анализировать свои эмоции, поведение и реакции в стрессовых ситуациях. Это возможно развивать через такие приемы как ведение дневника эмоций, анализ ситуации через описание, рисунок, беседу. Можно предложить ученику описать себя как героя какой — то драмы и придумать разные варианты конца. Полезна для повышения самооценки игра «благодарю себя за...». Рефлексия является основой для перспективного личностного роста, но при этом возможна постановка вполне конкретных целей и задач.

Методика организации рефлексии ученика на уроке по — А. В. Хуторскому предполагает остановку деятельности, ее оценку на промежуточном этапе, с тем чтобы избежать ошибок, логически идущих за закрепленным вариантом действия [19, с. 36]. Ученик соотносит свою деятельность с первоначальной целью и движется к ней осознанно, контролируя процесс и не впадая в излишнюю эмоциональность. Основой методики А. В. Хуторского является природосообразность обучения (свобода и самобытность ученика, сохраняющаяся в школе), личностно-ориентированный подход (исходящий от самого ученика) и творческая продуктивность (креативный процесс создания учеником образовательной продукции). В основе рефлексивного анализа может лежать методика предложенная Т. В. Барановой. Структура рефлексии, описанная в научной работе Т. В. Барановой «Исследование особенностей педагогической рефлексии в профессиональной деятельности педагога» [2, с. 36] предполагает прохождение «четырёх шагов», каждый из которых имеет свою цель и набор

возможных вопросов, которые позволяют эффективнее запустить рефлексивные процессы:

1 шаг. «Эмоции». Цель — определить эмоциональное состояние участников, снять эмоциональное напряжение. (Вопросы: «Что вы чувствуете во время занятия?», «Что вы чувствуете сейчас?»).

2 шаг. «Факты». Цель — восстановить логику событий во время занятий, вспомнить, что было, закрепить материал для последующего анализа, выявить целостность. (Вопросы: «Что делали?», «С чего начинали?», «Что было потом?»)

3 шаг. «Причины». Цель — проанализировать причины тех или иных событий во время занятий, зафиксировать удаchi и затруднения, предвидеть возможные ситуации в будущем. (Вопросы: «Какие действия ведущего привели к данному событию?», «Что можно было бы сделать?»)

4 шаг. «Выводы». Цель — зафиксировать наиболее важные выводы по результатам занятия, удержать полученный результат, проверить, что усвоено. (Вопросы: «Что было важным?», «Что было сложным?», «Какой вывод вы из этого сделали?», «Как вы это будете использовать?», «Что нового вы узнали?», «Для чего это нам надо?»)

Применение метода Барановой возможно на уроках, где обсуждаются выступления учащихся или чье — либо выступление на концерте, лекции и т.д.

Психология рефлексии, в — целом, достаточно хорошо разработана учеными. Так, теоретические основы рефлексии в рамках развития личности исследовались как зарубежными, так и советскими учеными: Р. Лазарусом, Г. Селье, Б. Г. Ананьевым, Л. И. Анцыферовой, В. А. Бодровым, Ю. В. Щербатых, Л. С. Выготским, С. Л. Рубинштейном, В. А. Петровским, И. Н. Семёновым, Г. П. Щедровицким и другими. Тема рефлексивной культуры педагога была исследована учеными В. К. Зарецким, Ю. Н. Кулюткиным, И. С. Ладенко, А. В. Карповым и другими. В современной педагогике формирование рефлексивной культуры рассматривается как комплексный процесс, включающий в себя развитие способности к самоанализу; формирование навыков самооценки; освоение методов саморегуляции». И. В. Муштавинская уделяет большое внимание развитию критического мышления. Все эти компоненты рефлексивной культуры способствуют формированию стрессоустойчивости и становятся доступными через применение педагогических технологий в образовательном процессе. Насколько важна рефлексивная культура для ребенка, особенно в юношеском возрасте, можно узнать из разработок Фельдштейна [18, с. 13], который считал, что одним из главных условий формирования личности являются «высокий уровень рефлексии, осознание жизненного опыта и произвольное поведение».

Поскольку рефлексия рассматривается в педагогике как базовый механизм саморазвития личности, следует назвать положительным результатом сформированной рефлексии способность осознавать собственные состояния,

анализировать причины стресса; развивать навыки саморегуляции. Все эти навыки являются ключевыми для будущей успешности выпускника школы. Именно этим навыкам учат школы бизнеса, различные коуч-программы. Все это возможно освоить учащимся еще в средней школе через специальные педагогические технологии. Наиболее известные технологии могут представлять собой симбиоз педагогических и психологических задач. Например, любое проектирование коллективной деятельности основано на согласовании совместных действий, и, решая конкретные образовательные задачи, мы формируем навыки кооперативной рефлексии. Целенаправленная работа по группам и в паре развивает умение понимать и слышать другого человека: так развиваются навыки коммуникативной рефлексии. Спрашивая у ученика его мнение, мы формируем личностную рефлексию, поскольку у ученика возникает потребность уважать собственное мнение, быть за него ответственным, формируется способность к анализу собственной деятельности. Аналитическая рефлексия может осуществляться на любом этапе педагогического образовательного процесса: ее можно систематически проводить по итогам изучения темы, раздела, учебной четверти, года.

Таким образом, можно утверждать, что старые, известные приемы педагогической деятельности могут одновременно выполнять, в том числе, и функции рефлексии. Например, планирование и моделирование деятельности через личное расписание, обдумывание плана, заметки в записную книжку, может являться по — факту, проектировочной рефлексивной функцией; призыв «подумай: почему, как, зачем!» активирует смыслотворческую рефлексивную функцию; самостоятельное подведение учеником итогов урока или обобщение по завершению темы способствуют развитию аналитических задатков и опыта систематизации, что является ретроспективной функцией рефлексии; конструктивная функция, соответственно, проявляется через выработку целей и программ деятельности. Стимулирование изменений в деятельности можно отнести к коррекционной функции рефлексии.

Следует особо остановиться на мотивационной рефлексивной функции. Мотивация (от фр. *motif* — «движение», «толчок») необходима для любого осмысленного продуктивного действия. В основе работы мотивации лежит, так называемый, импеллерный принцип, аналогичный действию технического устройства — импеллера, служащего для подачи воздуха на лопасти авиационного мотора. Нет такой подачи — мотор не работает. Заставить мотор работать на том основании, что он «мотор» и «должен работать» невозможно: подобная апелляция не работает нигде, в том числе, и в образовательном процессе. Важно изначально системно ориентировать ребенка на обучение и восприятие нового, объяснять ему ценность знаний. «Формирование ориентации на учебные цели повышает восприятие самооффективности и мотивации обучения» [13, с. 2]. Однако важно помнить, что цель, в том числе, и учебная — это для ребенка прежде всего личная заинтересованность, которая является

для ребенка залогом любой успешной и продуктивной работы (похвала учителя и родителей, вывешивание на «доску почета», в старших классах — уважение друзей, возможность поступления в вуз). Мотив для серьезного проекта может быть жизненно важным. Более простая форма деятельности может успешно решаться с помощью стимулов: кратковременного интереса в виде конкретной пользы.

Мотивация требует от учителя особенного педагогического мастерства, если тот намерен достичь продуктивной и качественной отдачи ученика от образовательного процесса. Воспитать искусного педагога — задача «повышенной трудности», требующая от научных кадров широкого кругозора и тесной связи педагогики и психологии. Приходится признать, что «в настоящее время проблема мотивации учебной деятельности приобретает статус одной из основных фундаментальных проблем психологической науки» [7, с. 2]. В основе мотивации лежит потребность, и соответственно, чем больше разрыв между личностными потребностями ученика и внешними требованиями к нему, тем ярче он испытывает дистресс. Поскольку самому ученику довольно сложно определить свои собственные предпочтения, то проблема стрессоустойчивости приобретает устойчивую тенденцию к нарастанию при увеличении учебной нагрузки. Если учитель уважительно относится к ученику, побуждает его прислушиваться к собственным предпочтениям, предлагает ему подумать, прежде чем принять ответственное решение, предлагает несколько вариантов образовательного вектора, то ученику сложно не проникнуться к учителю доверием. Доверие предполагает отношение к учителю, как к близкому человеку, обладающему необходимо важными качествами: надежностью, искренностью, честностью, вежливостью, находчивостью, организованностью, терпимостью к недостаткам, рациональностью, независимостью, сдержанностью, то есть теми качествами, которые, безусловно, говорят о требовании учеников к учителю высокой нравственности и социальной значимости для школьников. Следовательно, правильная мотивация раскрывается в условиях доверия к нравственно состоявшемуся учителю, цели которого совпадают с интересами учеников и преследуют развитие способностей ученика, раскрытие его знаний, умений и навыков в соответствии с его потребностями, что, в свою очередь, является залогом успеха и продуктивной работы [11, с. 432].

Известные формы рефлексии могут условно делиться на вербальные (опросы, интервью, семинары, обсуждения, дискуссии и т.д.) и невербальные (собственные графики продуктивности и личностного роста, сочинения, тестирования, различные анкетирования, дневники, письма самому себе, творческие продукты, хобби). Творческие продукты всегда отражают особенности проблем внутреннего мира человека. Поэтому многие психологи ищут в них отражение мыслей, складывающиеся в целые периоды: «голубой период» (1901–1904) в творчестве Пабло Пикассо был связан с самоубийством в 1901 году близкого друга Пикассо-художника К. Касагемаса. Это событие

определило мрачное настроение его картин, сюжетно говорящих о несчастных людях; «Болдинская осень» (31 августа — 5 декабря 1830 года) Пушкина, когда изза объявленного холерного карантина поэт вынужден был страдать вдалеке от возлюбленной в имении Большое Болдино. Это страдание из-за любви и разлуки отразилось в его произведениях «Евгений Онегин», «Пир во время чумы» и других, написанных в это время. Хобби тоже опосредованно отражают настроение человека, его изменения в состоянии. Поэтому учителю важно знать настроение своего ученика, присматриваться к его деятельности вне школы, устанавливать доверительное отношение так, чтобы ученику было важно мнение учителя так же, как учителю важно мнение ученика.

Современные образовательные технологии с рефлексивным компонентом позволяя в ходе решения образовательных задач решать проблемы стрессоустойчивости благодаря повышению уровня рефлексивной культуры. Например, технология «педагогические мастерские» создают условия для осмысления способов познания; технология «дебаты» развивают способности логической аргументации и осмысления собственной позиции; технологии «исследование» и «дискуссия» формируют критическое мышление; «кейс-методы» способствуют формированию способности к самоанализу и рефлексированию над результатами; «собираание портфолио» укрепляет самооценку, поскольку закрепляет собственные достижения.

Зарубежный опыт также учит развивать рефлексивные умения. Ч. Хилман, заслуженный профессор психологии и директор Института когнитивного и мозгового здоровья, доказал, что небольшие физические упражнения перед началом интеллектуальных занятий способны значительно усилить концентрацию, самоконтроль и скорость принятия решений. Поэтому, имеет смысл вспомнить «разминку», которая повсеместно проводилась в СССР перед началом занятий, а в начальной школе — и во время урока. В 1962 году, благодаря идеям А. Эллиса [21], в технологии RET были реализованы важные рефлексивные принципы формирования стрессоустойчивости, которые отчасти применимы и актуальны в педагогике и сегодня. Например, Эллис считал, что когнитивные процессы играют основную роль в возникновении психологических проблем, приветствовал гуманистический взгляд на личность, а также подчеркивал бесполезность и опасность самооценки. Акцент Эллис сделал на процессе интерпретации пациентом событий, а не на разбор самих фактов и событий, которые, в принципе, эмоционально нейтральны, то есть, в процессе терапии происходит смещение цели. Целью рефлексивной технологии «развития критического мышления», созданной американскими педагогами Дж. Стилом, К. Мередитом и Ч. Темплом [17, с. 4], является развитие интеллектуальных умений (через анализ, синтез и оценку информации); формирование метакогнитивных навыков (путем опыта самооценки, самоконтроля и планирования деятельности); стимулирование самообразования (через самостоятельный поиск информации). Основными принципами этой

технологии стала ее безопасность для ученика, диалогичность и открытость критике между обучающими и обучаемыми, и активность ее форм (дискуссии, диалоги). Эта методика развивает умение работать с любой информацией и реагировать на нее, принимая обоснованное решение. Важным достижением этой технологии является возможность формирования у учеников самостоятельности, собственного аналитического мышления. Это осуществляется путем поэтапного движения мысли через фазы следующим образом: первая фаза — «вызов» (актуализация знаний); вторая фаза — «осмысление» (анализ новой информации); третья фаза — «рефлексия» (обобщение и оценка опыта). Комплекс педагогической техники, основанный на самоанализе мыслей, чувств и действий помогает управлять эмоциональными реакциями и эффективно адаптироваться к стрессовым ситуациям. Такие техники могут быть когнитивными, поведенческими или эмоциональными. Это тесно связано с психологией, в частности когнитивной терапией. Эта терапия рассматривает мысли людей как краеугольный камень их страданий. Техника КПТ А. Бека [20] — это сугубо психологическая, профессиональная техника, но отдельные ее элементы вполне возможно применять и педагогам, включая их в общий образовательный процесс. Например, некоторые методы КПТ, которые вполне возможно использовать в педагогическом образовательном процессе:

«Когнитивная реструктуризация» — помогает изменить негативные мысли, которые приводят к тревоге или депрессии. Вместо восприятия проблемы как непреодолимой учащийся учится искать более реалистичные и поддерживающие взгляды.

«Поведенческая активация» — мотивирует человека на действия, которые приносят удовлетворение и помогают постепенно вернуться к активной жизни. Техника постепенных шагов (что-то сделать совсем небольшое, но приближающее к успеху) — метод П. И. Чайковского: «пиши, что пишется, даже если не пишется — пиши!» (по аналогии: учи как учиться, а если не учиться — учи!). Метод «похвали себя сегодня» (найди, за что себя похвалить. Не похвалить себя нельзя! Как в детстве мама хвалила за каждую ложечку каши).

«Экспозиция» — метод КПТ, который постепенно знакомит клиента с пугающими объектами или ситуациями, помогая снизить уровень тревоги. Этот метод давно используется в профессиональной школе на прогонах программы: ученик, который стесняется и боится выступать, начинает систематически выступать перед классом с очень маленьким сообщением, потом оно увеличивается в объеме, пока не вырастает до размеров полноценного выступления. Понятно, что ученика просит выступить учитель, но ученик поначалу даже не оценивает это как подготовку его психики к серьезным испытаниям. Ежедневная привычка помогает в дальнейшем успешному выступлению.

Также в КПТ используются домашние задания — они позволяют клиентам практиковаться в новых навыках и стратегиях в своей повседневной жизни: (метод: «сколько вариантов решения может быть в этой ситуации?»;

метод: «Дай себе подумать, а что если...(путь к заветной мечте)». Можно помочь найти естественные связи своих поступков или слов с реальностью и прогнозировать будущее через игру «что будет, если...». Например, ученик боится петь на уроке. Учитель спрашивает: «А что будет, если ученик споет (можно ответить устно или письменно, можно нарисовать серию рисунков). После того, как ученик фиксирует это, учитель спрашивает: «А потом что будет?». Затем таким пошаговым способом по цепочке выстраивается полная цепь событий. Можно развить стратегию на любых других примерах. Ученик учится благодаря этой технологии отслеживать и контролировать автоматические деструктивные мысли, принимать решение о замене негативных автоматических мыслей на позитивные утверждения, самостоятельно находить связь между деструктивным мышлением и дальнейшим поведением, анализировать и правильно обрабатывать информацию, реалистично оценивать себя и адекватно реагировать на происходящие события.

Такие приемы рефлексии, как обобщение и оценка опыта на уроке хорошо известны российским педагогам. По мнению О. П. Меркуловой «основной целью [оценивания] является совершенствование учебной деятельности» [12, с. 18.]. По — Стеценко И. А., «принцип частых и немедленных оценок облегчает и корректирует итоговый результат. Частое и немедленное оценивание усиливает учебную мотивацию, стимулирует потребность в самообразовании и повышает диагностичность образовательного процесса» [15, с. 4]. Например, можно спросить учеников, «что оправдалось (не оправдалось) из ожиданий?»; «почему получилось (не получилось)?»; «как мы можем достичь необходимого результата?». Самооценка деятельности может происходить по шаблону «на уроке я узнал (сделал, открыл для себя). Если самооценка проходит по негативному сценарию, то нужно вывести ученика на поиск положительных сторон деятельности (по методу Робинзона Крузо, когда отрицательный результат компенсируется положительным). Оценка эмоционального фона урока может быть визуально закреплена, например, методом «букет» (каждый учащийся прикрепляет свой «цветочек», соответствующий его настроению после урока на общий «букет» (следует заранее сделать соответствующую доску). Очень простой метод «ладошка»: оценка урока по пятибалльной системе. Каждый ученик в конце урока показывает с места учителю (уроку) оценку, которую можно увидеть на пальцах (ладошка-5 баллов). Еще проще метод «гладиатор», когда в конце урока ученик голосует за качество урока поднятым вверх или опущенным вниз большим пальцем. Этот метод позволяет быстро найти болевые точки урока, поскольку предполагает непосредственный опыт оценки учителя и ученика. Интересный опыт может также дать поиск ключевого слова, определяющего суть урока.

Таким образом, условиями стимулирования рефлексивной деятельности ученика на уроке являются:

1. создание безопасной для ребенка среды;

2. партнерские отношения «равноправия» ученика и учителя;
3. обстановка доверия между учеником, учителем и между учениками;
4. установка на критическое отношение к проделанной работе в балансе с поощрением;
5. приоритет смысловой деятельности перед механическим запоминанием, самостоятельного поиска знаний перед простым его «потреблением»;
6. оптимизация процесса обучения в пользу знаковых систем (схемы, таблицы, графики);
7. поощрение обдуманных решений как результата самоанализа;
8. отчетность и самокритика как естественные рабочие моменты на уроке.

В любом случае, все известные этапы организации рефлексии на уроке: остановку (для поэтапного анализа); фиксацию (запись ключевых моментов или их акцентирование); внедрение (систематизация зафиксированного); реконструкцию (переосмысление опыта) следует воспринимать как системный процесс, требующий синтеза специальных педагогических и психологических рефлексивных технологий, создания условий для осознанного саморазвития учеников. Важно, что педагогу принадлежит ключевая роль модератора, моделирующего диалогическое рефлексивное поведение в образовательном процессе. Особенно важна роль учителя как организатора диалога для младших школьников. На уроках у таких подготовленных педагогов дети начальной школы могут успешно осваивать специально организованную рефлексивную деятельность, сочетающую компоненты игры и учебной деятельности [1, с. 7].

После выхода РФ из Болонской системы наша система образования должна стремиться быть не хуже, а лучше международного стандарта, а требования, предъявляемые к качеству подготовки выпускников высших учебных заведений должны быть на едином высоком методическом уровне [5, с. 2]. «В связи с этим теоретическая модель процесса формирования и развития рефлексивной культуры у будущих специалистов включает продуктивное решение следующих задач: актуализация потребности в личностном и профессиональном самопознании; овладение средствами самоанализа и приемами рефлексии; формирование опыта рефлексии в профессиональной деятельности; формирование потребности в профессиональном самосовершенствовании» [3]. Основной проблемой в применении педагогических технологий является погрешность на факторы, препятствующие усвоению знаний. Весомым негативным фактором такого рода является сопротивление участников педагогического процесса новым знаниям. Это сопротивление выражается в неготовности учащихся к самостоятельной работе и методической неподготовленности педагогов. Необходимо признать системные просчеты: «у нас нет продуманной стратегии развития самостоятельных навыков учащихся» [14, с. 573], как нет и жесткого неприятия авторитарных методов педагогов,

поэтому на сегодняшний день «в ссузах и вузах сосуществуют два подхода к обучению» [14, с. 574]. Методическая неподготовленность складывается в том числе из информационной безграмотности педагогов, работающих без учета новых знаний из области психологии стрессоустойчивости. Педагоги старого типа, привыкшие работать в авторитарной манере, часто оказывают сопротивление подобным методам. Неизбежным следствием пренебрежения психологической гигиеной труда будет профессиональное выгорание самого педагога, «срывы» и колебания настроения учащихся, сопровождающие подобное обучение. Неготовность к самостоятельной работе учащихся, учитывая лабильность их нервной системы, в свою очередь, является прямым следствием авторитарной манеры поведения педагогов, создания на уроке различных стрессовых ситуаций, атмосферы «подавления» личности ученика.

Педагогические рефлексивные технологии, способствующие стрессоустойчивости, включают в себя методы, которые помогают педагогам и учащимся отслеживать своё психоэмоциональное состояние, оценивать уровень стабильности этого состояния и предвидеть возможности его негативного изменения. Известная «закупорка» речевой способности вследствие перенесенной ребенком психологической травмы или в стрессовой ситуации может быть успешна решена удалением ситуации стресса на уроке, которая нередко создается авторитарными учителями. Исследования А. Б. Купрейченко убедительно показали, что «высокая личностная агрессивность практически неизбежно снижает доверие к психологически далеким людям (руководителям), влияет на оценку учреждения в целом» [10, с. 460]. Длительное состояние дистресса может привести к стойким нарушениям речевой функции ребенка, что отразится на успеваемости, вызовет стойкое нежелание посещать школу. Обстановка доверия на уроке, исходящая от педагога, частые выступления без последующего критиканства, напротив, способствуют раскрепощению речевой способности. «Овладевая речью, ребенок приобретает способность к понятийному мышлению, к обобщенному отражению окружающей действительности, к осознанию, планированию и регуляции своих намерений и действий» [4, с. 1]. Решение этих задач «возможно при организации диалогического общения. В широком смысле диалог как форма взаимодействия обычно противопоставляется монологу и конфликту» [6, с. 17].

Обучение рефлексивным технологиям должны применяться в переподготовке учителей, и в рамках повышения квалификации: это тренинги, практические семинары и практикумы. Они повышают возможности педагогов, поскольку на них педагоги с психологом отрабатывают формирование у детей навыков саморегуляции, эффективного общения, приёмов релаксации, управления эмоциями, методы восстановления эмоционального баланса. Применение таких технологий на уроках возможно на педагогическом содержании в качестве разбора с учениками каких-либо ситуаций на гуманитарных предметах: «как можно было избежать развития драмы?» (управление

эмоциями); «как человек мог бы противостоять описанной в литературе стрессовой ситуации, (допустим, в драме Н. Островского «Гроза»), когда невозможно выйти из среды? (релаксация, контроль эмоций с помощью дневника, восстановление эмоционального баланса, перенос акцента на материнство или религию); «как избежать соблазнов, чтобы не испортить себе жизнь?» (представление крайней степени осуществления желаемого); «хотели бы участники литературных драм развития отношений, если бы представляли себе, что им придется пережить позор, смерть и т.п.?)»).

Возможно использование известных приемов саморегуляции в качестве настройки в начале урока или перед ответственным выступлением (языковая разминка «оум»: ученик стоит или сидит, лучше встать. Вообразим, что внутри во рту у него яйцо, небо поднято, зубы разжаты максимально, а губы сомкнуты. Надо набрать воздуха и максимально медленно выдувать воздух через нос. Упражнение повторять до полного расслабления. Можно сделать предварительно круговые вращения плечами, поскольку зажатость вследствие стресса локализуется на гортани и верхнем плечевом поясе). Если в коллективе есть дети, которые боятся выступлений, можно проработать сочетание нескольких стратегий (тренировка постоянных выступлений, сочетание методов релаксации, саморегуляции, плановой поэтапной подготовки и проживания самого негативного сценария). Другими технологиями развития стрессоустойчивости через рефлексию могут стать интерактивные методы. К ним относятся игровые (в том числе тренинговые) и диалоговые (дискуссии, диспуты, беседы, интервью). Такие методы успешно реализуются в групповых и коллективных формах работы.

Можно сделать определенные выводы о том, что педагогические технологии, способствующие формированию рефлексивной культуры, одновременно являются базисом психологической культуры личности, которая определяется «наличием характеристик, параметров, определяющих готовность эффективно решать широкий круг повседневных задач» [9, с. 4]. Именно в таком понимании она должна стать предметом изучения и освоения. Философ Эпиктет утверждал, что разумный человек обладает свободой мысли, свободой воли, а истинная сущность человека состоит в духовности. Дух человека по природе нуждается в совершенствовании и развитии, которые достигаются упорной работой над собой, и, являясь частью рефлексивной культуры, включают в себя систематический осознанный анализ собственной деятельности, поведения, и способности к улучшению собственной жизни. На это совершенствование и направлены педагогические технологии формирования рефлексивной культуры и стрессоустойчивости как основы личностного роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрущенко, Т. Ю. Коррекция психического развития младшего школьника на начальном этапе обучения / Т. Ю. Андрущенко, Н. В. Карабекова. — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 1993. — № 1. — С. 47–53.
2. Баранова, Т. В. [Публикация] / Т. В. Баранова. — Текст: непосредственный // Новые педагогические исследования: приложение к журналу «Профессиональное образование». — Москва: Профессиональное образование, 2007. — № 4. — С. 33–41.
3. Бурко, О. П. Особенности рефлексивной культуры будущих инженеров / О. П. Бурко. — Текст: непосредственный // Психология образования в XXI веке: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, Волгоград, 14–16 сентября 2011 г. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2011. — ISBN 978-5-9935-0236-6.
4. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. — Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1956. — 520 с. — Текст: непосредственный.
5. Гретченко, А. И. Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство / А. И. Гретченко, А. А. Гретченко. — Москва: КНОРУС, 2009. — 432 с. — Текст: непосредственный.
6. Карабекова, Н. В. Формирование рефлексивной позиции младшего школьника в учебном диалоге / Н. В. Карабекова. — Текст: непосредственный // Психология образования в XXI веке: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, Волгоград, 14–16 сентября 2011 г.: к 80-летию Волгоградского государственного социально-педагогического университета / ред. Т. Ю. Андрущенко, А. Г. Крицкий, О. П. Меркулова. — Волгоград: Перемена, 2011. — С. 49–51.
7. Карпова, Е. В. Антимотивация в структуре учебной деятельности / Е. В. Карпова. — Текст: непосредственный // Психология образования в XXI веке: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, Волгоград, 14–16 сентября 2011 г. / под ред. Т. Ю. Андрущенко, А. Г. Крицкого, О. П. Меркуловой. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2011. — С. 117–119.
8. Кларин, М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии: (Анализ зарубежного опыта) / М. В. Кларин. — Рига: НПЦ «Эксперимент», 1995. — 176 с. — Текст: непосредственный.
9. Колмогорова, Л. С. Становление психологической культуры школьника / Л. С. Колмогорова. — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 1999. — № 1. — С. 83–91.
10. Купрейченко, А. Б. Психология доверия и недоверия / А. Б. Купрейченко. — Москва: Ин-т психологии РАН, 2008. — 564 с. — ISBN 978-5-9270-0126-2. — Текст: непосредственный.
11. Леонова, И. Ю. Особенности представлений о доверии другим людям в зависимости от личностного типа доверия педагогов / И. Ю. Леонова. — Текст: непосредственный // Психология образования в XXI веке: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, Волгоград, 14–16 сентября 2011 г. / под ред. Т. Ю. Андрущенко, А. Г. Крицкого, О. П. Меркуловой. — Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2011. — С. 428–433.
12. Меркулова, О. П. Оценивание студентами качества организации изучения отдельных дисциплин: методика и взаимосвязанные психологические факторы / О. П. Меркулова. — Текст: непосредственный // Высшее образование в России. —

2012. — № 2. — С. 18–24.

13. Проблемы системогенеза учебной деятельности: монография / Н. В. Нижегородцева, Е. В. Карпова, Н. П. Ансимова. — Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2009. — 419 с. — Текст: непосредственный.
14. Рахимова, Д. У. Трудности внедрения новых педагогических технологий в учебный процесс / Д. У. Рахимова, Д. О. Убайдуллаева, З. М. Жамолидинова. — Текст: непосредственный // Теория и практика современной науки. — 2018. — № 6 (36). — С. 572–575.
15. Сластенин, В. А. Рефлексивная культура и профессионализм учителя / В. А. Сластенин. — Текст: непосредственный // Педагогическое образование и наука. — 2005. — № 3.
16. Стеценко, И. А. Развитие педагогической рефлексии в профессиональной подготовке учителя в условиях усвоения опыта педагогической деятельности: специальность 13.00.01: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / И. А. Стеценко. — Таганрог, 1998. — 228 с. — Текст: непосредственный.
17. Темпл, Ч. Критическое мышление — углубленная методика: пособие / Ч. Темпл, Дж. Л. Стил, К. С. Мередит. — Москва: Изд-во Ин-та «Открытое общество», 1998. — 15 с. — Текст: непосредственный.
18. Фельдштейн, Д. И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития / Д. И. Фельдштейн. — Текст: непосредственный // Вестник практической психологии образования. — 2010. — № 2. — С. 12–18.
19. Хуторской, А. В. Современная дидактика: учебник для вузов / А. В. Хуторской. — Санкт-Петербург: Питер, 2001. — 544 с. — ISBN 5-318-00077-0. — Текст: непосредственный.
20. Beck, A. T. Depression: Clinical, Experimental, and Theoretical Aspects / A. T. Beck. — Philadelphia, PA: The University of Pennsylvania Press, 1967. — Текст: непосредственный.
21. Ellis, A. Reason and emotion in psychotherapy / A. Ellis. — Secaucus, New-Jersey: Citadel Press, 1962. — ISBN 978-1-55972-248-3. — Текст: непосредственный.

Кольчикова Наталия Руслановна,

студент 4 курса

Ленинградского Государственного Университета им. А. С. Пушкина,

nataliaruslanova2005@mail.ru

Яковлева Александра Николаевна,

студент 4 курса

Ленинградского Государственного Университета им. А. С. Пушкина,

st000045002@lgumal.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫБОРА БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ И КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Данная работа расширяет и углубляет представления о психологических детерминантах профессионального выбора и карьерных ориентаций старшеклассников, объединяя в единое исследование ключевые факторы: ценностные и смысложизненные ориентации, самооценку, склонности к различным типам профессий и деловую направленность. Результаты способствуют развитию теории профессионального самоопределения и профориентации, позволяя учитывать возрастные особенности старшеклассников (10, 11 классы) и их психологические характеристики.

Ключевые слова: карьерные ориентации, старшеклассники, профориентация, деловая направленность, смысложизненные ориентации, ценностные ориентации, самооценка.

Natalia R. Kolchikova, Aleksandra N. Iakovleva

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF CHOOSING A FUTURE PROFESSION AND CAREER ORIENTATIONS OF HIGH SCHOOL STUDENTS

This article expands and deepens the understanding of the psychological determinants of professional choice and career orientations of high school students, combining key factors into a single study: value and life-meaning orientations, self-esteem, inclinations to various types of professions and task orientation. The results contribute to the development of the theory of professional self-determination and career guidance, allowing us to take into account the age characteristics of high school students (grades 10, 11) and their psychological characteristics.

Keywords: career orientations, high school students, career guidance, task orientation, meaning-life orientations, value orientation, self-esteem.

Выбор профессии является одним из ключевых этапов в жизни каждого старшеклассника, определяющим дальнейший жизненный и профессиональный путь. В условиях быстро меняющегося рынка труда и высокой конкуренции задача осознанного профессионального самоопределения становится особенно значимой. Психологические аспекты выбора будущей профессии играют решающую роль, поскольку именно внутренние установки, ценности, личностные особенности и карьерные ориентации позволяют старшеклассникам сделать выбор, который будет максимально соответствовать их интересам и потенциалу.

Цель представленной статьи заключается в выявлении и анализе психологических детерминант, влияющих на выбор профессии и развитие карьерных ориентаций у старшеклассников с учётом возрастных особенностей (10, 11 классы). Для достижения данной цели ставятся следующие задачи:

Объект: обучающиеся 10–11 классов.

Предмет: психологические характеристики (смысложизненные и ценностные ориентации, самооценка, выраженность склонностей к типам профессий).

Гипотеза: самооценка, смысловые и ценностные ориентации существенно влияют на карьерные ориентации обучающихся 10–11 классов; ценностные ориентации существенно влияют на профессиональные склонности обучающихся 10–11 классов.

Для достижения цели исследования ставятся следующие задачи:

- Рассмотреть теоретические аспекты имеющихся в научной литературе данных о психологических детерминантах выбора будущей профессии и карьерных ориентаций.
- Изучить значимые различия между группами 10-го и 11-го классов.
- Выявить взаимосвязь между психологическими детерминантами и карьерными ориентациями.

Данное исследование посвящено психологическим особенностям старшеклассников. Этот возрастной этап, находящийся на стыке позднего подросткового периода и ранней юности, является определяющим для становления личности.

Для старшеклассников характерен активный поиск себя, формирование идентичности и независимости. Они глубже рефлексируют свои сильные и слабые стороны, стремятся к самоутверждению и признанию в кругу сверстников. Важнейшей задачей становится определение своих приоритетов и выбор области деятельности, отвечающей умениям и внутренним потребностям. Формируется способность к долгосрочному целеполаганию и планированию будущего. В когнитивной сфере происходит переход от конкретного мышления к абстрактно-логическому и критическому, благодаря чему появляется способность анализировать сложные ситуации, в том числе связанные с профессиональным выбором.

В психологическом контексте карьерные ориентации понимаются как устойчивые жизненные ориентиры, которые позволяют человеку согласовывать свои стремления, планы и возможности на протяжении всего профессионального пути. Важно отметить, что это не конкретный план, а гибкая внутренняя система координат, которая направляет и регулирует карьерное развитие [1, с. 23].

Американский психолог Э. Шейн определил карьерные ориентации, или «якоря карьеры» как «общественные установки, ценностные ориентации, интересы, социально обусловленные побуждения к деятельности, характерные для определённого человека» [7, с. 137].

В концепции А. А. Жданович карьерная ориентация рассматривается в качестве элемента структуры Я-концепции личности. Под Я-концепцией автор подразумевает целостную и относительно устойчивую систему, включающую самоотношение, самопознание и рефлексивные представления о себе. Её формирование происходит благодаря трём ключевым механизмам: ситуативной самооценки, интерпретации отношения других людей и сравнению себя с ними. В этой системе карьерная ориентация функционирует как специфический мотив, не сводимый к текущей профессиональной деятельности субъекта [4, с. 38].

Карьерная ориентация — это внутренний вектор, определяющий желаемое направление профессионального развития. Она актуализируется в ситуации выбора и служит ключевым ориентиром, помогая человеку определить подходящий профессиональный путь, наметить карьерные шаги и сформировать стратегию успеха. Устойчивость этого мотива настолько высока, что он способен регулировать смысловую составляющую текущей деятельности.

Главная роль карьерных ориентаций в процессе выбора профессии заключается в их способности выполнять функцию связующего звена между внешним миром профессий и внутренним миром личности, её базовыми потребностями и ценностными установками.

Е. В. Галанова даёт следующее определение профессионального выбора: «акт осознанного, самостоятельного и ответственного определения сферы, целей, средств реализации профессиональных планов и намерений, обусловленным опытом ситуаций значимых для профессионального выбора и обеспечивающим эффективность личностно-профессионального самоопределения» [3, с. 114].

Профессиональный выбор тесно связан с различными психологическими факторами, которые влияют на процесс принятия решения и формирование устойчивых карьерных ориентаций.

Большую роль не только в профессиональном самоопределении, но и в жизни подростка в целом играет самооценка. И. С. Кон под самооценкой понимает «своеобразные когнитивные схемы, которые обобщают прошлый опыт личности и организуют, структурируют новую информацию

относительно данного аспекта “Я”» [5, с. 79]. А. Н. Леонтьев рассматривает данный феномен как одно из ключевых условий становления личности. В контексте профессионального самоопределения самооценка оказывает непосредственное влияние на постановку целей, мотивацию и восприятие возникающих трудностей.

Карьерные ориентации формируются под воздействием смысложизненных и ценностных ориентиров, поскольку именно они задают направление и мотивируют выбор профессиональных целей и способов их достижения.

Д. А. Леонтьев трактует смысложизненные ориентации как «систему осмысленных и избирательных связей, отражающую направленность личности, наличие жизненных целей, осмысленность выборов и оценок, удовлетворённость самореализацией и способность брать за неё ответственность» [6, с. 234].

В современном понимании ценностные ориентации определяют как систему предпочтения или отрицания личностью определенных смыслов, выступающих фундаментом жизни, а также установку на следование или не следование им в поведении. Они выполняют программирующую роль, задавая: общий вектор устремлений, индивидуальную иерархию образцов и целей, уровень притязаний, критерии «должного» и «значимого», а также степень готовности к волевой реализации собственного жизненного замысла [2, с. 1201].

Смысложизненные и ценностные ориентации задают философскую основу и приоритеты, на основе которых формируются карьерные ориентации, определяя выбор профессиональных целей, мотивацию и стиль профессионального поведения.

Для выявления взаимосвязи вышеописанных характеристик было проведено практическое исследование, в котором принял участие 61 респондент в возрасте от 15 до 17 лет. Для более глубокого анализа выборка была разделена на две группы в зависимости от класса обучения. Первая группа включала подростков, обучающихся в 10-х классах, а вторая — учащихся 11-х классов. Таким образом, структура выборки обеспечила более детальное понимание исследуемых процессов среди старшеклассников.

Методологическая основа исследования:

1. Методика «Изучение общей самооценки» Г. Н. Казанцевой.
2. «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д. А. Леонтьева.
3. Методика изучения ценностных ориентаций (МИЦО) Милтона Рокича, адаптация Д. А. Леонтьева.
4. Дифференциально-диагностический опросник (ДДО) Е. А. Климова.
5. Методика «Якоря карьеры» Э. Шейна.

В ходе статистического анализа данных по методике «Изучение общей самооценки», были получены достоверные различия, это может говорить о существенных различиях в группах (табл. 1).

	10й класс (n=31)		11й класс (n=30)		t-Стьюдента	p
	M+m	σ	M±m	σ		
Самооценка	-4,81±0,69	3,83	8,71±0,79	2,27	-2,154	p≤0,05
Примечание. М — среднее арифметическое, m — стандартная ошибка среднего, σ — стандартное отклонение						

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа самооценки в 10м и 11м классах.

Показатель $t = -2,154$ указывает на то, что математическое ожидание первой выборки меньше математического ожидания второй выборки. Среднее значение самооценки у 10 класса отрицательное ($-4,81$), в то время как у 11 класса — положительное ($8,71$), что говорит о значительно более положительном восприятии себя во второй группе. Возможно, увеличение самооценки с переходом из 10 в 11 класс свидетельствует о положительной динамике психологического развития и укреплении уверенности в себе учащихся старших классов.

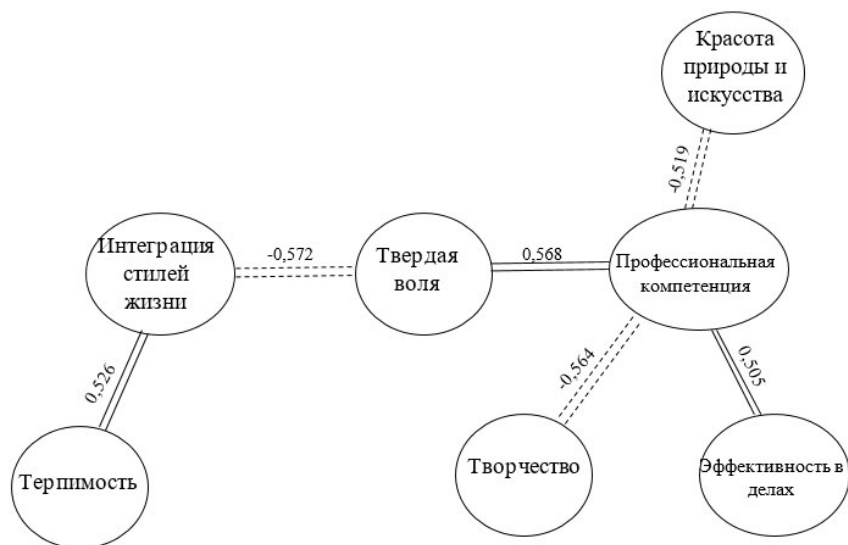

Рисунок 1. Корреляционная плеяда показателей карьерных и ценностных ориентаций в 10м и 11м классах.

По такому же принципу были получены значимые различия по всем шкалам при анализе смысловых и карьерных ориентаций.

Для подтверждения гипотезы о влиянии самооценки, смысложизненных и ценностных ориентаций на карьерные ориентации был проведён корреляционный анализ.

Наличие корреляционных связей (рис. 1) указывает на то, что существуют устойчивые взаимосвязи между такими психологическими и личностными характеристиками, как твёрдая воля, профессиональная компетенция, терпимость, творческое начало и интеграция стилей жизни.

Твёрдая воля имеет значимую положительную корреляцию с профессиональной компетенцией ($r=0,568$) свидетельствует о том, что сила воли способствует развитию профессиональных навыков и умений, что, в свою очередь, увеличивает эффективность в делах ($r=0,505$).

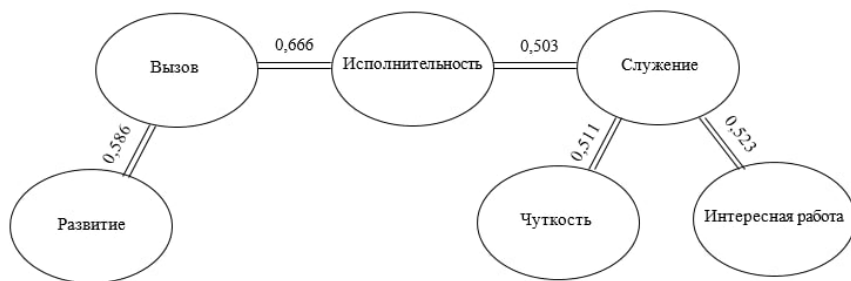

Рисунок 2. Корреляционная плеяда показателей карьерных и ценностных ориентаций в 10м и 11м классах.

Однако твёрдая воля демонстрирует отрицательную связь с интеграцией стилей жизни ($r=-0,572$). Это может обозначать, что у людей с выраженной силой воли меньше гибкости и способности гармонично сочетать различные жизненные аспекты. Стоит отметить, что выявлена положительная корреляция интеграции стилей жизни с терпимостью ($r=0,526$), что говорит о том, что высокий уровень принятия может способствовать успешному развитию различных сфер жизни и их комбинированию.

Профессиональная компетенция демонстрирует отрицательные связи с красотой природы и искусства ($r=-0,519$) и с творчеством ($r=-0,564$). Это отражает возможное разделение между прагматическим, техническим подходом к профессиональной деятельности и творческими сферами. Такая отрицательная корреляция может означать, что акцент на профессионализме и эффективности снижает стремление к эстетике.

Стоит отметить выявленную взаимосвязь между такими карьерными ориентациями как «служение» и «вызов» и ценностными ориентациями такими как развитие, исполнительность, чуткость и интересная работа, что отражает

целостное представление о мотивации и личностном росте — положительная связь, $p \leq 0,01$ (рис. 2).

Наиболее сильная связь наблюдается между вызовом и исполнительностью ($r = 0,666$), что указывает на то, что восприятие сложных задач и стремление их преодолевать непосредственно стимулируют дисциплину и организованность в поведении. Это можно объяснить тем, что выполнение сложных задач требует высокой степени ответственности и самоконтроля.

Также исполнительность связана со служением ($r = 0,503$), что свидетельствует о том, что организованность и ответственность способствуют направлению усилий на помощь или поддержку других. Такая связь подчеркивает, что дисциплинированные личности чаще ориентированы на благо общества и готовы выполнять социально значимые функции. В свою очередь, служение тесно сопряжено с такими характеристиками, как чуткость ($r = 0,511$) и интересная работа ($r = 0,523$). Это говорит о том, что стремление помогать другим сопровождается способностью слышать и понимать их, а также желанием заниматься профессионально значимой и привлекательной деятельностью. Чуткость усиливает качество служения, а интерес к работе повышает мотивацию и удовлетворённость.

Рисунок 3. Корреляционная плеяда показателей склонности к профессии и ценностных ориентаций в 10м и 11м классах.

Наличие корреляционной связи между вызовом и развитием ($r = 0,586$) указывает на то, что восприятие сложностей и трудностей стимулирует личностный и профессиональный рост, что является важным аспектом саморазвития.

Существуют взаимосвязи между шкалой «Человек-природа» и шкалами опросника изучения ценностных ориентаций (любовь — отрицательная связь,

$p \leq 0,01$; жизненная мудрость, красота природы и искусства — положительная связь, $p \leq 0,01$) (рис. 3)

Анализируя полученные положительные и отрицательные корреляционные данные можно сделать вывод о том, что, чем выше показатель профессиональной склонности «Человек природа», тем выше показатели жизненной мудрости ($r=0.620$) и красоты природы и искусства ($r=0.611$). Выявленные взаимосвязи могут объясняться тем, что для людей типа «Человек-природа» характерны интерес к познанию мира природы. Также стоит отметить, что если у человека высокая профессиональная склонность к деятельности, связанной с природой, то у него может снижаться выраженность чувства или внимания к любовным отношениям, и наоборот. Возможно, люди, ориентированные на работу с природой, больше уделяют времени и энергии своим профессиональным интересам и увлечениям, что уменьшает эмоциональный ресурс для развития любовных отношений.

Рисунок 4. Корреляционная плеяда показателей склонности к профессии и ценностных ориентаций в 10м и 11м классах.

Стоит отметить выявленную взаимосвязь между шкалой «Человек-художественный образ» и шкалами опросника изучения ценностных ориентаций (независимость и терпимость — положительная связь, $p \leq 0,01$) (рис. 4).

Положительная корреляция указывает на то, что при увеличении уровня профессиональной склонности к деятельности, связанной с созданием художественных образов, наблюдается и рост проявлений независимости личности ($r=0.531$). Можно предположить, что эти характеристики отражают взаимное усиление стремления к творческой самореализации и свободному принятию решений, что способствует успешной профессиональной деятельности в сфере искусства и творчества.

Положительная корреляция между профессиональной склонностью к деятельности «Человек — художественный образ» и уровнем терпимости ($r=0,545$) означает, что с ростом склонности к творческому и художественному самовыражению увеличивается и способность человека проявлять уважение и принятие различных точек зрения, идей и культурных особенностей. Следовательно, творческий потенциал и способности к терпимости, способствуют

успешной самореализации и профессиональному росту в художественных сферах.

Анализ корреляционных связей между такими карьерными ориентациями как «Вызов» и «Менеджмент» и самооценкой — положительная корреляционная связь, $p \leq 0,01$ (рис. 5) указывает на то, что чем выше самооценка старшеклассника, тем выше он ориентирован на конкуренцию и победу над другими ($r=0,452$) и на интеграцию усилий других людей и результат ($r=0,525$).

Рисунок 5. Корреляционная плеяда показателей карьерных ориентаций и самооценки в 10м и 11м классах.

Позитивное отношение к себе способствует преодолению препятствий, приобретению навыков межличностного и группового общения.

Также стоит отметить выявленную взаимосвязь между такими смысловыми ориентациями как «Результативность жизни», и «Процесс жизни» и карьерной ориентацией «Интеграция стилей жизни» — положительная связь, $p \leq 0,01$ (рис. 6).

Рисунок 6. Корреляционная плеяда показателей карьерных ориентаций и смысловых ориентаций в 10м и 11м классах.

Это свидетельствует о том, что чем выше уровень интеграции различных стилей жизни, тем выше результативность жизни человека ($r=0,443$). Такая взаимосвязь отражает, что способность гармонично объединять разные аспекты жизни способствует достижению более высоких результатов.

Также «Интеграция стилей жизни» связана с «процессом жизни» ($r=0,471$). Процесс жизни, его динамика и качество, тесно связаны с тем, насколько успешно интегрируются различные стили жизни. Иными словами, более

эффективная интеграция стилей способствует улучшению общего жизненного процесса.

Таким образом, при проведении сравнительного анализа были выявлены значимые различия между группами 10-го и 11-го класса, которые свидетельствуют о положительной динамике личностного развития и укреплении чувства ответственности за свою жизнь с возрастом.

Возможно, увеличение самооценки с переходом из 10 в 11 класс свидетельствует о положительной динамике психологического развития и укреплении уверенности в себе учащихся старших классов. Старшеклассники 11 класса характеризуются более зрелым и внутренне обусловленным восприятием себя и своей жизни: у них более четкие цели, высокая результативность, и ярко выраженный внутренний локус контроля. 11 класс характеризуется значительно большей автономией, тогда как 10 класс имеет более высокую потребность в стабильности работы и места жительства, а также более ярко выраженное чувство вызова.

В результате корреляционного анализа были сделаны следующие выводы:

1. Существует баланс и противоречия между твёрдой волей и гибкостью, прагматизмом и творчеством, профессионализмом и эстетическими потребностями. Связи подчёркивают, что развитие сильной воли и компетентности взаимосвязано, но требует также учета гармонии в образе жизни и творческих аспектов для полноценного формирования личности.
2. Стремление к преодолению вызовов усиливает исполнительность, которая, в свою очередь, способствует эффективному служению и поддерживается эмпатией и интересом к работе.
3. Интеграция стилей жизни выступает центральным звеном в структуре корреляционных связей, выступая посредником между процессом жизни и его результативностью. Человек, умеющий гармонично объединять разные подходы и способы жизни, достигает лучших результатов и реализуется полноценно. Более интегрированный образ жизни способствует более осознанному и гармоничному течению жизненного процесса.
4. Самооценка выступает ключевым посредником между восприятием вызовов и эффективностью предпринимательства. Люди с высокой самооценкой более склонны конкурировать с другими и стремиться к изобретению нового.
5. Профессиональная склонность «Человек-природа» может обуславливать появление жизненной мудрости и стремление к осознанию ценности красоты природы и искусства.
6. Профессиональная склонность «Человек-художественный образ» обуславливает развитие независимости и способности к терпимости, может способствовать профессиональному росту в художественных

сферах. Можно предположить, что эти характеристики отражают взаимное усиление стремления к творческой самореализации и свободному принятию решений, что способствует успешной профессиональной деятельности в сфере искусства и творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагина, Л. А. Психология персонала. Потребности, мотивация и ценности / Л. А. Верещагина. — Харьков: Гуманитарный центр, 2012. — 156 с. — Текст: непосредственный.
2. Всемирная энциклопедия. Философия / главный редактор и составитель А. А. Грицанов. — Москва: Мысль, 2001. — 1999 с. — Текст: непосредственный.
3. Галанова, Е. В. Психолого-педагогические ситуации, влияющие на успешность профессионального выбора подростков / Е. В. Галанова. — Текст: непосредственный // Вестник ТГУ. — 2011. — № 3. — С. 114–116.
4. Жданович, А. А. Отношение студентов к профессиональной карьере / А. А. Жданович. — Текст: непосредственный // Психологический журнал. — 2005. — № 4. — С. 37–43.
5. Кон, И. С. В поисках себя / И. С. Кон. — Москва: Издательство политической литературы, 1989. — 335 с. — Текст: непосредственный.
6. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва: Смысл, 2019. — 586 с. — Текст: непосредственный.
7. Шейн, Э. Х. Организационная культура и лидерство / Э. Х. Шейн. — Санкт-Петербург: Питер, 2002. — 336 с. — Текст: непосредственный.

Кольчикова Наталия Руслановна,

студент 4 курса

Ленинградского Государственного Университета им. А. С. Пушкина,

nataliaruslanova2005@mail.ru

Яковлева Александра Николаевна,

студент 4 курса

Ленинградского Государственного Университета им. А. С. Пушкина,

st000045002@lgumal.ru

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕРОПРИЯТИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА

Статья посвящена системному анализу эффективности профессионально-психологического отбора (ППО) как стратегического инструмента управления персоналом. Рассматриваются теоретические основы ППО, ключевые подходы и комплекс диагностических методик. Особое внимание уделено методологии оценки эффективности, включающей экономические показатели и статистические методы проверки надёжности отбора. Доказывается, что научно обоснованный ППО, оцениваемый по реальной успешности сотрудников, является необходимым условием для минимизации кадровых рисков, повышения производительности и укрепления конкурентоспособности организации.

Ключевые слова: профессионально-психологический отбор, критерии отбора персонала, эффективность отбора персонала.

Nataliia R. Kolchikova, Aleksandra N. Iakovleva

ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF PROFESSIONAL AND PSYCHOLOGICAL SELECTION MEASURES

The article is devoted to a systematic analysis of the effectiveness of professional psychological selection (PPS) as a strategic tool for personnel management. The theoretical foundations of PPS, key approaches and a set of diagnostic techniques are considered. Special attention is paid to the methodology for assessment of effectiveness, which includes economic indicators and statistical methods for verifying the reliability of selection. It is proved that a scientifically based PPS, assessed by the actual success of employees, is a necessary condition for minimizing personnel risks, increasing productivity and strengthening the competitiveness of the organization.

Keywords: professional and psychological selection, staff selection criteria, effectiveness of staff selection.

Ключевым фактором успеха современной организации является эффективное управление человеческим капиталом — привлечение, отбор

и удержание специалистов, чей профессиональный профиль соответствует как функционалу позиции, так и ценностям компании. В этом контексте возрастает роль профессионально-психологического отбора — системы, позволяющей оценить потенциал кандидатов и спрогнозировать их результативность.

Этот вопрос носит глобальный характер и входит в повестку социально-экономической политики многих государств. Причина — объективная потребность в повышении надежности сложных технических систем, росте производительности, снижении травматизма и сохранении здоровья работников.

Отсутствие продуманной системы отбора ведет к прямым экономическим потерям: инвестиции в обучение неэффективных сотрудников не окупаются, что снижает общую производительность и увеличивает текучесть кадров.

Обоснование актуальности исследования строится на том, что наблюдается кризис традиционных методов оценки персонала, не способных к глубокой и объективной диагностике личностно-мотивационной сферы. Также кадровые ошибки имеют серьезные экономические (прямые и косвенные издержки) и организационные (текучесть кадров, демотивация) последствия. Немаловажным является и то, что современная профессиональная деятельность требует более сложных и точных прогностических моделей оценки. Всё это формирует запрос на совершенствование профессионально-психологического отбора, основанного на междисциплинарном знании (психология труда, личности, дифференциальная психология). Хотя его арсенал обширен (тесты, опросники, кейс-интервью), эффективность напрямую зависит от корректного выбора методик под специфику вакансии, компетентности диагноста и качественного анализа результатов.

Целью исследования является системный анализ теоретических основ и современных подходов к оценке эффективности мероприятий профессионально-психологического отбора персонала.

Профессиональный психологический отбор (ППО) определяется как комплексная процедура, направленная на выявление психофизиологических характеристик индивида и их оценку на предмет соответствия нормативам определенной профессии. Его проведение служит практическим инструментом для достижения профессионального мастерства, так как позволяет соотнести индивидуальные склонности, интересы и возможности человека с реальными задачами будущей профессии. Определяется не только соответствие кандидата требованиям профессии, но и прогнозируется его успешность как в стандартных, так и в экстремальных рабочих условиях.

По определению А.Г.Маклакова, ППО представляет собой систему мероприятий, призванных гарантировать качественный подбор персонала посредством оценки того, насколько уровень развития необходимых

профессионально важных качеств (психофизиологических и личностных) у кандидатов отвечает требованиям профессиональной деятельности [10].

Анализ теоретических основ профессионального психологического отбора позволил систематизировать существующие модели, которые демонстрируют широкий спектр — от базового сопоставления качеств кандидата с профессиональным стандартом до комплексных систем, рассматривающих многофакторное взаимодействие. Ключевые подходы могут быть представлены следующим образом:

- Компетентностный подход. Основной акцент делается на выявлении и оценке конкретных компетенций (знаний, навыков, умений), обеспечивающих эффективность в целевой должности.
- Психографический подход. В центре внимания находится диагностика устойчивых личностных черт и характеристик с целью определения их соответствия психологическому портрету успешного специалиста на конкретной профессиональной позиции.
- Системный подход. Оценка осуществляется в контексте, где учитывается динамическое взаимодействие личности кандидата, специфики рабочей среды и ценностей организационной культуры.

I.

Эффективность системы управления во многом определяется качеством реализации функции отбора персонала, как отмечает М. И. Магура: «Правильный выбор сотрудников позволяет не только оптимально использовать ресурсы предприятия, но и повышать его конкурентоспособность. В условиях постоянных изменений на рынке, наличие квалифицированного и мотивированного персонала становится решающим фактором для достижения успеха» [8, с. 116].

Профессионально-психологический отбор направлен на достижение главной цели: снижение рисков, сопутствующих некачественному подбору персонала, через обеспечение высокого уровня адаптации и последующей высокой производительности труда. Это влечет за собой необходимость перехода от прогноза актуальной эффективности к учету долгосрочных детерминант мотивации и профессионального становления.

По мнению Е. А. Родионовой, реализация данной цели осуществляется посредством решения ряда взаимосвязанных задач:

1. Формулировка требований к вакансии (анализ и описание должности).
2. Идентификация необходимого набора профессиональных компетенций.
3. Определение оптимальных источников привлечения кандидатов.
4. Проведение комплексной оценочной процедуры.
5. Организация процесса адаптации принятого сотрудника [4].

Процедура выбора кандидатов базируется на четких критериях, устанавливаемых до начала отбора. Основными из них являются:

- Профессионально важные качества (ПВК). Психофизиологические характеристики и личностные качества необходимые для эффективной работы.
- Компетенции. Совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих результативность.
- Соответствие должности. Согласованность характеристик кандидата с требованиями вакансии [10].

Методы оценочной процедуры делятся на:

1. Тестирование: наиболее распространенный метод, позволяющий объективно оценить различные психические свойства кандидатов. Существуют различные виды тестов:

- Тесты интеллекта: (шкалы Векслера, тест Стэнфорд-Бине) оценивают общие когнитивные способности, включая вербальное и невербальное мышление, память, внимание. Позволяют выявить потенциал к обучению и адаптации к новым условиям.
- Тесты способностей: (тесты на пространственное мышление, механические способности, вербальную и числовую скорость) оценивают специфические навыки, необходимые для выполнения определенных видов деятельности.
- Личностные опросники: (16PF Кеттелла, MMPI) оценивают черты личности, мотивацию, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость. Важно учитывать валидность и надежность используемых опросников.
- Проективные методики: (тест Роршаха, тест тематической апперцепции) используются для изучения глубинных аспектов личности, бессознательных мотивов и конфликтов. Интерпретация результатов требует высокой квалификации специалиста [6].

2. Интервью — метод получения развернутой информации об опыте, мотивации и личностных особенностях кандидата через диалог. Основные типы:

- Структурированное. Проводится по единому сценарию с заранее определенными вопросами для всех кандидатов. Его ключевое преимущество — высокая степень объективности и сопоставимости результатов.
- Неструктурированное. Имеет форму свободной беседы, что позволяет гибко исследовать важные аспекты биографии и характера. Для минимизации субъективности требует от интервьюера высокого профессионализма.

- Биографическое. Сконцентрировано на анализе прошлого профессионального и жизненного опыта для оценки сформированных навыков и компетенций.
 - Ситуационное (кейс-интервью). Кандидату предлагается решить смоделированную рабочую задачу, что позволяет оценить его аналитические способности и поведение в состоянии стресса [6].
3. Наблюдение — метод оценки реального поведения кандидата в естественной или смоделированной рабочей ситуации. Применяется как самостоятельно, так и в комплексе с другими инструментами.
 4. Анализ документов — изучение предоставленных кандидатом материалов (резюме, рекомендательных писем, портфолио, дипломов). Позволяет верифицировать формальные данные: уровень образования, карьерный путь и ключевые достижения [7].

Процедура оценки завершается обработкой и всесторонним анализом полученных данных. В зависимости от используемых методов применяются различные статистические и качественные методы анализа:

- Количественный анализ обрабатывает стандартизированные данные (тесты, опросники) с применением статистических методов, что обеспечивает сопоставимость результатов и выявление статистических закономерностей.
- Качественный анализ интерпретирует нестандартизованные данные (интервью, наблюдение, документы), фокусируясь на смысловом содержании, индивидуальном контексте и характеристиках личности.
- Интегративный (комплексный) анализ, совмещая оба подхода, позволяет преодолеть ограничения каждого из них и сформировать максимально полное и валидное оценочное суждение [2].

II.

Эффективность профессионально-психологического отбора — это мера достижения его целей, фиксируемая через систему количественных и качественных показателей. Её регулярная оценка позволяет оптимизировать процесс, повысить точность прогнозов и обоснованность решений о найме [3].

Эффективность профессионально-психологического отбора зависит от множества объективных и субъективных факторов, среди которых роль руководства, ситуация на рынке труда (экономическая ситуация, престиж профессии, кадровая политика организации) и профессионализм психологов, непосредственно занимающихся отбором.

Экономическая эффективность профессионально-психологического отбора оценивается по критериям, которые отражают финансовую

целесообразность вложений в данную процедуру. Ключевыми показателями выступают:

- Снижение текучести кадров: минимизация количества увольнений за отчетный период.
- Оптимизация расходов на адаптацию: сокращение затрат на обучение и введение в должность, так как грамотно подобранные сотрудники демонстрируют более высокую скорость интеграции.
- Рост прибыли: увеличение финансов компании за счет повышения производительности и качества труда эффективно отобранных работников.
- Возврат на инвестиции: количественное соотношение между затратами на проведение отбора и полученной экономической выгодой (снижением издержек и ростом доходов) [4].

При оценке эффективности мероприятий профессионально-психологического отбора необходимо получить информацию об успешности деятельности тех, кто был принят на работу в результате отбора персонала. Затем следует этап сопоставления полученных данных с результатами профессионального отбора для оценки валидности заключения о психологической пригодности.

Для корректной оценки эффективности профессионального отбора критически важен выбор момента сбора данных о новых сотрудниках. Учитывая, что период полной адаптации для опытных кадров составляет около полугода, а для начинающих специалистов — год и более, поэтому анализ следует начинать не ранее чем через 6 месяцев после найма [9.].

Часто применяется поэтапный мониторинг (через 3, 6 и 12 месяцев), который позволяет выявить динамику профессионального становления и дать более обоснованные выводы об успешности проведенного отбора.

Для оценки эффективности ППО следует использовать те же ключевые показатели эффективности (KPI), которые были определены как целевые при его создании для отображения основных критериев успешности профессиональной деятельности. Конкретные критерии успешности (производительность, качество, безопасность, дисциплина) и их единицы измерения (количество, стоимость, частота случаев) должны быть четко определены заранее.

Производительность может выражаться в объеме выпущенной продукции, а негативные последствия — в сумме причиненного ущерба. Для итогового анализа все полученные данные переводятся в единую стандартизированную шкалу (чаще всего 10-балльную), что позволяет рассчитать комплексный показатель успешности [1].

При оценке успешности деятельности важно понимать, что измерение не всегда возможно в количественных показателях. Допустимо использование качественных критериев, например, фиксация факта наличия

или отсутствия прогулов или производственного брака. Однако для расчета итогового интегрального показателя рекомендуется применять однородные данные: либо исключительно количественные, либо исключительно качественные данные.

В ситуациях, где прямое измерение затруднено, может применяться метод экспертной оценки. Для этого формируется группа из наиболее авторитетных и компетентных сотрудников организации. Экспертам предоставляется специально разработанный методический инструментарий, например, пояснительная записка с алгоритмом оценки, критериями и рекомендациями по выставлению стандартизированного балла, отражающего уровень успешности.

Получение эмпирических данных об успешности деятельности открывает этап анализа эффективности системы ППО. В отсутствие единой методологии представляется логичным следовать основным исследовательским направлениям данного анализа.

Первоочередная задача — верификация диагностического инструментария через установление связи между показателями развития ПВК и критериями профессиональной эффективности. Для этого используется корреляционный анализ. Статистически значимая связь подтверждает конвергентную валидность методик, свидетельствуя, что они измеряют релевантные для конкретной деятельности конструкты [10].

Обнаружение критериев успешности, не связанных с психодиагностическими показателями, требует прежде всего проверки содержательной валидности самих этих критериев — того, насколько адекватно они операционализируют реальную производительность труда.

Установление значимости критерия успешности при отсутствии его корреляции с психодиагностическими показателями является основанием для критического пересмотра методологических подходов и диагностического инструментария, используемого в ППО. В данном контексте методологически оправданным решением будет расширение диагностического комплекса за счёт методики, направленной на оценку психического свойства, релевантного данному критерию, с последующим проведением всего цикла отбора заново.

Необходимо подчеркнуть, что внесение изменений в диагностический инструментарий требует не частичной коррекции, а полной реконструкции системы психологического отбора.

Напротив, подтверждение статистически значимых корреляций между всеми ключевыми критериями успешности и показателями применяемых методик служит валидным основанием для перехода к последующему этапу анализа эффективности ППО.

Второй этап предполагает сравнительный анализ показателей успешности сотрудников, распределенных по группам профессиональной

психологической пригодности. Как правило, для сравнения выбираются группы с наивысшим и минимально допустимым уровнями пригодности. Различия между ними проверяются с помощью t-критерия Стьюдента. Статистически значимый результат подтверждает прогностическую эффективность разработанной системы отбора.

Если применение t-критерия невозможно или методологически некорректно, используются альтернативные методы, например, χ^2 (хи-квадрат) Пирсона для анализа связи между качественными переменными [11.].

Для проведения такого анализа всех сотрудников, выполняющих одну работу, необходимо разделить на группы реальной профессиональной пригодности на основе объективных показателей их эффективности. Количество этих групп должно соответствовать количеству групп прогнозируемой пригодности, выделенных ранее по результатам психологической диагностики. Сопоставление этих двух рядов качественных данных (прогнозируемой и реальной пригодности) и составляет суть данного этапа.

Далее, используя технологию сопоставления двух выборок с помощью х-квадрата Пирсона, можно получить коэффициент, характеризующий степень сопряженности (совпадения) показателей. Соответственно, чем больше будет значение коэффициента, тем выше вероятность совпадения реальной и прогнозируемой профпригодности, а, следовательно, и выше эффективность мероприятий профессионального психологического отбора.

Альтернативным подходом к оценке эффективности ППО с использованием данных о прогнозируемой и реальной профессиональной пригодности в трудах А. Г. Маклакова выступает метод интегральной оценки точности прогноза. Его суть заключается в расчёте сводного показателя, количественно отражающего достоверность психодиагностических заключений. Алгоритм определения данной достоверности можно представить следующим образом:

$$D_{\text{пр}} = \frac{n_1(g_1) + n_2(g_1, g_2) + n_3(g_1, g_2, g_3)}{n_0} \times 100,$$

где $D_{\text{пр}}$ — коэффициент достоверности прогноза;

n_1, n_2, n_3 — количество лиц с 1-й, 2-й и 3-й группами прогнозируемой профессиональной психологической пригодности;

g_1, g_2, g_3 — количество лиц соответственно с 1-й, 2-й и 3-й группами реальной психологической пригодности;

n_0 — общее число лиц, принятых на работу из числа прошедших отбор [10].

Ключевой принцип описанного алгоритма основан на следующем утверждении: прогностической ошибкой считается любое несоответствие, при котором реальная успешность сотрудника оказывается ниже

прогнозируемого уровня. Таким образом, для кандидата, отнесенного к первой группе прогнозируемой пригодности, ошибкой будут считаться результаты, соответствующие любой группе реальной пригодности ниже первой. Для второй прогнозируемой группы — результаты ниже второй и так далее. Результаты, равные или превышающие прогноз, подтверждают его достоверность.

Иными словами, заключение психолога о профессиональной пригодности содержит предположение, что кандидат на вакансию, которого примут на рассматриваемую должность, будет на практике показывать результаты не ниже прогнозируемого уровня. Всякое отклонение от этого ожидания в сторону более низких показателей и трактуется как ошибка прогноза.

Теоретический анализ мероприятий профессионально-психологического отбора показал, что эффективный ППО — ключевой инструмент для снижения кадровых и экономических рисков, повышения производительности и конкурентоспособности организации. Эффективность отбора доказывается экономически (снижение текучести кадров, рост прибыли) и должна оцениваться на основе данных об успешности работы принятых сотрудников после их адаптации (6–12 месяцев).

Валидность системы подтверждается через: корреляцию прогнозируемых и реальных показателей успешности, сравнение эффективности разных групп пригодности (t -критерий, χ^2), расчет интегральных коэффициентов точности прогноза.

Подводя итог вышесказанному, профессионально-психологический отбор — это непрерывная научно-практическая система, цель которой — обеспечить прогностически надежный подбор персонала. Ее внедрение позволяет перейти от интуитивного найма к управляемому формированию кадрового потенциала, что является основой устойчивого развития организации. Перспективными направлениями являются цифровизация процедур и разработка отраслевых моделей оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геллерштейн, С. Г. Руководство по психотехническому профессиональному отбору / С. Г. Геллерштейн, В. М. Коган, Ю. Н. Шпигель, И. Н. Шпильрейн. — Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1925. — 232 с. — Текст: непосредственный.
2. Глоточкин, А. Д. Базовая психологическая модель личности учителя / А. Д. Глоточкин. — Текст: непосредственный // Педагогическое образование. — 1991. — № 2. — С. 15–23.
3. Дьяченко, М. И. Краткий психологический словарь: Личность, образование, самообразование, профессия / М. И. Дьяченко. — Минск: Хэлтон, 1998. — 399 с. — Текст: непосредственный.
4. Егорошин, А. П. Основы управления персоналом: учебное пособие / А. П. Егорошин. — Москва: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2017. — 352 с. —

Текст: непосредственный.

5. Климов, Е. А. Психология профессионала: избранные психологические труды / Е. А. Климов. — Москва: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. — 400 с. — Текст: непосредственный.
6. Кулагин, Б. В. Психологическая оценка и прогнозирование профессиональной пригодности военных специалистов / Б. В. Кулагин. — Москва: Воениздат, 1988. — 263 с. — Текст: непосредственный.
7. Купер, Д. Психология в отборе персонала / Д. Купер. — Санкт-Петербург: Питер, 2009. — 269 с. — Текст: непосредственный.
8. Магура, М. И. Поиск и отбор персонала: настольная книга для предпринимателей, руководителей и специалистов кадровых служб и менеджеров / М. И. Магура. — Москва: ЗАО Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2013. — 329 с. — Текст: непосредственный.
9. Маклаков, А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г. Маклаков. — Текст: непосредственный // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22, № 1. — С. 16–24.
10. Маклаков, А. Г. Профессиональный психологический отбор персонала: теория и практика: роль и место отбора в жизни современного общества, методологические и организационные основы отбора, технология разработки системы профессионального психологического отбора / А. Г. Маклаков. — Санкт-Петербург: Питер, 2008. — 479 с. — Текст: непосредственный.
11. Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. — Санкт-Петербург: ООО «Речь», 2002. — 350 с. — Текст: непосредственный.

Лангинен Ангелина Александровна,
аспирант РХГА им Ф. М. Достоевского;
педагог-психолог
ГБОУ школы № 327 Невского района,
Россия, Санкт-Петербург,
langinenangelina@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ШКОЛЬНУЮ АДАПТАЦИЮ РЕБЁНКА

В статье исследуется определяющая роль семьи в формировании адаптационного потенциала ребёнка. Ключевой тезис утверждает, что внутрисемейная динамика и качество детско-родительских отношений являются центральным механизмом, опосредующим учебную вовлечённость и просоциальное поведение обучающихся. Школьная дезадаптация интерпретируется как маркер системной семейной дисфункции. Эмпирические данные подтверждают, что деструктивные паттерны семейной коммуникации вызывают у ребёнка хроническую тревогу, снижают когнитивную гибкость и блокируют развитие проактивных социальных навыков. Анализ представленной проблемы выявляет ограниченность преобладающей модели психолого-педагогического сопровождения, для которой характерны формальность, игнорирование контекста семьи и реактивная, исключительно коррекционная направленность.

Ключевые слова: внутрисемейные отношения, школьная адаптация, детско-родительская коммуникация, отчуждение от школы, социальная роль, привязанность, семейные факторы риска.

Angelina A. Langinen,

THE INFLUENCE OF INTRAFAMILIAL RELATIONSHIPS AND COMMUNICATION STRATEGIES ON CHILD BEHAVIOR AND SCHOOL ADAPTATION

The study examines the determining role of the family in shaping a child's adaptive potential. The central thesis asserts that intrafamily dynamics and the quality of child-parent relationships constitute a key mechanism mediating students' academic engagement and prosocial behavior. School maladjustment is interpreted as a marker of systemic family dysfunction. Empirical data confirm that destructive patterns of family communication cause chronic anxiety in the child, reduce cognitive flexibility, and block the development of proactive social skills. The analysis of the presented issue reveals the limitations of the prevailing model of psycho-pedagogical support, which is characterized by formality, neglect of the family's specific context, and a reactive, solely corrective focus.

Keywords: intrafamilial relationships, school adaptation, parent-child communication, school alienation, social role, attachment, family risk factors.

Практикующие психологи и исследователи, часто сталкиваются с ростом поведенческих и эмоциональных трудностей у современных детей, проявляющихся в дезадаптации, снижении учебной мотивации и отчуждении от школы. Признавая мультифакторную природу этих явлений, можно утверждать, что роль семьи как первичного агента социализации остаётся определяющей [3; 7]. Школа, являясь ключевым социальным институтом, объективно становится «экраном», на котором проецируются результаты всех внутрисемейных процессов. Анализируя проблематику школьной дезадаптации важно опираться на теоретические конструкты Л. С. Выготского о социальной ситуации развития [2] и Дж. Боулби об определяющей роли ранней эмоциональной привязанности [8], а также экологическую модель У. Бронфенбреннера [7], где семья и школа являются ключевыми компонентами.

Несмотря на обширную доказательную базу, подтверждающую данную взаимосвязь, на практике часто наблюдается устойчивый парадокс: чем более выражены девиации в поведении ребёнка, тем чаще родители демонстрируют психологическую защиту в форме отрицания своего вклада в проблему. Это актуализирует не только исследовательский, но и острый практический запрос на изучение конкретных механизмов интеграции семейного опыта в жизнедеятельность ребенка и поиск эффективных форм психолого-педагогического сопровождения.

Концепция Л. С. Выготского [2], в частности понятие «социальной ситуации развития», позволяет нам показать, как переживание ребёнком системы семейных отношений задаёт «зону ближайшего развития». Дисфункциональная коммуникация резко сужает эту зону, лишая ребёнка опоры для преодоления школьных трудностей. Процесс интериоризации объясняет, как внешние формы семейного общения становятся внутренними схемами поведения, воспроизводимыми в школе.

Теория привязанности Дж. Боулби [8] даёт ключ к пониманию, как ранние отношения с фигурами привязанности формируют «внутреннюю рабочую модель», которая напрямую влияет на способность ребёнка устанавливать контакт с учителем и сверстниками. Ненадёжная привязанность часто проявляется в социальной тревожности, недоверии или агрессии учеников.

Экологическая модель У. Бронфенбреннера [7] помогает выйти за рамки диадных отношений и проанализировать влияние более широкого контекста и позволяет рассматривать связь семьи и школы как мезосистему. Именно десинхронизация микросистем отношений (противоречивые ценности и правила) создаёт для ребёнка ситуацию хронического стресса.

Принято рассматривать семейную систему как первую и главную «мастерскую» по производству социальных смыслов и поведенческих сценариев ребёнка. На практике психологи постоянно сталкиваются с тем, что непоследовательность и противоречивость родительских позиций создают у ребёнка состояние хронической внутренней дезориентации. Он не усваивает

устойчивых поведенческих паттернов и нравственных императивов, что проявляется в трудностях с выполнением требований социальной роли «ученика». Возникающий диссонанс между усвоенными в семье амбивалентными моделями и жёсткими школьными правилами поведения, часто разрешается через дезадаптивное поведение. Ребёнок, не сформировавший внутренней границы между социальными ролями «сына/дочери», «ребёнка» и «ученика», бессознательно прибегает к реакциям протеста или инфантильным способам привлечения внимания. Этот комплекс реакций можно определить концептом «отчуждения от школы» [3, 6, 11].

Современная психология рассматривает отчуждение от школы как комплексное состояние, включающее потерю веры в смысл образования, чувство беспомощности и поведенческое уклонение [3, 10]. Подчеркнем, что корни этого явления чаще всего уходят в семейную систему, в такие факторы риска, как хронический стресс, конфликтный климат или нестабильный социально-экономический статус нарушают безопасность среды развития ребенка. Отсутствие эмоциональной поддержки и валидации в семье, компенсируется у ребёнка поиском альтернативных источников подтверждения самоценности, часто в асоциальных группах, что усугубляет школьную дезадаптацию [4; 9]. Доверие формируется лишь тогда, когда родительские ожидания соответствуют возрастным возможностям ребёнка, находясь в его зоне ближайшего развития.

Настоящее исследование предлагает рассматривать стили воспитания не как статичные категории, а как динамические позиции, между которыми возможны переходы в зависимости от внутренних ресурсов родителя, контекста и уровня осознанности. Эмпирической основой работы послужило включённое наблюдение и анализ конкретных случаев практики школьных психологов, а также рефлексия субъективного родительского опыта. На основе анализа научной литературы и эмпирических данных выделены пять ключевых стилей воспитания, подробно охарактеризованных в таблице ниже.

Ключевая траектория развития — движение от хаотичной или жёсткой позиции к структурированной и поддерживающей (авторитетной). Переход от дисфункциональных стилей (снисходительного, авторитарного) к более адаптивным возможен через осознание родителем своих истинных мотивов и воспитательных целей.

Перспектива развития психологического сопровождения ребенка и семьи на этапе подготовки к вхождению в школьную жизнь видится в развитии практико-ориентированных форматов психолого-педагогического сопровождения, направленных на фасилитацию родительской роли. Устойчивые позитивные изменения в школьном благополучии ребёнка возможны только через гармонизацию семейной системы как целого. Это определяет актуальность дальнейшей работы по созданию и апробации эффективных моделей поддержки семьи.

Таблица. Сравнительная характеристика стилей семейного воспитания и их влияния на адаптацию ребёнка в школе.

Параметры для сравнения	Снисходительный (попустительский)	Авторитарный
Способы взаимодействия	Свободные, неструктурированные; пренебрежение нуждами ребёнка.	Доминирование, запугивание, жёсткий контроль.
Цель родителя	Соблюдение формальностей, минимизация усилий.	Утверждение власти и авторитета через подчинение.
Воспитательная позиция	Нестабильная, безответственная.	Манипулятивная, требующая безусловного подчинения.
Что даёт родителю	Иллюзию заботы при минимальных усилиях.	Ощущение значимости за счёт ребёнка.
Школьные корреляты у ребёнка	Импульсивность, неспособность следовать правилам, агрессия	Высокая тревожность, страх ошибки, трудности в инициативе.

Параметры для сравнения	Демократический	Контролирующий (гиперопекающий)	Авторитетный (оптимальный)
Способы взаимодействия	Аффективные, с акцентом на вербальное общение и партнёрство.	Опосредованы внешними оценками; решения принимаются за ребёнка.	Функциональные, сфокусированные на задачах; баланс поддержки и требований.

Цель родителя	Стремление быть «хорошим родителем», поддержание эмоционального контакта.	Жизнь ради ребёнка, соответствие социальным ожиданиям.	Осознанная реализация воспитательного потенциала, сопровождение развития.
Воспитательная позиция	С ролевым смещением, возможным нарушением границ.	Жёсткая, маскирующаяся под заботу; лишённая гибкости.	Сбалансированная, уважающая автономию ребёнка.
Что даёт родителю	Снижение личной тревожности через эмоциональную близость.	Одобрение окружающих, чувство выполненного долга	Глубокое понимание ребёнка, подлинное удовольствие от родительства
Школьные корреляты у ребёнка	Успешность при внешней поддержке, возможны трудности с внутренней мотивацией	Внешний локус контроля, страх автономии, яркие реакции на оценки.	Инициативность, общительность, развитые навыки решения проблем.

На основании проведенного анализа предлагается сместить фокус на разработку конкретных, технологичных форматов взаимодействия с родителями, такие как:

1. Проектные группы, которые объединят родителей по желанию делиться опытом решения конкретных воспитательных задач. Работа в небольших закрытых группах взаимопомощи под модерацией школьного психолога имеет значимый потенциал, так может снять сопротивление и создать поддерживающее сообщество, где акцент ставиться именно на обмен позитивным опытом, а не на готовых ответах,
2. Школьные онлайн-марафоны по развитию конкретных навыков. С учетом занятости родителей могут быть эффективными короткие интенсивные программы с практическими заданиями, реализуемые

в школьном мессенджере. Это требует минимальных ресурсов, но даёт высокую вовлечённость.

3. Комплексное сопровождение сложных случаев. Вместо проблемных консультаций можно реализовать модель сопровождения семьи с участием консилиума специалистов разного уровня и составлением индивидуального плана работы под конкретную задачу. Это позволит преодолеть межведомственную разобщённость.
4. Создание ресурсных центров сопровождения на базе школ. Мы видим необходимость преобразования кабинета психолога в открытое ресурсное просветительское пространство для родителей, с полезной литературой, подборками материалов по воспитанию и возможностью получить необходимые рекомендации.

Представленный подход в решении проблемы профилактики школьной дезадаптации может лечь в основу проектирования, в первую очередь, в дошкольных образовательных организациях программ психолого-педагогического сопровождения, направленных на развитие именно родительской рефлексии и компетентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Т. В. Семейное воспитание: проблемы и перспективы / Т. В. Андреева. — Текст: непосредственный // Педагогическое образование и наука. — 2010. — № 1. — С. 43–47.
2. Выготский, Л. С. Проблемы общей психологии / Л. С. Выготский. — Москва: RUGRAM, 2021. — 504 с. — Текст: непосредственный.
3. Готтман, Дж. Воспитание эмоционального интеллекта у ребёнка / Дж. Готтман, Дж. Деклэр. — Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 226 с. — Текст: непосредственный.
4. Забродин, Ю. М. Эмоциональное благополучие и отчужденность в структуре психологического здоровья школьников / Ю. М. Забродин. — Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. — 2013. — № 2. — С. 73–79.
5. Овчарова, Р. В. Психология родительства / Р. В. Овчарова. — Москва: Академия, 2006. — 362 с. — Текст: непосредственный.
6. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. — 2-е изд., расшир., доп. — Санкт-Петербург: Питер, 1999. — 651 с. — Текст: непосредственный.
7. Baumrind, D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use / D. Baumrind. — Текст: непосредственный // Journal of Early Adolescence. — 1991. — Vol. 11, no. 1. — P. 56–95.
8. Bowlby, J. Attachment and loss. Vol. 1: Attachment / J. Bowlby. — New York: Basic Books, 1969. — 428 p. — Текст: непосредственный.
9. Bronfenbrenner, U. The ecology of human development: Experiments by nature and design / U. Bronfenbrenner. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. — 330 p. — Текст: непосредственный.

10. Deković, M. The role of parental behaviors in the development of delinquency / M. Deković, I. B. Wissink, A. M. Meijer. — Текст: непосредственный // Journal of Youth and Adolescence. — 2003. — Vol. 32, no. 6. — P. 475–485.
11. Finn, J. D. Withdrawing from school / J. D. Finn. — Текст: непосредственный // Review of Educational Research. — 1989. — Vol. 59, no. 2. — P. 117–142.

Перваков Михаил Олегович,
аспирант

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К. Д. Ушинского
pervakovm@gmail.com

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН В ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ СРЕДУ ГУМАНИТАРНОГО КОЛЛЕДЖА

В статье представлена проблема интеграции естественно-научного знания в образовательные программы гуманитарной направленности. В качестве ключевого барьера для успешного освоения этих дисциплин рассматривается не столько сложность содержания, сколько несоответствие в мировосприятии. В связи с этим, цель исследования смещается с методических аспектов преподавания на личностные характеристики преподавателя, выступающего связующим звеном между разными познавательными культурами. На основе теоретического анализа выделяется и обосновывается комплекс ключевых личностных характеристик педагога, таких как способность к эмпатии и научной популяризации, интеллектуальная открытость и развитое метафорическое мышление. Доказывается, что именно эти качества позволяют преподавателю трансформировать естественно-научное знание в личностно значимый ресурс для студента-гуманитария. Статья адресована преподавателям естественно-научных дисциплин в гуманитарных колледжах, исследователям в области педагогики и психологии.

Ключевые слова: естественно-научные дисциплины, мотивация, среднее профессиональное образование, формирование учебной мотивации.

Mikhail O. Pervakov

TEACHER PERSONALITY CHARACTERISTICS AS A FACTOR OF INTEGRATING NATURAL SCIENCE DISCIPLINES INTO THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A HUMANITIES COLLEGE

The article addresses the problem of integrating natural science knowledge into humanities-oriented educational programs. The key barrier to the successful mastery of these disciplines is considered not so much the complexity of the content, but rather a mismatch in worldviews. Consequently, the focus of the research shifts from methodological aspects of teaching to the personal characteristics of the teacher, who acts as a connecting link between different cognitive cultures. Based on theoretical analysis, a set of key personal characteristics of the educator is identified and substantiated, including capacity for empathy and science communication, intellectual openness and developed metaphorical thinking. It is proven that these very qualities enable the teacher to transform natural science knowledge into a personally significant resource for humanities students. The article is addressed to teachers of natural science disciplines in humanities colleges, as well as researchers in the fields of pedagogy and psychology.

Keywords: natural science disciplines, motivation, secondary vocational education, formation of educational motivation.

Парадокс современного гуманитарного образования заключается в том, что оно призвано формировать целостную картину мира в условиях внутренней фрагментации. Естественно-научные курсы в нем зачастую воспринимаются как чужеродный элемент, «язык», на котором студент-гуманитарий не готов и не хочет говорить. Традиционно эту проблему пытаются решить через упрощение контента. Однако наша гипотеза состоит в том, что корень проблемы лежит в области личностного восприятия и внутренней учебной мотивации студентов[4]. Мы предположили, что ключевым элементом решения названной проблемы является не только область знаний, а сам преподаватель, и то, как его личностные качества позволяют выстроить мост между двумя разными способами познания мира.

Естественно-научная культура ориентирована на объективность, генерализацию, поиск универсальных закономерностей и верифицируемую истину. Её язык — это формулы, модели и количественные данные, а идеал — устранение субъективного влияния исследователя. В противоположность этому, гуманитарная культура центрирована на человеке, уникальности явлений, интерпретации смыслов и понимании, а не объяснении. Её инструментарий — это текст, контекст, символ и качественный анализ, а ценность часто заключена в многозначности и диалогичности. Студент-гуманитарий, погруженный в мир частных случаев, исторических казусов и множественности интерпретаций, зачастую воспринимает язык естественных наук как излишне упрощенный и оторванный от человеческого опыта. Именно это столкновение разных способов мышления, а не сложность формул сама по себе, создает главный барьер.

Задача преподавателя, не упрощая содержание, найти точки соприкосновения, показать, как системность естествознания, раскрываемая через интегративный подход к содержанию образования [1], обогащает понимание человеческой культуры. Этот подход согласуется с концепцией персонализации образовательной среды, в которой рассматривается личностное взаимодействие педагога и студента как ключевой фактор, превращающий формальное обучение в значимый жизненный опыт [5].

Эмпирическую основу исследования составила работа со студентами первого и третьего курсов направления «Педагогика дополнительного образования». Первый курс изучал интегрированный курс, объединяющий физику, химию и биологию, в то время как третий курс был занят в рамках предмета «Концепции современного естествознания». Для сбора данных использовались анкеты самооценки занятий студентами, а также метод экспертной оценки. При этом экспериментальной группой выступили студенты третьего курса, а контрольной — первого.

В учебный процесс обеих групп были внедрены мотивационные задания. Примером такого задания служит задание «Экспертные группы». Фокус мотивационного воздействия задания был сконцентрирован на пробуждении

профессионального интереса и запуске процессов саморазвития и самореализации.

Основной целью данного педагогического приема выступало преодоление характерного для гуманитариев ощущения отчужденности от языка и содержания естественно-научного знания. Для этого студентов целенаправленно перемещали из пассивной позиции слушателя в активную роль интерпретатора одной из фундаментальных познавательных традиций. Смысл методики заключался не в поверхностном знакомстве, а в глубоком и эмоционально насыщенном погружении в мировоззренческую позицию, принципиально отличную от их собственной. От участников требовался качественно иной уровень работы с материалом. Вместо механического усвоения информации им необходимо было внутренне принять систему ценностей и специфическую логику одной из трех предложенных позиций — строгой научной рациональности, религиозного созерцания или инженерно-технического прагматизма. Следующим и ключевым шагом становилась публичная защита значимости выбранного способа познания для существования и развития человеческой цивилизации. Такого рода интеллектуальное упражнение было призвано сформировать у студентов способность к сложному мыслительному действию — пониманию и принятию иной, иногда противоположной, системы координат, что можно охарактеризовать как развитие интеллектуальной эмпатии. Содержательная организация задания была выстроена вокруг моделирования ситуации публичной дискуссии. Группы «Ученые», «Религиозные деятели» и «Инженеры» готовили развернутые аргументы в защиту своей познавательной парадигмы. Интересно, что первоначальное сопротивление студентов-гуманитариев («мы не понимаем эти формулы») постепенно сменялось азартом интеллектуального спора. Например, будущий педагог дополнительного образования, отстаивая позицию «инженеров», впервые увидел в физических законах не абстракции, а инструменты преобразования мира.

Данный формат создавал условия для участников образовательной деятельности, чтобы совершить двойное усилие: сначала выйти за границы привычного мировоззренческого горизонта, а затем найти ясные и убедительные формулировки для объяснения базовых принципов иной формы постижения реальности, сделав их лично значимыми. Ожидаемые образовательные результаты данного подхода выходили далеко за рамки усвоения конкретного предметного содержания. Прежде всего, речь шла о качественной трансформации мотивационной сферы обучающихся. Это проявлялось, во-первых, в укреплении связи с будущей профессией через осознание того, как естественно-научное знание вплетено в широкий социальный и культурный контекст. Во-вторых, в пробуждении инициативы, которая становилась естественным следствием принятой на себя активной субъектной позиции. И, в-третьих, в повышении качества работы с обратной связью, поскольку обсуждение проходило в условиях равноправного интеллектуального партнерства, где

каждый участник чувствовал личную ответственность за отстаиваемую точку зрения.

Система оценки эффективности строилась на принципе диалога внешнего и внутреннего взгляда. Экспертная оценка фиксировала содержательную глубину аргументации и лидерский потенциал, проявляемый в групповой динамике. Самооценка же, через рефлексивные вопросы, позволила зафиксировать внутренние сдвиги: рождение личностного смысла, осознание собственного роста и готовность к проявлению инициативы. Этот двусторонний анализ позволил уловить не только внешний результат, но и внутренний, часто скрытый, процесс трансформации идентичности студента.

Гипотеза исследования заключалась в том, что длительные и доверительные взаимоотношения с преподавателем, позволят через мотивационные задания стимулировать больший рост учебной мотивации.

Для проверки этой гипотезы был проведен педагогический эксперимент. Контрольная и экспериментальная группа отличались только, длительностью работы с преподавателем, была выбрана одна специальность, мотивационные задания использовались впервые в обеих группах.

Экспериментальная образовательная среда была сознательно сконструирована таким образом, чтобы центральное место в ней занимала фигура преподавателя, целенаправленно развивавшего в себе комплекс ключевых компетенций, условно определяемых как гуманитарные, для эффективной работы с содержанием естественно-научных дисциплин. В этот комплекс вошли личностно-профессиональные характеристики: интеллектуальная открытость, рефлексивность, метафорическое мышление и эмпатия. Следует признать, что наш подход требовал от преподавателя значительных эмоциональных затрат. Не все педагоги готовы к такой степени открытости и импровизации.

Интеллектуальная открытость понималась как установка на ведение продуктивного диалога, свободного от жестких мировоззренческих догм, и готовность рассматривать альтернативные точки зрения, что создавало атмосферу совместного поиска истины. Рефлексивность трактовалась не просто как самонаблюдение, а как глубинное осознание ограниченности собственной познавательной позиции и профессионального опыта, сопровождаемое внутренней готовностью к их коррекции и пересмотру в процессе педагогического взаимодействия [2]. Метафорическое мышление рассматривалось в качестве ключевого инструмента дидактического трансфера, то есть способности осуществлять перевод сложных концепций и формализованного языка естественных наук в систему ярких образов и личностных смыслов, релевантных для сознания студента гуманитарного профиля. Эмпатия выступала как основа эмоционального интеллекта педагога, позволяющая ему тонко чувствовать и точно диагностировать внутреннее состояние студентов, их скрытое сопротивление, потерю интереса или когнитивные затруднения, и своевременно

оказывать адекватную поддержку [3]. Результатом стал качественный сдвиг восприятия всех новых заданий и их повышенная эффективность.

Оценка эффективности подхода проводилась через анализ внутренней мотивации студентов [4]. В экспериментальной группе был зафиксирован значительный прирост по всем ключевым компонентам мотивации: познавательному и профессиональному интересу, удовлетворенности процессом, стремлению к саморазвитию и уровню ответственности. К нашему удивлению, даже слабоуспевающие студенты в экспериментальной группе показали высокий уровень внутренней мотивации, как в самооценке, так и в экспертной. Суммарно общий показатель внутренней мотивации в экспериментальной группе превысил результат контрольной группы более чем на 17%. Этот результат особенно важен на фоне общего тренда: у студентов старших курсов, приближающихся к окончанию учебы, мы наблюдаем естественное «выгорание» и снижение учебной мотивации. Наш эксперимент демонстрирует, что даже в этой ситуации целенаправленная работа, опирающаяся на личность преподавателя, способна не просто компенсировать спад, но и развернуть тенденцию в сторону роста интереса и вовлеченности.

Таким образом, наша гипотеза нашла свое подтверждение. Мы доказали, что интеграция наук — это не только вопрос учебного плана, но и вопрос человеческих качеств. Преподаватель естествознания в гуманитарном колледже — это не просто носитель информации, а «проводник», чьи личностные характеристики становятся повышенным источником внутренней мотивации студентов.

Полученные результаты открывают несколько перспективных направлений для научного поиска. Первое направление связано с разработкой диагностического инструментария. Необходимо создать валидные методы для выявления и оценки тех личностных характеристик преподавателей, которые обеспечивают их эффективность в развитии внутренней мотивации студентов. Второе направление предполагает проектирование новых образовательных программ для педагогов. В частности, представляется целесообразным создание специализированных курсов по развитию метафорического мышления, педагогической эмпатии и рефлексивности. Такие программы могли бы дополнить традиционные формы повышения квалификации, сместив акцент с предметных знаний на развитие личностного потенциала преподавателя. Особый интерес представляет феноменология мотивации в образовательном процессе. Требуется глубокое качественное исследование механизмов трансформации внутреннего отношения студента-гуманитария к естественно-научному знанию. Важно понять, какие именно образы и смыслы, рождающиеся в педагогическом взаимодействии, оказываются решающими в этом процессе.

В конечном счете, наша работа указывает на необходимость смены парадигмы: от поиска идеальных методик — к выращиванию целостной,

рефлексирующей личности преподавателя, способной сделать любое знание — личностно значимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексашина, И. Ю. Эволюция интегративного подхода в ракурсе тенденций трансформации современного естественнонаучного образования / И. Ю. Алексашина, Ю. П. Киселев. — Текст: непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. — 2022. — № 6. — С. 5–9.
2. Козлов, П. Г. Рефлексивная компетентность современного педагога как фактор, влияющий на качество образовательного процесса / П. Г. Козлов, И. В. Кабанова, Н. Ю. Стоюшко. — Текст: непосредственный // Современная педагогика. — 2016. — № 1.
3. Леонтьев, А. А. Психология общения: учебное пособие / А. А. Леонтьев. — 5-е изд., стер. — Москва: Смысл: Академия, 2008. — 368 с. — Текст: непосредственный.
4. Перваков, М. О. Опыт формирования учебной мотивации к естественнонаучным дисциплинам у студентов гуманитарных колледжей / М. О. Перваков. — Текст: непосредственный // Физика в школе. — 2025. — № S3. — С. 114–119.
5. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Смысл, 2001. — 365 с. — Текст: непосредственный.

Арзуманов Никита Александрович,
магистрант кафедры психоконсультирования,
Русской христианской гуманитарной академии,
nik1oz@bk.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ (ОТ ФРЕЙДА ДО ВАСИЛЮКА)

В статье анализируется эволюция понятия «психологический кризис» от психоанализа до концепции Ф. Е. Василюка. Первоначально кризис понимался как «внутриличностный конфликт». Фрейд видел его как столкновение бессознательных побуждений и социальных запретов. Юнг связывал кризис с раздвоением сознания и бессознательного. В отечественной психологии Выготский рассматривал детские кризисы как закономерные этапы развития, связанные с перестройкой социальной ситуации. Леонтьев интерпретировал кризисы через смену ведущей деятельности, допуская возможность их отсутствия при управляемом развитии. Ф. Е. Василюк рассматривает кризис как экзистенциальный опыт, возникающий из-за невозможности реализации жизненного замысла. Для Василюка кризис требует активной внутренней работы для поиска новых смыслов и перестройки деятельности, что отличает его от стресса, фрустрации и конфликта.

Ключевые слова: кризис, внутриличностный конфликт, ведущая деятельность, переживание, смысл

Nikita A. Arzumanov,

PSYCHOLOGICAL CRISIS: DEFINITIONS AND TRANSFORMATIONS (FROM FREUD TO VASILYUK)

In the article we analyze the evolution of the «psychological crisis» concept from psychoanalysis to the concept of F. E. Vasilyuk. Initially, the crisis in psychotherapy was understood as an «intrapersonal conflict.» Freud saw it as a clash between unconscious impulses and social prohibitions. Jung associated the crisis with the split between consciousness and the unconscious. In Russian psychology, Vygotsky viewed childhood crises as natural development stages associated with the social situation restructure. Leontiev interpreted crises through the change of leading activity, allowing it's absence in the case of controlled development. F. E. Vasilyuk considers a crisis as an existential experience that arises due to the impossibility of realizing a life idea. For Vasilyuk, a crisis requires active internal work to find new meanings for person and restructure one's activities, which distinguishes it from stress, frustration, and conflict.

Keywords: crisis, intrapersonal conflict, leading activity, experience, meaning.

Различные авторы предлагают разное понимание ситуаций внутренних конфликтов. Интерес исследователей к проблематике, обозначаемой термином «кризис» (от греч. Κρίσις (crisis) — решение, поворотный пункт, исход) появился как «внутриличностный конфликт» (Фрейд, Юнг и др.), далее через

«кризисы детского возраста» у Вygотского он перешёл в отечественную психологию и развивался в работах Леонтьева, учеником которого был Ф. Васильюк.

Кризис является поворотной точкой в жизни человека, может вести как вниз, так и вверх, то есть вести в асоциальное или деструктивное поведение или открывать возможности для переосмысления ориентиров и изменения жизненного пути.

Сущность кризисов у человека можно охарактеризовать несколькими основными аспектами:

1. Кризис представляет собой нарушение внутреннего баланса (психологического, эмоционального, душевного), вызванное воздействием внешних факторов.
2. Кризис является критическим этапом в процессе развития личности. Направление последующего роста человека — конструктивное или деструктивное — будет определять его дальнейшую жизнь.
3. Кризис возникает из-за какой-то причины; может являться следствием изменения или другого осознания различных социальных, природных и экономических обстоятельств, которые нарушают привычные жизненные модели и создают препятствия, приводя к переживанию внутренней остановки, когда человек не в состоянии самостоятельно решить возникшие проблемы.

Начнём рассматривание кризиса у Фрейда. В его понимании «у человека в состоянии внутриличностного конфликта происходит столкновение желаний, часть личности отстаивает определенные желания, другая отклоняет их» [1, с. 292].

Фрейд писал, что изначально человек имеет стремления к Эросу (стремление к жизни, любви, созиданию) и Танатосу (стремление к агрессии и смерти). Внутриличностный конфликт в его понимании означает противоречие между побуждениями бессознательного («Оно») и принятыми человеком требованиями внешней среды («Сверх-Я»), а также ограничением биологических побуждений социально детерминированными запретами. Он подчеркивал значение оговорок как желание бессознательного и рассогласование с сознанием [9, с. 41]. «Я» соединяет «Оно» и «Сверх-Я», служа посредником между ними, «Я» создаёт психологические защиты.

Последний вид конфликта — «столкновение между «Я» и «Сверх-Я». «Супер-Эго» пытается «убедить» сознание («Я») в превосходстве идеалистических целей над прагматическими» [10].

Получается, по Фрейду мы имеем три типа внутриличностных конфликтов: между базовыми стремлениями человека (Эрос и Танатос), между желанием и собственной защитой («Оно» и «Я»), и между желанием и общественным запретом («Я» и «Сверх-Я»).

В последующем свою теорию внутриличностных конфликтов предложил его бывший ученик Карл Густав Юнг, мы её рассмотрим, чтобы показать, что

в зависимости от понимания внутренней конституции человека рождается и понимание проблем и их разрешения внутри самого человека.

Юнг опирается на понятие личности, но она состоит из многих компонентов, и связь этих компонентов разные толкователи понимают по-разному. Основными являются: эго, личное бессознательное и его комплексы, коллективное бессознательное и его архетипы, персона, анима и анимус, тень [11].

Также в своей работе «Психологические типы» [12] он определил установки — интроверсия и экстраверсия, и функции — мышление, чувство, ощущение и интуиция. Эти функции могут проявляться в двух установках, что создаёт восемь типов личности: мыслитель-экстраверт; мыслитель-интроверт, ощущающий-экстраверт, ощущающий-интроверт, эмоциональный-экстраверт, эмоциональный-интроверт, интуитивный-экстраверт, интуитивный-интроверт. Неприятие своего психотипа порождает внутренний конфликт. Также и возникновение конфликтов у экстравертов будет чаще от внешних причин, а у интровертов от внутренних.

В своей статье «Трансцендентная функция» [13] он формулирует выход из внутриличностного кризиса такими словами: «Вопрос заключается в следующем: какую умственную и нравственную позицию следует занять по отношению к беспокоящему нас воздействию бессознательного, и каким образом донести эту установку до пациента? На этот вопрос может быть только один ответ: освободиться от перегородки между сознанием и бессознательным.»

А. С Васильев [см. 2] резюмирует эту позицию в два этапа:

А) придание формы бессознательному содержанию проблемы (контрпозиции Бессознательного);

Б) соединение полученной формы с уже существующей установкой сознания.

Тогда мы создаём новую установку, соединяющую бессознательное и сознание. Так как сам конфликт у Юнга понимается как результат раздвоения Я между сознанием и бессознательным. У Фрейда же это раздвоение или даже расщеплённость неустраима, для него состояние внутреннего конфликта изначально и неснимаемо.

Теперь обратимся к отечественной психологии, а именно к наследию Льва Выготского в сфере кризисов.

Согласно Выготскому, кризис является не просто негативным явлением, но необходимым этапом развития, связанным с перестройкой всей системы психических процессов. Кризис рассматривается как переходный период, характеризующийся значительными изменениями в психике ребенка, появлением новообразований и переходом к новому этапу развития. Выготский подчеркивал, что кризис не является патологическим состоянием, а представляет собой закономерный этап развития, отражающий противоречия между новыми потребностями ребенка и существующими формами его

взаимодействия с окружающей средой. Очень важно, что кризис протекает незаметно, т.е. трудно определить, когда он начался, а когда закончился [8].

Львом Выготским были выделены шесть кризисов детского развития: кризис новорождённости — до 2 мес., кризис 1 года, 3 лет, 7 лет, 13 лет и 17 лет) [5].

Ключевым аспектом теории Выготского является понятие социальной ситуации развития. В кризисные периоды социальная ситуация развития претерпевает кардинальные изменения, что приводит к перестройке всей системы отношений ребенка с окружающим миром. Старые способы взаимодействия перестают быть эффективными, а новые еще не сформированы, что и обуславливает возникновение кризисных проявлений: негативизма, упрямства, капризов и т.д.

Важным элементом концепции Выготского является понятие новообразований. Именно в кризисные периоды возникают новые психологические структуры, определяющие переход ребенка на новый уровень развития. Эти новообразования (например, самосознание в подростковом возрасте) являются результатом перестройки психики и обеспечивают ребенку возможность функционировать в новых социальных условиях.

Выготский подчеркивал активную роль социального окружения в преодолении кризисов. Родители, педагоги и другие значимые взрослые оказывают решающее влияние на процесс преодоления кризиса, создавая условия для формирования новых способов взаимодействия ребенка с миром. Адекватное понимание природы кризиса и поддержка ребенка в этот период являются залогом успешного прохождения кризиса и формирования здоровой личности.

Таким образом, теория Выготского о кризисах представляет собой целостный подход к пониманию закономерностей психического развития. Кризис рассматривается не как случайное явление, а как закономерный этап, связанный с перестройкой социальной ситуации развития, появлением новообразований и переходом к новому уровню функционирования личности. Осознание роли социального контекста и активной позиции ребенка в преодолении кризиса является ключевым для понимания его природы и успешного решения проблем, возникающих в этот сложный период.

Для Ф. Е. Василюка также был важен культурно-исторический подход Льва Семеновича. В работе «Психология переживания» [3] была развита идея Л. С. Выготского об опосредованности переживания культурными средствами. Мы не живём обособленно в своём внутреннем мире, он всегда имеет культурную логику, сюжеты, форму и структуру, которую мы берём от других, именно поэтому важно участие других в детских кризисах, они учат нас находить новые решения, опираясь на опыт традиции.

Алексей Николаевич Леонтьев продолжил идею кризисов Выготского в своей теории деятельности. Стоит понимать, что Ф. Е. Василюк формировался в условиях психологической школы МГУ, и «психологическая теория деятельности» воспринималась большинством отечественных психологов

не просто в качестве одной из концепций, но как обширная программа научных исследований, стратегия познавательного поиска» [6].

Их подходы к проблеме кризисов имеют некоторые различия и акценты. Леонтьев не «развил» напрямую идею кризиса, взятую у Выготского, а скорее исследовал кризисы в контексте своей теории деятельности, предлагая иной взгляд на их причины и последствия.

Леонтьев, развивая деятельностный подход, рассматривал кризисы с точки зрения изменения ведущей деятельности в определенном возрасте. Ведущая деятельность — это деятельность, которая оказывает наибольшее влияние на развитие психики ребенка в данный период времени. Кризис, по Леонтьеву, возникает тогда, когда старая ведущая деятельность перестает удовлетворять потребности ребенка и перестает быть эффективным средством освоения мира. Это приводит к внутреннему конфликту и поиску новых форм деятельности.

Леонтьев не выделял столь четкие возрастные границы для кризисов, как Выготский. «Не возраст ребенка как таковой определяет содержание стадии развития, а сами возрастные границы стадии зависят от их содержания и изменяются вместе с изменением общественно-исторических условий» [7].

Он подчеркивал, что содержание и характер кризиса зависят от конкретных условий жизни и деятельности ребенка. Он также обращал внимание на мотивационно-потребностную сферу, считая, что неудовлетворенные потребности и нереализованные мотивы играют важную роль в возникновении кризисных явлений.

Леонтьев также уделял ключевую роль помощи ребёнку в деле его воспитания. «В действительности кризисы отнюдь не являются неизбежными спутниками психического развития. Неизбежны не кризисы, а переломы, качественные сдвиги в развитии. Наоборот, кризис — это свидетельство не совершившегося своевременно перелома, сдвига. Кризисов вовсе может не быть, если психическое развитие ребенка складывается не стихийно, а является разумно управляемым» [7].

Итак, если указать основные различия, то мы выделим:

1. Акцент на деятельности: Леонтьев рассматривал кризисы через призму смены ведущей деятельности, что является центральным понятием его теории. Выготский акцентировал внимание на социальной ситуации развития.
2. Мотивационно-потребностная сфера: Леонтьев уделял больше внимания мотивам и потребностям, которые лежат в основе кризисных явлений.
3. Индивидуальные различия: Леонтьев подчеркивал, что содержание и протекание кризиса индивидуальны и зависят от конкретных условий жизни ребенка, от этого и нечёткость возрастных границ

Теперь перейдём к Фёдору Евфимовичу Василюку, в 1997 году он основал и руководил первым в России факультетом психологического консультирования. Поэтому для него был очевиден разрыв, «схизис», как он называл, между академической психологией и психоконсультированием. Его не удовлетворяло взять только теорию Выготского и Леонтьева, так как для них в их время был недоступен акцент индивидуальной работы с людьми.

Психологическая практика для него имела свою деятельность и свою логику развития из-за своего личностного аспекта, поэтому Василюк подчеркнул роль самого человека, как клиента так и психоконсультанта, особенно способ нахождения смыслов и ценностей вследствие поддержки переживания клиента самим психоконсультантом. Эффективность зависит не только от теории и техник, но и от понимания психологом внутреннего мира клиента как он понимает его сам, от эмпатии и отношений в доверии, в которых человек безбоязненно открывается. Он показал, что понимание структуры деятельности и культурно-исторического контекста недостаточно для успешной психологической практики.

В отличие от них он рассматривал кризисную ситуацию как вид экзистенциального опыта, связанного с переживанием невозможности реализации внутренних потребностей и ценностей в текущих условиях. Его подход получил название «психология переживания», а в дальнейшем «понимающая психотерапия».

Основные характеристики кризисной ситуации по Василюку:

Препятствие для внутренней деятельности: Кризис возникает, когда человек сталкивается с препятствием, которое блокирует его привычные способы достижения целей и реализации жизненных планов. Это может быть потеря близкого человека, серьезная болезнь, потеря работы, предательство и т.д.

Потеря смысла: Кризис сопровождается ощущением утраты смысла жизни, дезориентацией и чувством беспомощности. Человек больше не понимает, как действовать и куда двигаться дальше.

Необходимость перестройки деятельности: Главная задача в кризисной ситуации, по Василюку, — не просто преодолеть препятствие, а перестроить свою внутреннюю деятельность, найти новые способы существования и новые смыслы. Это требует от человека гибкости, креативности и готовности к изменениям.

Переживание как основная форма работы с кризисом: Василюк подчеркивал важность переживания как активной внутренней работы по осмыслению и преодолению кризиса. Переживание включает в себя анализ ситуации, принятие негативных эмоций, поиск новых ресурсов и выработку новых стратегий.

Это связано часто с такой ситуацией, которую «нельзя исправить, ее надо пережить» [4]. Переживание понимается не как пассивный процесс протекания внутренних состояний, а как пере-живание, достижение смысла.

Но поскольку разные жизненные ситуации, то и разные пути их преодоления, поэтому Васильюк разбирает основные понятия его времени: стресс, фрустрация, конфликт и кризис. Он показывает, что иногда они противоречат друг другу, из-за своей всеобщности, например, но в целом они друг друга дополняют, если распределить их по разным типам активности и преодоления ситуации.

Он показывает, как стресс, фрустрация и конфликт, хоть и правильно передают внутреннее отношение человека к ситуации, лишь в определенном контексте становятся действительными критическими. Кризис непосредственно связан только с невозможностью реализации жизненного замысла.

Продолжая эту мысль, можно сказать, что Васильюк указывает на разделённость, на некоторую иерархичность этих понятий, что все четыре типа ситуаций должны быть разрешены для психологического благополучия человека. Стресс, фрустрация и конфликт являются сопровождающими кризиса или его предвестниками, сигналами о том, что что-то идёт не так в реализации внутренних потребностей. Но только когда эти трудности достигают масштаба жизненного замысла, можно говорить о настоящем кризисе, который может включать эти составляющие.

«Конкретная ситуация является ситуацией стресса постольку, поскольку оказывается нереализуемой установка на здесь-и-теперь удовлетворение; она является ситуацией фрустрации, поскольку трудности достижения цели становятся непреодолимыми; ситуацией конфликта, поскольку сознание признает неразрешимыми противоречия между мотивами, и, наконец, ситуацией кризиса — поскольку субъект сталкивается с невозможностью реализации всего своего жизненного замысла. Таким образом, понятия стресса, фрустрации, конфликта и кризиса объединяются в единую понятийную систему». [4]

Представим четыре примера разных ситуаций конфликта.

- Стресс: Работник постоянно сталкивается с напряжением на работе, вызванным давлением сроков и требованиями начальства. Напрямую это не затрагивает его жизненный замысел. Однако, если этот стресс становится хроническим и приводит к выгоранию, потере интереса к работе и ухудшению здоровья, он может подорвать его планы на профессиональное развитие, финансовую стабильность и, в конечном итоге, привести к кризису идентичности и смысла жизни.
- Фрустрация: Студент мечтает поступить в престижный университет, но не набирает достаточного количества баллов на экзамене. Это фрустрирует его стремление. Однако, если он сможет адаптироваться, пересмотреть свои цели и поступить в другой вуз, это не обязательно приведет к кризису. Но если неудача в поступлении воспринимается им как крах всех надежд, как невозможность реализовать свои таланты и амбиции, это может спровоцировать кризис.

- Конфликт: Человек разрывается между желанием построить карьеру и необходимостью заботиться о больном родителе. Это создает внутренний конфликт. Если он сможет найти баланс между этими двумя сферами жизни, то конфликт останется управляемым. Однако, если он не сможет найти решение, и одна из этих сфер жизни будет принесена в жертву другой, это может привести к кризису самореализации и чувству вины.
- Кризис: Человек всю жизнь посвятил определенной профессии, но в результате технологического прогресса она стала ненужной. Он сталкивается с невозможностью реализовать свой сложившийся жизненный замысел. В этом случае, переживание будет направлено на поиск новых смыслов и целей, переосмысление своей идентичности и адаптацию к новым условиям. Это и есть настоящий кризис в понимании Василюка — поворотный пункт, требующий фундаментальной перестройки личности.

Итак, если подвести итог, то мы провели анализ понятия кризисной ситуации в истории психологии, проследивая его развитие до концепции Ф. Е. Василюка. Внутренний конфликт сначала был интерпретирован З. Фрейдом как столкновение бессознательных побуждений и социальных запретов, К. Г. Юнг развил эту идею, связывая кризис с раздвоением между сознанием и бессознательным и непринятием своего психотипа. В отечественной психологии, Л. С. Выготского рассматривал кризисы детского возраста как закономерные этапы развития, связанные с перестройкой социальной ситуации развития. А. Н. Леонтьев интерпретировал кризисы через смену ведущей деятельности и мотивационно-потребностную сферу, в отличие от четких возрастных границ Выготского. В заключение, объясняется концепция Ф. Е. Василюка, который рассматривает кризис как экзистенциальный опыт, связанный с невозможностью реализации жизненного замысла, требующий переживания и перестройки деятельности, что отличает его от стресса, фрустрации и конфликта.

Концепция кризисной ситуации и внутриличностного конфликта претерпела значительную эволюцию в психологии, начиная от классического психоанализа и заканчивая отечественной психологической школой, которые объединил в своём экзистенциально-гуманистическом подходе Ф. Е. Василюк.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцупов, А. Я. Конфликтология: учебник / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. — Москва: Юнити, 2000. — 551 с. — Текст: непосредственный.
2. Васильев, С. А. О психологической природе внутриличностного конфликта / С. А. Васильев. — Текст: электронный // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-psiologicheskoy-prirode>

- vnutrilichnostnogo-konflikta (дата обращения: 25.12.2025).
3. Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. — Текст: электронный. — URL: https://www.counseling.su/f/vasiluk_psihEmocii.pdf (дата обращения: 12.01.2026).
 4. Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. — Текст: электронный. — URL: <https://psy.su/feed/11618/> (дата обращения: 12.01.2026).
 5. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский. — Москва: Педагогика, 1984. — Т. 4: Детская психология. — 432 с. — Текст: непосредственный.
 6. Лекторский, В. А. Психологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева и современные когнитивные исследования / В. А. Лекторский. — Текст: электронный // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2023. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-teoriya-deyatelnosti-a-n-leontieva-i-sovremennye-kognitivnye-issledovaniya> (дата обращения: 12.01.2026).
 7. Леонтьев, А. Н. К теории развития психики ребенка / А. Н. Леонтьев. — Текст: электронный. — URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2012_n4/bppe_2012_n4_Leontief.pdf (дата обращения: 12.01.2026).
 8. Сладкова, Ю. Кризисы детского возраста / Ю. Сладкова. — Текст: электронный. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizisy-detskogo-vozrasta-i-ih-preodolenie> (дата обращения: 12.01.2026).
 9. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. — Москва: АСТ, 2018. — 544 с. — Текст: непосредственный.
 10. Шелехов, И. Л. Личность и внутриличностный конфликт в концепциях фрейдизма и классического психоанализа / И. Л. Шелехов, Г. В. Белозёрова, А. И. Мартынова. — Текст: электронный. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-i-vnutrilichnostnyy-konflikt-v-kontseptsiyah-freydizma-i-klassicheskogo-psihoanaliza> (дата обращения: 25.12.2025).
 11. Юнг, К. Аналитическая психология и психотерапия: хрестоматия / К. Юнг. — Санкт-Петербург: [б.и.], 2001. — 512 с. — Текст: непосредственный.
 12. Юнг, К. Трансцендентная функция / К. Юнг. — Текст: электронный. — URL: <https://carljung.ru/Library/TransFunc.htm> (дата обращения: 15.12.2025).
 13. Юнг, К. Психологические типы / К. Юнг. — Санкт-Петербург: Ювента, 1995. — 716 с. — Текст: непосредственный.

Литвинюк Виктория Сергеевна,
магистрант кафедры психологии
РХГА им. Ф. М. Достоевского
arti-lik@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СЛУШАТЕЛЕЙ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи статусов профессиональной идентичности слушателей специальностей переподготовки психологического профиля и уровня их психологического благополучия. Актуальность темы обусловлена значимостью развития профессиональной идентичности слушателей специальностей переподготовки, как фактора не только их последующей профессиональной успешности, но и как фактора общего психологического благополучия личности.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, статусы профессиональной идентичности, психологическое благополучие личности.

Viktoriia S. Litviniuk,

THE RELATIONSHIP BETWEEN PROFESSIONAL IDENTITY AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF STUDENTS IN PSYCHOLOGICAL RETRAINING PROGRAMS

This article presents the results of an empirical study examining the relationship between the professional identity statuses of students in psychology retraining programs and their level of psychological well-being. The relevance of this topic stems from the importance of developing professional identity in students in retraining programs as a factor not only in their subsequent professional success but also in their overall psychological well-being.

Keywords: Professional identity, professional identity statuses, psychological well-being.

Профессиональное становление человека — это сложный и многоступенчатый процесс, который напрямую связан с поиском и нахождением личностного смысла в выбираемой профессии. Естественным положительным результатом профессионального самоопределения человека становится достижение им профессиональной идентичности, которая свидетельствует о принятии избранной профессии и отождествлении себя с ней. Феномен профессиональной идентичности изучался многими как зарубежными (Д.Сьюпер, Дж.Холланд, Ф.Вондарчек, М.Аргайл, Д.Блунштейн и др.), так и отечественными исследователями (Э. Ф. Зеер, Л. Б. Шнейдер, Н. С. Пряхников,

Ю. П. Поваренков, И. Б. Субботин и др.). В нашем исследовании мы ориентировались на представления Л. Б. Шнейдер, которая рассматривает профессиональную идентичность, как результат процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации, проявляющийся в осознании себя представителем определенной профессии и профессионального сообщества, определенная степень отождествления-дифференциации себя с Делом и Другими, проявляющаяся в когнитивно-эмоционально-поведенческих самоописаниях Я [17, с. 117]. На основе статусов идентичности, выделенных Дж. Марсия, Л. Б. Шнейдер выделяет статусы профессиональной идентичности: достигнутую (позитивную), мораторий, преждевременную, диффузную идентичность, и дополнительно — псевдоидентичность. Преждевременная идентичность, по мнению Л. Б. Шнейдер, характеризует человека, который не делал независимых жизненных выборов и не осознает свою идентичность. Диффузная идентичность предполагает отсутствие не только устойчивых целей, ценностей и убеждений, но также и попыток их активно сформировать. Мораторий характеризует человека, который в настоящее время переживает кризис идентичности и активно пытается его разрешить. Под псевдоидентичностью подразумевается стабильное отрицание личностью своей уникальности, либо напротив — её подчёркивание, нарушение механизмов идентификации и обособления в сторону гипертрофированности, ригидность «Я-концепции» и низкая рефлексия. Наиболее предпочтительным статусом профессиональной идентичности является достигнутая идентичность, которая характеризует человека, сформировавшего определенную совокупность личностно значимых для него целей, ценностей и убеждений, обеспечивающих ему чувство направленности и осмысленности жизни. Показателем достигнутой идентичности является позитивное самоотношение при положительной оценке собственных качеств и связи с социальной средой. [17].

В настоящее время в науке нет единого понимания феномена психологического благополучия. Все подходы к пониманию благополучия можно разделить на два основных направления: гедонистическое, которое описывает благополучие главным образом в терминах удовлетворенности-неудовлетворенности (субъективное благополучие), и эвдемонистическое, которое связывает благополучие в первую очередь с личностным ростом и самореализацией (главным образом, экзистенциально-гуманистическое направление).

В нашем эмпирическом исследовании мы опирались на представления К.Рифф, которая рассматривает психологическое благополучие, как базовый субъективный конструкт, отражающий восприятие и оценку своего функционирования с точки зрения вершины потенциальных возможностей и выделяет шесть ее компонентов: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни, личностный рост [4, с. 64].

В проведенном эмпирическом исследовании приняли участие 60 человек в возрасте от 23 до 48 лет, являющихся слушателями Института повышения квалификации и переподготовки УО «Белорусский государственный университет имени Максима Танка» специальностей переподготовки «Психология», «Практическая психология», «Семейная психология».

Для определения профессиональной идентичности респондентов была использована методика «Методика исследования профессиональной идентичности (МИПИ)», разработанная в 2007 году Л. Б. Шнейдер. Для определения уровня психологического благополучия испытуемых была использована методика «Шкала психологического благополучия К. Рифф» в адаптации Н. Н. Лепешинского.

Из 60 участников исследования 1 испытуемый продемонстрировал результаты, соответствующие статусу «преждевременная идентичность», 18 испытуемых — статусу «диффузная идентичность», 16 — статусу «мораторий», 19 — статусу «достигнутая идентичность» и 6 — статусу «псевдоидентичность». Процентное соотношение статусов профессиональной идентичности испытуемых представлено на Рисунке 1.

Рисунок 1. — Соотношение статусов профессиональной идентичности испытуемых

В соответствии с интерпретацией Л. Б. Шнейдер, наиболее предпочтительным статусом идентичности является достигнутая идентичность. Среди 60 испытуемых только 19 человек продемонстрировали результаты, соответствующие статусу «достигнутая идентичность», при этом 11 из них показали высокий уровень психологического благополучия, а также высокие значения

по шкалам «самопринятие» и «личностный рост». Остальные 8 испытуемых с достигнутой профессиональной идентичностью продемонстрировали средний уровень психологического благополучия.

Таким образом, ни одного из испытуемых с достигнутой профессиональной идентичностью не был выявлен низкий уровень, как общего психологического благополучия, так и значения по шести его компонентам, не считая шкалы «позитивные отношения» у 1 испытуемого.

К наименее «зрелой» идентичности, характеризующейся низкой степенью профессионального самоопределения, по мнению Л. Б. Шнейдер относятся статусы «преждевременная идентичность» и «диффузная идентичность». Среди 19 респондентов с преждевременной и диффузной идентичностью только у 2 выявлен высокий уровень психологического благополучия. Но что примечательно — индексы, по которым определяется статус идентичности, у этих двоих испытуемых составляет 1,9, т.е. находится на верхней предельной границе значений между статусами «диффузная идентичность» и «мораторий». Среди остальных 17 респондентов 14 продемонстрировали средний уровень психологического благополучия, а 3 — низкий.

Уровень психологического благополучия респондентов с преждевременной и диффузной идентичностью, относительно индекса профессиональной идентичности данных представлен на Рисунке 2.

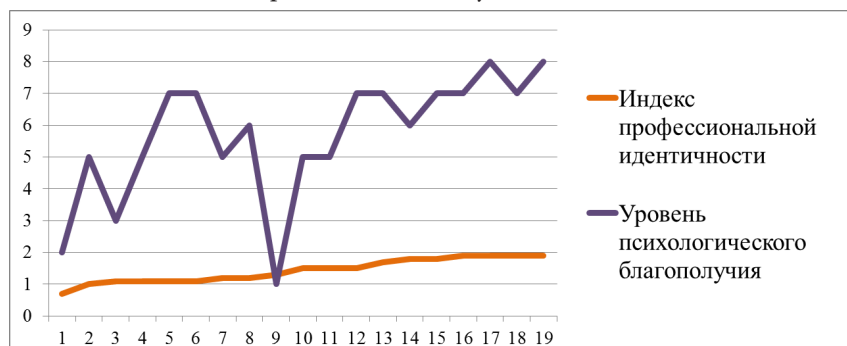

Рисунок 2 — Уровень психологического благополучия испытуемых с преждевременной и диффузной профессиональной идентичностью

Исходя из данной диаграммы, можно обнаружить определенную тенденцию к увеличению уровня психологического благополучия испытуемых при повышении индекса их профессиональной идентичности.

По результатам методики «Шкала психологического благополучия К. Рифф» у 24 испытуемых был выявлен высокий уровень психологического благополучия, у 33 — средний и у 3 — низкий.

У всех 3 испытуемых с низким уровнем психологического благополучия были определены статусы «преждевременная профессиональная идентичность» и «диффузная профессиональная идентичность». Среди 24 респондентов с высоким уровнем психологического благополучия только у 2 определен статус «диффузная идентичность», у 7 выявлен статус «мораторий», у 11 — «достигнутая идентичность», у 4 — «псевдоидентичность». Процентное соотношение статусов профессиональной идентичности испытуемых с высоким уровнем психологического благополучия, представлено на Рисунке 3.

Рисунок 3. — Соотношение статусов профессиональной идентичности у испытуемых с высоким уровнем психологического благополучия

Для выявления наличия линейной зависимости между профессиональной идентичностью и уровнем психологического благополучия испытуемых был использован коэффициент корреляции Пирсона (Результаты представлены в Таблице 1).

Таблица 1. — Значения коэффициентов корреляции Пирсона при сопоставлении индекса профессиональной идентичности и шкалы психологического благополучия и его компонентов

Сопоставляемые факторы	Значение коэффициента корреляции Пирсона
Профессиональная идентичность/уровень психологического благополучия	0,36
Профессиональная идентичность/ шкала «позитивные отношения»	0,24

Профессиональная идентичность/шкала «автономия»	0,28
Профессиональная идентичность/ шкала «управление средой»	0,45
Профессиональная идентичность/ шкала «личностный рост»	0,11
Профессиональная идентичность/шкала «цели в жизни»	0,28
Профессиональная идентичность/шкала «самопринятие»	0,45

По результатам корреляционного анализа была обнаружена средняя положительная корреляция между профессиональной идентичностью и шкалами «управление средой» и «самопринятие». Между индексом профессиональной идентичности и общим уровнем психологического благополучия обнаружена незначительная положительная корреляция.

Таким образом, эмпирическое исследование подтвердило наличие прямой положительной взаимосвязи между профессиональной идентичностью и уровнем психологического благополучия слушателей специальностей переподготовки психологического профиля.

Тем не менее, коэффициент корреляции данной взаимосвязи не высокий, что может быть связано со следующими причинами:

- на уровень психологического благополучия испытуемых существенное влияние могла оказать степень удовлетворенности другими значимыми сферами жизни;
- влияние статуса профессиональной идентичности на уровень психологического благополучия зависит от значимости профессиональной жизни в общей системе ценностей испытуемых;
- психодиагностическая методика «Методика исследования профессиональной идентичности (МИПИ)» Л. Б. Шнейдер носит проективных характер, в связи с чем имеет ряд определенных недостатков;
- определение статусов профессиональной идентичности с помощью «Методики исследования профессиональной идентичности (МИПИ)» Л. Б. Шнейдер, подразумевает ориентацию респондента на свою повседневную жизнь и на самоопределение себя в соответствии с категориями, характерными для профессионала/не профессионала. В связи с этим, слушатели специальностей переподготовки при прохождении тестирования в большинстве своем были ориентированы не на ту профессиональную деятельность, к освоению которой они приступили, а на ту деятельность, которую осуществляют в настоящий момент времени. При этом решение приступить к освоению новой профессии обнаруживает наличие возможных проблем

идентификации с их настоящей профессиональной деятельностью, независимо от их профессиональной успешности и ощущения себя профессионалами или непрофессионалами, что могло предсказуемо отразиться как на статусе их профессиональной идентичности, так и на уровне их психологического благополучия. Однако вместе с этим негативные последствия для уровня психологического благополучия испытуемых ввиду отсутствия их идентификации с настоящей деятельностью могли быть нивелированы благодаря тому, что испытуемые уже приступили к освоению новой профессии. Данные обстоятельства могли повлиять на степень взаимосвязи исследуемых показателей на данной группе испытуемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ариас, А. М. Динамика профессиональной идентичности студентов вуза (психологический анализ) / А. М. Ариас, Е. А. Карпова, Т. Г. Кукулите. — Текст: непосредственный // Знание. Понимание. Умение. — 2016. — № 3. — С. 241–253.
2. Березовская, Р. А. Профессиональное благополучие: проблемы и перспективы психологических исследований / Р. А. Березовская. — Текст: непосредственный // Психологические исследования. — 2016. — Т. 9, № 45. — С. 2–12.
3. Буров, К. С. Профессиональное самоопределение как научное понятие / К. С. Буров. — Текст: непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». — 2017. — № 4. — С. 57–67.
4. Бучацкая, М. В. Особенности структуры психологического благополучия учащихся и студентов различных направлений профессиональной подготовки / М. В. Бучацкая, М. В. Капранова. — Текст: непосредственный // Психологическая наука и образование. — 2015. — Т. 20, № 2. — С. 63–69.
5. Данилова, М. А. Психологическое благополучие личности: понятие и основные уровни / М. А. Данилова, Е. А. Тарасенко. — Текст: непосредственный // Форум молодых ученых. — 2019. — № 4 (32). — С. 285–289.
6. Капанец, Ю. В. Профессиональное самоопределение студентов первого курса специальности «Психология» / Ю. В. Капанец. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы психологии труда: теория и практика: материалы Четвертой международной научно-практической конференции, Красноярск, 20 ноября 2020 г. / редкол.: Ю. Ю. Логинов, Н. С. Ливак, Е. А. Мухамедова. — Красноярск, 2020. — С. 20–24.
7. Ларицкая, И. Е. Психологическое благополучие личности / И. Е. Ларицкая. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2002. — № 49 (444). — С. 273–276.
8. Лисовская, А. Ю. Основные подходы к пониманию благополучия сотрудника: от теории к практике / А. Ю. Лисовская, С. В. Кошелева [и др.]. — Текст: непосредственный // Организационная психология. — 2021. — Т. 11, № 1. — С. 93–117.
9. Маслова, Е. С. Идентичность личности в контексте междисциплинарной интеграции / Е. С. Маслова. — Текст: непосредственный // Гуманитарий Юга России. — 2019. — Т. 8, № 1. — С. 87–93.
10. Пряжников, Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: учебное пособие / Н. С. Пряжников. — Москва: Академия, 2008. — 117 с. — Текст:

непосредственный.

11. Пряжников, Н. С. Профориентология: учебник и практикум для вузов / Н. С. Пряжников. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 405 с. — Текст: непосредственный.
12. Сериков, А. В. Психологическое благополучие личности в современном мире / А. В. Сериков. — Текст: непосредственный // Психологическое благополучие современного человека: материалы международной заочной научно-практической конференции, Екатеринбург, 20 марта 2019 г. / отв. ред. С. А. Водяха. — Екатеринбург, 2019. — С. 9–13.
13. Современные теории социального благополучия: учебное пособие / Л. Г. Гусякова, И. В. Гайдай, Г. В. Говорухина [и др.]. — Москва: Русайнс, 2015. — 236 с. — Текст: непосредственный.
14. Соловьева, Н. В. Особенности формирования профессиональной идентичности / Н. В. Соловьева. — Текст: непосредственный // Профессиональная ориентация. — 2017. — № 1. — С. 186–190.
15. Татарова, Г. Г. Субъективное благополучие на работе: исследовательские практики социологического измерения / Г. Г. Татарова, Г. П. Бессокирная, А. В. Кученкова. — Текст: непосредственный // Социологические исследования. — 2021. — № 10. — С. 37–49.
16. Шамионов, Р. М. Субъективное благополучие личности в профессиональной сфере / Р. М. Шамионов. — Текст: непосредственный // Проблемы социальной психологии личности: сборник тезисов по проблемам психологии личности / редкол.: Р. М. Шамионов (отв.) [и др.]. — Саратов, 2008. — С. 56–60.
17. Шнейдер, Л. Б. Психология идентичности: учебник и практикум для вузов / Л. Б. Шнейдер. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 328 с. — Текст: непосредственный.
18. Шнейдер, Л. Б. Психология карьеры: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Л. Б. Шнейдер, З. С. Акбиева, О. П. Цариценцева. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 187 с. — Текст: непосредственный.

Сулич Вячеслав Александрович,
студент РХГА имени Ф. М. Достоевского,
mr.sulich@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ XVIII ВЕКА КАК ПРЕДТЕЧА НАУЧНОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Век Просвещения сместил внимание ученых с рассуждений о человеческой душе, ее природе, на знания о человеке, как объекте научных исследований. Постановка философами XVII–XVIII веков проблемы о внутреннем мире человека, психических явлениях, пробудила в том числе интерес к научно — экспериментальной психологии, что дает нам право говорить о ее философских истоках.

Ключевые слова: экспериментальная психология, психологический эксперимент, интроспекция, рефлексия, философские истоки.

Viacheslav A. Sulich,

PHILOSOPHICAL PSYCHOLOGY OF THE XVIII CENTURY AS THE FORERUNNER OF SCIENTIFIC EXPERIMENTAL PSYCHOLOGY

The Age of Enlightenment shifted the attention of scientists from reasoning about the human soul, its nature, to knowledge about man as an object of scientific research. The formulation by philosophers of the XVII–XVIII centuries of the problem of the inner world of man, mental phenomena, aroused, among other things, interest in scientific and experimental psychology, which gives us the right to talk about its philosophical origins

Keywords: experimental psychology, psychological experiment, introspection, reflection, philosophical origins.

Век Просвещения сместил внимание ученых с рассуждений о человеческой душе, ее природе, на знания о человеке, как объекте научных исследований. Постановка философами XVII–XVIII веков проблемы о внутреннем мире человека, психических явлениях, пробудила в том числе интерес к научно — экспериментальной психологии, что дает нам право говорить о ее философских истоках. Философия заявила себя как логическая база построения доказательств еще во времена античности, и долгие века, начиная от философов — стоиков вплоть до возникновения стараниями Х. Вундта первых в мире курсов по научной психологии предоставляла в распоряжение «науки о душе» логические цепочки аргументов, составивших ко времени первых психологических опытов определенную методическую базу доказательств.

При этом совершенно ясно, что не только сам по себе механизм логически выстроенного доказательства может убедить нас в достоверности

того или иного вывода из психологического эксперимента: любые описания эксперимента могут выглядеть достаточно убедительно и достоверно, если они проходят подотчетно, планоно и с привлечением свидетелей. Однако введение логики в доказательную базу экспериментальной психологии придало методу необходимую универсальность, научность. В дальнейшем психологи стали повсеместно использовать и математические методы, также основанные на логике. Не удивительно, что многие философы и математики не только тесно общались между собой, но и совмещали в своей деятельности эти сферы. Нередко, говоря о выдающихся философах, мы в их лице говорим и о выдающихся математиках. Кроме того, теории Готфрида Лейбница, Рене Декарта имели в том числе и кардинальное значение для становления методов психологического исследования. Философы всегда интересовались вопросами человеческой души и со временем накопили и предоставили в распоряжение психологов обширную описательную базу различных человеческих состояний и чувств, которая использовалась для изучения проблем и состояний человека в самых разных областях.

Уже в XVII веке обсуждались разные пути становления психологического знания и складывались представления о рациональной и эмпирической психологии. При этом методы выстраивания доказательств могли быть совершенно разными. Впоследствии, в XIX веке появились психологические лаборатории и были проведены первые эмпирические исследования, названные экспериментальными. В 1883 году увидел свет любопытный журнал, названный «Философские штудии» (исследования) под редакцией В. Вундта, где регулярно появлялись отчеты психологов о проведенных ими исследованиях и статьи с последовательным описанием экспериментов. В 1903 году журнал сменил название на «Психологические штудии», поскольку большинство статей было посвящено именно психологическим исследованиям. По — сути, это был первый специальный философско — психологический журнал. В то время многие психологи понимали необходимость строгих научных методов. Ими впервые смог в полной мере воспользоваться создатель первой лаборатории экспериментальной психологии в Лейпциге Вильгельм Вундт. Насколько это соответствовало чаяниям психологов, говорит тот факт, что практически сразу после открытия в 1879 году лаборатория Вундта получила широкое признание ученых всего мира и «<...> стала центром экспериментально — психологических исследований, обучения и практики, снискавшим необычайную популярность среди психологов из разных стран на десятки лет <...>» [10, с.253]. Среди учеников В. Вундта значатся русские, американские, и немецкие ученые: В. М. Бехтерев, Н. Н. Ланге, А. П. Нечаев, Г. И. Челпанов, Э. Крепелин (Германия), Д. М. Кеттелл (США), Э. Б. Титченер (США), Э. Мейман (Германия), Г. Мюнстерберг (Германия) и многие другие. В первой лаборатории экспериментальной психологии В. Вундта использовался метод экспериментальной интроспекции (интроспекция —

самонаблюдение человека за своей собственной психической активностью). Но необходимо отметить, что в конце XIX — начале XX века интроспекция требовала в значительной степени иного подхода, чем то было в начале нашей эры, и даже у Декарта в XVII веке. В частности, В. Вундт, применявший для изучения сознания в качестве основы идею интроспекции сделал ее контролируемым и инспектируемым процессом, далеким от метафизического подхода. В. Вундт считал психологический эксперимент основой научного изучения опыта человека. При помощи эксперимента исследовались простые перцептивные элементы психики: ощущения, первичные образы, элементарные эмоции и т.д.

Но идея о интроспекции тоже возникла не на пустом месте: впервые о ней заговорил философ — богослов 4 века Аврелий Августин [1, с. 466], а Рене Декарт в 17 веке переработал эту идею в учение о рефлексии, направленное на познание объективных истин. Рене Декарт, как крупный философ, ученый, математик, естествоиспытатель, впервые ввел очень важное понятие для экспериментальной психологии — «рефлексию», заострив внимание на способности тела обрабатывать весь психический материал без помощи души. Таким образом, тело и душа впервые были объявлены совершенно самостоятельными и независимыми друг от друга субстанциями. Декарт установил, что способность души есть мышление, а способность тела — движение. Принципом работы тела является рефлекс, как отражение мозгом внешних воздействий, а принципом работы души — рефлексия, то есть отражение собственных мыслей, идей и ощущений. Сосуществование тела и души основано на психофизическом взаимодействии. Декарт рассматривал организм как механически работающую систему, действующую по типу простых технических устройств. Благодаря теории рефлекса Декарту впервые удалось объяснить природу поведения человека, не прибегая при этом к понятию души и Бога. Его принцип «не принимать за истинное что бы то ни было, прежде чем не признал это несомненно истинным» [5, с. 38], легло в основу методологии эксперимента. Таким образом, вклад Рене Декарта в развитие психологии и физиологии было фундаментальным.

Другой философ, имя которого от начала 18 века до наших дней удивляет мир величием мыслей и взглядов — Готфрид Лейбниц. Будучи носителем энциклопедических знаний в различных областях математики, философии, социальных, политических теорий и психологии, он добился немалых успехов, соединяя различные отрасли знаний в связную картину мира. В психологии Лейбниц выдвинул понятие бессознательно «малых перцепций» и развил учение о бессознательной психической жизни.

Этим учением он, по — сути, перечеркивал идею Декарта о равенстве психики и сознания, так как в основе их единства в человеке, по мнению Лейбница, лежит духовное начало. Мир, обладающий живой одухотворенной Богом структурой, в каждой из бесчисленных множеств составляющих

его монад «психичен», «восприимчив». Поэтому монада частица, составляющая мир обладает восприятием и также «психична» [6, с. 417]. Эти неосознаваемые восприятия — особые психические акты, называемые «малыми перцепциями» — в душе человека непрерывно действуют до той поры, пока не включается внимание и память, что называется «апперцепцией». Для апперцепции характерна рациональная интуиция, которая открывает содержание идей, находящихся в области внимания и памяти, что придает знаниям обобщенный характер. Субъективность человеческих знаний Лейбниц связывал с познавательной активностью.

Лейбниц впервые выделил в душе три области, различающиеся по ясности знания: область «отчетливого знания», область «смутного знания» и область «бессознательного». Человек даже на начальной стадии познания воспринимает сигналы окружающей действительности одновременно с их переработкой соответственно своим представлениям и опыту, но, в целом, представления людей совпадают, наделяя окружающий мир определенностью. «Бессознательное», по мнению Лейбница, связано по — преимуществу с осознанными идеями, поэтому не участвует в деятельности. Лейбниц также подверг сомнению зависимость психики от телесного воздействия. По мнению Лейбница в работе души и тела работает принцип и гармонии. В дальнейшем, доктрина психофизического параллелизма, разработанная философами, в том числе и Лейбницем, стала одной из основных идей в развитии психологии личности. Кроме того, Лейбниц ввел некоторые принципы философского закона достаточного основания, который гласит, что явление или утверждение не может считаться истинным без достаточного на то основания, развил учение об анализе и синтезе.

Существенным отличием Лейбница от эмпириков было его несогласие с учением чистого эмпиризма. Душу Лейбниц наделяет от рождения индивидуальными особенностями, предрасположенностями, от которых зависит прием внешних впечатлений. Ум не является «врожденными идеями», как у Декарта, а является лишь предрасположенностью к познанию в силу индивидуальных причин. Предметом познания в сфере истин являются всеобщие и необходимые математические и логические истины, а в сфере идей — высшие бытийные категории, такие как «Я», «тождество», «бытие», «восприятие». Выдающийся ум, Лейбниц оказал огромное воздействие на умы современников, вызывая интерес в том числе у тех, кто занимался вопросами экспериментальной психологии личности. Интересно, что именно Лейбниц направил ум Петра I к образованию в России Академии наук, а его ученик Христиан Вольф стал учителем Михаила Васильевича Ломоносова.

Развитие идей Лейбница наиболее полно выразилось в трудах Христиана фон Вольфа. Ученый отличался поистине энциклопедической образованностью, чёткостью формулировок, тщательностью и педантичностью

анализа проблем человека в самых разных областях: от простой физиологии до рассуждений о ментальности. Ему принадлежит любопытный труд «Психология эмпирика», написанный в 1732 году. Именно в этом труде Вольф обосновывает необходимость эксперимента, как главного метода эмпирики. «Эмпирика», что в переводе с древнегреческого означает «исследование, рассмотрение», у Вольфа звучит как «то, в основе чего лежит опыт», то есть опыт приобрел черты необходимой части исследования. Х. Вольф даже разделил психологию на две разные науки — рациональную и эмпирическую. Вольф полагал, что мышление само по себе заложено в принцип существования. Логика для Вольфа была наряду с психологией введением в философию, и с его подачи именно так долгое время и преподавалась в Европе и России.

Почему Х. Вольф уделял большое внимание логике? Потому что логика помогает изучить познавательную способность, заключающуюся в умении отличать истину от ошибки в рассуждении. Вольф заложил в эмпирику некий стандарт, позволяющий частный случай рассматривать как часть общего, исключая доказательства, не укладывающиеся в логическую цепочку. Логика делилась на теоретическую и практическую части. Вольф, исследуя математические и логические доказательства, поставил их на службу эксперимента, заложив таким образом возможность научно-философского обоснования доказательства. В дальнейшем идеи Лейбница, помимо Вольфа, развивали в разных направлениях такие ученые, философы и психологи, как Ф. Бенеке, Г. Лотце, Г. Тейхмюллер, В. Вундт и Ш. Ренувье, последний из которых оказал значительное влияние на формирование взглядов Эмиля Дюркгейма и американского философа и психолога Уильяма Джеймса. С Г. Лейбницем этого «Сведенборга истории» связывала тема рационального оправдания бессмертия. Интересно, что предпочитая атеистические взгляды, Ренувье, тем не менее, почитал Бога за некоего правителя душ. Бенеке, один из немногих в это время, вообще рассматривал психологию как науку, лежащую в основе философии, потому что мы можем быть достоверно уверены только том, что мы познаём непосредственно в собственных психических явлениях, и любые внешние познания мира — лишь отражения нашего внутреннего познания.

Уже во времена Декарта и Лейбница обнаруживает себя дуализм форм опыта. «Любопытным — и важным для нас — является феномен дуализма форм опыта, обнаруживающийся разными философами на протяжении различных эпох и прослеживающийся в классификациях опыта» [2, 39]. В — целом, можно выделить две ветви, исходящие из 18 века, как некоей точки бифуркации: это направление, опирающееся на внешний опыт в лице таких ученых как Герbart, его ученик Лотце, и направление, изучающее внутренний опыт человека в лице ученых Х. Вольфа, В. Вундта и его последователей, развивавших идеи экспериментальной психологии Н. Я. Гротом [4, с. 12] и Г. И. Челпановым [8, с. 81]. И Грот, и Челпанов считали невозможным существование психологии, построенной на разделении «внешнего

и внутреннего» и выступали за идею их синтеза. Вундт, впервые создавший лабораторию психологического эксперимента, принимал «за сущность души непосредственную действительность самих процессов» [3, с. 366]. Тейхмюллер считал ошибкой поиски подлинной реальности вне бытия мыслящего субъекта. Р. Лотце выступал против гипостазирования философских идей. В — целом, позитивизм отрицает и сущность и субстанцию, предпочитая иметь дело с реальностью явлений, не разбирая теоретически их сути.

И. Гербарта, отвергающего теорию способностей Х. Вольфа, по праву считают его основным теоретическим оппонентом. Ученый выступал за цельное, единое представление о душевной деятельности. Но Герbart и его ученики не отвергали опыта. Об этом говорит и название труда ученого: «О психологии как науке, вновь опирающейся на опыт, метафизику и математику» (1825). Как видно из названия, И. Герbart считал, психология должна строиться именно на опыте, но из опыта он исключал эксперимент как нравственно противоречащий человеку. Именно нравственность он считал непреложной основой души человека. И. Герbart и его ученики будучи сторонниками ассоциативной психологии, предпочитали экспериментам наблюдение, самонаблюдение, анализ продуктов деятельности: фактов, явлений сознания. Основой практического анализа Герbart считал математические методы. С их помощью он выводил точные данные измерений представлений, имеющих качественные и количественные характеристики.

Необходимо отметить, что «чистая» философия, как и психология, также выказывала в это время полярные взгляды на вопросы нравственных ценностей, но уход от метафизики с уклоном в «психологизм» — общая черта философии этого периода. «Истина», «понятие», «цель», «единство» — все это теряло смысл с расчленением «единства множества на множественность индивидуальностей», принятием такой «расчлененной множественности» как основы мировоззрения. Перекося в сторону индивидуальности исключал «общий характер» бытия, создавал смысловую неровность. Его непреходящие ценности оказались внезапно не соответствующими ценностям индивидуальным, которые приобрели во многом утилитарное направление. А если так, то вопрос о нравственности эксперимента решался сам собой, естественным путем. «Чистый эксперимент» стал претендовать на место истины всеобщего характера. Философскую основу этого выпадения человека из общей системы нравственных ценностей в большой степени подготовил Ф. Ницше: «Если принять те два положения, что путем становления ничего не достигается и что под всем становлением нет такого великого единства, в котором индивид мог бы окончательно потонуть, как в стихии высшей ценности, то единственным исходом остается возможность осудить весь этот мир становления как марево и измыслить в качестве истинного мира новый мир, потусторонний нашему. Но как только человек распознает, что

этот новый мир создан им только из психологических потребностей и что он на это не имел решительно никакого права, возникает последняя форма нигилизма, заключающая в себе неверие в метафизический мир, запрещающая себе веру в истинный мир. С этой точки зрения реальность становления признается единственной реальностью и воспрещаются всякого рода окольные пути к скрытым мирам и ложным божествам, но, с другой стороны, этот мир, отрицать который уже более не хотят, становится невыносимым» [8, с. 251].

Насколько мир может стать невыносимым, могут рассказать авторы многих психологических экспериментов XX века, (например, «Эксперимент Милгрема» (1974), «Воспитание мальчика как девочки» (1965–2004), «Эксперименты Лендиса» (1924), «Стэнфордский тюремный эксперимент» (1971), «Ужасный эксперимент Джонсона — Тюдор» (1939) в том числе и над детьми, произведенные именно теми, кто не мог или не хотел признавать общечеловеческие ценности, кто пытался заниматься ценностями «чистой науки», не беря в расчет ценность самого человека, его потребность в высшей нравственности и справедливости. Многие из экспериментов, проведенных в Америке, повторились во время Второй мировой войны в нацистской Германии. Они долгое время буквально потрясали Европу своей циничностью, хотя авторы и не предполагали, что результаты будут столь ошеломляющими и вызовут большой общественный резонанс. Разумеется, науку, как результат работы мысли, остановить невозможно и работа психологов, в том числе экспериментальная, должна продолжаться. Но тем более, мы можем сейчас здраво оценить, куда могут завести человечество опасные эксперименты и поставить их под контроль соответствующих комиссий и компетентных органов. А для этого должен быть создан не только общественный резонанс *post factum*, но и вызывающий общественный резонанс определенный взгляд общества, имеющий ввиду ценность человеческой нравственности как органичную часть мира.

Таким образом, изучение деятельности таких философов как Декарт, Лейбниц, Френсис Бэкон, Дж. Локк, И. Кант, Х. Вольф, Герbart, и многих других, дает нам право говорить, что хотя в дальнейшем их идеи претерпели существенные изменения в процессе развития и становления психологической экспериментальной науки, но их вклад в дело нравственного подхода к научному психологическому эксперименту можно назвать достаточно весомым. И хотя со временем, примерно с 19 века, наступил некий позитивистский перекося, надо признать, что большинство психологических экспериментов без опоры на философскую психологию 18 века не имели бы надежной оперативно-доказательной логической базы. Необходимость поверять научно-экспериментальную базу системными разработками в области философии нравственности делает соединение философии и экспериментальной психологии делом первостепенной важности. Новейшие разработки

философов и психологов, например, Мак Кена и его оппонента Д. Перебума в области в вопросах воли свободы и детерминации процесса мышления, Дж. Кима, Дж. Серла в области философии сознания, скорее всего заставят нас вспомнить хорошо забытое старое и вернуться к идеям объединения психологии и философии. Именно это мы уже сегодня наблюдаем в совместных разработках физиологов, психологов и философов, посвященных изучению мышления и сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин, А. О граде Божием: [в 2 т.] / А. Августин; перевод с латинского. — Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. — 2 т. (595, 586 с.). — (Творения; т. 3, 4). — Текст: непосредственный.
2. Бреусенко-Кузнецов, А. А. Проблема опыта в мировых философских традициях и отечественной метафизической психологии / А. А. Бреусенко-Кузнецов. — Текст: непосредственный // Теоретичні дослідження у психології. — Киев, 2017. — Том II.
3. Вундт, В. Очерк психологии / В. Вундт; перевод с немецкого. — Москва: Типография Товарищества Кушнерев и К°, 1897. — 389, 49 с. — Текст: непосредственный.
4. Грот Н. Я. Основания экспериментальной психологии // Вундт В. Очерк психологии. — М.: Тип. Товва Кушнерев и К., 1897. — С. 1–49.
5. Декарт, Р. Рассуждения о методе с приложениями: Диоптрика, Метеоры, Геометрия / Р. Декарт; перевод с латинского. — Москва: АН СССР, 1953. — 65 с. — Текст: непосредственный.
6. Лейбниц, Г. В. Сочинения. В 4 т. Т. 1 / перевод с латинского, французского, немецкого. — Москва: Мысль, 1982. — 636 с. — Текст: непосредственный.
7. Локк, Дж. Опыт о человеческом разуме / Дж. Локк; перевод с английского. — Москва: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1898. — 736 с. — Текст: непосредственный.
8. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. — М.: Культурная революция, 2008. — 758 с. — Текст: непосредственный.
9. Тихонова, Э. В. Психологическая лаборатория Вильгельма Вундта в Лейпциге: история и современность / Э. В. Тихонова. — Текст: непосредственный // Социальная и экономическая психология. — 2020. — Том 5, № 3 (19). — С. 250–268.
10. Челпанов, Г. И. Мозг и душа: Критика материализма и очерк современных учений о душе / Г. И. Челпанов. — 6-е изд. — Москва; Петербург: Думнов-наследники Салаевых, 1918. — 319 с. — Текст: непосредственный.

Каирова Мадина Темуркановна,
Психоаналитически ориентированный психолог,
супервизор, преподаватель высшей школы,
кандидат в групповые аналитики,
kai-madina@yandex.ru

СЪЕСТЬ, ЧТОБЫ ОБЛАДАТЬ: ИНКОРПОРАЦИЯ ПРИ РАССТРОЙСТВАХ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье расстройства пищевого поведения рассматриваются как психосоматический ответ на раннюю травму, связанную с инвазивным материнским объектом. Автор опирается на психоаналитическую теорию, показывая, как инкорпорация «плохого объекта» ведёт к расщеплению, диссоциации и отчуждению тела, которое становится ареной для регуляции невыносимых аффектов. Защитный процесс разворачивается в два этапа: сначала психическая боль блокируется диссоциацией, затем отыгрывается телесно — через голодание, обжорство или очищение (например, рвоту). На основе двух клинических виньеток демонстрируется, как аналитическая работа способствует деинкорпорации, интеграции расщеплённых частей «Я» и переходу к intersубъективным отношениям.

Ключевые слова: расстройства пищевого поведения, инкорпорация, инвазивный объект, деинкорпорация, ранняя травма, intersубъективность.

Madina T. Kairova

EAT TO POSSESS: INCORPORATION IN EATING DISORDERS

In the article, eating disorders are conceptualized as a psychosomatic response to early trauma associated with an invasive maternal object. Drawing on psychoanalytic theory, the author illustrates, how the incorporation of a «bad object» leads to splitting, dissociation, and bodily alienation, transforming the body into an arena for regulating unbearable affects. This defensive process unfolds in two stages: first, psychic pain is blocked through dissociation; subsequently, it is enacted somatically — through starvation, bingeing, or purging (e.g., vomiting). Based on two clinical vignettes, the paper demonstrates how analytic work facilitates de-incorporation and the integration of split-off parts of the self, enabling a shift toward intersubjective relatedness.

Keywords: eating disorders, incorporation, invasive object, psychosomatics, de-incorporation, early trauma, intersubjectivity.

Метафора пищеварения и метаболизма глубоко укоренена в психоаналитической теории для описания психических процессов усвоения, переработки и интеграции опыта. В данной работе я попытаюсь обрисовать способ, которым символическое функционирование подрывается и в определенных случаях ведет к серьезным нарушениям пищевого поведения, таких как анорексия и булимия.

В основе расстройств пищевого поведения лежит опыт инкорпорации объекта с инвазивными тенденциями, который в крайних формах может приводить к границе психоза и соматизации. Под «инкорпорацией инвазивного объекта» я подразумеваю примитивную интродекцию аспектов объекта, который создает ощущение затопления объектом.

При нормальных обстоятельствах инкорпорация представляет собой самый ранний способ установления отношений, при котором младенец чувствует себя единым целым с материнским объектом и ещё не осознаёт собственной отдельности [6]. Если развитие протекает относительно беспрепятственно, этот опыт постепенно трансформируется и уступает место более зрелым формам психической организации. Однако при наличии препятствий переживание первичной связанности может сохраняться на уровне нечёткой границы между интересубъективной связью и поглощением — там, где одна личность рискует быть поглощённой другой [9]. Такая форма протоидентификации, возникающая в раннем младенчестве, согласно Ш. Ференци [7], является следствием преждевременного контакта, в котором материнское вмешательство опережает готовность младенца к контакту, например, когда мать навязывает взаимодействие, требуя эмоциональной реакции, или проецирует свои ожидания до того, как у ребёнка сформированы способности к восприятию, регуляции или ответу.

Импульс к инкорпоративному слиянию с объектом выступает как защита от тревоги уничтожения самости, сопровождающейся переживанием примитивной агонии и, как следствие, крайнего замешательства или дезинтеграции. Эта идея обсуждалась в работах М. Кляйн [4], Д. Винникотта [3] и др.

Личность, подвергшаяся ранней травме, вынуждена формироваться вокруг организации защит психосоматического расщепления и отчуждения. Её фоновая непрерывность «бытия» [3, с. 30] оказывается прерванной, можно сказать, что такой человек живёт в состоянии психического небытия с потерей части самого себя.

Недавние достижения в области неврологии позволяют предположить, что нарушения психосоматической регуляции у младенцев в течение первого года жизни могут свидетельствовать о нарушении функций коры головного мозга в лобно-височных областях [11]. Долгосрочные неврологические и психологические последствия инвазивного опыта могут иметь важное значение для понимания глубоких нарушений психического развития.

Можно предположить, что защитный процесс у лиц с расстройствами пищевого поведения развивается в два этапа: на первом — диссоциация предотвращает переживание душевной боли; на втором — переводит боль в телесное отыгрывание. Личность с расстройством пищевого поведения ментально отчуждает своё тело и использует его как объект. Я полагаю, что пищевое самоповреждение (ограничение, переедание, очищение) выполняет

успокаивающую и стабилизирующую функцию, защищая субъект от невыносимых состояний внутреннего напряжения.

Ш. Ференци [7] проводил сравнение такого самодеструктивного обращения с телом с «автотомией» некоторых низших животных, которые жертвуют одной частью тела для спасения всего организма. Эту метафору впоследствии развил П. Куттер [9], введя понятие «ампутированных репрезентантов частей тела» [9, с. 2]. Он утверждал, что «части телесных репрезентантов преподносятся объекту в качестве жертвы, чтобы спасти Я» [9, с. 3]. Таким образом, расстройств пищевого поведения возникают при слабой работе психического аппарата и подавлении эмоционального опыта в попытке самоисцеления, становясь объектом психического инвестирования, вокруг которого объединяются влечения.

С точки зрения защитного процесса, хрупкие депрессивные девушки с анорексией, воспринимающие себя как «толстых», выражают внутреннюю правду: внутри них обитают неосознанные, гигантские эмоции, которые в фантазии принимают форму преследующего и разрушительного внутреннего объекта [8]. Этот объект удерживается внутри, но вызывает страх мести и разрушительных последствий [1]. Поэтому они пытаются контролировать «плохой объект», уморив его голодом и уменьшив до безопасных размеров.

В то время как при анорексии борьба идёт с собственным весом, при булимии эта борьба переносится на другое поле: еда становится одновременно желанной и угрожающей. Сначала она ассоциируется с позитивным, утешающим объектом. Однако, по мере нарастания вожделения, процесс поглощения выходит из-под контроля, приобретая агрессивный, уничтожающий характер. Как только еда инкорпорирована — в буквальном смысле проглочена, она трансформируется во внутреннего «плохого объекта», угрожающего ассимиляцией, слиянием и захватом власти над субъектом. И тогда еда должна быть исторгнута.

Большинство пациенток с булимией испытывают острое чувство стыда после цикла обжорства и очищения. Во-первых, потому что они воспринимают себя как слабых и зависимых. Во-вторых — на бессознательном уровне — из-за чувства вины за символическое убийство объекта. Булимический цикл в целом характерен для пограничной организации психики: объект сначала идеализируется и вызывает вожделение, но при сближении становится «слишком сильным», обесценивается и воспринимается как угрожающий. Поэтому негативные терапевтические реакции неизбежны в терапии булимии. Терапия, терапевт или отдельная сессия могут переживаться как вторгающиеся, поглощающие, угрожающие целостности «Я». Часто булимические эпизоды возникают непосредственно перед сессией как магический способ «держать терапевта в узде». Рвота после сессии может служить попыткой исторгнуть «пищу терапии». Даже если сессия была

«хорошей», амбивалентное отношение к объекту делает её потенциально опасной.

Проиллюстрирую свои тезисы краткими клиническими виньетками.

Виньетка 1

Надежда, 32-летняя женщина (имя и возраст изменены), с диагнозом анорексия и шизотипическое расстройство личности, проходила параллельно психоаналитическую терапию и медикаментозную поддержку у психиатра. Тихая, с апатичным голосом, наши встречи часто проходили в молчании. Со временем атмосфера смягчилась, и на смену молчанию пришли каннибалистические фантазии с образами чудовищ, вампиров и призраков, символизируя её подавленные потребности и желания. Это ставило передо мной ряд клинических вызовов. Надежде было необходимо моё постоянное присутствие — физическое и ментальное. Её сепарационная тревога была столь интенсивной, что превращала меня в «плохой объект», вызывая ярость у Надежды. Она фантазировала, что «проглатывает» меня, чтобы поддержать фантазию симбиоза и избежать боли расставания. В такие кризисные встречи моей задачей становилось удержание контакта с ней не через симбиоз, а через создание «унисона» интерсубъективности объектных отношений, давая признание ее ярости в мой адрес.

Постепенно расщеплённый аспект её «Я», связанный с нарциссической разрушительной яростью, начал «метаболизироваться», увеличивая ее способность переносить взрывные аффекты. Эмоциональная связь между нами укрепилась, формируя у Надежды опыт здоровой зависимости в терапевтических отношениях. Её симптомы смягчились по мере проработки самых ранних психотических аспектов ее личности, страдающих от невыносимого переживания разочарования вследствие непризнания её агрессивных импульсов.

Виньетка 2

Галина, молодая женщина 26 лет (имя и возраст изменены), страдала булимией. На момент обращения количество приступов доходило от трех до шести в день. Несмотря на тяжесть состояния, она так строго контролировала своё поведение, что даже близкие не подозревали о болезни. Первый год терапии был крайне нестабильным, Галине сложно было соблюдать сеттинг, она часто опаздывала или вовсе пропускала сессии. Во время встреч Галина иногда впадала в спутанные, почти галлюцинаторные состояния, вызывавшие у неё крайнее замешательство. Только спустя длительное время она смогла довериться настолько, чтобы признаться, какие страдания причиняли ей мое присутствие и ожидание агрессивного вторжения. В детстве она пережила глубокую эмоциональную депривацию: мать, страдавшая алкоголизмом, не могла быть надежным и безопасным родителем, проявляя к дочери жестокость во время агрессивных вспышек. Долгое время мне приходилось балансировать на тонкой грани между сильнейшей тревогой

Галины, что я откажусь работать с ней, и такой же тревогой насильственного вторжения моим присутствием. Но когда и этот этап был преодолен, последовала большая работа, которая постепенно позволила Галине лучше регулировать свои эмоции, ее булимические приступы постепенно сошли на нет.

У пациентов в представленных виньетках инкорпоративные состояния проявились в форме анорексии и булимии. Я предположу, что их психосома подверглась травматическому разрушению в первые годы жизни вследствие интрапсихического замешательства. Появление инвазивных объектов при лечении часто рассматривается как непредсказуемое и основанное на неорганизованных паттернах привязанности [11]. В аналитическом процессе переход от инкорпоративных отношений к интерсубъективной связи с объектом может переживаться как катастрофа, поскольку это приравнивается к потере постоянного чувства собственного «Я» вплоть до переживаний психотического замешательства, поскольку происходит процесс деинкорпорации и дезидентификации. Без этого инвазивный объект остается активным в бессознательном. Пациент может атаковать терапевтический процесс, чтобы предотвратить переживание катастрофических изменений [2]. Работа терапевта требует терпения и знания, что изменения могут быть болезненными и приходится постоянно и кропотливо поддерживать контакт с этими пациентами для поддержания, усиления и упрочнения их хрупкого «Я», уважая их потребность в самозащите против чрезмерной стимуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрахам, К. Психоаналитические труды / К. Абрахам. — Москва: Изд-во ERGO, 2009. — 376 с. — Текст: непосредственный.
2. Abraham, N. The Shell, the Kernell / N. Abraham, M. Torok. — Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994. — 259 p. — Текст: непосредственный.
3. Бион, У. Внимание и интерпретация / У. Бион. — Москва: Изд-во Beta 2 Alpha, 2023. — 208 с. — Текст: непосредственный.
4. Винникотт, Д. Игра и реальность / Д. Винникотт. — Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 208 с. — Текст: непосредственный.
5. Кляйн, М. Вклад в психогенез маниакально-депрессивных состояний (1935) / М. Кляйн. — Текст: электронный. — URL: <https://psychoanalysis.pro/lib/klyain/k1.htm> (дата обращения: 05.10.2025).
6. Малер, М. Психологическое рождение человеческого младенца: симбиоз и индивидуация / М. Малер. — Москва: Когито Центр, 2018. — 413 с. — Текст: непосредственный.
7. Ференци, Ш. Тело и подсознание. 1921 / Ш. Ференци. — Текст: электронный. — URL: https://www.psychol-ok.ru/lib/ferenczi/tip/tip_01.html (дата обращения: 05.10.2025).
8. Ференци, Ш. Путаница языков взрослого и ребенка. Язык нежности и страсти. 1932 / Ш. Ференци. — Текст: электронный. — URL: <https://psychoanalysis.by/2018/03/20/article-7/> (дата обращения: 05.10.2025).
9. Ферро, А. Избегание эмоций, проживание эмоций / А. Ферро. — Москва:

Издательство Beta 2 Alpha, 2023. — 320 с. — Текст: непосредственный.

10. Хирш, А. Телесная диссоциация как последствие травмы / А. Хирш. — Текст: электронный. — URL: <https://psyjournal.ru/articles/telesnaya-dissociaciya-kak-posledstvie-travmy> (дата обращения: 03.10.2025).

11. Fonagy, P. Relational Psychoanalysis. Volume 2 / P. Fonagy, M. Target. — New York: [s.n.], 2005. — 512 p. — Текст: непосредственный.

АРХАИЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 003.23:298.9

Черновская Евгения Сергеевна,
магистрант
РХГА им. Ф. М. Достоевского;
woltschitsch@gmail.com

ВОСПРИЯТИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЕ И НЕОЯЗЫЧЕСТВЕ ГЕРМАНО- СКАНДИНАВСКОГО ТОЛКА

Символическое значение религиозных предписаний, принципов, ритуалов и текстов со всем их культурным и контекстуальным многообразием занимает умы учёных, философов и теологов с тех пор, как религия вообще стала рассматриваться сквозь призму аналитического подхода, в разной степени привычного для исследовательского аппарата современности. В XX в. применение многослойного герменевтического, структурно-семиотического подходов, интертекстуального анализа стало своего рода «золотым правилом» во всех областях наук о человеке. В контексте изучения религий нынешнего дня семиотический ряд, свойственный определённой религии или объявляемый носителями соответствующих убеждений свойственным их религии, рассматривается с позиции как развития и объяснения внутри группы, так и со стороны внешнего наблюдателя, по-своему определяющего значение данного ряда или определённого символа. Настоящая статья посвящена сравнению представления о символическом содержании знаков ранней германской письменности в среде носителей новоязыческой религиозной идентичности, в массовой культуре и в академической среде.

Ключевые слова: руны, футарк, новое язычество, германо-скандинавский поли-теизм, готицизм, ставы, германистика.

Yevgenia. S. Chernovskaya,

THE PERCEPTION AND EXPLANATION OF THE SYMBOLIC MEANING OF RUNES IN HEATHENRY/NORSE PAGANISM AND POPULAR CULTURE TODAY

The symbolic meaning of religious precepts, principles, rituals and texts, with all their cultural and contextual diversity, has occupied the minds of scholars, philosophers and theologians ever since religion began to be examined through the lens of an analytical approach, which is not always appropriate to modern research. In the 20th century, the application of hermeneutical, structural semiotic and intertextual approaches became a kind of “golden rule” in all areas of the human sciences. In the context of the study of contemporary religions, the semiotic sequence that inherents to a particular religion, or declared by those who hold these beliefs to be inherent to their religion, is examined

both from the perspective of development and explanation within the group and from the perspective of an external observer, who determines the meaning of a given sequence or a particular symbol in their own way. This article compares the understanding of the symbolic content of early Germanic written signs among representatives of Neo-Pagan religious views, as well as in popular culture, and within the academic community.

Keywords: runes, futhark, Neo-Paganism, Heathenry, polytheism, Gothicism, staves, German studies.

В рамках настоящего исследования, прежде всего, следует обозначить ориентиры, необходимые для предметного изучения символики интересующей системы знаков. Логически обоснованной последовательностью рассуждения в данном случае можно считать переход от исторического экскурса к рассмотрению академических штудий, затрагивающих как чисто лингвистическую сторону вопроса, так и историко-культурологический контекст использования обозначенной языковой системы [12]; [16]; после следует возвратиться к современности и тому месту, которое в оной занимает руническая письменность — без разграничения заинтересованных в том или ином использовании данной письменности людей по религиозным признакам [13]; таким образом, наметится поле для формирования объективной оценки процесса конституирования особого семиотического поля, наблюдаемого в среде представителей германо-скандинавского нового язычества.

В общем смысле под рунической письменностью в академической среде понимается алфавитная система, применявшаяся на территории расселения германских народов, прежде всего в Скандинавии, с начала новой эры до XIII в. (не считая отдельных регионов, где наблюдалось спорадическое использование рун в неформальном контексте вплоть до XX в. [10]). Несмотря на существование публикаций, которые включают в категорию рунического письма лингвистические памятники других культур, здесь эта тенденция будет оставлена за скобками, как местами неточная с академической позиции и не имеющая связи с современным «северным язычеством». Особенностью рунического алфавита является его особый порядок, который подразумевается под словом «футарк» — этот термин происходит от первых шести букв алфавита (f — fehu, u — uruz, þ — þurisaz, a — ansuz, r — raido, k — kenaz в старшем, т.е. раннем футарке). Спор об обоснованности обращения к более ранней или более поздней алфавитной системе в контексте трактовки символического смысла рун характерен скорее не для историко-лингвистического поля исследований, но для адептов изучения магического символизма — в первую очередь, первой половины XX в. и далее. Например, профессор Михаэль Шульте из норвежского университета Агдера полагает, что переход от старшего к младшему футарку в первую очередь обусловлен принципом экономии языковых усилий, и весьма критически отзываясь о попытках известного исследователя исконно скандинавской религии Магнуса Олсена объяснить изменение алфавита через потребность в актуализации его магического применения: «По мнению Олсена, магическое значение числа “восемь” и его

воспроизведений имеет важное значение не только для осмысленных (т.е. семантически читаемых) рунических надписей, <...>, но и для самих футарков. <...> Однако проблема с числом “восемь” заключается в том, что средневековые футарки напрямую продолжают трёхкомпонентную систему более раннего футарка. <...> Ещё одно возражение касается статуса “восьмёрки” в германских языках. Священным числом в древнегерманском языке было не “восемь”, а “девять”» [14]. В целом, скандинавская филология и лингвистика на данном этапе продолжает быть в некотором смысле областью недосказанного, происходящего из объективных эпистемологических проблем — к примеру, вынужденность работать с «пересказами» литературных памятников [11]. В сущности, эта недосказанность во многом порождает специфическое восприятие вопроса изучения письменных источников не-специалистами, что будет показано далее [3].

В качестве точки отсчёта изучения рун как магических символов, вплетённого в языковедческое или историческое повествование, часто упоминается XVII в., когда была написана Адалруна (ориг. *Adulruna Rediviva*). Автор Адалруны, Йоханнес Буреус, известен как один из наиболее ранних рунологов и видный идеолог готицизма — культурного движения, имевшего особое влияние в Швеции после успехов в Тридцатилетней войне и утверждающего шведскую преемственность наследия готов, согласно убеждению сторонников движения, происходивших с острова Готланд. В начале XIX в., благодаря работе литературного клуба «Готический союз», готицизм трансформировался в движение, делающее упор на необходимость обращения шведского общества к «духу викингов» [7]. Й. Буреус выдвинул версию о существовании двух типов рун: алфавита для чисто языковых нужд и системы магических знаков, истинный смысл которых невозможно раскрыть без соответствующей подготовки [9]. В связи с этим стоит упоминания тот факт, что Буреус интересовался оккультизмом, в частности, деятельностью его современников розенкрейцеров [8]. Самым ранним описанием использования рун в магических целях также иногда считается упоминание Тацитом в его «Германии» гадания по жеребьёвым палочкам с предварительным вырезанием на них неких символов. В настоящее время это свидетельство в основном отвергается как в академической литературе, так и среди «новых язычников» — в учёт берётся и время и условия написания труда римского историка, и невозможность определить, какие именно это были знаки [15]. Порой со всей определённости неоязыческие ресурсы ставят под сомнение не только подобные исторические упоминания, но и существование практики гадания по рунам вообще, подвергая эту версию историко-филологической критике — к примеру, так поступает Варг Викернес (не отрицающий, однако, божественной сути рун) [1]. Тем не менее, упоминания гадательных практик германцев I в., которые связываются авторами именно с использованием рун, встречаются по сей день, в т.ч. в конфессионально обусловленных критических публикациях [6].

Резюмируя вышеперечисленное, можно сделать следующий вывод: нельзя утверждать, что в академической среде достигнут некий консенсус относительно исторической достоверности применения рун в мантических целях — в то время как многие кажущиеся очевидными ранее свидетельства в настоящее время пересмотрены, доказательства обратного сталкиваются с классическими проблемами изучения эпох, после которых сохранилось небольшое количество письменного материала или он не сохранился вовсе; в случае с использованием рун также имеются опосредованные свидетельства убеждённости современников в их магических свойствах (помимо упоминания Тацитом, сюда относится описание свойств рун в «Речах Регина» в составе Старшей Эдды). В неоязычестве германо-скандинавского толка на сегодняшний день дискуссия приняла тот же характер, что и в научных кругах, с той разницей, что часть адептов (под таким неоязычеством понимаются самые разнообразные направления) придерживается мнений ранних исследователей рун, в некоторых случаях схожих с представлениями Йоханнеса Буреуса, другая же часть довольно уверенно сближается с актуальным научным взглядом на руны как алфавитную систему, которой впоследствии были приданы дополнительные смыслы, что произошло спустя четыреста и более лет с окончания эпохи викингов. Ниже будут рассмотрены варианты символической трактовки и практического приложения рун среди современных язычников.

В наши дни получение практически любой информации касательно религиозных и магических элементов разных культур детерминировано характером её поиска — через системы сети «Интернет». Одна из особенностей подобного поиска — первоочерёдное нахождение сведений коммерческого свойства. При изучении такого феномена, как использование рун в магических целях, подобные сведения оказываются бесполезными — это позволяет шире изучить мейнстримные тенденции, не определяемые сходу как собственно неоязыческие в конкретном германо-скандинавском изводе. Территория дискуссий относительно рунической символики чаще принадлежит новым язычникам, но рынок данной символики охватывает широчайшую аудиторию. Если нанесение рунических татуировок по сей день ассоциируется с принадлежностью к какой-либо ветви неоязычества, то многочисленные руководства по магии рун, в т.ч. в виде онлайн-курсов уже невозможно определить как предназначенные определённому, в какой-то степени закрытому кругу людей. Трактовок значения каждой руны, преимущественно старшего футарка, в настоящий момент великое множество, поэтому следует остановиться на нескольких их видах. Первый можно назвать мейнстримным, или масскультовым, без указания на религиозную принадлежность авторов и приверженцев подобных трактовок. Показательным в этом случае будет пример из книги «Руны. Полный курс» Ольги Корбут (по собственному определению, рунолога и практика): «Ансуз — усиление магических заклинаний, способность использовать магию слова, заговора, ветра, стихию Воздуха.

Помогает общаться с природными духами. <...> Райдо — движение к саморазвитию, открытые дороги, направление пути. <...> Беркана также является хорошим оберегом от сглаза ребенка и от плохих завистливых мыслей, направленных на ребенка и на его маму» [2]. Руны обычно предлагается связывать в ставы, или стафиры (рунические комбинации). Интересно, что при поисковом запросе «став» автоматические ответы с использованием технологии искусственного интеллекта подразумевают, что ставы превосходят отдельные руны в магической действенности, однако ссылки на немагическое изучение данных знаков подобные ответы не содержат (информация 2026 г.). Новостной портал «Ямал-Медиа» имеет публикацию под заголовком «Руны детям не игрушка», где со ссылкой на собеседника, представленного как эзотерик, приводится такая цитата: «Взаимодействовать с рунами может далеко не каждый. Во-первых, этого может не позволить какой-то эгрегор, например, христианский. Христианство и скандинавские боги не совсем ладят между собой, поэтому могут быть нестыковки», а также содержится предупреждение об опасности применения случайных ставов из интернета [5].

Приведённый выше пример из руководства по использованию рун является крайне показательным для понимания массового восприятия их символизма. В основном руна трактуется в соответствии с условным её переводом, который может быть представлен в т.ч. в методических материалах по германистике [4]. Такие переводы также отличны друг от друга в деталях, но обыкновенно отражают простые идеи, выраженные одной или двумя лексемами, которые затем преобразуются в более сложные по ассоциативному принципу, и в таком виде представляются в разнообразных руководствах и в своего рода памятках, притом последние не всегда очевидным образом подразумевают магическое применение рун.

Несколько иная картина складывается в среде последователей германо-скандинавского политеизма. Вследствие большего запроса на историческую достоверность вводимых в обиход практик, некоторые асатруар (одно из направлений скандинавского неоязычества) в принципе отходят от практики Асатру, которая исторически ассоциировалась с большим вниманием к историческим деталям и в последние годы претерпела изменения, не позволяющие на данный момент назвать её самой «историкоориентированной» внутри политеизма данного типа. В данном случае активно критикуется подход Й. Буреуса и его идейных последователей, содержащий в себе восприятие рун через призму необходимости разгадывать их священный смысл. Другие представители скандинавской ветви политеизма одобряют использование защитных рун, рассматривая его как действенную для конкретного индивидуума практику, но одновременно могут не приветствовать некоторые руководства, например, «Книгу рун» Ральфа Блюма. Это отторжение может быть связано и с одиозностью некоторых фигур в германо-скандинавском новом язычестве, и с нежеланием смешения с мейнстримными течениями в духе Нью-эйдж.

Таким образом, восприятие и объяснение символического значения германской рунической письменности в неоязычестве германо-скандинавского толка попадает в своего рода зависимость от всей массы академических исследований на данную тему из-за самой специфики позиционирования данных религиозных движений как «традиционных» и следующих «старому пути», что налагает на носителя обязательство искать исторические основы отправления неких религиозных культов — обязательство разной степени необходимости в различных же направлениях рассматриваемой группы религиозных течений. Применение магии рун в популярной культуре не находится в подобной зависимости: в данном случае это скорее вспомогательная практика, представляющая интерес для широкой аудитории, находящейся в поиске религиозных и магических инструментов воздействия на повседневную жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Викернес, В. Взгляд из Туле. Божественные руны / В. Викернес. — Текст: электронный // Burzum.org: [сайт]. — URL: https://burzum.org/rus/library/thulean_perspective/the_divine_runes.shtml (дата обращения: 11.02.2026).
2. Корбут, О. Руны. Полный курс / О. Корбут. — Москва: Эксмо, 2023. — 51–55 с. — Текст: непосредственный.
3. Которова, А. В. Руны: обзор современного положения рунологии как научной дисциплины и значимость рунических поэм / А. В. Которова. — Текст: непосредственный // 27-я межвузовская конференция «Студент — Исследователь — Учитель». — Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2025. — 6 с.
4. Руны. — Текст: электронный // Введение в германскую филологию: [сайт]. — URL: <http://vved-v-germ-phil.cvsw.ru/alphabeth-run-got.html> (дата обращения: 12.02.2026).
5. Руны детям не игрушка: как правильно с ними работать, чтобы не создать себе проблем. — Текст: электронный // Yamal.media.ru: [сайт]. — URL: <https://yamal-media.ru/narrative/runy-detjam-ne-igrushka-kak-pravilno-s-nimi-rabotat-chtoby-ne-sozdat-sebe-problem> (дата обращения: 12.02.2026).
6. Руны — ступень на пути к колдовству и неоязычеству. — Текст: электронный // Телеканал «Спас»: [сайт]. — URL: <https://spastv.ru/runy-stupen-na-puti-k-koldovstvu-i-neoyazychestvu/> (дата обращения: 12.02.2026).
7. Burnett Benson, A. The Old Norse Element in Swedish Romanticism / A. Burnett Benson. — New York: Columbia University Press, 1914. — Pp. 42–28. — Текст: непосредственный.
8. Flowers, S. E. Johannes Bureus and Adalruna / S. E. Flowers. — Текст: электронный // Gangleri.nl: [сайт]. — URL: <https://gangleri.nl/bookreviews/274/johannes-bureus-and-adalruna-stephen-e-flowers-1998-runa-raven-press/> (дата обращения: 11.02.2026).
9. Håkansson, H. Alchemy of the Ancient Goths: Johannes Bureus' Search for the Lost Wisdom of Scandinavia / H. Håkansson. — Текст: непосредственный // Early Science and Medicine. — 2012. — Vol. 17, no. 5. — P. 500–522.
10. Jans, I. Daunoras svanesång / I. Jans, R. Lundqvist, S. Welinder. — Текст: непосредственный // Fornvännen / The Royal Swedish Academy of Letters, History

and Antiquities. — 2015. — Vol. 182. — P. 43–47.

11. Males, M. Textual criticism and Old Norse philology / M. Males. — Текст: непосредственный // *Studia Neophilologica* / Department of Modern Languages at Uppsala University. — 2023. — Vol. 95, no. 2. — P. 180–204.
12. Ohrvik, A. Magic and Texts: An Introduction / A. Ohrvik, A. Guðmundsdóttir. — Текст: непосредственный // *Nordic Yearbook of Folklore* / Kungliga Gustav Adolfs Akademien för svensk folkkultur. — 2014. — Vol. 70. — P. 7–14.
13. Runische Schriftlichkeit in den germanischen Sprachen (RuneS). — Текст: электронный // Niedersächsische Akademie der Wissenschaften zu Göttingen: [сайт]. — URL: <https://adw-goe.de/forschung/forschungsprojekte-akademienprogramm/runische-schriftlichkeit/> (дата обращения: 11.02.2026).
14. Schulte, M. The transformation of the older fuþark. Number magic, runographic or linguistic principles? / M. Schulte. — Текст: непосредственный // *Arkiv för Nordisk Filologi* / Lunds universitet. — 2006. — Vol. 121. — P. 41–74.
15. Were Divination Runes Historically/Traditionally crafted with a Square or Round Shape? — Текст: электронный // Reddit: [сайт]. — URL: https://www.reddit.com/r/runes/comments/15x94hg/were_divination_runes_historicallytraditionally/ (дата обращения: 11.02.2026).
16. Wilbur, T. H. The word “Rune” / T. H. Wilbur. — Текст: непосредственный // *Scandinavian Studies*. — 1957. — Vol. 29, no. 1. — P. 12–18.

Грацианова Таисия Эдуардовна,
магистр
РХГА им. Ф. М. Достоевского,
GratsiaTais@yandex.ru

ГРИГОРИЙ НИССКИЙ И ДЖОН ХОТ: ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ

В данной статье проводится небольшой сравнительный анализ творения богослова и философа эпохи раннего христианства св. Григория Нисского «Защитительное слово о Шестоднев» с исследовательской работой нашего современника, одного из наиболее известных католических сторонников богословия процесса, основателя Джорджтаунского центра по изучению науки и религии, Джона Хота «Бог после Дарвина. Богословие эволюции». О том, как перекликаются голоса двух богословов разных эпох, в чем пересекаются их мнения, в каких аспектах они дополняют друг друга и о том, противоречит ли естественно-научный взгляд строго религиозному — наша статья.

Ключевые слова: Григорий Нисский, Джон Хот, процесс творения, механизм эволюции информация, метафизика будущего, наука и религия.

Taisiia E. Gracianova,

GREGORY OF NYSSA AND JOHN HAUGHT: THE DIALOGUE THROUGH THE CENTURIES

This article presents a brief comparative analysis between the early Christian thinker and philosopher Saint Gregory of Nyssa's work «Defense of the Hexaemeron» and the contemporary research work "God after Darwin. A Theology of Evolution" of one of the most prominent Catholic proponents of process theology — John Haught, founder of Georgetown University's Center for the Study of Science and Religion. It explores how these two voices from different eras resonate with each other, where their views intersect, in what aspects they complement each other, and about whether the natural science perspective contradict the strict religious one?

Keywords: Gregory of Nyssa, John Haught, creative process, mechanism of evolution, information, metaphysics of future, science and religion.

Вначале — несколько слов об авторах исследуемых нами текстов для общего знакомства.

Святитель Григорий Нисский — епископ города Ниссы, богослов, философ, отец и учитель Церкви. Один из трёх великих «каппадокийцев» — младший брат Василия Великого, близкий друг Григория Богослова.

Оставил богатое и щедрое письменное наследие. Его сочинения принято классифицировать на догматико-полемиические, экзегетические, нравственно-

аскетические, а также проповеди и письма. Рассматриваемое нами в данной работе «Защитительное слово о Шестодневе» относится ко второй группе текстов [1].

Целью создания своего труда Григорий Нисский ставит прояснение и дополнение некоторых неясностей «Шестоднева» Василия Великого, а наряду с этим и туманностей, противоречивых мест повествования Моисея.

Джон Хот — профессор теологии Джорджтаунского университета, основатель Джорджтаунского центра по изучению науки и религии, автор нескольких книг, касающихся полемики о творении и эволюции. Область специализации — систематическое богословие, а также вопросы, находящиеся на пересечении науки, космологии, экологии и религии. Получил степень доктора философии (PhD) по богословию в Католическом университете Америки. Джон Хот является одним из наиболее известных католических сторонников богословия процесса.

Центральной задачей своей книги «Бог после Дарвина. Богословие эволюции» автор полагает примирение науки и религии в их конфликте на тему происхождения жизни, показывая, что дарвиновская теория эволюции на самом деле совершенно не противоречит идее существования Бога, а наоборот, открывает новый горизонт видения отношений Бога Творца и тварного мира [3].

При более близком знакомстве с нашими авторами, сразу же обращает на себя внимание тот факт, что и святитель Григорий Нисский, и профессор теологии Джон Хот обладают в равной степени богатым запасом естественно-научных знаний — каждый для своего времени — и с большим энтузиазмом применяют его в своих богословских работах.

О самой сути Божественного творческого акта Григорий Нисский размышляет следующим образом: Божественная воля и Божественная премудрость — одно и то же, совокупно с Божественным могуществом, и таким образом действие у Бога нераздельно-слитно с решением Его воли. Могущество Бога и Его премудрость неразрывны, следовательно, несмотря на то, что Сам Бог невещественен, Он, умозрительно зная и таким образом идейно содержа в Себе все свойства материи, проявляет творческую волю воплощать это умозримое Своим могуществом в действительность. Иными словами, сами по себе свойства материи невещественны, суть голые понятия, и каждое в отдельности не может дать вещество, но в совокупности, сочетаясь между собой, эти свойства сообразуются в вещество или материю.

Джон Хот в своей книге пишет о том, что Бог, — бесконечный источник абсолютно всех возможностей, — запускает процесс творения Божественной любовью, самоопустошаясь и одновременно самоустраниаясь от Своего творения. Как бы парадоксально это ни звучало, но могущество Бога-Творца проявляется именно в Его смиренной любви к Своему творению, добровольной уязвимости и незащищенности перед сотворенным, в Его кенозисе.

Своим творческим актом Бог лишь только запускает весь процесс развития материи, а дальше дает тварному миру свободно и творчески осуществляться и самовыражаться. Для обозначения самого этого механизма запуска творческих сил Хот использует любопытную метафору — «информация»: «Хотя в физическом плане информацию невозможно отделить, но логически она отличается от массы и энергии. Информация незримо присутствует в природе и, несмотря на то, что она не обладает массой и энергией, действительно моделирует подчинённые (второстепенные) природные элементы и процессы в иерархически изолированные области» [3, с.80].

На мой взгляд, эта весьма удачно используемая Джоном Хотом метафора и уозримые Богом свойства, о которых пишет святитель Григорий Нисский по смыслу, вкладываемому в них авторами, очень близки. Так как и в одном, и в другом случае это авторское понятие отражает нечто, что само по себе не может быть ничем отдельным, но в определенной совокупности составляет в материю.

Далее, описывая первый акт творения «вначале сотворил Бог небо и землю», святитель Григорий пользуется переводом Акилы [2], употребляющим словосочетание не «в начале», а «в заглавии», и повествует о том, что Бог тем самым положил начала и пределы, основание всему существующему; и где слова «земля же была безвидна и пуста» или «праздна и безразлична» означают не что иное, как то, что в пустоте содержится нераздельная полнота всего, возможности всего, что потом осуществится, вся совокупность будущего разнообразия.

И тут снова интересная параллель с нашим современником: Джон Хот также упоминает пустоту в связи с выражением той незримой и неопишуемой полноты возможностей, которая (по его выражению) «действует в бездействии» [3, с. 89]. Он обращается за средствами для описания этого «активного бездействия» пустоты к понятию Дао в даосизме, чтобы как можно образнее передать «непередаваемое»: «Оно скрывается за сутью всех явлений...», то, что структурирует [3, с. 90].

Здесь уместно подчеркнуть, что Григорий Нисский не случайно использует для своей работы именно перевод Акилы: он делает акцент на различении слов «в начале» и «в заглавии», ибо первое выражение означает мгновенность и неразрывность, а второе, — именно то, что все вместе изначально приведено в бытие. Итак, сотворив небо и землю в одно мгновение, Бог тем самым положил начало всему, в том числе заложил причины и цели всех будущих существ. И осуществил Он это, приведя из небытия в бытие мировые силы. А дальше мы наблюдаем, как эта самая, заложенная Богом программа разворачивается во времени под Его чутким руководством.

Не правда ли, очень похоже на теорию большого взрыва, которую также упоминает в своей работе Джон Хот. — Мгновенно приведя из небытия в бытие мировые силы, Бог запускает таким образом механизм эволюции.

Разница только в том, что у Джона Хота программа развития заключается лишь в самом принципе эволюции, с ее законами и хаосом, но с этого самого момента Бог уже не контролирует и не управляет этим процессом, не вмешиваясь активно, а лишь постоянно поддерживая его Своей любовью и сообщая неограниченное количество возможностей из будущего, где Он Сам пребывает.

Обратившись к размышлениям святителя Григория, мы видим, что на следующем этапе творения Бог вводит последовательность. Он приводит в движение стихии, и в действие теперь запускаются законы мироустройства, посредством которых и начинает отделяться одно от другого. Изначально приведенные в бытие стихии находились в смешанном состоянии, теперь же они упорядочиваются, переходя из возможности в действительность. Таким образом, фраза «и сказал Бог: да будет, и стало так» как раз и выражает собой этот процесс запуска мировых сил или законов мироустройства, творческий потенциал Бога, заложенный Им изначально в творимые субстанции.

И снова любопытное «совпадение»! Джон Хот тоже цитирует этот момент: «да будет так». Он пишет: «[...] позволяет космосу выстоять самому и затем эволюционировать как сравнительно автономной реальности, отличной от своего творца и основателя. В таком смысле творение и его эволюционное развитие в гораздо меньшей степени было бы результатом вечного божественного «плана», скорее всего его надо было бы расценивать как следствие скромного и любящего разрешения «да будет так» [3, с. 131].

Несомненно, мы видим здесь уже существенное различие, привнесенное знанием теории эволюции Дарвина (у Хота) — отсутствие Божественного плана, действие самоограничения жертвенной божественной любви. Но и там, у святителя Григория Нисского, и здесь, у Джона Хота — не моментальное и жесткое упорядочивание, а разворачивание истории развития.

Святитель Григорий Нисский размышляет, что то самое Божественное Повеление, положившее начало всему быть, не есть Голос Бога в прямом смысле — звучание и речь, но поскольку для Бога слово и дело это суть одно, Он таким образом вкладывает Свою премудрость в тварное естество: «[...] всё, приводимое Им в бытие, приводится словом; и что от Бога, в том невозможно и представить чего-либо неразумного [...], а напротив того [...] в каждое из существ вложено некое премудрое и художническое слово, хотя оно и недоступно нашему взору. Поскольку таковое вещание есть повелительное слово, то боголепно, думаю, уразумеем это, относя изречение сие к вложенному в тварь слову. Те повелительные глаголы при творении существ, которые Моисей писал с Божия гласа, Давид наименовал премудростью, созерцаемую в вещах сотворенных [...] и тем показывает, что созерцаемая в твари премудрость есть слово, впрочем, не членораздельное» [1, с. 36]. И ещё: «Псалмопевец, сказав, что действенная сила каждого из сотворенных существ приводится в деятельность неким словом, сим изречением ясно дал разуметь, что наименовал так не слово действительно изрекаемое, но являемую в чудесах

силу» [1, с. 36]. Из всего вышеприведенного очевидно ясна мысль святителя Григория о том, что Бог творит разумом, премудростью, которая есть могущество и творческая сила. И всё это очень похоже на уже упоминавшуюся нами метафору информации у Джона Хота, определение которой остается до сих пор неуловимым и загадочным. Вслед за Гаем Мерчи [4] он определяет информацию как «...область одной из великих «тайн»... Не мы схватываем ее суть, а она захватывает нас. Она всегда, хотя бы частично, ускользает от нас. Мы не можем объять ее умом, так как она уже каким-то образом окутала нас» [3, с. 89].

Вернемся снова к святителю Григорию Нисскому. То самое, первоначальное, повеление Божие, отныне действующее в природе субстанций, больше уже не повторялось Богом, но безмолвно осуществлялось стихиями в каждый день творения. Само же слово-понятие, вложенное в естество, Нисский называет светоносным. Таким образом святитель объясняет тот самый нетварный, потенциальный свет, который предшествовал возникновению видимых нами вещественных светил.

Соответствие этому размышлению святителя Григория мы находим и у Джона Хота: «Информационное структурирование, иными словами, — это метафизическая необходимость, так как для того, чтобы что-то могло актуализироваться оно должно обладать [...] формой, строением или порядком. Информация незаметно сплетает из мира узоры различных форм, которые потом собираются в еще более сложные совокупности, а сама всегда ускользает от нас. Она прячется даже тогда, когда выполняет свои интегрирующие и иерархические функции. Из-за своей непостижимости для эмпирического исследования или механического анализа информация кажется «мистической» [3, с. 88].

Рассмотрим еще один интересный момент. В своём «Защитительном слове о Шестодневе» Григорий Нисский высказывает мысль о том, что Бог не творил во времени в смысле «сначала и потом». — Процесс творения разворачивался во времени лишь с точки зрения вступления в силу законов материального мира. Иными словами, для Бога все возникло сразу, одномоментно, но при упорядочении и разделении возникло понятие процесса. Тварное осуществляет себя во времени. Или, по-другому говоря, время есть категория развития тварного. А словосочетание «день един (один)» означает не что иное, как завершенность, некую «закругленность» или, если угодно, цикличность стадий процесса развития, цикличность тварного космоса. Дальнейшее же числовое обозначение «день второй, день третий» и т.д. означает введение Богом категории числа как символа не хронологического, но иерархического. Иерархичность космоса появляется как понятие последовательного совершенствования тварного мира.

Что касается Джона Хота, то он, рассматривая категорию времени в связи с Божественным актом творения и последующим развитием тварного мира,

вводит очень важное и интересное понятие — «метафизика будущего». Что означает это замысловатое определение? А означает оно, согласно Джону Хоту, то, что Бог творит совсем не в прошлом и не из прошлого, и находится Он не в надмирном пространстве! Бог связан с тварным, созданным Им миром в форме обетования, тем самым пребывая в будущем. Запустив однажды творческий процесс, Бог самоотстранился от своего творения для того, чтобы мир мог быть по отношению к Нему иным, поясняет Хот. Исходя из этого и получается, что Вселенная находится еще в процессе становления. «Понятие «Бог» в такой пересмотренной метафизике должно означать для нас, как оно и означало для наших библейских предшественников, трансцендентный будущий горизонт, который притягивает не только человеческую историю, но и всю Вселенную к непостижимому осуществлению, которое еще должно совершиться» [3, с. 98], вслед за Тейяром де Шарденом [5] рассуждает Джон Хот.

Сравнив эти два фрагмента, мы без труда заметим, что и в этом аспекте оба теолога говорят в унисон! Несмотря на разделяющие авторов столетия, вместе с Григорием Нисским Джон Хот размышляет о том, что время есть не что иное как категория развития. Бог — Абсолютное будущее созданного Им тварного мира, и космос осуществляется во времени, устремляясь к Нему, как к обетованию своего совершенства.

В завершение нашего небольшого исследования подведем некоторые итоги.

Взгляд святителя Григория Нисского на Шестоднев уникален не только тем, что такого цельного (равно и оригинального) понимания взаимодействия Божественной воли и тварного мира мы не найдем больше ни у одного богослова раннехристианского Востока. Более ни у кого не обнаруживается в то время и постановки себе задачи подобного масштаба — столь глубокого взглядывания в метафизические первоосновы бытия. Но самым для нас примечательным и представляющим живой интерес является тот факт, что в этом своем труде Григорий Нисский предпринял первую попытку примирить науку и религию, естествознание и вероучение с целью (цитируя самого автора): «...чтобы вместе, и сохранить буквальный смысл написанного, и с буквою примирить естественное воззрение» [1, с. 37]. И надо признаться, ему это удастся не менее удачно, чем нашему современнику Джону Хоту! Многие из того, что наш современник исследует пытливым умом, опираясь на самые свежие научные теории и открытия, св. Григорий открывает, опираясь на свою гениальную интуицию. И, как это всегда бывает с гениальными произведениями, конечный результат выходит за рамки задуманного автором, разворачиваясь в пространстве мысли шире и глубже.

Таким образом, два этих произведения звучанием своих текстов создают удивительный диалог представителей двух совершенно разных эпох,

осуществляющийся помимо воли и намерения самих авторов, диалог развивающийся в истории мысли из того самого трансцендентного горизонта...

ЛИТЕРАТУРА

1. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. Защитительное [слово] о Шестодневе (Слово защитительное брату Петру). — Москва: Тип. В. Готье, 1861. — [1], 470, II с. — Текст: непосредственный.
2. Пospelовский, Д. А. История русской духовной культуры / Д. А. Пospelовский. — Москва: Изд-во МГУ, 2001. — 640 с. — Текст: непосредственный.
3. Хот, Дж. Бог после Дарвина. Богословие эволюции / Дж. Хот. — Москва: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011. — 236 с. — Текст: непосредственный.
4. Murchie, G. The Seven Mysteries of Life: An Exploration in Science and Philosophy / G. Murchie. — Boston: Houghton Mifflin, 1978. — 736 p. — Текст: непосредственный.
5. Teilhard de Chardin, P. Christianity and Evolution / P. Teilhard de Chardin; trans. by R. Hague. — New York: Harcourt Brace & Co., 1969. — 318 p. — Текст: непосредственный.

Францева Марианна Германовна,

аспирант,

Русской христианской гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского

mfrance@rambler.ru

ИСТОРИЯ ХРАМА БОРИСА И ГЛЕБА НА СИНОПСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ: МЕТАМОРФОЗЫ XX–XXI ВВ.

В статье проводится комплексный историко-архитектурный анализ судьбы храма во имя святых благоверных князей Бориса и Глеба на Синопской (бывшей Калашниковской) набережной в Санкт-Петербурге. На основе данных из архивных источников, исторической литературы и актуальных новостных материалов прослеживается биография храма: от предпосылок основания и освящения в 1882 году, через закрытие и утрату культовой функции в советский период, до физического уничтожения в 1975 году. Отдельное внимание уделено современным инициативам и практикам воссоздания утраченного памятника архитектуры. Статья вносит вклад в изучение феномена утраты сакрального пространства в крупном городе в XX веке и его ревитализации в XXI веке.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, храм Бориса и Глеба, Синопская набережная, Михаил Щурупов, утраченное наследие, советский период, снос храмов, реставрация, историческая память, церковная архитектура.

Marianna G. Franceva,

THE HISTORY OF THE BORIS AND GLEB TEMPLE ON THE SINOPSKAYA EMBANKMENT: METAMORPHOSES OF THE XX–XXI CENTURIES

The article provides a comprehensive historical and architectural analysis of the fate of the temple in the name of the Holy Princes Boris and Gleb on the Sinopskaya (formerly Kalashnikovskaya) embankment in St. Petersburg. Based on data from archival sources, historical literature and current news materials, the full life cycle of the temple is traced: from the prerequisites of foundation and consecration in 1882, through the closure and loss of the cult function during the Soviet period, to physical destruction in 1975. Special attention is paid to modern initiatives and practices of recreating a lost architectural monument. The article contributes to the study of the phenomenon of the loss of sacred space in a large city in the 20th century and its revitalization in the 21st century.

Keywords: St. Petersburg, Boris and Gleb Temple, Sinopskaya Embankment, Mikhail Shchurupov, lost heritage, Soviet period, demolition of temples, restoration, historical memory, church architecture.

Вводная часть.

Живые свидетели исторического и культурного прошлого, творение рук известных и неизвестных авторов — архитектурные памятники религиозного зодчества. Религиозное зодчество России многогранно. В нем явлена красота

земли Русской, державная мощь и величие человеческого духа. Россия строилась тысячу лет в трудных условиях, в непрерывных внешних и внутренних борениях. Все замечательные памятники религиозного зодчества в культуре России были созданы силой веры — веры в светлое будущее, в стремлении от тьмы к свету. Отдельную группу составляют сакральные места и культовые сооружения, наличие которых характерно для всех этапов истории человечества. На протяжении веков в контексте межкультурных взаимодействий, а также внутрикультурных преобразований указанные памятники, отражая воздействие конкретно-исторических обстоятельств, претерпевали всевозможные метаморфозы и «травмы» [6].

По мнению ученого И. В. Кондакова, культовые сооружения, являющиеся важнейшей частью российской национальной культуры, отражая воздействие данных «разломов», переживали трансформации в достаточно выраженной и резкой форме [8]. В научной работе «Трансформации форм и «смысловой ауры» сакральных мест в культуре России XX–XXI вв.: на примере памятников религиозного зодчества», авторы представляют точку зрения, что революционные преобразования, произошедшие в России в первые десятилетия XX в., имели ярко выраженную атеистическую направленность, сказавшуюся на культуuroобразующих аспектах традиционных верований и религий.

В качестве отдельного примера рассматривается историческая «биография» Храма на Синопской набережной (г. Санкт-Петербург). В XX–XXI вв. памятник испытал достаточно сильные воздействия истории, существенно менявшие его форму и «смысловую ауру». Санкт-Петербург, город с уникальной градостроительной историей, в XX столетии пережил порой масштабную трансформацию своего архитектурного облика, сопряжённую с невосполнимыми утратами. Особенно сильно данный процесс затронул культовые сооружения, среди которых — церковь во имя святых благоверных князей Бориса и Глеба, некогда доминировавшая в панораме левого берега Невы. История этого храма — наглядный пример «метаморфоз», произошедших с многими религиозными объектами в советскую эпоху: от функционирования по первоначальному назначению до утилитарного использования и окончательного уничтожения. Актуальность темы подчёркивается начавшимся в 2020-х годах процессом воссоздания храма, что делает необходимым систематизацию исторических сведений о его первоначальном облике и судьбе.

Основание, архитектура и значение храма в дореволюционный период. Судьба зодчего: темная тень над наследием Щурупова.

Слова крупнейшего ценителя прекрасного — А. Н. Бенуа, который вспоминал: «Из-за загиба Невы мерещились в затуманенной дали башни Александроневской лавры и очень оригинальная церковь, устроенная в русском стиле приятелем отца — архитектором Щуруповым [13]. История русской архитектуры хранит немало имён, окутанных ореолом загадочности. Одним из таких

мастеров является зодчий Щурупов — талантливый архитектор, чья судьба словно была предрешена невидимой рукой рока. Его творчество, несмотря на безусловную художественную ценность, долгое время оставалось в тени, а многие проекты превратились в руины, забытые временем. Попробуем проследить нить этой драматической истории. Его работы, полные изящества и глубокого смысла, не получили должного признания. Словно невидимая завеса опустилась на архитектурное наследие мастера: Особая страница в биографии Щурупова связана с церковью Святых Бориса и Глеба, расположенной на Калашниковской набережной в Санкт-Петербурге. Это сооружение, по праву считающееся вершиной творчества мастера, должно было стать его триумфом. Однако именно этот проект стал символом роковой неизбежности, предсказанной ещё до освящения храма. В 1879 году, в преддверии освящения церкви, корреспондент одной из столичных газет опубликовал заметку, в которой прозвучала пророческая фраза: «В судьбе этой постройки заключён какой-то фатум». Короткая реплика, написанная «на злобу дня», неожиданно обрела глубокий смысл. Она отразила не только участь самого храма, но и всю драматичную канву жизни его создателя.

Сегодня наследие Щурупова остаётся недостаточно изученным. Его работы заслуживают переоценки — не только как архитектурные памятники, но и как отражение эпохи, полной противоречий и драматических поворотов. Переосмысление творчества мастера может открыть новые грани истории русской архитектуры, показать, как личные судьбы переплетаются с историей страны.

История Щурупова — это не просто рассказ о талантливом зодчем, чьи работы были забыты. Это драматическая иллюстрация того, как судьба мастера и его творений может быть связана невидимыми нитями. Переосмысление этого наследия позволит не только восстановить справедливость в отношении талантливого архитектора, но и глубже понять закономерности развития отечественной архитектуры.

Инициатива строительства храма возникла в среде петербургских купцов-хлеботорговцев Калашниковской биржи после неудавшегося покушения на императора Александра II, совершенного Дмитрием Каракозовым 4 апреля 1866 года [7, с. 45]. В знак благодарности за спасение государя купечество собрало 150 тысяч рублей и приобрело участок у малоохтинского перевоза через Неву [2]. Первоначально планировалось освятить храм во имя Божией Матери «Всех скорбящих Радости», однако при освящении, состоявшемся 22 января 1882 года, по желанию императора Александра III церковь была наречена во имя святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, которые, по преданию, явились перед Невской битвой Александру Невскому [7, с. 52]. Ключевым событием, положившим начало строительству, стал торжественный молебен в часовне Валаамского подворья на Калашниковской пристани. Инициаторами выступили члены Общества оптовых хлебных торговцев,

которые организовали собрание берегового купечества. На этом собрании было принято единогласное решение о возведении храма. Для строительства выбрали живописное и оживлённое место у Малоохтинского перевоза через Неву — точка пересечения Калашниковского проспекта с набережной. Это место особенно привлекало летом, что делало его символичным для городского купечества.

Автором проекта, ставшего его первой крупной работой, выступил академик архитектуры Михаил Арефьевич Щурупов [2]. Строительство, начатое в 1869 году, затянулось более чем на десятилетие и было завершено при участии архитекторов А. И. Резанова и С. О. Шестакова. 20 октября 1867 года с архитектором Михаилом Щуруповым был заключён официальный договор («условие»), который детально регламентировал ход строительства. Согласно документу, Щурупов брал на себя ответственность за: художественную роспись; скульптурные элементы; барельефы; арматурные работы; позолоту и другие декоративные элементы.

Таким образом, церковь во имя святых Бориса и Глеба стала не только памятником спасению императора, но и выдающимся примером синтеза архитектурного мастерства и общественной инициативы XIX века. Этот проект продемонстрировал, как исторические события могут вдохновлять на создание шедевров, которые остаются в памяти поколений.

В середине XIX века в строительной практике Санкт-Петербурга отчётливо прослеживалась тенденция возведения храмов по образцам, разработанным архитектором К. А. Тоном. Ярким примером такого подхода стал проект храма на Калашниковской пристани, инициированный Обществом хлеботорговцев.

Архитектурный проект представлял собой пятиглавый, четырёхстолпный, крестообразный в плане, трёхпрестольный храм. За основу был взят облик Благовещенской церкви у Конногвардейских казарм, построенной К. А. Тоном в 1842–1849 годах в Адмиралтейской части Петербурга. Этот выбор не являлся случайностью — он отражал эстетические предпочтения и строительные приоритеты столичного и уездного купечества.

Храмы, спроектированные К. А. Тоном или рекомендованные в его альбомах 1838 и 1844 годов, приобрели статус эталона для новых церковных построек. Их популярность объяснялась несколькими факторами: соответствием требованиям Строительного устава, простотой и универсальностью конструкций, художественной выразительностью при относительной технической несложности возведения, а также стремлением купечества создавать храмы, сопоставимые по красоте с лучшими столичными образцами, зачастую реализованными по царским заказам.

Масштаб задуманного сооружения на Калашниковской пристани был впечатляющим: высота до креста составляла 54 метра, длина — 50 метров, ширина — 46 метров. Внушительные габариты были обусловлены двумя

ключевыми обстоятельствами: значимостью события, в память о котором возводился храм, и особым расположением на берегу Невы, требовавшим архитектурного акцента и визуального доминирования постройки в окружающем пространстве.

Архитектор М. Щурупов при разработке проекта учёл специфику прибрежного расположения храма, что нашло отражение в финальном облике здания. Этот пример демонстрирует, как традиции храмового зодчества, заложенные К. А. Тоном, органично сочетались с практическими задачами и эстетическими запросами общества середины XIX века, а также с особенностями конкретного градостроительного контекста.

Проект церкви Бориса и Глеба, разработанный Щуруповым, представляет собой выразительный пример синтеза архитектурных традиций середины XIX века. Здание задумывалось как кубическое, с ярко выраженным притвором, двумя ризалитами на северной и южной сторонах и прямоугольной апсидой — этот элемент контрастировал с полукруглой апсидой, характерной для церкви К. А. Тона.

Щурупов в своём проекте опирался на архитектурные решения Благовещенской церкви, созданной Тоном, заимствуя ряд выразительных деталей: окна-люкарны, абрис кокошников в основании шатров четырёх малых глав, парные полуколонны, подчёркивающие края ризалитов, а также использование декоративной скульптуры. Аналогично тоновской церкви, в проекте Щурупова предусматривалось устройство звонниц в двух западных главах. Однако Щурупов привнёс в проект ряд оригинальных архитектурных решений, отличающих его работу от образцов К. А. Тона. Центральный барабан, например, был выполнен в виде двенадцатигранника вместо восьмигранного варианта, использованного Тоном. Верхняя часть барабана должна была быть украшена горельефами с оплечными изображениями двенадцати апостолов, размещёнными в нишах.

Ещё одно отличие касалось расположения малых глав: Щурупов разработал пирамидальные цоколи для их установки, тогда как в Благовещенской церкви главы располагались непосредственно на аттике. Проект также включал тройные окна и предусматривал использование мозаики или росписи в нишах, что существенно меняло декоративное оформление фасадов по сравнению с тоновским образцом. Ключевой особенностью проекта стал гигантский килевидный кокошник, завершающий ризалит на каждом из четырёх фасадов здания. Этот элемент подчёркивал индивидуальность архитектурного замысла Щурупова.

Архитектурное решение церкви Бориса и Глеба органично вписывается в логику развития эклектики, особенно в рамках «русского стиля», разработанного К. А. Тоном. Направление отличалось умножением и измельчением декоративных элементов, а также повышенной насыщенностью фасадов декором.

Зрелая эклектика, в свою очередь, характеризовалась более широким спектром исторических прототипов, используемых в проектировании.

Таким образом, проект Щурупова демонстрирует не только следование архитектурным традициям, но и творческое переосмысление канонов «русского стиля», сочетая преемственность с индивидуальными художественными задачами и особенностями конкретного храмового комплекса.

4 июля 1868 года Строительное отделение, признав проект удовлетворительным и даже отметив, что по конструктивным особенностям церковь Щурупова лучше церкви Тона, указало, что до укладки фундамента необходимо провести обязательное глубокое бурение для исследования грунта и работы по укреплению берега. После согласования предложений архитектора по этим требованиям в Техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел проект с пояснительной запиской был представлен на высочайшее одобрение. 24 июля Александр II, находившийся в Киссингене, утвердил чертежи [13].

Инженерный гений Щурупов.

В конце XIX века между Строительным отделением и архитектором Михаилом Арефьевичем Щуруповым развернулись серьёзные дискуссии — речь шла о строительстве храма, посвящённого спасению императора. Вопрос стоял о надёжности фундамента и безопасности будущей постройки. Щурупов проявил себя как дальновидный инженер: летом он инициировал комплекс работ — выборочное бурение, исследование грунтов, анализ глубины залегания материковой породы. Результаты воодушевили архитектора: «лучшего грунта для возведения предполагаемой церкви ожидать по местности Петербурга невозможно» — и Щурупов решил ограничиться проведёнными работами. Для подстраховки Щурупов предложил устройство шпунтовой набережной вдоль берега — это должно было повысить прочность здания, защитить берег от подмыва, обеспечить стабильность фундамента. Реализация запланирована на 1869 год — до кладки стен и сводов храма.

К марту 1869 года работы по забивке и забутовке свай завершены. Щурупов предоставил в Строительное отделение чертежи и таблицы с результатами работ. 6 мая архитектор лично разъяснил детали проекта — выполнен дополнительный расчёт устойчивости здания. Результаты, впечатляющие: предполагаемый вес храма — 1 445 000 пудов, несущая способность забитых свай — 1 825 360 пудов.

Строительное отделение выразило осторожность — в заключении комиссии отмечено, что расчёты верны при точности исходных данных. Полная ответственность за строительство возложена на Щурупова.

История доказала правоту архитектора — храм простоял более ста лет без признаков осадки или трещин. Это стало свидетельством инженерного

таланта Щурупова, его интуитивного «чувства» прочности конструкций, способности обходиться без детальных расчетов.

Стройка, развернувшаяся на Калашниковской набережной, производила поистине грандиозное впечатление. По отчёту Щурупова, только за 1870 год в стены, столбы, арки и своды было положено 989 200 кирпичей (всего по смете — до 2 млн. штук), использовано 555 пудов различных железных связей, израсходовано 136 кубических саженей известкового раствора. Увеличение цен на работы и материалы, а также неожиданно возникавшие по ходу строительства технические сложности (возведение дополнительных контрфорсов во всех углах здания на высоту бутовой кладки и т.п.) приводили к перерасходу средств, составившему в 1870 году 21 тысячу рублей. Между тем с каждым годом становилось всё сложнее собирать добровольными пожертвованиями десятки тысяч рублей. Отношения архитектора с Комитетом по построению храма ухудшались [13].

Архитектурное решение храма представляет собой уникальный синтез русского и романского стилей с элементами византийского [3]. Это был массивный пятикупольный храм на высоком гранитном цоколе [2]. Главный золочёный шатёр венчал мощный световой барабан, в нишах которого располагались лепные фигуры двенадцати апостолов работы скульптора Э. В. Менерта [7, с. 48]. Две из четырёх угловых главок функционировали как колокольни. Западный портал, созданный в мастерской Ботты, был решён в виде трехчастной романской арки с цитатой из 19-го псалма [4].

Анализ стилистических особенностей храма позволяет отнести его к периоду интенсивных поисков национальной идентичности в русской архитектуре. Как отмечает исследователь А. В. Антонова, «Борисоглебская церковь на Синопской набережной является ярким примером «историзма» второй половины XIX века, где реминисценции древнерусского и романского зодчества были не просто заимствованы, но синтезированы в новое художественное целое, отвечавшее запросам эпохи на «национальный стиль»» [1, с. 117]. Этот синтез проявился не только в общем объемно-пространственном решении, но и в детальной проработке фасадов, где романский аркатурный пояс органично сочетался с килевидными кокошниками русского происхождения. В таблице 1 указаны основные характеристики храма святых Бориса и Глеба до 1917 года.

Таблица 1: Основные характеристики храма святых Бориса и Глеба до 1917 года

Аспект	Описание
Годы строительства	1869–1882
Архитектор(ы)	М. А. Щурупов (автор), А. И. Резанов, С. О. Шестаков (достройка)

Стилистика	Синтез русского, романского и византийского стилей
Композиция	Пятиглавый храм, высота около 54 метров
Главный престол	Во имя святых благоверных князей Бориса и Глеба
Боковые приделы	Феодоровской иконы Божией Матери, Александра Свирского

Внутреннее убранство отличалось богатством и великолепием. Много-ярусный резной иконостас был выполнен по проекту В. П. Шутова, а иконы для него написали академик В. В. Васильев и иконописец В. М. Пешехонов [7, с. 49]. Росписи стен и сводов принадлежали кисти живописца П. П. Коха [2]. Помимо религиозной функции, храм вёл активную социальную работу: при нем действовало благотворительное общество, содержащее приют для девочек-сирот и дом престарелых, а также оказывавшее материальную помощь нуждающимся.

Итог творческого поиска.

Особенно примечательно, что истинные причины многих архитектурных изменений до сих пор остаются загадкой для исследователей. Не сохранилось ни одного документа, который бы подробно объяснял логику трансформаций проекта. Тем не менее прослеживается явная эволюция замысла Щурупова: на начальном этапе фасады церкви выглядели довольно просто, даже скучно — не хватало художественной выразительности; архитектор вступил в своего рода творческий спор с доминировавшим тогда «тоновским стилем», отличавшимся излишней графичностью, плоскостностью и сухостью декора; Щурупов критически пересмотрел собственные ранние решения (принятые им пятью годами ранее) и отказался от чрезмерной измельчённости декоративного оформления.

Результатом смелого эксперимента стал по-настоящему цельный и оригинальный облик храма. Зодчий достиг впечатляющего художественного эффекта за счёт следующих решений: применение богатой, сочной пластики в оформлении фасадов; создание сложной игры светотени, которая буквально оживила внешний облик церкви, наполнив его объёмом и глубиной; искусное сочетание новаторских архитектурных приёмов с проверенными традициями храмового зодчества.

Таким образом, творческий путь Щурупова в работе над обликом Борисоглебской церкви стал ярким примером архитектурного поиска и новаторства. В этом проекте органично соединились вековые традиции византийской храмовой архитектуры, смелые индивидуальные решения мастера и стремление к художественной выразительности и целостности образа. Этот эксперимент

доказал, что даже в рамках религиозного зодчества возможны смелые творческие решения, которые не теряют связи с традициями, но при этом открывают новые горизонты архитектурного искусства. К 1876 году строительство храма было в основном завершено. Однако архитектор Щурупов к этому моменту утратил окончательное руководство проектом — его отстранил Комитет по построению.

Для отделки интерьеров храма Комитет привлёк ректора Академии художеств по архитектуре А. И. Резанова и архитектора С. О. Шестакова, который фактически завершил строительство.

В процессе работ также участвовал В. В. Суслов — студент Академии художеств (с 1878 года). Для него это был первый практический опыт. В дальнейшем Суслов стал известным архитектором-реставратором и исследователем древнерусского зодчества.

Основной причиной конфликта между Щуруповым и купцами-заказчиками стала независимость архитектора. Щурупов не считался с мнением заказчика и позволял себе вольность в отношениях с Комитетом. Зодчий тяжело переживал отстранение. 31 августа 1877 года он написал прошение в Совет Академии, в котором отвергал любые обвинения Комитета, желание представить его «виновным, оклеветав <...> перед Обществом жертвователей, выставляя неизвестные проступки, заслуживающие предания суду». Щурупов объяснял это намерением хлебных торговцев перевалить ответственность за хозяйственные просчёты на архитектора, отвечающего только за «часть искусственную». Щурупов писал о себе: «Как истый художник отдался всецело Святому делу (построения церкви. — Н.Я.). По званию профессора Академии несу знамя чести той корпорации, к которой принадлежу. Вот почему уже нелегко заподозрить меня виновным в незнании дела, в нерадении к делу ...» [13].

Великолепие церкви Святых князей Бориса и Глеба: шедевр архитектурного искусства (1866–1882 гг.).

Церковь Святых князей Бориса и Глеба, возведённая в 1866–1882 годах, поражала современников не только своими масштабами, но и роскошью отделки. Стоимость строительства превысила 400 тысяч рублей — по тем временам это была колоссальная сумма.

Внешнее убранство храма завораживало с первого взгляда. Три монументальных входа оформлены порталами из серого гранита — эти величественные конструкции созданы в мастерской талантливого скульптора Грациозо Ботта. Высокое цокольное основание, также выполненное из гранита, подчёркивало монументальность здания. Главный (западный) вход выделялся особым изяществом: его предварял тамбур с массивными резными деревянными дверьми — настоящее произведение искусства столяров.

Не менее впечатляющим оказался интерьер церкви, который выгодно отличал её от других приходских храмов Санкт-Петербурга. Пол выполнен с особым шиком: в алтарях и на солеях уложен паркет, а в остальных частях храма использованы изысканные плиты из чёрного и белого мрамора. Стены украшала «трафаретная» живопись в самобытном «русском стиле» — этот приём добавлял интерьеру особую теплоту и национальный колорит.

Фрески, созданные знаменитым мастером иконописи В. М. Пешехоновым, превращали стены в живые картины, наполняя пространство духовной красотой. Двенадцатигранный световой барабан и 36 больших окон щедро наполняли церковь естественным светом, создавая ощущение лёгкости и простора. Многоярусный резной иконостас, выполненный в стиле «византийско-романской орнаментации» по рисункам С. О. Шестакова, стал центральным элементом интерьера. Его искусная резьба и величественная композиция притягивали взгляды прихожан.

Этот храм стал настоящим архитектурным шедевром, в котором гармонично соединились монументальность, изящество и духовная глубина.

Несмотря на значительность сооружения, оно было по-разному оценено современниками. В конце 1875 года «Зодчий» писал: «Церковь, построенная вчерне Щуруповым, перешла в руки Резанову, можно надеяться, что весьма сомнительных достоинств внешняя архитектура будет облагорожена».

А газета «Новое время» сообщала незадолго до освящения: «Храм по красоте ни в чём не уступает другим храмам столицы, отличающимся изяществом и правильностью. Внутренняя красота вполне соответствует наружному великолепию».

В 1882 году «Всемирная иллюстрация» в обстоятельном разборе художественных достоинств здания дала ему такую оценку: «Храм пятикупольный издали очень грациозен и в форме конусообразного венчания башен имеет свой оригинальный характер, не похожий на большинство столичных церквей. Двенадцатиугольник средней купольной башни и фронтисписы романских фасадов сообщают целому новому храму много величия» [13].

Закрытие, осквернение и снос храма в советский период.

Возвращаясь к заявленной теме, отметим, что в контексте официальной атеистической направленности советской культуры многие культовые сооружения лишались своего сакрально-религиозного статуса, подвергаясь разного рода перестройкам, которые влекли за собой изменение их ценностно-смыслового и функционального строя. Анализируя характер данных трансформаций, можно отметить, что они имеют под собой определенную логику, связанную со сложным переплетением различных составляющих конкретно-исторических реалий, комбинаторика которых зачастую определяла судьбу артефактов [6].

Одним из векторов, определявший перестройку культовых сооружений, был непосредственно связан с народно-хозяйственными и административными нуждами. Примерами таких перестроек является приспособление культовых зданий под складские помещения, архивы, производственные цеха и т.д. Петербургская церковь Тихвинской иконы Божией матери на ул. Карташихина превратилась в Гаванский универсам, церковь Казанской иконы Божией матери (ул. Подрезова) обратилась в конструктивистский жилой дом, церковь преподобного Алексия Человека Божия (Чкаловский пр.) стала цехом завода «Измеритель» [6]. Этой же участи не избежал и храм на Синопской набережной.

Метаморфоза сакрального пространства в утилитарное и его последующее уничтожение стали отражением государственной политики советского периода. В июле 1934 года президиум Ленсовета принял решение о закрытии храма [10]. После этого с него были сняты и разобраны боковые главы, а само здание стало использоваться в качестве склада комбикормов [7, с. 55]. Таким образом, произошла полная десакрализация объекта, утратившего не только первоначальную функцию, но и архитектурную целостность.

Несмотря на то, что здание простояло в полуразрушенном состоянии несколько десятилетий, его окончательная участь была решена в 1975 году. Под предлогом расширения Синопской набережной и улучшения транспортной инфраструктуры полуразрушенное здание было взорвано [10]. На его месте организовали проезжую часть и автостоянку. Этот акт вандализма привёл к безвозвратной утрате одной из архитектурных доминант района и существенному обеднению историко-культурного ландшафта города. В таблице 2 представлены этапы утраты храма в советский период.

Таблица 2: Этапы утраты храма в советский период

Период	Событие	Последствия
1934 год	Закрытие по решению Ленсовета	Прекращение богослужений; начало десакрализации.
1934–1975	Использование под склад комбикормов	Разборка боковых глав; утрата архитектурного облика и интерьеров.
1975 год	Снос (взрыв) для расширения набережной	Полное физическое уничтожение здания.

Современный этап: возрождение утраченного наследия.

Необходимо указать, что в пространстве советской культуры антирелигиозная компонента, которая была официально провозглашена и активно

внедрялась в массы, так и не получила всеобщего принятия. Трансформации некоторых объектов (например, перестройка в крематорий Серафимовского храма московского Донского монастыря и проекты строительства крематория на территории петербургской Александро-Невской лавры воспринимались значительной частью населения не иначе как кощунственные [6].

В XXI веке история храма получила новый виток развития. В 2019 году Фонд содействия восстановлению объектов истории и культуры в Санкт-Петербурге выступил с инициативой его воссоздания [3]. В 2022 году археологические изыскания на Синопской набережной подтвердили наличие фрагментов фундамента храма, которые были включены в реестр как выявленный объект культурного наследия [11].

Проект воссоздания, разработку которого ведёт Архитектурная мастерская Михаила Мамошина, столкнулся с необходимостью адаптации к изменившейся градостроительной ситуации [3]. Поскольку историческое место храма ныне занято проезжей частью, новое здание решено возвести на смежном участке, ранее использовавшемся как парковка. Кроме того, с благословения митрополита планируется развернуть храм на 90 градусов, чтобы его партерная часть была обращена в сторону Александро-Невской лавры [3]. При этом внешний облик здания будет максимально точно воссоздан на основе сохранившихся чертежей, фотографий и иконографических материалов [3].

Важным практическим шагом стало начало возрождения приходской жизни. В июне 2024 года на месте будущего строительства началось возведение временной деревянной часовни в форме классической ротонды [10]. Часовня открылась для прихожан осенью 2024 года. По планам на возведение основного храма, по оценкам специалистов, может уйти около пяти лет [10].

История храма Бориса и Глеба на Синопской набережной — это микромодель драматических процессов, происходивших с культурным и религиозным наследием России в XX веке. Возведенный как памятник чудесному спасению императора и символ народной веры, он прошел через горнило советской эпохи: закрытие, разорение и окончательный снос. Однако в XXI веке эта история обретает черты регенерации. Современные проекты воссоздания, несмотря на неизбежные градостроительные компромиссы, демонстрируют стремление общества вернуть утраченные элементы исторической среды и восстановить разорванную связь времён. Возрождение храма — это не просто реконструкция архитектурного объекта, но и акт восстановления исторической и культурной памяти Санкт-Петербурга.

Заключение.

Таким образом, Храм Бориса и Глеба будет восстанавливаться и реализует ценностно-смысловые аспекты религиозной архитектуры. Культовые сооружения и памятники религиозного зодчества в нашей стране, претерпевавшие различные воздействия истории становятся средоточием исторического

опыта — в том числе его трагичных аспектов, о которых важно помнить. 18 ноября 2025 года годовщина освящения нового храма и День избрания святителя Тихона на Патриарший престол. Уже год идет работа над воссозданием храма и звучит молитва. Инициатива воссоздания храма, выдвинутая Фондом содействия восстановлению объектов культурного наследия Санкт-Петербурга, — важный шаг в сохранении исторического облика города. Проект обещает не только вернуть одну из знаковых доминант городского пространства, но и преобразить окружающую территорию: рядом с храмом планируется разбить парк-сквер, который станет местом отдыха для горожан и гостей Санкт-Петербурга.

Несмотря на сложность, связанные с изменением городской среды и транспортной инфраструктуры, работа над возрождением храма ведётся активно. Архитектурная мастерская Михаила Мамошина скрупулёзно изучает иконографический материал, фотографии и сохранившиеся документы, чтобы воссоздать былое величие Борисоглебской церкви.

Возрождение храма святых Бориса и Глеба — это не только восстановление архитектурной доминанты, но и дань уважения историческому прошлому города, его духовным ценностям и культурному наследию. Новый храм станет не просто религиозным объектом, но и ярким символом преемственности поколений, бережного отношения к истории и стремления к гармоничному развитию городского пространства.

Таким образом, воссоздание Борисоглебской церкви на Синопской набережной может стать значимым событием в жизни Санкт-Петербурга, которое подчеркнёт ценность исторического наследия и его роль в формировании облика современного города. Новая жизнь храма откроет новую страницу в его многолетней истории и подарит жителям и гостям Санкт-Петербурга ещё одну уникальную достопримечательность, способную восхищать своей красотой и величием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, А. В. Национальный стиль в сакральной архитектуре Санкт-Петербурга XIX века: на примере храма Бориса и Глеба на Синопской набережной / А. В. Антонова. — Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2019. — № 4 (90). — С. 115–122. — ISSN 2076-625-5.
2. Борисоглебская церковь на Синопской набережной. — Текст: электронный // Архитектурный сайт Санкт-Петербурга: [сайт]. — URL: <https://www.citywalls.ru/house510.html> (дата обращения: 15.10.2023).
3. Воссоздание храма св. благ. Бориса и Глеба на Синопской наб. — Текст: электронный // Архитектурная мастерская Михаила Мамошина: [сайт]. — URL: <https://mamoshin.com/work/vossozhdanie-xrama-sv-blag-borisa-i-gleba-na-sinopskoj-nab/> (дата обращения: 15.10.2023).

4. Жигало, М. В. Самые известные храмы Санкт-Петербурга / М. В. Жигало, И. А. Тукиянен; фото П. А. Орлова. — Москва: Олимп: АСТ: Астрель, 2007. — 286 с., [16] л. ил. — ISBN 978-5-17-043225-7. — Текст: непосредственный. — На обл. авт. не указаны.
5. Зимина, М. С. Храмы Петербурга: пособие по истории города / М. С. Зимина, О. О. Лихачева; [руководитель проекта В. К. Эртман; художники: Н. В. Афанасьева, В. М. Афанасьев, А. Е. Соловьев]. — Санкт-Петербург: КОРОНА принт, 2006. — 368 с.: ил. — Библиогр.: с. 364. — ISBN 5-7931-0311-2. — Текст: непосредственный. — На обл. авт. не указаны.
6. Леонов, И. В. Трансформации форм и «смысловой ауры» сакральных мест в культуре России XX–XXI вв.: на примере памятников религиозного зодчества / И. В. Леонов, Г. Ройттер, И. В. Кириллов. — Текст: электронный. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-form-i-smyslovoy-aury-sakralnyh-mest-v-kulture-rossii-xx-xxi-vv-na-primere-pamyatnikov-religioznogo-zodchestva/viewer> (дата обращения: 15.11.2025).
7. Иванов, А. В. Утраченные храмы Санкт-Петербурга / А. В. Иванов. — Санкт-Петербург: Издательство «Сатисъ», 2018. — 175 с. — ISBN 978-5-7868-0054-2. — Текст: непосредственный.
8. Кондаков, И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы / И. В. Кондаков. — Текст: непосредственный // Вопросы социальной теории. — 2010. — Т. IV. — С. 282–304.
9. Крюковских, А. П. Петербургские храмы / А. П. Крюковских. — Санкт-Петербург: Паритет, 2008. — 428, [2] с.: ил., портр. — ISBN 978-5-93437-286-7. — ISBN 978-5-93437-286-7 (ошибоч.). — Текст: непосредственный. — На корешке авт. не указан.
10. На Синопской набережной воссоздадут взорванный в советские годы храм. — Текст: электронный // Информационное агентство «Родина на Неве». — 2023. — 15 марта. — URL: <https://rodinananeve.ru/na-sinopskoj-naberezhnoj-vossozhdut-unichtozhennyj-v-sovetskie-gody-hram/> (дата обращения: 15.10.2023).
11. На Синопской набережной нашли фрагменты фундамента Борисоглебской церкви. — Текст: электронный // Интернет-журнал «Канонёр». — 2022. — 11 окт. — URL: <https://kanoner.com/2022/10/11/172384/> (дата обращения: 15.10.2023).
12. Началось возрождение Борисоглебской церкви на Синопской набережной. — Текст: электронный // Российская газета. — 2024. — 28 июня. — URL: <https://rg.ru/2024/06/28/reg-szfo/nachalos-vozhrozhdenie-borisoglebskoj-cerkvi-na-sinopskoj-naberezhnoj.html> (дата обращения: 15.10.2023).
13. Яковлев, Н. А. Михаил Шурупов / Н. А. Яковлев. — Санкт-Петербург: Белое и черное, 2001. — 270, [1] с.: ил., портр. — (Архитекторы Санкт-Петербурга). — ISBN 5-89771-024-4. — Текст: непосредственный.

Михеев Григорий Николаевич,
аспирант кафедры отечественной истории
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
ustavshik-nds@yandex.ru

**МИССИЯ СРЕДСТВАМИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ:
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЙОШКАР-ОЛИНСКОЙ
ЕПАРХИИ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ**

В статье анализируется уникальный опыт просветительской деятельности Йошкар-Олинской и Марийской епархии Русской Православной Церкви, основанный на стратегии инкультурации вероучения в марийский этнокультурный контекст [7, 10]. Рассматриваются исторические предпосылки, основные направления (переводческая работа, развитие церковного искусства, образовательные и массовые проекты) и социальные последствия этой деятельности. Делается вывод о том, что епархия стала значимым актором в сохранении марийского языка и укреплении общественной стабильности в регионе.

Ключевые слова: Йошкар-Олинская епархия, инкультурация, Марий Эл, православие, марийский язык, этноконфессиональные отношения, религиозное просвещение, национальная культура.

Grigoriy N. Mikheev

**MISSION THROUGH NATIONAL CULTURE: EDUCATIONAL ACTIVITIES
OF THE YOSHKAR-OLA DIOCESE IN THE REPUBLIC OF MARI EL**

The article analyzes the unique experience of the educational activities of the Yoshkar-Ola and Mari Diocese of the Russian Orthodox Church, based on the strategy of inculturating religious doctrine into the Mari ethnocultural context. The historical prerequisites, main directions (translation work, development of church art, educational and mass projects) and social consequences of this activity are examined. The conclusion is drawn that the diocese has become a significant actor in preserving the Mari language and strengthening social stability in the region.

Keywords: Yoshkar-Ola Diocese, inculturation, Mari El, Orthodoxy, Mari language, ethno-confessional relations, religious education, national culture.

Современная религиозная ситуация в полиэтничных регионах России, к которым относится Республика Марий Эл, характеризуется сложным переплетением традиционных верований, мировых религий и процессов секуляризации [1]. Для марийского народа, историческая идентичность которого глубоко укоренена в языческой традиции, основанной на сакрализации природы, вопрос конфессионального выбора и культурной самоидентификации остается особенно острым [6, с. 10–14]. В этих условиях деятельность

религиозных институтов, направленная на установление диалога с местным сообществом, требует поиска особых, культурно-чувствительных подходов. Йошкар-Олинская и Марийская епархия Русской Православной Церкви (РПЦ), осуществляя свою миссию, избрала стратегию глубокой инкультурации, сделав марийский язык и национальную культуру не объектом противостояния, а ключевым инструментом и средством просвещения [10]. Данная статья ставит целью комплексный анализ этой уникальной практики, рассматривая ее как ответ на исторические вызовы и как современный проект, оказывающий прямое влияние на социокультурный ландшафт региона [9, 10].

1. Исторический контекст и предпосылки новой стратегии

История взаимодействия православия и марийского этноса насчитывает несколько столетий, но долгое время она носила характер внешнего, зачастую принудительного воздействия [8]. Начавшись после падения Казанского ханства в 1552 году, христианизация марийцев столкнулась с упорным сопротивлением. Давление со стороны царской власти в XVII–XVIII веках, направленное на обращение и русификацию, привело не к искреннему принятию новой веры, а к формированию устойчивого феномена «двоеверия» и закреплению образа православия как религии чуждой, ассоциирующейся с государственным принуждением [5].

Корни этой отчужденности лежат в самой основе марийского традиционного мировоззрения, где природа понимается как сакральное, живое и одушевленное начало, неразрывно связанное с человеком [6, с. 11]. Это мировоззрение, сохраняющееся и сегодня, создавало глубокий культурно-религиозный барьер. В советский период антирелигиозная политика нанесла удар по всем конфессиям, окончательно разорвала и без того хрупкую нить естественной передачи православной традиции на марийском языке [1]. Таким образом, к моменту создания самостоятельной Йошкар-Олинской епархии в 1993 году, Церковь столкнулась с вдвойне сложной задачей: возродить религиозную жизнь в условиях секуляризованного общества и сделать это среди народа, исторически смотревшего на православие с недоверием.

Осознание этой специфики привело руководство епархии к радикальному пересмотру миссионерской парадигмы. Было принято стратегическое решение отказаться от простой ретрансляции богослужебной практики на церковнославянском и русском языках в пользу курса на инкультурацию — творческое и уважительное воплощение христианского вероучения в конкретных формах марийской культуры [7, 10]. Эта стратегия предполагала признание марийского языка и культурных традиций не препятствием, а необходимым ресурсом и богословски оправданной средой для проповеди.

2. Переводческая деятельность как ядро стратегии инкультурации

Центральным элементом и краеугольным камнем всей просветительской стратегии епархии стала планомерная работа по переводу богослужебной и духовной литературы на марийский язык, институционализированная в деятельности Комиссии по переводу Священного Писания на марийский язык, официально образованной в 2001 году [5, 10].

Эта работа возродила дореволюционные традиции, но вывела их на качественно новый уровень. Если в XIX веке переводы (как, например, «Божественной литургии Иоанна Златоуста», выполненный священником Андреем Альбинским в 1819 году) часто носили прикладной миссионерский характер, то современная деятельность комиссии сочетает богословскую точность с глубокой филологической проработкой [5]. За четверть века создан обширный корпус текстов на луговом и горномарийском наречиях, включающий Новый Завет, Псалтирь, чинопоследования Божественной литургии и Всенощного бдения, молитвословы, акафисты и жития святых [7, 10].

Лингвистическое значение этой деятельности трудно переоценить. Переводчики-священнослужители из народа мари, в сотрудничестве с учеными-филологами (такими как Н. А. Федосеева), решают сложнейшую задачу по выработке сакральной терминологии [9, 10]. Это происходит либо путем осторожного калькирования, либо через актуализацию и тонкое переосмысление понятий из традиционного лексикона, что позволяет говорить о христианских реалиях на исконно марийском языке. Таким образом, епархия активно участвует в языковом планировании, развивая не только разговорный, но и высокий богословский стиль марийского языка, расширяя сферы его применения и повышая его социальный престиж в условиях доминирования русского языка [9].

3. Инкультурация через искусство, образование и массовые проекты

Параллельно с переводческой работой епархия развивает и другие направления, формирующие целостную среду, в которой православие обретает узнаваемые национальные черты.

Церковное искусство: целенаправленно создается синтетический пласт марийского православного искусства [2, 3]. Композиторы (В. Захаров, Д. и С. Александровы) пишут литургическую музыку на марийские тексты, основываясь на традиционной пентатонике, но избегая прямого копирования фольклорных напевов, что создает новую, сакральную музыкальную традицию. Песнопения Литургии, духовные стихи и канты на марийском языке стали регулярно звучать на богослужениях, совершаемых во многих храмах республики. Так, в Кафедральном соборе Благовещения Пресвятой Богородицы литургия на марийском языке совершается каждое воскресенье, на великие и двенадцатые праздники [4]. В храмовой архитектуре

(например, в декоре Троицкого храма в Йошкар-Оле) используются элементы, стилизованные под марийскую вышивку.

Культурно-просветительские проекты: Епархия выступает как полноценный культурный институт [2, 6]. Ярким примером является масштабный проект «Благословлю Господа на всяком месте» (2014 г.), в рамках которого мобильный храм-палатка с богослужениями и концертами на марийском языке посетил 15 отдаленных сел [6, с. 12–13]. Проект имел значимый практический результат (десятки крещений, сотни исповедей) и долгосрочный эффект: обеспечение всех храмов республики переводами Литургии и стимулирование духовенства к изучению марийского языка [4, 6]. Фестиваль духовной песни и поэзии «Мыйын Юмемлан мурем» стал ежегодной площадкой диалога русской и марийской музыкальных традиций в рамках общей христианской тематики [3, 10].

Образовательная деятельность: на приходах, особенно в сельской местности, занятия в воскресных школах и катехизация нередко ведутся на двух языках [7]. Это способствует не только религиозному, но и этнокультурному просвещению молодежи.

4. Социальные последствия и роль в региональном контексте

Деятельность епархии, основанная на стратегии инкультурации, оказывает многоплановое влияние на общество Республики Марий Эл, выходя далеко за сугубо конфессиональные рамки [2, 10].

Легитимация православия: Использование родного языка в сакральной сфере позволяет значительной части марийцев воспринимать православие не как внешнюю, навязанную силу, а как возможный элемент собственной, обновленной культурной идентичности. Это помогает преодолевать исторически сложившиеся барьеры [4, 6].

Сохранение этнокультурного наследия: В условиях, когда марийский язык, по оценкам экспертов, относится к уязвимым, придание ему функции языка богослужения и богословия становится мощным инструментом его сохранения и развития [9, 10]. Епархия фактически выступает как один из активных защитников языкового наследия народа.

Гармонизация межнациональных отношений: Уважительный диалог с марийской культурой со стороны русского по происхождению института РПЦ создает позитивный пример межэтнического взаимодействия [2]. Через совместное участие в культурно-религиозных событиях формируются основы для гражданской солидарности.

Конкурентность в духовном поле: Данная стратегия также представляет собой взвешенный ответ на внутренние дискуссии внутри марийского сообщества о соотношении национального и религиозного [8, 10]. В то время как одни национальные активисты делают ставку на возрождение язычества («Марийская традиционная религия») как основы идентичности, а другие

настаивают на строгом секуляризме национального движения, епархия предлагает третий путь — синтез христианской веры и национальной культурной формы.

Таким образом, мы видим, что просветительская деятельность Йошкар-Олинской и Марийской епархии, основанная на последовательной и многолетней стратегии инкультурации, представляет собой уникальную и эффективную модель диалога между крупным религиозным институтом и полиэтническим сообществом [1, 2, 10]. Отказавшись от имперской логики миссии, епархия избрала путь уважения и творческого диалога с национальной культурой.

Через масштабную переводческую работу, развитие самобытного церковного искусства и реализацию просветительских проектов епархия решает не только задачи религиозного окормления, но и вносит неоценимый вклад в сохранение марийского языка, поддержание позитивной этнической идентичности и укрепление общественного согласия [4, 9, 10]. Этот опыт демонстрирует, что традиционная религия в современных условиях может стать не консервативной силой, а катализатором позитивных социокультурных процессов, способствующих как сохранению уникального наследия народов России, так и укреплению общероссийской гражданской идентичности, основанной на взаимном уважении и диалоге культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. 100 лет Марий Эл. Духовное возрождение Марийского края: к 25-летию Марийской епархии. — Текст: электронный // Национальная библиотека им. С.Г.Чавайна: [сайт]. — URL: <https://nbmariel.ru/content/100-let-mariy-el-duhovnoe-vozhrozhdenie-mariyskogo-kрая-k-25-letiyu-mariyskoj-eparhii> (дата обращения: 23.11.2025).
2. В Йошкар-Оле прошла конференция «Православие в Марийском крае: люди, события, факты». — Текст: электронный // Официальный сайт Йошкар-Олинской епархии. — 2023. — URL: https://mari.eparhia.ru/all_news/es/news/? ID=16967 (дата обращения: 23.11.2025).
3. Вашталтмаш. — Текст: электронный // ВКонтакте: [социальная сеть]. — URL: <https://vk.com/vashtaltmash> (дата обращения: 24.11.2025).
4. Литургии на марийском языке начали служить в главном храме Йошкар-Олы. — Текст: электронный // Приход.РУ: [сайт]. — URL: <https://prichod.ru/opyt-prihodov/liturgii-na-mariyskom-jazyke-nachali-sluzhit-v-glavnom-hrame-joshkar-oly/> (дата обращения: 24.11.2025).
5. Майкова, Л. Е. К вопросу о деятельности Переводческой Комиссии, учрежденной при Братстве Св. Гурия в г. Казани (по материалам отчетов Переводческой Комиссии) / Л. Е. Майкова. — Текст: электронный // Миссионерский отдел Йошкар-Олинской и Марийской епархии: [сайт]. — URL: <https://missia-mari.ru/history/?id=169> (дата обращения: 23.11.2025).
6. Михеев, Г. Н. «Последние язычники Европы» молились на православных богослужениях / Г. Н. Михеев. — Текст: электронный // Концепт: научно-методический

электронный журнал. — 2016. — Т. 36. — С. 10–14. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/46703.htm> (дата обращения: 09.11.2025).

7. На марийском (луговом) языке. — Текст: электронный // Йошкар-Олинская епархия: [сайт]. — URL: https://mari.eparhia.ru/na_mariiskom/lugovoi/ (дата обращения: 24.11.2025).

8. Федоров, В. А. Глава 5. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви / В. А. Федоров. — Текст: электронный // Азбука веры: [сайт]. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-i-gosudarstvo/5 (дата обращения: 23.11.2025).

9. Федосеева, Н. А. Литературные переводы на марийский язык: историко-культурный аспект / Н. А. Федосеева. — Текст: непосредственный // Полилингвильность и транскультурные практики. — 2025. — Т. 22, № 1. — С. 172–181.

10. Федосеева, Н. А. Труды по переводу православной литературы на марийский язык: история и современность / Н. А. Федосеева. — Текст: электронный // Миссионерский отдел Йошкар-Олинской и Марийской епархии: [сайт]. — URL: <https://missia-mari.ru/history/?id=208> (дата обращения: 23.11.2025).

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ БЫТИЯ

УДК 376.1 + 159.9:37 + 7.091

Никитаева Алина Игоревна,
магистрант
РХГА имени Ф. М. Достоевского,
Россия, Москва,
i@alinafineart.com

ИНКЛЮЗИВНАЯ ТВОРЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ДЦП

Инклюзивные художественно-творческие занятия представляют собой особый формат образовательной среды, в которой ребёнок с детским церебральным параличом получает возможность освоения новых способов эмоциональной и поведенческой организации. В статье рассматриваются теоретические основания разработки такой программы, включая социокультурные, нейропсихологические и деятельностные подходы к развитию регуляторных функций в детском возрасте. Обозначены принципы построения инклюзивной творческой группы и условия, обеспечивающие снижение эмоциональной напряжённости, повышение самостоятельности и расширение доступных форм участия в совместной деятельности. Описывается структура программы и основные элементы занятия, позволяющие создавать регулируемую среду для детей с различным уровнем двигательных и сенсорных ограничений. Представленные данные свидетельствуют о том, что включённость ребёнка в совместное творчество создаёт условия для укрепления эмоциональной устойчивости и расширения репертуара произвольных действий.

Ключевые слова: детский церебральный паралич; эмоциональная саморегуляция; инклюзивная группа; творческая деятельность; арт-педагогика; регуляторные функции; сенсорные ограничения; совместная деятельность

Alina Ig. Nikitaeva,

INCLUSIVE CREATIVE PROGRAM FOR THE DEVELOPMENT OF EMOTIONAL SELF-REGULATION. THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRINCIPLES OF SESSION DESIGN FOR CHILDREN WITH CEREBRAL PALSY

Inclusive art-based sessions represent a specific format of educational environment in which a child with cerebral palsy gains opportunities to acquire new forms of emotional and behavioral organization. The article examines the theoretical foundations for developing such a program, drawing on sociocultural, neuropsychological, and activity-based approaches to the development of regulatory functions in childhood. The principles

of establishing an inclusive creative group are outlined, along with the conditions that help reduce emotional tension, support greater independence, and broaden accessible forms of participation in joint activity. The structure of the program and the key components of each session are described as mechanisms for creating a regulating environment for children with varying levels of motor and sensory limitations. The presented findings indicate that a child's involvement in shared creative activity creates conditions for strengthening emotional stability and expanding the repertoire of voluntary actions.

Keywords: cerebral palsy; emotional self-regulation; inclusive group; creative activity; art pedagogy; regulatory functions; sensory limitations; joint activity.

Цель работы заключается в уточнении теоретических оснований инклюзивной творческой программы, ориентированной на развитие эмоциональной саморегуляции у детей с ДЦП, и в определении ключевых принципов организации занятия, обеспечивающих снижение эмоциональной и сенсорной нагрузки.

Методологическая база включает теоретический анализ отечественных и зарубежных исследований по развитию регуляторных функций, нейропсихологическим механизмам произвольного поведения и условиям инклюзивного образования, а также аналитическое обобщение данных практической работы автора в инклюзивных группах на базах благотворительного фонда «Художники и дети», ярмарки «Душевный базар» и частных благотворительных инициатив.

Инклюзивные художественно-творческие занятия рассматриваются как эффективный формат поддержки детей с детским церебральным параличом (ДЦП), для которых характерны трудности эмоциональной саморегуляции, сниженная устойчивость к сенсорной и социальной нагрузке и ограниченные возможности инициативного участия в совместной деятельности [5, 9]. В современных научных подходах подчеркивается, что развитие регуляторных функций опирается на интериоризацию внешних способов организации поведения и постепенное их превращение во внутренние механизмы контроля [1, 3]. У детей с двигательными нарушениями этот процесс замедляется вследствие нейромоторных, когнитивных и сенсорных ограничений, что повышает значение специально организованной среды [6, 14].

Нейропсихологическая модель А. Р. Лурии указывает на зависимость произвольной регуляции от согласованной работы функциональных блоков мозга; их несформированность или дискоординация при ДЦП приводит к повышенной эмоциональной реактивности и снижению гибкости поведения [4]. Экологический подход подчёркивает роль микросоциальной среды, в которой качество взаимодействия со взрослым и доступность участия определяют возможности ребёнка включаться в совместную деятельность и осваивать новые способы действия [10].

В инклюзивной художественной деятельности ребёнку важно ощущать устойчивость и предсказуемость происходящего. Такая организация пространства позволяет ему самостоятельно выбирать степень участия, избегать

перегрузки раздражителями и постепенно осваивать новые способы действий [8, 9]. Это делает творческую программу перспективным инструментом развития эмоциональной саморегуляции у детей с ДЦП.

Статья направлена на анализ теоретических оснований такой программы и описание ключевых принципов её организации.

Разработка инклюзивной творческой программы для детей с детским церебральным параличом опирается на несколько взаимодополняющих научных подходов.

Культурно-историческая концепция подчёркивает, что развитие регуляторных функций осуществляется через усвоение ребёнком внешних способов организации поведения, возникающих во взаимодействии со взрослым и постепенно интериоризируемых как собственные средства самоконтроля [1, 3]. В условиях ДЦП этот процесс замедляется вследствие ограничений моторной и сенсорной сферы, снижающих доступность активного участия в совместной деятельности [6, 10].

Нейропсихологическая модель А. Р. Лурии рассматривает регуляцию поведения как результат работы функциональных блоков мозга, обеспечивающих программирование, контроль и интеграцию действий [4]. Нарушения межфункциональных связей, характерные для детей с двигательными расстройствами, повышают эмоциональную лабильность и затрудняют переход к произвольным формам поведения, особенно в ситуациях сенсорной перегрузки [5, 14].

С точки зрения экологического подхода, потенциал развития ребёнка определяется качеством микросоциальной среды и возможностями участия в деятельности, организованной взрослыми и сверстниками [10]. Для детей с ДЦП значимы условия, которые структурируют взаимодействие, задают предсказуемый ритм деятельности и обеспечивают эмоциональную безопасность, снижая воздействие случайных раздражителей.

Данные арт-педагогики и инклюзивной практики подтверждают, что художественно-творческая деятельность может выполнять регулирующую функцию, поскольку позволяет гибко варьировать уровень включённости, предоставляет материал для сенсорной модерации и создаёт пространство для постепенного расширения доступных форм действия [7, 8, 13]. Включение ребёнка в совместное творчество способствует укреплению эмоциональной устойчивости, повышению самостоятельности и формированию способов поведения, которые затем переносятся в другие жизненные ситуации [11].

Эти теоретические положения определяют требования к структуре и содержанию инклюзивной творческой программы и задают критерии организации занятия, ориентированного на поддержку эмоциональной саморегуляции.

Организация инклюзивной творческой программы для детей с детским церебральным параличом требует учёта нескольких ключевых принципов, вытекающих из современных психологических и педагогических подходов.

Первым базовым принципом выступает структурированность деятельности, обеспечивающая ребёнку ясное представление о последовательности действий и сниженная непредсказуемость среды. В культурно-историческом подходе подчёркивается роль внешней структуры как средства, обеспечивающего переход от совместного действия к самостоятельному контролю [1, 3]. Для детей с ДЦП предсказуемость задания позволяет уменьшить эмоциональную реактивность и создаёт основу для формирования регуляторных стратегий.

Вторым принципом является сенсорная модерация, предполагающая дозирование стимульной нагрузки и подбор материалов с учётом индивидуальных особенностей сенсорной переработки ребёнка. Нейропсихологические данные указывают на необходимость контроля уровня сенсорной сложности, поскольку перегрузка затрудняет программирование и контроль действий [14].

Третий принцип — вариативность включённости, позволяющая ребёнку выбирать степень участия и форму действия. Этот подход согласуется с положениями инклюзивного образования, предполагающими адаптацию условий к возможностям ребёнка, а не наоборот [7]. Предоставление альтернативных способов участия выступает условием развития инициативности и расширяет репертуар доступных форм поведения.

Четвёртый принцип — эмоциональная безопасность, обеспечивающая отсутствие оценочного отношения и поддерживающую позицию ведущего. В художественно-творческой деятельности такое взаимодействие позволяет снизить тревожность и создать условия для выражения эмоций без риска негативной оценки [8, 9]. Спокойная, не директивная манера общения уменьшает уровень возбуждения и способствует сохранению устойчивости поведения.

Пятый принцип связан с опорой на микросоциальную среду, в которой взаимодействие со взрослыми и сверстниками становится ресурсом развития регуляторных функций. Экологический подход подчёркивает, что качество социальной ситуации влияет на способность ребёнка удерживать внимание, регулировать поведение и контролировать эмоциональные реакции [10].

Реализация указанных принципов позволяет создать условия, в которых творческая деятельность выступает не только как средство художественного выражения, но и как инструмент формирования эмоциональной саморегуляции и расширения возможностей участия детей с ДЦП в совместной деятельности. Инклюзивная творческая программа, ориентированная на развитие эмоциональной саморегуляции у детей с детским церебральным параличом, строится как последовательность взаимосвязанных занятий, каждое из которых выполняет определённую функцию в формировании регуляторных механизмов. Программа включает несколько этапов, постепенно усложняющихся

по содержанию и характеру деятельности. На первоначальном этапе важным фактором организации деятельности является стабилизация эмоционального состояния и освоение ребёнком базовых способов включения в совместную работу. В соответствии с культурно-историческим подходом, развитие регуляции начинается с формирования внешних опор — устойчивой структуры, предсказуемой последовательности действий и поддерживающей позиции взрослого [1, 3]. Поэтому ранние занятия программы акцентируют внимание на ритуалах начала и завершения, знакомстве с материалами и постепенном введении элементов сотрудничества. На этом этапе используются преимущественно простые художественные средства, обеспечивающие минимальную моторную и сенсорную нагрузку, что соответствует нейropsychологическим данным о необходимости дозирования стимульного поля при работе с детьми, имеющими моторные и сенсорные ограничения [6, 9]. На первом занятии основное внимание уделяется не результату художественной работы, а знакомству с пространством и ведущим. Взрослый последовательно обозначает, кто он, как организовано занятие, какие правила взаимодействия действуют в группе, демонстрирует расположение материалов и порядок их использования. Отдельно оговаривается, что участие может быть разной степени — от наблюдения до активного действия, что снижает тревожность участника и позволяет ребёнку сохранить ощущение контролируемости ситуации. Работа строится на простых, коротких пробах материалов (линия, штрих, пятно), без жёстких требований к форме и завершённости рисунка. Такая организация первого занятия создаёт опыт предсказуемой, безопасной встречи и формирует основу для доверительного отношения к взрослому как к надёжной фигуре.

Последующий этап направлен на расширение индивидуальных способов действия. Дети получают возможность выбирать материалы, планировать последовательность действий и регулировать темп работы. Такой подход согласуется с положениями Лурии о значении программирования и контроля для становления произвольного поведения [4] и с идеей Эльконина о расширении диапазона доступных действий как условии развития произвольности. В середине программы возрастает доля заданий, требующих опоры на внутренний план действий: ребёнку предлагаются небольшие творческие задачи, предполагающие чередование этапов, удержание замысла и постепенное выполнение. При этом сохраняется эластичность требований: ведущий обеспечивает необходимую внешнюю поддержку, но допускает вариативность решений, избегая оценочных суждений, что соответствует клиент-центрированной художественной модели Н. Роджерс [8].

На более поздних этапах программы усиливается социальная компонента деятельности. Занятия включают элементы совместного творчества, обмена материалами, коллективного обсуждения результатов. В соответствии с экологическим подходом Бронфенбреннера, развитие регуляторных

функций в значительной степени зависит от качества микросоциальных взаимодействий и устойчивости социального контекста [10]. В инклюзивной группе взаимодействие детей с разными возможностями создаёт условия для формирования инициативности, способности учитывать действия других участников, регулировать собственное поведение в соответствии с динамикой группы. На этой стадии возможно постепенное усложнение художественных задач, включение элементов композиции, последовательной работы над образом, планирования результата. Материалы подбираются с учётом сенсорной модерации: поддерживается баланс между стимулирующими и стабилизирующими средствами, что важно для снижения эмоциональной лабильности и предотвращения перегрузки [14]. При этом парные форматы используются выборочно и только лишь в тех случаях, когда ребёнок демонстрирует достаточную эмоциональную и сенсорную устойчивость. Предпочтение отдается заданиям, допускающим асинхронное участие и разделённое рабочее пространство, что позволяет избежать избыточной нагрузки и сохранить поддерживающий характер среды.

Завершающий этап программы направлен на интеграцию приобретённых навыков. В структуре финальных занятий усиливается компонент самостоятельности: детям предоставляется больше возможностей выбрать тему, планировать работу и оценивать собственный вклад в общее задание. Этот этап обеспечивает переход от внешней регуляции, опирающейся на взрослого, к более автономным формам контроля поведения, что согласуется с положениями Выготского о постепенном интериоризировании внешних средств организации деятельности. Финальные занятия завершаются обсуждением хода работы, фиксацией успешных способов действия и поддержкой сформировавшихся у ребёнка представлений о собственных возможностях, что важно с точки зрения развития эмоциональной устойчивости и формирования регуляторных стратегий [2, 11].

В соответствии с вышесказанным программа строится как последовательность шагов — от внешней опоры и сенсорной стабилизации к расширению форм активности, включённости в совместную деятельность и постепенному развитию самостоятельности. Последовательность и структурность этапов, сочетание индивидуальных и групповых форм, вариативность художественных материалов и предсказуемая организация среды обеспечивают условия, в которых творческая деятельность становится инструментом развития эмоциональной саморегуляции у детей с ДЦП. В практической реализации программа может оформляться как цикл занятий, проводимых с устойчивой периодичностью, что позволяет ребёнку опираться на повторяемость структуры. Независимо от продолжительности курса, сохраняется схема занятия: ритуал начала, краткое напоминание правил, демонстрация задания, индивидуальная и при необходимости совместная работа, ритуал завершения. Постоянство этих элементов обеспечивает ребёнку ориентиры во времени и содержании

встречи и тем самым поддерживает формирование регуляторных навыков, независимо от конкретной темы или художественного материала.

На результативность инклюзивной творческой программы преимущественно влияет то, как именно организовано занятие и какие условия создаются для ребёнка. Особое значение имеет поддержание стабильной и понятной для ребёнка среды. Это соответствует положениям культурно-исторического подхода, где отмечается роль внешней структуры в становлении регуляторных действий [1, 3]. Отдельного внимания требует сенсорная насыщенность среды: помещение лучше освободить от лишних раздражителей, а материалы подбирать с учётом особенностей восприятия детей с ДЦП [6, 10]. Следующим условием является адаптация темпа и объёма задания, что позволяет учитывать нейropsихологические особенности детей и снижать нагрузку на регуляторные механизмы [4]. Ведущий обеспечивает поддерживающую, нецензурную манеру общения, создавая эмоционально безопасную атмосферу, что соответствует принципам клиент-центрированного подхода в художественной деятельности [8]. Особую роль играет организация взаимодействия в группе: дети с разным уровнем возможностей включаются в совместную деятельность в соответствии с экологическим подходом Бронфенбреннера, признающим значение микросоциальной среды для развития регуляции поведения [10]. Сочетание индивидуальной и групповой работы позволяет поддерживать инициативность и укреплять способность учитывать действия всех участников.

Проведённый анализ позволяет заключить, что инклюзивная творческая программа, выстроенная по принципам постепенности, структурированности и адаптации к возможностям каждого ребёнка, создаёт условия для развития эмоциональной саморегуляции у детей с двигательными, а также сенсорными нарушениями. снижает эмоциональную напряжённость и создаёт условия как для освоения устойчивых способов поведения, так и для расширения возможностей самостоятельного участия.

Особую роль играет сочетание внешней организации среды и возможностей выбора внутри творческого задания, что обеспечивает оптимальный баланс между поддержкой и постепенным переходом к самостоятельному контролю поведения. Включение элементов групповой работы усиливает эффект программы, формируя навыки взаимодействия и содействуя стабилизации эмоционального состояния в ситуации социального контакта.

Практические наблюдения автора, полученные в ходе реализации подобного формата занятий в инклюзивных группах, подтверждают, что постепенное усложнение творческих задач, использование адаптированных материалов и поддерживающая структура занятия позволяют детям более устойчиво выдерживать фрустрацию, дольше сохранять концентрацию и демонстрировать рост инициативности. Эти данные согласуются с общими закономерностями развития регуляторных функций и свидетельствуют о потенциале

творческой программы как эффективного средства поддержки эмоциональной устойчивости.

При этом важно учитывать, что динамика участия и выраженность положительных изменений во многом определяются степенью тяжести двигательных и сенсорных нарушений, а также характером поражения центральной нервной системы. Разрабатываемый формат ориентирован преимущественно на детей, сохраняющих возможность участия в предметной деятельности и базовых формах взаимодействия со взрослым. Для детей с более выраженными нейромоторными и когнитивными ограничениями требуется иной объём структурирования, дополнительная сенсорная модерация и участие узкопрофильных специалистов; их включение в программу возможно лишь при индивидуальной адаптации содержания и темпа работы.

Представленные выводы создают основу для дальнейшего уточнения методических решений, разработки критериев оценки эффективности и интеграции подобного формата в образовательную и коррекционно-развивающую практику, ориентированную на детей с различным уровнем ограничений опорно-двигательного аппарата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов, А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А. Г. Асмолов. — Москва: Смысл: Академия, 2007. — 424 с. — Текст: непосредственный.
2. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура; пер. с англ. под ред. Н. Н. Чубарь. — Санкт-Петербург: Евразия, 2000. — 318 с. — Текст: непосредственный.
3. Выготский, Л. С. Проблема возраста / Л. С. Выготский. — Текст: непосредственный // Собрание сочинений: в 6 т. — Москва: Педагогика, 1984. — Т. 4.
4. Лурия, А. Р. Основы нейропсихологии / А. Р. Лурия. — Москва: Изд-во МГУ, 1973. — Текст: непосредственный.
5. Мамайчук, И. И. Психология детей с двигательными нарушениями / И. И. Мамайчук. — Санкт-Петербург: Речь, 2001. — 288 с. — Текст: непосредственный.
6. Малофеев, Н. Н. Инклюзивное образование: от концепции к практике / Н. Н. Малофеев. — Москва: Просвещение, 2010. — 239 с. — Текст: непосредственный.
7. Орлова, Е. Е. Арт-практики в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья / Е. Е. Орлова. — Текст: непосредственный // Вестник практической психологии образования. — 2019. — № 2. — С. 59–67.
8. Роджерс, Н. Творческая связь. Исцеляющая сила экспрессивных искусств / Н. Роджерс; пер. с англ. А. Б. Орлов; науч. ред. А. Б. Орлов. — Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 336 с. — Текст: непосредственный.
9. Симонова, О. В. Сенсорные нарушения у детей с детским церебральным параличом и их влияние на эмоционально-волевую сферу / О. В. Симонова. — Текст: непосредственный // Дефектология. — 2017. — № 2. — С. 17–26.
10. Bronfenbrenner, U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design / U. Bronfenbrenner. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. —

330 p. — Текст: непосредственный.

11. Fancourt, D. What is the Evidence on the Role of the Arts in Improving Health and Well-being? A Scoping Review / D. Fancourt, S. Finn. — Copenhagen: WHO Regional Office for Europe, 2019. — 133 p. — Текст: непосредственный.
12. Gross, J. J. Emotion Regulation: Current Status and Future Prospects / J. J. Gross. — Текст: непосредственный // *Psychological Inquiry*. — 2015. — Vol. 26, no. 1. — P. 1–26.
13. Creative Interventions with Traumatized Children / ed. by C. A. Malchiodi. — New York: Guilford Press, 2015. — 364 p. — Текст: непосредственный.
14. Porges, S. W. The Polyvagal Theory: Neurophysiological Foundations of Emotions, Attachment, Communication, and Self-regulation / S. W. Porges. — New York: W. W. Norton & Company, 2011. — 384 p. — Текст: непосредственный.

Гетманенко Виктория Николаевна,
бакалавр,
студентка института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена,
khalyasvika@mail.ru

Пежемская Юлия Сергеевна,
кандидат психологических наук,
доцент института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена,
pjshome@mail.ru

ДИАГНОСТИКА ИЕРАРХИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЁЖИ О БУДУЩЕЙ СЕМЬЕ

Семья является важнейшим социальным институтом и агентом социализации. В условиях современной динамичной реальности, характеризующейся изменением традиционных социальных ролей, стремительным развитием информационных технологий и трансформацией межличностных коммуникаций, изучение представлений молодежи о будущей семье приобретает особую актуальность. Современное поколение молодёжи станет создателем и носителем семейных моделей в ближайшем будущем, и их ценностные ориентиры во многом определяют вектор развития института семьи. Использование пословиц как проективного инструмента позволило диагностировать иерархию семейных ценностей, минимизируя количество социально желательных ответов и выявляя глубинные установки. Применение проективного анализа пословиц подтвердило эффективность данного метода для экспликации глубинных ценностных ориентаций.

Ключевые слова: представления о семье, социальные роли, молодёжь, семейные ценности, пословицы, традиции, будущее.

Viktoria N. Getmanenko, Julia S. Pezemskaaya

DIAGNOSTICS OF THE HIERARCHY OF FAMILY VALUES IN THE VIEWS OF YOUTH ABOUT THE FUTURE FAMILY

The family is the most important social institution and agent of socialization. In the context of modern dynamic reality, characterized by changes in traditional social roles, rapid development of information technologies, and transformation of interpersonal communications, studying youth's perceptions of the future family gains particular relevance. The current generation of youth will become the creators and bearers of family models in the near future, and their value orientations will largely determine the vector of the family institution's development. Using proverbs as a projective tool made it possible

to diagnose the hierarchy of family values, minimizing the number of socially desirable responses and revealing deep-seated attitudes. The application of projective proverb analysis confirmed the effectiveness of this method for explicating deep value orientations.

Keywords: perceptions of family, social roles, youth, family values, proverbs, traditions, future.

Семья является одним из основных институтов социализации. Семейные ценности как интернализированные идеалы и убеждения о семье регулируют поведение её членов и отражают общекультурные нормы.

В отечественной психологии Л. С. Выготский через концепцию социальной ситуации развития показал, как ценности усваиваются в процессе взаимодействия индивида со средой, трансформируясь из внешних культурных образцов во внутренние. В свою очередь, Д. Б. Эльконин [9], в рамках теории ведущей деятельности, отмечал, что в юношеском возрасте активно формируется мировоззрение и система ценностей, включая представления о браке и семье.

Зарубежная психология, в частности теория Э. Эриксона [10], выделяет такие стадии психосоциального развития как “идентичность против смещения ролей” в юности и “интимность против изоляции” в ранней зрелости, где способность к формированию глубоких отношений и семейные ценности становятся ключевыми задачами развития.

Важно отметить, что семейные ценности не статичны, а динамичны, подвержены влиянию социокультурных изменений и технологического прогресса [1]. Современная молодежь демонстрирует стремление к большей эгалитарности и гибкости в семейных отношениях, что, однако, не отменяет фундаментальной потребности в любви и поддержке. Изучение представлений о будущей семье на этапе поздней юности имеет как теоретическую, так и прикладную значимость, предоставляя основу для понимания ценностных ориентаций подрастающего поколения.

Методологические основы исследования

Для диагностики семейных ценностей в представлениях молодежи о будущей семье нами был применен методический подход, основанный на использовании пословиц как проективного инструмента. Выбор данного подхода обусловлен необходимостью актуализации глубинных, зачастую неосознаваемых установок личности, которые сложно выявить с помощью стандартных опросников с высоким риском получения социально желательных ответов.

Проективные методики позволяют респонденту «проецировать» свои ценности на нейтральный стимульный материал. Пословицы, как емкие и образные выражения, заключающие в себе многовековой опыт народа, представляют собой уникальный стимул с высоким проективным потенциалом [6]. Они кодируют культурные нормы и социальные ожидания, становясь частью когнитивных схем индивида.

Методика данного исследования основана на выборе между двумя пословицами, каждая из которых отражает определенный аспект семейных ценностей (например, «Согласие», «Фундамент», «Конфликт» и др.). Это стимулирует респондента к активной смысловой работе и актуализации личных приоритетов, а не поверхностных установок. Столкновение образных выражений снижает сознательный контроль и повышает глубину рефлексии.

Одним из преимуществ данного подхода является культурная релевантность и универсальность пословиц, что обеспечивает простоту использования методики, позволяя получить репрезентативные данные в молодежной среде.

Методологической базой разработки инструментария послужил принцип качественной оценки семейных ценностей через призму народной мудрости. Как отмечает В. П. Аникин [2], пословицы являются трансляторами устойчивых социокультурных стереотипов, что делает их валидным материалом для проективной диагностики.

На основе теоретических положений О. А. Карабановой и Т. В. Андреевой [1] были выделены пять ключевых шкал:

1. «Фундамент» (семья как экзистенциальная опора и источник безопасности);
2. «Согласие» (приоритет гармонии, лада и эмоциональной близости);
3. «Роли и дети» (установки на распределение обязанностей и значимость родительства);
4. «Конфликт» (отношение к семейным разногласиям и способам их урегулирования);
5. «Индивидуальность» (баланс между личными интересами и семейным единством).

Стимульный материал методики представлен 30 парами пословиц. Респонденту предлагается выбрать из каждой пары одно утверждение, наиболее соответствующее его представлениям о ценностях. Использование метода парного сравнения заставляет участника соотносить внутренние убеждения с культурными архетипами, выстраивая персональную иерархию смыслов. Обработка результатов включает подсчет частоты выборов по каждой шкале и их перевод в проценты. Данный подход обеспечивает социокультурную релевантность исследования и минимизирует влияние социальной желательности ответов.

Характеристика выборки исследования

Эмпирическое исследование проводилось на базе Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Институт психологии). Выборку составили 60 студентов ($N=60$), из них 53 девушки (88,3%) и 7 юношей (11,7%), что является типичным для психологического профиля обучения.

Средний возраст респондентов составил 20,7 лет. Согласно возрастной периодизации И. С. Кона [7] и Д. Б. Эльконина, данный период (поздняя юность) является сензитивным для формирования устойчивого образа будущего и представлений о долгосрочном партнерстве. Профессиональная принадлежность выборки (студенты-психологи) обуславливает высокий уровень рефлексии и осознанности при работе с проективным материалом.

Выборка является однородной по социальному статусу и уровню образования, что позволяет рассматривать полученные данные как репрезентативные для изучения ценностных ориентаций молодежи, ориентированной на гуманитарную сферу деятельности в современной социокультурной среде.

Результаты исследования

Количественный анализ данных, полученных в ходе опроса студентов (N=60, средний возраст 20,7 лет), позволил верифицировать иерархическую структуру семейных ценностей. Распределение приоритетов по пяти диагностическим шкалам выглядит следующим образом:

1. «Согласие» — 29%. Доминирующий показатель свидетельствует о приоритетности эмоционального комфорта и коммуникативного единства. Как отмечает Т. В. Андреева [1], ориентация на согласие выступает базовым предиктором удовлетворенности браком и успешной адаптации супругов.
2. «Фундамент» — 22%. Высокий балл подтверждает потребность молодежи в семье как источнике стабильности. Согласно концепции Э. Эриксона, семья-фундамент обеспечивает формирование базисного доверия и психологическую устойчивость личности.
3. «Конфликт» — 20%. Выбор пословиц данной категории демонстрирует осознание респондентами сложности семейной динамики. По мнению Э. Г. Эйдемиллера, рефлексия конфликтногенных зон является необходимым условием формирования функциональной семейной структуры.
4. «Роли и дети» — 15%. Относительно невысокий показатель отражает современные тренды перехода от детоцентристской модели семьи к партнерской, где супружеское взаимодействие становится приоритетным.
5. «Индивидуальность» — 15%. Данный результат указывает на стремление молодежи к балансу между «Мы-идентичностью» и сохранением личных границ, что коррелирует с теорией семейных систем о важности дифференциации личности.

Выявленная иерархия (Согласие > Фундамент > Конфликт > Роли/Дети = Индивидуальность) свидетельствует о том, что для студентов-психологов идеальный образ семьи базируется на эмоциональной гармонии и ресурсной

поддержке, в то время как формально-ролевые аспекты занимают периферийное положение.

Анализ ведущих ценностей: Согласие и Фундамент

В иерархии семейных ценностей исследуемой группы доминирующее положение занимают шкалы «Согласие» (29%) и «Фундамент» (22%). Эти данные свидетельствуют о том, что более половины предпочтений молодежи сосредоточено на обеспечении эмоциональной гармонии и экзистенциальной стабильности в браке.

Приоритет «Согласия» отражает выраженную ориентацию респондентов на бесконфликтное взаимодействие и психологический комфорт. Согласно работам Т. В. Андреевой [1] и О. А. Карабановой [5], именно конструктивные паттерны коммуникации и способность к эмпатии являются базовыми детерминантами удовлетворенности супружеством. Для студентов-психологов «согласие» выступает не просто отсутствием споров, а активным процессом поддержания позитивного эмоционального фона, что является необходимым ресурсом для долгосрочных отношений.

Значимость ценности «Фундамент» подтверждает потребность молодежи видеть в семье надежную опору. В контексте теории Э. Эриксона [24], это коррелирует с сохранением базисного доверия к миру, где семья выступает гарантом безопасности. С точки зрения Л. С. Выготского [3], семья-фундамент обеспечивает индивиду необходимую социальную ситуацию развития, становясь источником психологического капитала.

Взаимосвязь этих ценностей формирует целостный образ будущей семьи как устойчивой системы: «согласие» обеспечивает внутреннюю наполненность отношений, а «фундамент» — их внешнюю и внутреннюю стабильность.

Интерпретация второстепенных и наименее выраженных ценностей

Ценности, занимающие периферийное положение в иерархии — «Конфликт» (20%), «Роли и дети» (15%) и «Индивидуальность» (15%), — отражают современные тренды трансформации традиционных семейных представлений и адаптацию молодежи к новым социокультурным реалиям.

Значимость шкалы «Конфликт» (20%) свидетельствует о высокой рефлексии респондентов относительно деструктивности семейных раздоров. Студенты демонстрируют реалистичный взгляд: фокус смещается с идеализированного отсутствия споров на их конструктивный менеджмент. Как показывают исследования, именно способность к эффективному управлению конфликтами, а не их полное отсутствие, определяет жизнеспособность семейной системы.

Низкий приоритет шкалы «Роли и дети» (15%) указывает на отход от патриархальных моделей в сторону эгалитарного партнерства. Согласно С. И. Голоду [10], это отражает общую тенденцию к профессиональной самореализации

и отсрочке родительства, где качество супружеских отношений становится важнее формального следования ролям.

Равный показатель по шкале «Индивидуальность» (15%) подчеркивает потребность в сохранении личной автономии внутри семьи. Это коррелирует с концепцией М. Боуэна о необходимости дифференциации «Я» и поддержания гибких границ личности. Современная молодежь стремится к модели брака, обеспечивающей баланс между семейным единством и правом на самовыражение.

Таким образом, вторичные ценности подтверждают стремление молодежи к построению функциональной, гибкой модели семьи, ориентированной на личностный рост обоих партнеров.

Влияние социально-демографических факторов и современные тенденции в представлениях о семье

Выявленная иерархия семейных ценностей (Согласие > Фундамент > Конфликт > Роли/Дети = Индивидуальность) отражает не только индивидуальные установки респондентов, но и широкие социокультурные трансформации.

Ключевым фактором интерпретации является состав выборки: значительное преобладание студенток женского пола (88,3%) является типичным для психологических специальностей. Это обуславливает акцент на ценностях «Согласия» (29%) и «Фундамента» (22%). Согласно работам Л. Б. Шнейдер [20] и О. А. Карабановой [13], женщины традиционно ориентированы на поддержание эмоционального климата и стабильности в семье. Данные установки коррелируют с концепцией субъективного благополучия Р. М. Шамяникова [8], где качество межличностных отношений выступает базовым предиктором удовлетворенности жизнью.

Показатель по шкале «Конфликт» (20%) свидетельствует о зрелом подходе: молодежь ориентирована на конструктивные стратегии управления разногласиями, что, по мнению Д. Готтмана [11], определяет долговечность брака. Снижение приоритета «Роль и детей» (15%) и «Индивидуальности» (15%) подтверждает тренд на эгалитарность и отсрочку деторождения в пользу профессиональной самореализации [4]. Стремление к автономии в рамках союза согласуется с теорией дифференциации «Я» М. Боуэна.

Ввиду малочисленности студентов мужского пола (11,7%) выводы о них носят гипотетический характер. Однако современные исследования указывают на общую тенденцию к сближению ценностных ориентаций у мужчин и женщин, сдвигаясь в сторону партнерства и взаимной поддержки [13]. Таким образом, результаты отражают формирование реалистичного и психологически ориентированного подхода молодежи к созданию семьи.

Заключение и перспективы дальнейшего исследования

Проведенное исследование позволило выявить иерархическую структуру семейных ценностей современной студенческой молодежи. Применение проективного анализа пословиц подтвердило эффективность данного метода для экспликации глубинных ценностных ориентаций.

Основные выводы:

1. Выявлено доминирование эмоционально-стабильных конструктов: Лидирующие позиции шкал «Согласие» (29%) и «Фундамент» (22%) свидетельствуют о приоритетности коммуникативной гармонии и экзистенциальной безопасности. Это подтверждает значимость эмоционального благополучия как базового предиктора удовлетворенности браком [11, 19].
2. Показан реалистичный подход к динамике отношений: Значимость шкалы «Конфликт» (20%) указывает на готовность молодежи к конструктивному управлению разногласиями, что является признаком психологической зрелости [9].
3. Диагностирована модернизация семейных идеалов: Низкий приоритет шкал «Роли и дети» (15%) и «Индивидуальность» (15%) отражает отход от патриархальных моделей в пользу эгалитарного партнерства и сохранения личностной автономии [20].

Установленная иерархия во многом обусловлена спецификой выборки (88,3% женщин) и профессиональной направленностью респондентов (студенты-психологи), обладающих высоким уровнем рефлексии.

Практическая значимость и перспективы

Результаты могут быть интегрированы в программы психологического консультирования и курсы семейного просвещения для формирования конструктивных моделей родительства и супружества. Дальнейшие исследования должны быть направлены на расширение выборки за счет студентов мужского пола и проведение лонгитюдного анализа для отслеживания трансформации данных ценностей в процессе реального создания семьи [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Т. В. Психология современной семьи / Т. В. Андреева. — Санкт-Петербург: Речь, 2004. — 240 с. — Текст: непосредственный.
2. Аникин, В. П. Русские пословицы и поговорки / В. П. Аникин. — Москва: Художественная литература, 2009. — 608 с. — Текст: непосредственный.
3. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский; под ред. Д. Б. Эльконина. — Москва: Смысл: Эксмо, 2005. — 1136 с. — ISBN 5-699-10969-7. — Текст: непосредственный.
4. Голод, С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ / С. И. Голод. — Санкт-Петербург: Петрополис, 1998. — 544 с. — Текст: непосредственный.

5. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие для вузов / О. А. Карабанова. — Москва: Гардарики, 2005. — 320 с. — ISBN 5-7764-3799-9. — Текст: непосредственный.
6. Колпакова, Г. М. Проблемы использования народной мудрости в психологии / Г. М. Колпакова. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. — 2007. — № 1. — С. 78–85.
7. Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. — Москва: Просвещение, 1989. — 253 с. — Текст: непосредственный.
8. Шамионов, Р. М. Психология субъективного благополучия личности: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Р. М. Шамионов. — Саратов, 2006. — 380 с. — Текст: непосредственный.
9. Эльконин, Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. — Москва: Педагогика, 1989. — 423 с. — Текст: непосредственный.
10. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; пер. с англ.; предисл. А. Р. Лурии. — Москва: Прогресс, 1996. — 344 с. — Текст: непосредственный.

Антонюк Алла Владимировна,
магистрант
РХГА им. Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург
allava@rambler.ru

Котова Светлана Аркадьевна,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры РГПУ им. А. И. Герцена,
РХГА имени Ф. М. Достоевского,
кафедра психотравматологии
sa-kotova@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА МОЛОДЫХ МАТЕРЕЙ В ПОСЛЕРОДОВОЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ

Статья посвящена анализу психоэмоционального состояния молодых матерей в послеродовом периоде, описанию факторов риска, механизмов дезадаптации и эффективных методов психологической поддержки. Автором рассматриваются особенности тревожных, депрессивных и адаптационных нарушений, возникающих у женщин после родов. В статье представлена структурированная авторская программа оказания помощи, включающая когнитивно-поведенческий, телесно-ориентированный и ресурсно-восстановительный подходы.

Ключевые слова: послеродовой период, тревога, депрессия, психологическая поддержка, адаптация.

Alla V. Antonyuk, Svetlana A. Kotova

PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR YOUNG MOTHERS IN THE POST-PARTUM PERIOD

This article is devoted to the analysis the psychoemotional state of young mothers in the postpartum period, describing risk factors, mechanisms of maladaptation, and effective methods of psychological support. The author examines the characteristics of anxiety, depressive, and adaptation disorders that occur in women after childbirth. The article presents a structured, proprietary support program that includes cognitive-behavioral, body-oriented, and resource-restorative approaches.

Keywords: postpartum period, anxiety, depression, psychological support, adaptation.

Предназначение женщины как матери заключается в продолжении рода и формировании будущих поколений. Осознание и освоение позиции матери представляет собой принципиально новую стадию в развитии личности женщины, инициирующую процессы согласования ее индивидуальных жизненных целей с потребностями развития ребенка в условиях современной действительности. Забота о здоровье женщины выступает государственно значимой проблемой, поскольку здоровье матери напрямую влияет на то, каким образом будет развиваться подрастающее поколение и формироваться индивидуальность каждой личности. [2]

Послеродовой период представляет собой один из наиболее сложных и неоднозначных этапов жизни женщины-матери. В этот период происходит не только физиологическое восстановление организма, но и глубокая перестройка психики. Женщина сталкивается не только с физическими последствиями родов, но и с целым рядом социально-психологических задач: с новым уровнем ответственности, необходимостью мгновенно адаптироваться к непрерывным потребностям ребенка, а также с изменениями в отношениях с партнером, семьей и окружающим миром.

В целом ряде исследований отечественных и зарубежных авторов (Н. А. Корнетов [6], М. А. Коргожа [5], И. В. Добряков [4], Г. Г. Филиппова [10], Д. В. Винникотт [3], М. W. O'Hara [13], B. Pitt [14], и др.) показано, что послеродовой период является критическим этапом жизненного цикла женщины. Женщина чувствует себя ранимой, эмоционально нестабильной, иногда даже изолированной от прежней жизни. Этот процесс абсолютно естественен: личность адаптируется к новым задачам, и требуется время, чтобы внутренние ресурсы стабилизировались. Поэтому переход к активному материнству сегодня рассматривается как нормативный кризис развития личности. В условиях поддержки со стороны близких он может протекать гармонично, однако при неблагоприятных условиях может приводить к дезадаптации и нарушениям психоэмоционального функционирования женщины.[1] Так, в период беременности и в послеродовой период у 57% — 80% женщин отечественными исследователями фиксируются дисфункциональные психические состояния, граничащие с клиническими расстройствами (Корнетов Н. А.,[4]; Kessler R. C. и соавт.,[11]). Согласно международным исследованиям, распространенность нарушений психических состояний у женщин в этом периоде значимо меньше — 14–17% (Nisar и соавт., 2020 [12]).

Изучению проблем психоэмоциональных состояний женщин в послеродовой период и их контакта с ребенком придавал большое значение выдающийся английский педиатр и психоаналитик прошлого столетия Дональд Вудс Винникотт [1]. Им было введено понятие «достаточно хорошей матери», а также рассмотрены ситуации взаимодействия матери с ребенком в процессе грудного вскармливания. Последующие исследования подтверждают проблематику изучения материнства в послеродовой период, как сложного,

многомерного процесса, в котором психоэмоциональный статус определяется сочетанием биологических, психологических, социальных и экзистенциальных факторов.

Состояние женщины после родов определяют через взаимодействие трёх базовых уровней: биологического, психологического, социального. Биологический уровень включает гормональные изменения, восстановление после беременности и родов, хронический недостаток сна и физическое истощение. Психологический уровень формируется эмоциональными переживаниями, связанными с материнством, новыми ролями, страхами, установками и ожиданиями. Психоэмоциональные изменения с рождением ребенка запускают глубокий процесс перестройки личности. Женщина переходит от привычной роли к новой идентичности — материнской. Этот переход может сопровождаться внутренним конфликтом: с одной стороны, чувство любви и важности происходящего, с другой — страхи, сомнения, ощущение неопытности. Социальный уровень определяют отношения с партнером, семьей, друзьями, а также общественные ожидания и культурные нормы. Недостаток поддержки на любом из уровней может вызвать эмоциональное перенапряжение или привести к развитию тревожных и депрессивных состояний. Именно поэтому комплексный подход к пониманию состояния молодой матери является ключевым.

Исследования последних десятилетий демонстрируют, что период раннего материнства характеризуется повышенной уязвимостью психоэмоциональной сферы женщины. Филиппова Г. Г. [10] в работах по перинатальной психологии подчеркивает, что становление материнской идентичности сопровождается глубокими личностными трансформациями, требующими значительных психологических ресурсов.

Физиологические нагрузки молодых матерей высоки и на послеродовое восстановление требуется время: сокращение матки, восстановление тканей, изменение уровня железа, боли в мышцах, спине и тазовой области. Организм тратит огромные ресурсы на физическое восстановление и кормление ребёнка. В этой фазе ощущается усталость, разбитость и снижение общего жизненного тонуса. Ситуацию часто осложняет хроническая депривация сна: многократные ночные пробуждения, нерегулярность цикла сна и бодрствования приводят к когнитивным сбоям. Женщина может испытывать трудности с концентрацией внимания, забывчивостью, невозможностью быстро переключаться и даже проблемы с речью.

Поэтому понятие психоэмоционального статуса молодых матерей включает несколько взаимосвязанных компонентов:

- Эмоциональный компонент отражает спектр и интенсивность переживаемых эмоций, их модальность и динамику. По мнению Мещеряковой С. Ю. [8] эмоциональная сфера матери в послеродовом периоде

характеризуется повышенной лабильностью, амбивалентностью переживаний и склонностью к интенсивным аффективным реакциям.

- Когнитивный компонент включает особенности восприятия себя в материнской роли, оценку собственной компетентности, интерпретацию поведения ребенка.
- Поведенческий компонент проявляется в паттернах взаимодействия с ребенком, способах совладания со стрессом, стратегиях адаптации к новой жизненной ситуации.

Перепады настроения — один из самых распространенных признаков послеродового периода. Женщина может внезапно плакать, чувствовать раздражение или трудности в управлении эмоциями. Первые дни после родов характеризуются особой эмоциональной уязвимостью. Pitt B. [14] (1973) описал феномен «послеродовой хандры» (baby blues), который наблюдается у 50–80% рожениц на 3–5 день после родов и проявляется в плаксивости, эмоциональной лабильности, тревожности, нарушениях сна. Это связано с гормональными изменениями и эмоциональным напряжением. Обычно это временное состояние, которое при наличии поддержки проходит естественным образом.

Молодые матери в силу недостаточной компетентности нередко испытывают сильную тревогу за ребенка: страх, что малыш плохо дышит, что он недостаточно ест, что она что-то делает неправильно. И тогда тревога принимает форму навязчивых мыслей или поведения (постоянные проверки дыхания, сна, положения ребенка).

Более серьезным нарушением эмоционального состояния является послеродовая депрессия, которая характеризуется подавленным настроением, ангедонией, чувством вины, нарушениями сна и аппетита, трудностями в установлении эмоциональной связи с ребенком. Послеродовая депрессия отличается от обычной усталости глубиной изменений: женщина может чувствовать эмоциональную пустоту, отчуждение от ребенка, потерю интереса к жизни, чувство вины и безысходности. ПРД возникает у 10–20% матерей, но часто остается нераспознанной. Причины включают значимые физиологические изменения, стресс, отсутствие поддержки, тяжелые роды, предыдущие эмоциональные трудности. Статистические данные свидетельствуют о глобальной распространенности послеродовой депрессии (ПРД). В среднем в мировом масштабе ею страдают 13,5% родивших женщин (Shorey и соавт., 2018 [15]), обобщенная распространенность ПРД в России составляет 34,47% (95% ДИ 29,14–39,81%), а за последние 5 лет с 2020 по 2024 г. увеличение достигло 43,50% (95% ДИ 35,5–51,5%) [8].

Несмотря на огромное значение первых недель после родов, система здравоохранения ориентирована на поддержку физического состояния матери, оставляя ее эмоциональное здоровье вне внимания. Женщина получает минимальные рекомендации относительно своего психологического состояния.

Также отсутствуют стандарты по эмоциональному сопровождению, скринингу тревоги и депрессии. В результате многие женщины проходят этот период в состоянии скрытого кризиса, не понимая, что их переживания и состояния часто требуют профессионального вмешательства.

Р. Э. Мазо и Е. В. Вербицкая [7] подчеркивают содержательную многомерность конструкта социальной поддержки молодой матери, выделяя эмоциональную поддержку (сочувствие, понимание, принятие), инструментальную поддержку (практическая помощь в уходе за ребенком и ведении домашнего хозяйства) и информационную поддержку (советы, рекомендации). Авторы отмечают, что дефицит любого из этих видов поддержки может способствовать развитию послеродовой депрессии.

Ученые подчеркивают, что социальные стереотипы негативно влияют на молодых матерей. Многие женщины сталкиваются с давлением общества: «мать должна быть счастливой», «материнство — естественно», «ты должна чувствовать любовь с первого дня». Эти установки создают нереалистичные ожидания и формируют внутренний конфликт, когда реальность не совпадает с образами из социальных сетей. Женщина начинает скрывать свои эмоции, боясь осуждения, что только усиливает изоляцию. Работа с разрушением этих стереотипов должна быть также включена в содержание психологической поддержки матери.

Особенно травматичным является обесценивание переживаний окружающих, фразы вроде: «у всех так», «главное — ребенок», «не выдумывай» — усиливают чувство одиночества и непонимания. Женщина перестает делиться переживаниями и остается наедине со своими эмоциями. Обесценивание может привести к подавлению эмоций, что повышает риск тревожных и депрессивных состояний.

Психологическая поддержка матерей в России осуществляется на государственном уровне, им уделяется большое внимание. В стране активно работают Женские консультации (реализуют бесплатные курсы для беременных (дыхание, гимнастика, уход за новорожденным), Школы материнства при роддомах (проводят лекции акушеров, педиатров, иногда психологов). Развивается Национальный проект «Охрана материнства и детства», предполагающих скрининги состояния здоровья матери и ребенка, направленных на профилактику физических осложнений и предоставление матери информации о рисках данного периода. Работают и коммерческие центры по психологической поддержке и подготовке женщин к родам и школы для будущих матерей, включая Онлайн-школы, реализующие дистанционное обучение. ВТБ запустил программу поддержки будущих матерей через мобильное приложение. В программу включены консультации психологов и обучающие курсы для подготовки к родам.

Тем не менее проблематика психологической поддержки молодых матерей заключается в отсутствии психологической помощи в послеродовом

периоде на системном уровне. Женщина не получает информации о том, куда обращаться при тревоге, депрессии, страхах или эмоциональном выгорании. Специалисты часто ограничиваются рекомендациями по физическому восстановлению. Недостаток перинатальных психологов, отсутствие образовательных программ для семьи, отсутствие скрининга психоэмоционального состояния часто приводит к позднему обращению за помощью.

Отсутствие оперативной поддержки может приводить к эмоциональному выгоранию, хронической тревоге, нарушениям сна, снижению самооценки, затруднениям в установлении связи с ребёнком. Иногда это отражается даже на физическом здоровье: мышечных зажимах, головных болях, скачках давления. В результате многие женщины годами живут с последствиями эмоционального кризиса. Женщина может чувствовать отчуждение, вину и стыд, что становится почвой для развития депрессивных состояний. Своевременная поддержка и безопасное пространство, где женщина может говорить открыто о своих чувствах существенно снижает эти риски и помогает ей восстановиться быстрее и мягче.

Необходимость разработки эффективных программ психологического сопровождения молодых матерей в послеродовом периоде сохраняет свою актуальность, в том числе на государственном уровне. Поэтому по результатам изучения психоэмоциональных переживаний молодых матерей в период послеродового кризиса, была разработана программа психологической поддержки молодых матерей под названием «Материнская гармония». Целевая аудитория программы: молодые матери, находящиеся в декретном отпуске по уходу за ребенком (возраст 28–40 лет). Программа представлена в цифровом формате чат-бота, доступность в организации программы для мам обеспечивается через онлайн-формат, гибкое расписание занятий, возможность участия с детьми, краткосрочность встреч. Длительность 10 недель (2–2,5 месяца). Формат: группа из 8–10 участниц, частота: 1 раз в неделю, 40 минут.

Цель программы: Обеспечение психологической устойчивости, профилактика негативных психоэмоциональных переживаний в период послеродового кризиса.

Задачи программы:

- предоставить информацию о рисках данного периода;
- дать конкретную систему психотехнических упражнений и практик для саморегуляции;
- сформировать базовые навыки самопомощи, укрепить материнскую идентичность через развитие позитивного отношения к себе и ребенку.

Таблица 1. Этапы реализации и задачи программы

Наименование этапов	Количество занятий	Задачи реализации программы
1. Вводный. Диагностический этап	1–2 занятия	• Определение уровня психологического дистресса. • Анализ материнской компетентности. • Исследование семейных взаимоотношений. • Выявление социальной поддержки.
2. Основной этап	3–5 занятия	Коррекционно-развивающие задачи: • Освоение техник релаксации и управления стрессом. • Формирование навыков позитивного мышления. • Создание эффективных копинг-стратегий. • Повышение материнской уверенности, корректировка неадекватных поведенческих и эмоциональных реакций. • Формирование коммуникативных навыков, способствующих самоактуализации и самоутверждению.
3.Закрепляющий этап	6–8 занятия	Профилактические задачи: • Предупреждение развития послеродовой депрессии. • Профилактика кризисных эмоциональных переживаний. • Предотвращение семейных конфликтов. • Создание навыков коммуникации в социальной среде.

Ожидаемые результаты программы:

- стабилизация эмоционального состояния матерей в кризисный послеродовой период;
- снижение уровня тревожности на 40–50%;

- восстановление внутренних ресурсов;
- расширение социальной поддержки;
- улучшение качества семейных отношений;
- позитивная самооценка.

Оценка эффективности программы проводится через текущую обратную связь, а также итоговую диагностику по методикам: Шкала послеродовой депрессии Эдинбурга (до/после) и Опросник родительского стресса.

Выводы

Послеродовой период — сложный, многомерный процесс, который требует внимательного и мягкого подхода. Эмоциональные переживания женщины в это время абсолютно нормальны и заслуживают уважения и поддержки. Своевременная психологическая поддержка молодых матерей в кризисный послеродовой период является ключевым фактором профилактики послеродовых психоэмоциональных и психических расстройств, а также значительно улучшает качество жизни матерей и их способность справляться с трудностями. Основная задача предложенной программы поддержки — восстановление гармоничного психоэмоционального состояния женщины и выстраивание благоприятных и устойчивых отношений в системах «Мать — Ребенок» и «Жена — Муж». Поддержка специалиста помогает научиться женщине разграничивать реальные угрозы и тревожные фантазии, возвращая молодой матери чувство контроля за своей жизнедеятельностью и деятельностью своей семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонюк, А. В. Готовность молодых женщин к материнству в современном обществе / А. В. Антонюк. — Текст: непосредственный // Ценности как сердце культуры: сборник материалов XXIV Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге, 22 мая — 1 июня 2024 года / отв. ред. В. А. Егоров. — Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2024. — С. 190–196.
2. Антонюк, А. В. Особенности психоэмоционального состояния молодых матерей в послеродовом периоде / А. В. Антонюк, С. А. Котова. — Текст: непосредственный // Цивилизационный выбор России и русской Церкви: к 80-летию Великой Победы: сборник материалов XXV Свято-Троицких международных чтений в Санкт-Петербурге, 22 мая — 1 июня 2025 года / отв. ред. В. А. Егоров. — Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2025. — С. 200–206.
3. Винникотт, Д. В. Мать и дитя / Д. В. Винникотт. — Екатеринбург: ЛИТУР, 2004. — 296 с. — Текст: непосредственный.
4. Добряков, И. В. Перинатальная психология / И. В. Добряков. — Санкт-Петербург: Питер, 2010. — 272 с. — Текст: непосредственный.
5. Коргожа, М. А. Комплексная диагностика психоэмоциональных нарушений у женщин в перинатальном периоде: проблемы инструментария и их решение /

- М. А. Коргожа. — DOI 10.24412/2219-8245-2021-2-5. — Текст: непосредственный // Медицинская психология в России. — 2021. — Т. 13, № 2. — С. 5.
6. Корнетов, Н. А. Послеродовая депрессия — центральная проблема охраны психического здоровья раннего материнства / Н. А. Корнетов. — Текст: непосредственный // Бюллетень сибирской медицины. — 2015. — Т. 14, № 6. — С. 5–24.
 7. Мазо, Р. Э. Партнерские роды: психологические аспекты / Р. Э. Мазо, Е. В. Вербицкая. — Текст: непосредственный // Журнал акушерства и женских болезней. — 2012. — Т. 61, № 3. — С. 89–95.
 8. Мещерякова, С. Ю. Психологическая готовность к материнству / С. Ю. Мещерякова. — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 2000. — № 5. — С. 18–27.
 9. Федака, А. А. Распространенность послеродовой депрессии в Российской Федерации: систематический обзор и метаанализ / А. А. Федака, М. В. Авксентьева. — Текст: электронный // Медицинские технологии. Оценка и выбор. — 2025. — Т. 47, № 2. — С. 74–87. — URL: <https://www.mediasphera.ru/issues/meditsinskie-tehnologii-i-otsenka-i-vybor/2025/2/1221906782025021074> (дата обращения: 25.12.2025).
 10. Филиппова, Г. Г. Психология материнства: учебное пособие / Г. Г. Филиппова. — Москва: Изд-во Института Психотерапии, 2002. — 240 с. — Текст: непосредственный.
 11. Kessler, R. C. The epidemiology of major depressive disorder. Results from the National Comorbidity Survey Replication (NCS-R) / R. C. Kessler, P. Berglund, O. Demler [et al.]. — Текст: непосредственный // JAMA. — 2003. — Vol. 289. — P. 3095–3105.
 12. Nisar, A. Prevalence of perinatal depression and its determinants in low- and middle-income countries: A systematic review and meta-analysis / A. Nisar, J. Yin, A. Waqas, X. Bai, D. Wang. — Текст: непосредственный // JAMA Psychiatry. — 2020. — Vol. 77, no. 5. — P. 493–503.
 13. O'Hara, M. W. Rates and risk of postpartum depression: A meta-analysis / M. W. O'Hara, A. M. Swain. — Текст: непосредственный // International Review of Psychiatry. — 1996. — Vol. 8, no. 1. — P. 37–54.
 14. Pitt, B. "Maternity blues" / B. Pitt. — Текст: непосредственный // British Journal of Psychiatry. — 1973. — Vol. 122. — P. 431–433.
 15. Shorey, S. Prevalence and Incidence of Postpartum Depression among Healthy Mothers: A Systematic Review and Meta-Analysis / S. Shorey, C. Y. I. Chee, E. D. Ng [et al.]. — Текст: электронный // Journal of Psychiatric Research. — 2018. — Vol. 104. — P. 235–248. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2018.08.001> (дата обращения: 23.12.2025).

Бондаренко Светлана Владимировна,
магистрант Института психологии
РГПУ им. А. И. Герцена,
bolanss@mail.ru

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ГРУППОВЫХ ТВОРЧЕСКИХ СЕССИЙ ДЛЯ МАТЕРЕЙ И ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

В статье поднимается проблема повышения качества психолого-педагогического сопровождения родителей и детей-инвалидов. Представлен опыт работы Всеволожского благотворительного фонда «Ольга» по психолого-педагогическому сопровождению родителей и детей с инвалидностью. Показано, что творческие мероприятия выступают эффективным средством гармонизации детско-родительских отношений, способствуют развитию каждого участника. Благодаря творческому процессу, доброжелательной атмосфере на занятиях матери детей с ОВЗ имеют возможность по-другому посмотреть на своего ребёнка. Особое значение имеет тот факт, что творческий процесс смещает акценты с постоянной заботы о ребёнке на осознание собственной личности и личных потребностей родителя. Дети на занятиях получают опыт эффективной коммуникации и социализации, приобретая новые практические навыки и умения. По результатам оценки настроения с помощью методики шкалирования была доказана эффективность групповых творческих сессий для всех участников.

Ключевые слова: дети с инвалидностью, детско-родительские отношения, групповые творческие сессии, осознание собственной личности, эмоциональное состояние

Svetlana V. Bondarenko

EXPERIENCE IN CONDUCTING GROUP CREATIVE SESSIONS FOR MOTHERS AND CHILDREN WITH DISABILITIES

The report presents the experience of a teacher from the Vsevolozhsk Charity Fund «Olga.» The primary goal of the found's sessions is to provide social and psychological support to families raising children with disabilities. Creative activities serve as an effective means of harmonizing parent-child relationships and contribute to the development of each participant. Thanks to the creative process and a positive atmosphere, mothers of children with disabilities have the opportunity to view their child in a different light. A particularly important aspect is that the creative approach shifts the focus from constant care for the child to awareness of the parent's own personality and personal needs. Children gain experience in effective communication and socialization, acquiring new practical skills and abilities. According to mood assessment results using a scaling methodology, the effectiveness of group creative sessions for all participants has been proven.

Keywords: children with special educational needs, children with disabilities, parent-child relationships, creativity, development, mother's personal needs, development, personal needs of the mother, self-awareness, personal needs.

Введение

В последние годы численность детей-инвалидов в нашей стране неуклонно увеличивается. По данным Росстата численность детей-инвалидов (на 31 декабря 2024 года) составила 11123 тысячи человек, что составляет 7,6% от численности постоянного населения России. В 1996 году в возрасте 0–15 лет численность детей-инвалидов составляла — 462 275 человек. В 2024 году в возрасте 0–18 лет численность детей составила уже 755 459 человек. Ежегодно прирост детей с инвалидностью составляет около 3,5% [1]. Соответственно, растет и количество семей, столкнувшихся с трудностями воспитания особых детей.

Воспитание ребёнка с ОВЗ и инвалидностью — задача, накладывающая отпечаток на все сферы жизнедеятельности семьи. Уровень родительского стресса в таких семьях довольно высокий, появляются психосоматические расстройства, формируются дезадаптивные личностные черты [2]. Матери детей с инвалидностью часто всецело сосредотачиваются на своем ребенке, его эмоциях и потребностях, забывая про себя [2]. Они не обращают внимания на свои потребности. Родители особых детей часто переживают негативно-окрашенные чувства: вины, подавленности, безысходности, бессилия, чувства утраты, гнева, разочарования, тоски и др. Среди матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) наблюдается проявление синдрома эмоционального выгорания, чаще проявляются соматические симптомы: они жалуются на скачки артериального давления, бессонницу, частые и сильные головные боли. И. Ю. Левченко фиксирует такие соматические расстройства как жалобы на общую усталость, отсутствие сил, а также депрессивное состояние [3]. Причина — следствие большой психологической нагрузки и повышенной ответственности за ребенка, которая присутствует в жизни родителей.

Всеволожский благотворительный фонд помощи детям и молодежи с ОВЗ «Ольга» (ранее Всеволожский благотворительный фонд помощи детям-инвалидам и детям с ОВЗ «Ольга») был основан в 2012 году [4]. В фонде проводятся различные занятия с детьми-инвалидами. Основная общая цель всех занятий: социализация, создание условий для коммуникации особых детей. Использовался подход терапии творческим самовыражением по М. Е. Бурно.

Первоначально занятия творчеством в БФ «Ольга» изначально носили по большей мере обучающий характер: живопись, рисунок, лепка, были направлены на обучение детей навыкам и приемам художественного творчества. Сейчас в занятия стали включаться элементы арт-терапии: правополушарное рисование; рисование себя; рисунок состояния; использовались также техники коллажирования, рисунок на мятой и на мокрой бумаге. Опыт проведения занятий показал, что данные занятия имеют положительный эффект не только на детей, но и их родителей, которые присутствуют

в помещении во время занятия, но не включены в него. У родителей проявляется чувство гордости за успехи своего ребенка, повышается уровень настроения, они больше улыбаются. Подобный эффект стал основанием для подключения к занятиям родителей.

Были изучены существующие программы для работы с детьми и родителями по средствам арт-терапевтических сессий. К таким программам можно отнести программу коррекции детско-родительских взаимоотношений и агрессивных поведенческих проявлений посредством арт-терапевтических техник «Остров общения» [5]. Программа направлена на детско-родительские группы с детьми старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Цикл программы включает 10 занятий продолжительностью от 1 до 1,5 часов. Проводятся занятия 1 раз в неделю.

Еще одна программа по коррекции детско-родительских отношений разработана с целью создания условий для укрепления детско-родительских отношений [6]. Программа состоит из 10 занятий. Продолжительность занятий: 2 раза в неделю по 120 минут. Имеющиеся в практике программы направлены на коррекцию детско-родительских отношений и на развитие коммуникативных способностей детей с ОВЗ.

На основании вышеописанных наблюдений, было решено разработать программу, которая будет способствовать гармонизации уровня психоэмоционального состояния в системе отношений «родители — дети». Так появилась программа групповых творческих сессий для матерей и детей с инвалидностью.

В исследовании принимали участие 10 мам и 10 детей. Периодичность групповых творческих сессий: 1 раз в неделю, продолжительность занятия 1 час. Всего было проведено 8 сессий. Все занятия сопровождались контрольной диагностикой. Программа строилась на принципах тренинговой групповой работы и уважительного отношения друг к другу, и творчеству участников; добровольности участия в сессиях; права участника в любой момент завершить свое участие в сессии; принципе активной творческой позиции участников.

Родители в начале каждого занятия получали лист бумаги и ручку, на листе они должны были нарисовать прямую линию со шкалой от нуля до десяти (шкала эмоциональных тонов), где ноль, это апатия, грусть, печаль, а 10 максимально приподнятое настроение.

Каждая сессия имела вводную часть (приветствие, определение эмоционального состояния), настрой на работу (определение темы, цели, выполнение упражнений на формирование межполушарных связей мозга) основную (творческий процесс) и заключительную часть (вербализация, определение эмоционального состояния, завершение сессии).

Целью первой сессии было сплочение коллектива участников, настрой на положительный результат совместной работы. Использовались

упражнения «Дай пять» и «Мое имя». Во время творческой деятельности каждый участник делал свой кусочек общей композиции в ходе создания группового полотна «Пицца» (материалы: картон, пластилин). Во время последующих встреч были проведены следующие арт-терапевтические упражнения: «Мечта» (правополушарное рисование, гуашь); «Мой лучший день» (коллажирование); «Наш мир» (коллективное рисование); «Цвет настроения» (рисунок по мокрому акварелью); «Солнечный денек» (правополушарное рисование, гуашь); «Необычный друг» (рисование по мятой бумаге); на последней встрече был изготовлен альбом «Друзья», где каждая страничка была посвящена участнику сессий.

В результате проведения программы было выявлено, что практически у всех родителей значительно поднялся уровень настроения в процессе занятий: было получено 56 шкал эмоциональных тонов (не на каждой сессии присутствовали все 20 участников), что соответствует 100% всех полученных шкал. Повышение уровня настроения выявлено в 53 шкалах (что соответствует 94%), настроение осталось на прежнем уровне в 1 шкале (2%). Понижение же настроения выявлено в 2 шкалах (4%). Настроение у родителей не менялось только в том случае, если родитель был сильно погружён в работу своего ребёнка, и ребёнок не оправдал его ожиданий (такие случаи возникали только в начале совместных занятий и постепенно их количество уменьшилось. Когда мама погружалась в процесс творчества, она «отпускала» своего ребенка, ребенок мог самовыражаться, проявлять свои желания и мысли. Родителям очень понравилось творить вместе, но и делать свои самостоятельные творческие работы. Таким образом, к процессу подключились практически все родители детей, посещающих занятия фонда.

В результате проведенной работы были сделаны выводы, что групповые творческие сессии благотворно влияют как на детей, так и на их родителей. Совместные творческие сессии выступают эффективным средством гармонизации детско-родительских отношений, способствуют развитию каждого участника. Повышается общий эмоциональный фон семьи. Творческий процесс смещает акценты в самовосприятии родителей с постоянной заботы о ребёнке на осознание значимости собственной личности и личных потребностей. Благодаря творческому процессу, доброжелательной атмосфере матери детей с ОВЗ имеют возможность по-другому посмотреть на своего ребёнка. Дети получают опыт эффективной коммуникации и социализации, приобретая новые практические навыки и умения.

Перспективами работы с родителями является дальнейшая разработка и проведение арт-сессии и для родителей отдельно от детей. Для многих мам стало открытием, что можно собраться в кругу родителей, совместно окунуться в творческий процесс, уделить внимание себе, обменяться переживаниями и эмоциональными ресурсами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксютина, З. А. Арт-терапия в коррекции эмоционального выгорания у матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья / З. А. Аксютина, А. В. Ченская, Ю. Е. Шабышева. — Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. — 2023. — Т. 9 (75), № 2. — С. 92–106.
2. Всеволожский благотворительный фонд «Ольга»: официальный сайт. — Текст: электронный. — URL: <https://bf-olga.ru/> (дата обращения: 18.01.2026).
3. Дьячкова, Е. С. Психологические особенности матерей, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью / Е. С. Дьячкова, Т. В. Баяндина. — Текст: непосредственный // Медицинская психология в России. — 2021. — Т. 13, № 3 (68).
4. Левченко, И. Ю. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии: методическое пособие / И. Ю. Левченко, В. В. Ткачева. — Москва: Просвещение, 2008. — 239 с. — Текст: непосредственный.
5. Новикова, К. В. Программа арт-терапевтических занятий по коррекции детско-родительских отношений / К. В. Новикова, И. Ф. Жевтун. — Текст: электронный // Психолог. — 2022. — № 3. — С. 1–29. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38192/ (дата обращения: 18.01.2026).
6. Шелпакова, И. Б. Из опыта работы: использование арт-терапевтических методов в работе с детьми и родителями / И. Б. Шелпакова, А. Р. Ширазян, П. А. Ярцева; ТОГАОУ «Котовская школа-интернат для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья». — Текст: электронный. — URL: <https://smarteka.com/uploads/files/2022/02/24/43b7dc9b-b0c1-46c0-8373-75f2e7a2371a3f3d7187-af5b-4116-8e7d-459f1fd74f32.pdf> (дата обращения: 18.01.2026).
7. Щербакова, Е. М. Инвалиды в России, 2025 год / Е. М. Щербакова. — Текст: электронный // Демоскоп Weekly. — 2025. — № 1077–1078. — URL: <https://demoscope.ru/weekly/2025/01077/barom01.php> (дата обращения: 18.01.2026).

Краснова Татьяна Евгеньевна,
Психолог, супервизор,
магистрант кафедры психотравматологии
РХГА имени Ф. М. Достоевского,
Россия, Москва, pr.krasnova@gmail.com

Никитаева Алина Игоревна,
психолог, магистрант кафедры психотравматологии
РХГА имени Ф. М. Достоевского,
Россия, Москва, i@alinafineart.com

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЙ ПОДХОДОВ ПРИ РАБОТЕ С ЛИЧНОСТНЫМ КРИЗИСОМ, ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИМ СТРЕССОМ И РАННЕЙ ДЕТСКОЙ ТРАВМОЙ

Статья представляет систематизированный обзор эффективности и ограничений основных психотерапевтических подходов при работе с личностными кризисами, посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) и последствиями ранней детской травмы. Рассмотрены когнитивно-поведенческие протоколы (TF-CBT, АСТ, DBT, REBT, схема-терапия), методы глубинной переработки (EMDR, гипнотерапия, рескриптинг, IFS, Flash), нарративная экспозиционная терапия, телесно-ориентированные и экспрессивные практики (Somatic Experiencing, сенсомоторная терапия, методы арт-терапии) и психоаналитические школы. Оценка опирается на современные мета-анализы, клинические руководства и на обобщение практического опыта авторов. Даны рекомендации по подбору и комбинированию методов в зависимости от клинического профиля, фазы терапии и возрастной адаптации.

Ключевые слова: психическая травма, психотравматизация, терапевтические подходы, стратегии и методы психологического консультирования, ПТСР, ранняя детская травма, личностный кризис, мультимодальная терапия.

Tatyana Yev. Krasnova, Alina Ig. Nikitaeva

A REVIEW OF THE EFFECTIVENESS AND LIMITATIONS OF APPROACHES IN WORKING WITH PERSONAL CRISIS, PTSD, AND EARLY CHILDHOOD TRAUMA

The article presents a systematized review of the effectiveness and limitations of major psychotherapeutic approaches used in working with personal crises, post-traumatic stress disorder (PTSD), and the consequences of early childhood trauma. The analysis covers cognitive-behavioral protocols (TF-CBT, ACT, DBT, REBT, Schema Therapy), deep-processing methods (EMDR, hypnotherapy, imagery rescripting, IFS, Flash), narrative

exposure therapy, body-oriented and expressive practices (Somatic Experiencing, sensorimotor psychotherapy, art-therapy methods), as well as psychoanalytic schools. The evaluation is based on contemporary meta-analyses, clinical guidelines, and the authors' integrated clinical experience. Recommendations are provided for selecting and combining methods depending on the client's clinical profile, the phase of therapy, and the need for age-appropriate adaptations.

Keywords: psychological trauma, traumatization, therapeutic approaches, psychological counseling strategies and methods, PTSD, early childhood trauma, personal crisis, multimodal therapy.

Работа с последствиями травмы является одной из центральных задач клинической и консультативной практики: повышение распространенности политравматизации, рост числа смешанных запросов и высокая частота коморбидных нарушений (депрессия, расстройства привязанности, расстройства личности и т.д.) создают необходимость точного выбора терапевтического инструментария [4, 5]. При этом доказательная база для разных методов неоднородна: современные обзоры и рекомендации ISTSS/NICE подчеркивают TF-CBT и EMDR как методы первой линии для классического ПТСР, в то время как для комплексной травмы и нарушений привязанности предпочтительны интегративные и длительные подходы [2, 4]. Телесные и экспрессивные методы широко применяются на практике, однако их эмпирическая база пока менее устойчива [7]. В таких условиях специалисту необходима практическая система навигации по методам с учетом типа запроса, возрастной группы, стадии терапии и индивидуальных особенностей клиента, чтобы минимизировать риски преждевременной травмы экспозиции и повысить безопасность вмешательства.

Целью исследования — интегративный обзор эффективности и ограничений основных практикуемых в настоящее время психотерапевтических подходов при работе с личностными кризисами, ПТСР и последствиями ранней детской травмы у детей и взрослых, с последующей разработкой клинически применяемой схемы соответствия методов задачам терапии и формулированием рекомендаций по оптимальным сочетаниям в рамках мультимодальной, фазовой модели психологического консультирования.

Под ПТСР понимается диагностируемый набор симптомов (повторные навязчивые воспоминания, избегание, негативные изменения в познании/настроении и гиперактивация), возникающих после локального травмирующего события, при множественной и/или хронифицированной травме чаще говорят о комплексном ПТСР [3].

Ранняя детская травма охватывает широкий спектр неблагоприятных переживаний в детстве (физическое / сексуальное / эмоциональное / домашнее / коллективное насилие, хроническая запущенность, эмоциональное и физическое пренебрежение, проживание с людьми, злоупотребляющими психоактивными веществами / побывавшими в местах лишения свободы / имеющими психические расстройства / лишение родителей, насилие в окружении

и буллинг) и часто связана с нарушениями привязанности и развитием стойких «ранних дезадаптивных схем» [19].

Личностный кризис рассматривается как сочетание субъективного ухудшения функционирования и нарушений самовосприятия, требующих терапевтического вмешательства, но не всегда сопряженных с формальным психопатологическим диагнозом.

Методологическая основа исследования опирается на комплексный междисциплинарный подход, включающий анализ академических и клинических источников, представленных в международных и отечественных базах данных (PubMed, Scopus, Web of Science, APA PsycNet, eLibrary), обзорных статей, клинических рекомендаций и мета-аналитических обзоров (ISTSS, NICE, EMDRIA) с акцентом на публикации последних лет и обобщения личного практического опыта авторов.

В работе применялись методы контент-анализа и сопоставительной систематизации, что позволило выделить критерии для сравнительной таблицы:

- характер клинического запроса (личностный кризис, ПТСР, ранняя детская травма),
- возрастная адаптация (дошкольный, школьный, взрослый),
- стадии терапии (стабилизация, переработка, интеграция),
- уровень диссоциации и наличие нарушений привязанности.

При интерпретации результатов акцентировался уровень доказательности: систематические обзоры/мета-анализы и рандомизированные контролируемые исследования (РКИ) имеют приоритет, данные отдельных кейс-отчетов и пилотных исследований трактуются как предварительные. Рассмотрим более подробно результаты анализа разных психологических подходов.

Когнитивно-поведенческие протоколы

TF-CBT хорошо подтверждена для детских и подростковых популяций и остается стандартным выбором при ПТСР у молодых пациентов [18]. Для взрослых TF-CBT также эффективна при адаптации под клинические характеристики ПТСР. АСТ и REBT демонстрируют эффективность в снижении избегания и работе с иррациональными установками, однако для ПТСР их использование чаще комбинируют с экспозицией или телесной регуляцией [11]. DBT и схема-терапия имеют прочную доказательную базу при нарушениях личности и при комплексной травме: РКИ DBT-PTSD показали улучшение у женщин с детским насилием в анамнезе [1].

Методы глубинной переработки

EMDR признан в руководствах и подтвержден мета-аналитическими данными как эффективный метод при ПТСР [8]. EMDR удобен тем, что дает быстрые изменения в симптоматике у многих пациентов и хорошо адаптируется для детей при соблюдении этапности терапии [4]. Гипнотерапия имеет

ряд контролируемых работ и мета-анализов, показывающих пользу в снижении симптоматики, но в литературе отмечается высокая вариативность результатов и зависимость от квалификации терапевта [13]. IFS набирает эмпирическую поддержку как метод интеграции фрагментированных «частей» у лиц с травмой развития, однако крупномасштабных РКИ еще недостаточно. FLASH применяется для быстрой переработки травматических воспоминаний без сильных эмоциональных всплесков. Однако надежных научных данным относительного FLASH пока нет.

Нарративная экспозиционная терапия (NET)

NET показала устойчивые результаты в работе с множественными травмами (военные, беженцы) и имеет поддержку мета-анализов по снижению симптомов в кратко- и среднесрочной перспективе [14, 16].

Телесно-ориентированные подходы

Somatic Experiencing и соматические методики демонстрируют положительные предварительные эффекты на регуляцию вегетативной системы и соматические симптомы [7]. Из этого можно сделать важный вывод, что телесные техники целесообразно использовать как компонент подготовки и интеграции, а не как единственную линию при выраженном ПТСР и высокой диссоциации.

Эмоционально-фокусированная терапия (EFT)

Предварительные исследования показывают, что EFT может улучшать регуляцию эмоций и снижать тревожность/депрессию и некоторые симптомы травматического опыта. Так, у женщин с трудностями управления эмоциями курс EFT привел к улучшению навыков совладания. [17]

Арт- и экспрессивные методы

Многочисленные клинические отчеты и недавно опубликованные мета-аналитические данные указывают на заметную пользу творческих интервенций при ПТСР у молодежи и детей [2, 9]. Песочная терапия, сказкотерапия, изотерапия и игровые подходы остаются фундаментальными для работы с ранними травмами у детей, где вербализация ограничена [2, 15].

Психоаналитические и теоретические школы

Теории объектных отношений и психодинамика дают важное объяснение происхождению структур личности и внутренних образов у переживших раннюю травму. Однако как автономные короткие интервенции они уступают КПТ/EMDR в острых формах ПТСР и чаще используются в долгосрочной работе и психодинамической рефлексии.

Ниже представлена систематизированная таблица (Табл. 1.), обобщающая данные о применимости различных психотерапевтических подходов при работе с личностными кризисами, ПТСР и последствиями ранней детской травмы у взрослых и детей. Табличная форма позволяет наглядно сравнить методы между собой, выделить их сильные стороны, ограничения и потенциальные зоны эффективности, их подчеркнуть возможности.

Представленная классификация служит ориентиром для специалистов, которые стремятся выбирать наиболее подходящие терапевтические стратегии с учетом характера запроса, особенностей личности клиента и этапа терапевтического процесса.

Проведенный анализ показывает, что не существует универсального терапевтического подхода, одинаково эффективного для всех типов травм и кризисных состояний. Но грамотное сочетание методов в рамках мультимодальной и фазовой терапии значительно повышает результативность интервенций. Выбор техник специалистом должен базироваться на тщательной оценке клиента (характер запроса, возраст, степень диссоциации, тип привязанности, ресурсы клиента и т.п.), квалификации специалиста, сопровождаться супервизией и мониторингом безопасности.

Практическая ценность обзора — предоставление специалистам, работающим в области психотравматизации, обоснованного «навигационного» инструмента для подбора и комбинирования методов, а научная перспектива требует дальнейших РКИ, направленных на оптимизацию комбинированных протоколов и возрастную модификацию методик с целью повышения безопасности и долгосрочной эффективности.

Табл. 1. Сравнительный анализ эффективности и ограничений методов по типу запроса

Характер запроса / Подход		Личностные кризисы	ПТСР
Когнитивно-поведенческие методы	Травмофокусированная КПТ (Trauma-Focused Cognitive Behavioral Therapy, TF-CBT)	Полезна при кризисах с нарушениями мышления/поведения, лучше на фазе стабилизации → работа с симптомами.	Высокая эффективность [5, 18] рекомендована для ПТСР у детей и подростков и у многих взрослых.
	Терапия принятия и ответственности (Acceptance and Commitment Therapy, ACT)	Эффективна при кризисах, связанных с избеганием за счёт проработки ценностей, улучшает психологическую гибкость.	Эффективна для снижения симптомов ПТСР и депрессии, особенно у жертв межличностной травмы [11], полезна как дополнение к травмофокусированным методам. [8]
	Диалектическая поведенческая терапия (Dialectical Behavior Therapy, DBT)	Эффективна при кризисах с дезрегуляцией, самоагрессией, импульсивностью, рисковом поведении, суицидальных тенденциях.	Доказана эффективность в модификациях для сложных/детских травм (DBT-PTSD) [1] и у коморбидных пациентов (пограничное расстройство личности (BPD) + ПТСР).
	Терапия, ориентированная на сострадание (Cognitive Behavioral Therapy, CFT)	Полезна при кризисах, сопряженных с сильным стыдом/самокритикой.	Полезна как вспомогательная терапия (снижение стыда/избегания), полезна как подготовка к экспозиции, недостаточно как единственная терапия
	Рационально-эмоционально-поведенческая терапия (Rational Emotive Behavior Therapy, REBT)	Эффективна при кризисах, связанных с иррациональными убеждениями, быстро обучает навыкам.	Ограничена как монотерапия для ПТСР, полезна в сочетании с экспозицией. [8]
	Схема-терапия (Schema Therapy)	Эффективна при глубинных кризисах личности и хронических паттернах. [19]	Полезна при комплексном/осложненном ПТСР (особенно при ранней травме), сочетается с EMDR/ImRs [19].

Глубинная переработка травмы	Eye Movement Desensitization and Reprocessing (EMDR)/ Десенсибилизация и Переработка Движением Глаз (ДПДГ)	Полезна при кризисах, где есть четкие травматические воспоминания, быстрое снижение симптомов.	Высокая доказательная эффективность, в руководствах считается одной из методов первой линии (сравнимо с КПТ) [8].
	Гипнотерапия (клинический гипноз)	Вспомогательная техника, может быстро снижать тревогу/нарушения сна в кризисе.	Имеются положительные данные, но меньше РКИ, чаще как компонент комплексной терапии.
	FLASH и FLASH 4 моргания (FLASH four blinks)	Может быть полезна для снижения дистресса в остром кризисе.	Применяется как мягкая/быстрая модификация EMDR, доказательная база ограничена.
	Рескриптинг (Imagery Rescripting, ImRs)	Эффективна при кризисах, связанных с навязчивыми образами/сценариями, улучшает самовосприятие.	Эффективна как компонент при ПТСР (перезапись травматичного образа), снижает симптомы, часто в связке с EMDR. [19]
	Терапия внутренних семейных систем (Internal Family Systems, IFS)	Помогает при внутреннем конфликте и раздробленности «я», полезна в кризисах самовосприятия. [6]	Полезна для интеграции частей при ПТСР/диссоциации, доказательная база растет, но ограничена. [19]
Нарративная экспозиционная терапия (Narrative Exposure Therapy, NET)		Менее применима для общих кризисов, скорее для обработки множественных травм в нарративе.	Доказана эффективность при множественных/военных травмах, дает устойчивые результаты [16], есть вариации KIDNET для подростков и FORNET для бывших комбатантов и правонарушителей [1].
Телесно-ориентированные подходы	Соматическое переживание (Somatic Experiencing, SE)	Эффективен при кризисах с телесной активацией/паникой, улучшает самочувствие.	Положительные предварительные данные, полезен в сочетании с EMDR/КПТ [7]
	Соматическая психодинамика (Телесно-ориентированная психодинамическая терапия)	Помогает восстановить связь с телом и чувствами, полезна при эмоциональной «замороженности».	Поддерживающая роль при ПТСР, улучшает регуляцию вегетативной системы, дополняет КПТ/EMDR.

Эмоционально-фокусированная терапия (EFT)		Эффективна при кризисах, связанных с утратой, гневом, привязанностью, отлично для пар, тревожных и депрессивных переживаний. [17]	Есть модификация для травмы, может быть полезна для проработки «первичных» эмоций при ПТСР, доказана эффективность при эмоциональных травмах, чаще используется как часть комбинированной терапии.
Арт-терапевтические и экспрессивные методы	Песочная терапия (Sandplay)	Полезна в кризисах у детей с ограниченной вербализацией, для взрослых вспомогательна, применяется для невербального выражения, способствует символической проработке. [2]	Как вспомогательный метод у детей с ПТСР, не заменяет травма-фокусированную терапию.
	Кинотерапия и библиотерапия (психодраматизация через кино-или литературные образы)	Служит ресурсом для осмысления кризиса через метафоры, полезна группам.	Вспомогательно: помогает формированию нарратива и идентификации, полезно для снижения сопротивления и обучения навыкам совладания, лучше в сочетании с терапией.
	Терапия с метафорическими картами, сказкотерапия	Эффективна при кризисах, где нужен безопасный перенос чувств, хорошо для детей и подростков.	Дополняет основную терапию, помогает работать со сложными состояниями и эмоциями.
	Музыкотерапия, игротерапия	Важны для стабилизации, регуляции аффекта и выражения трудно вербализуемых переживаний.	Вспомогательная, доказанная польза в снижении ПТСР-симптомов у некоторых групп.
	Изотерапия	Содействует регуляции аффекта и выражению трудно вербализуемых переживаний, снижает эмоциональное напряжение [15].	Умеренная эффективность как дополнение к травма-фокусированным методам, облегчает работу с образными компонентами травматического опыта и снижает уровень тревоги.

Классические психоаналитические методики	Психоанализ	Глубокая работа с внутренними конфликтами, полезна при долгосрочных кризисах личности.	Может дать понимание бессознательных динамик, вытесненных травм, межличностных паттернах, в исследовании жертв пыток показало, значимое улучшение состояния по шкале CGI. [10] Полезен для понимания бессознательных последствий травмы, но для экстренной работы с симптомами «кризиса» и острого ПТСР он менее эффективен.
	Теория объектных отношений	Ценна для понимания происхождения паттернов личности и «внутренних объектов».	Полезна в понимании формирования патологических внутренних представлений после ранней травмы, терапевтические техники длительны.
	Трансактный анализ (ТА)	Полезен при кризисах, связанных с межличностными сценариями и «играми», дает понятные инструменты.	Ограниченно применим к ПТСР как основа, может служить для работы с коммуникацией и ролями.
	Гештальт-терапия	Полезна для повышения осознанности и завершения «незавершенных дел» в кризисе.	Использование метода «диалогической экспозиции» (вариант гештальта) сопоставимо по эффективности с КПТ при ПТСР [12].

Характер запроса / Подход		Ранняя детская травма		Ограничения
		у детей	у взрослых	
Когнитивно-поведенческие методы	Травмофокусированная КПТ (Trauma-Focused Cognitive Behavioral Therapy, TF-CBT)	Одна из ведущих методик для детской травмы от 3 лет [18], требует подключения опекунов, возрастная адаптация и супервизия.	Эффективна при переработке детских травматических воспоминаний, но при поврежденных привязанностях часто требуется комбинирование (схема-терапия, EMDR)	При комплексной травме/диссоциации требует предварительной стабилизации, ограничена для «глубинной» переработки детских базовых схем.
	Терапия принятия и ответственности (Acceptance and Commitment Therapy, ACT)	Ограниченно эффективна у маленьких детей, полезна для подростков и родителей в составе программы.	Полезна во взрослых с историей ранней травмы для работы с избеганием и эмоциональным онемением, хорошо сочетается с экспозицией и CFT.	Сравнительно меньше строгих РКИ в чистом виде при ПТСР и личностных кризисах, требует мотивации клиента.
	Диалектическая поведенческая терапия (Dialectical Behavior Therapy, DBT)	Требует адаптации для подростков, ограниченно применима у детей до 6 лет.	Очень полезна при последствиях ранней травмы у взрослых (BPD, дисрегуляция, импульсивность).	Ресурсозатратность, длительный курс, требуется подготовка.
	Терапия, ориентированная на сострадание (Cognitive Behavioral Therapy, CFT)	Ограничена. Подходит для родителей и подростков.	Эффективна при последствиях ранней травмы (стыд, токсическая вина, травматические внутренние объекты), хорошо в сочетании с EMDR/ACT. [8]	Меньше крупномасштабных РКИ, требует навыков терапевта в сострадании.
	Рационально-эмоционально-поведенческая терапия (Rational Emotive Behavior Therapy, REBT)	Требует адаптации, полезна для старших детей/подростков.	Полезна для коррекции убеждений, но не решает глубинных паттернов связанных с привязанностью.	
	Схема-терапия (Schema Therapy)	Косвенная польза, прямое применение — подростки и взрослые.	Один из ведущих методов при последствиях ранней детской травмы: схемы «Покинутость», «Недостаточная защищенность», «Неполноценность».	Длительность, требует дополнительной квалификации специалиста.

Глубинная переработка травмы	Eye Movement Desensitization and Reprocessing (EMDR)/ Десенсибилизация и Переработка Движением Глаз (ДПДГ)	Эффективна у детей при адаптации, используется после стабилизации.	Очень эффективна для переработки воспоминаний, фрагментов и телесных следов детской травмы, часто комбинируется со схема-терапией/IFS.	Противопоказана при высокой диссоциации без предварительной стабилизации, требует обучения терапевта.
	Гипнотерапия (клинический гипноз)	Ограниченно применима у маленьких детей, возможна работа с подростками и родителями.	Полезна для доступа к разделяемым состояниям и диссоциации.	Риск плацебо, зависит от гипнабельности клиента, требует осторожности при травме и обучения терапевта.
	FLASH и FLASH 4 моргания (FLASH four blinks)	Экспериментально, требует осторожности и детской адаптации.	Может быть полезной частью EMDR-протоколов при работе с фрагментами ранних воспоминаний и при высоком эмоциональном заряде.	Малое число независимых исследований.
	Рескриптинг (Imagery Rescripting, ImRs)	Полезна при ранней травме (работа с детскими образами), требует профессиональной подготовки.	Один из ведущих методов при травме развития: переписывает детские сцены и восстанавливает «внутреннего ребенка».	Требует мастерства, особенно при регрессии.
	Терапия внутренних семейных систем (Internal Family Systems, IFS)	Может помочь при последствиях ранней травмы (интеграция «раненых частей»), нет данных по детям.	Один эффективных методов для последствий ранней травмы: работа с «частями», травмированными субличностью, хорошо совместим с EMDR/SE/ImRs/IFS.	Пока мало крупных РКИ, требует осторожного ведения при сильной диссоциации.

Нарративная экспозиционная терапия (Narrative Exposure Therapy, NET)		Адаптированная KIDNET для подростков, для малышей требует семейных адаптаций.	Полезна для систематизации множества эпизодов детской травмы, но слабее для работы с привязанностями.	Интенсивная эмоциональная нагрузка, требует подготовки и ресурсов.
Телесно-ориентированные подходы	Соматическое переживание (Somatic Experiencing, SE)	Полезен в работе с последствиями ранней травмы, требует осторожной адаптации для детей.	Полезен при «телесной памяти» ранней травмы, помогает снять замороженность/гиперактивацию.	Много пилотных исследований, нужны РКИ высокого качества.
	Соматическая психодинамика (Телесно-ориентированная психодинамическая терапия)	Адаптируется через игру и движение.	Эффективна при телесно-эмоциональной диссоциации, часто в сочетании с IFS/EMDR/ImRs.	Трудно стандартизировать для испытаний, требует опытного ведения.
Эмоционально-фокусированная терапия (EFT)		Подходит для работы с родителями и для семейной терапии, прямые данные для детей ограничены.	Эффективна при последствиях ранней детской травмы в отношениях (нарушение привязанности, страх близости).	Не первая линия для острого ПТСР, требует умения работать с сильными переживаниями.

Арт-терапевтические и экспрессивные методы	Песочная терапия (Sandplay)	Очень эффективно для дошкольников и младших школьников, основной инструмент работы с ранней травмой. [2]	Может использоваться у взрослых для регрессии к детским состояниям/работы с внутренним ребенком в глубинной терапии, подходит при травме привязанности.	Преимущественно клинические отчеты, мало РКИ.
	Кинотерапия и библиотерапия (психодраматизация через кино или литературные образы)	Библиотерапия улучшает навыки совладания у травмированных детей и подростков. Полезна как часть семейной/школьной интервенции, требует подборки материалов по возрасту.	Полезна для осмысления травматических нарративов у взрослых, не прорабатывает эмоции глубоко.	Эффект преимущественно косвенный, редко используются как монотерапия.
	Терапия с метафорическими картами, сказкотерапия	Одни из центральных методов при ранней травме (игровые формы речи и символа).	Очень полезно при взрослом переживании последствий травмы развития (доступ к символам, внутренним частям).	
	Музыкотерапия, игротерапия	Важны для малышей и подростков [2], интегрируются в семейные программы.	Вспомогательная, могут использоваться для доступа к регрессированным состояниям.	Трудности стандартизации, чаще как компонент протокола.
	Изотерапия	Важная методика для работы с довербальным опытом, облегчает выражение эмоций и травматических состояний через символы и рисунок, поддерживает регуляцию и развитие у детей с регрессией и дисрегуляцией.	Эффективна при работе с последствиями ранней травмой привязанности, облегчает доступ к ранним аффектам и интеграцию травматических фрагментов, хорошо сочетается с IFS и телесно-ориентированными методами.	Ограниченное число РКИ, не применяется как самостоятельный травмофокусированный метод при сложной травме, требует предварительной стабилизации и высокой квалификации специалиста.

Классические психоаналитические методики	Психоанализ	Теоретически релевантна для ранней травмы, но практическое применение требует адаптации и длительного времени.	Эффективен при глубинных последствиях ранней травмы (фиксации, ранние объекты), но требует длительной терапии.	Длительность, ограниченная РКИ для острых травматических симптомов.
	Теория объектных отношений	Ключевая теория для объяснения эффектов ранней травмы, клиническая работа основана на длительном аналитическом процессе.	Один из ведущих подходов к пониманию взросления после детской травмы: работа с «внутренними объектами».	Эффективность объектных методов подтверждается преимущественно клиническим опытом, РКИ мало, методы долгие, завязаны на субъективном анализе.
	Трансактный анализ (ТА)	Применим при подростках и семейной терапии, у детей до 6 лет нет данных.	Очень полезен при последствиях ранней травмы у взрослых (Родитель–Взрослый–Ребенок, травматические сценарии).	Поверхностность анализа (не углубляется в бессознательное), а также необходимость высокой самосознательности клиента.
	Гештальт-терапия	Используется в адаптированных формах через игру и движение, требует осторожности у сильно травмированных детей.	Помогает завершать «незавершенные гештальты» ранней травмы, требует осторожности при диссоциации.	Формальных исследований немного, гештальт-терапевты обычно работают индивидуально и могут не иметь конкретных протоколов для травмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bohus, M. Dialectical Behavior Therapy for Posttraumatic Stress Disorder (DBT-PTSD) Compared With Cognitive Processing Therapy (CPT) in Complex Presentations of PTSD in Women Survivors of Childhood Abuse: A Randomized Clinical Trial / M. Bohus, N. Kleindienst, C. Hahn [et al.]. — Текст: электронный // JAMA Psychiatry. — 2020. — DOI: 10.1001/jamapsychiatry.2020.2148. — URL: <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2020.2148> (дата обращения: 28.11.2025).
2. Chen, C. A Case Report on Sandplay Therapy for a 3-Year-11-Month-Old Child with Post-Traumatic Stress Disorder / C. Chen, W. Wang, Y. Lu, C. Jia. — Текст: электронный // Case Reports in Clinical Medicine. — 2023. — Vol. 12. — P. 174–179. — DOI: 10.4236/

- crcm.2023.126024. — URL: <https://doi.org/10.4236/crcm.2023.126024> (дата обращения: 27.11.2025).
3. Cloitre, M. The ISTSS expert consensus treatment guidelines for complex PTSD in adults / M. Cloitre, C. A. Courtois, J. D. Ford [et al.]. — Текст: непосредственный // *Journal of Traumatic Stress*. — 2012. — P. 399–408.
 4. Forbes, D. Effective Treatments for PTSD / D. Forbes, J. I. Bisson, C. M. Monson, L. Berliner. — International Society for Traumatic Stress Studies, 2020. — 558 p. — Текст: непосредственный.
 5. Hoppen, T. H. The efficacy of psychological interventions for adult post-traumatic stress disorder following exposure to single versus multiple traumatic events: a meta-analysis of randomised controlled trials / T. H. Hoppen, R. Meiser-Stedman, K. Ahlke, M. Skogbrott Birkeland, N. Morina. — Текст: электронный // *The Lancet Psychiatry*. — 2024. — Vol. 11, iss. 2. — P. 112–122. — URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(23\)00373-5/abstract](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(23)00373-5/abstract) (дата обращения: 27.11.2025).
 6. Internal Family Systems: Exploring Its Problematic Popularity. — Текст: электронный // *Society for the Advancement of Psychotherapy*. — 2024. — URL: <https://societyforpsychotherapy.org/internal-family-systems-exploring-its-problematic-popularity/#:~:text=Notably%2C%20there%20is%20a%20strikingly,%20understanding%20personal%20and%20intimate%20relationships> (дата обращения: 27.11.2025).
 7. Kuhfuß, M. Somatic experiencing — effectiveness and key factors of a body-oriented trauma therapy: a scoping literature review / M. Kuhfuß, T. Maldei, A. Hetmanek, N. Baumann. — Текст: электронный // *European Journal of Psychotraumatology*. — 2021. — DOI: 10.1080/20008198.2021.1929023. — URL: <https://doi.org/10.1080/20008198.2021.1929023> (дата обращения: 27.11.2025).
 8. Lewis, C. Psychological therapies for post-traumatic stress disorder in adults: systematic review and meta-analysis / C. Lewis, N. P. Roberts, M. Andrew, E. Starling, J. I. Bisson. — Текст: электронный // *European Journal of Psychotraumatology*. — 2020. — DOI: 10.1080/20008198.2020.1729633. — URL: <https://doi.org/10.1080/20008198.2020.1729633> (дата обращения: 28.11.2025).
 9. Ma, Y. M. Efficacy and acceptability of music therapy for post-traumatic stress disorder: a systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials / Y. M. Ma, M. D. Yuan, B. L. Zhong. — Текст: электронный // *European Journal of Psychotraumatology*. — 2024. — DOI: 10.1080/20008066.2024.2342739. — URL: <https://doi.org/10.1080/20008066.2024.2342739> (дата обращения: 27.11.2025).
 10. Özyıldırım, İ. The effectiveness of psychoanalytic psychotherapy in individuals diagnosed with PTSD due to torture and severe human right violations / İ. Özyıldırım, S. Baykara, B. Aslantaş Ertek [et al.]. — Текст: электронный // *Torture Journal*. — 2023. — P. 41–53. — DOI: 10.7146/torture.v33i1.132231. — URL: <https://doi.org/10.7146/torture.v33i1.132231> (дата обращения: 27.11.2025).
 11. Pohar, R. Acceptance and Commitment Therapy for Post-Traumatic Stress Disorder, Anxiety, and Depression: A Review of Clinical Effectiveness / R. Pohar, C. Argáez. — Текст: электронный // *Canadian Agency for Drugs and Technologies in Health*. — Ottawa (ON), 2017. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK525684/#:~:text=study%20design,%20carried%20out%20in%20veterans%2C%20with> (дата обращения: 27.11.2025).
 12. Ramu, A. Gestalt Therapy / A. Ramu, S. McNamara, S. Gunturu. — Текст: электронный // *StatPearls*. — Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2025. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK613291/> (дата обращения: 27.11.2025).

13. Rotaru, T. Ș. Meta-Analysis for the Efficacy of Hypnotherapy in Alleviating PTSD Symptoms / T. Ș. Rotaru, A. A. Rusu. — Текст: электронный // International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis. — 2016. — DOI: 10.1080/00207144.2015.1099406. — URL: <https://doi.org/10.1080/00207144.2015.1099406> (дата обращения: 27.11.2025).
14. Schauer, M. Narrative Exposure Therapy — Net for Survivors of Traumatic Stress / M. Schauer, F. Neuner, T. Elbert. — 3rd edition. — Hogrefe & Huber Pub., 2025. — 208 p. — Текст: непосредственный.
15. Schouten, K. A. The Effectiveness of Art Therapy in the Treatment of Traumatized Adults: A Systematic Review / K. A. Schouten, G. J. de Niet, J. W. Knipscheer, R. J. Kleber, G. J. Hutschemaekers. — Текст: электронный // Trauma, Violence, & Abuse. — 2015. — Vol. 16, no. 2. — P. 220–228. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/25403446/> (дата обращения: 28.11.2025).
16. Siehl, S. Systematic review and meta-analyses of the long-term efficacy of narrative exposure therapy for adults, children and perpetrators / S. Siehl, K. Robjant, A. Crombach. — Текст: электронный // Psychotherapy Research. — 2021. — P. 695–710. — DOI: 10.1080/10503307.2020.1847345. — URL: <https://doi.org/10.1080/10503307.2020.1847345> (дата обращения: 27.11.2025).
17. Sivandian, M. The effectiveness of emotion-focused therapy on emotion regulation and coping strategies of women with somatic symptom / M. Sivandian, H. Falahzade. — Текст: электронный // Journal of Education and Health Promotion. — 2025. — DOI: 10.4103/jehp.jehp_1358_23. — URL: https://doi.org/10.4103/jehp.jehp_1358_23 (дата обращения: 27.11.2025).
18. Thielemann, J. F. B. A systematic review and meta-analysis of trauma-focused cognitive behavioral therapy for children and adolescents / J. F. B. Thielemann, B. Kasparik, J. König, J. Unterhitzberger, R. Rosner. — Текст: электронный // Child Abuse & Neglect. — 2022. — DOI: 10.1016/j.chiabu.2022.105899. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2022.105899> (дата обращения: 27.11.2025).
19. Van Hemert, M. T. Treating complex PTSD with Schema Therapy, ImRs and EMDR: a review and case study / M. T. Van Hemert, P. M. De Jong, T. R. Brouwer [et al.]. — Текст: электронный // European Journal of Psychotraumatology. — 2025. — DOI: 10.1080/20008066.2025.2573616. — URL: <https://doi.org/10.1080/20008066.2025.2573616> (дата обращения: 27.11.2025).

Краснова Татьяна Евгеньевна,
психолог, супервизор,
магистрант кафедры психотравматологии
РХГА имени Ф. М. Достоевского,
Россия, Москва,
pr.krasnova@gmail.com

АГРЕССИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ МУЖЧИН — АКТОРОВ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

В статье представлен и обоснован перечень агрессивных паттернов мужчин — акторов насилия в отношении интимного партнера. Выделено восемь рабочих паттернов, описывающих устойчивые конфигурации поведения, мотивов, триггеров и контекстов агрессии. Предложена матрица показателей и инструментов для измерения каждого паттерна, обсуждены методологические подходы к верификации, а также клинические импликации для оценки риска, интервенций и профилактики насилия. Перечень рассматривается как рабочая рамка, предназначенная для дальнейшей операционализации, эмпирической проверки и кросс-культурной валидации.

Ключевые слова: домашнее насилие, насилие со стороны интимного партнера, мужчины-абьюзеры, акторы насилия, агрессор, паттерн агрессии.

Tatyana Yev. Krasnova

AGGRESSIVE PATTERNS OF MALE DOMESTIC VIOLENCE ACTORS

The article presents and substantiates a list of aggressive patterns exhibited by men who commit violence against their intimate partners. Eight working patterns are identified, each describing stable configurations of behavior, motives, triggers, and contextual factors of aggression. A matrix of indicators and tools for measuring each pattern is proposed, methodological approaches to verification are discussed, as well as clinical implications for risk assessment, interventions, and violence prevention. The list is considered a working framework for further operationalization, empirical testing, and cross-cultural validation.

Keywords: domestic violence, intimate partner violence, abuse, perpetrators of violence, aggressor, pattern of aggression.

Насилие в отношении женщин и интимное партнерское насилие — очевидная и масштабная общественная проблема. По оценкам ВОЗ, около 30% женщин в мире хотя бы раз в жизни испытывали физическое и/или сексуальное насилие со стороны интимного партнера, в ряде стран доля оказывается еще выше, а на долю акторов домашнего насилия приходится 38% феминцидов и тяжелых телесных повреждений [6]. Такие масштабы делают глубокое понимание механизмов, динамики и причин домашнего насилия принципиально важной задачей для науки и практики.

Классические подходы в исследовании перпетраторов домашнего насилия включают выделение типологий (например, по чертам личности «семейные», «антисоциальные», «дисфорические/пограничные» [11], по типам насилия «интимным терроризмом» и «ситуативным насилием в паре» [10, 12], психотипом агрессора «гиперконтролирующие», «антисоциальные», «импульсивные», «инструментальные» [3, 4] и т.д.). Однако эти типологии, хотя и полезны, часто оказываются недостаточными для практики: они не всегда отражают динамику поведения, функцию агрессии, смешанные формы и влияние сопутствующих факторов (ПАВ, травма в детстве, хроническая агрессия в других сферах) [10, 11, 12].

Практика показывает: акторы насилия часто демонстрируют повторяющиеся схемы поведения — циклы эскалации и примирения, принудительный контроль, эпизоды импульсивной агрессии, манипулятивные стратегии, связь насилия с употреблением ПАВ и т.д.

Исходя из сочетания литературных данных и клинических наблюдений, мы предлагаем перечень агрессивных паттернов — рабочую систему, предназначенную для систематизации феноменов агрессивного поведения акторов домашнего насилия. Предлагаемая система также может служить платформой для эмпирического тестирования, клинической оценки и разработки интервенций.

В настоящей работе используется понятие «агрессивного паттерна» для обозначения устойчиво воспроизводимых конфигураций агрессивного поведения акторов насилия, включающих характерные триггеры, формы внешнего поведения, функциональные мотивы и клинически значимые мишени терапии. Представленный перечень не является формальной классификацией, типологией или иерархической моделью, а отражает аналитическое описание повторяющихся стратегий агрессии, выявленных в клинической практике и поддержанных данными эмпирических исследований.

Использование понятия «паттерн» позволяет описывать агрессию не как изолированный поведенческий акт и не как универсальный тип личности, а как повторяющуюся стратегию реагирования, включающую устойчивую связь между внутренними состояниями, внешними триггерами, формами агрессивного поведения и субъективной функцией насилия для актора. Такой подход согласуется с клиническими и травма-информированными моделями анализа насилия, подчеркивающими процессуальный и функциональный характер агрессивного поведения.

В рамках предлагаемого перечня проводится принципиальное различие между паттерном агрессивного поведения, функциональным мотивом и психологическим механизмом.

Паттерн рассматривается как наблюдаемая и повторяющаяся стратегия поведения во времени; мотив — как функциональная цель, ради которой применяется агрессия (например, контроль, разрядка, удержание привязанности);

механизм — как психологический или психофизиологический процесс, обеспечивающий реализацию паттерна (например, аффективная дисрегуляция, импульсивность, когнитивные искажения и т.п.).

Данная работа фокусируется на аналитическом описании и систематизации паттернов агрессивного поведения, не претендуя на создание формальной таксономии.

Концептуальная основа описанного перечня опирается на несколько теоретических и эмпирических оснований, служащих фоном для выделения рабочих паттернов и выбора индикаторов в предложенной матрице.

1. Типологические исследования показывают, что акторы насилия гетерогенны по совокупности личностных черт, истории и поведения [7, 11, 16].
2. Разделение реактивной и проактивной агрессии имеет эмпирическое подтверждение в биопсихологических и клинических исследованиях и демонстрирует единство/различие механизмов [14, 15].
3. Принудительный контроль (coercive control) как системная стратегия рассматривается одним из ключевых факторов для понимания хронической психотравматизации пострадавших [18].
4. Риск-факторы и многоуровневая модель (индивидуальные, семейные, социальные) подтверждены в мета-анализах и обзорах [9, 19].
5. Связь алкоголя и ПАВ с агрессией репродуцирована в исследованиях: снижение самоконтроля, повышение импульсивности и агрессивного реагирования [14, 17].
6. Клинические отчеты и практический опыт подтверждают наличие циклических и «зависимых» феноменов в поведении некоторых агрессоров [1, 2, 3].

Предлагаемый перечень позволяет описать не отдельные акты насилия, а структурированный репертуар стратегий, которые актор использует для поддержания власти, контроля и эмоционального доминирования и т.д.

Выделены восемь рабочих паттернов. Каждый паттерн кратко описан, представлены его внешние проявления, типичные триггеры, внутренние мотивы, операциональные показатели для эмпирической валидации и терапевтические мишени. Важно отметить, что паттерны не являются взаимоисключающими, в реальных случаях наблюдаются смешанные профили, однако, по нашему мнению, «паттерн-ориентированный» подход интервенции повышает точность индивидуализированного плана психотерапии и может улучшить результаты снижения рецидивов и вреда для пострадавших.

Реактивная агрессия: импульсивные, аффективные вспышки, высокая эмоциональная лабильность и низкая регуляция гнева. Для акторов насилия, у которых агрессия связана с гипертвзбудимостью, низкой регуляцией аффекта и перенесенной травмой (включая детскую) сопутствует тревожно-депрессивная симптоматика или ПТСР.

Поведение: вспышки вербальной/физической агрессии при конфликте, «бой посуды», после насильственного эпизода: или быстрые извинения или попытка перекладывания вины на пострадавшую сторону.

Триггер: реальное/мнимое унижение, фрустрация, стресс, алкоголь/ПАВ в моменте.

Мотив к насилию: быстрая разрядка напряжения, защитная реакция на угрозу самооценке, «снижение внутреннего напряжения».

Методы диагностики: опросник диагностики агрессии Басса-Перри (Buss-Perry Aggression Questionnaire, BPAQ), опросник выраженности гнева (State-Trait Anger Expression Inventory, STAXI), методика диагностики коммуникативной агрессивности, методика оценки социальной фрустрации в модификации В. Бойко (УСФ-2), шкала импульсивности Барратта (Barratt Impulsiveness Scale, BIS-11); отчеты интимного партнера, анализ агрессивного поведения связи с употреблением ПАВ (AUDIT).

Мишени терапии: регуляция аффекта (DBT навыки), управление гневом, когнитивная реструктуризация, при наличии — лечение ПТСР, интеграция лечения зависимости, терапия по модели НОКСА.

Инструментальная агрессия: проактивная, целенаправленная агрессия без выраженной аффективности, агрессия как инструмент достижения цели, чаще эпизодическая: в ситуациях, когда нужно получить выгоду.

Поведение: холодные маневры: манипуляции, запугивание, угрозы, расчетливые насильственные акты.

Триггер: реальная/мнимая автономия партнера, публичное сравнение или критика, в том числе произнесенная другими людьми, не относящимися к паре, потребность сохранить контроль, добиться повиновения, отреагировать на угрозу статуса, попытки предотвратить «побег» партнера.

Мотив к насилию: получение выгоды (власть, контроль, наказание).

Методы диагностики: качественные интервью на предмет мотивов/планирования, короткий опросник Тёмной тетрады (Short Dark Tetrad, SD4), шкала авторитаризма (F-Scale), стадии развития моральных суждений по Л. Колберту, тест Какой вы манипулятор Gilles Azopardi (2000) в адаптации М. Куницына (2007), опросник доминантного поведения.

Мишени терапии: работа с убеждениями о власти и правах, терапия по моделям Дулута (Duluth Model) и/или Emerge, АСТ-ориентированная программа для принятия ответственности за причиненный вред.

Принудительный контроль (coercive control): длительная системная стратегия ограничения автономии жертвы: изоляция, финансовая зависимость, системный мониторинг и манипуляции, угрозы, клевета, дискредитация, подчинение, обесценивание, в этом паттерне агрессии контроль может маскироваться под «заботой». Для пострадавшего наносит кумулятивный психотравмирующий эффект.

Поведение: постоянный надзор (проверки, слежка), запреты и ограничения (работа, учеба, контакты), частые «мелкие» акты принижения, сексуальное насилие, использование детей/окружения для давления.

Триггер: угрозы потери контроля (например попытки партнерши восстановить автономию), изменения статуса отношений (планы ухода), внешние стрессоры, признаки несогласия.

Мотив к насилию: поддержание власти, предотвращение утраты статуса/контроля, в ряде случаев, компенсация внутренней уязвимости через доминирование.

Методы диагностики: шкала авторитаризма (F-Scale), опросник доминантного поведения, шкала манипулятивного отношения Банта, кейс-интервью.

Мишени терапии: работа с убеждениями о власти и правах, модель терапии Дулута (Duluth Model) и/или НОКСА, АСТ-ориентированная программы для принятия ответственности.

Зависимость-модулированная агрессия: эпизоды агрессии, связанные с употреблением алкоголя/ПАВ, может усиливать как реактивную, так и инструментальную агрессию (через снижение тормозов и через конфабуляцию оправданий).

Поведение: насилие во время / после запоя, ночные ссоры, эпизоды агрессии, совпадающие с употреблением.

Триггер: интоксикация, сочетание стресса и опьянения, совместное употребление (конфликтная динамика), мнимая/реальная критика/неуважение.

Мотив к насилию: частично разрядка, частично снижение самоконтроля, использование опьянения как оправдания или средство снижения стыда.

Методы диагностики: консультации психиатра на предмет расстройства личности на фоне употребления и нарколога, AUDIT, опросник диагностики аддикций (ОДА-2010)/ методика диагностики склонности к различным зависимостям, шкала импульсивности Барратта (Barratt Impulsiveness Scale, BIS-11), корреляция эпизодов насилия с периодами употребления, исследования механизмов химической зависимости и механизмов созависимости.

Мишени терапии: мотивационное интервью к лечению зависимости и реабилитации, интеграция лечения зависимости (медицинская и психотерапевтическая помощь), DBT навыки, терапия по модели НОКСА.

Агрессия научения: поведение, в котором агрессор репродуцирует знакомые ему сценарии, нередко приоритизируя «предсказуемость» и знакомую роль (чаще детский сценарий, но иногда опыт агрессии, полученный во взрослом возрасте).

Поведение: стереотипные реакции: физические наказания, эмоциональное пренебрежение, и т.д. повторяющиеся сценарии «наказание — контроль», ригидность в отношениях.

Триггер: стресс, ситуации, напоминающие опыт безнаказанности/беспомощности/детский опыт, распределение ролей, неудовлетворенные потребности.

Мотив к насилию: повторение знакомой модели для контроля над тревогой, проекция и идентификация с агрессивной ролью, бессознательная «репетиция» сценария.

Методы диагностики: международный опросник неблагоприятного детского опыта (Adverse Childhood Experiences International Questionnaire, ACE-IQ), история семьи, опросник стиля привязанности (Attachment Style Questionnaire, ASQ), клиническое интервью и оценка травмы, консультация психиатра на предмет наличия личностных расстройств и ПТСР.

Мишени терапии: травматерапия (TF-CBT, EMDR, NET при показаниях и т.п.), работа с привязанностью и коррекция внутренних моделей отношений (схема-терапия, эмоционально-фокусированная терапия), восстановление способности к регуляции аффекта и к эмпатии, профилактика передачи травмы через родительские программы, терапия по модели НОКСА и Emerge.

Агрессия сохранения привязанности: насилие выполняет функцию удержания партнера, предотвращения разрыва или дистанции и служит попыткой «подтвердить» значимость отношений, агрессия, как реактивное поведение, возникающее на фоне тревожной или дезорганизованной привязанности, страха одиночества, нарушенной сепарации и зависимости от партнера как внешнего регулятора эмоций.

Поведение: эмоциональные вспышки при угрозе разрыва, колебания «агрессия → медовый месяц», угрозы самоповреждения или демонстративные суицидальные жесты при обсуждении расставания, stalking, репродуктивное насилие, ревность, попытки вызвать чувство вины, обвинения в «холодности» или «недостатке любви», дезорганизация поведения, паника и ярость при дистанцировании партнера, угрозы причинить вред партнеру.

Триггер: любые признаки возможного разрыва или увеличения дистанции, автономная активность партнера, в том числе мнимая.

Мотив к насилию: сохранение отношений любой ценой, поддержание контроля через «эмоциональные качели», получение повторного подтверждения привязанности.

Методы диагностики: ретроспективный анализ истории отношений, пересмотренная шкала тактики конфликтов (Conflict Tactics Scale, CTS2), опыт близких отношений (Experiences in Close Relationships Revised, ECR-R), опросник травматической привязанности (Trauma Bonding Quiz), интервью с обеими сторонами.

Мишени терапии: работа с привязанностью (схема-терапия, эмоционально-фокусированная терапия), навыками саморегуляции (DBT), коррекцией иррациональных убеждений и распознаванием ранних признаков

эскалации, работа с тревогой потери и ответственности за насилие (АСТ), нарративная экспозиция, терапия по модели НОКСА.

Полипаттерновая агрессия: комплексные профили, в которых компоненты комбинируются и сменяют друг друга. Такой профиль в практике наиболее распространен: поведение варьирует с течением времени и контекста.

Поведение: агрессия состоит из сменяемых нескольких паттернов, например, после бурной ссоры могут следовать расчетливые усилия по восстановлению контроля.

Триггер: воспоминания о прошлых ссорах, травмах, стрессах, текущие стрессовые состояния: бытовые конфликты, стресс, провоцирующие ситуации (реальные или вымышленные), эпизоды употребления ПАВ.

Мотив к насилию: комбинация: и разрядка напряжения, и стремление к контролю/возмездию, поведение подкрепляется последствиями (эффект сохранения внимания, восстановления статуса).

Методы диагностики: качественные интервью, кластерный анализ эпизодов насилия для выделения подклассов агрессии, комплексное использование методов психодиагностики предыдущих типов (из подклассов агрессии).

Мишени терапии: регуляция аффекта, работа с убеждениями, лечение зависимости и травмы при наличии, с четким посылом, что наличие травмы или зависимости не снимает ответственность за причиненный вред, терапия по модели НОКСА, DBT навыки, АСТ для принятия ответственности, групповая КПТ терапия.

Хроническая мультиконтекстная агрессия: устойчивый агрессивный стиль, проявляющийся не только в паре, но и в общественных/криминальных сферах, сопровождается антисоциальными чертами и криминальной историей.

Поведение: насилие вне семьи (драки, правонарушения), частые конфликты на работе, судимости, склонность к рискованному и/или антисоциальному поведению.

Триггер: социальная конкуренция, криминальное окружение, ситуативные нагнетатели агрессии.

Мотив к насилию: поддержание статуса, прагматическая агрессия, отсутствие эмпатического барьера, в некоторых случаях стремление к возбуждению/удовлетворению потребности доминировать.

Методы диагностики: консультация психиатра на предмет личностных расстройств и уровня организации личности, опросник выявления психопатии (Self-Report Psychopathy Scale, SRP), шкала авторитаризма (F-Scale) / пересмотренная шкала тактики конфликтов (Conflict Tactics Scale, CTS2), короткий опросник Тёмной тетрады (Short Dark Tetrad, SD4), стадии развития моральных суждений по Л. Колберту.

Мишени терапии: программы для лиц с антисоциальными чертами (ориентированные на ресоциализацию, коррекцию криминального мышления), терапия по модели FORNET (Forensic Offender Rehabilitation Narrative Exposure

Therapy — Нарративная экспозиционная терапия для бывших комбатантов и правонарушителей), системная групповая и индивидуальная терапия склонности к насилию, например по типу немецкой модели групповой терапии в пеницианционной системе, применяемой в работе с агрессорами и правонарушителями.

Особенности: полипрофессиональная работа, работа с ограниченной эффективностью, часто нужны меры безопасности специалиста, пострадавшего и общества.

Предложенный перечень — попытка синтезировать многоплановые эмпирические данные и практический опыт в инструмент для исследований и практики. Сильные стороны: он связывает классические типологии с динамикой поведения, выделяет функции агрессии и учитывает сопутствующие факторы (алкоголь, травма, преступная активность), что важно для прогнозирования и интервенций. Однако в нем имеются ограничения: он представляет собой рабочую гипотезу, основанную на существовавших исследованиях и клинических наблюдениях, и требует строгой эмпирической проверки. Кроме того, культурный контекст и правовые особенности страны/региона могут модифицировать проявления паттернов и их распределение в популяции. Другая проблема — качество исходных данных: самодекларация акторов насилия и пострадавших подвержена смещениям, поэтому необходимо сочетать самоотчеты с данными психодиагностики.

Особого внимания заслуживает феномен субъективно переживаемой «тяги» или нарастающего напряжения, предшествующего эпизоду агрессии. Клинические отчёты и собранные качественные данные показывают, что часть респондентов описывают предвестники агрессивного поведения в терминах усиливающегося физиологического и аффективного возбуждения, сопровождаемого ощущением импульсивного побуждения к действию (например, «накатывает злость», «невозможно сдержаться»). Данная феноменология соотносится с фазой нарастания напряжения в классической модели цикла насилия Л. Уокер [4].

Вместе с тем, некоторые авторы описывают эти состояния в категориях компульсивного, повторяющегося поведения, подчеркивая ощущение утраты произвольного контроля и внутренней «неизбежности» разрядки, что наблюдается не только при хроническом, но и при эпизодическом насилии. Подобные субъективные переживания могут рассматриваться как важные маркеры риска повторной агрессии и как самостоятельные мишени терапевтического вмешательства, в частности в рамках программ, направленных на развитие навыков аффективной регуляции, распознавание продромальных признаков и опосредование импульсивного поведения.

Исследования, связывающие агрессию с зависимым поведением, указывают на роль импульсивности и повышенной реактивности, в том числе под воздействием психоактивных веществ [14, 17], что косвенно поддерживает

гипотезу о наличии у части акторов насилия механизма повторяющейся «тяги» к агрессивной разрядке. При этом данная феноменология требует дальнейшей психофизиологической и эмпирической валидации и не должна интерпретироваться как смягчающий фактор при оценке ответственности за насильственное поведение.

Предложенный перечень агрессивных паттернов предлагает рабочую рамку для систематизации поведения мужчин-акторов домашнего насилия. Выделение восьми паттернов создает прикладную и теоретическую основу для дифференцированной оценки, прогнозирования и разработки интервенций. Он не должен восприниматься как окончательная модель, т.к. разработан для тестирования и верификации.

Верификация перечня предполагает многоступенчатую стратегию:

- операционализация индикаторов для каждого паттерна (шкалы, бинарные маркеры);
- пилотная кросс-секционная выборка перпетраторов (рекомендация $N \geq 300$ для LCA);
- применение методов анализа латентных классов и *sequence analysis* для проверки стабильности профилей;
- качественная валидация через тематические интервью и пересечения с данными пострадавших и служб;
- этические протоколы и процедуры безопасности включают механизм экстренного реагирования при выявлении рисков для жертв.

Следующими шагами может стать эмпирическая проверка на выборках перпетраторов и комбинированный анализ, адаптация шкал и инструментов под локальный контекст и разработка паттерн-ориентированных программ вмешательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэнкрофт, Л. Почему он делает это? Кто такой абьюзер и как ему противостоять / Л. Бэнкрофт; пер. с англ. — Москва: Издательство Бомбора, 2020. — 400 с. — Текст: непосредственный.
2. Выгодская, А. В. Насилие в семье: репрезентация современных практик работы с акторами насилия / А. В. Выгодская, М. В. Миронова. — Текст: непосредственный // *Siberian Socium*. — 2022. — Т. 6, № 4 (22). — С. 64–76.
3. Даттон, Д. Г. Абьюзивная личность. Насилие и контроль в близких отношениях / Д. Г. Даттон; пер. с англ. — Москва: Городец, 2022. — 352 с. — Текст: непосредственный.
4. Краснова, Т. Е. Ментальная карта как инструмент структурирования и презентации знаний о домашнем насилии / Т. Е. Краснова. — Текст: непосредственный // Сборник материалов XXV Свято-Троицких международных чтений в Санкт-Петербурге. — Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2025. — С. 261–272.

5. Михалькова, Е. И. Я — абьюзер. Что делать? / Е. И. Михалькова, С. А. Радченко. — Москва: Печатный двор, 2025. — 164 с. — Текст: непосредственный.
6. Насилие в отношении женщин. — Текст: электронный // Всемирная организация здравоохранения: [сайт]. — 2021. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women> (дата обращения: 29.11.2025).
7. Boxall, H. Domestic violence typologies: What value to practice? / H. Boxall, L. Rosevear, J. Payne. — Текст: электронный // Trends & issues in crime and criminal justice. — 2015. — No. 494. — Canberra: Australian Institute of Criminology. — DOI: 10.52922/ti168448. — URL: <https://doi.org/10.52922/ti168448> (дата обращения: 30.11.2025).
8. Carney, C. T. Understanding Offending Patterns of Intimate Partner Violence: They Are Not All the Same / C. T. Carney, M. R. Kebbell, L. Eriksson, R. M. Carr. — Текст: электронный // Violence Against Women. — 2025. — DOI: 10.1177/10778012251356949. — URL: <https://doi.org/10.1177/10778012251356949> (дата обращения: 30.11.2025).
9. Clare, C. A. Risk factors for male perpetration of intimate partner violence: A review / C. A. Clare, G. Velasquez, G. M. Mujica Martorell, D. Fernandez, J. Dinh, A. Montague. — Текст: электронный // Aggression and Violent Behavior. — 2021. — Vol. 56. — DOI: 10.1016/j.avb.2020.101532. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2020.101532> (дата обращения: 29.11.2025).
10. Durfee, A. A. Typology of Domestic Violence: Intimate Terrorism, Violent Resistance, and Situational Couple Violence by Michael P. Johnson / A. A. Durfee. — Текст: электронный. — Saint Louis University, 2011. — DOI: 10.2307/23044209. — URL: <https://doi.org/10.2307/23044209> (дата обращения: 30.11.2025).
11. Holtzworth-Munroe, A. A. Typology of Men Who Are Violent Toward Their Female Partners: Making Sense of the Heterogeneity in Husband Violence / A. A. Holtzworth-Munroe. — Текст: электронный // Current Directions in Psychological Science. — 2000. — Vol. 9, No. 4. — P. 140–143. — URL: <https://www.ugr.es/~prodopsi/sitioarchivos/Archivos/Holtzworth%202000.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).
12. Johnson, M. P. Typology of Domestic Violence: Intimate Terrorism, Violent Resistance, and Situational Couple Violence / M. P. Johnson. — University Press of New England, 2008. — 172 p. — Текст: непосредственный.
13. Norlander, B. Anger, hostility, and male perpetrators of intimate partner violence: A meta-analytic review / B. Norlander, C. Eckhardt. — Текст: электронный // Clinical Psychology Review. — 2005. — Vol. 25, iss. 2. — P. 119–152. — DOI: 10.1016/j.cpr.2004.10.001. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2004.10.001> (дата обращения: 30.11.2025).
14. Oesterle, D. W. Impulsivity and Reactive-Proactive Aggression as Mechanisms of Alcohol-Related Sexual Intimate Partner Violence Perpetration among Romantic Partners / D. W. Oesterle, C. I. Eckhardt, D. J. Parrott. — Текст: электронный // Substance Use & Misuse. — 2023. — P. 1761–1770. — DOI: 10.1080/10826084.2023.2247074. — URL: <https://doi.org/10.1080/10826084.2023.2247074> (дата обращения: 29.11.2025).
15. Romero-Martínez, Á. Reactive vs proactive aggression: A differential psychobiological profile? Conclusions derived from a systematic review / Á. Romero-Martínez, C. Sarrate-Costa, L. Moya-Albiol. — Текст: электронный // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. — 2022. — Vol. 136. — DOI: 10.1016/j.neubiorev.2022.104626. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2022.104626> (дата обращения: 29.11.2025).
16. Saunders, D. G. A typology of men who batter: three types derived from cluster analysis / D. G. Saunders. — Текст: электронный // American Journal of Orthopsychiatry. — 1992. — DOI: 10.1037/h0079333. — URL: <https://doi.org/10.1037/h0079333> (дата обращения: 30.11.2025).

17. Sontate, K. V. Alcohol, Aggression, and Violence: From Public Health to Neuroscience / K. V. Sontate, M. Rahim Kamaluddin, I. Naina Mohamed, R. M. P. Mohamed, M. F. Shaikh, H. Kamal, J. Kumar. — Текст: электронный // *Frontiers in Psychology*. — 2021. — DOI: 10.3389/fpsyg.2021.699726. — URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.699726> (дата обращения: 30.11.2025).
18. Stark, E. Coercive Control: The Entrapment of Women in Personal Life / E. Stark. — New York: Oxford University Press, 2009. — 452 p. — Текст: непосредственный.
19. Stith, S. M. Intimate partner physical abuse perpetration and victimization risk factors: A meta-analytic review / S. M. Stith, D. B. Smith, C. E. Penn, D. B. Ward, D. Tritt. — Текст: электронный // *Aggression and Violent Behavior*. — 2004. — Vol. 10, iss. 1. — P. 65–98. — DOI: 10.1016/j.avb.2003.09.001. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2003.09.001> (дата обращения: 29.11.2025).

Разина Ксения Леонидовна,
магистрант
РХГА имени Ф. М. Достоевского
razinakl@yandex.ru

Котова Светлана Аркадьевна,
кандидат психологических наук,
доцент РГПУ имени А. И. Герцена,
доцент РХГА имени Ф. М. Достоевского,
sa-kotova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЖЕНЩИНАМИ УТРАТЫ РЕБЕНКА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ЕГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена анализу психоэмоционального состояния и особенностей материнской идентичности женщин, переживших утрату ребёнка на разных этапах его развития — от перинатального до последующих возрастных периодов. Рассматриваются различия в характере переживаний и специфике трансформации материнской роли в зависимости от типа утраты. Описано построение исследования психоэмоционального состояния женщины, пережившей утрату ребенка, представлен авторский диагностический комплекс.

Ключевые слова: горе, утрата ребенка, перинатальная потеря, психоэмоциональное состояние, материнская идентичность.

Ksenia L. Razina, Svetlana A. Kotova

WOMEN'S EXPERIENCE OF CHILD LOSS AT DIFFERENT STAGES OF THE CHILD'S DEVELOPMENT

The article analyzes the psychoemotional state and characteristics of maternal identity in women who have experienced the loss of a child at different stages of the child's development, from the perinatal period to subsequent age stages. Differences in the nature of emotional experiences and in the transformation of the maternal role depending on the type of loss are examined. The design of a study of the psychoemotional state of women who have experienced child loss article is described; the author's diagnostic complex is presented.

Keywords: grief, child loss, perinatal loss, psychoemotional state, maternal identity.

Утрата ребенка представляет собой одно из наиболее тяжелых психологических потрясений, с которыми может столкнуться семья. По данным ООН в 2023 году в мире умерло 4,8 млн. детей в возрасте до 5-ти лет [5]. В РФ по данным Министерства здравоохранения смертность детей в возрасте

до 17 лет составляет 40,5 на 100 тыс. детей соответствующего возраста [12]. Так, по данным благотворительного фонда «Подари жизнь» ежегодно в РФ только от онкологических заболеваний умирают около 700 детей. Кроме того, значительное число женщин сталкивается с утратой детей по причинам несчастных случаев или других трагических обстоятельств.

Не менее драматична ситуация с перинатальными потерями (выкидыш, мертворождение, неонатальная смерть). Выкидыш (самопроизвольное прерывание беременности сроком до 22 недель) происходит в 15–20% клинически диагностированных беременностей, а, несмотря на снижение уровня перинатальной смертности в РФ, по данным Росстата в 2024 году она составляет до 6,48 на 1000 родившихся [17]. В совокупности эти данные свидетельствуют о высокой актуальности проблемы и указывают на потребность в психологической поддержке женщин после перинатальных и детских утрат.

Проблема утраты изучается с конца XIX века. Одним из основоположников исследования переживания утраты считается Эрих Линдемани. Он ввел понятие «острое горе», рассматривая его как специфический синдром с психологическими и соматическими симптомами. Также Э. Линдемани выделил пять форм горя — от искажённого до предвосхищающего, описал стадии его переживания: от шока и протеста до дезорганизации и последующей реорганизации [9]. Зигмунд Фрейд внёс психоаналитическое объяснение утраты. Он рассматривал горе как процесс «работы печали», в ходе которой человек постепенно высвобождает психическую энергию, связанную с ушедшим объектом, что позволяет ему вновь вступать в отношения и возвращаться к жизни [19]. Элизабет Кюблер-Росс разработала концепцию психологических стадий умирания, которую в дальнейшем стали использовать для описания переживания утраты, — отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие [8]. Джон Боулби, опираясь на теорию привязанности, видел утрату как потерю объекта привязанности, а глубину реакции связывал с ранним опытом отношений. Горе, в соответствии с теорией Дж. Боулби, является отражением переживания человеком потери объекта привязанности — от попыток его вернуть до смирения с безвозвратностью потери и последующей адаптации [1].

Одним из отечественных исследователей утраты является Федор Ефимович Василюк, описавший переживание утраты как процесс перехода между «забвением» и «памятованием», главная задача которого — перестроить отношения с образом ушедшего и сформировать новое «Я» [3]. Современные зарубежные авторы в целом отходят от стадийных моделей. Они предлагают отдельно рассматривать разные типы утрат — ребёнка, партнёра, родителя, друга или даже питомца — подчёркивая индивидуальность реакции и уникальность контекста [2].

С. А. Шефов описывает утрату как «очень многоликое явление. Каждый из нас что-то теряет в жизни, однако самое острое горе возникает, когда из жизни уходит любимый, дорогой сердцу человек» [18, с. 6]. Ключевой

особенностью переживания горя является его комплексный характер, затрагивающий все сферы: эмоциональную (гнев, раздражение, паника, тревога, зависть, печаль, беспомощность, апатия), когнитивную (ощущение присутствия умершего, неверие в его смерть, осознание собственной вины, навязчивые мысли) и поведенческую (избегание вещей и мест, связанных с умершим, увеличение эмоциональной дистанции и нарушение социальных контактов, потеря интересов к жизни, бессмысленное поведение, нарушение сна) [9; 10; 13].

В. В. Отрадинская отмечает, что любая утрата обладает рядом характеристик:

1. Значимость — утрата воспринимается как лишение того, что занимало особое место в жизни и структуре привязанностей, что усиливает интенсивность переживаемого горя.
2. Необратимость — подчёркивает окончательность произошедшего: осознание, что вернуть умершего или восстановить утраченное взаимодействие невозможно, что сопровождается болезненным переживанием прекращения любых будущих контактов и совместных событий.
3. Независимость от воли человека — описывает отсутствие контроля над ситуацией, невозможно предотвратить ее или повлиять на исход, утрата воспринимается как нарушающая естественный порядок и не соответствующая представлениям о том, как должно быть.
4. Травмирующий характер — подразумевает глубину эмоционального и психологического потрясения, вызванного событием, которое воспринимается как чрезвычайно тяжёлый опыт, способный надолго нарушить внутреннее равновесие, чувство безопасности и устойчивость личности [16].

Переходя от общей теории горя к специфике родительского горевания, важно подчеркнуть, что родительское горе рассматривается как одна из наиболее тяжелых форм горевания, поскольку в определенный период жизни представления о будущем человека закономерно связываются с его ребенком.

С рождением ребенка родители начинают строить свою жизнь по-другому, центр эмоциональных и смысловых ориентиров смещается в сторону родительства. В связи с этим родительское горе переживается человеком особенно длительно, травматично и глубоко. Горе нередко сопровождается выраженными эмоциональными реакциями, чувством вины, депрессивной симптоматикой и ощущением утраты смысла жизни [3; 4; 15].

Согласно Дж. Боулби, интенсивность реакции на потерю напрямую связана с глубиной привязанности, а родительско-детская связь формируется как биологически, так и психологически, приобретая статус базовой эмоциональной привязанности [1]. Поэтому потеря ребёнка — как перинатальная, так и произошедшая в любом возрасте — нарушает фундаментальные элементы идентичности родителя, включая ощущение непрерывности жизненного пути,

родительской компетентности и будущности. Мать, потерявшая ребенка, сталкивается не только с переживаниями утраты, но и с кризисом материнской идентичности — внутренним представлением о себе как о матери. В норме этот образ формируется постепенно — во время беременности, родов и ухода за ребёнком — и становится одной из центральных составляющих женской самоидентификации [7]. При потере ребёнка женщина теряет значительную часть своей родительской идентичности, лишается той практической и символической роли, которая ранее её определяла. Потеря статуса родительства, планов на будущее материнство и семьи воспринимается женщиной как личное поражение: она чувствует себя неполноценной, беспомощной, испытывает вину. Многие из них переключают заботу на других детей или на пожилых родственников, тем самым пытаясь заполнить пустоту роли.

Особое значение приобретает период жизни ребёнка на момент утраты. В случае перинатальной утраты, то есть утраты, при которой нет чёткого «объекта горя» (ребёнок либо не родился, либо прожил очень короткое время), женщина испытывает «двусмысленность» своей роли: она чувствует себя матерью, но окружающие не всегда её так воспринимают. Роль матери реализована лишь в надеждах и планах. В условиях неопределенного дальнейшего репродуктивного опыта женщина утрачивает чувство безопасности, усиливаются тревога и страхи, связанные с последующими беременностями. Перинатальная утрата сталкивает женщину с переживаниями смерти в ситуации, которая ассоциируется с началом новой жизни [14]. Полученный травматический опыт нередко приводит к формированию выраженной тревожности, проявлению депрессивных реакций и повышенной фиксации на теме беременности [6]. Будучи психологически готовой к рождению ребёнка, мать переживает, что её тело и жизнь «подвели» — зачатие и вынашивание воспринимаются как «несостоятельность». Её мысли сосредоточены на образе ребенка и поиске причин случившегося. Нередко женщина склонна приписывать себе ответственность за потерю, что усиливает внутреннее напряжение. На этом фоне могут возникнуть чувство внутренней опустошенности, отчаяния, стыда и собственной несостоятельности. Родственники и медицинские работники порой стремятся минимизировать трагедию, считая, что «не родился — не был». Это усиливает эффект бесправного горя. Женщина испытывает чувство одиночества в своем горе. Вследствие этого страдает вся материнская идентичность: «не получилось родить» трактуется как утрата полноценности женщины и матери [11].

Иная ситуация складывается при гибели ребёнка, прожившего определенный период жизни, когда материнская роль уже формально стала активной и самостоятельной. В этом случае психоэмоциональные реакции особенно остры: матери могут погрузиться в хронический стресс, посттравматическое состояние, страдать от чувства вины. Мать прожила этапы ухода за ребёнком и его воспитания, приобрела привязанность. Смерть ребёнка разрывает привычную жизненную траекторию. По словам матерей, потерявших детей,

«их жизнь после трагедии закончилась и потеряла всякий смысл», они испытывают «чувство несправедливости, в связи с тем, что погиб ребенок, а они остались живы» [15]. При этом общественная видимость горя достаточно высока: окружающие обычно признают смерть ребёнка полноценной причиной для горя. Однако это может иметь двойной эффект: с одной стороны, женщина получает поддержку и понимание, с другой — общественное внимание иногда превращается в давление, а порой может привести к навязыванию чувства вины.

Основное отличие в материнском опыте двух типов потерь — в природе самой утраченной роли. При перинатальной утрате мать лишается лишь символических проекций материнства, её связь с ребёнком остаётся невоплощённой, как следствие, доминирует внутренний конфликт, связанный с неопределенностью материнской идентичности («должна ли я считать себя матерью?»). Тогда как при гибели рожденного ребёнка разрушается практическая реализация материнской роли, базирующаяся на ежедневном уходе и взаимодействии («я уже мать, но без ребёнка»). Таким образом, общие закономерности переживания утраты позволяют очертить психологические механизмы горя, однако в случае потери ребёнка, особенно в перинатальном периоде, эти процессы приобретают специфический характер, требующий отдельного рассмотрения.

С учётом высокой сложности и недостаточной разработанности темы возникает необходимость в исследовании, направленном на изучение психоэмоционального состояния женщин, переживающих утрату ребенка.

Задачи исследования:

- Провести исследование эмоционального статуса женщин с опытом утраты ребенка;
- Выявить различия психоэмоционального реагирования в случаях перинатальной и неперинатальной утраты;
- Определить задачи и содержание психологической помощи женщинам, пережившим утрату ребёнка.

Предполагается, что утрата ребенка представляет собой значимый психотравмирующий фактор, оказывающий существенное негативное влияние на психоэмоциональное состояние женщин. При этом возможно выявить наличие значимых различий в характере психоэмоциональных реакций в зависимости от типа утраты:

- в случае перинатальной утраты будет наблюдаться преобладание симптомов депрессии;
- в случае неперинатальной утраты будет наблюдаться более сильное влияние травматического события, что будет проявляться в симптомах посттравматического стрессового расстройства и признаках осложненного горевания, при этом предполагается, что характер

психоэмоционального реагирования и степень психотравматизации женщины будут зависеть от возраста утраченного ребёнка.

В диагностический комплекс включены следующие методики:

1. Авторский автобиографический опросник;
2. Шкала оценки влияния травматического события, автор М. Горовиц (1996) в адаптации Н. В. Тарабриной (2001);
3. Диагностика интроектных состояний при психотравме, автор О. В. Защиринская (2022);
4. Госпитальная шкала тревоги и депрессии, авторы А. С. Зигмонд, Р. П. Снайт (1983);
5. Модифицированная методика «Неоконченные предложения».

Утрата ребёнка любого возраста — от нерождённого до взрослого — представляет собой чрезвычайно тяжёлую психологическую травму. Данное исследование позволит не только объективировать особенности психотравматизации и переживание утраты ребенка матерью, но и выявить различие в способности к совладанию с утратой в разные периоды жизни. Результаты планируемого исследования могут способствовать разработке более эффективных психологических интервенций, а также созданию комплексных программ поддержки, направленных на улучшение психоэмоционального состояния и качества жизни женщин, переживающих утрату ребенка на разных стадиях его развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэнкрофт, Л. Почему он делает это? Кто такой абьюзер и как ему противостоять / Л. Бэнкрофт; пер. с англ. — Москва: Издательство Бомбора, 2020. — 400 с. — Текст: непосредственный.
2. Выгодская, А. В. Насилие в семье: репрезентация современных практик работы с акторами насилия / А. В. Выгодская, М. В. Миронова. — Текст: непосредственный // *Siberian Socium*. — 2022. — Т. 6, № 4 (22). — С. 64–76.
3. Даттон, Д. Г. Абьюзивная личность. Насилие и контроль в близких отношениях / Д. Г. Даттон; пер. с англ. — Москва: Городец, 2022. — 352 с. — Текст: непосредственный.
4. Краснова, Т. Е. Ментальная карта как инструмент структурирования и презентации знаний о домашнем насилии / Т. Е. Краснова. — Текст: непосредственный // Сборник материалов XXV Свято-Троицких международных чтений в Санкт-Петербурге. — Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2025. — С. 261–272.
5. Михалькова, Е. И. Я — абьюзер. Что делать? / Е. И. Михалькова, С. А. Радченко. — Москва: Печатный двор, 2025. — 164 с. — Текст: непосредственный.
6. Насилие в отношении женщин. — Текст: электронный // Всемирная организация здравоохранения: [сайт]. — 2021. — URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women> (дата обращения: 29.11.2025).
7. Boxall, H. Domestic violence typologies: What value to practice? / H. Boxall, L. Rosevear, J. Payne. — Текст: электронный // *Trends & issues in crime and criminal justice*. — 2015. —

- No. 494. — Canberra: Australian Institute of Criminology. — URL: <https://doi.org/10.52922/ti168448> (дата обращения: 30.11.2025).
8. Carney, C. T. Understanding Offending Patterns of Intimate Partner Violence: They Are Not All the Same / C. T. Carney, M. R. Keibell, L. Eriksson, R. M. Carr. — Текст: электронный // *Violence Against Women*. — 2025. — URL: <https://doi.org/10.1177/10778012251356949> (дата обращения: 30.11.2025).
 9. Clare, C. A. Risk factors for male perpetration of intimate partner violence: A review / C. A. Clare, G. Velasquez, G. M. Mujica Martorell, D. Fernandez, J. Dinh, A. Montague. — Текст: электронный // *Aggression and Violent Behavior*. — 2021. — Vol. 56. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2020.101532> (дата обращения: 29.11.2025).
 10. Durfee, A. A. Typology of Domestic Violence: Intimate Terrorism, Violent Resistance, and Situational Couple Violence by Michael P. Johnson / A. A. Durfee. — Текст: электронный. — Saint Louis University, 2011. — URL: <https://doi.org/10.2307/23044209> (дата обращения: 30.11.2025).
 11. Holtzworth-Munroe, A. A. Typology of Men Who Are Violent Toward Their Female Partners: Making Sense of the Heterogeneity in Husband Violence / A. A. Holtzworth-Munroe. — Текст: электронный // *Current Directions in Psychological Science*. — 2000. — Vol. 9, No. 4. — P. 140–143. — URL: <https://www.ugr.es/~prodopsi/sitioarchivos/Archivos/Holtzworth%202000.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).
 12. Johnson, M. P. Typology of Domestic Violence: Intimate Terrorism, Violent Resistance, and Situational Couple Violence / M. P. Johnson. — University Press of New England, 2008. — 172 p. — Текст: непосредственный.
 13. Norlander, B. Anger, hostility, and male perpetrators of intimate partner violence: A meta-analytic review / B. Norlander, C. Eckhardt. — Текст: электронный // *Clinical Psychology Review*. — 2005. — Vol. 25, iss. 2. — P. 119–152. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2004.10.001> (дата обращения: 30.11.2025).
 14. Oesterle, D. W. Impulsivity and Reactive-Proactive Aggression as Mechanisms of Alcohol-Related Sexual Intimate Partner Violence Perpetration among Romantic Partners / D. W. Oesterle, C. I. Eckhardt, D. J. Parrott. — Текст: электронный // *Substance Use & Misuse*. — 2023. — P. 1761–1770. — URL: <https://doi.org/10.1080/10826084.2023.2247074> (дата обращения: 29.11.2025).
 15. Romero-Martínez, Á. Reactive vs proactive aggression: A differential psychobiological profile? Conclusions derived from a systematic review / Á. Romero-Martínez, C. Sarrate-Costa, L. Moya-Albiol. — Текст: электронный // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. — 2022. — Vol. 136. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2022.104626> (дата обращения: 29.11.2025).
 16. Saunders, D. G. A typology of men who batter: three types derived from cluster analysis / D. G. Saunders. — Текст: электронный // *American Journal of Orthopsychiatry*. — 1992. — URL: <https://doi.org/10.1037/h0079333> (дата обращения: 30.11.2025).
 17. Sontate, K. V. Alcohol, Aggression, and Violence: From Public Health to Neuroscience / K. V. Sontate, M. Rahim Kamaluddin, I. Naina Mohamed, R. M. P. Mohamed, M. F. Shaikh, H. Kamal, J. Kumar. — Текст: электронный // *Frontiers in Psychology*. — 2021. — URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.699726> (дата обращения: 30.11.2025).
 18. Stark, E. Coercive Control: The Entrapment of Women in Personal Life / E. Stark. — New York: Oxford University Press, 2009. — 452 p. — Текст: непосредственный.
 19. Stith, S. M. Intimate partner physical abuse perpetration and victimization risk factors: A meta-analytic review / S. M. Stith, D. B. Smith, C. E. Penn, D. B. Ward, D. Tritt. — Текст: электронный // *Aggression and Violent Behavior*. — 2004. — Vol. 10, iss. 1. — P. 65–98. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2003.09.001> (дата обращения: 29.11.2025).

Кораблева Марина Сергеевна,
магистрант
РХГА имени Ф. М. Достоевского,
Россия, Санкт-Петербург,
absolut2003@bk.ru

Голуб Наталья Викторовна,
кандидат биологических наук, доцент,
РХГА имени Ф. М. Достоевского,
Россия, Санкт-Петербург,
nvgolub@mail.ru

АДАПТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ МАТЕРЕЙ

В статье рассматривается феномен современного материнства и обсуждается проблема адаптации матерей к новому социальному статусу. Особое внимание уделяется адаптационным сложностям неработающих матерей. Рассматриваются адаптационные ресурсы и факторы, влияющие на их адаптацию и принятие новой социальной роли.

Ключевые слова: адаптационные ресурсы, материнство, психологические защиты, стратегии совладания, материнская идентичность, психологические ресурсы.

Marina S. Korableva, Natalya V. Golub

ADAPTIVE RESOURCES OF MOTHERS

The article discuss the phenomenon of modern motherhood and the problem of mothers' adaptation to a new social status. Particular attention is paid to the adaptation challenges of non-working mothers, their adaptive resources and factors influencing their adaptation and acceptance of a new social role.

Keywords: adaptive resources, motherhood, psychological defenses, coping strategies, maternal identity, and psychological resources.

В современных социально-экономических условиях женщины-матери, не участвующие в трудовой деятельности, сталкиваются с рядом психологических трудностей, связанных с изменением их социальной роли, снижением социальной поддержки и необходимостью адаптации к изоляции от профессионального и общественного взаимодействия. Нарастающая нагрузка, связанная с выполнением материнских обязанностей при отсутствии внешней реализации, может привести и, нередко, приводит к эмоциональному

напряжению, развитию психоэмоционального стресса, дезадаптивному, а иногда и деструктивному поведению матерей, что негативно отражается на внутрисемейных отношениях. Поэтому, на наш взгляд, всестороннее изучение адаптационных ресурсов неработающих матерей является одной из приоритетных задач современной семейной психологии.

Феномену современного материнства, а также особенностям семейного совладания посвящен целый ряд современных исследований [1, 2, 4, 6, 8, 9, 10]. Согласно современным представлениям, материнство представляет собой многослойное и динамичное явление, находящееся на пересечении биологических, психологических, социальных и культурных процессов. Это — специфическое состояние личности, связанное с глубокой внутренней трансформацией. Женщина в этот период не только выполняет функции ухода и воспитания ребенка, но и переживает перестройку своей идентичности, переосмысливая собственные жизненные ориентиры и социальные роли [9].

Материнство затрагивает базовые уровни личностной структуры, в том числе систему ценностей, эмоциональную сферу, мотивационно-потребностный уровень и когнитивные установки. Появление ребенка приводит к смещению центра внимания женщины с личных целей на потребности другого, что требует не только мобилизации адаптационных ресурсов, но и устойчивого эмоционального фона, психологической зрелости, способности к эмпатии и регуляции. При этом, если женщина не вовлечена в трудовую деятельность, значимую часть социальной идентичности может замещать материнская роль, которая становится единственным или доминирующим источником самооценки.

В условиях социальной изоляции, ограниченного круга общения и отсутствия обратной связи от профессионального окружения у неработающих матерей возрастает риск снижения уровня субъективного благополучия. Материнство в этом случае может приобретать черты рутинного и эмоционально истощающего процесса, если не сопровождается адекватной поддержкой со стороны семьи, сообщества и институтов социальной политики. Особенно уязвимыми оказываются молодые матери-одиночки, материально малообеспеченные женщины и женщины, не имевшие позитивного опыта материнства в родительской семье.

Формирование материнской идентичности — сложный и постепенный процесс, во многом зависящий от восприятия женщиной самой себя в новой роли. Если материнство поддерживается как обществом, так и ближайшим окружением, если личные ожидания женщины совпадают с реальным опытом материнства, если женщина способна выстраивать продуктивные формы самореализации, то материнство становится фактором личностного роста и внутреннего укрепления. В противном случае материнство может восприниматься как фактор ограничения личной свободы и самореализации [2] или даже как форма социальной изоляции [8]. Существенное

негативное влияние на восприятие женщиной своей новой роли может оказать конфликт между традиционными представлениями о материнстве и актуальными ожиданиями общества, предъявляющего к матери требования одновременно заботливости, успешности и самостоятельности [2]. Такой диссонанс может становиться источником неуверенности женщины, эмоциональной нестабильности и стремления к поиску баланса между материнскими обязанностями и личными потребностями. Таким образом, можно говорить о том, что сегодня материнская идентичность формируется в диалоге между ожиданиями общества и личным восприятием женщиной своей роли [10].

Современное материнство — не статичный социальный статус, а процесс постоянного психологического изменения, в ходе которого актуализируются и проверяются на прочность внутренние ресурсы личности. В рамках этого процесса происходят глубокие изменения в структуре личности: развиваются эмпатия, ответственность, чувство сопричастности, происходят изменения адаптационных ресурсов [10].

Психологическая адаптация личности представляет собой процесс активного взаимодействия индивида с окружающей социальной средой, направленный на достижение внутреннего равновесия, устойчивости к стрессовым воздействиям и сохранение субъективного благополучия. В этом процессе ведущую роль играют ресурсы адаптации — совокупность индивидуальных психологических характеристик, стратегий совладания, установок и форм поведенческой регуляции, которые позволяют человеку эффективно справляться с жизненными изменениями и социальными требованиями [3]. Среди особенно значимых ресурсов можно выделить эмоциональную устойчивость, позитивную «Я-концепцию», способность к рефлексии и саморегуляции, наличие социальной поддержки и развитых коммуникативных навыков.

Особенности адаптационных ресурсов во многом зависят от характера социальной среды, в которую погружена личность. В условиях поддерживающего окружения, где ценится индивидуальность, выражена социальная эмпатия и присутствуют устойчивые нормы взаимопомощи, адаптационные механизмы проявляются конструктивно и способствуют развитию личности. Напротив, в ситуации социальной изоляции, маргинализации или неопределенности индивид сталкивается с необходимостью перестройки базовых стратегий поведения, что требует значительных затрат внутренней энергии и может привести к эмоциональному истощению, особенно при отсутствии внешнего подкрепления.

Современные условия требуют от личности способности к конструктивному самопроявлению, что обуславливает актуальность поиска действенных механизмов адаптации. Одним из таких механизмов является ассертивность, то есть уверенное поведение, сочетающее отстаивание собственных

прав с уважением к правам других [11]. Современные исследования показывают, что индивиды с высокой самооценкой, выраженной уверенностью и способностью конструктивно взаимодействовать с социальной средой демонстрируют более высокий уровень адаптации [11].

Адаптация — это активный процесс, который включает личностную регуляцию и направлен на преодоление социального дискомфорта, дезадаптации, восстановление социальной идентичности и включенности в общественные связи [11]. Для успешной адаптации крайне важным представляется наличие адаптивного потенциала и владение продуктивными формами совладающего поведения [5, 6, 11].

Психологические ресурсы адаптации можно рассматривать на трех уровнях: когнитивном, аффективном и поведенческом. На когнитивном уровне речь идет о гибкости мышления, способности переосмысливать негативный опыт, видеть альтернативные пути решения проблем. Аффективный уровень связан с умением распознавать и регулировать собственные эмоции, поддерживать мотивацию в условиях неопределенности. Поведенческий уровень проявляется в умении организовывать повседневную жизнь, устанавливать продуктивные контакты и проявлять инициативу. Гармоничное взаимодействие этих уровней составляет основу психологической устойчивости личности.

Адаптация не является одноразовым актом, а представляет собой непрерывный и подвижный процесс, особенно в условиях быстро меняющейся социальной действительности. Она требует постоянной мобилизации ресурсов и их переосмысления в зависимости от новых обстоятельств. Для женщин, находящихся вне профессиональной занятости, такие обстоятельства включают изменение привычного круга общения, сужение социальной активности, рост повседневной нагрузки, связанной с домашними обязанностями, и переоценку собственных жизненных перспектив.

Период нахождения женщины вне сферы трудовой деятельности, связанный, как правило, с уходом за ребенком, представляет собой не только временную приостановку профессионального роста, но и глубокую трансформацию социальной роли. Адаптация в таких условиях требует не только физической перестройки повседневного уклада, но и перестройки психологических установок, связанных с изменением режима, круга общения, источников признания и личной самореализации. Особенности этого процесса зависят как от индивидуальных факторов, так и от социального контекста, в котором находится женщина [9]. Особенно сложно адаптироваться женщинам, для которых профессиональная роль занимала ранее центральное место в структуре личности. Отсутствие трудовой занятости может восприниматься ими как вынужденная изоляция от общественно значимых форм активности. Немаловажным оказывается и то, что социальная оценка неработающей матери, несмотря на важность выполняемых ею функций,

часто оказывается менее значимой с точки зрения внешнего признания, чем деятельность, связанная с оплачиваемым трудом.

В контексте адаптационных ресурсов особое значение приобретает уровень субъективного контроля за жизненными событиями. Женщины, обладающие выраженной внутренней установкой на ответственность за происходящее, демонстрируют более высокий уровень психологической устойчивости. В их случае адаптация происходит не за счет отказа от прежней идентичности, а за счет ее перераспределения и дополнения: материнская роль становится не заменой профессиональной, а ее временным расширением с сохранением перспективы возвращения к трудовой активности. Напротив, при доминировании внешнего локуса контроля возможны проявления выученной беспомощности, тревожности, повышенной уязвимости к стрессу [4].

На успешность адаптации женщин, находящихся вне трудовой занятости, существенное влияние оказывает наличие или отсутствие социальной поддержки. Поддержка со стороны партнера, родственников, а также вовлеченность в родительские или женские сообщества позволяют компенсировать недостаток профессионального общения и снизить риск изоляции. В этих условиях у женщины сохраняется чувство принадлежности к социально значимой группе, что укрепляет ощущение собственной значимости и уменьшает вероятность развития эмоционального выгорания.

Показательным является также то, как сама женщина оценивает свое текущее состояние: как временное, управляемое и осмысленное, или как пассивное и навязанное. Отсюда вытекает значимость таких факторов, как уровень образования, наличие хобби или увлечений, возможность интеллектуального и личностного роста, пусть даже вне формальной занятости. В тех случаях, когда женщина может реализовать себя в альтернативных формах активности — творческой, образовательной, волонтерской — у нее сохраняется ощущение полноты жизни, несмотря на ограниченность в профессиональном контексте [5].

Таким образом, современное материнство представляет собой сложный и многокомпонентный психологический феномен, определяемый не только биологическим, но и социально-культурным, ценностным и ролевым контекстом. Женщина, находящаяся в статусе матери, испытывает значительное влияние социальной среды, что требует активизации адаптационных механизмов. Наиболее сложно, на наш взгляд, проходит адаптация неработающих матерей, что связано с их социальной уязвимостью, ограниченным участием в профессиональной и экономической сферах и высокой эмоциональной нагрузкой. Такие условия требуют от женщины мобилизации значительных личностных и психологических ресурсов для поддержания стабильного функционирования в роли матери и личности в целом. Важнейшую роль в адаптации личности играют психологические ресурсы, которые

включают внутренние личностные качества (саморегуляцию, самооценку, устойчивость), социальную поддержку и совладающее поведение, направленное на преодоление жизненных трудностей. Эти ресурсы проявляются в способности к принятию, переработке и переоценке ситуаций, в умении сохранять целостность и смысл в изменяющихся условиях, а также способствуют личностному росту матери в ее новом социальном статусе. Выявление специфики адаптационных ресурсов и стратегий современных матерей представляет собой важную задачу для практической психологии, ориентированной на поддержку женского благополучия в период социального перехода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович, Л. И. Психология материнства / Л. И. Божович, Н. А. Куликова. — Москва: Просвещение, 2004. — 192 с. — Текст: непосредственный.
2. Денисова, В. А. Современное материнство: культурный и социальный контексты / В. А. Денисова. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2011. — № 4. — С. 81–95.
3. Захарова, Е. И. Особенности взаимодействия матерей с детьми в зависимости от возраста первого ребенка / Е. И. Захарова. — Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Психология. — 2020. — № 53. — С. 124–138.
4. Ильина, И. Т. Эмоциональное выгорание матерей как социально-психологический феномен в контексте современной культуры / И. Т. Ильина. — Текст: непосредственный // Человек и образование. — 2020. — № 1. — С. 138–144.
5. Коркмазов, Дж. У. Психологические ресурсы адаптации личности / Дж. У. Коркмазов. — Текст: непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. — 2023. — № 80–2. — С. 377–379.
6. Куфтяк, Е. В. Развитие семейного совладания и функциональности семьи / Е. В. Куфтяк, М. А. Сизова. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. — 119 с. — Текст: непосредственный.
7. Петровский, В. А. Семейная психология / В. А. Петровский, Н. В. Кузнецова. — Москва: Академический проект, 2003. — 368 с. — Текст: непосредственный.
8. Спиридонов, А. В. Психология материнства как феномен в отечественной психологической науке / А. В. Спиридонов, Л. Н. Бенелли. — Текст: непосредственный // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. — 2020. — № 4. — С. 31–40.
9. Филиппова, Г. Г. Психология материнства / Г. Г. Филиппова. — Москва: Изд-во Института психотерапии, 2002. — 240 с. — Текст: непосредственный.
10. Цветкова, Н. А. Психология материнства: проблемы и перспективы исследования / Н. А. Цветкова. — Текст: непосредственный // Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2012. — № 2. — С. 102–106.
11. Шильцова, Ю. В. Исследование социальной адаптации личности в современных условиях / Ю. В. Шильцова. — Текст: непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. — 2018. — № 58–2. — С. 372–378.

Бегунская Анна Владимировна,
магистр психологии, психолог-консультант,
РХГА имени Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург, Россия,
navna85@mail.ru

Котова Светлана Аркадьевна,
доцент кафедры общей и социальной психологии;
РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
sa-kotova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКОМФОРТА У РАБОТАЮЩИХ И НЕРАБОТАЮЩИХ ПЕНСИОНЕРОВ

В работе ставится вопрос о специфике процесса адаптации женщин к посттрудовому периоду жизни. По результатам анализа уровня психологического дискомфорта у женщин пенсионного возраста обнаружилось преобладание среднего уровня дезадаптации. Продолжение профессиональной трудовой деятельности позволяет сохранять успешную адаптацию (более трети выборки), а прекращение ускоряет процессы дезадаптации. Авторами предложены мишени профилактической психологической работы с женщинами, прекратившими трудовую деятельность.

Ключевые слова: пенсионеры, гендерные различия, посттрудова адаптация, признаки дезадаптации

Anna V. Begunskaja, Svetlana A. Kotova

THE LEVEL OF PSYCHOLOGICAL DISCOMFORT AMONG RETIRED WORKING AND NON-WORKING WOMEN

The paper raises the question of the specifics of the process of women's adaptation to the post-work period of life. According to the results of the analysis of the level of psychological discomfort in the subjects, a predominance of the average level of maladaptation was found. Continuing professional work allows to maintain successful adaptation (more than a third of the sample), and termination accelerates the processes of maladaptation. The authors propose targets for preventive psychological work with women who have stopped working.

Keywords: pensioners, gender differences, post-work adaptation, signs of maladaptation

Выход на пенсию — важное событие в жизни пожилых людей, влекущее за собой перемены во многих сферах жизни. Эти изменения происходят в социальном статусе, материальном положении, в круге общения, ритме и характере жизнедеятельности и т.п. В этот период меняется восприятие

человеком самого себя и то, как его воспринимают окружающие [9]. Люди, вышедшие на пенсию, встречаются с необходимостью решения множества новых задач, таких как: адаптация к новым социальным ролям, структурирование времени; поиск новых сфер приложения активности, задача аутоадаптации [2, 8; 9].

Ряд исследователей, в числе которых Э. Ф. Зеер, Н. С. Гилева, С. Ю. Тумакова, В. Н. Скрыль, называют этот период кризисным. Исследователи отмечают, что данный кризис является естественным и необходимым для решения возрастных задач развития. Однако такие авторы, как И. О. Прокопец, М. Т. Ахильгова, Н. Г. Фирсова, указывают на то, что некоторые пожилые люди могут быть не готовы к выходу на пенсию психологически, и для кого-то из них это событие оказывается психотравмирующим. Даже добровольный уход на пенсию часто оказывается стрессовым событием, которое требует задействовать целый ряд адаптационных механизмов [1; 4; 11]. С. Б. Капидинова и Д. С. Закусило выявили, что для людей пожилого возраста, переживающих кризис дезадаптации, характерен низкий уровень психологического комфорта, физический дискомфорт, проблемы со здоровьем, высокий уровень тревоги [5].

Нынешняя демографическая ситуация в стране характеризуется неуклонным увеличением процента людей пенсионного возраста; при этом число женщин пожилого и старческого возраста над мужчинами превалирует [10]. В свете этого все большую значимость приобретает исследование процессов, характерных для женщин, достигших пенсионного возраста. Важным становится необходимость большего понимания особенностей адаптационных проблем послетрудового периода жизни у женщин, что позволит усовершенствовать работу психологических и социальных служб поддержки пожилых людей после выхода на пенсию.

Таким образом, целью нашего исследования является выявление особенностей процесса адаптации женщин к послетрудовому периоду жизни и возможных адаптационных проблем, возникающих в этом процессе.

Всего в исследовании приняло участие 60 женщин, вышедших на пенсию, в возрасте от 55 (военная пенсия либо пенсия на госслужбе) до 76 лет. Были сформированы две группы работающих и неработающих пенсионеров по 30 человек. С целью выявления психологического дискомфорта нами был использован опросник «Признаки психологического дискомфорта» О. В. Защириной [3]. Данная методика позволяет выявить признаки, которые свидетельствуют о наличии или риске развития психотравматизации. Тестирование проводилось онлайн через социальные сети с применением гугл-формы.

Анализ полученных данных позволил выявить следующие тенденции. Из числа неработающих пенсионеров 10% демонстрировали нормативное состояние, 70% — психологический дискомфорт средней степени

выраженности и 20% — высокую степень дискомфорта. Также важно отметить, что в группе со средней степенью психологического дискомфорта 9,5% обследуемых отмечали, что у них случаются панические атаки, а 19% предполагают у себя наличие депрессии.

Что касается второй группы выборки, которую составили работающие женщины пенсионного возраста, здесь процентное соотношение было следующим: 33,3% демонстрировали нормативное состояние, 53% — психологический дискомфорт средней степени выраженности и 13,3% — высокую степень дискомфорта. 6,3% от числа обследуемых со средней степенью выраженности психологического дискомфорта предположили, что у них может быть депрессия.

Как свидетельствуют полученные данные, процент женщин с высокой степенью дискомфорта даже выше, чем в исследованиях, проведенных ранее Т. Г. Светличной и А. А. Кузнецовой среди пенсионеров обоих полов [7]. Также анализ показывает, что количество обследуемых с высокой степенью выраженности психологического дискомфорта в группе неработающих пенсионерок больше. Как было отмечено, 28,5% неработающих женщин со средней степенью отметили у себя такие признаки дискомфорта, как панические атаки и предполагаемая депрессия, что может указывать на переходное состояние, травматический стресс и риск дальнейшего развития дезадаптации.

Опираясь на вышеизложенное, мы можем сделать вывод, что необходимо усилить меры по психологической поддержке женщин, выходящих на пенсию. Особенного внимания требуют женщины, полностью прекратившие трудовую деятельность, так как они значительно быстрее теряют психологическое здоровье, чем пенсионерки, продолжающие трудовую деятельность. В этой ситуации востребована программа психологической помощи и содействия женщинам в преодолении кризиса дезадаптации в посттрудо-вой период жизни. Основной мишенью профилактической работы выступает повышение жизнерадостности и оптимизма за счет оптимизации внешних и внутренних психологических ресурсов, вовлечение в социально активную практику, в том числе волонтерство и общественные движения. Целенаправленное решение следующей задачи — снижение стресс-факторов, которые могут привести к ухудшению дезадаптации и повлечь за собой травматический стресс, позволит обосновать сущность и содержание второго этапа профилактики, реализуемого через персонализированную коррекционную программу и индивидуальную консультативную помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахильгова, М. Т. Формы преодоления стресса, вызванного выходом на пенсию / М. Т. Ахильгова. — Текст: непосредственный // Гуманизация образования. — 2018. — № 3. — С. 87–92.
2. Гилева, Н. С. Гендерные различия жизненного кризиса в пожилом возрасте / Н. С. Гилева. — Текст: непосредственный // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2017. — № 2 (28). — С. 93–98.
3. Защирина, О. В. Преодоление травматического стресса. Рабочая тетрадь / О. В. Защирина. — Санкт-Петербург: Питер, 2024. — 160 с. — Текст: непосредственный.
4. Зеер, Э. Ф. Профессиональное самоопределение личности в поздней зрелости / Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк. — Текст: непосредственный // Инновационные процессы в профессиональном и высшем образовании и профессиональном самоопределении. — Москва: Экон-Информ, 2020. — С. 299–312.
5. Капидинова, С. Б. Гериатрический пансионат: социально-психологические особенности людей пожилого возраста / С. Б. Капидинова, Д. С. Закусило. — Текст: непосредственный // Форум молодых ученых. — 2018. — № 3 (19). — С. 207–214.
6. Прокопец, И. О. Исследование проблем эмоционального состояния лиц пенсионного возраста, связанных с разными вариантами дальнейшего жизнеустройства / И. О. Прокопец. — Текст: непосредственный // Гуманизация образования. — 2016. — № 5. — С. 64–69.
7. Светличная, Т. Г. Личностные характеристики адаптационных способностей лиц периода поздней зрелости / Т. Г. Светличная, А. А. Кузнецова. — Текст: непосредственный // Экология человека. — 2005. — № 11. — С. 37–41.
8. Скрыль, В. Н. К исследованию психологических проявлений предпенсионного кризиса развития / В. Н. Скрыль. — Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6, Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. — 2007. — № 2. — С. 89–93.
9. Тумакова, С. Ю. Критерии завершенности посттрудоустройственной адаптации пенсионеров / С. Ю. Тумакова. — Текст: непосредственный // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — № 1. — С. 301–306.
10. Тумакова, С. Ю. Семья как фактор посттрудоустройственной адаптации российских пенсионеров / С. Ю. Тумакова. — Текст: непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2017. — № 3. — С. 70–74.
11. Фирсова, Н. Г. Особенности самооценки людей пожилого возраста после выхода на пенсию / Н. Г. Фирсова. — Текст: непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2012. — № 24 (143), вып. 16. — С. 218–224.

Хохлачева Чулпан Ильдусовна,
магистр психологии,
Россия, Казань,
orange_79@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЙ АССИМИЛЯТОР КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В АДАПТАЦИИ К ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье описываются характерные особенности татарской культуры, обозначается проблема адаптации к жизни в условиях этой культуры — как гостей Татарстана, так и представителей, не титульных этнических групп, проживающих в республике. Отмечается, что недостаточная адаптированность к нормам татарской культуры может быть травматичной, в особенности, для женщин даже независимо от этнической принадлежности. В качестве методического инструмента психологической помощи дезадаптантам предлагается разработанный авторами культурный ассимилятор.

Ключевые слова: этническая принадлежность, этническая культура, адаптация, дезадаптация, культурный ассимилятор.

Chulpan I. Khokhlacheva

THE CULTURAL ASSIMILATOR AS A TOOL FOR PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN ADAPTATION TO TATAR CULTURE

This article describes the characteristic features of Tatar culture and addresses the problem of adapting to life within this culture — for both visitors to Tatarstan and representatives of non-titular ethnic groups living in the republic. It is noted that inadequate adaptation to Tatar cultural norms can be traumatic, especially for women, regardless of ethnicity. The cultural assimilator developed by the authors is proposed as a methodological tool for psychological assistance to those experiencing maladaptation.

Keywords: ethnicity, ethnic culture, adaptation, maladaptation, cultural assimilator.

В последние десятилетия значимо активизировались миграционные процессы, что поднимает проблематику культурной ассимиляции и инкультурации. Происходит активный процесс взаимного культурного влияния [6]. Проблема адаптации к меняющимся культурным нормам может быть успешно решена только совместными усилиями всех участников процесса. В этом контексте для гостя адаптация означает, что ему нежелательно нарушать своими действиями, своим поведением какие-то нормативные границы, которые в его культуре могут выглядеть иначе. Важно понимать, что татарская культура, как и любая другая, имеет свои уникальные особенности, традиции и нормы, которые необходимо учитывать при переезде.

Для того чтобы не попасть в неловкое положение, гостю желательно изначально подготовиться к визиту. Для этого существует широко распространенный во всем мире методический инструмент, называемый культурным ассимилятором.

Культурный ассимилятор — метод подготовки к межкультурному общению, который заключается в анализе ситуаций, где представители разных культур сталкиваются с коммуникативными трудностями [1, 8]. Суть метода заключается в следующем: человеку предлагаются ситуации, в которых герой попадает в неловкое положение. Чтобы разобраться в ситуации эти причины ему «подсказывают». Таких подсказок дается 4, при этом три из них атрибутивные догадки, способствующие дезадаптации, и лишь один предлагаемый ответ указывает на то, что в ситуации проявилось расхождение культурных норм людей, участвующих в описанной ситуации. Если респондент выбирает атрибутивные ответы, ему дается комментарий, указывающий на ошибку, которая может привести к неприятным последствиям. В частности, часто в комментариях указывается на то, что отвечающий пытается объяснить ситуацию либо опираясь на нормы своей культуры, либо, что еще хуже — на негативные этнические стереотипы. Правильный, ответ влечет за собой комментарий, описывающий культурную норму, которую герой нарушил. Участник запоминает эту культурную норму и в реальной ситуации взаимодействия с представителями этой культуры с большой долей вероятности эту норму уже не нарушит [1].

Совсем иная ситуация складывается, если речь идет не о гостях, а о жителях территории. Представители татарского этноса усваивают культурный нормы своего народа еще в детстве, в процессе инкультурации. Но при этом они, общаясь с представителями других этносов, культурные нормы которых выглядят менее жесткими, могут испытывать несогласие, пытаться сопротивляться, в результате чего может происходить психотравматизация. В особенности это касается молодых женщин, которым предстоит соблюдать культурные нормы в будущей семейной жизни. В будущем их ждет соблюдение традиций и норм, которые могут как поддерживать, так и оказывать негативное влияние на психическое здоровье женщин. Надо заметить, что татарская культура, сформировавшаяся на стыке тюркских, финно-угорских и исламских традиций, представляет собой сложную иерархическую систему, определяющую двойственное положение женщины в обществе. Женщины в таких традиционных сообществах часто оказываются в эпицентре пересечения различных форм давления — патриархальных устоев, коллективных ожиданий и исторических потрясений [2, 4, 5].

Традиционная татарская культура, интегрировавшая в себе исламские верования, тюркские кочевые традиции и сложный исторический опыт, представляет собой богатое поле для анализа этнической специфики женской психотравматизации. Этническую травму можно рассматривать как

сложный социально-психологический феномен, оказывающий глубокое воздействие на психическое здоровье и благополучие женщин, в особенности, в традиционных культурах.

Чтобы понять специфику травмы, необходимо понять культурную среду, в которой она возникает. Работы К. Фукса [7] и Э. Мустафина [4] предоставляют незаменимую этнографическую основу для понимания традиционного татарского культурного контекста, в котором формируются и передаются гендерные роли. Карл Фукс в своей работе «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях» представляет историческую документацию о структуре татарской семьи, брачных обычаях и гендерных нормах в XIX веке, закладывая основу для понимания традиционных практик до советской модернизации. Его статистический подход дал возможность получить демографические данные о брачных моделях, возрасте первого брака у женщин и составе семьи, что позволяет контекстуализировать исторический фон, на котором можно рассматривать современные модели психических травм.

Работа Э. Мустафина «Обычаи и традиции татарского народа глазами семейного психолога» соединяет историческую традицию с современным психологическим анализом, исследуя, как многовековые обычаи продолжают влиять на современные татарские семьи, особенно на социализацию девочек и женщин. Автор документирует несколько ключевых традиций, имеющих важное значение для психологического развития женщин [4]:

- гендерно-специфическое воспитание: В традиционных татарских семьях девочек исторически готовили к домашним обязанностям с раннего детства, уделяя особое внимание навыкам ведения домашнего хозяйства, приготовлению национальных блюд и подготовке к браку. Это раннее ограничение ролей потенциально создаёт психологическую уязвимость, ограничивая пути развития и закрепляя модели зависимости.
- брачные ритуалы: традиционный татарский свадебный обряд (никах) включает в себя особые практики, которые символически усиливают динамику гендерной власти. Ритуал, когда невеста готовит для семьи жениха маленькие пельмени, размер которых призван продемонстрировать её хозяйственные способности, представляет собой акт подчинения, утверждающий её положение в структуре супружеской власти. Послесвадебные ритуалы, такие как «Келин тушу», когда свекровь угощает невесту мёдом, чтобы её «речи были сладкими, как мёд», ещё больше институционализируют ожидания женской покорности и приятного подчинения.
- механизмы социального контроля: такие традиции, как Каз умасэ (Праздник гусяного пера), где молодые люди собирались для разделки гуся, служили регулируемыми пространствами для гендерной

социализации и выбора партнёра под надзором сообщества, ограничивая самостоятельное формирование отношений.

Классические труды Карла Фукса [7] и современные этнографические и психологические исследования (Э. Мустафина [4], О. Г. Лопухова [3]) позволяют выделить следующие ключевые аспекты, релевантные для понимания роли женщины в татарской культуре:

1. роль ислама: Ислам, будучи не просто религией, а целостным образом жизни, задает систему морально-этических координат, с разделением социальных ролей. Мужчина рассматривается как кормилец и глава семьи, а женщина — как хранительница очага, мать и воспитательница детей. Ценность женщины традиционно связывалась с ее целомудрием, покорностью мужу и материнством. Такие понятия, как хыйла (скромность, стыд), гаилэ (семья как высшая ценность), никах (брак как религиозный долг), эшлэп ашау (добывание хлеба насущного честным трудом), формируют жесткие рамки социально одобряемого поведения. Нарушение этих норм может переживаться не просто как ошибка, а как экзистенциальная угроза, что повышает травматический потенциал жизненных событий.
2. тюркское наследие: в кочевой культуре предков татар женщины обладали относительно высокой степенью свободы и ответственности. Они могли управлять хозяйством в отсутствие мужчин, а в некоторых случаях — участвовать в общественной жизни. Этот исторический «след» может проявляться в внутреннем конфликте у современных татарок между стремлением к самостоятельности и давлением патриархальных установок.
3. семейный уклад: семья в татарской традиции носит патриархальный и иерархический характер, доминирует коллективистская, а не индивидуалистическая парадигма. Интересы семьи (рода) ставятся выше личных интересов индивида. Это формирует мощный социальный контроль, где репутация семьи («ырым») напрямую зависит от поведения женщины, особенно ее дочерей и невесток. Главой семьи формально является мужчина (ир-баба), однако, как отмечает Э. Мустафина [22], в рамках своей сферы влияния — дом, дети, быт — женщина (хатын-кыз) обладает значительной автономией и властью. Эта «власть в приватной сфере» создает специфическую двойственность женской роли: внешняя подчиненность и внутренняя сила. Конфликт между этими полюсами может быть источником хронического внутриличностного напряжения.
4. гендерная социализация: с самого детства мальчиков и девочек готовили к выполнению разных социальных ролей. Мальчик — будущий добытчик и защитник, девочка — хранительница очага, мать и жена. В татарской традиции воспитание девочки было направлено

на формирование таких качеств, как покорность, трудолюбие, молчаливость, уважение к старшим, чистота (как физическая, так и моральная). Нарушение этих предписаний сурово осуждалось.

В традиционной татарской семье, как показывает Э.Мустафина [4], существуют специфические стрессоры для женщины:

- психологическое давление родственников мужа: Молодая невестка (килен) часто занимала самое низкое положение в иерархии большой патриархальной семьи (туганнар), что делало ее уязвимой для критики, контроля и эмоционального насилия со стороны свекрови и других старших родственниц.
- обязанность рождения детей, особенно сыновей: репродуктивная функция женщины была ее главной социальной задачей. Бесплодие или рождение только девочек могло стать причиной тяжелой психотравмы, чувства вины и социального отвержения.
- культ жертвенности: идеал матери, жертвующей всем ради детей и семьи, создавал почву для выученной беспомощности и потери собственного «Я»; несмотря на модернизацию, семейное благополучие и дети остаются центральными элементами женского счастья, что может поддерживать паттерн жертвенности.

Как правило, татары люди гордые, обладающие ярко выраженным чувством национального самосознания и собственного достоинства, в проявлении которого тем не менее иногда присутствуют как самоуверенность, так и самолюбование. Представители татарского народа склонны образовывать в многонациональных коллективах микрогруппы по национальному признаку. Они иногда бывают резкими, категоричными в своих суждениях, во взаимоотношениях с представителями других народов могут проявлять вспыльчивость и обидчивость, однако впоследствии быстро улаживают возникшие конфликты.

В традиционной культуре для мужчин-татар женщина — показатель его статуса. Поэтому и сегодня на каком-то подсознательном уровне татарская женщина будет стремиться одеваться хорошо, даже если не позволяет доход семьи, выглядеть ухоженнее, богаче, чем она может себе позволить. Это будут делать и современные молодые женщины, даже не осознавая зачем. У татарского мужчины отторжения это не вызовет. Он оценит то, что, благодаря женщине он кажется «круче», чем есть на самом деле. Эти древние коды «вшиты» в сознание современных мужчин и женщин.

Обобщение влияния возможных культурных травмафакторов, перечисленных выше, было представлено в виде авторской таблицы факторов возможной женской психотравматизации в татарской культуре (Табл. 1).

Табл. 1. Культурные травмафакторы женской психотравматизации (авторская таблица)

Сфера воздействия	Травмафакторы	Психологические последствия
Идентичность	Девальвация женской сущности, негативные культурные стереотипы	Нарушение идентичности, неуверенность в себе, чувство стыда
Телесность	Контроль над телом, насилие, запрет на удовольствие	Негативное отношение к телу, психосоматические нарушения
Социальная реализация	Ограничение возможностей образования, профессиональной реализации	Фрустрация, чувство беспомощности, зависимость
Семейные отношения	Патриархальные модели, неравное распределение власти	Чувство подавленности, невозможность самореализации

Становится понятно, что для изучения и профилактики женской психотравматизации в традиционной татарской культуре требуется культурно обусловленный подход, учитывающий коллективистские ценности, семейную иерархию, традиционные гендерные роли и культурно обусловленные стили совладания. Для реализации такого подхода мы обратились к методологии создания культурных ассимиляторов [8] и разработали такой ассимилятор, рассчитанный именно на молодых татарских женщин. Ключевые цели такого ассимилятора:

1. Снижение внутреннего конфликта: помочь женщине не чувствовать себя «предательницей» своих корней, когда она адаптируется к новым нормам.
2. Объяснение «логики» культуры: показать, что за каждым правилом стоит не слепой обычай, а исторически сложившаяся система ценностей (уважение, семья, достоинство).
3. Развитие культурной гибкости: научить искусству быть «мостом» между двумя культурами, извлекая лучшее из обеих.
4. Защита от стереотипов: дать инструменты для того, чтобы изящно отвечать на неудобные вопросы и развенчивать мифы о татарских женщинах.

Текст и правила применения разработанного культурного ассимилятора опишем подробнее. Ассимилятор включает 10 типичных ситуаций

межкультурного взаимодействия с 4 вариантами интерпретации каждой. После каждой ситуации даётся правильный ответ с пояснением.

Ситуация 1. Приветствие: Вы встречаетесь с татарской семьёй. При входе в дом хозяин протягивает вам руку, а хозяйка слегка наклоняет голову и улыбается, но не протягивает руку.

Варианты интерпретации:

1. Хозяйка не хочет с вами здороваться.
2. Это признак неуважения к гостю.
3. В татарской культуре рукопожатие между мужчиной и женщиной может быть неуместным из соображений скромности.
4. Хозяйка стесняется, потому что не знает вас хорошо.

Правильный ответ: 3

Пояснение: в традиционной татарской культуре, особенно среди старшего поколения и религиозных семей, принято соблюдать дистанцию в физическом контакте между мужчинами и женщинами. Наклон головы и улыбка — вежливый способ приветствия от женщины.

Ситуация 2. Приём пищи: Вас пригласили на обед. На столе много блюд, но хозяйка сначала предлагает чай, а не основное блюдо.

Варианты интерпретации:

1. Хозяйка забыла, что вы пришли обедать.
2. Чай — это главное блюдо, а остальное — дополнение.
3. В татарской традиции чай — важный ритуал гостеприимства, его подают первым, чтобы гость расслабился и почувствовал себя комфортно.
4. Хозяйка проверяет, насколько вы голодны.

Правильный ответ: 3

Пояснение: чай в татарской культуре — символ гостеприимства. Его подают первым, чтобы гость успокоился, согрелся и настроился на общение. Только после чая переходят к основным блюдам.

Ситуация 3. Обращение по имени: Вы обращаетесь к пожилому татарскому мужчине по имени и отчеству, а он просит называть его просто по имени.

Варианты интерпретации:

1. Он не уважает формальности.
2. В татарской культуре к старшим принято обращаться только по имени, без отчества.
3. Это знак доверия и желания сократить дистанцию.
4. Он забыл своё отчество.

Правильный ответ: 3.

Пояснение: в татарской традиции обращение по имени (без отчества) может быть знаком расположения и желания установить более тёплый контакт. Это не пренебрежение к нормам, а проявление дружелюбия.

Ситуация 4. Отказ от угощения: Вы отказываетесь от предложенного блюда, ссылаясь на сытость. Хозяева настаивают, чтобы вы попробовали хотя бы кусочек.

Варианты интерпретации:

1. Они не верят, что вы сыты.
2. Они хотят, чтобы вы съели всё до конца.
3. В татарской культуре отказ от угощения может восприниматься как неуважение к труду хозяйки; небольшое количество — знак вежливости.
4. Они считают, что вы плохо едите.

Правильный ответ: 3.

Пояснение: Отказ от угощения в татарской традиции может быть воспринят как невежливость. Даже маленький кусочек — способ показать уважение к хозяевам и их стараниям.

Ситуация 5. Разговор о религии: В беседе с татарским собеседником вы затрагиваете тему религии. Он мягко переводит разговор на другую тему.

Варианты интерпретации:

1. Он не хочет обсуждать религию, потому что это запрещено.
2. Он считает, что религия — личное дело, и не любит говорить об этом с незнакомыми.
3. Он не разбирается в религии.
4. Он боится, что вы будете спорить.

Правильный ответ: 2.

Пояснение: для многих татар религия — глубоко личная сфера. Даже если человек религиозен, он может избегать публичных обсуждений, чтобы не нарушать гармонию общения.

Ситуация 6. Поведение в гостях: Вы приходите в татарский дом и хотите разуться. Хозяин предлагает не снимать обувь.

Варианты интерпретации:

1. В доме грязно, и он не хочет, чтобы вы видели это.
2. В татарских домах не принято снимать обувь.
3. Хозяин хочет, чтобы вам было комфортно, и не заставляет следовать строгим правилам.
4. Он забыл, что гости обычно разуваяются.

Правильный ответ: 3.

Пояснение: хотя в татарских семьях часто принято снимать обувь, хозяин может предложить не делать этого, чтобы гость не чувствовал себя обязанным следовать правилам. Это жест заботы.

Ситуация 7. Compliment хозяйке: Вы хвалите блюдо, приготовленное хозяйкой. Она отвечает: «Это просто, ничего особенного».

Варианты интерпретации:

1. Она не ценит свою работу.

2. Она скромничает, потому что так принято.
3. Она не верит, что вам действительно понравилось.
4. Она ждёт более подробного комплимента.

Правильный ответ: 2.

Пояснение: скромность — важная черта татарской этики. Даже если хозяйка потратила много времени на приготовление, она может ответить сдержанно, чтобы не казаться хвастливой.

Ситуация 8. Разговор с детьми: Вы спрашиваете у татарского ребёнка: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» Ребёнок молчит или смотрит на родителей.

Варианты интерпретации:

1. Ребёнок не понял вопрос.
2. Ребёнок стесняется говорить при взрослых.
3. В татарской культуре детям не принято задавать такие вопросы напрямую — это считается вмешательством в их будущее.
4. Родители запретили ему отвечать.

Правильный ответ: 3.

Пояснение: в татарских семьях вопросы о будущем ребёнка часто обсуждаются внутри семьи, а не публично. Прямой вопрос может смутить ребёнка или показаться неуместным.

Ситуация 9. Поведение на празднике: На татарском празднике вы видите, что мужчины и женщины сидят отдельно. Вы спрашиваете, почему так.

Варианты интерпретации:

1. Это правило, которое нельзя нарушать.
2. Так принято из соображений скромности и уважения к традициям.
3. Мужчины и женщины не любят общаться друг с другом.
4. Это случайное разделение.

Правильный ответ: 2.

Пояснение: на традиционных татарских праздниках (особенно религиозных) часто соблюдается разделение мужчин и женщин. Это не дискриминация, а способ сохранить скромность и уважение к обычаям.

Ситуация 10. Благодарность за помощь: Вы помогаете татарскому знакомому и ожидаете словесной благодарности. Он просто улыбается и говорит: «Спасибо, я запомню».

Варианты интерпретации:

1. Он не ценит вашу помощь.
2. Он считает, что слова благодарности не нужны.
3. «Я запомню» означает, что он готов отплатить добром в будущем — это форма благодарности.
4. Он не умеет говорить «спасибо».

Правильный ответ: 3.

Пояснение: в татарской культуре благодарность может выражаться не только словами, но и обещанием ответной помощи. Фраза «Я запомню» — это серьёзное обязательство, а не формальность.

Важно подчеркнуть, что культурный ассимилятор для молодых женщины, разделяющих национальные нормы татарской культуры — это не инструкция по отказу от своей культуры, а набор ключей для навигации в сложном мире, где новый жизненный опыт становится не источником проблем, а источником силы и мудрости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еловикова, Д. А. Культурные ассимиляторы как техника работы педагога-психолога в поликультурном взаимодействии современной семьи / Д. А. Еловикова. — Текст: непосредственный // *Pedagogy and Psychology of Education*. — 2019. — № 3. — С. 136–151.
2. Калейдоскоп культур: сборник материалов по результатам научных экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан. — Казань: Изд-во АН РТ, 2021. — 280 с. — Текст: непосредственный.
3. Лопухова, О. Г. Психология этнического самосознания и межкультурного общения: учебное пособие / О. Г. Лопухова. — Казань: Издательство «Бриг», 2015. — 124 с. — Текст: непосредственный.
4. Мустафина, Э. Обычаи и традиции татарского народа глазами семейного терапевта / Э. Мустафина. — Текст: электронный. — URL: https://www.familyland.ru/library/diplom/diplom_229.html (дата обращения: 11.11.2025).
5. Пахалюк, К. А. Культурная травма и нормализация чрезвычайности / К. А. Пахалюк. — Текст: электронный // Социодиггер. — 2023. — № 1–2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-travma-i-normalizatsiya-chrezvychaynosti> (дата обращения: 23.11.2025).
6. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. — Москва: Институт психологии РАН: Академический проект, 1999. — 320 с. — Текст: непосредственный.
7. Фукс, К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях / К. Фукс. — Казань: Фонд ТЯК, 2013. — 130 с. — Текст: непосредственный.
8. Хочолава, И. В. Использование техники культурного ассимилятора для формирования межкультурной коммуникативной компетенции / И. В. Хочолава. — Текст: электронный // Наука в мегаполисе. — 2021. — № 6 (32). — URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-32/psycho-pedagogical-science-32/> (дата обращения: 23.11.2025).

Рыбак Маргарита Юрьевна,
психолог-консультант, магистр психологии,
юрист ООО «Газстройэнерго»,
Россия, Новый Уренгой,
margarita.rybak@rambler.ru

ПСИХОТРАВМА У МУЖЧИН КАК ПРЕДВЕСТНИК АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Статья посвящена проблеме взаимосвязи психотравматического опыта и риска развития алкогольной зависимости у мужчин. Приводятся эмпирические данные исследования этой проблемы. Выявленные закономерности подчеркивают необходимость дифференцированного подхода к психотерапии пациентов с алкогольной зависимостью. В особенности это касается работы с травматическим опытом, который в значительной степени может оставаться неосознанным, но при этом оказывать влияние на формирование и поддержание зависимого поведения.

Ключевые слова: психотравматический опыт, алкогольная зависимость, зависимое поведение, дифференцированный подход.

Margarita Yu. Rybak,

PSYCHOTRAUMA IN MEN AS A PRECURSOR TO ALCOHOL ADDICTION

This article examines the relationship between psychotraumatic experiences and the risk of developing alcohol addiction in men. Empirical research data on this issue are presented. The identified patterns highlight the need for a differentiated approach to psychotherapy for patients with alcohol addiction. This is particularly true when working with traumatic experiences, which may remain largely unconscious yet influence the development and maintenance of addictive behavior.

Keywords: psychotraumatic experiences, alcohol addiction, addictive behavior, differentiated approach.

Значимыми психогенными воздействиями сопровождается вся жизнь каждого человека и психотравматизация носит в основном антропогенный характер. Серьезные изменения в жизни обычно предшествуют психическим и физическим болезням [3]. Психотравмирующие события способны повышать риск злоупотребления алкоголем и алкогольной зависимости, что объясняется стремлением к дезактуализации воспоминаний о случившемся и связанных с ним переживаний. Более того, недостаточность когнитивных функций, в частности когнитивной гибкости, может приводить к актуализации неадаптивного, в особенности аддиктивного поведения [4]. Зачастую манифестации психотических и психосоматических расстройств

предшествуют значительные травматические события, имевшие место в жизни индивида.

Феномен психической травмы, как фактор, который предрасполагает к алкогольной зависимости, в последние годы все больше привлекает исследователей. Но вместе с тем в научных изысканиях наблюдается некоторый диссонанс: при наличии чёткого осознания значимости психотравматических факторов в психогенезе и формировании алкогольной зависимости отмечается дефицит фундаментальных исследований, направленных на углублённое изучение данной взаимосвязи. При этом понимание механизмов психотравматизации и их влияния на психическое здоровье человека становится ключевым для разработки эффективных методов профилактики и лечения.

Актуальность исследования проблемы взаимосвязи психотравматического опыта и риска развития алкогольной зависимости у мужчин обусловлена широкой распространённостью данного вида зависимости в современном обществе и её возможной связью с пережитыми психотравмирующими событиями [2, 6]. Немецкий профессор Франц Руперт утверждает, что зависимость, как одна из форм стратегии выживания, помогает на субъективном уровне избегать конфронтирования с неприятными состояниями, вызванными наплывом отщеплённых чувств, порождённых травмой [5].

Цель проведенного исследования — выявить и изучить опыт психотравматизации у мужчин во взаимосвязи со степенью их алкоголизации.

В исследовании приняли участие 50 респондентов, разделённых на две группы. Экспериментальная группа — мужчины, страдающие алкогольной зависимостью и находящиеся в состоянии ремиссии более 12 месяцев ($n = 25$). Контрольная группа («норма») ($n = 25$) — мужчины, у которых на момент проведения исследования отсутствовали официально подтверждённые диагнозы, связанные с употреблением психоактивных веществ.

Диагностический комплекс исследования:

1. Мичиганский тест на выявление алкогольной зависимости (Michigan Alcoholism Screening Test, MAST) [7].
2. Методика «Диагностика видов психических травм» О. В. Защириной (2024 г.) [1].
3. Опросник «Современная эмпирическая классификация психической травмы».

Результаты Мичиганского теста подтвердили различия по степени алкоголизации между экспериментальной и контрольной группами. Также дифференциация групп была подкреплена медицинскими документами.

Для проверки предположения о том, что наличие и характер опыта травматизации связаны со степенью алкоголизации мужчин использовалась методика «Диагностика психических травм» О. В. Защириной. В исследовании проведено сравнительное оценивание выраженности (балл = 0 — «Нет»,

балл от 1 до 3 — «Низкая реакция», балл от 4 до 6 — «Средняя реакция», от 7 до 10 — «Высокая реакция») посттравматических травмирующих реакций (ПТР) у двух групп пациентов — с алкогольной зависимостью и без неё. Основные различия полученные при анализе количества положительных ответов в экспериментальной и контрольной группах отмечены в таблице 1. Графики-гистограммы процентной выраженности признаков наличия психической травмы в экспериментальной и контрольной группах представлены на Рис. 1, 2.

Табл. 1. Сравнительная таблица данных экспериментальной группы (мужчины с алкогольной зависимостью) и контрольной группы (мужчины без алкогольной зависимости) по частоте ответов «Да» на вопросы методики «Диагностика видов психических травм» О. В. Защириной

Тип психотравмы	Группа		Р*
	Экспериментальная	Контрольная	
ПТР свидетеля близкого родственника	21/25 (84%)	10/25 (40%)	0.0036
ПТР свидетеля в профес. деятельности	15/25 (60%)	15/25 (60%)	1
ПТР свидетеля постороннего человека	18/25 (72%)	17/25 (68%)	1
ПТР после ДТП	14/25 (56%)	19/25 (76%)	0.232
ПТР мигрантов	12/25 (48%)	11/25 (44%)	1
ПТР жертвы теракта, криминального насилия	12/25 (48%)	7/25 (28%)	0.244
ПТР пострадавших от военных действий и жертв тоталитарных политических режимов	3/25 (12%)	6/25 (24%)	0.474
Боевая ПТР	2/25 (8%)	6/25 (24%)	0.247
ПТР нарушения привязанности	7/25 (28%)	2/25 (8%)	0.128
Пролонгированная ПТР детского развития	5/25 (20%)	2/25 (8%)	0.415

ПТР вследствие манифестации нарциссического компонента	20/25 (80%)	8/25 (32%)	0.0017
Фрустрационная ПТР	16/25 (64%)	7/25 (28%)	0.0232
Эдипальная ПТР	18/25 (72%)	12/25 (48%)	0.149
ПТР насилия при участии личносно значимого человека	10/25 (40%)	3/25 (12%)	0.0531
ПТР участника малой социальной группы	15/25 (60%)	3/25 (12%)	0.0012
ПТР регулярного бытового насилия	13/25 (52%)	2/25 (8%)	0.002
Сексуальная (телесная) ПТР	3/25 (12%)	0/25 (0%)	0.247
Инцестуальная ПТР	1/25 (4%)	0/25 (0%)	1
ПТР отвергнутой любви	23/25 (92%)	6/25 (24%)	<0.001
ПТР эмоционально тяжелых разводов	11/25 (44%)	4/25 (16%)	0.0641
ПТР предательства	20/25 (80%)	9/25 (36%)	0.0042
ПТР утраты	20/25 (80%)	17/25 (68%)	0.519
ПТР у родственников (друзей) суицидентов	11/25 (44%)	1/25 (4%)	0.0029
ПТР у родственников без вести пропавших людей	5/25 (20%)	1/25 (4%)	0.174
ПТР утраты будущего	16/25 (64%)	2/25 (8%)	<0.001
ПТР после тяжелых физич. повреждений и истощений	18/25 (72%)	8/25 (32%)	0.0108
ПТР при хронических заболеваниях	13/25 (52%)	0/25 (0%)	<0.001
ПТР больного с неизлечимым заболеванием	9/25 (36%)	1/25 (4%)	0.0133
ПТР при природной инвазии	13/25 (52%)	4/25 (16%)	0.0169

Результаты представлены как п/Н (%);

* Р значения рассчитаны с помощью χ^2 теста с симуляцией (Monte Carlo, B = 2000).

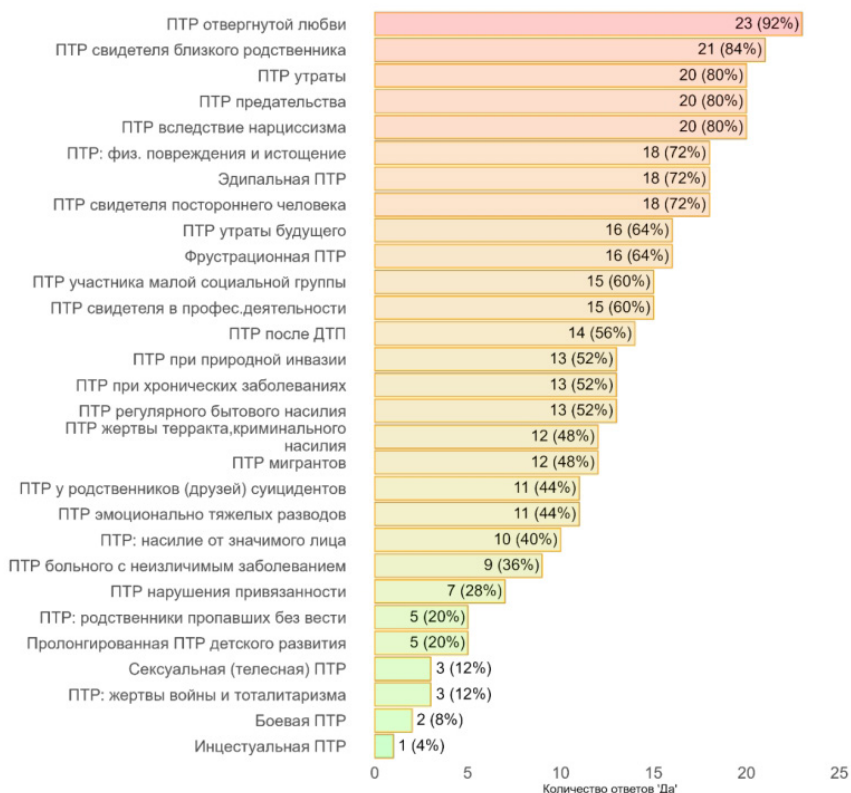

Рис. 1. Распределение частоты наличия психологической травмы (ответ «Да») в группе с алкогольной зависимостью по методике «Диагностика видов психических травм» О. В. Заширинской, % от общего числа ответов по выбранному признаку.

Из таблицы 1 видно, что чаще всего в группе с алкогольной зависимостью положительный ответ был дан по пунктам «ПТР отвергнутой любви» (рис. 1) 23/25 (92%) против 6/25 (24%) ($p < 0.001$), «ПТР свидетеля близкого родственника» 21/25 (84%) против 10/25 (40%) ($p = 0.00357$), «ПТР вследствие манифестации нарциссического компонента» 20/25 (80%) против 8/25

(32%) ($p = 0.00172$), «ПТР предательства» 20/25 (80%) против 9/25 (36%) ($p = 0.00417$), «ПТР утраты» 20/25 (80%) против 17/25 (68%) ($p = 0.519$).

В группе контрольной группе чаще всего положительные ответы были получены по пунктам «ПТР после ДТП» (рис. 2) 19/25 (76%) против 14/25 (56%) ($p = 0.232$), «ПТР утраты» 17/25 (68%) против 20/25 (80%) ($p = 0.519$) при этом группы оказались сопоставимы по данным пунктам.

Наименьшее количество положительных ответов в группе с алкогольной зависимостью были получены по пунктам «Инцестуальная ПТР» 1/25 (4%) и «Боевая ПТР» 2/25 (8%), в то время как в контрольной группе редко встречаются пункты, где количество положительных ответов было более 10.

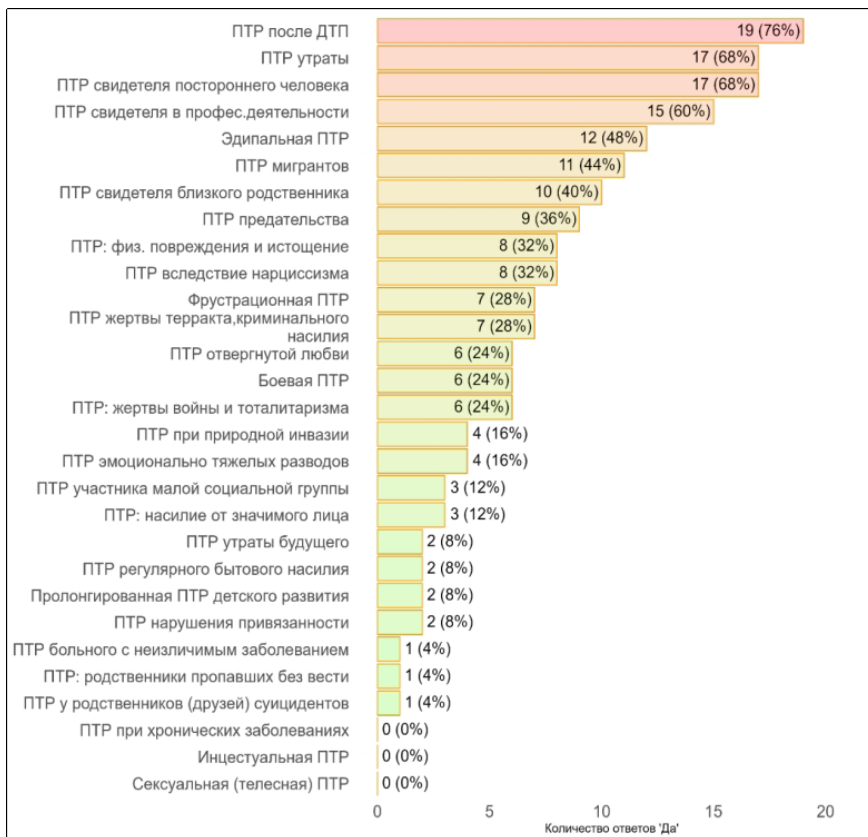

Рис. 2. Распределение частоты наличия психологической травмы (ответ «Да») в контрольной группе по опроснику «Современная эмпирическая классификация психической травмы», % от общего числа ответов по выбранному признаку.

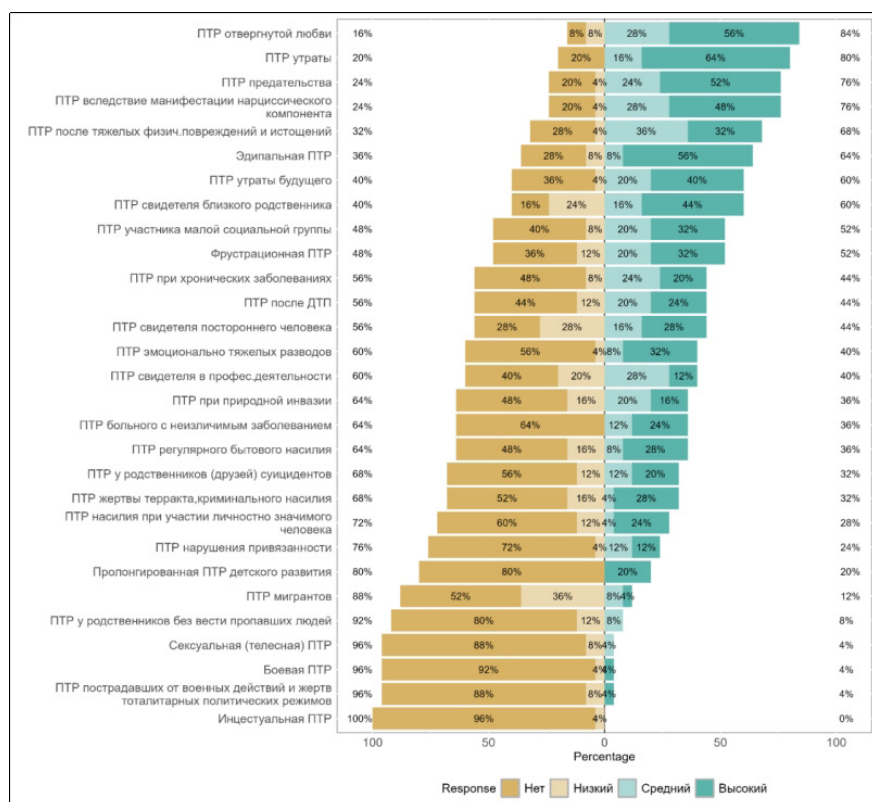

Рис. 3. Сравнительное распределение уровней переживания ПТР в группе с алкогольной зависимостью. Response: «Нет» — отсутствие ПТР, «Низкий» — от 1 от 3 баллов включительно, «Средний» — от 4 до 6 баллов включительно, «Высокий» — от 7 до 10 баллов включительно.

Полученные результаты демонстрируют значимые различия как в общем восприятии травматического опыта, так и в характере ответов на отдельные типы травмирующих событий.

Пациенты с алкогольной зависимостью (Рис. 3) демонстрируют более высокий уровень осознания и признания травматических реакций. В частности, наибольшая выраженность ПТР (категории «Средний» и «Высокий») наблюдается при таких событиях, как: отвергнутая любовь (84% совокупно), утрата (80%), предательство (76%), последствия физических повреждений и истощения (68%), эдипальная ПТР (64%), что указывает на широкую эмоциональную вовлеченность и способность к идентификации психотравмирующих факторов.

В противоположность этому, у пациентов без алкогольной зависимости (Рис. 4) преобладают ответы «Нет» и «Низкий» по всем видам ПТР. Для большинства типов травм (>80%) доля респондентов, отрицающих наличие ПТР, достигает 88–100%. В частности, полностью отсутствует признание ПТР при таких видах, как: сексуальное насилие, инцестуальная травма, хронические заболевания, потеря близких без вести, детская психотравма, что может свидетельствовать как о вытеснении травматического опыта, так и о сниженной рефлексии, эмоциональной притупленности или защитных механизмах, действующих на бессознательном уровне.

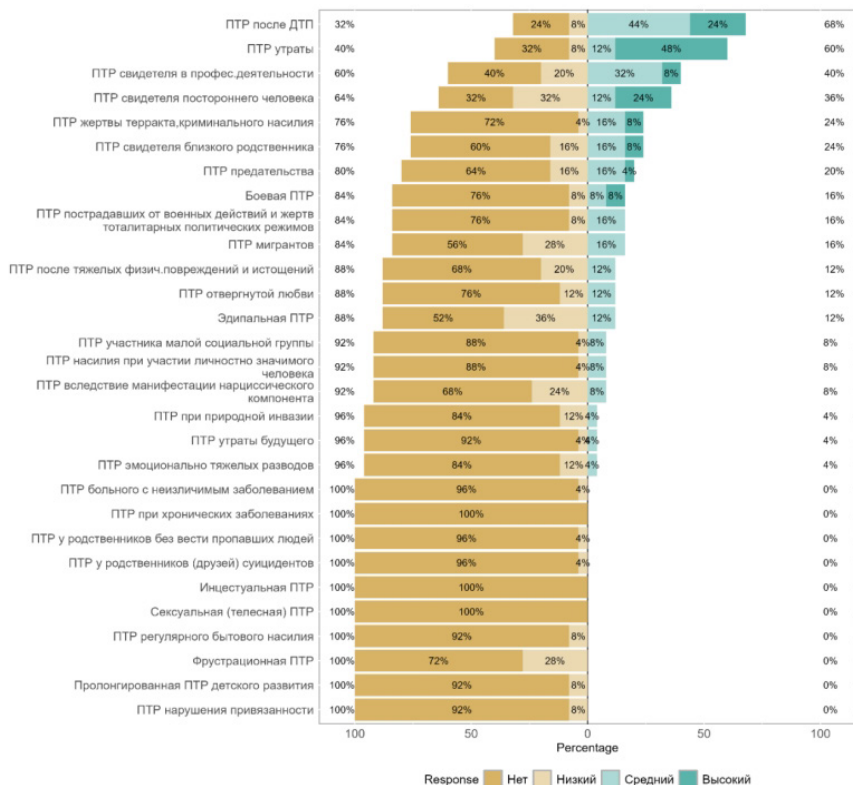

Рис. 4 Сравнительное распределение уровней переживания ПТР в группе — контроль. Response: «Нет» — отсутствие ПТР, «Низкий» — от 1 от 3 баллов включительно, «Средний» — от 4 до 6 баллов включительно, «Высокий» — от 7 до 10 баллов включительно.

Как видно из данных рис. 3 и 4, наибольшие различия между группами наблюдаются в категориях: «ПТР при утрате» (80% против 60%), «ПТР

при предательстве» (76% против 20%), «ПТР вследствие физического насилия» (68% против 12%), «Эдипальная ПТР» (64% против 12%), что подчёркивает разную степень чувствительности к социально-значимым и эмоционально-насыщенным ситуациям. Интересно отметить, что даже при очевидно тяжёлых травмах (насилие, потеря близких, война) группа с алкогольной зависимостью значительно чаще выбирала ответ «Нет», что может говорить о диссоциации или эмоциональной амбивалентности.

Исходя из полученных эмпирических данных, мы находим подтверждение гипотезе исследования о том, что наличие и характер опыта психотравматизации связаны со степенью алгоголизации мужчин и предполагаем, что психотравматизация может являться возможным предиктором алкогольной зависимости. Выявленные различия подчёркивают необходимость более дифференцированного подхода к психотерапии пациентов с алкогольной зависимостью. В особенности это касается работы с травматическим опытом, который в значительной степени может оставаться неосознанным, но при этом оказывать влияние на формирование и поддержание зависимого поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заширинская, О. В. Психические травмы в межличностных отношениях: учебное пособие / О. В. Заширинская. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2022. — 172 с. — Текст: непосредственный.
2. Иванец, Н. Н. Проблемы диагностики и лечения алкоголизма и наркомании / Н. Н. Иванец. — Москва: Анахарсис, 2001. — 112 с. — Текст: непосредственный.
3. Кровяков, В. М. Психотравматология / В. М. Кровяков. — Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2006. — 11 с. — Текст: непосредственный.
4. Рыбак, М. Ю. Психотравматизация как предиктор алкогольной зависимости у мужчин / М. Ю. Рыбак. — Текст: непосредственный // Бог. Человек. Мир: сборник докладов XXVII Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2024 года. — Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2025. — С. 217–222.
5. Рупперт, Ф. Симбиоз и автономность. Расстановки при травме. Симбиотическая травма и любовь по ту сторону семейных переплетений / Ф. Рупперт. — Москва: ИКСР, 2015. — С. 154–158. — Текст: непосредственный.
6. Хроника Всемирной Организации Здравоохранения. — 1962. — Т. 16, вып. 18. — 301 с. — Текст: непосредственный.
7. Selzer, M. L. The Michigan Alcoholism Screening Test: The quest for a new diagnostic instrument / M. L. Selzer. — Текст: непосредственный // American Journal of Psychiatry. — 1971. — Vol. 127, no. 12. — P. 1653–1658.

Гуляева Марина Васильевна,
магистрант Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
mo.gulyaeva@yandex.ru

ВИКАРНАЯ ТРАВМА И ЕЕ ПРОФИЛАКТИКА У ПСИХОЛОГОВ

Статья представляет собой анализ теоретико-концептуальных подходов к феноменологии викарной травмы. Показана связь травмы свидетеля с такими понятиями, как вторичный травматический стресс и усталость от сострадания. Обобщены в форме таблицы признаки, сопутствующие викарной травме. Поднимается проблема профилактики травмы свидетеля у психологов. Сконсолидированы способы профилактики викарной травмы у психологов. Подчеркивается необходимость дальнейшего проведения исследования, намечен круг вопросов для изучения.

Ключевые слова: викарная травма, травма свидетеля, вторичный травматический стресс, вторичная травма, усталость от сострадания, профилактика.

Marina V. Gulyaeva

VICARIOUS TRAUMA AND ITS PREVENTION IN PSYCHOLOGISTS

This article highlights theoretical-conceptual approaches to the phenomenology of vicarious trauma. The connection between the concept of secondary trauma and the concepts such as secondary traumatic stress and compassion fatigue is shown. The symptoms associated with vicarious trauma are summarized in a table. The issue of secondary trauma prevention for psychologists is raised. Methods for preventing vicarious trauma for psychologists are consolidated. The need for further research is underlined, and a spectrum of research questions is presented.

Keywords: vicarious trauma, secondary traumatic stress, secondary trauma, compassion fatigue, prevention.

В настоящее время в России медицина активно развивает направление профилактических мероприятий, направленных на сохранение здоровья населения. Фокус на профилактику развивается и в области психологии при викарной травме.

Работа психолога предполагает взаимодействие с лицами, пережившими или переживающими стресс. Ирвин Ялом в книге «Дар Психотерапии» отмечает, что «чрезмерная специализация, особенно в клинических сферах с повышенной нагрузкой страданий и опустошенности — например, работа с умирающими, острыми хроническими больными или психотиками, — подвергают терапевта особенному риску» [6, с. 340]. Специалисты считают, что не только медицинские работники, сотрудники МЧС, полиции,

скорой помощи в силу специфики своей деятельности, но и психологи переживают события, произошедшие с их клиентами, классифицируемые психиатрами как травмирующие для большинства людей. Излишнее присоединение психолога к проблемным клиентам может наносить существенный вред здоровью. О. В. Заширинская отмечает: «...есть даже специальный термин «травма свидетеля в профессиональной сфере». При этом специалисты, оставаясь работоспособными, выполняют все свои человеческие функции и в целом, ведут привычную жизнь. Но это не означает, что им удалось избежать травматизации» [2, с. 333]. Профессиональное развоплощение (отсоединение от проблем клиента) заключается в необходимости обращаться и к проработке своих собственных ощущений во время консультации [4].

В настоящее время в литературе можно встретить такие названия, как травма свидетеля, викарная травма, вторичная травма или вторичный травматический стресс. В англоязычных публикациях встречаются следующие синонимы: «'Secondary Traumatic Stress' (STS; Stamm, 1995), 'Compassion Fatigue' (CF; Figley, 1995) and 'Vicarious Trauma' (VT; McCann & Pearlman, 1990)» [13]. Несмотря на то, что эти понятия имеют схожее значение и часто взаимозаменяемы в литературе, все же есть важные различия, указанные в статьях [8; 13]. Например, понятие «усталости от сострадания» (compassion fatigue) включает в себя понятие викарной травмы и выгорания. Первоначально оно воспринималось как «утрата способности к заботе среди медсестер (Joinson, 1992)» [10, с. 5]. В настоящее время в действующей редакции МКБ-10 прямых кодов для викарной травмы или травмы свидетеля нет. Проявления этого психологического состояния могут кодироваться, например, как посттравматическое стрессовое расстройство (F43.1), которое входит в группу «Реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации (F43)». Согласно классификации психическим травм у детей и взрослых, разработанной О. В. Заширинской (2019), психотравма свидетеля (викарная травма) в профессиональной деятельности относится к 4-й группе психотравм вследствие нарушения отношений в социальном окружении, которая входит во 2-й генезис: «интерперсональные психические травмы, возникающие в результате отношений между людьми (психотравмы межличностных отношений)» [1, с. 50–51].

Понятие вторичного травматического стресса принято считать наиболее общей дефиницией, охватывающей все перечисленные выше понятия. Существующая конвергенция этих понятий представлена на переведенном рисунке 1 [8, с. 15].

Что известно о травме свидетеля? В чем особенности викарной травмы?

Викарную травму определяют как тип стрессовой реакции, которая возникает, когда человек становится свидетелем боли и страданий других людей или сопереживает им. Автор этого термина Чарльз Фигли говорит следующее: «Это стресс, возникающий в результате помощи или желания оказать

помощь страдающему человеку» [3, с. 11]. В одной из ранних работ он писал: «Достаточно быть членом семьи и заботиться о своих близких, чтобы переживать травматичные события, происходящие с ними. Таким образом, мы тоже становимся жертвами из-за нашей эмоциональной связи» [3, с. 11].

Рис. 1. Конвергенция понятий вторичного травматического стресса (викарной травмы).

Викарную травму иногда называют вторичным стрессом, поскольку это стресс, который человек испытывает от происходящего с другими людьми или «естественное следствие заботы (Figley, 1995)» [9]. По мнению Г. Петраковой этот термин используется для описания определенного явления: «люди получают травму не в результате непосредственного переживания травматического события, а из-за того, что услышали о травмирующем событии, случившемся с кем-то» [3, с. 11].

У специалиста, испытывающего длительное воздействие страданий других людей, викарная травма развивается постепенно и незаметно. В сознании человека происходят изменения когнитивных схем, которые связаны с восприятием себя, картины мира и других людей. Трейси Шорс подчеркивает, что «уровень гормонов стресса постоянно меняется и влияет на то, как мы думаем и учимся. Имеют ли эти изменения значения для повседневной жизни, зависит от конкретного человека — его возраста, пола, жизненного опыта и даже от того, насколько он изначально устойчив к стрессу» [5, с. 56–57]. Отмечается, что викарная травма характеризуется изменениями когнитивных схем и основных убеждений [13]. Изменение картины мира при викарной травме постепенно приводит к повышенной тревожности, потери контроля и ощущению будущего неопределенным, а также к изменению восприятия жизни, духовных ценностей и отношений с другими людьми, т.е. влияет на способность к эмпатии и сопереживанию, взаимосвязь с собой и с другими. Также могут проявиться симптомы

посттравматического стресса: навязчивые мысли о травмирующем событии (интрузии), содрогание или постоянное состояние готовности.

Согласно исследованиям англоязычных публикаций [10, с. 5] по усталости от сострадания, включающие викарную травму, проблематику исследований можно разделить на три группы: концептуализация; характеристики, указывающие на риск появления, и ход развития исследований. Наиболее часто упоминаемые признаки викарной травмы сведены в общую таблицу (Таблица № 1.).

Таблица № 1. Признаки викарной травмы

когнитивные	эмоциональные	поведенческие	физические
проблемы с вниманием и памятью	эмоциональное онемение / подавление	социальная изоляция (замкнутость)	хроническая усталость
навязчивые мысли (интрузии)	изменения в настроении (негативные)	злоупотребление ПАВ	головные боли
потеря смысла (потеря жизненных ориентиров, целей и мечтаний)	потеря смысла (ощущение бессмысленности работы)	изменение отношения к работе (прогулы, разочарование, отвращение)	нарушение сна
чувство безнадежности	чувство вины и стыда	избегание (защита), чрезмерная бдительность	физические недомогания
сниженный интерес к прошлому и будущему	посттравматические симптомы (тревожность, желание избежать)	склонность к рискованному поведению	проблемы со здоровьем (рецидивирующие болезни)
цинизм	алексетимия	импульсивность	

С целью определения наличия или тяжести викарной травмы наиболее часто используются шкалы:

- Шкала профессионального качества жизни Штамма в 2009 г., включает в себя 30 вопросов и 3 субшкалы по выгоранию, вторичному травматическому стрессу и усталости от сострадания;

- Шкала стресса вторичной травмы (STSS), разработана Брайаном Е. Брайд, Маргарет М. Робинсон, Бонни Л. Йегидис и Чарльзом Р. Фигли в 2004 г., включает 17 пунктов.

Другие существующие опросники оценивают выгорание, самопомощь, опыт продолжительной травмы (The Trauma History Screen) [12, с. 42].

Распознавание характеристик и симптомов, связанных с викарной травмой, является важным шагом к личному и профессиональному благополучию психолога. Поэтому с целью исследования репертуара форм совладания с викарной травмой для психологов со стажем работы 15 лет и более был проведен пилотный опрос в дистанционном формате с помощью яндекс-формы. В опросе приняло участие 16 человек, из них 3 мужчин. Респонденты рассматривались в качестве экспертов-психологов.

Среди ответов о профилактике викарной травмы наиболее популярными оказались:

- личная терапия и супервизия (14 человек — 87,5%);
- забота о физическом здоровье, в т.ч. режим, сон, еда, физические упражнения (11 человек — 69%);
- регулируемый объем работы (8 человек — 50%);
- календарь отдыха, т.е. запланировано время на отдых в течение года, общение с друзьями и коллегами очно и онлайн, хобби, время на природе (7 человек — 43,7%);
- «не беру в работу сразу много «трудных» клиентов, выдерживаю наблюдательную позицию», сообщество единомышленников (6 человек — 37,5%).

Стоит отметить предложенный респондентом вариант ответа: «провожу группы супервизий сложных случаев, что в результате помогает справляться с проблемой за счёт групповой синергии».

Данное первичное исследование показывает актуальность разработки форм профилактики викарной травмы и психологической помощи психологам-консультантам.

В методической литературе [7; 11; 14] предлагают следующие способы профилактики вторичной травматизации:

1. самопомощь (баланс жизни, майндфулнес, ЗОЖ, оптимизм, планирование, управление временем, корректировка и разнообразие нагрузки, замечать собственные успехи и самоэффективность, творчество, пребывание на природе, устанавливать границы жизнь-работа, работа с чувством вины, когда вы уделяете время себе, а не помогаете другим, проводить самооценку вторичной травматизации);
2. поддерживающее окружение (общение внутри семьи, общение с друзьями, коллегами, общение с группой сверстников, рефлексия через супервизию и личную терапию, в т.ч. проведение супервизий

со сверстниками, интервизорские группы, посещение тренингов жизнестойкости);

3. просвещение студентов, аспирантов, будущих психологов, молодых специалистов о существовании викарной травмы и способах ее профилактики.

С учетом этих направлений помощи развитие исследования планируем направить на решение следующих задач:

1. разработку комплексного опросника викарной травмы;
2. исследование периода уязвимости специалиста к травме свидетеля при наличии собственной психотравмы;
3. создание памятки специалисту для самообследования;
4. проектирование протокола супервизии, которая помогает справляться с викарной травмой: фокус супервизии на супервизанте или клиенте; как супервизор справляется с викарной травмой, если она у него появляется и при каких условиях;
5. разработка программы тренинга по самоанализу риска травматизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заширинская, О. В. Психические травмы в межличностных отношениях: учебное пособие / О. В. Заширинская. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. — 172 с. — Текст: непосредственный.
2. Заширинская, О. В. Консультационно-диагностическое сопровождение психотравмированной личности / О. В. Заширинская. — Текст: непосредственный // Сборник материалов XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге, 24–27 мая 2023 г. / отв. ред. В. А. Егоров. — Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского, 2023. — С. 331–337.
3. Петракова, Г. Травма свидетеля. Почему мне плохо от того, что я вижу, и как с этим справиться / Г. Петракова. — Москва: Эксмо, 2022. — 208 с. — Текст: непосредственный.
4. Треногов, А. В. «Зеркальные нейроны» в психологическом консультировании / А. В. Треногов. — Текст: электронный // Психологическая газета: [сайт]. — 2021. — URL: <https://psy.su/feed/9255/> (дата обращения: 05.01.2026).
5. Шорс, Т. Повседневная травма: реакция мозга на стресс, тревогу и болезненные воспоминания / Т. Шорс. — Санкт-Петербург: Питер, 2024. — 256 с. — Текст: непосредственный.
6. Ялом, И. Дар психотерапии / И. Ялом. — Москва: Эксмо, 2020. — 352 с. — Текст: непосредственный.
7. Dehlin, M. Compassion fatigue and compassion satisfaction among psychologists: Can supervision and a reflective stance be of help? / M. Dehlin, L. G. Lundh. — Текст: электронный // Journal for Person-Oriented Research. — 2018. — Vol. 4, no. 2. — P. 95–107. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33569136/> (дата обращения: 05.01.2026).
8. Henderson, A. Personal trauma history and secondary traumatic stress in mental health

- professionals: A systematic review / A. Henderson, T. Jewell, X. Huang, A. Simpson. — Текст: электронный // Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing. — 2025. — Vol. 32. — P. 13–30. — URL: https://www.researchgate.net/publication/382066357_ (дата обращения: 05.01.2026).
9. Kendall-Tackett, K. Recent Research on Secondary Trauma / K. Kendall-Tackett. — Текст: электронный // Trauma Psychology. — 2023. — Vol. 15, S2. — P. 201–202. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=gdcaes> (дата обращения: 05.01.2026).
 10. Noor, A. M. Compassion fatigue in helping professions: a scoping literature review / A. M. Noor, D. Suryana, E. M. E. Kamarudin, N. B. M. Naidu, S. R. Kamsani, P. Govindasamy. — Текст: электронный // BMC Psychology. — 2025. — Vol. 13, no. 1. — Art. 349. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/40200377/> (дата обращения: 05.01.2026).
 11. Norrman Harling, M. Breaking the taboo: eight Swedish clinical psychologists' experiences of compassion fatigue / M. Norrman Harling, E. Högman, E. Schad. — Текст: электронный // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-Being. — 2020. — Vol. 15, no. 1. — URL: https://www.researchgate.net/publication/342745475_ (дата обращения: 05.01.2026).
 12. Paiva-Salisbury, M. L. Building Compassion Fatigue Resilience: Awareness, Prevention, and Intervention for Pre-Professionals and Current Practitioners / M. L. Paiva-Salisbury, K. A. Schwanz. — Текст: электронный // Journal of Health Service Psychology. — 2022. — Vol. 48. — P. 39–46. — URL: <https://doi.org/10.1007/s42843-022-00054-9> (дата обращения: 05.01.2026).
 13. Sutton, L. The contribution of organisational factors to vicarious trauma in mental health professionals: a systematic review and narrative synthesis / L. Sutton, S. Rowe, G. Hammerton, J. Billings. — Текст: электронный // European Journal of Psychotraumatology. — 2022. — Vol. 13, no. 1. — URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10143587/1/Billings_ (дата обращения: 05.01.2026).
 14. Vukčević, M. M. Coping with Secondary Traumatic Stress / M. M. Vukčević, M. Živanović. — Текст: электронный // International Journal of Environmental Research and Public Health. — 2022. — Vol. 19, no. 19. — Art. 12881. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36232179/> (дата обращения: 05.01.2026).

Свирбутович Дарья Юрьевна,
психолог, самозанятая,
Россия, Санкт-Петербург,
Chernobay@inbox.ru

СЕМЕЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: СТРУКТУРА, МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

В статье представлен теоретический анализ феномена семейной идентичности как значимого компонента личностной и социальной идентичности человека. Рассматриваются основные научные подходы к изучению семейной идентичности в рамках системной семейной терапии, психодинамического направления, теории привязанности и социально-конструктивистской парадигмы. Предлагается авторская таблица, обобщающая проанализированные научные положения. Выстраивается план эмпирического исследования, результаты которого могут иметь как научно-теоретический, так и практический характер.

Ключевые слова: семейная идентичность, личностная идентичность, семейная система, межпоколенческая передача, семейные нарративы, психологическое благополучие.

Daria Yu. Svirbutovich

FAMILY IDENTITY AS A PSYCHOLOGICAL PHENOMENON: STRUCTURE, FORMATION MECHANISMS, AND ROLE IN PERSONALITY DEVELOPMENT

The article presents a theoretical analysis of the phenomenon of family identity as a significant component of personal and social identity. The main scientific approaches to the study of family identity within the framework of systemic family therapy, the psychodynamic approach, attachment theory, and the socio-constructivist paradigm are considered. An author's table summarizing the analyzed scientific positions is proposed. A plan for empirical research is outlined, the results of which may have both theoretical-scientific and practical significance.

Key words: family identity, personal identity, family system, intergenerational transmission, family narratives, psychological well-being.

Проблема идентичности занимает центральное место в современной психологической науке и междисциплинарных исследованиях человека.

В условиях ускоренных социокультурных изменений, трансформации семейных структур, изменения гендерных и родительских ролей возрастает значимость изучения тех форм идентичности, которые обеспечивают

устойчивость личности и преемственность социального опыта. Одной из таких форм является семейная идентичность.

В классических работах Э. Эриксона идентичность рассматривается как динамическое образование, формирующееся на протяжении всей жизни человека и обеспечивающее чувство целостности и непрерывности Я [5].

В дальнейшем данное понятие было расширено за счет включения различных социальных идентичностей, среди которых семейная идентичность занимает особое место, поскольку формируется на ранних этапах онтогенеза и опосредует базовые психологические процессы.

Семья выступает первой социальной системой, в которой индивид усваивает нормы, ценности, модели взаимодействия и способы интерпретации опыта. В этой связи исследование семейной идентичности представляет собой важную задачу — как для теоретической психологии, так и для практики оказания психологической помощи населению.

Понятие семейной идентичности в современной психологии не имеет единого определения, однако большинство исследователей сходятся в том, что семейная идентичность представляет собой интегративное психологическое образование, включающее осознание принадлежности к семье, эмоциональное отношение к этой принадлежности и усвоение семейных норм, ценностей и ролей. С позиции системной семейной терапии семья рассматривается как целостная система, обладающая собственной структурой, границами и правилами функционирования [4; 6]. В этом контексте семейная идентичность понимается как над-индивидуальное образование, поддерживающее целостность системы и регулирующее поведение ее членов. Психодинамический подход фокусируется на процессах идентификации и интериоризации семейных объектов, а также на роли бессознательных лояльностей и сценариев [7; 8]. Теория привязанности подчеркивает значение ранних эмоциональных связей для формирования устойчивых представлений о себе и значимых других, что напрямую связано с формированием семейной идентичности [3]. В рамках социально-конструктивистской парадигмы семейная идентичность рассматривается как результат нарративных практик и совместного конструирования смыслов в семье [2; 10].

Анализ научных источников позволяет выделить несколько структурных компонентов семейной идентичности: когнитивный, эмоциональный, ценностно-нормативный и поведенческий компоненты.

Когнитивный компонент включает знания и представления о семье, ее истории, составе, распределении ролей и типичных сценариях взаимодействия. Существенную роль здесь играют семейные мифы и нарративы, обеспечивающие целостное восприятие семейного опыта.

Эмоциональный компонент отражает чувства, связанные с принадлежностью к семье: привязанность, безопасность, гордость, а также возможные

переживания стыда, вины или амбивалентности. Данный компонент тесно связан с качеством внутрисемейных отношений и стилем привязанности.

Ценностно-нормативный компонент включает интериоризированные семейные ценности, моральные установки и нормы поведения. Он определяет жизненные приоритеты личности и влияет на выбор стратегий поведения в значимых жизненных ситуациях. В части семейных ценностей этот компонент тесно пересекается с когнитивным компонентом, а по своей сути им и является. Поскольку нормы — это не что иное, как регуляторы поведения, вторую часть этого компонента — нормативную — можно синонимизировать с поведенческим компонентом.

Поведенческий компонент, проявляющийся в воспроизведении семейных ролей, сценариев и привычных способов реагирования. Этот компонент обеспечивает преемственность семейного функционирования и устойчивость системы.

Сбалансированное развитие указанных компонентов способствует формированию гибкой и адаптивной семейной идентичности, тогда как их рассогласование может становиться источником внутриличностных и межличностных конфликтов. В этом контексте важно подчеркнуть обязательное присутствие в структуре семейной идентичности всех трех компонентов, традиционных для описания большинства социально-психологических явлений (к числу которых относится идентичность). Можно, вероятно, даже и выделять особо эмоциональную, когнитивную и конативную (мотивационно-поведенческую) стороны семейной идентичности.

Формирование семейной идентичности начинается в раннем детстве и осуществляется через процессы идентификации с родительскими фигурами и значимыми взрослыми. В рамках теории привязанности показано, что качество ранних эмоциональных связей оказывает определяющее влияние на формирование базового чувства безопасности и принадлежности [3]. Особое значение имеют семейные нарративы, которые выполняют функцию интеграции индивидуального опыта в контекст семейной истории. Исследования М. Фивуш и Р. Дьюка демонстрируют, что знание связанной и эмоционально насыщенной семейной истории связано с более высоким уровнем психологической устойчивости и сформированной идентичности у детей и подростков [10]. В подростковом и юношеском возрасте семейная идентичность подвергается переоценке. Процессы сепарации и индивидуации, описанные в работах М. Малер и П. Блоса [5], приводят к временному дистанцированию от семьи и критическому пересмотру семейных ценностей. Успешное прохождение этого этапа позволяет интегрировать семейную идентичность в структуру взрослой личности.

Семейная идентичность передается от поколения к поколению посредством как осознанных воспитательных стратегий, так и неосознаваемых механизмов. В работах М. Боуэна описывается феномен трансляции семейной

тревоги и сценариев через поколения [4]. Особое внимание в современной психологии уделяется феномену трансгенерационной травмы, подробно описанному в трудах А. А. Шутценбергер. Неразрешенные травматические переживания предков могут включаться в структуру семейной идентичности последующих поколений в форме скрытых лояльностей, запретов и иррациональных чувств вины [8]. Психотерапевтическая работа с семейной идентичностью ориентируется на осознание и переработку этих процессов, реконструкцию семейных нарративов и формирование более адаптивных форм идентичности.

Исследования показывают, что позитивно интегрированная семейная идентичность является важным ресурсом психологического благополучия. Она обеспечивает чувство принадлежности, социальной поддержки и устойчивости в кризисных ситуациях [1]. В то же время ригидная семейная идентичность, не допускающая автономии и индивидуальных различий, может способствовать развитию тревожных, депрессивных и психосоматических расстройств. Конфликт между личными потребностями и семейными ожиданиями часто становится предметом психологического консультирования и психотерапии.

Для обобщения приведенных характеристик семейной идентичности автором была составлена таблица (Табл. 1), в которой представлены компоненты семейной идентичности в том понимании, которое изложено в статье.

Таблица 1. Структурные компоненты семейной идентичности: сопоставление подходов

Компонент	Содержание	Основные подходы	Ключевые авторы
Когнитивный	Знания о семье, её истории, составе, распределении ролей и сценариях взаимодействия	Системный, социально-конструктивистский	Боуэн [4], Минухин [6], McAdams [10]
Эмоциональный	Чувства принадлежности, привязанности, гордости, возможной вины и амбивалентности	Теория привязанности, психодинамика	Боулби [3], Фрейд [7], Шутценбергер [8]

Ценностно — нормативный	Интериоризиро- ванные семейные ценности, моральные установки, нормы поведения	Социально- конструктивистский, системный	Бергер, Лукман [2], Боуэн [4]
Поведенческий	Воспроизведение семейных ролей, сценариев, привычных способов реагирования	Системный подход	Боуэн [4], Минухин [6]

Представленная таблица обобщает существующие подходы и показывает, что семейная идентичность многомерна: каждый компонент может быть исследован отдельно, но их интеграция обеспечивает устойчивость личности и социального опыта.

Несмотря на значительное количество теоретических работ, посвящённых семейной идентичности, в современной психологической науке сохраняется дефицит эмпирических исследований, направленных на выявление структурных и функциональных особенностей семейной идентичности личности в разные возрастные периоды, а также на анализ её связи с показателями психологического благополучия и межличностного функционирования.

Недостаточно изученными остаются механизмы интеграции когнитивных, эмоциональных и ценностно-нормативных компонентов семейной идентичности, а также условия, при которых она выступает ресурсом развития личности либо фактором психологических трудностей.

В этой связи актуальной представляется необходимость проведения эмпирического исследования, ориентированного на комплексный анализ семейной идентичности как многомерного психологического образования и её роли в субъективном благополучии и адаптации личности.

Цель исследования — выявить особенности структуры семейной идентичности и её связь с показателями психологического благополучия личности.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы к изучению семейной идентичности в отечественной и зарубежной психологии.
2. Описать структурные компоненты семейной идентичности и разработать их операционализацию для эмпирического исследования.

3. Исследовать уровень сформированности семейной идентичности у респондентов.
4. Выявить взаимосвязи между компонентами семейной идентичности и показателями психологического благополучия.
5. Определить типы семейной идентичности и их психологические характеристики.

Гипотезы исследования:

1. Существует статистически значимая связь между уровнем сформированности семейной идентичности и показателями психологического благополучия личности.
2. Высокий уровень интеграции компонентов семейной идентичности связан с более выраженным чувством психологической устойчивости, субъективного благополучия и удовлетворённости жизнью.
3. Ригидная или конфликтная семейная идентичность коррелирует с повышенным уровнем тревожности и снижением показателей психологического благополучия.

В структуру диагностического комплекса предполагается включить:

- метод составления семейной генограммы [6,3] с использованием включенного наблюдения за реакциями и рассказами участников при совместном построении генограммы; фиксирование невербальных проявлений (эмоции, внимание, участие);
- проективную методику “Рисунок семьи”, направленную на анализ того, как участники изображают членов семьи, их взаимодействия, размеры фигур, позиции; наблюдение за процессом создания рисунка;
- анализ семейного опыта, когда участник пересказывает семейные истории, подчеркивая положительные или конфликтные события, и фиксировать эмоциональные и когнитивные реакции;
- игровое моделирование семейных конфликтов с последующим анализом поведения и принятия решений;
- тест Family Identity Scale [9] — оценивает когнитивный, эмоциональный и ценностный компоненты;
- опросники о семейных ценностях и оценки привязанности к родителям — для анализа эмоциональной привязанности.

Возможно также и использование методик для диагностики тревожности, признаков стресса для оценки негативных проявлений семейной идентичности.

Выборку исследования целесообразно сформировать из взрослых респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, находящихся на этапе активной жизненной и профессиональной самореализации. В исследование планируется выделить выборки мужчин и женщин, воспитывавшихся в различных типах семей (полные, неполные, реконструированные). Такая организация

исследования позволит выявить влияние семейного контекста на особенности формирования семейной идентичности.

Реализация данного исследования обеспечит

- углубление понимания структуры семейной идентичности как многомерного психологического образования;
- уточнит механизмы интеграции когнитивного, эмоционального, ценностно-нормативного и поведенческого компонентов семейной идентичности;
- расширит знания о роли семейной идентичности в формировании психологического благополучия и устойчивости личности;
- создаст условия для обоснованной разработки рекомендаций для психологического консультирования и психотерапии, с учетом особенностей типов и характеристик семейной идентичности;
- обеспечит разработку новых инструментов диагностики семейной идентичности для практической работы психологов с различными возрастными группами;
- создаст методическое основание для проектирования психологической работы с межпоколенческими травмами и ресурсами семьи, поддерживающими личностное развитие и адаптацию.

Комплексный учет параметров семейной идентичности имеет важное значение для повышения качества практики психологов и психотерапевтов, поскольку обращение к семейной истории и нарративам открывает дополнительные ресурсы для личностного роста и психологического благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов, А. И. Социология семьи / А. И. Антонов. — Москва: ИНФРА-М, 2012. — 637 с. — Текст: непосредственный.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. — Москва: Медиум, 1995. — 323 с. — Текст: непосредственный.
3. Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби. — Москва: Академический проект, 2003. — 447 с. — Текст: непосредственный.
4. Боуэн, М. Теория семейных систем / М. Боуэн. — Москва: Когито-Центр, 2005. — 496 с. — Текст: непосредственный.
5. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис: учебное пособие / Э. Эриксон; пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. — 2-е изд. — Москва: Флинта [и др.], 2006. — 341 с. — Текст: непосредственный.
6. Малер, М. С. Психологическое рождение человеческого младенца: симбиоз и индивидуация / М. С. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман; пер. с англ. Е. А. Шадровой, Е. А. Перовой. — Москва: Когито-Центр, 2011. — 411 с. — Текст: непосредственный.
7. Минухин, С. Семья и семейная терапия / С. Минухин. — Москва: Класс, 1998. — 304 с. — Текст: непосредственный.
8. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. — Москва: АСТ, 2006. — 660 с. — Текст:

непосредственный.

9. Шутценбергер, А. А. Синдром предков / А. А. Шутценбергер. — Москва: Изд-во Института психотерапии, 2005. — 256 с. — Текст: непосредственный.
10. Fivush, R. “Do You Know...?” The power of family history in adolescent identity and well-being / R. Fivush, M. Duke, J. Bohanek. — Текст: электронный // Journal of Family Life. — 2011. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/255713247> (дата обращения: 14.01.2026).
11. McAdams, D. The psychology of life stories / D. McAdams. — Текст: электронный // Review of General Psychology. — 2001. — Vol. 5, no. 2. — P. 100–122. — URL: http://www.self-definingmemories.com/McAdams_Life_Stories_2001 (дата обращения: 14.01.2026).

Драгилев Сергей Анатольевич,
магистрант кафедры психотравматологии,
РХГА имени Ф. М. Достоевского,
dragilev@mail.ru

РОЛЬ ХРИСТИАНСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ СУИЦИДА

В статье обсуждается проблема суицида в современном обществе. Рассматривается воздействие христианской веры на суицидальное поведение и ее значение в профилактике самоубийств. Представлены данные международных исследований.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, профилактика самоубийств, религия, христианство.

Sergey A. Dragilev

THE ROLE OF CHRISTIANITY IN SUICIDE PREVENTION

The article discusses the problem of suicide in modern society. It examines the impact of the Christian faith on suicidal behavior and its importance in suicide prevention. International research data is presented.

Keywords: suicide, suicidal behavior, suicide prevention, religion, Christianity.

Феномен суицида продолжает оставаться одной из актуальных тем современной психологии. Самоубийство является статистически значимым общественным феноменом, распространение которого демонстрирует устойчивые тенденции, детерминированные культурно-историческими, социально-экономическими и этническими условиями развития государств и их отдельных регионов. По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно самоубийство совершают от 700 тыс. до 1 млн. человек во всем мире. Еще более значительным является показатель частоты суицидальных попыток, который в 10–20 раз превышает количество завершенных самоубийств. В научной литературе данное явление получило метафорическое название «феномен айсберга», где завершенные суициды представляют собой видимую часть проблемы, а суицидальные попытки — скрытую. Любая попытка самоубийства представляет собой серьезный предиктор завершеного суицида в дальнейшем. Статистические данные свидетельствуют о том, что 12% лиц, предпринявших суицидальную попытку, совершают повторную с летальным исходом в течение последующих двух лет. Отмечается, что около 80% лиц, совершивших самоубийство, ранее уже

предпринимали подобные попытки, как минимум, однократно. Накопленные сведения о его происхождении подчеркивают многоплановость данной проблемы и необходимость междисциплинарного подхода для ее всестороннего анализа. В этой связи, очевидна потребность в консолидации научных исследований данной области, что позволит позитивно повлиять на профилактику самоубийств и оказание антикризисной помощи населению. Применяемые в настоящее время превентивные меры по предупреждению суицидального поведения остаются недостаточно эффективными, что требует разработки новейших методов повышения их результативности. Социальная значимость данной проблемы возлагает на науку обязательство по созданию новых способов профилактики самоубийств, что реализуемо лишь посредством интеграции усилий широкого круга специалистов различного профиля в единую превентивную стратегию.

Согласно мировым статистическим данным, частота суицидов детерминируется не только половозрастными особенностями, но и социокультурными аспектами, в том числе религиозной принадлежностью. Некоторые исследователи [11] убедительно утверждают, что при высоких уровнях смертности, обусловленной самоубийствами, религиозный фактор не следует игнорировать. Исследование Э. Дюркгейма, посвященное воздействию вероисповедания на уровень самоубийств в европейских государствах, продемонстрировало явную пользу религиозной интеграции [3]. Несмотря на прошедшее столетие с момента публикации основополагающего труда Дюркгейма, устойчивое воздействие рассмотренных им антисуицидальных факторов вероисповедания остается значимым. Так, J. Weerasinghe и L. Terperman подтверждают в целом классическую теорию Э. Дюркгейма о религиозности как факторе, оказывающем превентивное влияние на суицидальное поведение. При этом исследователи не выделяют конкретную конфессию, обладающую наиболее выраженным профилактическим эффектом [19]. Метаанализ исследований, охватывающий период с 1872 по 2010 год, проведенный Н. Koenig с соавторами, является показательным примером работы, демонстрирующей положительное влияние фактора религиозности. Результаты этого масштабного анализа показали, что в подавляющем большинстве (75%, или 106 из 141) проанализированных исследований наличие вероисповедания коррелировало с меньшим количеством самоубийств [7].

Современная суицидология признает вероисповедание как защитный фактор против суицидального поведения. Американская исследовательская группа [18] провела анализ биографических данных индивидов старше 50 лет, включающий 584 случая суицида и 4279 случаев смерти от ненасильственных причин. После учета таких факторов, как пол, возраст, семейное положение, этническая принадлежность и частота социальных контактов, установлено, что лица, не посещающие богослужения, демонстрировали в четыре раза большую вероятность самоубийства по сравнению

индивидами, характеризующимися значительной религиозной вовлеченностью. Подтверждает вышеизложенное и масштабное проспективное исследование E. M. Kleiman и R. T. Liu. Авторы установили, что регулярное посещение богослужений (не менее 25 раз в год) выступает в качестве пролонгированного превентивного фактора, снижающего вероятность суицида. В рамках интерпретации полученных результатов, исследователи предполагают, что частая посещаемость религиозных служб может сигнализировать о систематическом взаимодействии с другими верующими, обеспечивающими социальную поддержку. Более того, акцент делается на том, что именно участие в богослужениях, а не просто приверженность религиозным убеждениям, способствует формированию и укреплению ощущения причастности к общине [6].

Помимо установленной корреляции между религиозной активностью и уменьшением числа самоубийств, научные работы выявляют связь между верой и негативным восприятием суицида, а также уменьшением количества суицидальных попыток, в том числе у лиц с диагностированной депрессией. В исследовании K. Dervic и соавторов [13], изучавших данные 371 госпитализированного с депрессивным расстройством, было выявлено, что пациенты, не относящие себя к какой-либо религии, при сопоставимой степени тяжести депрессии с религиозными пациентами, демонстрировали более высокую частоту суицидальных попыток в прошлом (66,2% против 48,3%). Эта группа пациентов характеризовалась меньшей убежденностью в ценности жизни и практически полным отсутствием морального неприятия самоубийства, в отличие от верующих пациентов. Итоги анализа позволили сделать заключение о том, что предохранительная роль религиозности в отношении депрессии наиболее выражена у лиц, переживших травмирующие события. С данным заключением солидарны и другие исследователи [9; 17; 2], предполагающие, что травма может инициировать глубокое духовное развитие личности, способствуя формированию резильентности, осознанному отношению к жизни и пониманию ее ценности.

В работе P. Huguelet [4] было проведено исследование религиозности среди 115 амбулаторных больных шизофренией и 30 госпитализированных пациентов с депрессивными расстройствами. Наряду со сведениями, полученными посредством стандартного полуструктурированного интервью, учитывалось субъективное мнение респондентов о значении вероисповедания (как защитного или провоцирующего фактора) в контексте суицидального поведения. Результаты показали, что 43% пациентов с психотическими расстройствами имели в анамнезе попытки самоубийства; четверть всех участников исследования отметила защитную роль религии, обусловленную как моральным неприятием суицида, так и индивидуальным применением религиозных копинг-стратегий. Представленное исследование показывает, что вера может значительно влиять на отказ от суицидальных намерений

у пациентов, даже с психотическими состояниями (несмотря на общеизвестную высокую вероятность суицидальных попыток в этой группе).

В рамках изучения рассматриваемой проблемы ряд исследователей провели лонгитюдные наблюдения за пациентами. Мета-анализ, выполненный R. Lawtence с соавторами и охвативший 89 статей о религии и суициде за последнее десятилетие, показал, что религиозность не всегда обеспечивает полное отсутствие суицидальных мыслей, но коррелирует со снижением количества суицидальных попыток [8]. В обзоре социологической литературы, охватывающем 130 публикаций за 15 лет и посвященном вопросам самоубийства, S. Stack анализирует различные концепции генезиса суицидального поведения в социуме. Он подчеркивает позитивное влияние религиозного фактора, подразумевающего использование разнообразных приемов копинга и предполагающего негативное отношение к суициду [15]. Исследование G. Kirov и соавторов подчеркивает принципиальную роль вероисповедания в формировании смысловой сферы личности, что особенно актуально в контексте пережитого психотического опыта. Авторы констатируют, что психоз оказывает деструктивное влияние на структуру личности, проявляющееся в когнитивной дисфункции, тревожном состоянии, чувстве дезорганизации и беспомощности, а также в дестабилизации внутренней организации. Психотерапия, учитывающая религиозные убеждения пациента и опирающаяся на сохраненные аспекты его личности, демонстрирует потенциал в восстановлении личностного равновесия и целостности, нарушенных болезнью. Данный процесс субъективно воспринимается как восстановление витальности, обретение ресурса удовлетворения, умиротворения и уверенности. Следовательно, вера, с психологической перспективы, выступает как специфический механизм защиты и содействует развитию адаптивных копинг-стратегий. Существенная часть пациентов целенаправленно прибегает к молитве в периоды выраженных страданий и ощущения безысходности, в то время как другие трактуют заболевание как испытание (позитивная переоценка) или используют участие в религиозной общине как средство повышения социальной активности [14].

В академической литературе акцентируется смыслообразующая роль вероисповедания, неразрывно связанная с формированием самоидентичности. Эмпирическим подтверждением данного положения являются результаты исследования [5], охватившего 3032 респондента в возрастной категории от 25 до 74 лет. Статистический анализ полученных данных, реализованный с применением многофакторной регрессии, выявил корреляцию между систематическим вовлечением в деятельность религиозных общин и укреплением религиозной социальной идентичности, что, в свою очередь, сопряжено с повышением уровня общего благополучия.

Помимо внутренней религиозной направленности, в современной науке все большее значение придается концепции общего благополучия

(well-being) как существенному индикатору позитивного влияния религии на ментальное и соматическое здоровье личности. Так, исследователи из Бразилии М. Peres и соавторы, изучая 782 взрослых с целью определения роли смысла жизни, терпимости, веры и религиозности в сфере психического здоровья, установили статистически значимую корреляцию между указанными параметрами и уровнем жизни, позитивным состоянием здоровья и общим благополучием [10]. В научной литературе превалирует мнение о том, что религиозность коррелирует с негативным отношением к суициду и снижением уровня суицидального поведения. Более того, даже при наличии психических заболеваний, религиозная принадлежность оказывает значимое влияние на неприятие решения о самоубийстве, что акцентирует важность вероисповедания в формировании смысла жизни.

Многие исследователи акцентируют внимание на том, что духовная сфера социума формирует важную экзистенциальную основу для личности [16; 1]. В связи с этим, представляется правомерным предположение о том, что проблема самоубийств может быть потенциально обусловлена недостатком существенного духовного опыта, спровоцированным распространенным в современной действительности «общественным духовным вакуумом». Это, в свою очередь, ведет к утрате смысла жизни и, как следствие, к повышению риска суицидального поведения. Некоторые научные деятели акцентируют внимание на том, что ключевым предохранительным фактором вероисповедания в контексте суицидального поведения выступает моральное осуждение самоубийства. При наличии определенных расхождений в подходах к суициду в традиционных религиозных конфессиях, объединяющим элементом является постулирование безусловной значимости человеческой жизни. Это утверждение обладает смыслообразующей функцией и оказывает влияние на общее восприятие жизни и самооценку [12].

В научных исследованиях выделяются такие ключевые факторы превентивного влияния христианской веры, как регулярное взаимодействие с членами религиозной общины и взаимопомощь в кругу единомышленников. Следовательно, степень религиозности, практика молитв, посещение церковных служб, наряду с межличностной поддержкой других верующих, демонстрируют снижение риска суицидального поведения, включая суицидальные мысли, планирование суицида и, даже, количество попыток самоубийства.

Таким образом, представленные сведения указывают на значимую роль исследования религиозного фактора в понимании суицидального поведения и подчеркивают потребность в применении качественной методологии для разработки эффективных стратегий его предупреждения. В первую очередь, суицид связывают с потерей смысла жизни, что обусловлено деструктивными процессами в обществе, приводящими к подмене традиционных ценностей, утрате духовных ориентиров и уменьшению значимости человеческого существования в целом. Отсутствуют идеалы, позволяющие индивиду

в кризисной ситуации соотносить с ними свое поведение. Утрата прежних смысложизненных ориентиров без формирования новых установок оставляет человека наедине с реальностью. Отсутствие смысла жизни в восприятии реальности, особенно в кризисных ситуациях, может приводить к ощущению безысходности и суицидальным намерениям. Религия, в частности христианская вера, должна активно участвовать в формировании смысложизненной сферы личности, способствуя выработке позитивного отношения к жизни и преодолению суицидальных намерений.

В связи с этим, мы решили провести исследование, цель которого — изучение влияния христианской веры на обретение смысла жизни у взрослых лиц с проявлениями суицидального поведения. Предметом исследования является изучение взаимосвязи между принятием христианства и обретением смысложизненных ориентиров у взрослых психотравмированных суицидентов. Нами был поставлен ряд практических задач: 1) сформировать выборку и распределить обследуемых по группам (христиане и атеисты); 2) изучить смысложизненные ориентации представителей обеих групп; 3) выяснить уровень сформированности суицидальных намерений у обследуемых. Гипотеза исследования предполагает, что принятие христианской веры имеет положительную связь с обретением смысложизненных ориентиров у взрослых психотравмированных суицидентов.

Для решения эмпирических задач исследования были отобраны следующие методики: 1) «Авторская анкета»; 2) «Тест смысложизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева; 3) «Шкала безнадежности» А. Бека; 4) методика выявления склонности к суицидальным реакциям «СР-45» П. И. Юнацкевича; 5) «Опросник суицидального риска» в модификации Т. Н. Разуваевой; 6) проективный графический тест «Ваши суицидальные наклонности» З. Королевой.

Теоретическая значимость исследования состоит в системном изучении роли христианской веры в профилактике суицидального поведения. Уточнение изменений смысложизненных ориентаций у суицидентов не только расширит понимание процесса травматизации, приводящего личность к суициду, но и даст возможность определить задачи превентивной психологической помощи. Выявленные закономерности могут быть использованы для разработки эффективных профилактических программ по предупреждению суицидального поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abeyta, A.A. The need for meaning and religiosity: An individual differences approach to assessing existential needs and the relation with religious commitment, beliefs, and experiences / A. A. Abeyta, C. Routledge. — Текст: электронный // *Personality and Individual Differences*. — 2018. — Vol. 123. — P. 6–13. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.10.038> (дата обращения: 12.10.2024).
2. Harris, J.I. Christian religious functioning and trauma outcomes / J.I. Harris, C. R. Erbes, B. E. Engdahl [et al.]. — Текст: электронный // *Journal of Clinical Psychology*. — 2008. — Vol. 64, no. 1. — P. 17–29. — URL: <https://doi.org/10.1002/jclp.20427> (дата обращения: 12.10.2024).
3. Durkheim, E. *Le Suicide. Etude de sociologie* / E. Durkheim. — Paris: Felix Alcan, 1897. — 462 p. — Текст: непосредственный.
4. Huguelet, P. Effect of religion on suicide attempts in outpatients with schizophrenia or schizo-affective disorders compared with inpatients with non-psychotic disorders / P. Huguelet, S. Mohr, V. Jung [et al.]. — Текст: электронный // *European Psychiatry*. — 2007. — Vol. 22, no. 3. — P. 188–194. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2006.08.001> (дата обращения: 12.10.2024).
5. Greenfield, E. A. Religious social identity as an explanatory factor for associations between more frequent formal religious participation and psychological well-being / E. A. Greenfield, N. F. Marks. — Текст: электронный // *The International Journal for the Psychology of Religion*. — 2007. — Vol. 17, no. 3. — P. 245–259. — URL: <https://doi.org/10.1080/10508610701402309> (дата обращения: 12.10.2024).
6. Kleiman, E. M. Prospective prediction of suicide in a nationally representative sample: Religious service attendance as a protective factor / E. M. Kleiman, R. T. Liu. — Текст: электронный // *The British Journal of Psychiatry*. — 2014. — Vol. 204. — P. 262–266. — URL: <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.113.128900> (дата обращения: 30.03.2023).
7. Koenig, H. *Handbook of religion and health* / H. Koenig, D. King, V. B. Carson. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — 1192 p. — Текст: непосредственный.
8. Lawrence, R. E. Religion and suicide risk: A systematic review / R. E. Lawrence, M. A. Oquendo, B. Stanley. — Текст: электронный // *Archives of Suicide Research*. — 2016. — Vol. 20. — P. 1–22. — URL: <https://doi.org/10.1080/13811118.2015.1004494> (дата обращения: 30.03.2023).
9. Linley, P. A. Positive change following trauma and adversity: A review / P. A. Linley, S. Joseph. — Текст: электронный // *Journal of Traumatic Stress*. — 2004. — Vol. 17, no. 1. — P. 11–21. — URL: <https://doi.org/10.1023/B: JOTS.0000014671.27856.7e> (дата обращения: 12.10.2024).
10. Peres, M. F. P. Mechanisms behind religiosity and spirituality's effect on mental health, quality of life and well-being / M. F. P. Peres, H. H. Kamei, P. R. Tobo, G. Lucchetti. — Текст: электронный // *Journal of Religion and Health*. — 2018. — Vol. 57, no. 5. — P. 1842–1855. — URL: <https://doi.org/10.1007/s10943-017-0400-6> (дата обращения: 12.10.2024).
11. Mitchell, L. Spiritual beliefs in bipolar affective disorder: their relevance for illness management / L. Mitchell, S. Romans. — Текст: электронный // *Journal of Affective Disorders*. — 2003. — Vol. 75, no. 3. — P. 247–257. — URL: [https://doi.org/10.1016/S0165-0327\(02\)00055-1](https://doi.org/10.1016/S0165-0327(02)00055-1) (дата обращения: 12.10.2024).
12. Moreira-Almeida, A. Religiousness and mental health: a review / A. Moreira-Almeida, F. Lotufo Neto, H. G. Koenig. — Текст: электронный // *Brazilian Journal of Psychiatry*. — 2006. — Vol. 28, no. 3. — P. 242–250. — URL: <https://doi.org/10.1590/S1516-44462006005000006> (дата обращения: 12.10.2024).

13. Dervic, K. Religious affiliation and suicide attempt / K. Dervic, M. A. Oquendo, M. F. Grunebaum [et al.]. — Текст: электронный // *American Journal of Psychiatry*. — 2004. — Vol. 161, no. 12. — P. 2303–2308. — URL: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.161.12.2303> (дата обращения: 12.10.2024).
14. Kirov, G. Religious faith after psychotic illness / G. Kirov, R. Kemp, K. Kirov, A. David. — Текст: электронный // *Psychopathology*. — 1998. — Vol. 31. — P. 234–245. — URL: <https://doi.org/10.1159/000029045> (дата обращения: 30.03.2023).
15. Stack, S. Suicide: A 15-year review of the sociological literature. Part I: Cultural and economic factors / S. Stack. — Текст: электронный // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. — 2000. — Vol. 30. — P. 145–162. — URL: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1943-278X.2000.tb01073.x> (дата обращения: 30.03.2023).
16. Tacey, D. The spirituality revolution: The emergence of contemporary spirituality / D. Tacey. — London: Routledge, 2004. — 256 p. — Текст: непосредственный.
17. Tedeschi, R. G. The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the positive legacy of trauma / R. G. Tedeschi, L. G. Calhoun. — Текст: электронный // *Journal of Traumatic Stress*. — 1996. — Vol. 9, no. 3. — P. 455–471. — URL: <https://doi.org/10.1007/BF02103658> (дата обращения: 12.10.2024).
18. Nisbet, P. The effect of participation in religious activities on suicide versus natural death in adults 50 and older / P. Nisbet, P. R. Duberstein, Y. Conwell, L. Seidlitz. — Текст: электронный // *The Journal of Nervous and Mental Disease*. — 2000. — Vol. 188, no. 8. — P. 543–546. — URL: https://www.researchgate.net/publication/12348714_The_Effect_of_Participation_in_Religious_Activities_on_Suicide_Versus_Natural_Death_in_Adults_50_and_Older (дата обращения: 30.03.2023).
19. Weerasinghe, J. Suicide and happiness: Seven tests of the connection / J. Weerasinghe, L. Tepperman. — Текст: электронный // *Social Indicators Research*. — 1994. — Vol. 32, no. 3. — P. 199–233. — URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/BF01078685.pdf> (дата обращения: 30.03.2023).

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ УЧАСТНИКОВ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

УДК 373.3

Магеррамова Айсель Видадиевна,
учитель,

педагог дополнительного образования
ГБОУ школы № 594 Московского района Санкт-Петербурга,
ayselmagerr@gmail.com

РОЛЬ ПРЕДМЕТНО-РАЗВИВАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматривается значение предметно-развивающей среды (ПРС) как ключевого условия для реализации деятельностного подхода в начальной школе в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования (ФГОС НОО). Показано, что грамотно организованная ПРС выступает активным фактором формирования познавательной активности, учебной самостоятельности и универсальных учебных действий. На основе анализа работ Л. С. Выготского, В. А. Петровского и В. А. Ясвина раскрываются принципы моделирования среды: трансформируемости, многофункциональности и вариативности. Делается вывод о необходимости целенаправленного проектирования ПРС для повышения эффективности учебного процесса.

Ключевые слова: предметно-развивающая среда, младшие школьники, учебная деятельность, федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО), начальная школа, универсальные учебные действия.

Aysel V. Magerramova

THE ROLE OF THE SUBJECT-DEVELOPING ENVIRONMENT IN ORGANIZING THE LEARNING ACTIVITIES OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS

The article examines the significance of the subject-developing environment (SDE) as a key condition for implementing the activity-based approach in primary school in accordance with the Federal State Educational Standard for Primary General Education (FSES PGE). It is proved that a properly organized SDE acts as an active factor in the formation of cognitive activity, educational independence and universal learning activities. Based on the analysis of the works of L. S. Vygotsky, V. A. Petrovsky and V. A. Yasvin the principles of environment modeling are revealed: transformability, polyfunctionality and variability. The conclusion is made about the need for targeted design of the SDE to improve

the effectiveness of the educational process.

Keywords: subject-developing environment, primary school students, learning activity, Federal State Educational Standard for Primary General Education (FSES PGE), primary school, universal learning activities.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО) ориентирует педагога на создание условий для становления субъектной позиции ученика, формирования у него умения учиться и развития универсальных учебных действий (УУД) [9]. В этом контексте предметно-развивающая среда (ПРС) учебного кабинета перестает быть лишь набором дидактических материалов, превращаясь в полноправного участника образовательного процесса. Ее организация непосредственно влияет на качество и характер учебной деятельности, мотивацию, эмоциональное состояние и психологический комфорт младших школьников. Современные исследователи утверждают: «Предметно-развивающая среда — это не просто набор учебных материалов и оборудования, инструментов, приспособлений, а целостная система, которая включает в себя физическое пространство класса, организацию учебного процесса, взаимодействие между учащимися и учителями, а также применение современных технологий» [4, с. 72]. Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления роли физического пространства кабинета начальной школы в свете новых образовательных задач, где ценностью становится не трансляция знаний, а поддержка детской инициативы, исследовательского поведения и учебного сотрудничества.

Идея о развивающей роли окружения была фундаментально обоснована в культурно-исторической теории Л. С. Выготского. Он показал, что социальная среда, насыщенная культурными знаками и орудиями, является источником развития высших психических функций, которые сначала складываются в совместной деятельности («интерпсихически»), а затем интериоризируются, становясь достоянием ребенка («интрапсихически») [1]. Таким образом, ПРС можно рассматривать как материализованную «зону ближайшего развития» — пространство, где с помощью педагога, сверстников и специально организованных материалов ребенок может решать задачи, пока еще недоступные ему самостоятельно.

В отечественной педагогике принципы построения развивающей образовательной среды были систематизированы В. А. Петровским применительно к дошкольному учреждению, однако они обладают высокой степенью универсальности и актуальны для начальной школы [7]. К ним относятся:

- дистанция во взаимодействии (пространство должно располагать к контакту);
- активность (среда должна побуждать к действию);
- стабильность-динамичность (базовые элементы постоянны, но наполнение меняется);

- комплексирование и гибкое зонирование (возможность объединения разных областей активности).

Эти принципы легли в основу современных подходов к проектированию образовательных пространств.

В рамках теории учебной деятельности, разработанной В. В. Давыдовым, среда должна не просто предоставлять информацию, а провоцировать поиск, моделирование, преобразование условий и решение собственно учебных задач [3]. Она становится полем для постановки и проверки гипотез. Г. А. Цукерман, развивая идеи о учебном сотрудничестве, подчеркивает, что для формирования субъектов совместной деятельности необходимо пространство, стимулирующее коммуникацию, дискуссию, аргументацию и совместный поиск решений [11]. Таким образом, среда должна быть социально-насыщенной.

В. А. Ясвин, рассматривая образовательную среду как систему влияний и условий, выделяет ее ключевые параметры: широту (разнообразие), интенсивность (концентрацию ресурсов), осознаваемость (степень отражения в сознании участников), обобщенность (интегрированность компонентов), эмоциональность (психологический климат), доминантность (значимость среди других влияний) и когерентность (взаимосвязь элементов) [13]. Данный комплексный подход позволяет проводить диагностику и целенаправленное проектирование ПРС.

В организации учебной деятельности младших школьников ПРС выполняет интегрирующую роль, сочетая несколько функций, направленных на достижение личностных, метапредметных и предметных результатов:

1. Дидактическую: Предоставление аутентичных материалов для постановки и решения учебных задач (коллекции природных материалов, измерительные инструменты, исторические реплики), наглядных опор (алгоритмы, схемы, «ленты букв и цифр», географические карты) и источников информации (справочники, детские энциклопедии, медиаресурсы). Качественный дидактический материал, по мнению А. К. Марковой, является основой для развития желания учиться у младших школьников [6].
2. Развивающую: Стимуляция познавательного интереса, исследовательской инициативы и мыслительных операций. Это реализуется через создание центров экспериментирования («научная лаборатория» с микроскопами, лупами, весами), конструкторских зон (разнообразные конструкторы от LEGO до магнитных), пространства для проблемных задач и головоломок. Такая среда развивает критическое мышление, креативность и умение работать с информацией.
3. Социально-коммуникативную: Организация пространства, способствующего взаимодействию. Это трансформируемая мебель для групповой работы (столы-трансформеры, пуфы), «ковёр-круг»

для общих обсуждений и рефлексии, зона для презентаций и проектов (мольберт, экран). Подобная организация прямо способствует формированию коммуникативных УУД (умение договариваться, сотрудничать, представлять свою точку зрения, работать в команде), что является ключевым требованием ФГОС НОО [9].

4. Эмоционально-регулятивную: Создание условий для психологического комфорта и снижения тревожности, неизбежной в учебной деятельности. Наличие «уголков уединения» (палатка, мягкий коврик с подушками за ширмой), зеленых зон (растения, аквариум), использование теплой цветовой гаммы и природных материалов (дерево, текстиль) помогают ребенку восстановить силы, сконцентрироваться. Это напрямую соотносится с задачами формирования личностных УУД, в частности, саморегуляции.

Эффективность реализации перечисленных функций обеспечивается соблюдением ключевых принципов моделирования ПРС:

- Трансформируемость: возможность быстрого изменения пространства под задачи урока. За 5–10 минут класс может трансформироваться из аудитории для фронтальной работы в лабораторию (островные столы для групп), мастерскую или театральную площадку. Это требует легкой, мобильной мебели на колесиках и продуманной системы хранения.
- Полифункциональность: использование элементов среды (модули, ширмы) для разных видов деятельности. Мягкие модули могут быть и сиденьем, и конструктором для постройки замка, и границей зоны. Ширма служит и стендом для выставки работ, и элементом сюжетно-ролевой игры, и разделителем пространства. Это развивает детское воображение и гибкость мышления.
- Вариативность: наличие и регулярное обновление содержания различных тематических зон. Например, «Уголок чтения» может превращаться в «Бюро путешествий» с картами и путеводителями, а затем в «Редакцию школьной газеты». Это поддерживает постоянный познавательный интерес.
- Доступность и безопасность: Открытый, логически организованный доступ к большинству материалов (книги на открытых полках, материалы для творчества в прозрачных контейнерах), при условии соблюдения совместно выработанных с детьми правил. Все материалы должны быть безопасны (сертифицированы) как физически, так и психологически (соответствовать возрасту).

Исследователи (Н. В. Герасименко, А. Ксавер, Г. Фрилинг) в своих трудах отмечают, что цветовое решение учебного кабинета влияет на умственную активность и концентрацию внимания учащихся. Для стен рекомендуется использовать сдержанные тёплые тона (бежевый, кремовый), которые

дисциплинируют и способствуют работе. Оптимально сочетание 2–3 цветов для предотвращения монотонности и визуальной перегрузки [2,10].

С. М. Куницына, кандидат педагогических наук, подчеркивает, что ключевые функциональные зоны класса должны проектироваться следующим образом:

1. Учебная зона включает регулируемую мебель и доску. Предпочтительна тёмно-зелёная трёхстворчатая доска (часть — раздвижная, часть — магнитная) с высотой нижнего края 70–90 см (СанПиН) [8]. Обязательны интерактивное оборудование и гибкая расстановка мебели (ряды, круг) для разных форматов работы. Рабочее место учителя оснащается компьютером с доступом в локальную сеть и интернет.
2. Информационная зона включает стенды с наглядными материалами, которые делятся на постоянные (алфавит, символика государства) и сменные (тематические). Материалы должны быть читаемы. Здесь же размещаются государственная символика (для патриотического воспитания), классный уголок и уголок для родителей с актуальной информацией.
3. Игровая зона с мягкой мебелью, играми и книгами создаёт условия для релаксации и неформального общения, что особенно важно для адаптации первоклассников и сохранения психологического комфорта.
4. Зона творчества для выставки детских работ формирует ситуацию успеха и стимулирует креативность.
5. Зелёная зона (комнатные растения) воспитывает ответственность и заботу о живом, способствует созданию уютной атмосферы, при размещении с учётом норм освещённости (СанПиН) [5, с. 16–19].

Стоит отметить, что при обустройстве кабинета важно разместить умывальник с мылом, туалетной бумагой и полотенцами в правом переднем углу, рядом — педальное ведро и держатель для бумаги. Чистота и порядок в кабинете — основа успешного обучения: аккуратные парты, чистая доска и уложенная документация создают благоприятную образовательную среду и помогают настроиться на урок.

Зонирование учебного кабинета создает условия для личностного и социального развития учащихся: оно помогает каждому найти занятие по интересам, поверить в себя, научиться взаимодействовать со сверстниками, понимать их чувства и поступки — всё это составляет основу развивающего обучения. Такая организация среды способствует становлению эмоционально-положительного отношения к школе, повышает внутреннюю мотивацию и познавательную активность. Неотъемлемым условием эффективности зонирования является его мобильность — способность педагога оперативно трансформировать пространство в соответствии с актуальными

образовательными задачами и контекстом, что обеспечивает средовую гибкость и педагогическую целесообразность.

Из этого следует, что организация предметно-развивающей среды школы — это совместная ответственность всех участников образовательного процесса: не только учителя, но и администрации учреждения, родителей, а также самих обучающихся. Только слаженная работа всей образовательной команды позволяет создать комфортную, безопасную и развивающую среду, способствующую эффективному обучению и личностному росту.

Ключевыми ориентирами результативности образовательного процесса, достигаемыми через грамотное проектирование предметно-развивающей среды, являются:

- Формирование субъекта учебной деятельности — ученика, способного к осознанному познанию, поиску и конструированию знаний, а не к их механическому запоминанию.
- Развитие коммуникативной компетентности — умения эффективно взаимодействовать и сотрудничать со сверстниками и взрослыми в учебных и социальных ситуациях.
- Становление учебной саморегуляции — способности ребёнка к самооценке, рефлексии и управлению собственной познавательной деятельностью.
- Создание инклюзивного образовательного пространства — школы, готовой учитывать и поддерживать индивидуальные особенности, потребности и образовательные траектории каждого ребёнка [12, с. 287].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что предметно-развивающая среда в современной начальной школе является не нейтральным фоном, а активным педагогическим инструментом и «третьим учителем». Её целенаправленное проектирование на основе деятельностного, личностно-ориентированного и средового подходов, реализуемое через системное и научно-обоснованное зонирование, создаёт необходимые материальные и психологические условия для формирования у младших школьников основ умения учиться. Гибкая, мобильная среда, организованная как «пространство возможностей» и учебного сотрудничества, стимулирует критический переход от пассивного усвоения знаний к активной, инициативной учебно-познавательной деятельности, способствуя развитию учебной самостоятельности, социальных навыков и положительного отношения к школе. При этом ключевым принципом остаётся баланс и целесообразность: избегание визуальной и смысловой перегруженности позволяет сконцентрировать развивающий потенциал среды на решении стержневой задачи ФГОС НОО — становлении субъекта учебной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. — Москва: Лабиринт, 1999. — 352 с. — Текст: непосредственный.
2. Герасименко, Н. В. Цвет в интерьере образовательного пространства как фактор развития когнитивных способностей учащихся / Н. В. Герасименко. — Текст: непосредственный // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. — 2016. — № 52. — С. 45–50.
3. Давыдов, В. В. Теория развивающего обучения / В. В. Давыдов. — Москва: ИНТОР, 1996. — 544 с. — Текст: непосредственный.
4. Караманиц, К. И. Проектирование учителем предметно-развивающей среды в начальной школе / К. И. Караманиц, А. А. Борисова. — Текст: непосредственный // Современный учитель: профессиональная компетентность и социальная значимость: материалы IV Международной научно-практической конференции, Донецк, 26 июня 2025 года. — Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. — С. 70–75.
5. Куницына, С. М. Проектирование образовательной среды начальной школы / С. М. Куницына. — Текст: непосредственный // Журнал психолого-педагогических исследований. — 2023. — № 1 (1). — С. 12–19.
6. Маркова, А. К. Формирование мотивации учения / А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов. — Москва: Просвещение, 1990. — 192 с. — Текст: непосредственный.
7. Петровский, В. А. Построение развивающей среды в дошкольном учреждении / В. А. Петровский, Л. М. Кларина, Л. А. Смывина, Л. П. Стрелкова. — Москва: Новая школа, 1993. — 102 с. — Текст: непосредственный.
8. СанПиН 1.2.3685–21. Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания: утверждены Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 2. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-glavnogo-gosudarstvennogo-sanitarnogo-vracha-rf-ot_1430/sanpin-1.2.3685-21/ (дата обращения: 20.11.2025).
9. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО): Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 336 / Министерство просвещения Российской Федерации. — Москва, 2021. — Текст: электронный. — URL: https://sh-sazonovskaya-r19.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/30/50/FGOS_NOO_ot_18.07.2022.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
10. Фрилинг, Г. Человек — цвет — пространство: Прикладная цветопсихология / Г. Фрилинг, К. Ауэр. — Москва: Стройиздат, 1973. — 141 с. — Текст: непосредственный.
11. Цукерман, Г. А. Виды общения в обучении / Г. А. Цукерман. — Томск: Пеленг, 1993. — 268 с. — Текст: непосредственный.
12. Юферева, М. Е. Современная образовательная среда начальной школы: вызовы и пути развития / М. Е. Юферева. — Текст: непосредственный // Флагман науки. — 2025. — № 11 (34). — С. 285–288.
13. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. — Москва: Смысл, 2001. — 365 с. — Текст: непосредственный.

Донец Елизавета Сергеевна,

магистрант

РХГА имени Ф. М. Достоевского

donetselizaveta@gmail.com

БИОЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ДЕСТРУКТИВНЫЕ КОНТРЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ: ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ И ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

В статье прослеживается путь появления биоэтики и деструктивных контррелигиозных движений из общей проблематики, сформировавшейся под влиянием научно-технологического прогресса и социально-культурной революции во второй половине XX века. Проводятся параллели между ценностями, сформулированными в рамках биоэтики и современных сатанинских движений. Делается вывод, что, несмотря на общие предпосылки развития, приведшие к формированию схожих декларируемых убеждений, в силу деструктивной ритуализованной практики сатанинские движения зачастую становятся в оппозицию к общественной этике. Причина подобной проблемы исходит из смешения потребностей в формировании религиозной надстройки к постсекулярным ценностям и в протесте против устоявшихся норм, выраженных, в том числе, в форме традиционных религий.

Ключевые слова: биоэтика, сатанизм, автономия личности, трансгуманизм, постсекулярное общество.

Elizaveta S. Donets

BIOETHICAL ISSUES AND MODERN DESTRUCTIVE COUNTERRELIGIOUS MOVEMENTS: GENERAL PREREQUISITES FOR DEVELOPMENT AND FUNDAMENTAL ETHICAL CONTRADICTIONS

The article traces the emergence of bioethics and destructive counterreligious movements from the general problem that was formed under the influence of scientific and technological progress and the socio-cultural revolution in the second half of the 20th century. Parallels are drawn between the values formulated in the framework of bioethics and modern Satanic movements. The conclusion is drawn that, despite the general prerequisites of development that led to the formation of similar declared beliefs, Satanic movements often become in opposition to public ethics due to destructive ritualized practices. The reason for this problem comes from the mixing of the needs for the formation of a religious superstructure to post-secular values and in protest against established norms, expressed, among other things, in the form of traditional religions.

Keywords: bioethics, Satanism, personal autonomy, transhumanism, post-secular society.

Биоэтика является междисциплинарной сферой исследований, которая занимается анализом этико-философских, правовых и социальных вопросов, возникающих в современном мире в связи с развитием научно-технического прогресса, затрагивающего человеческие ценности и принципы в медицине, биологии, экологии и иных областях. Так, проблематика, находящаяся в сфере интереса биоэтики, может включать в себя рассмотрение вопросов генетической инженерии, репродуктивных технологий или трансгуманистических практик.

Биоэтика опирается на общепризнанные принципы, среди которых принято выделять человеческое достоинство, самостоятельность и индивидуальную ответственность, неприкосновенность личности и её частной жизни, равенство, справедливость и равноправие, уважение культурного разнообразия и плюрализма, совместное использование благ. Данные принципы, помимо прочих, указаны в принятой ЮНЕСКО в 2005 году Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, несмотря на отсутствие определения самого понятия «биоэтика» [9].

В качестве деструктивных контррелигиозных движений в данной статье рассматриваются различные направления сатанизма как предельное выражение антисоциальной направленности, требующее рассмотрения как наиболее заметное в религиозном контексте исторически обусловленное следствие определённых общественных процессов.

Термины «сатанизм» и «сатанинские движения» охватывают гетерогенную совокупность течений и групп. Изначально сатанистами было принято называть религиозных оппонентов и людей, ведущих, с точки зрения обвинителей, безнравственный образ жизни (подобно этому в разговорной речи в качестве оскорбления могут использоваться «еретик» или «богохульник»), несмотря на отсутствие лиц, декларировавших себя как сатанисты и непосредственно заявлявших о поклонении Сатане в той или иной форме [8]. Фактическое же появление сатанизма связывают с созданием Церкви Сатаны в 1966 году Антоном Шандором Лавеем [7], взгляды которого являлись скорее атеистическими и мистическими и заложили дальнейшую основу сатанизма как философско-ритуального движения, сконцентрированного как на создании собственной доктрины по образцу традиционных религий, так и на политико-активистской деятельности, составляющей идентичность сатанистов как перманентно находящихся в оппозиции к вере большинства, в основном, к христианству.

Несмотря на то, что позднее были сформированы теистические сатанистские движения (например, Храм Сета), в них также прослеживалась принципиальная оппозиционность к мировым религиям и наследственность по отношению к новоевропейским романтическим и мистическим движениям и новым религиозным движениям 1960-х годов. То есть будучи изначально сформулированы в истории своего дискурса как религиозное

«другое», со временем сатанисты сами стали постулировать свою инаковость, несмотря на сопутствующий большинству новых религий синкретизм, предполагающий включение в себя практик отрицаемых верований. Подобное стремление к противопоставлению себя обществу порой приводит к формированию ещё более асоциальных убеждений, связанных с неонацизмом и различными преступлениями, приобретающими характер ритуализованных, что в 2025 году привело к запрету деятельности движения сатанистов Верховным судом Российской Федерации [3].

В Храме Сатаны, атеистическом сатанинском движении, использующем образ Сатаны как символ бунтаря, противостоящему произволу власти, и отвергающем традиционные представления о вере как необходимом элементе религии в пользу веры в разум, эмпатию, стремление к знаниям, были сформулированы следующие основные принципы сатанизма: сострадание и эмпатия по отношению ко всем живым существам в соответствии с разумом, борьба за справедливость, неприкосновенность тела человека и его подчинённость только воле самого человека, уважение свободы других людей, соответствие убеждений научно обоснованному пониманию мира, необходимость исправления совершённых вследствие несовершенства человека ошибок, преобладание духа сострадания, мудрости и справедливости над письменным или устным словом.

Данные постулаты являются не необходимыми для традиционных религий заповедями, но этическими принципами, которые, как и в случае с биоэтикой, помогают ориентироваться в постмодернистском обществе. Помимо принципов, провозглашаемых Храмом Сатаны и являющихся наиболее наглядными, сходства сатанинских принципов с биоэтическими можно найти в других движениях. Так, Церковь Сатаны в своих текстах уделяет внимание таким ценностям как скептицизм к суждениям, сексуальная свобода, личная ответственность, непричинение вреда животным и детям, невмешательство в частную жизнь, моральный релятивизм, биологическое представление о сущности человека [2].

Другой точкой соприкосновения является рассмотрение проблематики трансгуманизма. Появление новых возможностей для развития человека как с физической, так и с ментальной сторон, привело к обсуждению самой возможности такого совершенствования и того, насколько сильно она может «улучшить» человека, если такое действительно возможно, и к каким последствиям это приведёт. В поле биоэтики подобные вопросы подразумевают, например, возможность и оправданность изменения генома человека с целью задать ему определённые желательные характеристики. В поле сатанизма, как части дискурса новых религиозных движений, данные идеи получили отражение в философии раскрытия и реализации человеческого потенциала. Если для нетеистических сатанинских движений это означает, в основном, активное потакание собственным желаниям как естественным

и нормальным, то для теистических организаций — возможность осуществить своё уникальное предназначение при помощи самопознания и саморазвития, что характерно, например, для Храма Сета, сформировавшего концепцию так называемого Херега — процесса осознанного развития индивидуального потенциала.

Ранее «улучшенное» состояние человека находилось зачастую в ведении традиционных институтов, включая религиозные, предполагавших существование закреплённых способов достижения данного состояния в моральном плане при помощи ведения праведного образа жизни и отсутствия биологических способов в силу исторических условий. При всё большем снятии подобной монополии на направление развития личности появляется всё больше принципиально новых возможностей и предложений.

Также в Храме Сета, как и остальные сатанинские движения противопоставляющем себя традиционным религиям, ценности масс признаются препятствием на пути индивидуального духовного развития, что отражает одновременно стремление к нахождению новых ценностей и контррелигиозную деструктивную направленность, делающую затруднительным саму возможность построения новых этических суждений в отрыве от сделавшим возможной данную ситуацию процессов и институтов. По достижении высокого уровня индивидуальной воли, по мнению Храма Сета, она может быть распространена и на остальной мир в форме магии. Интеллектуальная независимость сознания, ценность, свойственная рациональным и секулярным общества, таким образом, тесно переплетается со стремлением в религиозной обрядовости.

Схожие с рассматриваемыми выше позициями идеи отстаивает и Люциферианство (The Assembly of Light Bearers, Ассамблея Светоносцев, ранее также известная как Greater Church of Lucifer, Великая Церковь Люцифера): смешение секулярной ценности интеллекта с обрядовостью, необходимость бунта против традиционных устоев (напрямую обозначаются как «Противник»), а также вновь сходные с биоэтическими ценности личной ответственности, опоры на биологию, морального релятивизма и необходимости нахождения взаимной основы для уважения «других» как основы равенства [5].

Можно заметить некоторые пересечения биоэтических и сатанинских принципов, что является следствием не совпадения мировоззренческих позиций, между которыми наблюдаются этические противоречия, рассматриваемые далее, а общим историческим фоном. Начиная с 1960-х годов наблюдается стремительный рост биомедицинских исследований, сопряжённых с генетическими открытиями, развитием биотехнологий, органной трансплантации, что порождает новые сложные моральные вопросы, до того не решённые традиционными как религиозной, так и медицинской этикой [4]. Одновременно с появлением революционных для человеческого восприятия научных достижений происходит и культурно-политическая

революция, приведшая к актуализации вопроса либерализации общества во всех его сферах. Ценности демократии, сексуальной революции, различных движений, отстаивающих гражданские права и свободы как для отдельной личности, так и для различных ранее маргинализированных социальных групп, вместе с актуализованными биоэтическими процессами в тот период можно свести к общей потребности общества в утверждении индивидуальной автономии, пересмотре традиционных моральных норм и формировании новых этических ориентиров, способных соответствовать изменившимся научным, социальным и политическим реалиям.

Пересмотренные и сформулированные заново ценности далее начинают постулироваться различными группами в соответствующих формах. В академической среде ценности автономии личности в принятии решений и распоряжении собственным телом приводят к обсуждениям, диалогам, способствующим дальнейшему закреплению отстаиваемых ценностей. Иным, гораздо более проблематичным, путём является перерастание защиты своих убеждений в протест, а в дальнейшем и в религиозный ритуал. Попытка оформить идеи, порождённые постсекулярной этикой, в священные догмы противоречит принципам рациональной и универсализируемой биоэтической аргументации, поскольку перевод индивидуально или культурно обусловленных моральных интуиций в форму сакрализованных установлений исключает возможность критического анализа, междисциплинарной проверки и межкультурного согласования этических норм.

На практике подобные попытки способны привести к общественным резонансам. Так, выступая за права женщин на аборт, Храм Сатаны решил признавать аборты религиозным обрядом, не подлежащим вмешательству извне, под которым понимаются обязательно консультирование, период ожидания и сокрытие медицинской информации [1].

В целом отношение к различным модификациям тела как к одной из сферы ведения биоэтики у сатанинских движений скорее положительное, так как в рамках личной автономии человек, по их мнению, имеет право на совершение любых изменений собственного тела, особенно если это касается его совершенствования или приведения в соответствие с определённым образцом.

Однако на данном поле также встречаются противоречия. С одной стороны, в силу уделения большого внимания аспекту научности при выборе официально одобряемой стратегии поведения в рамках движения, Храм Сатаны, например, выступал в поддержку вакцинации от COVID-19, так как она имела научную доказуемость, и не одобрял отказ от прививания. С другой стороны, в силу поддержки современных западных либеральных движений, сатанисты часто могут выступать за свободу трансгендерного перехода.

Отличие сатанизма от других религиозных движений, также уделяющих внимание биоэтическим вопросам в силу их актуальности, состоит в том,

что само происхождение сатанизма тесно связано с происхождением биоэтики и зачастую догматически конструируется именно вокруг биоэтической проблематики как наиболее волновавшей и волнующей ряды последователей сатанизма с момента его основания в силу её полной или частичной табуированности в обществе и последующего снятия данных табу.

Обычно для религиозных движений характерно формирование их ядра вокруг положений, в той или иной степени касающихся духовного мира человека, телесные же практики и проблемы являются вторичными, их объяснения и трактовки находятся как раз в сфере духовного. Сатанизм же формировался непосредственно вокруг телесной проблематики, характерной для биоэтики, различные мистические ритуалы и религиозные обоснования появляются уже в дальнейшем и разнятся от движения к движению. В целом, даже теистические сатанинские движения часто сосредоточены, в первую очередь, именно на существующих мирских проблемах.

Характерно подобное и для наиболее радикальных групп, избирающих, например, определённое отношение к расовой проблематике в качестве основы, или, по крайней мере, важной части, своего вероучения, и далее находящих различные религиозно-мистические обоснования для подобной догматики, что характерно, например, для Храма Зевса.

Для данного движения также характерна постулируемая опора на реальность материального мира и свободу, а смерть является стимулом для развития и прогресса в имеющейся у нас материальной жизни по образцу Сатаны, издавшего первый призыв к самопознанию. Плоть является основой для создания более полноценного духовного человека. В будущем представители Храма Зевса ожидают пришествия огромного прогресса и эволюции человечества. Более того, само появление людей на Земле является результатом генной инженерии [6, р. 370–371]. При этом весь мир вокруг человека, другие люди, животные, цивилизация, могут также быть улучшены при наличии прочного фундамента совершенствования.

Несмотря на разделение сатанинскими движениями биоэтического принципа автономии как права на контроль над собственным телом и возможности принятия самостоятельных решений, можно заметить принципиальное различие: биоэтика не просто признаёт автономию отдельно взятой личности, но также призывает учитывать последствия распоряжения данной автономией для других людей, в то время как свободная интерпретация самостоятельности личности в рамках сатанизма может игнорировать системные ограничения и этическую ответственность перед обществом.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о системе формирования контррелигиозных взглядов в постсекулярном обществе. Различные общественные изменения, происходящие в современном мире, приводят к переосмыслению ценностей и созданию на их основе новых положений, которые далее начинают всё активнее постулироваться. На данном этапе

при перерастании гражданской протестной деятельности в повторяемый ритуал и трансформации рационального диалога в религиозное убеждение в связи с необходимостью нахождения внешнего основания для своих убеждений и происходит формирование контррелигиозных движений как оппозиции одновременно светским порядкам и религиозным идеям прошлого.

Так, во второй половине XX века происходило активное развитие научно-технического прогресса, а также увеличение степени свободы в обществе, что выразилось в обсуждении таких составляющих данной проблематики как демократизация социума, сексуальная революция, борьба за права маргинализированных групп и так далее. Потребность определения отношения отдельной личности и общественных формирований к таким феноменам как аборт, эвтаназия и генная инженерия была актуализирована.

Таким образом, сатанизм стал одним из путей реакции на данную проблему при помощи абсолютизации своих ценностей в рамках религиозного дискурса, что было порождено желанием нахождения в оппозиции к уже существующим традиционным обществам с ценностями прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американские сатанисты выступили в поддержку доступных абортов. — Текст: электронный. — URL: <https://n-e-n.ru/satanic/> (дата обращения: 24.11.2025).
2. Блеск и нищета «Сатанинской библии» Лавея. — Текст: электронный. — URL: <http://pitanov.info/blesk-i-nishcheta-sataninskoy-biblii-laveya> (дата обращения: 24.11.2025).
3. По заявлению Генерального прокурора Российской Федерации Верховный Суд РФ запретил деятельность Международного движения сатанистов. — Текст: электронный. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e5835010/> (дата обращения: 24.11.2025).
4. Тищенко, П. Д. Что такое биоэтика? Биоэтика: вопросы и ответы / П. Д. Тищенко. — Москва: ЮНЕСКО, 2005. — Текст: непосредственный.
5. Форд, М. Мудрость Эосфора. Философия Люциферианства. Начала Люциферианской Магии / М. Форд. — Москва: Касталия, 2021. — 262 с. — Текст: непосредственный.
6. Introvigne, M. Satanism: A Social History / M. Introvigne. — Leiden: Brill Publishers, 2016. — 668 p. — Текст: непосредственный.
7. Laycock, J. P. Satanism / J. P. Laycock. — Cambridge: Cambridge University Press, 2024. — 84 p. — Текст: непосредственный.
8. Luijk, R. van. Children of Lucifer: The Origins of Modern Religious Satanism / R. van Luijk. — New York: Oxford University Press, 2016. — 613 p. — Текст: непосредственный.
9. Universal Declaration on Bioethics and Human Rights. — Текст: электронный. — URL: <https://www.unesco.org/en/legal-affairs/universal-declaration-bioethics-and-human-rights?utm> (дата обращения: 24.11.2025).

Карбо Даниил Сергеевич,
студент
кафедры философии религии и религиоведения
МГУ имени М. В. Ломоносова,
daniilkarebo@mail.ru

«НАЗАД, К МЮЛЛЕРУ!»: «ФЛЮИДНОЕ» РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ, ЭНАКТИВИЗМ И «МИНИМУМ РЕЛИГИИ»

В статье анализируется проблема определения религии, которая, по мнению автора, состоит во флюидности («текучести») самого феномена. В качестве решения предлагается поиск «минимума религии». Для этого предпринимается попытка переосмыслить и актуализировать определение религии Ф. М. Мюллера и подобные ему определения других ученых через теорию энактивизма Ф. Варелы.

Ключевые слова: Мюллер, Варела, определение религии, энакция, аутопойезис, непостоянство.

Daniil S. Karebo

‘BACK TO MÜLLER!’: “FLUID” RELIGIOUS STUDIES, ENACTIVISM AND ‘MINIMUM RELIGION’

The article analyses the problem of defining religion, which, according to the author, consists in the ‘fluidity’ of the phenomenon itself. The solution proposed is to search for the ‘minimum of religion’. To this end, an attempt is made to rethink and update F. M. Müller’s definition of religion and similar definitions by other scholars through F. Varela’s theory of enactivism.

Keywords: Müller, Varela, definition of religion, enaction, autopoiesis, impermanence.

Вокруг проблемы определения религии сломано немало копий исследователей. Тем не менее, к конвенциональному решению исследовательская корпорация так и не пришла. В статье мы рассмотрим причины, по которым этой конвенции не случилось, и предложим возможный вариант решения. Автор предполагает, что для этого необходимо пересмотреть и актуализировать взгляды Ф. М. Мюллера, считающегося во многом основателем «эксплицитного»¹ религиоведения, в свете теории энактивизма Ф. Варелы. Заметим, что сам Варела, его соратники и последователи не имели своей целью как-то определить религию, но созданное им направление исследо-

¹ Здесь мы употребили термин, использованный В. Татаркевичем по отношению к эстетике. Имплицитная эстетика — эстетика до А.Г. Баумгартена как основателя дисциплины, эксплицитная — после. В истории науки о религии имплицитное религиоведение на наш взгляд соответствует термину «религиология» В.К. Шохина.

ваний кажется нам продуктивным для использования в религиоведении. Проблема, которую обозначил Мюллер в своих лекциях и которая стала отправной точкой для религиоведения вообще — возможность сравнения религий. Без идеи непредвзятого сравнения религий религиоведение как наука в принципе невозможно, это его аксиома, невозможны были бы понятия «религии вообще» и «конкретных религий» как производных от первого.

Сравнительный метод начинается с умозаключений по аналогии. В логике принято разделять общие и переносимые признаки. Например, если мы говорим, что иудаизм и буддизм являются религиями (по общим признакам), то у них есть свои последователи (переносимый признак). Аналогия будет несостоятельной, если переносимый признак не связан с общими, не обусловлен ими. При этом общие признаки должны быть существенными для сравниваемых предметов. Существует и масса других требований, чтобы повысить вероятность истинности заключения, но, в конечном счете, все упирается в то, что мы будем считать общими признаками. Иначе говоря, чтобы сделать сравнение религий возможным нам необходимо определить, что общего между ними, найти «минимум религии». Здесь нужно вспомнить попытку Э. Б. Тайлора дать «минимальное» определение религии через «верование в духовных существ» [14, с. 210]. «Минимальное» определение религии, мы считаем, дал и Ф. М. Мюллер, которое можно сформулировать так: «это способность человека верить (независимо от всех исторических реалий), постигать Бесконечное под различными именами и в разнообразных формах» [10, с. 8]. К определению Мюллера мы вернемся после того, как обозначим многообразие позиций по вопросу определения религии.

«Флюидное» религиоведение

Современные исследователи склонны уходить от проблемы «минимума религии», предлагая вариант определять религию через потребности исследователя при работе над конкретным предметом, давать стипулятивные (условные) определения. «Религия вообще», безусловно, является продуктом исследователей, но такая позиция легитимирует (в зависимости от интуиций исследователя и «идеологического настроения») возможность включать в определение религии одни признаки и, при необходимости, исключать другие. Другая крайность — отказ от самого определения и изучение составных частей религии — тогда становится непонятно, на каком основании эти части стали составными. Это кажется неизбежным в ситуации огромного количества как самих определений, так и их разных классификаций. Можно классифицировать определения религии в зависимости от того, кто их дает, выделив теологические, философские, психологические, социологические, этнологические, лингвистические или, что сегодня актуальнее, когнитивные [1]. Можно выделить определения по конкретному содержанию, методам, в конце концов, логической форме. Одна из совре-

менных классификаций принадлежит авторству М. Спиро и П. Бергера [12], согласно которой определения делятся на содержательные, указывающие на набор признаков, и функциональные, указывающими на то, в чем религия проявляется. Б. Сэлер предлагает разделение определений на монотетические (одномерные) в противовес политетическим (многомерным) [12]. Первые выделяют признаки, присущие всем религиям и отделяют религию от нерелигии, вторые — выделяют характеристики, которыми обладают все религии, но в разной степени, при этом ни одна религия не должна обладать всеми характеристиками, не фиксируется граница между религией и нерелигией. Данное деление, с нашей точки зрения, не является дихотомическим, поскольку одно не исключает другого, и это логично, поскольку проблема минимума религии не снимается. Помимо этого, политетические определения (подход «семейных сходств» в выражении Витгенштейна) подразумевают градуализацию шкалы от религии до нерелигии, что ставит исследователя в этически неудобное положение, поскольку одно явление будет считаться «религиозно полноценней» другого независимо от идентификации последователей того или иного учения — возникает вопрос о предпосылке существования самой «полноценности», учитывая тот факт, что набор признаков изначально открыт и может дополняться новыми. Эта проблема снимается, если выделить сущностные (общие) признаки, которые, по сути, и являются «минимумом религии». Так, например, политетическое функциональное определение И. П. Давыдова [6, с. 61] выстраивает иерархию функций, выделяя среди них специфические для религии. Тем не менее, любое функциональное определение является большим обобщением, в том смысле, что любая функция — это набор огромного количества конкретных функций-действий, к тому же строгое разделение функций является дискуссионным. Обратим внимание, что у религии не может быть функций: религия (ни «вообще», ни «конкретная», поскольку производна от первой) не является актором, но универсалией (общим понятием). Таким образом, самую общую классификацию можно представить на основании деления по отношению к реальности религии как универсалии: с позиций реализма, концептуализма и номинализма — того, что Фома Аквинский назвал универсалиями «до вещей», «в вещах» и «после вещей» соответственно.

I. Реальные (сущность религии есть, объективна и неизменна)

а. Где искать сущность?

- i. Имманентистские (сущность есть в мире — Л. Фейербах)
- ii. Трансцендентистские (сущность недостижима, познать ее возможно в экстазе и т.п. — Р. Отто, М. Элиаде)

б. Как искать сущность?

- i. Семантические (сущность религии в символах, нарративах и т.д. — К. Гирц, Р. Барт)
- ii. Генетические (по происхождению)

1. Субъективно-генетические (люди сами создали религию — эвгемеризм)
 2. Объективно-генетические (высшие силы создали религию, чтобы люди в них верили — прамонотеизм)
 - iii. Гносеологические (религия как способ познания трансцендентного, сверхъестественных сил и т.д. — И. Кант, Г. Ф. Гегель)
 - iv. Праксеологические (религия суть набор определенных способов взаимодействия, видов деятельности — У. Джеймс, К. Белл, В. Тернер)
- II. Концептуальные (сущность религии есть, контекстуальна и процессуальна)
- a. Субстратные (религия обусловлена другими «слоями бытия», но имеет несводимую к ним часть — Н. Гартман)
 - b. Кибернетические (религия не сущность, а модус существования — Б. Латур)
 - c. Феноменалистско-конструктивистские (религия как реальность дана в сознании и одновременно является продуктом социального конструирования — А. Шюц)
- III. Номинальные (сущности религии нет)
- a. Конструктивистские (религии нет как таковой, она конструируется из отдельных элементов — Т. Фицджеральд, У. К. Смит, Т. Асад)
 - b. Редукционистские (у религии нет собственной сущности, она сводится к психологии, социологии и т.д. — Э. Дюркгейм, З. Фрейд, К. Маркс)

Данная классификация, очевидно, не свободна от ошибок деления, поскольку все так или иначе пересекается, и это напрямую подводит нас к проблеме, которую отечественный религиовед Е. А. Аринин обозначил как невозможность всех этих дефиниций (которых, может быть, уже более 1000 [17]) выразить всю полноту феномена религии [7, с. 872]. Почему так происходит? Классификация определений намекает на флюидность («текучесть», «расплывчатость») самого понятия, и, вероятно, самого феномена, который мы привыкли обозначать этим словом. Религия флюидна в том смысле, что, подобно жидкости, может смешиваться, принимать разные формы и испаряться. Попытка избежать поиска «минимума религии» похожа на то, как если бы мы считали водой все, что она намочила, вместо того чтобы понять, что есть вода сама по себе. Данную ситуацию можно обозначить и графически: представим окружность, которая может изменять свои размеры в зависимости от площади круга. Сама окружность — это «минимум религии», а все, что внутри нее (площадь круга) — любые признаки и функции. Если мы не определим минимум того, что называем религией, то любые другие определения бесполезны: сколько бы мы не наполняли наше поня-

тие содержанием, мы не будем иметь право назвать это содержание религиозным. Здесь и далее мы намеренно будем различать религию и религиозное, так как первое (существительное) обозначает само качество, а второе (прилагательное) применяется к совокупности предметов, которые к этому качеству сопричастны.

Именно поэтому в проблеме универсалий по отношению к религии мы склонны придерживаться концептуализма: с одной стороны, религия — полезное обобщение, концепт, которым мы называем «минимум религии» или «собственно религией», с другой — большое количество единичных явлений, которые как-то причастны к этому «минимуму». Комбинирование формулировок наподобие «пятимерного континуума» [15, с. 227], многомерные определения, контекстуализация определения в зависимости от материала — это то, чем должно дополняться, но не заменяться «минимальное» определение.

Что еще может проиллюстрировать эту флюидность? Посмотрим, например, значение слова «религия» в Толковом словаре Ожегова и заметим, что помимо первых двух значений самой универсалии и ее производных выделяется переносное значение: «Сложившиеся непоколебимые убеждения, безусловная преданность какой-н. идее, принципу, нравственному закону, ценности» [20]. Именно по поводу переносного значения возникают терминологические путаницы. При этом все три значения используются религиоведами. Но разве является указанное переносное значение чем-то специфически религиозным? Очевидно, что нет². Тем не менее, например, Б. Латур выделяет «религиозную религию», «политическую религию» и «научную религию» [9, с. 255]. Тогда совершенно справедливо философы и методологи науки видят в сциентизме религию, поскольку в основе науки лежат метафизические допущения познаваемости мира и, например, принцип Милля. «Непоколебимые убеждения» могут выражаться в «слепой вере», «преданность» — в почитании. Это то, что, собственно, критиковали модернисты многих религиозных традиций, сделав религию ругательным словом; то, что Бертран Рассел назвал претензией на исключительность [11, с. 95–113], которая выразилась и в знаменитом определении К. Гирца [4, с. 108]. И это лишь один из признаков сходства религиозного и нерелигиозного. Огромное содержание, по которому может «растекаться» религия обуславливает ее сходство со множеством других явлений: сходства в функциях, в сакральности, в сверхъестественном, в трансперсональном опыте³ и даже сходства с хоббихорсингом в субституции и имитации [8].

² Некоторые исследователи все же принимают переносное значение для расширительного понимания религии [5].

³ Несколько аргументов о вторичности сверхъестественного, сакрального и трансперсонального опыта приведены в статье Т.П. Лифинцевой [18].

Если необходимо признать флюидность религии, то необходимо признать и флюидность религиоведения. Если объект не определен, то, естественно, что наука, которая его изучает, тоже не может быть определена. Без определения «собственно религиозного» религиоведение не может быть наукой, но может претендовать лишь на область научных знаний о религии, наподобие обществоведения. Особенность, которую называют полипарадигмальностью, вызывает споры среди исследователей: религиоведение — комплексная дисциплина или комплекс дисциплин? При ответе на этот вопрос следует понимать, что дисциплины, которыми пользуются религиоведы, имеют совершенно другие объекты исследования, но религия все время куда-то «утекает» и приходится «влезать» на «делянку» других наук.

Становится очевидно, что никакие определения, действительно, не могут охватить богатство религиозного. Если мы не признаем флюидность, то не можем никак связать наши объективистские определения с жизненным миром верующего, для которого, возможно, его религиозное учение объемлет все бытие и описывает законы Вселенной.

Энактивизм

Для каких целей нам понадобится энактивная теория Ф. Варелы? В первую очередь, чтобы обозначить современные представления о познании, которые выражаются в многочисленных подходах религиоведения и способны устранить их разобщенность. Во-вторых, чтобы переосмыслить определение Ф. М. Мюллера, показав его универсальность — не только в религиоведении, но и в других науках, которые могут на это определение ориентироваться.

Энактивизм (нейрофеноменология) представляет собой подход в когнитивной науке, в рамках которого нейробиологические исследования основываются на предпосылках философской феноменологии и буддийской философии шуньявады, поэтому во многих теоретических моментах легко проследить влияние буддийской теории познания. Титульное понятие исследовательской парадигмы Варелы — энакция. Энакция (от англ. enacted — «запускающий в действие», «задействующий», «вдействующий») — познание, которое:

1. воплощено в действиях, встроено в тело и среду (к когнитивным процессам относятся и внешние объекты);
2. направлено на поддержание и самовоспроизводство системы (аутопойезис);
3. неделимо на субъект и объект, но взаимно конструирует мир и познающего в структурном сопряжении;
4. порождает смыслы.

Применение энактивизма к исследованию феномена религии уже совершил Н. Луман, экстраполировавший теорию аутопойезиса, присущего живым существам, на социальные подсистемы, о чем неоднократно писала отечественный религиовед М. С. Лютаева [19]. Мы бы рассмотрели теории аутопойезиса и энакции в отношении с религией несколько с другой стороны. Энактивизм может быть продуктивен для создания объяснительной модели, способной объединить как минимум пять подходов в религиоведении: когнитивно-эволюционный и функциональный, material turn, акторно-сетевую теорию (АСТ) и неофеноменологию религии.

1. Когнитивно-эволюционный подход. Ритуалы и верования, возникшие как побочный продукт или адаптация, закрепились, потому что эффективно решали задачу кооперации и групповой сплоченности (аутопойезиса отдельных людей и сообщества в целом) для выживания в диких условиях.
2. Функционализм. Функция — это устанавливающееся отношение, которое поддерживает аутопойезис системы, соответственно, функция — это наблюдаемый и измеряемый результат конкретных действий.
3. Material Turn & АСТ. Так как энакция — это распределенный процесс, то есть сеть взаимодействий, то мы при исследовании должны учитывать нечеловеческих акторов — как материальных (иконы, мощи, ритуальные сосуды), так и вообще, возможно, неэмпирических для исследователя (духи, святые, дакини).
4. Неофеноменология. Ж. Ваарденбург смещает фокус с поиска сущностей на изучение процессов смыслопорождения. Религия оказывается не в богах, не в людях и не в предметах, а в связях между ними. Интенциональность в таком энактивном ключе — это не только направленность сознания на мир, но и форма вовлеченности и взаимодействия с миром.

«Минимум религии»

Что делает все религиозным? Попробуем для начала дать ответ, что таким может не являться. Один из способов — обратиться к модернистам разных религиозных традиций — тем, кто, как считает, отбросил все «религиозные» предрассудки. Почему в кавычках? Потому что здесь может возникнуть путаница: кавычки указывают на элиминацию того, что раньше считалось религиозным, но, тем не менее, например, необуддийские организации мы все равно интуитивно относим к религии, как бы они сами себя не позиционировали. Если суммировать то, что религиозные модернисты разных традиций называют религиозным, то к нему будут относиться упомянутая выше претензия на исключительность, инфантильность (невовлеченность в проблемы общества), догматизм, обскурантизм и даже (наиболее

значимые, как считается, для определения религии) мифоритуальный комплекс, сакральность и вера в сверхъестественных существ. По сути, религиозные модернисты помогли нам в том, чтобы дать негативное определение религии, «очистив» для нас существенное. Так что же остается? Остается то, что Мюллер назвал «Бесконечным». Рассмотрим и другие определения из разных эпох и подходов, которые, как нам кажется, близки к определению Мюллера, и увидим, что их объединяет.

Ф. Шлейермахер: «Религия есть чувство и вкус к бесконечному». У. Стейс: «Религия есть голод души по невозможному, недостижимому, непознаваемому <...> Религия ищет бесконечное. А бесконечное по самому его определению невозможно и недостижимо». П. Тиллих: «Религия в самом широком и фундаментальном смысле этого слова есть предельный интерес». Дж. Хик: «<...> религия <...> есть отклик человека на Предельное, <...> всеобщий интерес к абсолютной, окончательной истине». М. Ийгер: «Религия — система верований и практик, с помощью которых та или иная группа людей справляется с “последними”, “конечными” проблемами жизни человеческой: это отказ капитулировать перед смертью, способность преодолеть разочарование, не позволить вражде торжествовать в человеческих отношениях и разрушить человеческое сообщество». Р. Липсиус: «Переход от конечной (то есть эмпирической) зависимости человека в мире к (интеллектуальной) свободе от него в бесконечной (то есть трансцендентальной) зависимости». Р. Белла: «Религия имеет дело не столько с опытом конкретных пределов, сколько с предельностью вообще. <...> Религия есть “набор символических форм и действий, которые соотносят человека с конечными условиями его существования” — рождением, смертью, жизненными трагедиями, бесконечностью универсума». А. Ф. Лосев: «<...> принципиальное самоутверждение, утверждение себя в своей последней основе, в своих исконных бытийственных корнях, <...> в вечности». Г. Леув: «Религия — расширение жизни до ее последнего предела» [17].

Если мы будем рассуждать с точки зрения энактивизма, то все эти отчасти метафорические определения могут быть вполне логично обоснованы. Если человек — это тоже аутопойетическая система, то для ее воспроизведения необходимо устранить все разрывы в смысловых связях, которые эту систему сохраняют. Говоря о смыслопорождении, мы должны помнить, что Варела, в первую очередь, биолог, поэтому нужно учитывать биологическое понимание смысла как того, что имеет значение для выживания и поддержания целостности организма (аутопойезиса). В акте взаимодействия организма со средой определенные аспекты среды «высвечиваются» как значимые, становятся «смыслами». Совокупность всех значимостей для организма — это и есть его уникальный жизненный мир. Самый предельный, крайний разрыв в связях любой живой системы — это смерть. Все в мире постоянно рождается и умирает — так буддисты указывают

на непостоянство, «цепляние» за которое порождает страдания. Если все непостоянно, то религия обеспечивает связь с постоянным (бесконечным, вечным), обеспечивая предельные смыслы. Перефразируя фразу Вольтера, можно сказать: если бы постоянства существования не было, его следовало бы выдумать. Действительно, вспомним, что понимали под «естественной религией» просветители-деисты, что считали чистым типом: среди этих характеристик мы обязательно найдем идею продолжения жизни за пределами земной, выраженную в бессмертной душе или посмертном воздаянии [18].

Наверное, не существует народа, который бы никак не представлял продолжение жизни за пределами смерти. Посмертие может выглядеть по-разному, но одно остается — представление о непрерывности жизни. Те смыслы, которые связывают человека с постоянным являются предельными, то есть они организуют все нижестоящие смыслы. Здесь нельзя не вспомнить и Э. Дюркгейма: наверное, для любого общества разрушительно отсутствие понимания, что его члены не уходят в никуда. Общество как бы не кончается, оно находится и за пределами земной жизни. Претензия на исключительность обеспечивает консолидацию общества, и, наверное, в религии обладает наибольшей силой, поскольку создает предельные для человека смыслы.

Итак, «собственно религиозное» или «минимум религии» может звучать так:

Религия есть знакция, в процессе которой создаются предельные смыслы относительно посмертного существования — преодоления непостоянства.

Строго говоря, если не учитывать языковые игры, которые мы описывали выше, все остальное нельзя называть религией, все остальное — религиозное, потому что может им и не быть.

Таким образом, непостоянство этого мира так или иначе связано с представлениями о посмертии. Нам представляется, что на сегодняшний день ни одна другая сфера общества не претендует на представления о посмертном существовании. Только в религии представляется возможной «посмертная» знакция: так, например, буддист может считать, что определенными практиками очищает карму предков, а члены Церкви Иисуса Христа Святых последних дней — посмертно крестить. Выше мы рассмотрели, как религиозные модернисты постепенно отказывают понятию «религия» в том, чтобы обозначать самое предельное. Попробуем теперь пойти от обратного: если мы, например, уберем представление о продолжении жизни за гробом в христианстве, то вся христианская жизнь оказывается бессмысленной. И, соответственно, тех, кто называет себя христианами, но отбросили представления о запредельном, мы не считаем религиозными, но продолжаем считать христианами — эти понятия могут не пересекаться. Если мы уберем

представление о реинкарнации в буддизме, то теряется смысл прекращения страдания, теряет смысл закон кармы, невозможна миссия бодхисаттвы. Думаем, это повод для отдельного исследования типа «а что, если».

Вспомним, с чего начинается история религии, которую мы знаем — с древнейших захоронений. О древних обрядах мы тоже во многом узнаем из погребальной культуры, пытаюсь реконструировать представления древних людей об этом мире. Само захоронение, возможно, самый первый ритуал, который не так давно стали замечать и в животном мире. Можно рассуждать и с другой стороны. Нейробиологи заявляют, что мозг внушает нам нереальность смерти [21]. Мозг нацелен на предсказание известного. Если предсказать не получается — возникает экзистенциальный ужас. Религия помогает предсказать самое предельное — то, что будет после смерти. Тут можно вспомнить и пограничные ситуации К. Ясперса: когда есть угроза жизни человеку, ему важна уверенность в ее продолжении, иначе он не сможет преодолеть экзистенциальный ужас, и тем более не будет готов рисковать.

Постоянство существования во многих религиях обеспечивается сверхъестественными существами. Сверхъестественное производно от понимания Бесконечного и, в некоторых случаях, отождествляется с ним, как в авраамических религиях. Сверхъестественное — это «болезнь языка», склонность очеловечивать, как выразился Мюллер. Подобным образом рассуждает Р. Белла: «<...> религия основывается на рефлексирующем опыте второго порядка, более общем и отвлеченном, чем конкретно чувственный опыт. Рефлексирующий характер религии, даже самой примитивной, затемняется тенденцией к конкретной символизации и антропоморфизму, которые являются естественными спутниками сильного чувства» [17]. Если рассматривать буддизм и джайнизм, которые часто не вписываются в характеристики религии, задаваемые исследователями, то достаточный, на наш взгляд, комментарий относительно их, дал Е. А. Торчинов: «Обратимся к двум религиям Индии — буддизму и джайнизму. Изучая их тексты, мы с удивлением убедимся в том, что признаваемые ими божества и демоны — всего только определенные типы живых существ (наряду с людьми и животными), что они так же рождаются и умирают, хотя срок их жизни может быть измерен только астрономическими числами. Достижение их состояния отнюдь не является религиозной целью двух названных учений, и значительной роли признание их существования не играет. Более того, в основах доктрины буддизма и джайнизма не произошло бы никаких существенных изменений, если бы их последователи вдруг решили отказаться от веры в богов и демонов, — просто двумя классами страдающих живых существ стало бы меньше» [13, с. 17]. Эти религии уместно назвать апатеистическими⁴ (безразличными

⁴ Термин ввел Дж. Р. Нэш [16, р. 27].

по отношению к божествам), что лишний раз доказывает вторичность существования сверхъестественных существ, если мы пытаемся найти корень всех религий.

В чем преимущества данного выше определения? Во-первых, представления о посмертии нельзя придумать или найти, они либо есть, либо их нет. Это упрощает задачу исследователя, поскольку, например, при функциональном анализе существует большая вероятность какую-то функцию придумать, сами эти функции трудно верифицируемы и некоторые из них иногда называются латентными, что увеличивает вероятность выдавать желаемое за действительное. Во-вторых, данное определение не противоречит не только ни одному из всех вышеупомянутых многочисленных подходов, но не создает противоречия между «объективистскими» определениями ученых и определениями внутриконфессиональными.

Каким образом это постоянство «заражает» все вокруг себя? Причастность к этому постоянству, действительно, обретается через постоянных сверхъестественных существ, через постоянные ритуалы, постоянную общину и т.д. Если необходимо бороться с непостоянством в других сферах жизни, то можно наделить предельными смыслами политику, экономику и т.д.

Выводы

Минимальное определение, данное в статье, как нам кажется, позволяет увидеть сравнимость религий от индейцев Пираха до Opus Dei. Безусловно, еще предстоит объяснить, как данный минимум религии может способствовать решению проблем разделения религии и магии, религии и эзотеризма, проблему квази-, псевдо- и парарелигиозных явлений, проблему синкретизма и эклектизма религиозных учений, существование того, что религию называют диффузной, невидимой, викарной, популярной, публичной, замещающей и мн.др.

Возможно, наука о религии должна существовать в том виде, как ее описывал Ф. М. Мюллер: «Если существует философская дисциплина, изучающая условия чувственного или интуитивного знания, и если существует другая философская дисциплина, изучающая условия рационального или концептуального знания, то, очевидно, имеет право на существование философская дисциплина, которая должна изучать существование и условия третьей способности человека, согласованной с чувством и разумом, но, тем не менее, независимой от них способности постижения Бесконечного, являющуюся корнем всех религий» [10, с. 32–33].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баловнев, Д. А. Проблема статуса религии в изменчивом мире / Д. А. Баловнев, Н. Н. Покровская. — Текст: непосредственный // Вестник РХГА. — 2021. — № 3 (22). — С. 134–142.
2. Барсукова, Н. К. К вопросу о многообразии определений категории «Религия» и классификаций религий в научном и учебном познании / Н. К. Барсукова. — Текст: непосредственный // Вестник ИрГТУ. — 2012. — № 5 (64). — С. 271–276.
3. Ваарденбург, Ж. Размышления о религиоведении, включая эссе работ Герарда ван дер Леу. Классические подходы к изучению религии. Цели, методы и теории исследования. Введение и антология / Ж. Ваарденбург. — Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. — 408 с. — Текст: непосредственный.
4. Варела, Ф. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт / Ф. Варела, Э. Томпсон, Э. Рош. — Москва: Фонд «Сохраним Тибет», 2023. — 456 с. — Текст: непосредственный.
5. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. — Москва: РОССПЭН, 2004. — 560 с. — Текст: непосредственный.
6. Давыдов, И. П. Вокруг буддизма: псевдо-, квази- и парарелигии в свете структурно-функционального подхода / И. П. Давыдов. — Текст: непосредственный // Религиоведческий альманах. — 2024. — № 2 (13). — С. 51–69.
7. Забияко, А. П. Религия / А. П. Забияко, А. Н. Красников, Е. С. Элбакян. — Текст: непосредственный // Религиоведение: энциклопедический словарь. — Москва: Академ. Проект, 2006. — 1255 с.
8. Зубковская, А. А. Что общего между хоббихорсингом и религией: имитация и субституция в культуре / А. А. Зубковская. — Текст: непосредственный // Вестник культурологии. — 2024. — № 4 (111). — С. 156–169.
9. Латур, Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Б. Латур. — Санкт-Петербург: EUPRESS, 2015. — 316 с. — Текст: непосредственный.
10. Лифинцева, Т. П. Прояснение смысла и объёма понятия «религия» / Т. П. Лифинцева. — Текст: электронный. — URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/rdbvtdm1yr/direct/65564853> (дата обращения: 01.02.2026).
11. Лютаева, М. С. Список публикаций автора / М. С. Лютаева. — Текст: электронный // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU: [сайт]. — URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1038767 (дата обращения: 01.02.2026).
12. Мюллер, Ф. М. Введение в науку о религии: четыре лекции, прочитанные в Королевском институте в феврале-марте 1870 года / Ф. М. Мюллер. — Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. — 328 с. — Текст: непосредственный.
13. Рассел, Б. Почему я не христианин: Избранные атеистические произведения / Б. Рассел. — Москва: Политиздат, 1987. — 334 с. — Текст: непосредственный.
14. Рахманин, А. Ю. О дихотомических классификациях определений религии (подходы П. Бергера и М. Спиро) / А. Ю. Рахманин. — Текст: непосредственный // Становление классического зарубежного теоретического религиоведения в XIX — первой половине XX века: сборник материалов научной конференции с международным участием. — 2015. — С. 68–74.
15. Религия. — Текст: электронный // Толковый словарь Ожегова онлайн. — URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26953> (дата обращения: 01.02.2026).
16. Торчинов, Е. А. Религии мира. Опыт запредельного / Е. А. Торчинов. — Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 1997. — 384 с. — Текст: непосредственный.

17. 1000 дефиниций религии — Энциклопедия. — Текст: электронный. — URL: <https://religiousstudies.in/proekt/1000-definicij-religii-enciklopediya/> (дата обращения: 01.02.2026).
18. Тэйлор, Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тэйлор. — Москва: Политиздат, 1989. — 573 с. — Текст: непосредственный.
19. Яблоков, И. Н. Религиоведение: учебное пособие / И. Н. Яблоков. — Москва: Гардарики, 2004. — 317 с. — Текст: непосредственный.
20. Doubting death: how our brains shield us from mortal truth. — Текст: электронный // The Guardian. — 2019. — 19 Oct. — URL: <https://www.theguardian.com/science/2019/oct/19/doubting-death-how-our-brains-shield-us-from-mortal-truth> (дата обращения: 01.02.2026).
21. Nash, R. J. Religious Pluralism in the Academy: Opening the Dialogue / R. J. Nash. — New York: P. Lang, 2001. — 224 p. — Текст: непосредственный.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЗОТЕРИЗМА И МИСТИЦИЗМА

УДК 141.131:141.131.1:141.7(092)

Васильева Ольга Олеговна,

аспирант

РХГА имени Ф. М. Достоевского,

Российская Федерация, Санкт-Петербург,

наб. реки Фонтанки, 15,

alvsdotty@gmail.com

МЕТАМОРФОЗЫ ПОСРЕДНИКА: КОНЦЕПЦИЯ «МИРОВОЙ ДУШИ» ОТ «ТИМЕЯ» ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Статья посвящена диахроническому анализу концепта «Мировой Души» (Anima Mundi) в истории философской и эзотериологической мысли. Автор рассматривает эволюцию данного понятия как структурную необходимость, заполняющую онтологический разрыв (hiatus) между Абсолютом и миром становления. В работе прослеживаются четыре ключевые парадигмы: онтологическая (Платон), теургическая (неоплатонизм), сотериологическая (гностицизм и русская религиозная философия) и психолого-космологическая (современный западный эзотеризм: Е. П. Блаватская, Р. Штайнер, К. Г. Юнг). В порядке постановки проблемы особое внимание уделяется софиологической рецепции неоплатонического и гностического наследия в трудах В. С. Соловьёва.

Ключевые слова: Мировая Душа, Anima Mundi, Платон, «Тимей», Геката, Мембрана, Халдейские оракулы, неоплатонизм, гностицизм, софиология, В. С. Соловьёв, К. Г. Юнг, Е. П. Блаватская, Р. Штайнер, эзотериологический дискурс.

Olga O. Vassiljeva

METAMORPHOSES OF THE MEDIATOR: THE CONCEPT OF THE «WORLD SOUL» FROM PLATO'S TIMAEUS TO MODERNITY

The article offers a diachronic analysis of the "World Soul" concept (Anima Mundi) within the history of philosophical and esoteriological thought. The author examines the evolution of this concept as a structural necessity bridging the ontological gap (hiatus) between the Absolute and the world of becoming. The study identifies four key paradigms: ontological (Plato), theurgical (Neoplatonism), soteriological (Gnosticism and Russian religious philosophy), and psycho-cosmological (modern Western esotericism: H. P. Blavatsky, R. Steiner, C. G. Jung). Particular attention is paid to the sophiological reception of Neoplatonic and Gnostic heritage in the works of Vladimir Solovyov.

Keywords: World Soul, Anima Mundi, Plato, Timaeus, Hekate, Membrane, Chaldean Oracles, Neoplatonism, Gnosticism, Sophia, Sophiology, Vladimir Solovyov, C. G. Jung, H. P. Blavatsky, Rudolf Steiner, Western Esotericism.

I. Введение: «Призрак» в машине европейской культуры

В архитектонике античного космоса центральное место занимает проблема опосредования. Греческая мысль, начиная с элеатов и заканчивая поздним неоплатонизмом, сталкивалась с фундаментальной апорией: как абсолютное, неизменное и умопостигаемое Бытие (Идеи, Единое) может взаимодействовать с изменчивым, множественным и становящимся миром материи? Ответ на этот вопрос кристаллизовался в концепции Мировой Души (Anima Mundi).

Мировая Душа в этих представлениях выступает как онтологический Посредник (metaxy), связывающий два разнородных уровня реальности. Она переводит вечные парадигмы на язык временных процессов, превращая хаотичное движение материи в упорядоченный «космос» — гармоничное целое.

Европейский рационализм Нового времени формально устранил концепт Мировой Души, однако тем самым не ликвидировал, но лишь замаскировал структурную лакуну между Абсолютом и миром становления [33, р. 386]. Исключение «третьего начала» из научной картины мира не устранило разрыв, сохранив потребность в метафизическом посредничестве. Метаморфозы этого Посредника и составляют предмет нашего исследования.

II. Онтологический оптимизм: Рождение концепции в «Тимее»

II-1. Мировая Душа

В диалоге «Тимей» Платон предлагает фундаментальную космологическую модель, в которой Мировая Душа ($\psi\upsilon\chi\eta$ τοῦ κόσμου, *psyche tou pantos*) не является предвечной данностью, но творится Демиургом ($\delta\eta\mu\iota\upsilon\rho\gamma\omicron\varsigma$, *demiourgos*) как необходимый онтологический инструмент. Её цель — внести Ум (Νοῦς , *Nous*) в хаотичное движение материи и сделать мир живым, познаваемым и целым.

Демиург, опираясь на умопостигаемую модель ($\nu\omicron\eta\tau\acute{o}\nu$ παράδειγμα, *poeton paradeigma*), создаёт Душу раньше тела, распространяя её по всему космосу.

Платон описывает акт творения Души как сложный процесс в знаменитой сцене «смешения сущностей» в кратере.

Процесс создания описан как музыкально-математическая мистерия, в частности, используются математические пропорции и гармонические соотношения сфер.

Это, пожалуй, самый важный текст в истории западной метафизики, так как он определяет Мировую Душу как сущность двойственной природы:

Τῆς ἀμερίστου καὶ ἀεὶ κατὰ ταῦτὰ ἐχούσης οὐσίας καὶ τῆς αὐτῇ περὶ τὰ σώματα γιγνομένης μεριστῆς τρίτον ἐξ ἀμφοῖν ἐν μέσῳ συνεκράσατο οὐσίας εἶδος...

Tēs ameristou kai aei kata tauta echousēs ousias kai tēs au peri ta sōmata gignomenēs meristēs triton ex amphoin en mesō synekerasato ousias eidos...
[39, 35a: 1–4]

Пословный разбор:

Tēs ameristou ... ousias (gen. sg.) — Из неделимой сущности.

kai aei kata tauta echousēs — и всегда тождественной самой себе (букв. «состоящей согласно тому же самому»).

kai tēs au ... meristēs (gen. sg.) — и из той, что, напротив... [является] делимой.

peri ta sōmata gignomenēs — возникающей (становящейся) вокруг тел [в телах].

triton ... ousias eidos — третий вид сущности.

ex amphoin en mesō — из обоих [находящийся] посредине.

synekerasato — [он] смешал воедино.

«Из сущности неделимой и вечно тождественной и из той, которая, напротив, претерпевает разделение в телах, он смешал, [поместив] посредине между ними, третий вид сущности...» [16, с. 438]

В этом предложении Платон использует три ключевых термина, которые определяют «ингредиенты» Мировой Души. Анализ этих терминов позволяет понять, почему Душа способна познавать всё:

1. Неделимая сущность (ἡ ἀμερίστος οὐσία, *hē ameristos ousia*)

Это сфера Идеи/Эйдосов (*eîdos*, *eidos*). Она «неделима», потому что не имеет пространственной протяженности. Идея не находится «здесь» или «там», она просто есть.

Благодаря наличию этого компонента, Мировая Душа (и Душа человека) способна мыслить абстрактно, познавать вечные истины и математические законы.

2. Делимая сущность (ἡ μερίστη οὐσία, *hē meristē ousia*)

Уточнение Платона: «становящаяся вокруг тел» (γίγνομένης περὶ τὰ σώματα, *gignomenēs peri ta sōmata*).

Это сфера материи и чувственного восприятия. Материя делима (камень можно разбить, пространство можно измерить). Платон подчёркивает, что эта сущность не просто «есть», она «становится» (*gignomenēs* — от глагола *gignomai*, рождаться/становиться), что указывает на ее текучесть и нестабильность.

Этот компонент позволяет Душе взаимодействовать с физическим миром, иметь мнения (δόξα, doxa) и ощущать. Без него Душа была бы чистым Умом, замкнутым на себе и не способным взаимодействовать с чувственным миром.

3. Смешение (συγκέρασις, synekerasato — аорист от synkerannymi — смешивать вместе)

Символически Демиург выступает здесь как металлург, создающий сплав, или как виночерпий, смешивающий вино с водой в кратере.

В результате Душа — это третий вид сущности (τρίτον οὐσία, triton ousias). Она не Идея и не Тело. Она — гибрид.

Далее в тексте (35b-36c, который следует за разобранным фрагментом) Платон поясняет, что эта смесь структурируется через два принципа:

1. Круг Тожественного (κύκλος ταύτου, kyklos tautou), или Тожественное (Ταυτόν, Tauton) — связано с неделимым. Отвечает за единство, постоянство, движение звёзд (сфера неподвижных звёзд), рациональное мышление.
2. Круг Иного (κύκλος θατέρου, kyklos haterou), или Иное (Θάτερον, Thateron) — связано с делимым. Отвечает за различие, движение планет (блуждание), изменчивость мнений.

Таким образом, Платон конструирует Мировую Душу именно так, чтобы решить гносеологическую проблему: «Подобное познается подобным». Поскольку в Душе есть «Тожественное», она познает Идеи. Поскольку в Душе есть «Иное», она познает материальный мир. Таким образом, Душа охватывает космос и изнутри, и снаружи, выступает как «космический клей», связывая всё сущее в единый живой организм.

Поместив Душу в центр Вселенной, Демиург распространяет её по всему космосу, создавая невидимый, но прочный каркас бытия. Платон описывает это так:

...ψυχὴν δὲ εἰς τὸ μέσον αὐτοῦ θεῖς διὰ παντός τε ἔτεινεν καὶ ἔτι ἐξῳθεν τὸ σῶμα αὐτῇ περιεκάλυπεν...

...psychēn de eis to meson autou theis dia pantos te eteinen kai eti exōthen to sōma autē periekalypsen... [39, 34b: 3–5]

«...душу же он поместил в центре [тела вселенной], а затем простёр её по всему пределу и вдобавок облёк ею тело извне...» [16, с. 437]

Онтологические функции Души при этом Платон выделяет следующие:

— Познание (Γνώσις, Gnosis)

Платон описывает механизм познания: когда Душа вращается и соприкасается с сущностями, Круг Тожественного сообщает ей истинное знание:

...ὅταν μὲν περὶ τὸ αἰσθητὸν γίνηται... δόξαι καὶ πίστεις γίνονται βέβαιοι καὶ ἀληθεῖς· ὅταν δὲ αὐτὸ περὶ τὸ λογιστικὸν ᾗ καὶ ὁ τοῦ ταύτου κύκλος εὐτροχος ὢν αὐτὰ μὲνύσῃ, νοῦς ἐπιστήμη τε ἐξ ἀνάγκης ἀποτελεῖται.

...hotan men peri to aisthēton gignētai... doxai kai pisteis gignontai bebaioi kai alētheis; hotan de au peri to logistikon ē kai ho tou tautou kyklos eutrochos ōn auta mēnysē, nous epistēmē te ex anankēs apoteleitai. [39, 37b– c]

«...когда она [Душа] струится к чувственному... тогда возникают мнения и верования, прочные и истинные; когда же она устремляется к размышлению и круг Тождественного, плавно вращаясь, возвещает о нем, тогда с необходимостью осуществляются ум и знание.» [16, с. 441]

— Организация движений (Небесная механика) (Κίνησις, Kinesis)

Демиург задает Душе два основных круговых движения — Тождественного (звёзды) и Иного (планеты), определяя кинетику космоса:

...κίνησιν δ' ἐκατέρᾳ τὴν αὐτὴν ἐν ταύτῳ περιαγαγὼν, τὴν μὲν ταύτου, τὴν δὲ θατέρου προσεῖπεν... καὶ τὴν μὲν τοῦ ταύτου κατὰ πλευρὰν ἐπὶ δεξιὰ περιήγαγεν, τὴν δὲ θατέρου κατὰ διάμετρον ἐπ' ἀριστερά...

...kinēsīn d' hekaterā tēn autēn en tautō periagagōn, tēn men tautou, tēn de thaterou proseipen... kai tēn men tou tautou kata pleuran epi dexia periēgagen, tēn de thaterou kata diametron ep' aristera... [39, 36c]

«...он заставил оба круга равномерно вращаться на одном и том же месте, причём один из них нарек кругом Тождественного, а другой — кругом Иного... Кругу Тождественного он дал вращение справа налево, вдоль стороны [прямоугольника], а кругу Иного — слева направо, вдоль диагонали...» [16, с. 439–440]

— Посредничество (Μεσιτεία, Mesiteia)

Душа создается как «третий вид», мост между неделимым миром Идей и делимым миром Тел.

— Внесение порядка (Συμμετρία / Ἀρμονία, Symmetria / Harmonia)

Душа пронизывает тело космоса от центра до периферии, устанавливая «божественное начало» жизни и порядка вместо хаоса:

...ψυχὴ δὲ... πανταχῇ διαπλακεῖσα καὶ ἔξωθεν περικαλύψασα, αὐτὴ δ' ἀνακυκλουμένη πρὸς αὐτήν, θεῖαν ἀρχὴν ἤρξατο ἀπαύστου καὶ ἔμφρονος βίου.

...psychē de... pantachē diaplakeisa kai exōthen perikalypsasa, autē d' anakykloumenē pros hautēn, theian archēn ērxato apaustou kai emphronos biou. [39, 36e]

«...душа... пронизав его [тело космоса] повсюду от центра и до самого неба и окутав извне, сама вращаясь в себе самой, положила божественное начало непрерывной и разумной жизни.» [16, с. 440]

II-2. Хора

Однако для объяснения того, где и как происходит это становление, Платон вводит ещё более загадочное понятие — Хору (χώρα / χώρα, chōr).

Хора определяется им как «третий род» (τρίτον γένος, triton genos), который не является ни умопостигаемым эйдосом, ни чувственным объектом. Это пространство чистой возможности, которая даёт место всему рождающемуся, но сама не обретает формы.

Хора у Платона выступает как восприимница становления (то, что принимает формы) / мать (ὑποδοχή / μήτηρ, hypodochē / meter) и, одновременно — как апория: ни бытие, ни небытие, промежуточное онтологическое «место». Эта апория оказала сильное влияние на позднюю античную (особенно в работах неоплатоников, см. далее), всю пост-античную европейскую и современную философию.

...τρίτον δὲ αὐτὸ γένος ὃν τὸ τῆς χώρας αἰεὶ, φθορὰν οὐ προσδεχόμενον, ἔδραν δὲ παρέχον ὅσα ἔχει γένεσιν πᾶσιν...

...triton de au genos on to tēs chōras aei, phthoran ou prosdechomenon, hedran de parechon hosa echei genesin pasin... [39, 52a–b]

«...есть еще и третий род, а именно пространство (хора): оно вечно, не приемлет разрушения, дарует обитель всему рождающемуся...» [19, с. 455]

В этой конструкции Платона царит онтологический оптимизм: Душа и Хора обеспечивают гармоничную связь между миром Идей и материей, делая космос «прекраснейшим из возможных».

Неоплатоники, такие как Плотин и Прокл, развивали образ Хора как реципиента форм, что отражено в их комментариях и теургической практике. Современные исследователи (John Sallis [40], Jacques Derrida [30]) трактуют Хору как предонтологическое пространство возможности, обеспечивающее начало и порядок космоса.

Авторская интерпретация: Хора представляет собой динамическое лиминальное пространство, где эйдосы могут проявляться, сохраняя при этом автономность. Она служит границей и, в то же время, мостом между эйдосами и их материальным проявлением, предвосхищая концепции

феноменологии и метафизики начала. Близкий автору образ: Хора как поверхность зеркала, в котором трансцендентные эйдосы преломляются в наш иллюзорный (māyā) мир «зазеркалья».

III. Теургическая драма: Неоплатонизм и «Геката-Мембрана»

В эпоху поздней античности (неоплатонизм) философская интонация Мировой Души меняется. Ощущение гармонии сменяется чувством иерархической дистанции. Абсолют (Единое) мыслится как бесконечно далекий от материи, и Мировая Душа берёт на себя функции уже не просто «смешения», но активного посредника и защитника, спасающего божественный свет от растворения во тьме.

III-1. Геката-Мембрана

В традиции «Халдейских оракулов», оказавшей огромное влияние на Порфирия и Прокла, происходит важнейшая трансформация: абстрактная Душа Платона персонифицируется в образе богини Гекаты (Εκάτης, Hekatē). Она занимает центральное место в метафизической триаде, располагаясь между «Отцом» (трансцендентным Умом) и сотворённым миром.

μέσσον τῶν πατέρων Ἐκάτης κέντρον φορεῖται.

messon tōn paterōn Hekatēs kentron phoreitai. [41, fr. 50–51]

«Посреди Отцов вращается центр Гекаты.» [20, с. 137]

В этой системе Душа-Геката выполняет функцию Мембраны (ὕπερζωκός, hyperezōkōs). Это «одушевлённый пояс» (ζώνη ψυχική, zonē psychikē), который разделяет трансцендентный Ум и мир материальный. Его задача двойственна: не допустить смешения высшего с низшим, но при этом транслировать вниз животворящие символы (теургические знаки).

Фрагменты логий (в реконструкциях Kroll [35], Des Places [37], Majercik [41]) описывают тройку: Простой запредельный / Отец (ἀπλότατον ὑπερέκεινα, haplotaton hyperekeina); Двойственный запредельный / Сила (διπλοῦν ὑπερέκεινα, diploun hyperekeina); Геката — «цветок ума» (νοῦ ἄνθος, nou anthos); «сияющая с обеих сторон» (ἀμφιφαής, amphiphaēs); находящаяся «у двери, у порога» / Привратница (προθύραια, prothyraia).

Именно через Гекату осуществляется «раздача огня / жизни» из высших уровней в психокосмос; отсюда устойчивые метафоры факела и ключей. Современная интерпретация [34; 29] выделяет в Гекате «динамическую мембрану» между интеллигибельным и психическим, структурируя «нисхождение и возврат» душ.

Авторская интерпретация: Геката у неоплатоников выступает как общая для всего живого «универсальная мать», «распределяющая» индивидуальные души для рождения в материальном мире.

Если термин Мембрана (*huphezōkōs*) указывает на анатомическую или физическую метафору «сита», «перепонки», «плаценты», то эпитет «При двери» (*prothyraia*) добавляет пространственно-ритуальный аспект. Это точка перехода.

Геката как *Prothyraia* — это не просто страж входа, но сама граница между мирами, онтологический порог. Мы утверждаем, что роль Гекаты как «границы» — это ключ к пониманию того, почему Душа всегда находится в движении (метаморфозе).

III-2. Иерархия

Неоплатоники превращают платоновское учение в строго иерархическую метафизику, детально разрабатывая функционал Мировой Души как части Божественного.

Мировая Душа — это третья ипостась после «Единого» (*Ἐν / τὸ ἓν, Hen*) и «Ума» (*Νοῦς Nous*). Она не творится во времени, но вечно эмануирует (истекает) из Ума. Эта структура уже не космологична, а онтологична: Душа — необходимая эманация (*πρόδος, proodos*) Ума.

Этот процесс детализируется через цепи (*σειраί, seirai*), божественные ступени (*τάξεις, takseis*) и тройственные структуры (*μονή — πρόδος — ἐπιστροφή, monē — proodos — epistrophē*).

У неоплатоников Душа имеет две стороны:

1. Высшую душу (*ἄνω ψυχή, ano psuche*) — не сходящую с уровня Ума; созерцает Ум и остается в нём.
2. Низшую душу (*κάτω ψυχή, kato psuche*) — формирующую мир природы; обращена к материи, оформляет и оживляет её.

Тем самым повторение «двух кругов» у Платона получает статус онтологического дуализма внутри самой Души.

Неоплатоники различали следующие функции Мировой Души:

— Принцип универсальной жизни (*ζωή, zoe*)

Душа есть неиссякаемый источник витальности, делающий космос панпсихическим (всеодушевлённым).

Материя сама по себе инертна и «мертва». Она — лишь тёмное зеркало. Именно Душа привносит в неё жизнь. В отличие от жизни отдельного индивида, который рождается и умирает, зое Души вечна и неисчерпаема. Плотин сравнивает её с источником, который наполняет реки, но сам не пустеет.

Жизнь в понимании неоплатоников тесно связана с движением. Душа — это то, что движет само себя и дает движение другим телам. Без принципа зое мироздание застыло бы в статике.

— Принцип придания форм материи (*μορφολοία, morphoroiia*)

Душа оперирует активными формообразующими принципами — «семенными логосами» (*Λόγοι σπερματικοί, Logoi Spermatikoi*). Ум (Нус) содержит идеи (эйдосы) как чистые, абстрактные образцы, Душа

«смотрит» вверх на Идеи Ума, получает их отпечаток и проецирует его вниз, в материю, выступая как «ремесленник», который воплощает эти образцы в глине (материи).

Это демиургическая функция. Материя сама по себе хаотична и бесформенна. Функция *morphoioia* заключается в упорядочивании хаоса. Душа вкладывает в хаос материи границы, структуру, порядок и красоту. Именно на уровне Души общие идеи становятся конкретными вещами. Эйдос, идея «лошади вообще» благодаря Душе становится конкретной живой лошадью.

— Принцип время (*χρόνος*, *chronos*) — как «движение души»

Время понимается не физически, но как «жизнь Души», переходящей от одной мысли к другой и разворачивающей Вечность в последовательность.

Это одно из самых глубоких прозрений неоплатонизма, сформулированное Плотинем в трактате «О вечности и времени». [17]

Плотин вслед за Платоном называет время «движущимся образом вечности» (*κινούμενος εἰκὼν τῆς αἰωνιότητος*, *kinoumenos eikōn tēs aiōniotētos*). Ум (Нус) пребывает в Вечности (*αἰών*, *Aion*). Там всё существует «сразу и вместе», в едином моменте «здесь и сейчас». Душа же не может охватить всю полноту истины мгновенно.

Душа мыслит последовательно, переходя от одной мысли к другой. Этот переход, это «растяжение» внимания и есть время. Время не является внешним физическим параметром. Это способ существования Души, которая разворачивает единое содержание Ума в последовательную историю прошлого, настоящего и будущего.

Время возникает не из движения небесных светил (как считал Аристотель) [2, кн. IV, гл. 14], но из внутреннего движения самой Души, которая стремится подражать покою Ума, но делает это в динамике.

— Принцип связности всех уровней космоса (*συμπάθεια*, *sympatheia*)

Принцип всеобщей магической связности, симпатии всех вещей, позволяющий теургу воздействовать на высшие сферы через материальные символы.

Так как у всего одна Мировая Душа, космос представляет собой единое живое существо. Между объектами нет онтологической пустоты, всё заполнено эманациями Души, поэтому взаимодействие возможно на любом расстоянии, через резонанс всех своих частей.

Именно этот принцип является основой любой магии и теургии. Для поздних неоплатоников (Ямвлих, Прокл) *sympatheia* объясняла, почему работают ритуалы и молитвы. Воздействуя на одну часть «космической паутины» (например, через символ или камень, связанный с определенной планетой), теург вызывает отклик в высших сферах.

Мировая Душа у неоплатоников — это великий Посредник. Через Zoe она дает энергию бытия. Через Morphoroiia она дает структуру и красоту. Через Chronos она создает историю и развитие. Через Sympatheia она удерживает мир в единстве и любви.

В отличие от человеческих душ, которые могут «пасть» и забыть исток, Мировая Душа управляет космосом без усилий и страдания, не погружаясь в материю полностью.

«Мембрана» в неоплатонизме — это граница, которая одновременно соединяет и разделяет. Она не уничтожает дистанцию между Абсолютом и миром, но делает их взаимодействие возможным, сохраняя иерархию.

Таким образом, в неоплатонизме «Мировая Душа» превращается из космологического клея в теургическую лестницу, по которой (через «Мембрану»-Гекату) возможно восхождение Души человека к Первоисточнику.

IV. Гностицизм: Трагедия Софии и Пленение Света

Гностики отвергают платоновскую идею космоса как «прекрасный порядок» (καλός κόσμος, kalós κόσμος).

Материальный мир у них — результат падения (πτῶσις, ptōsis), неведения (ἄγνοια, áгноia) или гордыни, непомерной самоуверенности, ведущей к наказанию (ὑβρις, hýbris) Софии (Σοφία, Sophia). [36, p. 170–189; 14, с. 241–273]

Высшее основание бытия — Плерома (Πλήρωμα, Plērōma) — полнота божественных эонов (αἰῶνες, aiōnes).

София пытается познать непознаваемого Отца (Бездну) и порождает из-за своей страсти несовершенную сущность (материю), нарушает порядок эманации, что приводит к возникновению Демииурга (Δημιουργός, Dēmiourgós) — но уже низшего уровня; Архонтов (Ἀρχόντες, Árkhontes) и материального космоса как области смешения (μίξις, míxis) и беспорядка (σύγχυσις, sýnchysis).

«...а воспоминание её оказалось смущённым и скорбным... тот же самый текст продолжает повествовать о том, как она, выйдя за пределы порядка, была отвлечена и пережила горечь...» [9, I.4.1]

Гностицизм не признаёт единой Мировой Души, но включает функции, аналогичные неоплатоническим, в Софию — как высшую космическую душу, утратившую связь с Плеромой; Психе (Ψυχή, Psychē) — в ряде текстов отдельный женский эон; пневматические искры (πνεῦμα, pneûma), заключённые в телах.

Здесь космос оживлён не гармоническим принципом, а осколками божественного света, страдающими внутри материи.

В гностицизме (особенно валентинианском) фигура Посредника расщепляется. Высшая Душа остаётся в Плероме, а её падшая часть — София-

Ахамот (Σοφία-Ἀχαμῶθ, Sophia-Achamōth) порождает материю в результате ошибки и страсти. [9, с. 75]

Платоновский оптимизм у гностиков сменяется пессимизмом: мир — это не гармония, но тюрьма, а «Мембрана» превращается в жесткий Предел (ῥος, horos), отсекающий падшую Софию от божественной полноты.

Если у Платона Хора — нейтральное пространство, «кормилица»; у неоплатоников Мембрана — священная граница, защищающая Ум от распада в материи, то у гностиков (сетхиане и валентиниане) Горос (Предел) — жесткая стена, отсекающая страсти Софии от Плеромы (полноты божественного бытия), отделяющая Плерому от внешнего мира, где страдает падшая София-Ахамот. Этот «Предел» функционально идентичен неоплатонической «Мембране», но имеет апотропейный смысл — он не пускает зло в Плерому.

Платоновская Хора здесь переосмысливается как Кенома (Пустота) или место изгнания, где материя хаотична до вмешательства Демиурга.

Душевное начало (ψυχικόν, psychikon) находится между духовным (πνευματικόν, pneumatikon) и материальным (ὕλικόν, hylikon). Для гностика цель — не гармония с Мировой Душой, но выход из-под власти космических структур (Архонтов).

Платон и Плотин видят в Мировой Душе силу, облагораживающую материю. Гностики видят в душевном уровне ловушку, которую нужно преодолеть ради Духа (Πνεῦμα, Pneuma).

V. Metamorphosis: «Мировая Душа» в западном эзотеризме XIX–XXI веков

Мы рассматриваем это направление не как «истину» или «практику», но как историко-культурный феномен рецепции неоплатонических и гностических идей (вполне сохранивший их теургический импульс) в рамках современной западной эзотериологии (Western Esotericism Studies) как академической дисциплины. Блаватская, Штайнер, Юнг — ключевые фигуры рецепции неоплатонизма и гностицизма в культуре XIX–XX веков, их игнорирование создало бы лакуну в диахроническом анализе интересующей нас темы.

V.1. Теософия Е. П. Блаватской: Ориентализация неоплатонизма

Е. П. Блаватская совершает ориентализацию неоплатонизма. В её понимании Мировая Душа — один из фундаментальных принципов в семеричном строении Космоса и Человека. При этом она берёт неоплатоническую Душу Мира и расщепляет её на «Акашу» (Ākāśa, Akasha) (высший принцип) и «Свет Астрала» (Astral Light) (низший, загрязнённый принцип). Акаша — это высшая, ноуменальная Душа Мира, а Астральный Свет — это её низшая, феноменальная оболочка, загрязненная человеческими эманациями:

«Астральный Свет... есть всемирная Душа, Матрица Вселенной, "Mysterium Magnum", из которого рождается всё, что существует через

разделение. Это причина существования, наполняющая все пространство... Но это также и Великий Змий, и Дракон... Это есть Anima Mundi платоников, но это также и Дьявол теологии, ибо Астральный Свет есть одновременно и Высшее и Низшее...» [6, с. 278]]

Это прямо наследует гностической схеме (София Высшая / София-Ахамот). Е. П. Блаватская возвращает нас к гностическому дуализму, называя Астрал «Великим Змием» и матрицей вселенной.

Также она здесь фактически воспроизводит неоплатоническую схему «двух Афродит» или «двух Душ», но использует санскритскую терминологию.

Платоновская Хора превращается у неё в хранилище кармических отбросов (Астрал), а Мировая Душа уходит в недостижимую высь (Акаша):

«Акаша есть необходимый посредник всякой передачи мысли и силы... Это есть Душа Мира, но не та, которую средневековые алхимики называли “Астральным Светом”, ибо последняя есть лишь отброс первой, её тень и искажение в материальном плане». [5, с. 189]

V.2. Рудольф Штайнер и Антропософия: Христологический поворот

Р. Штайнер критичен к абстракциям Е. П. Блаватской. Для него Душа Мира — это арена исторической драмы, не статика, но процесс.

По его христологической концепции древняя языческая Anima Mundi замещается фигурой Христа, который после Голгофы становится «Духом Земли» (Erdegeist). Это важнейший момент его выкладок.

«Кто наблюдает Землю из космоса духовным зрением... тот видел раньше [до Голгофы] ауру Земли совершенно иной. В тот момент, когда на Голгофе из ран Спасителя потекла кровь, изменилась вся духовная конфигурация Земли. Земля стала телом для Христа. Христос стал Духом Земли (der Erdegeist). Теперь Он — её Душа». [23, с. 220]

Христос понимается им как Дух Солнца, ставший Мировой Душой Земли, чтобы эволюционировать её.

Взаимодействие с Мировой Душой — ключевой этап в духовном развитии человека:

«Как человек имеет душу в своем теле, так и Земля имеет свою Душу, которая живет в эфирном и астральном теле планеты. Эфирный мир есть переплетение течений, которые суть мысли Богов, ставшие жизненными силами». [24, с. 395]

Таким образом, Р. Штайнер возвращает персональность Мировой Душе, утраченную в научном пантеизме.

V.3. Карл Густав Юнг: Психологизация космоса

В аналитической психологии К. Г. Юнга макрокосм становится микрокосмом. К. Г. Юнг спасает понятие «Мировой Души» для науки XX века, помещая её внутри человеческой психики.

К. Г. Юнг прямо утверждает, что то, что алхимики и неоплатоники проецировали на материю (Душа Мира), на самом деле является структурой объективного (коллективного) бессознательного:

«То, что алхимики называли “Мировой Душой” (Anima Mundi), есть на самом деле проекция бессознательного. Всё, что неизвестно и лежит во тьме, проецируется на материю. Душа, которую алхимик освобождал из свинца или ртути, была его собственной душой, точнее — архетипом Самости, который он видел в веществе, как в зеркале». [26, с. 288]

К. Г. Юнг превращает теургию в психотерапию.

Поздний К. Г. Юнг возвращается к идее средневековых платоников (Дорна), утверждая, что физическая материя и психика — это два аспекта одной реальности Unus Mundus (Единый Мир):

«Дорн (алхимик) говорит о “Unus Mundus” как о потенциальном мире первого дня творения... С психологической точки зрения это соответствует трансцендентному психоидному уровню, где материя и психика ещё не разделены. Это и есть та реальность, которую древние ощущали как Мировую Душу — связующее звено между духом и телом». [25, с. 346]

При этом, по К. Г. Юнгу это вовсе не означает деонтологизацию Мировой Души, она становится «человеческой», но при этом остаётся «Мировой».

Юнгианская Anima Mundi (через архетип Самости) претендует на статус Unus Mundus (Единого мира), где граница между психическим и физическим стирается (феномен синхронистичности). Таким образом, это не упрощение, но перенос онтологии в область психологического опыта.

Так К. Г. Юнг «интериоризирует» космологию. Хора становится Бессознательным; Мировая Душа из области абстрактной идеи переходит в область непосредственного психического опыта каждого индивидуума.

V.4. Современный западный эзотеризм

Во второй половине XX — начале XXI веков понятие «Мировая Душа» частично теряет свой сакральный, метафизический статус, но сохраняет при этом свои функциональные характеристики.

Современная эзотерика произвела демократизацию доступа к Мировой Душе, совершив сдвиг от метафизики к непосредственному живому опыту: теперь акцент ставится на возможности познания Мировой Души через индивидуальное переживание (медитация, интуиция, измененные состояния сознания). Особенностью современного подхода является не философия, но практический, утилитарный аспект: ритуалы, праздники, символика, вербальные формулы направлены на решение конкретных задач.

Произошла завершающая персонализация образа: в современной магии и неоязычестве (Викка и др.) Мировая Душа прямо отождествляется с фигурами Геи или Гекаты.

Важно отметить экологизацию концепции: почитание Мировой Души напрямую отождествляется с защитой природы как живого тела Богини.

Несмотря на смену парадигмы, ядро концепции сохранилось: идея одушевленности Космоса, взаимосвязи всего сущего и существования высшего, объединяющего начала жизни.

Таким образом, концепция Мировой Души служит мостом, соединяющим интеллектуальную традицию Запада с её глубинным, мистическим и экологическим измерением, актуальным для человека XXI века.

VI. Трансформация неоплатонической и гностической парадигмы в русском софийном ренессансе (К постановке проблемы)

София В. С. Соловьёва и его последователей типологически и функционально идентична неоплатонической Душе Мира (в аспекте Гекаты) и гностической Софии-Ахамот, но переосмыслена через христианский догмат Боговоплощения.

Мы выделяем три ключевые точки схождения (топоса):

1. Топос «Мембраны» (Геката- Hupézōkōs)

В Халдейских оракулах Геката — это Мембрана, разделяющая и соединяющая Отцовский Ум и сотворённый мир.

В. С. Соловьёв утверждает, что София есть «тело Божие», «материя Божества», тот предел, где Бог соприкасается с небытием, оформляя его. В «Чтениях о Богочеловечестве» (1880) Соловьёв описывает Душу Мира как сущность, которая колеблется между Богом и тварным хаосом:

«Мировая душа есть существо двойственное... Она есть то, что реально связывает Творца с творением, но она же может отпасть от Божественного единства.» [22, с. 58]

Таким образом, В. С. Соловьёв практически дословно воспроизводит функцию неоплатонической Души, которая «проницаема» и имеет «две стороны» — одну, обращённую к Уму, другую, обращённую к материи.

Таким образом, В. С. Соловьёв практически дословно воспроизводит функцию неоплатонической Души, которая «проницаема» и имеет «две стороны» — одну, обращённую к Уму, другую, обращённую к материи.

2. Топос «Посредника» (Геката-Prothyraia)

Халдейская Геката выступает как Prothyraia — пороговая сущность, удерживающая равновесие между двумя онтологическими безднами и контролирующая переход между ними.

В концепции В. С. Соловьёва София также выступает как «граница». Она стоит на пороге между Божественным Ничто (En Soph) и миром множественности, являясь «дверью» для божественного света.

Сближение Гекаты и Софии мы видим не по линии «характера» сущностей, но по линии их топологической функции. Оба концепта решают одну задачу — преодоление разрыва между Единым и многим.

В. С. Соловьёв, как и неоплатоники, ищет «третье бытие», которое объединяет идеальное и материальное.

Геката в позднем неоплатонизме — это «Та, что спасает» (Σωτήρα, Sōteira). София у русских мыслителей — тоже Спасительница, но не через власть, но через Красоту и рождение смыслов.

Важно также отметить, что для В. С. Соловьёва его София — это «становление», а не просто статичная схема космоса:

«...Соловьёв переосмысляет античную хору не как пустоту, но как потенцию Богочеловечества...» [19, с. 12]

3. Топос «Падшей Души» (София-Ахамот)

В гностицизме трагедия космогонии начинается с падения Софии. У В. С. Соловьёва этот мотив прослеживается в его поэзии и в учении о «Душе Мира», которая, отпав от Логоса, становится пленницей материи, ожидающей спасения (теургического акта).

Одно из интересных свидетельств — ранний, экспериментальный философско-мистический трактат „Sophie“ или „La Sophia“, созданный молодым В. С. Соловьёвым в 23 года между 1875 и 1876 гг. в виде черновой рукописи на французском языке. [11, с. 152–170]

Текст написан в форме диалога между Философом и фигурой Софии, через который В. С. Соловьёв показывает Софию как срединное космическое существо (между Богом и миром) и впервые оформляет идеи, схожие с гностическими схемами, которые впоследствии станут сердцевиной его софиологической системы.

Так же в рукописи В. С. Соловьёв рисует диаграммы, поразительно напоминающие схемы офитов и валентиниан.

При поверхностном анализе софиология В. С. Соловьёва представляется прямой рецепцией гностического мифа. Мы видим здесь полный набор драматических элементов: отпадение Души от Плеромы, возникновение материального мира как следствие этого падения, страдание Софии в плену материи и ожидание ею спасителя-Логоса. Однако именно здесь кроется фундаментальная проблема исследовательской оптики: структурный изоморфизм (схожесть формы) скрывает под собой телеологическую оппозицию.

В. С. Соловьёв совершает, по сути, «анти-гностическую революцию» средствами самого гностицизма. Для последнего материя есть зло, результат трагической ошибки или дерзости Софии-Ахамот. В. С. Соловьёв радикально инвертирует этот вектор. Используя ту же фигуру «Падшей Софии», он меняет знак материи с минуса на плюс. В его системе падение Души Мира является не фатальной ошибкой, подлежащей стиранию, но, используя термин Августина, *felix culpa* («счастливой виной»), необходимой для возникновения свободного внебожественного бытия. Материя для русского

философа — это не злая карикатура на бытие, но «спящая» или «потенциальная» божественность.

Следовательно, меняются и функции Посредника. Если гностическая София стремится покинуть мир, то София В. С. Соловьёва стремится его преобразить. Сотериология здесь мыслится как инкарнация (воплощение) и теургия (богодействие). Соловьёвская Душа Мира — это субъект, который не бежит из «тюрьмы», но перестраивает её в Храм.

Здесь происходит разрыв с платоновско-гностическим дуализмом. В античности «Мировая Душа» (или Геката) спускала эйдосы вниз, но сама оставалась стражем иерархии. В гностицизме она была жертвой. В русской софиологии она становится активным со-творцом. В. С. Соловьёв легитимизирует материю через догмат Боговоплощения: если Бог стал плотью, значит, плоть способна вместить Абсолют. Роль Софии, таким образом, заключается в «одухотворении тела» — процессе, который в гностической системе координат был бы абсурден.

Сохраняя фигуру Посредника (Мировой Души), В. С. Соловьёв перекодирует её задачу: вместо поддержания статус-кво (неоплатонизм) или организации побега из мира (гностицизм), она призвана осуществить эсхатологический синтез Духа и плоти.

Мы можем классифицировать этот поворот как «терапию» европейского метафизического пессимизма.

В контексте вышесказанного требует отдельного рассмотрения топологическая метаморфоза «границы». Как было показано в разделе о неоплатонизме, Геката функционирует как *Ημεροκόμος* (Мембрана) или *Prothyraia* (Привратница). Её задача — разделять уровни бытия, защищая чистоту Ума от смешения с материей. Аналогичную функцию выполняет гностический *Noros* (Предел), жестко отсекающий Плерому от Кеномы. В обоих античных случаях Посредник — это, прежде всего, сегрегирующая инстанция.

В русской же религиозной философии мы наблюдаем попытку деконструкции понятия «границы». София В. С. Соловьёва, хотя и занимает срединное положение (*μεταξύ*, *metaxú*), перестает быть перегородкой. Она трансформируется в активный сизигический мост (от греч. *σὺζυγία*, *syzygia* — сопряжение). Если Мембрана «удерживает дистанцию», то София эту дистанцию уничтожает через любовь и взаимопроникновение природ.

Эта трансформация «Посредника-Разделителя» в «Посредника-Соединителя» представляет собой сложную философскую проблему, связанную с переосмыслением апофатического понимания «Мировой Души» в катафатическое и сотериологическое. Детальный анализ этого топологического сдвига требует отдельного исследования, выходящего за рамки данной статьи, однако фиксация необходима для понимания уникальности русского софийного проекта.

VII. Заключение

Концепт Мировой Души претерпел закономерную трансформацию: от космологической субстанции в античности до психологического и эзотерического горизонта в современности. Рассмотренная нами динамика «Посредника» показывает, что структурная лакуна между Абсолютом и миром остается неизменной константой европейской мысли, требующей постоянного переосмысления. Рецепция неоплатонической «Мембраны»-Гекаты в софиологии В. С. Соловьёва стала важнейшим прецедентом, в котором античная теургия и гностическая драматургия была переведена на язык христианской сотериологии. В конечном счете, современная интернализация этого образа в глубинной психологии К. Г. Юнга и эзотерических системах XX–XXI века не упраздняет онтологический статус *Anima Mundi*, но лишь переносит «место встречи» макрокосма и микрокосма внутрь человеческого субъекта, где Мембрана становится порогом между сознанием и бездонными истоками бытия.

Философская и эзотериологическая Концепция «Мировой Души» — это история о том, как западный человек пытался преодолеть свое отчуждение от космоса. Фигура Посредника остаётся неизменной структурной константой, без которой невозможно мыслить связь между Трансцендентным Единым и проявленным «многим». Трансформация терминов («Душа», «Мембрана», «Геката», «София», «Бессознательное») отражает не изменение устройства мира, но изменение самоощущения субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо, П. Плотин, или Простота взгляда / П. Адо; пер. с франц. Е. Штофф. — Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. — 112 с. — ISBN 5-87245-006-X. — Текст: непосредственный.
2. Аристотель. Физика / Аристотель. — Текст: непосредственный // Сочинения: в 4 т. — Москва: Мысль, 1981. — Т. 3. — С. 59–262.
3. Афонасин, Е. В. Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства / Е. В. Афонасин. — Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2002. — 368 с. — ISBN 5-94278-024-X. — Текст: непосредственный.
4. Бёме, Я. *Auriga*, или Утренняя заря в восхождении / Я. Бёме; пер. А. Петровского. — Москва: Политиздат, 1990. — 415 с. — ISBN 5-250-01157-1. — Текст: непосредственный.
5. Блаватская, Е. П. Разоблаченная Изида. Т. 1: Наука / Е. П. Блаватская. — Москва: Эксмо-Пресс, 2006. — 832 с. — ISBN 5-699-16365-2. — Текст: непосредственный.
6. Блаватская, Е. П. Тайная Доктрина. Т. 1: Космогенезис / Е. П. Блаватская; пер. Е. И. Рерих. — Москва: Эксмо, 2018. — 880 с. — ISBN 978-5-699-90659-3. — Текст: непосредственный.
7. Булгаков, С. Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. — Москва: Республика, 1994. — 415 с. — ISBN 5-250-02140-6. — Текст: непосредственный.
8. Диллон, Дж. Средние платоники: 80 г. до н.э. — 220 г.н.э. / Дж. Диллон; пер. с англ.

- Е. В. Афонасина. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. — 448 с. — ISBN 5-89329-535-6. — Текст: непосредственный.
9. Ириней Лионский. Против ересей. Доказательство и обличение лжеименного знания / Ириней Лионский; пер. прот. П. Преображенского. — Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2008. — 672 с. — ISBN 978-5-903525-18-0. — Текст: непосредственный.
 10. Йонас, Г. Гностицизм (Гностическая религия) / Г. Йонас; пер. с англ. К. А. Тулупова. — Санкт-Петербург: Лань, 1998. — 384 с. — ISBN 5-8114-0320-9. — Текст: непосредственный.
 11. Козырев, А. П. Парадоксы незавершенного трактата: к публикации перевода французской рукописи В. С. Соловьёва «София» / А. П. Козырев. — Текст: непосредственный // Логос. — 1992. — № 2. — С. 152–170.
 12. Лосев, А. Ф. Владимир Соловьёв и его время / А. Ф. Лосев. — Москва: Молодая гвардия, 1990. — 720 с. — ISBN 5-235-01112-2. — Текст: непосредственный.
 13. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. — Москва: АСТ, 2000. — 846 с. — ISBN 5-17-002369-2. — Текст: непосредственный.
 14. О происхождении мира (II, 5). — Текст: непосредственный // Наг-Хаммади. Коптские гностические тексты / пер. с копт., вступ. ст. и коммент. М. К. Трофимовой. — Москва: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2017. — С. 241–273. — ISBN 978-5-9500350-1-7.
 15. Петров, В. В. Учение Максима Исповедника в контексте философско-богословской традиции поздней античности / В. В. Петров. — Москва: ИФРАН, 2007. — 417 с. — ISBN 978-5-9540-0077-6. — Текст: непосредственный.
 16. Платон. Тимей / Платон; пер. С. С. Аверинцева. — Текст: непосредственный // Собрание сочинений: в 4 т. — Москва: Мысль, 1994. — Т. 3. — С. 421–500.
 17. Плотин. Эннеады / Плотин; пер. с древнегреч. Т. Г. Сидаша. — Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2004. — Т. 1–7. — ISBN 5-94278-066-5. — Текст: непосредственный.
 18. Прокл Диадох. Комментарий к «Тимею». Книга I / Прокл Диадох; пер. с древнегреч., сост., вступ. ст. и коммент. С. В. Месяц. — Москва: Институт философии РАН, 2012. — 376 с. — ISBN 978-5-9540-0202-2. — Текст: непосредственный.
 19. Протопопова, И. А. Вл. Соловьёв и платоновская хора / И. А. Протопопова. — Текст: непосредственный // Соловьёвские исследования. — 2012. — № 2 (34). — С. 6–18.
 20. Светлов, Р. В. Гнозис и экзегетика / Р. В. Светлов. — Санкт-Петербург: РХГИ, 1998. — 416 с. — ISBN 5-88812-059-6. — Текст: непосредственный.
 21. Соловьёв, В. С. Россия и Вселенская Церковь / В. С. Соловьёв. — Москва: Путь, 1911. — 448 с. — Текст: непосредственный.
 22. Соловьёв, В. С. Чтения о богочеловечестве / В. С. Соловьёв. — Москва: Академический проект, 1995. — 240 с. — ISBN 5-8291-0010-0. — Текст: непосредственный.
 23. Штайнер, Р. Евангелие от Иоанна: цикл лекций / Р. Штайнер. — Санкт-Петербург: Дамаск, 1996. — 380 с. — ISBN 5-88239-006-0. — Текст: непосредственный.
 24. Штайнер, Р. Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира / Р. Штайнер. — Ереван: Ной, 1990. — 520 с. — ISBN 5-540-00977-2. — Текст: непосредственный.
 25. Юнг, К. Г. Мистерий Кониункционис (Mysterium Coniunctionis) / К. Г. Юнг; пер. О. О. Чистякова. — Москва: Рефл-бук; Ваклер, 1997. — 688 с. — ISBN 5-87983-049-7. — Текст: непосредственный.
 26. Юнг, К. Г. Психология и алхимия / К. Г. Юнг; пер. С. Л. Удовика. — Москва: Рефл-бук; Ваклер, 1997. — 592 с. — ISBN 5-87983-048-9. — Текст: непосредственный.
 27. Bordoy, A. El espacio y la materia en el Timeo de Platón: sobre la traducción de Calcidio del termino χώρα / A. Bordoy. — Текст: непосредственный // Archai. — 2010. — Vol. 5. —

- P. 119–128. — DOI: 10.14195/1984-249X_5_12.
28. Brisson, L. *Le Même et l'Autre dans la Structure Ontologique du Timée de Platon* / L. Brisson. — Sankt Augustin: Academia Verlag, 1998. — 611 p. — ISBN 3-89665-053-X. — Текст: непосредственный.
 29. Butler, E. P. *Essays on the Metaphysics of Polytheism in Late Antiquity* / E. P. Butler. — New York: Phanes Press, 2010. — 332 p. — ISBN 978-0-9776269-6-0. — Текст: непосредственный.
 30. Derrida, J. *Khôra* / J. Derrida. — Paris: Éditions Galilée, 1993. — 103 p. — ISBN 2-7186-0427-4. — Текст: непосредственный.
 31. Faivre, A. *Access to Western Esotericism* / A. Faivre. — Albany: SUNY Press, 1994. — 369 p. — ISBN 0-7914-2149-1. — Текст: непосредственный.
 32. Goodrick-Clarke, N. *The Western Esoteric Traditions: A Historical Introduction* / N. Goodrick-Clarke. — Oxford: Oxford University Press, 2008. — 296 p. — ISBN 978-0-19-532099-2. — Текст: непосредственный.
 33. Hanegraaff, W. J. *New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought* / W. J. Hanegraaff. — Leiden: Brill, 1996. — 601 p. — ISBN 90-04-10696-0. — Текст: непосредственный.
 34. Johnston, S. I. *Hekate Soteira: A Study of Hekate's Roles in the Chaldean Oracles and Related Literature* / S. I. Johnston. — Atlanta: Scholars Press, 1990. — 192 p. — ISBN 1-55540-427-8. — Текст: непосредственный.
 35. Kroll, W. *De Oraculis Chaldaicis* / W. Kroll. — Breslau: Koebner, 1894. — 82 p. — Текст: непосредственный.
 36. *On the Origin of the World* (II, 5). — Текст: непосредственный // *The Nag Hammadi Library in English* / ed. by J. M. Robinson. — 4th rev. ed. — Leiden: E. J. Brill, 1996. — 549 p. — ISBN 90-04-08856-3.
 37. *Oracles Chaldaïques: avec un choix de commentaires de Proclus, Psellus et Nicéphore Grégoras* / éd. É. des Places. — Paris: Les Belles Lettres, 1971. — 357 p. — Текст: непосредственный.
 38. Plato. *Timaeus* / Plato. — Text: unmediated // *Platonis Opera: in 5 vol.* / ed. J. Burnet. — Oxford: Clarendon Press, 1902. — Vol. 4.
 39. Plato. *Timaeus* / Plato; ed. and transl. by R. G. Bury. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1929. — 656 p. — (Loeb Classical Library). — Текст: непосредственный.
 40. Sallis, J. *Chorology: On Beginning in Plato's Timaeus* / J. Sallis. — Bloomington: Indiana University Press, 1999. — 172 p. — ISBN 0-253-33568-X. — Текст: непосредственный.
 41. *The Chaldean Oracles: Text, Translation and Commentary* / ed. by R. Majercik. — Leiden: Brill, 1989. — 247 p. — ISBN 90-04-09043-6. — Текст: непосредственный.

Сергийчук Валерия Сергеевна,
студентка
НИУ «Высшая школа экономики»,
vssergiyчук@yandex.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ЭЗОТЕРИЗМА

Статья посвящена анализу функциональной роли мифологии в структуре современных эзотерических движений. Рассматривая в качестве кейса русскоязычный кеметизм, подтверждается, что миф предоставляет эзотеризму не столько конкретное вероуचितное содержание, сколько гибкий символический язык и структурную основу, адаптируемую под актуальные запросы современного человека. Основное внимание уделяется ключевым аспектам взаимодействия: отношению к мифологическому канону, адаптации ритуалов, приоритету индивидуального гнозиса над коллективной догмой и селективному использованию исторических источников. Так в современном эзотеризме древние нарративы оживают в персонализированных и синкретических формах.

Ключевые слова: мифология, эзотеризм, гнозис, неоязычество, адаптация.

Valeria S. Sergiychuk

THE MYTHOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERN ESOTERICISM

The article is devoted to the analysis of the functional role of mythology in the structure of modern esoteric movements. Considering Russian-language kemetism as a case study, it is confirmed that the myth provides esotericism not so much with a specific doctrinal content as with a flexible symbolic language and a structural basis adapted to the actual needs of modern people. The main focus is on key aspects of the interaction: the relationship to the mythological canon, the adaptation of rituals, the priority of individual gnosis over collective dogma, and the selective use of historical sources. This is how ancient narratives come to life in personalized and syncretic forms in modern esotericism.

Keywords: mythology, esotericism, gnosis, neo-paganism, adaptation.

Популярность современных эзотерических движений, сознательно апеллирующих к различным мифологическим системам — таким как кеметизм, эллинизм, славянское неоязычество, друидизм и многие другие, — является ярким примером религиозно-духовных поисков начала XXI века. Этот феномен демонстрирует устойчивый и масштабный интерес к мифологии как к живому ресурсу для конструирования эзотерического опыта и духовной идентичности в условиях современности. Обращение к архаическим пантеонам и символам отвечает характерной для эпохи потребности в поиске устойчивых, вневременных оснований для мировоззрения на фоне глобализации и кризиса традиционных религиозных институтов.

Особый интерес представляет функционирование мифа в пространстве эзотерики, определяемой, вслед за Артуром Верслuisом, как мировоззрение, основанное на идеях гнозиса, то есть личного мистического познания, и на концепции тайны, доступной лишь посвященным [6, с. 14]. Мифология же, со своим богатым символическим наследием и многозначностью, выступает для эзотеризма идеальным ресурсом, предоставляя и искомый гнозис, и необходимую ауру таинственности. Мифология предоставляет эзотеризму гнозис прежде всего через свою символическую плотность и архетипическую глубину. В отличие от догматических религиозных систем, предлагающих готовые истины, миф оперирует образами, сюжетами и символами, которые по своей природе многозначны и не поддаются исчерпывающей рациональной интерпретации. Именно эта незавершенность смысла делает миф идеальным катализатором личного откровения. Древность мифологии создаёт ощущение потерянной мудрости предков. Фрагментарность сохранившихся источников, сложность древних языков, необходимость перевода и интерпретации автоматически окружают мифологию ореолом сакрального знания, доступного лишь тем, кто готов приложить усилия для его расшифровки, — так мифологией реализуется потребность в тайне. Современный эзотеризм, сохраняя установку на миф как на носитель сакрального знания, радикально пересматривает формы работы с ним, отходя от идеи буквальной реконструкции в сторону творческой адаптации.

Целью данной статьи является выявление и анализ механизмов, посредством которых мифология становится основой для современного эзотерического движения. Эмпирическую базу составляет деятельность русскоязычного кеметического сообщества, ставящего целью реконструкцию древнеегипетской религии и практик. Кеметизм представляет собой яркий пример современного неоязычества, где попытка возрождения архаической мифологической системы сталкивается с вызовами современности, порождая характерные модели взаимодействия с мифом. Через призму четырех ключевых аспектов — отношения к мифологическому канону, адаптации ритуалов, формата практик и работы с источниками — будут проанализированы специфические принципы конструирования эзотерической реальности на древнем мифологическом фундаменте.

Миф, понимаемый как исторически первичная, синкретичная форма мировоззрения, в которой в нерасчлененном единстве присутствовали зачатки религии, философии, искусства и науки, выступает универсальным культурным субстратом. Г. В. Зубко также описывает миф как «Великую Мудрость, тайное знание, которое в древности было доступно только посвященным», что еще раз указывает на возможность мифа дать эзотерике гнозис («Великую Мудрость») и тайну, доступную лишь посвященным [3, с. 28]. В эзотерической традиции мифология никогда не теряла своей актуальности, выполняя функцию символической формы, через которую происходит

упорядочивание реальности и самопознание человека, так Р. Алиев пишет: «...мифологическое, религиозное и философское мировоззрение и Сотворение тесно связаны друг с другом» [1, с. 149]. Однако если в рамках традиционных религиозных систем миф часто канонизируется и догматизируется, то эзотеризм, с его установкой на примат личного духовного опыта (гнозиса) над внешним авторитетом, открывает возможность для принципиально иного — творческого и индивидуализированного — отношения к мифологическому материалу.

Согласно Артуру Верслуису, эзотеризм можно определить как форму мысли, апеллирующую к непосредственному духовному озарению, имеющему метафизический или космологический характер (гнозису) и связанную с идеей тайны, сокрытого знания [6, с. 14]. В этом контексте мифология, особенно древняя, воспринимается как закодированное послание о подлинной структуре реальности, доступное расшифровке через личный опыт. Многозначность и вариативность мифологических сюжетов, которые в древности отражали региональные и временные различия, в современном эзотерическом прочтении становятся не недостатком, а преимуществом, предоставляя пространство для индивидуальных интерпретаций и конструирования своей сакральной реальности. Так миф для эзотерика оказывается живым ресурсом для духовного поиска и психологической работы.

Египетская мифология, служащая основой для кеметизма, исторически представляла собой динамичную и изменчивую систему. Она варьировалась от нома к ному и существенно эволюционировала на протяжении тысячелетий существования древнеегипетской цивилизации. Перед современными кеметистами встает вопрос выбора некой истинной, канонической версии, однако, как показывают исследования, сообщество избегает выбора. Так Д. С. Хомков пишет: «Реконструкционизм участников сообщества носит умеренный характер: «понимание современных реалий» и «смелый взгляд в будущее» считаются не менее важными, чем «уважение к истокам веры и знание традиций». Пругло [Л. В. Пругло — одна из жриц кеметизма — Прим. автора] предлагает «фрагментарно интегрировать в нашу реальность те элементы, которые позволяют проникнуться духом эпохи без конфликта с новой действительностью». Отчетливо проговаривается и то, что кеметизм может быть «возрожден» только в качестве нового религиозного феномена, существенно отличающегося от религии Древнего Египта» [8, с. 58]. Это полностью соответствует эзотерической парадигме, где личный гнозис и индивидуальный опыт общения с божеством имеют безусловный приоритет над догматическими установлениями. Лидеры и рядовые участники сообщества не настаивают на единой трактовке мифов или образов богов. Например, в сообществе существуют различные взгляды на взаимоотношения Бастет и Сехмет: одни видят в них ипостаси единой богини, другие — отдельных божеств, и оба подхода считаются легитимными. Такое принятие всего

многообразие традиции, включая ее внутренние противоречия, позволяет кеметизму избежать жесткой догматики и оставаться открытым для индивидуальных мистических инсайтов, что является ключевой чертой эзотеризма как мировоззрения.

Попытка реконструкции древних ритуалов неминуемо сталкивается с проблемой их культурной и социальной чуждости современному человеку. Многие ритуалы Древнего Египта, такие как аграрные обряды или церемония обновления власти фараона Хеб-сед, были вписаны в конкретный исторический и хозяйственный контекст, утраченный сегодня и неактуальный для современного человека. Цира, жрица Бастет, Сехмет и Сетха из интервью Д. С. Хомкову: «...могут возникнуть сложности — у нас есть работа и занятость, которую будет сложно организовать под дни, в которые, например, не рекомендуется выходить из дома. Это не значит, что актуальность календаря исчезла, но не весь быт древнего египтянина для нас применим» [8, с. 59]. Практики, полностью утратившие свою изначальную почву, иногда адаптируются, так праздник Рененутет, змеиной богини плодородия, соотносился с важными датами в сельскохозяйственном цикле, а в сообществе *Sun above my head* предлагается относиться к урожаю не в буквальном значении, а переносном: «Наша деятельность, подготовка к реализации планов и результат — тоже своего рода «урожай». Поэтому если вы задумали что-то реализовать в предстоящем году, попросить об этом богиню в ее праздник — благое дело». Вместо буквального воспроизведения кеметисты предпочитают либо создание новых ритуалов, лишь отчасти опирающихся на мифологическую символику (например, ритуал инициации, не имеющий прямого древнеегипетского аналога), либо глубокую модернизацию сохранивших актуальность практик. Так, ритуал оплакивания Осириса, связанный с темой смерти и возрождения, сохраняется, но его форма и эмоциональное наполнение адаптируются под современного практика. При этом исследователи единодушно отмечают сильное влияние на кеметическую обрядность другой формы современного эзотеризма — викки, что проявляется в структуре ритуалов, использовании инструментов (например, алтаря) и общей эстетике. Это демонстрирует механизм синтеза: мифологический сюжет или идея, например гибель и воскресение Осириса в случае ритуала оплакивания, становится семантическим ядром, вокруг которого выстраивается новая ритуальная форма, заимствующая элементы из других эзотерических систем. Данный подход отражает общую тенденцию современного эзотеризма к эклектизму и практико-ориентированному творчеству.

Одной из характерных черт современного эзотеризма, противопоставляющих его традиционной религии, является акцент на индивидуальном, а не коллективном опыте. Кеметическое сообщество не является исключением. Основу религиозной жизни последователя составляют индивидуальные практики: личные молитвы, медитации, подношения на домашнем

алтаре. Коллективные формы присутствуют, но носят специфический, опосредованный характер. Наиболее показательным примером являлись онлайн-богослужения (примерно четыре раза в месяц) от сообщества *Sun above my head*, проводимые через видеосвязь. Их уникальная особенность заключается в том, что участники, как правило, не включают камеры, оставаясь невидимыми друг для друга. Жрец или жрица направляет процесс, читая молитву и диктуя действия, но каждый участник физически находится в своем личном пространстве. Иными словами, создается гибридная форма: коллективный настрой и синхронность действий сочетаются с глубоко индивидуальным, интимным переживанием сакрального. Это соответствует эзотерической установке на гнозис как личное откровение, которое, будучи инспирировано общим контекстом, обретается в уединении. Тем не менее, проектом формат онлайн-молитв был приостановлен. Параллельно существуют попытки перехода в оффлайн-формат, например очные встречи для лекций или богослужений, организация физического пространства Уанет в Санкт-Петербурге (ныне закрытый), что свидетельствует о стремлении к более традиционным формам общности, однако пока индивидуализированные практики остаются доминирующими.

Вопрос источниковедения является ключевым для любого реконструкционистского движения. Кеметизм сталкивается с двойственной ситуацией: с одной стороны, корпус древнеегипетских текстов достаточно обширен, чтобы служить основой, с другой — он фрагментарен, сложен для перевода и интерпретации. Анализ деятельности сообщества показывает, что в нем выработана стратегия, балансирующая между опорой на академические исследования и верховенством личного опыта. С одной стороны, сообщество ведет активную просветительскую работу, публикуя материалы, основанные на трудах египтологов. Некоторые жрецы и жрицы владеют древнеегипетским языком на высоком уровне, а в рамках проекта предлагается платное обучение ему, что говорит о серьезных инвестициях в аутентичность и стремлении к работе с первоисточниками. С другой стороны, как подчеркивает Д. С. Хомков, последователи в качестве источника информации о божествах называют неподтвержденный личный гнозис (НЛГ) — сны, медитативные видения, субъективные переживания [9]. При этом, по словам участников, академическое знание необходимо как фундамент, который не позволяет «потеряться в собственном НЛГ» [9, с. 94]. То есть мифологические тексты и исторические данные выступают не как догма, а как каркас, семантическое поле, внутри которого разворачивается индивидуальное мистическое познание. В итоге сакральные тексты прошлого являются не конечной истиной, а инструментом для пробуждения собственного духовного опыта.

В итоге мифология выступает как открытый символический ресурс для кеметизма. Кеметисты сознательно отказываются от выработки единой,

обязательной трактовки древнеегипетских мифов, принимая их историческую вариативность и поощряя множественность индивидуальных интерпретаций. Это позволяет мифу сохранять статус живого источника гнозиса, а не застывшей догмы. Адаптация мифологического материала носит творческий и синкретический характер. Ритуальная практика строится не на буквальной реконструкции архаичных обрядов, часто утративших культурный контекст, а на их глубокой трансформации, модернизации и гибридизации с элементами других эзотерических традиций (например, викки). Мифологический сюжет или символ становится ядром для создания новых, психологически и экзистенциально релевантных практик. Индивидуальный опыт является центральным организующим принципом, определяющим даже коллективные формы деятельности. Доминирование личных практик и специфический формат онлайн-встреч, где коллективное действие служит катализатором индивидуального переживания, подчеркивают примат внутреннего откровения над внешней обрядовостью. Академическое знание и работа с первоисточниками высоко ценятся и культивируются как необходимая основа для аутентичности, но эта основа рассматривается как отправная точка для личного мистического опыта, который и считается конечной инстанцией истины. Обобщая выводы, мифология в современном эзотеризме, примером которого является русскоязычный кеметизм, действительно выполняет роль фундаментального ресурса, но ресурса особого рода. Она предоставляет не готовую систему верований и практик, а богатый язык символов, архетипических сюжетов и сакральных образов, которые подлежат активной реинтерпретации и интеграции в современный экзистенциальный и психологический контекст. Эзотеризм, с его установкой на личный гнозис и отрицанием жесткой догматики, извлекает из мифа не столько конкретное содержание, сколько его многозначный потенциал, ауру древней тайны и структуру для построения новой, индивидуализированной сакральности.

Кеметизм показывает, что в XXI веке мифология используется через механизмы творческой адаптации и субъективного проживания. Миф перестает быть нарративом о прошлом и становится инструментом конструирования духовной реальности в настоящем, где академическое знание о прошлом служит важным, но не окончательным ориентиром. Это подтверждает тезис о том, что современный эзотеризм, сохраняя глубокую связь с мифологическим наследием, радикально трансформирует формы работы с ним, превращая миф из объекта поклонения в средство индивидуального духовного поиска и самопознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев, Р. Мифологические истоки религиозного и философского эзотеризма / Р. Алиев. — Текст: непосредственный // Kant. — 2018. — № 2 (27). — С. 149–156.
2. Верслуис, А. Что такое эзотерика? Методы исследования западного эзотеризма / А. Верслуис. — Текст: непосредственный // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2013. — № 4 (31). — С. 11–35.
3. Зубко, Г. В. Миф в мировосприятии человека и в духовной культуре человечества / Г. В. Зубко. — Текст: непосредственный // Мир психологии. — 2003. — № 3. — С. 24–42.
4. Кочеганова, П. П. Интервью с Л. В. Пругло / П. П. Кочеганова. — Текст: непосредственный // Colloquium heptaplomeres. — 2018. — № 5. — С. 116–118.
5. Кочеганова, П. П. Репрезентация культа Баст в современной России / П. П. Кочеганова. — Текст: непосредственный // Colloquium heptaplomeres. — 2017. — № 4. — С. 90–95.
6. Панин, С. А. Философия эзотеризма. Эзотеризм как предмет исторической и философской рефлексии / С. А. Панин. — Москва: Новое литературное обозрение, 2019. — 208 с. — Текст: непосредственный.
7. Сысоева, А. И. Культурные предпосылки возникновения и развития кеметизма в России / А. И. Сысоева. — Текст: непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2025. — № 5 (899). — С. 133–139.
8. Хомков, Д. С. Боги, люди, кошки: «Кошачий культ» как феномен современного кеметизма в России / Д. С. Хомков. — Текст: непосредственный // Aliter. — 2022. — № 18. — С. 55–63.
9. Хомков, Д. С. Образ бога Сетха в русскоязычном кеметизме / Д. С. Хомков. — Текст: непосредственный // Aliter. — 2023. — № 20. — С. 90–100.

Хузиахметова Ирина Альбертовна,
 магистр религиоведения
 Санкт-Петербург
 Rena1909@yandex.ru

ГНОСИС КАК ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ ДУШИ

В статье дается теоретическое описание учения гностицизма, его происхождение и существенные черты. Мы рассмотрим с помощью метода философско-исторической реконструкции этапы зарождения учения о гносисе и его развитие. Мы выявим причины, которые повлияли на то, что гностическое учение было отвергнуто отцами церкви как духовное апостольское учение и было признаны ересью. Мы определим, что гностическое учение — это синкретическое учение древних религий Востока, которое переняли платоники на Западе и ввели в христианское лоно с целью познания божественной чистоты, преодолевая пределы чувственного мира. В результате, мы определим, что гностическое учение создало свою основу в методе познания Истины (Бога) и образовало свою школу с целью поэтапного очищения души в стремлении к этой истине приблизиться.

Ключевые слова: гносис, гностицизм, эзотерическое учение, учение о спасении души, познание Истины

Irina A. Khuziakmetova

GNOSIS AS AN ESOTERIC DOCTRINE ABOUT THE SALVATION OF THE SOUL

The article provides a theoretical description of the teaching of Gnosticism, its origin and essential features. Using the method of philosophical and historical reconstruction, we will consider the stages of the origin of the doctrine of gnosis and its development. We will identify the reasons that influenced the Church fathers to reject Gnostic doctrine as a spiritual apostolic teaching and to recognize it as heresy. We will define that the Gnostic doctrine is the syncretic teaching of the ancient religions of the East, which the Platonists was adopted in the West and introduced this into the Christian bosom in order to know divine purity, overcoming the boundaries of the sensory world. As a result, we will determine that the Gnostic teaching has created its basis in the method of knowing the Truth (God) and has formed its own school with the aim of gradually purifying the soul in an effort to approach this truth.

Keywords: gnosis, gnosticism, esoteric teaching, the doctrine of the salvation of the soul, knowledge of truth.

Что привело к происхождению гностицизма и что поспособствовало образованию данного учения? Вопрос происхождения гностицизма можно сказать на сегодняшний день имеет спорные датировки. Начнем мы с происхождения термина гносис (Γνωσις, εως, η — познание, узнавание, познание, знание). [1, 274]

Ведущий современный отечественный исследователь многочисленных древних источников, претендующих на именование «гностицизмом», А. Л. Хосроев отмечает, что к примеру, прилагательное γνωστικός мы впервые встречаем у Платона (Polit. 258E), у которого речь идет о двух видах знания — «Знании практическом» (πρακτικὴ ἐπιστήμη/ τέχνη) и «Знании познавательном», или, скажем, «чистом знании» (γνωστικὴ ἐπιστήμη). [9, с. 131]

Хосроев проводит анализ терминологии слова гносис и на основании этого делает выводы, что (γνωστικοί) — гностики в значении «христианские еретики» появляется в наших источниках не ранее последней четверти II в. А также, по его мнению: «Слово не встречается ни в Септуагинте, ни в Новом Завете; не пользуются им ни апостольские отцы, ни апологеты; неизвестно оно ни апокрифическим деяниям апостолов, не появляется оно ни в надписях, ни в документальных папирусах... Смит (M.Smith) выявил около десятка случаев употребления его в греческой литературе от времени Платона до II в.н.э., отметив, что слово встречается только в философских текстах (так или иначе связанных с платонической традицией) в значении «leading to knowledge, resulting in knowledge, capable of knowing, cognizant of», но ни разу не применяется к человеку «in its normative philosophical usage gnostikos was never applied to the human person as a whole, but only to mental endeavors, faculties, or components of personality»». [9, с. 131]

Профессор М. Э. Поснов определяет происхождение и существование гностицизма как Дохристианский и вне-христианский гносис: Языческий. По его мнению, оставшиеся незначительные памятники в виде герметической литературы и папирусов, в которых были обнаружены отрывки космогонических текстов о происхождении богов и человека (Лейденский, Страсбургский папирусы) говорят нам о том, что учение античной философии смешивалось с религиозными учениями дохристианского периода и таким образом, представляло собой религиозный синкретизм, что в дальнейшем (первые века н.э.) поспособствует образованию такого учения как гностицизм. В первые века христианского гностицизма начинается сбор мифов и молитв в так называемые «магические папирусы» или «магические книги», в которых отображается повествование о творении богов, происхождении человека и всего живого на земле.

Пример папирусной книги можно встретить в издании Альбрехта Дитриха под заглавием: Abraxas. Studien zur Religionsgeschichte des spätern Altertums. Leipzig, 1891. Из издания А. Дитриха мы узнаем, что «папирус содержит в себе 8-ю книгу в двух рецензиях и 10 книгу Моисея. Первая (двойная) книга заключает в себе — τελετή (посвящения), и ἐντυχία или ἐπάναυκος — великую заклинательную молитву. Заклинатель или волшебник должен чрез различные обряды подготовиться, а потом возвать к Κύριος τῆς ἡμέρας и, ранним утром, при восходе солнца, должен произнести великое

заклинание (ἐντυχίαν τοῦτῃν καὶ εἰπὼν...), которое и есть упомянутая κοσμοποιία» [6, 1917.]

Таким образом, из дошедших до нас древних памятников, мы делаем вывод о том, что в дохристианский период существовали общины со своей религиозной парадигмой (учением), которое содержало в себе знания о Боге (о Богах), вере в высшие силы и способность общения с ними, лишь необходимо вступить с ними (с Богами) в диалог, следуя определенным знаниям.

Многие философы и мудрецы древних времен вели дискуссии о системе Высшего разума, которая проявлялась в различных религиях и учениях, но объединяло все эти учения лишь одно, это стремление к познанию одной истины — Бытия человеческого и божественного. Именно принцип общности знаний и учений в процессе через откровение, либо постижение истины посредством разума поставили гностицизм выше всех философских учений.

Происхождению гностицизма также можно сказать послужил тот факт, что многие философы первых веков, присоединившиеся к платоникам, вскоре овладели верованиями, которые им предложила Палестина, Египет и Халдея. Они утверждали, что первоначальные сочинения апостолов были не полными и догмы, которые там излагались должны получить систематический порядок из систем философии, которого им не доставало. [10, с. 11]

Таким образом сформировалось мнение, что философские умозрения античности, которые в своей основе базировались на старинных греческих верованиях, смешались с представлениями восточных религий и раннего христианства. В следствии чего в первых веках н.э. зарождается такое учение как гностицизм. [5, с. 36–41]

Гностицизм первых веков дает нам разнообразие школ и традиций, что в дальнейшем приводит к разнообразию и обилию гностических учений. Учения эти образовывались как древнее знание, которое вводилось в христианское лоно со своими космологическими и теософскими спекуляциями. «Новое знание» составляло наиболее значительную часть знаний древних религий Востока, которое переняли платоники на Западе, и привнесли в него свои философские учения. Таким образом, гностицизм отличается от всякого другого учения тем, что он был рожден в стремлении перейти пределы древнего мистицизма.

«Древний мистицизм Азии имел аналогичную тенденцию, но он создал только мифологию. Гносис же, наоборот, отверг все формы древней мифологии и принял лишь некоторые ее идеи. Отверг в мифологии то, что было антифилософским, а в философии то, что было антидогматическим. Взяв в себя самые сильные убеждения Христианства и создав систему, которая распространялась на все, что могло охватить человеческий ум.» [10, с. 17]

Мы воспользуемся реконструкцией исторического описания гностических учений первых веков, которые были представлены в сборнике лекций

протоиерея Александра Михайловича Иванцова-Платонова, историка церкви.

Первым ересиархом единогласно было принято считать Симона Мага.

Отличительной чертой его учения был синкретизм языческих и христианских знаний о Богах и то, что Симон называл сам себя воплощенным Богом. Он говорил: «что он тот Бог, который дал евреям закон на Синае, который учил в виде Христа галилеян, апостолов в Палестине, и который сошел на них в Иерусалиме в виде Духа Святого». [2]

Первым кто вздумал сочетать с христианским учением идеи александрийского философа Филона был Керинф, который стал называть Иисуса Христа не Сыном Божиим, а посредствующей силою между Богом и миром, λόγος'ом. [2]

Карпократ образовал новую систему из применения к христианству главным образом учения Пифагора. [2]

Маркион отличился распространением сирийского гносиса. [2]

А учение Валентина, которое содержало в себе смешение учения апостола Павла, и философских учений Платона и Пифагора, образовало такую гностическую систему, которой Валентин придал философский характер всем ранее полученным религиозным знаниям. И он был первым, кто стал развивать свое учение через гимны и сказания. [2]

Сочинения Валентина остались лишь в немногих фрагментах, сохранных Климентом Александрийским.

В гностическом учении Валентина говорится о трех родах существ: люди духовные (пневматики), люди душевные (психики) и люди материальные (гилики). Тот из них кто сможет обрести спасения, достигнет света истины. Мы можем встретить его рассуждения о жизни пневматиков в Строматах: «От начала вы бессмертны, дети вечной жизни. И вы пожелали распределить смерть между собой для того, чтобы поглотить ее и растратить, чтобы смерть умерла в вас и благодаря вам. Когда же вы разрушите весь мир, вы сами не погибнете, но получите власть надо всем тварным и гибнущим» [3, книга 4, 13, 89]

Таким образом, из представленных учений первых веков можно сделать вывод, что все эти учения представляли собой спекуляцию знаний. Лидеры учений представляли массам знания в виде полученного откровения и несли его как особое гностическое учение, которое доступно лишь избранным.

«По мнению многих религиозных философов труды апостолов смешивали с обманом, и указывали только на частичное учение, что представляло собой предмет «вульгарной» веры (Biblia Vulgata). По их мнению, высочайшие тайны должны были сообщаться только высшим умам, избранным в эзотерических традициях. Мудрецы называли это знание — высшей наукой, термин, который использовали апостолы, использовался фактически для обозначения превосходства знания, которое дает откровение. Они

приукрасили, что получили это знание как последователи величайших апостолов. Всякий раз, когда экзотерические учения апостолов противоречили их собственным, заимствовали ли они последнее у Платона или Филона, Зенд-Авесты или из Кабаллы, они смело утверждали, что исторические комментарии и пасторские письма основателей христианства были усечены и фальсифицированы с большим количеством невежества, что они принадлежали хранителям экзотерического учения и ключа истинных мистерий, чтобы восстановить изначальную чистоту текстов, а они только выполняли эту реставрацию. Такими были гностики или Посвященные Высшим учением. Как они сами себя называли». [10, с. 15]

Итак, можно сделать вывод о том, что гностицизм отличается от всякого другого учения тем, что он был рожден в стремлении перейти пределы чувственного мира. Лидеры этих учений стремились к постижению нового знания, которое приблизит их веру к постижению божественной Истины. Что знание, которое они передавали, было исключительно «экзотерическим» и доступно такое знание было не каждому, а лишь тому, кто сможет преодолеть пределы чувственного мира.

Хлебников Г. В. пишет: «В гностическом контексте термин «знание» имеет очевидно религиозное или сверхъестественное значение и относится к объектам, которые в настоящее время скорее называли бы предметами веры, а не разума. «Знание» гностиков, которому противостояла простая христианская вера, было нерациональным. Гносис означал по преимуществу знание Бога, а так как божество понималось как трансцендентное, то это «знание Бога» было знанием чего-то реально непознаваемого, и потому не является знанием естественных предметов — его объекты включают все, что относится к божественной сфере бытия: порядок и историю высших миров, а также спасение человечества». [8, с. 50]

По мнению доктора философии Светлова Р. В., исследователя гностицизма, гносис есть свет божий, или внутренняя искра человека: «Для герметических трактатов более характерен термин «Нус» (Ум), в тех сочинениях из Наг-Хаммади, которые близки эллинским и христианским традициям, может появляться понятие «внутренний человек». Но, пожалуй, самый яркий и точный гностический символ — σπινθήρ spinthēr, «искра», световая частица, то подспудно тлеющая в человеке, то обращающая его самого в свет. Власть ее абсолютна, ибо этот ничтожнейший огонек в состоянии разрушить в глазах «обратившегося» кажущийся незыблемым и беспрельдно превосходящим человека мир. Абсолютность власти проявляется еще и в том, что уверовавший (удостоенный посвящения-откровения) обнаруживает в этой искорке свою, отчужденную космогоническими перипетиями, «несравненную самость». Следующим актом, окончательно превращающим его в пневматика, становится признание того, что это он отчужден, что его нынешняя «самость», включая кажущийся глубоким опыт интравертирования, есть

всего лишь внешняя оболочка, настоящее же «я» находится там, в «искре». [7, с. 50]

Гностическое учение строилось на модели обретения такого знания, которое непременно приведет к спасению души человека, что и есть прямой путь к богу. «Путь к богу лежит через веру». [3]

Гностическое знание, это знание, которое достигается с помощью глубокой духовной веры. «Пути мудрости разнообразны, но все они выводят на путь истины, и этот путь есть вера». [3]

Таким образом, можно сделать вывод, что предметом познания истины в гностической модели является — убеждение в знании, где основой становится знание (*γνωσις*) и вера (*πίστις*).

Средневековая философия дает нам иное представление сокрытого знания или учения. Переход от античности к Средневековью характеризуется становлением новой философско-религиозной сущности. Приход новой христианской религии закладывает перемены мировоззренческого типа. Античная философия, которая транслировала существование нематериального идеального космоса, которая признавала материальный мир, как его эманацию заменяется новой христианской культурой и новой молодой верой. С приходом христианства и его распространением происходит пересмотр греческой античной мысли, что впоследствии приводит к полному оттеснению античного философствования. Однако до кульминации развития христианской мысли и установления ее как единой религии (указ о закрытии Платоновской академии в 529 г.) происходит еще ее борьба как с языческим эллинизмом, так и с восточными учениями того времени, что образует в итоге своем христианско-греко-восточную культуру.

Средневековая философия представляет нам принципиально новый способ мышления в европейской философии. Именно в этот период появляется плеяда религиозных мыслителей, которые стремятся обосновать и развить тогда еще молодое христианское учение.

Хоть и в основе этого нового учения лежали столь привычные тому времени понятия и идеи древнегреческой философии, однако в основе развития новой мысли лежали уже совершенно новые задачи, которые решались в контексте вновь пришедшей христианской религии.

Просматривая исторически процесс развития философской мысли в рамках культурного контекста от языческой философии к схоластике, мы встречаем переход от античного мировоззрения к средневековому. Период, когда языческий неоплатонизм перестает существовать и превращается в диалектику персоналистической онтологии. [4, с. 61]

Такие перемены непременно приводят к пересмотру прежних философских взглядов от размышлений многоуровневой системы бытия к системе единого Бога.

Хоть гностицизм был и осуждён отцами Церкви почти с самого его образования как учения, Иринеем Лионским, Тертуллианом, Ипполитом и другими он объявлялся ересью. Но, данная религиозная парадигма становится философской системой, которая в своей основе содержит знания о Боге, космосе, человеке и истории мира. Системой, которая создаст свою модель познания Бытия.

Уже к V веку учение гностицизма исчезает под давлением тогдашней укрепляющейся церкви и новой христианской религии. Однако интерес к гностицизму возродится в XX веке, во многом благодаря находкам в Наг-Хаммади.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейсман, А. Д. Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. — Санкт-Петербург: Аврора, 1899. — Текст: непосредственный.
2. Иванцов-Платонов, А. Древняя церковная история / А. Иванцов-Платонов. — Москва: [б.и.], 1888. — 523 с. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Ivancov_Platonov/drevnjaja-tserkovnaja-istorija/44#source (дата обращения: 24.01.2026). — Текст: электронный.
3. Климент Александрийский. Строматы: в 3 т. / Климент Александрийский; пер. с древнегреч. и ком. Е. В. Афонасина. — Санкт-Петербург: Изд. Олега Абышко, 2003. — Т. 2: (Книги 4–5). — 336 с. — Текст: непосредственный.
4. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Т. 8. Итоги тысячелетнего развития / А. Ф. Лосев. — Москва: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 832 с. — Текст: непосредственный.
5. Макарий (Денисов), иером. К вопросу о происхождении гностицизма / иером. Макарий (Денисов). — Текст: непосредственный // Христианское чтение. — 2020. — № 2. — С. 36–43.
6. Поснов, М. Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним / М. Э. Поснов. — Киев: АО «Петр Барский в Киеве», 1917. — 825 с. — Текст: непосредственный.
7. Светлов, Р. В. Гнозис и экзегетика / Р. В. Светлов. — Санкт-Петербург: [б.и.], 1998. — 479 с. — Текст: непосредственный.
8. Хлебников, Г. В. Философская мистика и гностицизм: история и современность. Аналитический обзор / Г. В. Хлебников. — Москва: РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. Отд. философии, 2009. — 148 с. — Текст: непосредственный.
9. Хосроев, А. Л. «Другое благовестие». II: Христианские гностики II–III вв.: их вера и сочинения / А. Л. Хосроев. — Санкт-Петербург: Контраст, 2016. — 424 с. — Текст: непосредственный.
10. Matter, J. Histoire critique du gnosticisme, et de son influence sur les sectes religieuses et philosophiques des six premiers siècles de l'ère chrétienne / J. Matter. — Paris, 1828. — Текст: непосредственный.

Научное издание

**XXVIII ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
БОГ. ЧЕЛОВЕК. МИР
2–8 ДЕКАБРЯ 2025 ГОДА**

Сборник докладов

Директор издательства А. А. Галат

Редактор П. К. Шаханов

Оператор верстки П. К. Шаханов

Дизайнер обложки О. Д. Курта

Подписано в печать 07.06.2026. Формат 60×90^{1/16}

Бум. офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 32. Зак. № 704

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
имени Ф. М. Достоевского

Тел.: (812) 310-79-29; +7 (981) 699-6595

E-mail: irhga@mail.ru. URL: <https://irhga.ru>